

СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ

ВО

ФРАНЦИИ.

Беррье.—Шэ д'Есть Анжъ.—Жюль Фавръ.—Лашо.—Филиппъ
Дюпенъ.—Порталисъ.—Дюпенъ Старшій.—Мирабо.

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ.

ПЕРЕВЕЛЪ

АЛЕКСѢЙ ШМАКОВЪ,

Крѣпостный Писаренный.

*Ita est enim, optimi viri, ita:
ex multa eruditione et plurimis artibus,
et omnium rerum scientia, exundat et
exuberat illa admirabilis eloquentia!*

P. Cornelius Tacitus.

МОСКВА.

Типографія Т-ва А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсона.

1888.

Дозволено цензурой. Москва, Апрель 16 дня 1888 г.

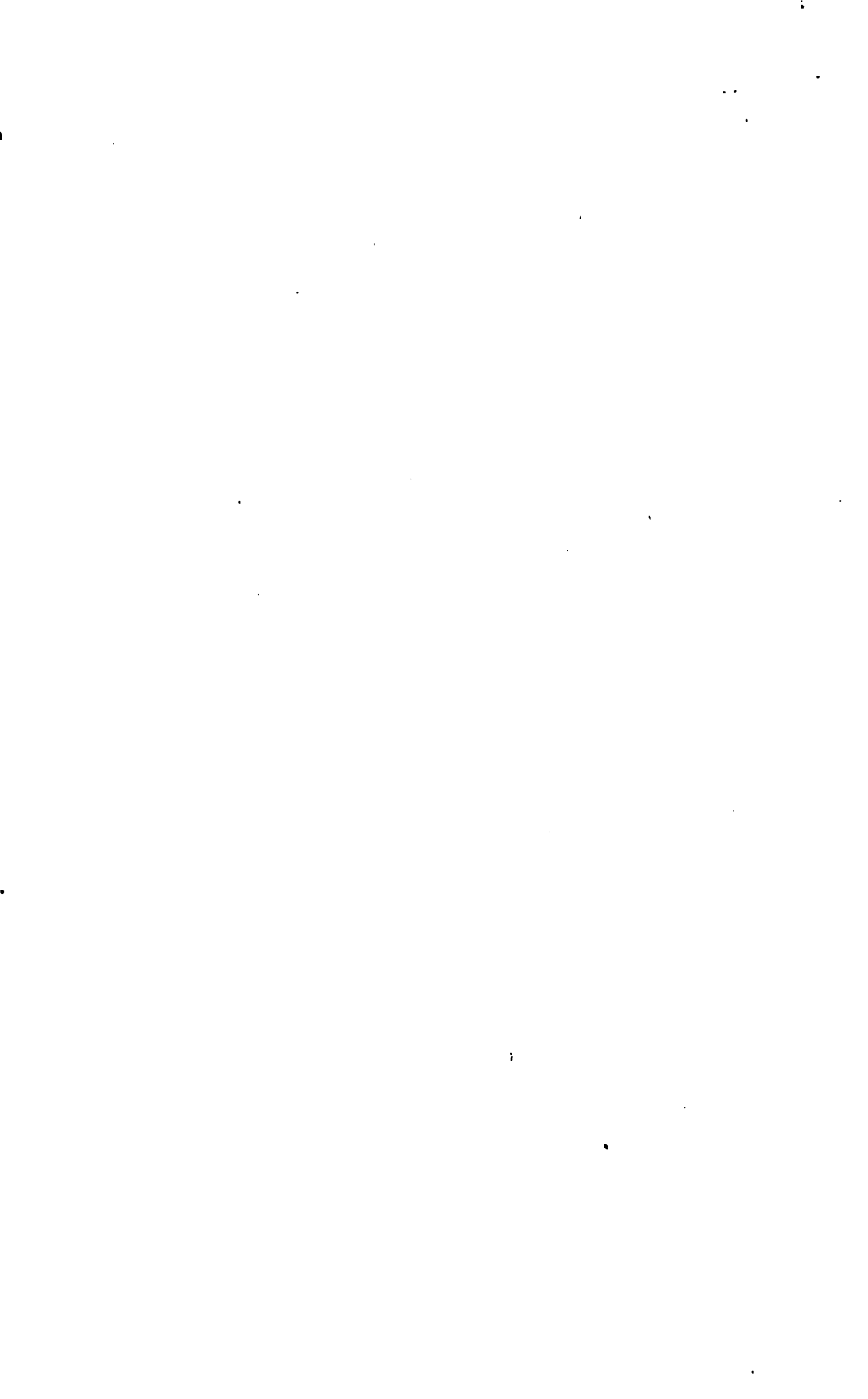
Зинаидѣ Михайловнѣ
Шмаковой,

МОЕЙ ЖЕНѢ,

ПОСВЯЩАЮ

СВОЙ ТРУДЪ.

Алексѣй Шмаковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Страницы.
Отъ переводчика.	I
I. Беррье.	
Очеркъ исторіи краснорѣчія:	
Общая часть.	3
Судебное краснорѣчіе въ древности:	
Греція.	11
Римъ.	24
Краснорѣчіе христіанства.	38
II. Шэ д'Есть Анжъ и Беррье.	
Дѣло о поручикѣ ла Ронсьерѣ:	
Обстоятельства дѣла.	49
Допросъ потерпѣвшей Маріи Морель.	53
Рѣчь Шэ д'Есть Анжа.	58
Рѣчь Беррье.	113
Вторая рѣчь Шэ д'Есть Анжа.	122
Приговоръ	143
III. Жюль Фавръ.	
Процессъ Бру де Лоріера:	
Рѣчь по вопросу: имѣеть ли католическій священникъ право жениться?	147
Рѣшеніе суда	168
IV. Филиппъ Дюпенъ.	
Дѣло герцога Деназа:	
Обстоятельства дѣла	173
Рѣчь въ обвиненіе Макъ Леана.	173
Приговоръ	196

VI.

V. Лашо.

Процессъ де ла Поммерэ:

	Страницы.
Обстоятельства дѣла	199
Обвинительный актъ	203
Рѣчь въ защиту подсудимаго	218
Приговоръ	278

VI. Дюпень Старшій.

Заключеніе по вопросу о дуэли	281
---	-----

VII. Мирабо и Порталисъ.

Дѣло Мирабо съ его женою:

Обстоятельства дѣла	289
Рѣчь Мирабо, въ свою защиту	292
Рѣчь повѣреннаго истицы Порталиса	315
Рѣшеніе суда	319
Заключеніе	319

VIII. Филиппъ Дюпень.

Процессъ генерала де Гиньи:

Обстоятельства дѣла	325
Рѣчь въ защиту генерала	326
Приговоръ	407

IX. Лашо.

Дѣло Маріи Бьеръ:

Обстоятельства дѣла	411
Обвинительный актъ	412
Защитительная рѣчь	415
Приговоръ	439

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Читатель найдетъ въ этой книгѣ статью Беррье по исторіи краснорѣчія, преимущественно древняго, и нѣсколько судебныхъ рѣчей французскихъ ораторовъ.

Весьма возможно, что переводъ менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ я хотѣлъ, а, съ другой стороны, вѣроятно въ отсуствии системы.

Но, предпринимая этотъ, если не ошибаюсь, первый опытъ изложенія по русски, не въ подстрочной, а въ литературной формѣ, не въ выдержкахъ, а цѣликомъ, ряда иностранныхъ образцовъ, я имѣлъ въ виду, прежде всего, разнообразіе.

Въ данномъ случаѣ, это единственный путь, доступный одному человѣку. Исчерпывать того же автора было бы утомительно и, безъ цѣли, ограничивало бы задачу, мною себѣ поставленную. Взять лучшее у первоклассныхъ мастеровъ—трудъ, одному также не посильный.

Отвлеченный анализъ идеальныхъ порывовъ чело-вѣческаго духа въ этой сферѣ, изученіе законовъ предмета ораторскихъ типовъ, какъ и полная исторія краснорѣчія, невозможны ранѣе, чѣмъ будутъ опредѣлены самые принципы работы...

Поэтому я остановился на такихъ процессахъ, которые имѣютъ болѣе живой и современный характеръ.

Съ юридической точки зрѣнія, всякое дѣло, избранное мною, имѣетъ спеціальныи колоритъ; съ общественной—каждое иллюминировать особую схему отношеній; съ дидактической, вездѣ можно почерпнуть свѣдѣнія объ опасностяхъ, грозящихъ судебному оратору, на дорогѣ къ предназначенному имъ результату, и данныя по судебной тактикѣ, вообще; съ философской,—въ лю-

бомъ направленіи, найдутся указанія, гдѣ и почему нашъ разумъ, особенно въ уголовныхъ дѣлахъ, готовъ заблуждаться; наконецъ, черезъ всѣ рѣчи проходить тожественная идея перманентности ихъ интереса.

Обстоятельства изложены повсюду лишь въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для полноты впечатлѣнія. Но, и здѣсь, я одинаковыхъ приемовъ избѣгалъ, стараюсь не быть монотоннымъ, а равно и потому, что, перенося центръ тяжести изложенія въ текстъ рѣчей, я къ нимъ приурочивалъ элементы вводные, конечно, съ расчетомъ на безпристрастіе и объективность.

Сознавая, что исходъ процесса не всегда обусловливается дарованіями стороны, я, въ своемъ выборѣ, не имѣлъ руководствовался.

Убѣжденный, что въ такихъ изданіяхъ у насъ есть необходимость, я буду искренно радъ, если другіе сдѣлаютъ лучше меня и больше. Думается, однако, что лишь нѣсколько труженниковъ могутъ хорошо исполнить задачу, возникающую передъ всякимъ, кто желаетъ добра своей родинѣ....

Прося у читателей снисхожденія къ моему труду, я радъ выслушать любыя указанія на свои промахи и недостатки.

Придетъ, быть можетъ, день, когда иные, выше меня стоящіе люди откроютъ русскому обществу полную энциклопедію ораторскихъ твореній всѣхъ народовъ и временъ.

На русскомъ языкѣ, прочитаемъ, наконецъ, мы Цицерона („De oratore“, „Orator“) и Квинтилиана („Oratoriae Institutiones“),—уже давно знакомыхъ Западной Европѣ, въ отличныхъ переводахъ.

Теперь, у насъ, пока, нѣтъ ничего *, и да будетъ положено хотя какое нибудь начало!...

МОСКВА.
20 апрѣля 1888 года.

Александръ Шмаковъ.

*) Говорю объ иностранныхъ образцахъ, но, разумѣется, не могу забыть ни объ известной книгѣ В. Д. Спасовича „За много лѣтъ“, ни о превосходномъ собраніи рѣчей А. О. Кони.

БЕРРЬЕ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРИИ ВРАСНОРЪЧІЯ.

*Historia, vero, testis temporum,
lux veritatis, vita memoriae, magistra
vitae, nuntia vetustatis, — quae voce
alia, nisi oratoris, immortalitati com-
mendatur?*

Cicero.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КРАСНОРЪЧІЯ.

(Статья Беррье).

L'élouquence est l'art d'émouvoir et de convaincre.

Титон.

Краснорѣчіе столь же древне, какъ міръ. Природа и человѣкъ должны были возникнуть, почти, одновременно. Но, съ появленіемъ человѣка, въ его сердцѣ лежатъ уже зародыши краснорѣчія, готовые блеснуть оттуда, при первомъ яркомъ впечатлѣніи.

Свѣтъ и люди, разумъ и слово, — таковы четыре начала, неразрывно-сомкнутыя узами строжайшей другъ другу необходимости.

Цвѣтетъ міръ Божій, дышетъ жизнью вѣнецъ творенія, а съ нимъ, разумѣемый въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, и языкъ его голоса, взгляда, движеній; онъ призванъ быть изящнымъ, по мѣрѣ внѣшнихъ образовъ, которые станетъ принимать.

Первая, когда-либо произнесенная рѣчь, — колыбель, по Св. Писанію, всего сущаго, — была уже красива. — „Да будетъ свѣтъ!“ сказалъ Господь, и сталъ свѣтъ. — Той рече, и быша; повелѣ, и создашася!

Какое другое краснорѣчіе можетъ идти въ уровень съ голосомъ Творца, призывающимъ изъ глубины хаоса необъятные ряды живаго и неодушевленнаго бытія? Чудеса духовной природы, тайны коснаго міра? И если красота этого повелѣнія опредѣляется не самою его формою, а мощью и величіемъ содержанія, то взаимная гармонія мѣста, времени и духа никогда не представляла болѣе изумительной и торжественной картины.

Господь, — слѣдовательно, — истинное начало краснорѣчія, какъ и всего въ мірѣ. Это верховное понятіе, безсознательно, начертано въ нашемъ сердцѣ; потемки язычества омрачили,

правда, возвышенную мысль о единствѣ Божества, но древніе, считая первообразомъ витіи Меркурія и раздробляя символы предвѣчнаго источника, взаимодействіе которыхъ было недоступно ихъ слабому кругозору, — не сами ли воздавали этимъ долгъ удивленія Промыслу? Здѣсь, какъ и всегда, они искали своего Бога повсюду, гдѣ видѣли благо себѣ, или чего понять не могли.

Если, въ мірѣ невидимомъ, красота слова черпаетъ вдохновеніе на самомъ лонѣ Божества, то, въ сферѣ осязаемаго, среди обыденной жизни, она покоится на двухъ устояхъ, не менѣ роковыхъ, не менѣ абсолютныхъ. Долгъ и наслажденіе, — таковы два центра, вокругъ которыхъ, неуклонно, обращается дѣятельность всѣхъ людей. Подъ какимъ бы угломъ зрѣнія ни наблюдались наши занятія и стремленія, успѣхи въ искусствахъ и наукахъ, или въ изслѣдованіи явленій, совокупность коихъ представляетъ великую спеціальную проблемму, — всюду и какъ первоначальные двигатели, открываются — требованія нравственности и жажда удовольствій.

Эти два принципа, не смотря на ихъ противоположность, различаются, нерѣдко, лишь съ трудомъ. Многообразныя видоизмѣненія и обманчивая наружность искажаютъ или скрываютъ ихъ въ такой мѣрѣ, что, дабы освѣтить извороты, куда, подъ часъ, убѣгаетъ истина, необходимы лучи уже развитаго міросозерцанія; а когда анализъ низведетъ ихъ къ должному значенію, среди нихъ можно, все таки, потерять дорогу. Опасный Протей *, — выгода, сплошь и рядомъ, мечтаетъ о внѣшнемъ образѣ морали, а эта, въ свою очередь, на устахъ мелкихъ и боязливыхъ людей, ищетъ проскользнуть, тайкомъ, подъ обольстительною одеждою удовольствія и личной пользы.

Итакъ, оба элемента краснорѣчія на лице. Съ одной стороны, живой, энергическій, вдохновенный языкъ, съ другой, — расчетъ, совѣсть и долгъ... Ближайшій случай и чудный даръ сверкнетъ изъ сердца человѣка, будто изъ невѣдомаго источника, съ быстротою молніи пронизетъ и, какъ электрической токъ, потрясетъ нравственныя силы другихъ людей.

Какимъ, должно быть, величіемъ сверкала картина зарожденія краснорѣчія, на разсвѣтѣ вѣковъ! Гдѣ имя того избранника слова,

* Протейс; Proteus, прорицающій морской старецъ, подчиненный Посидону, пасшій тюленей Амфитриты и пребывавшій на островѣ Фаросѣ у Египта. Имѣлъ способность превращаться въ разныя чудовища. Упомянутъ Гомеромъ, Геродотомъ и Эврипидомъ.

которому было, впервые, суждено передать слушателямъ свои ощущенія любви или ненависти?—который, развивая мысль, испыталъ потребность воспріятія оной другими, а, проводя ее въ умы, понялъ, что очарованіе и страсть для нея рѣшительно неизбежны, — кто, наконецъ, возвысился до красоты языка и сдѣлался ораторомъ, самъ того не вѣдая?

Что, впрочемъ, говорю я? Сильное слово предшествовало любому скопищу людей или въ немъ, по крайней мѣрѣ, не нуждалось. Вообразимъ человѣка, *предоставленнаго самому себѣ*, кинутого на землю, безъ пріюта, одежды и пищи и, тѣмъ не менѣе, окруженнаго всѣмъ, что необходимо для жизни... Неспособный, пока, обойтись личными средствами, вотъ онъ плачетъ отъ горя и нужды; ломаетъ, въ отчаяніи, руки... Еще немного, и онъ готовъ изрыгать проклятія или — оглашать пространство криками радости, при малѣйшей удачѣ... Если онъ, говорю, — добьется, наконецъ, и, мало по малу, удовлетворитъ своимъ потребностямъ, развѣ не будетъ у него мгновеній истиннаго краснорѣчія!..

Между тѣмъ, дни и столѣтія, текутъ другъ за другомъ, непрерывно. Люди живутъ *племенами* и своею судьбою довольны.

Оставивъ почву гипотезъ, мы, теперь, наблюдаемъ первые шаги краснорѣчія въ *обществѣ*, зародышъ искусства, которое, пройдя сквозь строй невѣдѣнія и дикости начальныхъ временъ, обогатившись добычею каждаго вѣка и открытіями въ области знанія и таланта, достигаетъ, въ наши дни, того блистательнаго развитія, гдѣ мы, съ восторгомъ, упиваемся его чарами.

Здѣсь, и прежде всего, не забудемъ, что всякій возрастъ человечества, каждая эпоха, имѣли свое направленіе и особый характеръ, и что краснорѣчіе слѣдовало имъ, шагъ за шагомъ. Установивъ сказанное, набросаемъ, въ бѣглому очеркѣ, основныя черты своей природы, какъ онѣ раскрыты исторіею, въ ея различные моменты.

Было замѣчено неоднократно, что все человечество можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ человѣкъ. На зарѣ своего поприща, онъ подвиженъ и горячъ, увлекается быстро и всецѣло; изощряя силы, онъ, пока, живетъ только во внѣ; міръ внутренній еще не много значитъ въ его глазахъ. Однако, нѣсколько лѣтъ, и законъ реакціи возстанетъ. Испытующій взглядъ, глубокое сомнѣніе явятся преемниками вѣры и господства авторитетовъ вообще...; уровень самосознанія подымается и, въ свою очередь, захватываетъ вопросы нравственнаго порядка; отвлеченное умозрѣніе смѣняетъ работу наукъ положительных...

Но, жизнь идетъ своимъ чередомъ, и вотъ,—новое превращеніе: разумъ и тѣло созрѣли; они подвигаются далѣе въ строгой лишь гармоніи и одинаковой степени.

При этихъ условіяхъ, куда бы ни направился духъ человѣчскій, къ изученію ли внутренняго или внѣшняго міра, онъ избѣгаетъ, обыкновенно, крайности, повсюду, и уравниваетъ свои сужденія,—забота, которой не вѣдаютъ ни дѣтство, ни молодость.

Что же касается старости и возраста дряхлаго, въ которыхъ можно видѣть лишь состоянія отрицательныя, то говорить о нихъ мы не будемъ.

Возвращаясь къ человѣчеству, убѣждаемся, что, на своемъ пути общаго развитія, оно съ точностью повторяетъ фазы индивидуальной жизни...

Люди— въ періодѣ младенчества. Чѣмъ же выразится краснорѣчіе у первобытныхъ расъ? Возстановимъ давно прошедшее, загляните въ лѣса, гдѣ, по свидѣтельству исторіи, обитаютъ созданія, какъ они только что возникли. Минута избрана удачно; хижины пусты, стада покинуты, все указываетъ на нѣчто торжественное... Вотъ прогалина между деревьями; густой, клубами поднимающійся къ небу дымъ возвѣщаетъ присутствіе человѣческихъ существъ. Они, дѣйствительно, сошлись и о чемъ то бесѣдуютъ... Вдругъ,—надъ собраніемъ воцаряется тишина; встаетъ ораторъ и хочетъ говорить. Слушайте! Краснорѣчіе возродилось...

Да, оно передъ вами, но съ тѣми признаками, которыми отличаются народы дикіе; оно все снаружи, — въ тѣлодвиженіяхъ и грозныхъ взглядахъ; съ головой въ пыли или въ крови; вотъ оно подымаетъ руки къ небесамъ, издаетъ воинственные клики; вотъ еще, — машетъ дротикомъ, грозитъ невидимому врагу, зоветъ друзей къ оружію!

Но здѣсь нѣтъ, пока, ни обработанныхъ мыслей, ни стройныхъ выводовъ. Сердце сердцу само вѣсть подаетъ; гнѣвъ рождаетъ злобу, непосредственно, такъ сказать, электрическимъ путемъ; языкъ замѣняютъ знаки. Вообще, — это народъ дѣтей; даже больше, это волненія и силы прямо стихійныя.

Однако, именно такую дорогою шли всѣ юныя племена, и описанное зрѣлище воскресало, неизмѣнно, какъ только появлялась новая цивилизація, зачатая и, гдѣ нибудь, въ тайнѣ, рожденная древними. Дѣло въ томъ, что не исключительно на одной какой либо, уединенной точкѣ земнаго шара и не въ извѣстный лишь моментъ возникъ родъ человѣчскій, дабы, распространяясь, очевидно и постепенно, обогащаться, преемственно и неуклонно, опытомъ и знаніями предыдущихъ поколѣній. Каж-

дый разъ, обнаруживая одни и тѣ же признаки дѣтства, отрочества и зрѣлости, нынѣшнія расы выходили на сцену въ различные промежутки и другъ отъ друга независимо. Такъ, зародившись гдѣ-то въ пустынѣ, сверкають таинственные огоньки, несутся по землѣ, перелетаютъ цѣлыя пространства въ воздухѣ и, наконецъ, гаснутъ, безъ возврата. Источникъ у нихъ одинъ, но онъ скрытъ отъ нашихъ взоровъ, какъ и тотъ, что одухотворяетъ націи.

Краснорѣчіе молодого *народа* пріобрѣтаетъ опять иной, сравнительно съ изложеннымъ выше, характеръ. Искусства и науки даютъ скоро почувствовать свое благотворное вліяніе.

Рѣчь опирается уже на факты. Стремясь къ сердцу, она избираетъ колеи, заимствованныя у наблюденія надъ прошлымъ и у предвидѣнія будущихъ вѣроятностей. Теперь, не ринется она, безъ оглядки, за первымъ впечатлѣніемъ, пока не пріобрѣтетъ лучшихъ союзниковъ, чѣмъ страсть.

Когда Гомеръ рисуетъ передъ нами удрученнаго печалью героя, который бьетъ себя въ грудь и шлетъ вопли къ небу; Ахилла, сына богини, который, будучи простертъ на землѣ, обѣими руками посыпаетъ голову раскаленнымъ пескомъ или бродитъ по берегу, смѣшивая дикія завыванія съ ревомъ бушующихъ волнъ; достопочтеннаго Пріама, въ которомъ, справедливо, уважали отца благородной семьи, величіе духа и глубокую старость, и который, однако, раздираетъ воздухъ бранью, клянетъ боговъ и людей,—у кого изъ насъ, даже при безучастіи къ подобнымъ жалобамъ, не зашевелится въ сердцѣ чувство, изображаемое поэтомъ? Кто, въ восхищеніи, найдетъ силы не изумляться его таланту, кто не признаетъ Гомера краснорѣчивѣйшимъ изъ смертныхъ?

Отсюда не далеко и до правилъ краснорѣчія; теряя характеръ исключительнаго вдохновенія, оно становится искусствомъ.

Но, какъ юности человѣка присуще довѣріе къ отвлеченнымъ выводамъ и въ незыблемость нашихъ понятій о вещахъ, а болѣе зрѣлому возрасту—колебанія и сомнѣнія, такъ, и на зарѣ исторіи, люди почти всегда живутъ скорѣе душою, чѣмъ умомъ, относятся другъ къ другу искреннѣе, вѣрують въ начала религіи и нравственности, а потому даютъ своему вѣку имя золотого.

Вопросы долга будутъ имѣть тогда наибольшую цѣну. Иллюминированное свѣтомъ морали, который отражается во всѣхъ сердцахъ, краснорѣчіе вырабатываетъ образцы съ точки зрѣнія формы, конечно, несовершенные, но достойные удивленія по существу.

Идемъ далѣе;—вотъ обратное теченіе. Въ біографіи человѣка, возмужалость смѣняетъ отрочество, а въ жизни обществъ, послѣ втораго, наблюдается третій періодъ. Молодость человѣческаго рода хранить недостатки и отличительныя свойства юности индивидуума.

Ниспроверженіе предметовъ вѣрованія первобытнаго, чрезмѣрный иногда розыскъ, чинимый надъ мнѣніями, вначалѣ принятыми съ восторгомъ, недовѣрчивость и подозрительность, слѣпое поклоненіе предъ собственными взглядами и силами,—таковы отгѣнки эпохи, куда мы вступаемъ.

Уста ораторовъ воспроизводятъ ее съ отчетливостью. Будучи слишкомъ мало удалено отъ времени младенчества, дабы утратить его господствующія черты, ихъ слово направляетъ всю энергію, все обаяніе своей красоты на борьбу съ истинами, которыя кажутся ему обветшалыми. Устремляясь на древнія основы соціального зданія, оно проповѣдуетъ, сначала, невѣріе, а, затѣмъ, становится республиканскимъ.

Вопреки упомянутымъ крайностямъ, надлежитъ, однако, признать, что это моментъ великолѣпнѣйшихъ триумфовъ краснорѣчія. Могущество человѣка поражаетъ, въ особенности, когда онъ пользуется, хотя бы неумѣренно, всѣми силами своей природы. Даже на ряду съ блестящими побѣдами ораторскаго искусства, въ послѣдніе годы текущихъ временъ, нѣтъ образцовъ языка выше, а содержанія изящнѣе, чѣмъ въ памятникахъ, оставленныхъ витіями народовъ молодыхъ, которые неудержимо рвутся по новымъ стезямъ прогресса и, въ этомъ отношеніи, напоминаютъ смѣлыхъ мореплавателей, — какъ говорить о нихъ исторія, —людей, въ ту самую минуту, когда пристали къ невѣдомому берегу, уже домающихъ и жгущихъ свои корабли, дабы не искушаться мыслью о возвратѣ назадъ.

Въ столь отважную эпоху, на чемъ же отразится вліяніе установленныхъ выше началъ долга и выгоды?

Трудно вѣрить, чтобы, въ промежутки реакціи, себялюбіе служило единственнымъ двигателемъ общества. Жизнь республики даетъ, скорѣе, примѣры самоотверженія, чѣмъ скупости или гнусныхъ расчетовъ.

Но, было бы также несправедливо утверждать, что новаторы, которыхъ руководящую мысль изучаемъ, ставили главною себѣ цѣлью торжество нравственнаго идеала. Выводы революцій, дѣйствительно, имѣютъ благую сторону; но, онѣ безнравственны по существу, не только въ ближайшихъ побужденіяхъ, но и въ пріемахъ, которыми руководствуются, а потому не могутъ тре-

бовать ореола непогрѣшимости. Краснорѣчіе тогда вынуждено оказывать поддержку слишкомъ многимъ крайностямъ и увлеченіямъ, чтобы ему было недосугъ прислушиваться къ голосу чистой и здравой совѣсти. Но, если сознание долга не господствуетъ, то, по крайней мѣрѣ, и грязные инстинкты еще не значатся въ дневныхъ приказахъ.

Изложенному переходному состоянію наслѣдуетъ эпоха *зрѣлости человѣческихъ союзовъ*. Здѣсь начинается царство эгоизма и всяческихъ барышей; теперь, во всѣхъ слояхъ общества, идетъ открытый бой во славу золотого тельца. Само собою разумѣется, что никто въ этомъ сознаться не хочетъ; не смѣютъ показывать всѣмъ позорныя язвы, разѣдающія душу каждаго; стремленіе къ наживѣ прячется, мѣняетъ видъ, гдѣ и какъ можетъ. Да и повинно ли оно являться среди бѣла дня? Нѣтъ, надѣвая личину долга и общаго блага, поддѣливая наружность, — которою не обманывается, впрочемъ, никто, а пользуется всякій, — своекорыстіе работаетъ безъ помѣхи.

Что сказать о краснорѣчии подобныхъ временъ, — говоря откровенно, — о нынѣшнихъ витіяхъ. Среди насъ, ихъ отличаютъ величайшія достоинства, но и наиболѣе крупные недостатки. Представляя изумительныя творенія, необыкновенные, блистательные примѣры, ораторское искусство готово теперь на самый постыдный и преступный торгъ изъ-за своего таланта украшать признаками добра все, что скверно и злобно. Не стѣсняясь, продаетъ оно тому, кто больше даетъ, ловкость проповѣди, — черезъ надлежащіе отгѣнки и непререкаемое совершенство формы, — самыхъ возмутительныхъ ученій.

Задачи оратора становятся до крайности сложными. Преклоняясь предо всякимъ требованіемъ и любою прихотью, онъ покорный слуга интересовъ, явно непримиримыхъ. Обаяніе генія онъ не прочь предложить даже безчестному, въ ущербъ идеальнаго... Отсюда вытекаетъ грозный порядокъ вещей: когда всякій вопросъ можетъ быть подвергнутъ отчаянному спору, когда очевидность перестаетъ быть явленіемъ, кому либо извѣстнымъ, то самые факты будутъ лишь такими, какъ ихъ представлять, а совѣсть, въ устахъ краснорѣчиваго витія, окажется едва ли не порокомъ.

Плачевное употребленіе прекраснѣйшей и удивительнѣйшей способности человѣка! Станнымъ кажется противорѣчіе, во имя коего тотъ же элементъ нашей природы надѣленъ качествами, прямо несообразными, и ради котораго, столь поражающимъ, но

и въ такой мѣрѣ грустнымъ путемъ, оправдывается замѣчаніе Эзопа о свойствахъ и недостаткахъ языка.

Таковы общія условія краснорѣчія, наблюдаемаго въ разныя стадіи жизни людей.

Посвятить эту книгу одному изъ его видовъ и противопологая его двигатели — пользу и долгъ, вотъ какъ мы находимъ дорогу къ рѣчамъ судебнымъ.

Если задачи искусствъ и наукъ, въ началѣ, обнимаемая чуть не первымъ встрѣчнымъ, распределяются, затѣмъ, по ходу вѣковыхъ событій и ради вящаго ихъ преуспѣянія, между цѣлыми группами даровитыхъ труженниковъ, то и поле витіи, которымъ, сперва и во всей его массѣ, завладѣвалъ одинъ ораторъ, должно было, въ свою очередь, испытать такой же передѣлъ и найти особыхъ работниковъ для каждой отрасли порознь.

Въ сферѣ, гдѣ повелѣваетъ долгъ, краснорѣчіе насчитываетъ священнослужителей, пророковъ, Отцевъ Церкви, проповѣдниковъ, древнихъ и новыхъ, нѣсколько нарочитыхъ академій и, разумѣется, не одно славное имя, не мало прекрасныхъ страницъ оно въ правѣ указать.

Прикладному витіиству служатъ труды многихъ ученыхъ обществъ, изслѣдованія юридическія, наконецъ, дебаты парламентовъ.

Интересы личной и государственной пользы вызвали еще отдѣлъ краснорѣчія — нѣмаго: произведенія ваятелей и художниковъ, но имъ не мѣсто здѣсь. Мы ограничимся красотой слова, письменнаго или устнаго, безъ различія.

На обширномъ планѣ, раскинувшемся предъ глазами, среди первыхъ же строкъ настоящаго введенія, мы, стало-быть, достигли опредѣленной и, по сравненію съ необъятными подвигами человѣческаго ума, ничтожной точки, вокругъ которой надлежитъ обращаться дальнѣйшему изслѣдованію.

Это, въ самомъ дѣлѣ, благородная задача, ибо рѣчь на судѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ работѣ духа.

Теперь, мы въ той области, которая, безъ сомнѣнія и прежде всего, посвящена охранѣ выгодъ и пользы. Но, при условіи, что жизненные темы никогда не имѣютъ характера исключительнаго, очевидно, также, что, въ любомъ предметѣ судоговоренія, элементы, весьма различные, состоятъ уже на лицѣ, а представители частныхъ интересовъ могутъ, слѣдовательно и не одинъ разъ, переходить на почву идей нравственныхъ.

Руководствуясь этими предварительными замѣчаніями, рассмотримъ, вѣкъ за вѣкомъ, до нашихъ дней, списокъ знамени-

тыхъ дѣятелей, которые, словомъ и перомъ, подняли судебное краснорѣчіе на тотъ уровень, гдѣ мы видимъ его теперь.

Это именно высота развитія, которой требуетъ дѣятельность въ парламентахъ, куда стекаются важнѣйшія задачи управленія государствомъ.

СУДЕБНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Г р е ц і я .

Успѣхи языка, въ первое время, должны были идти быстрыми шагами. За отсутствіемъ положительнаго закона, приходилось обращаться къ новой силѣ часто и неизмѣнно. Кто искалъ правосудія, тотъ былъ призванъ убѣждать.

Но, олицетворяемая древними въ богинѣ съ золотыми устами, способность доказывать свою правоту, являлась, всегда и у всѣхъ народовъ, самою важною и наиболѣе трудно достижимою цѣлью.

Убѣдительность необходима повсюду, въ любое время, при всякихъ условіяхъ и во всѣхъ дѣлахъ. Сочетая свои дарованія на великихъ общественныхъ проблеммахъ и достигая могущества, люди организуются на этомъ пути, исключительно, черезъ взаимныя уступки. Только благодаря сильному вмѣшательству убѣжденія, отдѣльныя лица вліяютъ и сами подчиняются вѣяніямъ другихъ. Эта именно сторона фактовъ господствуетъ при обмѣнѣ даже, повидимому, непримиримыхъ взглядовъ; и, если справедливо, что единомушіе—сила, во всемъ, то, дабы открыть ея источникъ, необходимо подняться къ начальному моменту, — дару очаровывать слушателей; ибо, помимо такового, каждый, защищая свою точку зрѣнія и препятствуя сліянію ея съ мнѣніемъ остальныхъ, стремился бы, прямо и сознательно, къ разрушенію единства и къ замѣнѣ онаго такимъ хаосомъ личныхъ интересовъ, сколько въ мірѣ индивидуумовъ.

Убѣдительность — не исключительное достояніе нашихъ способовъ выражать мысли: она покоится, кромѣ того, на энергіи событий и на могуществѣ примѣровъ. Окрестныя данныя свершаютъ свой циклъ, почти, независимо отъ нашей воли, а что касается примѣровъ, то они лежатъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ нравственности и въ вѣдѣніи философовъ-моралистовъ. Затѣмъ уже открываются пути вліянія силою рѣчи. Это наше дѣло.

Для насъ, побѣждать — значитъ говорить красиво. Дѣйствительно, — замѣтилъ еще одинъ писатель прошлаго вѣка, — изящество языка можетъ быть разсматриваемо, какъ способность вліять на умы и сердца словомъ: на умы, — черезъ обогащеніе ихъ знаніями, на сердца, — посредствомъ таланта увлекать и воодушевлять. Изъ этихъ качествъ духа, въ ихъ высшемъ развитіи, образуется неоцѣнимый даръ убѣжденія.

Но какія же условія необходимы, чтобы вліять на людей?

Надо ихъ знать, отвѣчаютъ всѣ риторы. Вѣрно-ли, и по скольку основательно это правило, столь усердно выдвигаемое еще на нашихъ глазахъ?

Геній убѣжденія не безусловно приуроченъ къ изученію духовной природы человѣка. Развѣ мы не видимъ его успѣховъ гораздо раньше, чѣмъ какая либо философская идея зародилась въ нашемъ мозгу? Вполнѣ ли были свѣдуши въ законахъ разума народные трибуны древнихъ и новыхъ республикъ, когда, потрясая вдохновенными импровизаціями грозныя массы согражданъ, они, по произволу, двигали ихъ отъ гнѣва къ милосердію, приводили то въ ярость, то въ умиленіе, заставляли колебаться между любовью и ненавистью?

Нѣтъ, эти великіе ораторы, навѣрное, не углублялись въ сердца другихъ, когда не хотѣли вникнуть даже въ безпорядочныя ощущенія собственной души. Ихъ пламенная рѣчь вліяла потому, что они увлекались сами, живо и точно передавая слушателямъ свои личныя впечатлѣнія...

И, безъ сомнѣнія, каждый разъ, что названные элементы окажутся въ созвучіи, вы станете убѣждать и вы будете краснорѣчивы!

Отвергнемъ же схоластическую теорію, что сюда нѣтъ будто иной дороги, кромѣ знанія сердца тѣхъ, предъ кѣмъ говорите вы. *Пусть раскроется ваше собственное!* Да сохранять образы вашей рѣчи его волненія, и вамъ уже не понадобится угадывать, во что бы ни стало, помыслы аудиторіи. Тогда легко поймете, что распредѣленіе и наименованіе вѣяній, съ которыми вы призваны считаться, — цѣль, недостижимая, задача безплодная!

Вглядитесь въ способы мышленія и увидите, что всякое психологическое дѣйствіе прежде, чѣмъ перейти на окружающихъ, развивается изъ глубины своего духа и на немъ же требуетъ повѣрки.

Только въ виду фактовъ, что я самъ думаю, двигаюсь, полагаю волею и памятью, я начинаю принимать въ расчетъ мысль и опытъ, мѣру свободы и силу побужденій, другихъ людей.

Примѣняя это безспорное положеніе къ началамъ убѣдительности и методамъ краснорѣчія, становится очевиднымъ, что душа оратора должна, первымъ дѣломъ, управлять *собой*, а затѣмъ лишь искать гармоніи въ окружающихъ, или, — выражая этотъ принципъ иначе, — что общественному дѣятелю надлежитъ скорѣе знать, *какъ именно убѣждается онъ самъ*, чѣмъ изучать мотивы, которые способны увлечь ближнихъ.

Такъ какъ изложенные вопросы, среди дальнѣйшихъ развѣтлений основной идеи, теряются за предѣлами крайней отвлеченности, то мы обобщаемъ сказанное.

Находимъ, что: а) вдохновенная рѣчь предшествовала искусству говорить по правиламъ, и б) языкъ, выработанный, убѣдительность, рассчитанная заранѣе, имѣютъ центромъ тяжести не сердце слушателей, какъ утверждаютъ преподаватели риторики, а душу самого оратора.

Этотъ поучительный, свѣтоносный и, въ такой мѣрѣ, излюбленный современниками отдѣлъ нашего труда принадлежитъ, всецѣло, психологіи. Избѣгая опасности заблудиться между безконечными деталями, мы покидаемъ его необъятную сферу. Отмѣтимъ лишь, вообще, серьезность услугъ, приносимыхъ краснорѣчію наукою объ элементахъ души.

Анализируя далѣе, усматриваемъ, что, въ области разума, искусство витіи черпаетъ свѣдѣнія о немъ самомъ и о внѣшнемъ мірѣ, наблюденія прошлыхъ временъ, двойную мощь логики и морали, обаяніе воображенія и благородное давленіе слова; у чувства — заимствуетъ источники, наиболѣе драгоцѣнные, ибо они поддаются критикѣ наименѣе, а избѣжать ихъ вѣянія всего труднѣе: симпатію, сердечный трепеть, вдохновеніе.

Физическая сила повергаетъ передъ нимъ энергію своихъ движеній; силу взгляда, выразительность и красоту наружности оратора; въ царствѣ эстетики, создается понятіе о прекрасномъ; наконецъ, у воли есть для него отвѣтственность за дѣйствія, чистота мѣропріятій и способовъ вліянія, сознательность побужденій, ихъ устойчивость и внушительная напряженность.

Отсюда понятно, что прелесть языка обусловливается всѣми сторонами человѣческой природы, или, лучше, что, объединяясь и слагаясь, онѣ даютъ жизнь новому, всѣхъ болѣе поразительному и самому блестящему ея выраженію—краснорѣчію.

Каждое изъ второстепенныхъ правилъ этого божественнаго дара, логически, опредѣляется его ингредиентами, сейчасъ поименованными, и зависитъ отъ способности нашего духа, изъ которой вытекаетъ.

Талантъ заключается въ томъ, чтобы, какъ въ моментъ—если можно выразиться—зачатія краснорѣчія, такъ и въ періодъ его проявленія, находить счастливый подборъ психологическихъ его условій.

Въ самомъ дѣлѣ. Пусть единственнымъ матерьяломъ рѣчи служить чувство, и вы окажетесь непослѣдовательны, легкомысленны, безсвязны... Разумъ ли съ его подраздѣленіями взойдетъ, исключительно, въ систему работы, — вамъ, пожалуй, не придется ни у кого занимать точности, правомѣрности, даже блеска изложенія, но у васъ не достанетъ божественной искры, того магнетизирующаго огня, которыми располагаетъ сердце, чаруя душу слушателей.

Не тотъ, слѣдовательно, краснорѣчивъ, кто, воспроизводя длинную цѣпь мыслей, свяжетъ ихъ въ стройную картину, распредѣлитъ по мѣстамъ и передастъ отчетливо и благопристойно; не дѣятель, способный дать лишь гармонію ихъ развитію, украсить раинами изысканныхъ выраженій, за одинъ пріемъ, обольстить слухъ и потрясти воображеніе,—а человѣкъ, которому не чужды всѣ эти дары, и притомъ, когда, умѣя одухотворять ихъ, онъ хорошо видитъ сильныя и слабыя стороны аудиторіи или суда, мельчайшія же пружины страсти двигаетъ опытною рукою.

Такимъ образомъ, бесполезно требовать отъ оратора, чтобы онъ заранѣе изучилъ комбинаціи характеровъ въ публикѣ идеальной, постигъ бы всю обстановку или такіе признаки мѣста и времени, которые, безъ конца, видоизмѣняютъ его дѣятельность, но которыхъ исчерпать никому не дано.

Ему довольно сказать: дабы на вашей рѣчи запечатлѣлась необходимая энергія, а доводамъ усвоилась окраска, по условіямъ минуты и содержанію аудиторіи, — работайте надъ самимъ собой; тогда, подчиняясь этому руководящему двигателю или, скорѣе, голосу природы, который внушаетъ соотвѣтственныя предчувствія безсознательно, ораторъ не такъ будетъ говорить предъ верховнымъ трибуналомъ, какъ на площади. На колѣняхъ, умоляя побѣдителя, Цицеронъ изложитъ свои мысли въ иной формѣ, чѣмъ среди сената, надъ которымъ господствуетъ, или, обращаясь къ народу, котораго только что спасъ.

Переходя отъ поименованныхъ, общихъ, къ частнымъ принципамъ краснорѣчія, мы легко нашли бы возможность дать весьма многочисленныя, но и совершенно безплодныя указанія. Образцовые витіи, хотя бы только двухъ послѣднихъ столѣтій, представляютъ вполнѣ достаточный матерьялъ для цѣлыхъ томовъ

in folio.... Къ несчастью, правила и совѣты очень мало создаютъ краснорѣчивыхъ людей!

Поэтому, изъ относящихся сюда мыслей, разсужденій и предписаній, даже самыя лучшія остаются внѣ сферы настоящаго труда. И если вѣкъ Жанъ-Жака-Руссо произнесъ и написалъ, по этому поводу, замѣчательныя вещи, — то насъ увлекаютъ не основанія даннаго искусства, а живые примѣры языка, практика, а не теорія.

Сравнительно съ древними, мы здѣсь впадаемъ, можетъ быть, въ противоположную крайность.

Они, черезъ чуръ, поклонялись правиламъ, мы, кажется, ими, слишкомъ, пренебрегаемъ.

Въ напрасныхъ испытаніяхъ, древность теряла несоразмѣрно долгую часть жизни; сегодня, каждый хочетъ быть учителемъ, немедленно.

Такая скороспѣлость—причина многихъ пороковъ нашего времени. Если господство разума шире, то, на отдѣльныхъ лицахъ, оно выражается слабѣе; посвященныхъ больше, но ихъ развитіе ниже; и если кое-что искупается этимъ нынѣ, то залогъ для будущаго—плохой!

Поле выигрываетъ при условіи поливки глубокими водами неизсякаемаго источника, а не когда его затопляютъ, безъ толку, множествомъ мелкихъ, скоро высыхающихъ ручьевъ.

Но, гдѣ же искать образцовъ судебной рѣчи древнихъ? Вѣдь, трибуналы, какъ ихъ понимаютъ теперь, совершенно отсутствовали; адвокатура не являлась, какъ у насъ, особою профессіею, а природа ея рѣчей, въ дѣлахъ гражданскихъ, была очень далека отъ современнаго характера. Съ другой стороны, однако, могло ли не быть юридическаго творчества въ такую эпоху, когда республики Греціи, всенародно, изгоняли раторовъ за то, что ихъ талантъ покорялъ сердца въ ущербъ разуму?!

Отсюда, и не взирая на кажущіяся затрудненія, легко примирить изслѣдованіе судебного языка, въ древности, съ точными данными исторіи.

Наблюдая строй первыхъ республикъ и сообразивъ, что искусство говорить вырабатывалось на общественныхъ собраніяхъ, что каждое частное дѣло подвергалось суду народа и становилось, такъ сказать, задачею общаго интереса, мы поймемъ, что судебный языкъ и слово политики были только различными формами одинаго и тождественнаго дарованія.

Тогда увидимъ, почему слѣдуетъ разсматривать Солона, Пизистрата, Перикла, Клеона, Критіаса, Ферамена, Алкивіада, Исо-

крата, Демосеена и столько другихъ знаменитыхъ именъ, какъ дѣятелей, въ той же мѣрѣ, приуроченныхъ къ исторіи витійства юридическаго, какъ и ораторскихъ подвиговъ вообще.

Аѳины и Римъ!—таковы два слова, идея которыхъ, на вѣки, отразилась въ жизни искусствъ и литературы.

Подъ благодатнымъ небомъ юга, среди роскошной долины, обитаемые народомъ самыхъ счастливыхъ душевныхъ качествъ, избранныхъ племенемъ, которому богатая и великолѣпная природа очень рано открыла идеи порядка, изящества и гармоніи, — Аѳины были предназначены стать родиною краснорѣчія и всѣхъ искусствъ, ибо сіи послѣднія ничто иное, какъ разныя выраженія одного начала, — красоты.

Первый великій труженикъ на нивѣ греческой словесности, мудрый, столь глубоко просвѣщенный міросозерцаніемъ Ликурга законодатель, — былъ Солонъ.

Мужъ суровый и воздержанный, умъ сильный и дѣятельный, — Ликургъ отличался такимъ безкорыстіемъ, что отвергнувъ корону, когда ради нея предстояло совершить несправедливость.

Идеалы Лакедемонянъ развиваются по его образцу добродѣтели. Благодаря ему, жители Спарты приобрѣли любовь къ труду, сдѣлались терпѣливы, скромны и честны; заботились не объ изысканности рѣчи, а о благородствѣ поступковъ; жаждали мира, но были всегда готовы къ войнѣ, а упражненія въ воинскихъ доблестяхъ, — единственное занятіе, дозволенное закономъ, — служили для нихъ играми дѣтства. Богатые, сообща, и бѣдные, порознь, они, съ большимъ рвеніемъ, хранили свою національную самобытность, чѣмъ стремились къ завоеваніямъ; пылко и строго берегли свои права, предпочитая самую ужасную смерть жизни рабской и позорной.

Человѣкъ болѣе мягкій, но, по меньшей мѣрѣ, столь-же благородный, разумный, безъ педантизма, и твердый, безъ суровости, храбрый, но не жестокій, вѣжливый и пріятный, — Солонъ установилъ аѳинское государство по новому плану. Онъ внесъ туда искусства, изгнанныя, какъ дѣло бесполезное, Спартанцами; издалъ законъ противъ лѣни гражданъ и обязалъ всякаго трудиться, по мѣрѣ способностей; чтобы усвоить тѣлу силу и ловкость, ввелъ гимнастику, а, ради подъема духа соревнованіемъ, поощрялъ умственную борьбу; наконецъ, съ цѣлью оградить право отъ насилія, предписалъ владѣть оружіемъ.

Ему все удалось; и пока, въ Аѳинахъ, блюли его законы, городъ считалъ себя и былъ, въ дѣйствительности, лучшимъ въ

міръ разсадникомъ ума и хорошаго вкуса, чистыхъ нравовъ и доблести.

Только черезъ внушительное и строгое, но исполненное душевнаго огня и логики краснорѣчіе запечатлѣлъ Солонъ, въ сознаніи Аѳинянъ, возвышенное направленіе, по которому шла ихъ республика на зарѣ исторіи.

Но, великія событія, неизмѣнно, вызываютъ крайнія же противорѣчія.

Солону,—глубочайшему мыслителю, нелицепріятному, серьезному витіи, Немезида противопоставляетъ Пизистрата, изворотливаго и хитраго тирана, коварнаго мастера слова.

За нимъ идетъ Ѡемистокль,—не менѣ прославленный ораторъ, чѣмъ грозный побѣдитель на поляхъ битвъ.

Однако, лишь Перикль далъ понять, куда простирается могущество слова. Его матери, Агаристѣ, за нѣсколько дней до родовъ, казалось, что она произведетъ на свѣтъ льва. Эта, освященная исторіею легенда какъ бы предсказываетъ геній величія того, чье имя носитъ самый блестящій вѣкъ Греціи. Уже съ юныхъ лѣтъ, Перикль созналъ, какъ легко пріобрѣсти и потерять любовь непостояннаго, легкомысленнаго племени, гдѣ ни одинъ еще гражданинъ не достигалъ извѣстности безнаказанно. Дабы его разсматривали выше, а изумлялись болѣе, Перикль рѣшилъ показываться, какъ можно рѣже, а, имѣя въ виду обезпечить себѣ господство, которое обѣщали ему происхожденіе, таланты и счастье, онъ не спѣшилъ захватывать власть. Однако, — когда Аѳины потеряли Аристида и Ѡемистокла, Кимонъ сталъ во главѣ аристократіи, а народная партія оказалась безъ предводителя,— Перикль не могъ не воспользоваться столь благоприятнымъ моментомъ и, уже не мѣшкая болѣе, ринулся на попріище дѣлъ государственныхъ. Его появленіе ознаменовалось такимъ блескомъ, что онъ, безъ труда, затмилъ всѣхъ соперниковъ. Среди восторженнаго народа, какъ Элліны, краснорѣчіе обезпечило бы ему скорый успѣхъ, все равно, какою бы партіею ни овладѣлъ онъ; но Перикль слишкомъ жаждалъ утвѣрдить и расширить свое могущество, чтобы не брезгать средствомъ, болѣе устойчивымъ: онъ хотѣлъ нравиться не только прелестію и благозвучіемъ языка, но и характеромъ дѣла, которое взялъ подъ свою защиту. Какъ ораторъ народа, онъ оберегалъ его интересы, но, прежде всего, льстилъ его тщеславію; не имѣя причинъ жаловаться на сильныхъ міра сего, онъ, тѣмъ не менѣе, объявилъ себя ихъ противникомъ, единственно потому, что они избрали себѣ главою другаго и что,

въ рядахъ толпы, дорога къ почестямъ ему открывалась гораздо легче,—почти безъ состязанія и съ большими надеждами.

Считая долгомъ отмѣтить вліяніе ораторскаго искусства на судьбу Перикла, мы, однако, не пишемъ исторіи. Такимъ образомъ, мы не рѣшаемся повторять всѣмъ извѣстнаго жизнеописанія этого исключительнаго человѣка и не намѣрены касаться его дальнѣйшей біографіи, столь чреватой приключеніями, ни говорить о его побѣдахъ въ Танагрѣ, Пелопонезѣ, Акарнании, на островѣ Эвбеѣ, или о пораженіяхъ, имъ испытанныхъ отъ Архидамы, близъ Эпидавра и въ Мевонѣ... Не здѣсь подобаеъ анализировать карьеру, гдѣ были такъ причудливо смѣшаны величественные триумфы и жестокія крушенія политическія и которая окончилась столь плачевно смертью отъ чумы, опустошавшей Атику за 429 лѣтъ до Р. Х.

Къ намъ дошли только превосходные отрывки его ораторской дѣятельности, и сохраненіемъ этихъ драгоценныхъ, для изученія классической древности, останковъ мы обязаны Фукидиду. Что же касается достоинства рѣчей Перикла, то похвала Цицерона могла бы насъ избавить отъ ссылокъ на другихъ свидѣтелей, даже если бы не было аналогичнаго отзыва того же Фукидида.

Вотъ образчикъ языка, гдѣ, оправдывая свое поведеніе, Периклъ удостовѣряеъ, между прочимъ, справедливость нашего взгляда, что у древнихъ было въ обычаѣ представлять суду народа такіе вопросы чисто личнаго характера, изслѣдованіе которыхъ, въ наши дни, не выходитъ за стѣны гражданскихъ трибуналовъ или за предѣлы вѣдѣнія временной печати.

„Чума пѣявилась неожиданно,“—воскликаетъ Периклъ, съ отѣнкомъ искренности и благородства, за нимъ охотно признаваемыхъ исторіею,—„но это горе не изъ тѣхъ, предвидѣть которыя было для насъ обязательно и которыя оно далеко оставляетъ за собою.“

„Между тѣмъ, я знаю, это повѣтріе обратило вашу ненависть противъ меня. Вы, стало быть, рѣшили мнѣ приписывать также все, что съ вами, неожиданно, случится хорошаго?...“

„Нѣкогда, здѣсь покорно умѣли переносить бѣды, ниспосылаемыя богами, и храбро встрѣчать нападенія враговъ: таковы были врожденныя добродѣтели республики; именно въ дни испытаній, наши предки заслуживали наибольшаго удивленія!“

„Теперь, глашатаи, которыхъ вы, безъ перерыва, посылаеъте къ Спартанцамъ, не въ силахъ помочь намъ въ страданіяхъ, а лишь разносятъ худую славу объ упадкѣ духа въ Аѣнахъ...“

Характеръ краснорѣчія Перикла никогда, можетъ быть, не

отражался вѣрнѣе, чѣмъ въ знаменитыхъ словахъ Фукидида, его противника при жизни и его историка по смерти:

— „Даже, когда я, бывало, свалю его на землю и держу подъ собою, онъ все еще кричитъ, что отнюдь не побѣжденъ, и увѣряетъ въ томъ всѣхъ, окружающихъ!“

— „Периклъ“, — добавляетъ тотъ же историкъ, — сдерживалъ массы очевиднымъ надъ ними превосходствомъ. Ни въ какомъ случаѣ, не подчиняясь влиянію толпы, онъ умѣлъ руководить ею, а, приобрѣвъ власть одними честными путями, ему не было уже надобности щадить народныя прихоти; онъ дерзалъ противорѣчить и подавлять ихъ. Случалось Аѳинянамъ увлечься безумною дерзостью, — начиналъ говорить Периклъ и, внушая подобающій страхъ, угнеталъ самыхъ отчаянныхъ. Если предстояло, на оборотъ, вывести народъ изъ унынія, куда онъ подъ часть впадалъ, голосъ Перикла вдохновлялъ его отвагу“.

Словомъ, живя только въ названіи, демократія имѣла въ немъ признаннаго повелителя.

Въ ту же эпоху, мы наблюдаемъ сіяніе Клеона, гражданина крамольнаго, но мужественнаго и сильнаго оратора; видимъ Алкивіада — это дитя природы, то высоко нравственное, то порочное, какъ ему боги на душу положить; гордость политической трибуны: Ктезіаса и Ферамена.

Благодаря учителямъ, искрестившимъ Грецію по всѣмъ направленіямъ, философское знаніе начинаетъ развиваться быстро. Горгіасъ Леонтинскій проникаетъ въ Фессалію и, какъ новый посолъ небесъ, однимъ даромъ слова, просвѣщаетъ дикихъ туземцевъ страны. Протагоръ изъ Абдера, Продикъ Хіосскій, Гиспіасъ изъ Элиса, въ свою очередь, становятся краснорѣчивыми апостолами понятій умозрительныхъ.

Разработка этой науки оставляетъ глубокіе слѣды въ нравахъ ораторовъ.

Подтверждаясь и освѣщаясь аксіомами философіи, законы морали приглашаютъ всѣхъ, кто показывается передъ обществомъ, окружать себя условіями довѣрія, дабы поднять авторитетъ и убѣдительность краснорѣчія на все значеніе того факта, что говоритъ человѣкъ, завѣдомо, нравственный.

Отсюда, конечно, ведетъ начало и современный обычай не только внимать оратору, но и прислушиваться къ его репутации. Читая сочиненіе, задумываются надъ личностью автора. Вполнѣ естественно сравнивая духовныя его черты, званіе, возрастъ, характеръ, религію, даже происхожденіе и его мѣсто въ свѣтѣ, съ текстомъ, имъ написаннымъ, и его образомъ мыслей, — сообра-

жають, насколько это похоже на него самого? До нѣкоторой степени, олицетворяють писателя въ его трудѣ. Вообще говоря, хотятъ, чтобы, въ перспективѣ произведенія ума, виднѣлся обликъ честнаго человѣка.

Образцы древности осуществляютъ эту картину, нерѣдко.

Исократъ, напимѣръ, своими наставленіями создавшій божественнаго Платона, былъ, повидимому, способенъ изобрѣсти нравственность, если бы ея не существовало. Онъ явился въ тотъ моментъ, когда искусство краснорѣчія озаряло Аѳины яркимъ блескомъ. Прилежный слушатель Горгіаса, Продика и Ѳерамена, осужденнаго тридцатью тиранами на смерть и встрѣтившаго единственную защиту въ ревностномъ и благодарномъ мужествѣ своего ученика,—Исократъ скоро превзошелъ учителей. Но, когда, волнуемый благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ, онъ захотѣлъ примѣнить свои таланты къ управленію и обратился къ политической дѣятельности, онъ былъ вынужденъ покинуть это намѣреніе и отказаться отъ предмета своей гордости,—славы быть, нѣкогда, упомянутымъ среди великихъ государственныхъ людей Греціи.

Достопримѣчательная особенность, которой отличался еще одинъ великій ораторъ, Демосѳенъ,—Исократъ самую природою и тщательною подготовкою, очевидно, предназначенный къ ораторскимъ успѣхамъ, не могъ говорить публично. Въ силу непобѣдимой застѣнчивости, слова замирали на губахъ.

Кто въ состояніи передать муки этой страстной души, когда, обремененная важнѣйшими соображеніями, она не находила истолкователя даже въ собственныхъ боязливыхъ устахъ, и при условіи, что они были такъ достойны послужить ей!

Мы, однако, замѣтили, что Исократъ имѣлъ храбрость защищать Ѳерамена. Немного лѣтъ позже, а именно на другой день послѣ смерти Сократа, онъ одинъ дерзнулъ явиться въ траурѣ, когда ближайшіе ученики философа скрывались или бѣжали.

Не имѣя возможности сдѣлать изъ ораторскихъ способностей употребленіе, ради котораго ихъ пріобрѣталъ, онъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя матеріально.

Такимъ образомъ, онъ готовилъ, сперва, рѣчи тѣмъ, кто былъ неспособенъ на это самъ, а затѣмъ открылъ школу ораторскаго искусства, которая не замедлила привлечь избранное юношество, готовившееся къ литературному или государственному поприщу. Наконецъ, сталъ писать разсужденія на важнѣйшія темы политики, о самыхъ жгучихъ интересахъ Эллады, по во-

просамъ морали, а иногда, въ подражаніе современнымъ ему софистамъ,—о предметахъ выспренныхъ или фривольныхъ.

Не задаваясь идеями народнаго трибуна и работая лишь для внимательнаго кабинетнаго чтенія, онъ, прежде всего, стремился придать языку строгую точность, а каждому слову ближайшій смыслъ. Избѣгая стеченія гласныхъ и всего, что можетъ оскорбить слухъ, онъ давалъ періодамъ изысканную симметрію. Такая гладкость рѣчи требовала, конечно, массы времени. Говорятъ, напримѣръ, что его панегирикъ стоилъ цѣлыхъ десяти лѣтъ труда.

У Грековъ, народа столь чуткаго къ благозвучію языка, произведенія Исократы должны были имѣть успѣхъ поразительный.

Въ работахъ софистовъ, къ намъ дошедшихъ, мы видимъ доказательство, что они часто удивлялись литературѣ, вся заслуга которой исчерпывается музыкальнымъ распредѣленіемъ звонкихъ словъ. Какъ же оцѣнить ихъ восторгъ при видѣ твореній писателя, который эту дивную, очаровательную гармонию одухотворялъ возвышенными идеалами и самыми чистыми, здоровыми мыслями, и когда лишь явная несправедливость могла бы отрицать, что глубина ихъ содержанія превосходитъ внѣшнюю форму!

Платонъ шелъ за нимъ, но весь блескъ его генія не могъ затмить лучей памяти Исократы.

Внимательный ученикъ этого философа, Демосеень, ему обязанъ, разумѣется, благородствомъ и силою вдохновенія, которыя такъ часто увлекали Аѣинянъ, при всенародной подачѣ голосовъ, подобно тому, какъ отъ Эукитида, исторію котораго онъ, собственноручно, семь разъ, переписалъ, унаслѣдовалъ онъ мощь и энергію, которыми повергалъ ницъ своихъ враговъ.

Геній массъ, неизмѣнно, господствуетъ надъ талантомъ индивидуальнымъ; но, рядомъ съ этою истиною, раскрывается, въ наименьшей очевидности, и другая.

Отъ времени до времени, глубокая мысль одного сосредоточиваетъ и впитываетъ электрическія облака, которыми, всегда, насыщена интеллектуальная атмосфера; какъ громоотводъ, она притягиваетъ небесный огонь разума. Для своей работы, не она творитъ матеріаль: блуждая, разсѣянный, въ пространствѣ, онъ уже готовъ раньше, — надъ нею и вокругъ нея. Но именно ей довлѣетъ и слава, и величіе, и могущество.....

Объединяя всѣ духовныя силы момента, Демосеень былъ именно такимъ центромъ вращенія своей эпохи. Его гибкія и разностороннія дарованія, сообразно капризамъ Аѣинянъ,—народа бо-

лѣе непостояннаго, чѣмъ счастье, и перемѣнчиваго, какъ вѣтеръ, имѣли способность видоизмѣняться, безъ конца.

Испытавъ всевозможныя теченія времени, онъ, въ свою очередь, влиялъ на нихъ всею массою своего необъятнаго таланта. Походы Филиппа у всѣхъ на умъ; и вотъ ораторъ изучаетъ ихъ, объясняетъ и рассматриваетъ; хвалитъ и одобряетъ, грозитъ и совѣтуетъ; споритъ и отговариваетъ. Но его мнѣніе, оставаясь, по вѣщности, въ совершенномъ подчиненіи у народа, хранитъ, на самомъ дѣлѣ, полную свободу и независимость. Онъ льститъ Аѳинамъ и вмѣстѣ требуетъ, чтобы, не ограничиваясь выраженіями симпатіи Олинеу, * союзники открыли кредитъ на его защиту. Бравируя повелѣніемъ, которое угрожаетъ смертию всякому, кто, по неразумѣнію, затронетъ этотъ вопросъ, — онъ смѣло взываетъ къ необходимости поднять оружіе противъ Македонянъ.

„Аѳинскій народъ“, — восклицаетъ онъ, „самый благородный, развѣтвой и достойный изо всѣхъ племенъ міра!“ А, нѣсколько минутъ позже, громовымъ голосомъ, прибавляетъ, что привычка гражданъ, въ замѣнъ дѣятельнаго труда на пользу общую, собирать лживыя слухи, разносимыя сплетниками, есть обычай, гибельный, явно противный будущности, чести и славы республики.

Вообще, Демосѳенъ, по справедливости, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ ораторовъ, такъ какъ, безспорно, никто дальше него не доводилъ величайшаго искусства, единственной задачи краснорѣчія, — способности убѣждать.

И едва мы успѣли сказать, что Демосѳенъ соединялъ добродѣтели и пороки своего времени, какъ исторія уже готова подтвердить наши слова.

Удивительная изворотливость дарованій, легкость передачи одной и той же мысли съ тысячи разныхъ точекъ зрѣнія, — все это было прирождено аѳинскому характеру. Безграничная гордость, неизмѣримое самомнѣніе и крайняя запальчивость; благозвучіе языка и напыщенные тирады о любви къ отечеству шли рука объ руку съ пустотою сердца, себялюбіемъ и алчностью точно также въ народѣ Аѳинъ, какъ и въ душѣ Демосѳена.

Неотъемлемое право знаменитыхъ людей состоитъ въ томъ,

* Olydthus, значительная греческая колонія въ самомъ крайнемъ углу Торонайскаго залива, между полуостровами Паленой и Сиеоніей, въ Халкидѣ. Намекъ на Олинскія рѣчи Демосѳена.

что они служатъ типами своей эпохи не потому, чтобы эта послѣдняя руководилась лишь толчкомъ, ей даннымъ однимъ человѣкомъ, но въ силу факта, что избранный геній, произвольнo, отражаетъ въ себѣ радости и скорби, идеалы и недостатки своего вѣка.

Сосредоточеніе — признакъ могущества. А кто же былъ, когда либо, сильнѣе Демосеена!

Олицетворяя Аѣины съ дурной стороны, онъ, по самой сущности даннаго явленія, не могъ не раскрыть и хорошихъ чертъ ихъ жизни. Пороки всегда противоплагаются добродѣтелямъ; даже больше: понимаемая абсолютно, добродѣтель можетъ существовать только подъ условіемъ одновременнаго бытія низменныхъ качествъ нашей природы. И если Аѣины — городъ артистовъ по преимуществу, то никакой иной характеръ не отличался такою художественностью, какъ у Демосеена. Неутомимое стремленіе Аѣинянъ къ возвышеннымъ предметамъ громкимъ дѣламъ отмѣтило его творенія знаменательною печатью таланта, непрекаемаго.

Подвижность національнаго духа, иногда, внушаетъ Демосеену невѣроятное равнодушіе къ опасности, такое безучастіе, которое граничитъ съ эгоизмомъ и самою преступною небрежностью; и, наоборотъ, спустя лишь нѣсколько мгновений, сверкнувъ, какъ молнія на только что безоблачномъ небѣ, его краснорѣчье, чарами вдохновеннаго слова, призываетъ гражданъ къ героическимъ дѣяніямъ, къ сопротивленію отчаянному, и къ самымъ прекраснымъ подвигамъ мужества и самоотверженія....

О великій Демосеень! Будущее долго не перестанетъ удивляться звукамъ твоей рѣчи! Оно готово повѣрить, что геній твой — самородокъ и ни отъ чьего посторонняго вѣянія не зависѣлъ; но, чувствуя твою мощь, оно не въ силахъ уразумѣть ее; тебѣ, единому, воздаетъ оно хвалу за чудеса твоихъ дѣяній, не вѣдая, что эту магическую силу ты черпалъ вокругъ себя; что твой горизонтъ заключалъ элементы, которыхъ лишь эссенцію сосредоточилъ ты; что всѣ твои идеи принадлежатъ народу и возникли среди него, помимо тебя; что изслѣдованія и вопросы, тобою затронутые, служили общими мѣстами эпохи; наконецъ, что народъ, толпа, собирательный разумъ всѣхъ, таковы дѣйствительные источники изумительныхъ вдохновеній твоихъ!

Близъ Демосеена, мы видимъ Эсхина, оратора не столь могучаго, но и не въ такой мѣрѣ страстнаго, какъ его грозный соперникъ; Гиппіада, который былъ выше и знаменитѣе Эсхина; Лизіаса, одареннаго всѣми чарами Аттики; Динарха, впрочемъ,

лишь издали шедшаго по стопамъ Демосѣена; тонкаго и остроумнаго юмориста Демада; человѣка съ необыкновенно гармоничнымъ голосомъ — Дмитрія Фалерскаго; наконецъ, Теофраста, послѣдняго оратора свободной Греціи, какъ Брутъ былъ послѣднимъ гражданиномъ Рима.

Однако, вопреки усиліямъ столькихъ славныхъ ораторовъ, красота языка, послѣ Демосѣена, идетъ быстро къ упадку. Истинное краснорѣчіе процвѣтаетъ только на свободной почвѣ! Рабство пятнаетъ самыя чистыя побужденія, а голосъ раба — лишь крикъ о мщеніи.

Элладу наводняетъ толпа софистовъ, которые, извращая аттическую рѣчь, даютъ ей самое гнусное употребленіе: за вздорную, презрѣнную плату, они говорятъ о любомъ предметѣ, на заданную тему, или, опускаясь еще ниже, благозвучный и энергическій языкъ, который, нѣкогда, съ высоты трибунъ, призывалъ гражданъ къ свободѣ и побѣдѣ, обращаютъ, на уличныхъ перекресткахъ, въ раболѣпство передъ чернью; изобрѣтаютъ на немъ пародіи или ломаются въ балаганахъ!

Вотъ путь, которымъ свершается законъ роста, юности, зрѣлости и дряхлости; этому закону повинуются все, даже слово.

Такъ и въ Греціи, наступили времена, когда, — изъ выродившагося общества, изъ нѣдръ доведеннаго до послѣднихъ крайностей ученія, — должны были явиться избранные! мужи, способные, при другихъ условіяхъ, воспроизвести новый великій народъ; ибо не массы, не всѣ люди созидаютъ мощныя національности, творятъ великія дѣла... Нѣтъ, лишь цвѣтъ человѣчества призывается къ рѣшенію подобныхъ задачъ!

Краснорѣчіе въ Римѣ.

Одною изъ отличительныхъ чертъ римскаго краснорѣчія, въ первыя времена республики, должно быть признано обращеніе къ чувству людей, реальное изображеніе впечатлѣній; тѣ полныя жизни формы языка, черезъ которыя внутреннія движенія нашей души олицетворяются во внѣшнихъ осязательныхъ образахъ. Это замѣчаніе можетъ показаться черезъ чуръ изысканнымъ развѣ тому, кто, въ словахъ, намѣренъ видѣть лишь случайное сочетаніе буквъ, а не геній народовъ.

Между тѣмъ, именно такое воинствующее краснорѣчіе было

необходимо Римлянамъ—націи, которая легче и быстрѣе, чѣмъ всякая другая, увлекалась зрѣлищами. Хочетъ ли Брутъ изгнать Тарквиніевъ, онъ не обдумываетъ періодовъ, а у своего негодующаго сердца не требуетъ зажигательныхъ или гнѣвныхъ выраженій; нѣтъ, онъ, въ мощныхъ рукахъ, подымаетъ окровавленное тѣло убитой кинжаломъ Лукреціи, и одна такая сцена трогаетъ глубже, чѣмъ цѣлая рѣчь.

Это картина; вѣдь, — это триумфъ силы и выразительности жеста!

Манлій, несправедливо обвиняемый врагами, которымъ вѣроломный талантъ помогъ возмутить народъ противъ его освободителя, Манлій приходитъ въ собраніе Римлянъ и, указавъ рукою на Капитолій, произноситъ, вмѣсто всякаго оправданія, магическія слова, хранимыя въ памяти и на устахъ каждымъ изъ насъ.

Таковъ образецъ краснорѣчія судебного.

Наконецъ, злополучный должникъ убѣгаетъ въ среду гражданъ, льетъ горькія слезы; его стоны и рыданія оглашаютъ воздухъ... Ожесточенный, исполненный ярости народъ стремится, толпами, къ сенату и требуетъ сложенья долговъ.

Основы правленія, раньше всего, воздвигнутыя въ Римѣ, не могли, въ свою очередь, не благоприятствовать успѣхамъ рѣчи. Рожденный полководцемъ и политикомъ, Ромуль установилъ три понятія: царь, сенатъ и народъ. Нума Помпиль, философъ отъ природы, ввелъ, какъ незыблемое, связующее начало общежитія,—уваженіе къ религіи.

Затѣмъ, по изгнаніи царей, Брутъ и Публикола внушили Римлянамъ второй принципъ единства,—любовь къ отечеству, который столь долго служилъ исключительнымъ убѣжищемъ государства среди тягчайшихъ испытаній рока. Самопожертваніе на благо родинѣ—вотъ чему, прежде иного, должны были учить дѣтей родители; начертанная въ XII таблицахъ закона, эта идея показывала, что она должна быть, съ такою же глубиною, запечатлѣна въ сердцахъ каждого гражданина.

Указанныя, преемственныя стадіи жизни Рима не могли не вдохновлять бесѣдъ первыхъ его обитателей. И мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ между ними такихъ даровитыхъ людей, какъ Валерій, который, путемъ ловкой апологіи, сумѣлъ вернуть народъ, удалившійся на Священную гору; какъ Аппій Клавдій, поддержавшій сенатъ, въ минуту колебанія, и воспротивившійся заключенію мира съ Пирромъ; какъ Фабрицій,—посоль Рима у Этрусковъ, въ городѣ Тарквиніяхъ, которому удалось достигнуть возврата плѣнныхъ; наконецъ, чтобы не исчерпывать слишкомъ длин-

наго списка, назовемъ Попилія, который, будучи въ священномъ облаченіи и принося жертву богамъ,—внезапно, — узналъ о возстаніи; не имѣя другаго оружія, кромѣ своего личнаго достоинства и краснорѣчія, онъ предсталъ передъ народомъ и, какъ бы волшебствомъ, заставилъ его обратиться къ долгу и повиновенію.

Достовѣрныя свидѣтельства упоминаютъ между хорошими ораторами: Корнелія, Цетега, Фламинія, Варрона, Максима, Лентула и Красса.

Незамѣтно, понемногу, республика усвояетъ другую внѣшность: новые законы и мѣропріятія, лучше обработанный языкъ, придаютъ иной видъ древнему зданію, сооруженному руками Квирина. Рѣчь совершенствуется и сглаживается, а національные витіи утрачиваютъ запальчивость и рѣзкость, свойственныя дѣтству народа.

Розыскивать всѣ причины этого счастливаго преобразованія значило бы обречь себя на долгій и тяжелый трудъ. Отмѣтимъ же, по крайней мѣрѣ, въ числѣ первыхъ, возникающихъ предъ испытующимъ взоромъ, условій, влияніе поэзіи на звуки голоса и на впечатлѣнія, истолкователемъ которыхъ онъ служить.

Само собою разумѣется, что, для изученія текста законовъ, знакомство съ Плавтомъ и Теренціемъ было бы вполне бесполезнымъ, но отъ тѣхъ, которые посвятили себя названнымъ художникамъ, надо требовать всего, что, какъ драгоценный источникъ, могла дать ихъ муза первымъ ораторамъ для познанія человѣческаго сердца, для яркихъ и живыхъ образовъ рѣчи, къ употребленію счастливыхъ выраженій и неожиданныхъ эффектовъ, — какъ истинныхъ элементовъ краснорѣчія.

Происхожденіе изъ Греціи отчетливо сквозитъ въ работахъ Платва и Теренція. Кромѣ языка, у нихъ все греческое, — мѣсто дѣйствія, участвующія лица, нравы; однако, ихъ комедіи далеко не представляли зрѣлища, чуждаго тѣмъ, кому предназначались. И это потому, что общность религіи и сходство политическихъ учрежденій созидали между Греками и Римлянами нѣчто, родственное. Если, стало быть, въ извѣстную эпоху, Римскіе ораторы воспользовались изобиліемъ даровъ Греціи и если Плавтъ и Теренцій, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, сохранили геній Эллады, то имъ принадлежитъ право и на широкую долю почестей за услугу, ими оказанную Риму, когда, литературными формами его краснорѣчивыхъ предшественниковъ, они просвѣтили его великій народъ.

Отсюда понятно, что Теренцій и Плавтъ идутъ всегда рядомъ, почти не разлучаясь. Тѣмъ не менѣе, карьера обоихъ знамени-

тыхъ людей не вполнѣ тожественна. Первый былъ рабомъ; существовало мнѣніе, что это же несчастье тяготѣло и надъ вторымъ. Но, вѣрнѣе, кажется, что, рожденный свободнымъ, Плавтъ нажилъ, а затѣмъ потерялъ значительное состояніе въ торговлѣ и, для приобрѣтенія средствъ къ жизни, былъ вынужденъ работать по найму, вращая жернова на мельницѣ.

Коммерческія спекуляціи и упомянутая тяжелая для развитіа челоуѣка работа, конечно, мало благопріятствовали наблюденіямъ Плавта, какъ сатирика. Съ другой стороны, изученіемъ отдѣльныхъ людей и обществъ онъ, повидимому, пренебрегалъ, а свои дарованія, исключительно, тратилъ на подражаніе Грекамъ. Вотъ почему его мысли вульгарны и у него, вообще, мало тѣхъ проблесковъ чувства, которыя проникаютъ въ самую глубину нашего сердца.

Сынъ рабыни, вполѣдствіи освобожденный и воспитанный милостями хозяина — богача, Теренцій не замедлилъ стать на уровень съ лучшими гражданами Рима. Небезызвѣстенъ фактъ дружбы, которою почтили его Фурій, Лелій и Сципіонъ. Въ кругу этихъ замѣчательныхъ дѣятелей и среди утонченной цивилизаціи, онъ могъ лучше, чѣмъ его соперникъ,—нѣтъ въ томъ ничего удивительнаго,—постигнуть, объять и выразить игру страстей и характеровъ.

И если мы видимъ у Плавта природную веселость темперамента,—отличное средство забыться и уйти отъ житейскихъ невзгодъ, то лишь Теренцію была дана игривость мышленія, способная заронить въ душѣ мудреца представленіе о челоуѣческомъ шутовствѣ. Когда Плавтъ сочиняетъ побасенки, годныя развѣ для Римской черни, Теренцій создаетъ, быть можетъ, и скупую рукою, изысканныя и тонкія сатиры, чарующія такого умницу, какъ Лелій, или челоуѣка, какъ Сципіонъ, великій отшельникъ Литерна. Впрочемъ, глубокой философъ, изумительный ораторъ, прославленный гражданинъ и всѣми признанный острякъ, Цицеронъ удивляется Плавту. Наоборотъ, Горацій, одинъ изъ самыхъ ѣдкихъ умовъ древности, этого не дѣлаетъ никогда; а если не одобряетъ и шутокъ Теренція, то превозноситъ рѣжущую правду его портретовъ и строгую чистоту языка.

Наконецъ, послѣдняя черта различія. Умирая на сорокъ четвертомъ году, Плавтъ оставилъ двадцать одно произведеніе своей плодотворной, но скороспѣлой и недостаточно искусившейся музы. Будучи моложе на десять лѣтъ, Теренцій завѣщалъ потомству только шесть комедій, но за нихъ не покраснѣлъ бы любой талантъ. Съ полнымъ совершенствомъ отразилось на его тру-

дахъ истинное вдохновеніе, которымъ сверкаютъ лѣтописи литературы античнаго Рима.

Во времена, куда теперь вступаемъ, мы, прежде другихъ, видимъ Фабія и Сципіона, равно отличавшихся другъ отъ друга, первый изяществомъ и теплотой бесѣды, второй силою и благородствомъ рѣчи. Вокругъ этого яркаго созвѣздія ораторовъ, наблюдаются, какъ спутники: Лабіонъ, Метелль, Галба, Эмилиій, Лепидъ, два брата Луціи, Спурий, Муммій, Карбонъ и Тиберій Гракхъ,—трибунъ, одаренный грознымъ, потрясающимъ словомъ, тѣмъ могуществомъ языка, которому подобаешь заставлять себя слушать именно въ дни раздоровъ и усобицы, въ такіе моменты, когда вліяніе краснорѣчія достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, когда это единственный способъ вліять на людей! Лентуль — первоприсутствующій въ сенатѣ (*princeps senatus*), Децій, Друзъ, Фламиній, Курій, Рутилій, Скавронъ и Кай Гракхъ.

Имя послѣдняго относится къ блестящему періоду римскаго краснорѣчія. Языкъ страсти уже обогатился сильною и подавляющею діалектикою. Не ограничиваясь желаніемъ поразить слухъ или затронуть сердце, ораторъ взываетъ къ разсудку, говоритъ уму. Кай Гракхъ, этотъ ослѣпительный геній, вскормленный заботами своей знаменитой матери,—дочери Сципіона,—умѣлъ лучше, чѣмъ кто нибудь изъ его современниковъ, примѣнять роскошный, исполненный возвышенныхъ мыслей, неисчерпаемый и великодушный языкъ свой. Какъ-бы онъ могъ быть счастливъ, если бы не любилъ брата сильнѣе, чѣмъ родину, и не злоупотреблялъ своимъ талантомъ къ услугамъ необузданнаго самолюбія?!

Есть излюбленныя небомъ и геніемъ имена, которымъ приущь даръ сосредоточивать на себѣ всю славу, всю мощь разума народовъ извѣстной эпохи. Въ потокѣ вѣковъ, исторія рождаетъ ихъ лишь изрѣдка; а затѣмъ, — употребляя выраженіе, опошлившееся только потому, что оно справедливо,—утомленный духъ націи замираетъ, пока не воспроизведетъ имени, болѣе свѣтлаго, чѣмъ предыдущія, дарованія, еще могущественнѣйшаго, подобно метеорамъ, разливающимъ, отъ времени до времени, лучи, болѣе яркіе, чѣмъ тѣ, незбылемымъ источникомъ которыхъ служатъ предвѣчныя огни, возженные на тверди небесной.

Въ сферахъ политики, изящныхъ искусствъ или наукъ, такими метеорами имѣетъ право гордиться каждый возрастъ человѣчества и, не безъ основанія, приурочиваетъ ихъ появленіе къ соотвѣтственнымъ періодамъ энергіи и плодотворности жизни. Сила не

создаетъ слабости: Меценатъ воодушевляетъ поэтовъ, Людовикъ XIV—художниковъ, Наполеонъ—военный геній міра.

Гораздо скромнѣе, но едва ли менѣе поучительно было вліяніе Цицерона на столѣтіе, въ которомъ онъ увидѣлъ свѣтъ. Родившись въ моментъ, когда краснорѣчіе уже достигло величія, ибо ничто, способное развить міросозерцаніе человѣка, не признавалось въ Римѣ оратору чуждымъ, Цицеронъ не могъ остаться ниже торжественной программы, начертанной во введеніи къ его эпохѣ. Этотъ дивный геній оцѣненъ всѣми людьми вкуса, даже наименѣе просвѣщенными, такъ всесторонне, что желаніе подвергнуть его литературной критикѣ съ новой точки зрѣнія, кажется, на первый взглядъ, попыткою, весьма рискованною.

Правда, сказано многое. Но, все ли? Мы этого не думаемъ.

Дабы раскрыть истинный характеръ Цицерона, необходимо, читая его многотомные труды, уберечься отъ почти неодолимаго соблазна. Это вѣяніе таланта. Богиня Суада *, великій ловецъ душъ, прикрыла своимъ обаяніемъ каждую страницу этого удивительнаго оратора. Поклоняясь витіи, вы забываете о человѣкѣ. Хорошъ или дурень былъ Цицеронъ, достоинъ ли уваженія или ничтоженъ,—объ этомъ вы не думаете, ни мало, и совсѣмъ не касается васъ ни мелочный, ни философскій анализъ его подлинной исторической личности.

Вы очарованы: отъ фразы къ фразѣ, отъ одного періода до другаго, васъ увлекаютъ вдоль цвѣтущихъ береговъ и благоухающихъ нивъ. Эта волшебная рѣка краснорѣчія васъ убаюкиваетъ такъ сладко!...

Иногда, вамъ жаль, что смѣлость, болѣе мужественная, мысль, болѣе зрѣлая, могли бы выразиться въ сильнѣйшихъ образахъ, языкомъ, болѣе пылкимъ, вдохновеннымъ или гораздо суровѣйшимъ... Но самые недостатки Цицерона дышатъ прелестью и симпатіей; извиняя свои слабости, онъ располагаетъ блестящими и мягкими софизмами.

Разбитый на государственномъ поприщѣ, онъ, съ юношескимъ пыломъ и нѣжностью, спѣшитъ обнять статую философіи; оттуда, онъ еще разъ окидываетъ взоромъ испуга и зависти свирѣпыя волны, которыя сейчасъ покинулъ и пѣна которыхъ только что запятнала его консульскій пурпуръ.

* Suada, Suadela, у Римлянъ — богиня краснорѣчія (Гораций, Цицеронъ). Πειθώ, Πίεο — Грековъ, олицетвореніе силы убѣжденія; спутница Афродиты, Харитъ и краснорѣчиваго Гермеса.

Ужась и надежда, поочередно, смущают это неугомонное, во истину, артистическое сердце и должны быть рассматриваемы, какъ одна изъ сторонъ его генія.

Такимъ образомъ,—раньше, чѣмъ начали судить его строго,—вы уже, безсознательно, полюбили его. Но, независимо отъ этого, едва ли справедливо постановить строгій о немъ приговоръ, только, какъ о дѣятелѣ политическомъ, какъ о сподвижникѣ Цезаря, Помпея и Катона.

Среди вооруженныхъ съ ногъ до головы партій и на лонѣ умирающей республики, положеніе Марка Туллія Цицерона было совершенно исключительнымъ. Скромный уроженецъ Арпина, за которымъ не числилось ни славныхъ предковъ, ни лавровъ война, онъ былъ, прежде всего, ученымъ. Повелѣвая его жизнью, извѣстность, краснорѣчіе, искусства, уносятъ его сердце, окрыляютъ мысль, приводятъ въ изнеможеніе или возвышаютъ и даютъ новыя силы его душѣ. Служба въ званіи консула—простая случайность, эпизодъ, всегда казавшійся страннымъ самому Цицерону; предметъ его заботъ, его дѣйствительное призваніе—литература.

Попавъ, между двухъ колоссовъ—соперниковъ, Помпея и Цезаря, въ борьбу патриціата и плебейнизма, изможденный въ столкновеніяхъ этихъ двухъ гигантовъ, Цицеронъ напоминаетъ намъ художника, въ самомъ центрѣ урагана.

Работникъ на нивѣ мышленія умозрительнаго, сильный ораторскій талантъ, что станется съ нимъ, когда онъ покинетъ гнѣвную свалку интересовъ, бой открытой силы, яростную междоусобицу? Вѣдь, онъ лишится благороднѣйшихъ темъ, открытыхъ человѣческому слову. И вотъ, обуреваемый всѣми вѣтрами, какъ живописецъ, привязанный къ мачтѣ, подъ грознымъ сверканіемъ молній, въ моментъ кораблекрушенія и среди изорванныхъ въ клочки снастей,—онъ остается. Ему дано чувство прекраснаго, потребность въ уваженіи согражданъ, томительная жажда славы, любовь къ добродѣтели идеальной, но онъ не умѣетъ найти, куда употребить ее.

Налѣво и направо, видитъ онъ лишь злодѣянія и трупы, низости и преслѣдованія; безцѣльно, блуждаетъ среди двухъ армій, раздирающихъ отечество; наконецъ, рѣшается,—увы, слишкомъ поздно; потомъ кается, зачѣмъ рѣшился; жалѣетъ еще разъ, къ чему раскаивался...

Его величественный даръ, единственный утѣшитель его, одинъ извлекаетъ пользу изъ столькихъ скорбей, изъ этихъ вѣчныхъ колебаній. Его голосъ пріобрѣтаетъ чарующую трогательность;

міросозерцаніе окрашивается въ грустный оттѣнокъ, становится болѣе нравственнымъ и кроткимъ; сумма опыта возрастаетъ, а, въ постыдныхъ и ужасныхъ сценахъ, которыхъ былъ очевидцемъ, онъ черпаетъ не послѣднее нравовученіе.

Онѣ говорятъ ему, какъ надо умирать.

Напротивъ, если бы Цицерону случилось овладѣть распреею Цезаря съ Помпеемъ, то большая часть его таланта, разумѣется, погибла бы.

Дальнѣйшее развитіе идеи, чтобы къ нему было предъявлено такое требованіе, несомнѣнно, поглотило бы всю его жизнь.

Отступая передъ жестокою, черствою необходимостью, онъ, хотя на великую государственную роль, а вынужденъ былъ бы перемѣнить нѣсколько, правда, робкую, но изумительную пытливость, неподражаемое разнообразіе, гибкую и легкую всесторонность своего краснорѣчія, предъ которыми, нынѣ, справедливо преклоняемся мы, и которыя естественно вытекали изъ миролюбія, даже изъ самоотреченія его ума и сердца!

Такова истинная точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ разсматривать Цицерона. Въ наиболѣе тяжкихъ обстоятельствахъ, онъ сохраняетъ характеръ человѣка, отдавагося литературному труду.

Любопытно видѣть, какъ талантъ писателя переживалъ вѣяніе текущихъ событій и какую силу сопротивленія развилъ геній оратора, подъ ударами судьбы. Не бесполезно наблюдать параллельное развѣтвленіе двухъ оцѣнокъ того же историческаго имени: какъ артиста и государственнаго мужа, какъ частнаго лица и какъ дѣятеля общественнаго; требовать у его душевныхъ качествъ объясненія слабостей, а у сихъ послѣднихъ — мотивовъ его добродѣтелей.

Кто величіе духа предпочитаетъ таланту, тотъ, разумѣется, будетъ строгъ къ Цицерону; но ему простятъ, нѣжно полюбятъ и станутъ обожать его всѣ, кому рѣдко случалось убѣждаться въ пользѣ суровыхъ добродѣтелей, кто не рассчитываетъ на идеалы, а, понимая тихія, не глубокія, иногда не чуждыя эгоизма увлеченія обыденной жизни, цѣнить въ человѣкѣ обходительность и привѣтъ.

Если Плавтъ и Теренцій вѣрно отразили нравы Греціи, то Цицеронъ ясно показываетъ, какъ именно эллинская цивилизація растворялась въ прогрессѣ Рима.

Онъ ласковъ и пріятель, какъ истинный Аеинянинъ; очень легкомыслень, мягокъ сердцемъ; смерть раба, напримѣръ, трогаетъ его глубже, чѣмъ это приличествуетъ потомку Ромула. Онъ

самъ сознается въ этомъ: „Геркулесь меня кровно обидѣлъ. Милое дитя, Созистей, мой вѣрный чтець, умерь, и его кончина принесла мнѣ больше горя, чѣмъ слѣдовало бы“...

Здѣсь, вы уже встрѣчаете не тѣ понятія, что у Римлянина старыхъ временъ.

Идетъ ли вопросъ о неизбѣжной рѣшимости, т. е., въ сущности, о томъ, чтобы, такъ или иначе, поставить себя въ неловкое положеніе, его впечатлительность обращается въ слабость.

Изобличенный въ нарушеніи всѣхъ законовъ, Клавдій преданъ суду сената; но онъ и сюда явился съ цѣлою толпою приверженцевъ и всякимъ сбродомъ. Совершенно признавая, что религія, интересы государства, покой мирныхъ гражданъ, справедливость, честь, требуютъ высокаго безпристрастія и примѣрной кары для столь тяжкаго злодѣя, Цицеронъ допускаетъ, однако, разжалобить себя. У него не хватило духа осудить этого могущественнаго преступника: „Именно я, по принципу, желая быть маленькимъ Ликургомъ, дѣлаюсь съ каждымъ днемъ, все сговорчивѣе; одинъ Катонъ двигаетъ процессъ; онъ одинъ непреклоненъ“.

Тѣмъ не менѣе, все сказанное ничего не отымаетъ у заслугъ и достоинствъ Цицерона, а лишь ближе выводитъ насъ на дорогу къ уразумѣнію его характера, и учить не искать твердости тамъ, гдѣ ее найти нельзя.

Къ сожалѣнію, его колебанія выражаются въ иныхъ результатахъ, гораздо болѣе опасныхъ; ведутъ къ притворству, къ трусливой, иногда неправедной подозрительности. По несчастію, Цицеронъ не умѣлъ ни полагаться на друзей, ни смѣло глядѣть въ лице врагамъ. И вотъ поразительное тому доказательство: примкнувъ къ партіи Помпея, онъ, въ рѣчи о законѣ Манилія, осыпалъ похвалами, исчерпалъ, въ честь его, всѣ образы краснорѣчія, всѣ источники панегириковъ.

Вернувшись въ Римъ, Помпей, въ свою очередь, оказалъ ему много ласкъ, вниманія, симпатіи и привязанности. Но, когда расчеты Цицерона на политическое вліяніе оказались чрезмѣрными, а глава аристократіи призналъ не возможнымъ слѣпо довѣриться его нравственной личности, ораторъ, — въ этомъ противодѣйствіи, — увидѣлъ оскорбленіе, и, не перемѣняя кажущейся близости, написалъ Аттику: „Помпей дѣлаетъ видъ, что сильно любитъ меня, обнимаетъ и ласкаетъ; хвалитъ открыто; а между тѣмъ, въ душѣ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, завидуетъ мнѣ; ничего благороднаго, простаго, искренняго; ни совѣсти въ политикѣ, ни откровенности и великодушія нѣтъ у него!“

Къ чему позорить, за глаза, того самаго человѣка, которому, на виду у всѣхъ, льстишь безгранично? Съ какой стати взялъ себѣ Цицеронъ въ голову что обремененный триумфальными лаврами и пьянѣя отъ восторговъ народа, Помпей можетъ ревновать его?

Эта нехорошая черта софиста и ритора; почти всѣ, печалующіеся о зависти, которую будто бы внушаютъ другимъ, на дѣлѣ, сами одержимы болѣзненною гордостью и ненавидятъ соперниковъ.

Мужъ другаго закала не такъ легко рѣшился бы осуждать Помпея или, по крайней мѣрѣ, разорвалъ бы съ нимъ дружбу; но у Цицерона такое двуличіе проистекаетъ изъ слабости, неувѣренности и боязни. Онъ готовъ, въ любой моментъ, смѣшать съ грязью тѣхъ, кого, сейчасъ, превозносилъ до небесъ, — Кая Пизона, на примѣръ, котораго, въ защитѣ Планція, онъ рисуетъ героемъ, уважаемымъ, доблестнымъ гражданиномъ, и котораго, въ своемъ 18 письмѣ, относящемся къ тому же періоду, обызываетъ нечестивцемъ.

Заручившись его перепискою, врагъ Цицерона могъ бы зло подшутить надъ нимъ; тамъ есть данныя къ обвиненію и въ лицемеріи, и въ низости, и въ алчности. Устранивъ все, что замѣчено выше, игнорируя трудность положенія оратора, его обязанности, связи, философскій умъ и ему, какъ судебному дѣятелю, обычные приемы, — не трудно собрать явныя улики, которыя представили бы его самымъ лживымъ, неосновательнымъ, самымъ неловкимъ изъ людей.

Но не надо забывать и социальныхъ условій, среди коихъ протекала его жизнь. Современное ему общество было построено на обманѣ; народъ богатъ, но изнѣженъ и распущенъ; предводители партій одержимы корыстью..., злодѣянія повсюду; истина и добродѣтель — понятія, неизвѣстныя никому...

Хотѣлъ ли Цезарь спасти республику? Нѣтъ, онъ этимъ лишь чванился.

Было ли у Помпея на сердцѣ поддержать древній строй Рима? Нѣтъ, — подобными отговорками, онъ только лелѣялъ свое удовлетворенное самолюбіе. Горемычное! Тысячу разъ несчастное время, когда общественная дѣятельность становится ареной позора и гдѣ даже заслуги Катона, — какъ о нихъ и говорили не безъ основанія, — являются лишь жалкимъ упорствомъ большаго самоувѣренія простака.

Цицеронъ былъ унесенъ этимъ потокомъ и, разумѣется, не онъ одинъ.

Что же касается вопіющихъ ошибокъ его чуткаго самолюбія то, въ виду сказаннаго, о нихъ можно не упоминать.

Наивность, съ которою онъ самъ признаетъ ихъ или, лучше, гордится ими, обезоруживаетъ. Онъ такъ искусно себя хвалитъ, столь чистосердечно удивляется себѣ! Съ такою ловкостью приглашаетъ оцѣнить „*regnas mirificas... meos sonitus... meum fulmen... constantiam meam.*“ „изумительные походы мои..., громъ и молнію голоса... мое постоянство...“ и т. п.

Ораторъ вѣритъ своимъ силамъ, до очарованія, искренно. Но вотъ стряслась бѣда, негаданная; идетъ первый вихрь гражданской бури, и мы видимъ, какъ преувеличивалъ Цицеронъ могущество своего краснорѣчія, торжествовалъ черезъ чуръ рано; во очію, убѣждаемся, что, на защиту своего дѣла, онъ никакихъ мѣръ не принялъ, ничѣмъ не оградилъ отъ опасности даже самого себя.

При какихъ бы условіяхъ ни наблюдали мы поведеніе Цицерона, его характеръ опредѣляется, всегда, одинаково: недостаткомъ предвидѣнія и путаницею въ расчетахъ. Онъ не въ силахъ принять никакого рѣшенія. Цезарь, Помпей и Крассъ вступили въ заговоръ противъ республики раньше, чѣмъ онъ успѣлъ догадаться...

Будучи въ сношеніяхъ съ каждымъ, онъ презиралъ всѣхъ. А, между тѣмъ, удалившись съ политическаго поприща въ свою усадьбу, близъ Анціума, душою и тѣломъ отдаваясь философіи, онъ не перестаетъ грустить и жалѣть о минувшемъ... То начинается, вдругъ, вѣрить, что его счастье—въ отвлеченномъ умозрѣніи. О, если бы Богу было раньше угодно вселить въ его душу чистую любовь къ знанію! Лишь теперь, къ сожалѣнію, уразумѣлъ онъ, какъ все прочее вздорно и лживо!.. — „А все таки не дурно“, прибавляетъ онъ, — „заполучить хотя бы маленькое мѣстечко авгура! Вѣдь, авгуръ Непотъ отправляется путешествовать... Кѣмъ замѣнять его?!“

Какъ умный человѣкъ, Цицеронъ не могъ, конечно, не замѣтить блестящей комической сцены, гдѣ самъ себѣ даетъ роль... И вотъ онъ восклицаетъ: „Глядите на мое легкомысліе! Я, дѣйствительно, очень слабъ!“

Если, среди вопросовъ жизни, предъ необходимостью работать твердый образъ дѣйствій, на пути къ сложнымъ и труднымъ рѣшеніямъ, Цицерона нельзя не упрекнуть кое въ чемъ, то онъ можетъ съ честью выйти изъ положенія какъ писатель, ораторъ и философъ. Его совѣты брату Квинту—яркій примѣръ мудрости, остроумія, ловкости и практической философіи; здѣсь,

ничто не забыто; Цицеронъ предусмотрѣлъ все. Его указанія, исполненныя, въ одно и тоже время, мягкости, основательности, благородства и строгости, исчерпываютъ всѣ моменты, изъ которыхъ слагается характеръ общественнаго дѣятеля, и всѣ отрасли администраціи. Какъ профессоръ гражданскихъ добродѣтелей, Цицеронъ не имѣетъ себѣ равнаго, а прелесть его бесѣды, роскошный, возвышенный, неотразимо обаятельный стиль исключаютъ, въ его нравоученіяхъ, всякую жестокость.

Цицеронъ, на половину, Грекъ. Краскамъ Азіи онъ даетъ преимущество предъ оттѣнками доблести, завѣщанными старымъ Лаціумомъ. Его рѣчь напитана іоническими приправами. Любой его трудъ усѣянъ воспоминаніями объ Атикѣ. Онъ беретъ цвѣтокъ у Гомера, цѣлую гирлянду у Эврипида; утѣшается изреченіемъ греческаго мыслителя или взываетъ къ мужеству и славѣ, повторяя полустихъ Пиндара. Такъ и кажется, что поэтическіе образы и сновидѣнія Эллады рѣютъ надъ его изящнымъ, глубокимъ и подвижнымъ духомъ.

Но послѣдимъ за нимъ въ его государственной карьерѣ, хотя бы въ минуту образованія перваго триумvirата. Цицерона обыграли; сенатъ преклоняется, республика гибнетъ; друзья и не думаютъ раздѣлять съ нимъ власть.

Тогда, онъ ищетъ уединенія. Тамъ, среди сельской природы, никто, по крайней мѣрѣ, не говоритъ о дѣлахъ; сильныхъ міра сего, теперь модныхъ, не знаютъ даже по имени. Самого Цицерона встрѣчаютъ, какъ богатаго помѣщика, — отнюдь, не какъ дипломата...

Между тѣмъ, ураганъ надвигается. Ораторъ спѣшитъ въ Римъ оборечь свои интересы и здѣсь, съ ужасомъ, видитъ, какія опасности грозятъ его имѣніямъ, самой жизни его.

Торжествуетъ Клавдій.

Цицеронъ, по обыкновенію, не знаетъ, что предпринять; лавируетъ, рассчитывая лишь выиграть время; не порицаетъ, но и не признаетъ совершившихся фактовъ.

Увы, это, наконецъ, противно ему самому! Онъ чувствуетъ безцѣльность и низость такой системы; жалѣетъ, зачѣмъ нѣтъ его друга Атика, который указалъ бы, что дѣлать; робко озираясь, онъ, наконецъ, пишетъ ему. Достигнуть покровительства Помпея, въ его глазахъ, крайнее средство. Того Помпея, который, съ великимъ трудомъ, едва поддерживаетъ свою собственную, надорванную популярность.

Подобный образъ дѣйствій, одинаково, страдаетъ отсутствіемъ, какъ энергіи, такъ и ловкости. До поры, до времени, онъ,

впрочемъ, не вредить. Цицерону удастся приобрести вліяніе, еще разъ; лучшіе граждане выражаютъ ему преданность и дружбу. Однако, не проходитъ и трехъ мѣсяцевъ, какъ его уже гонятъ изъ Рима.

Ссылка—новое и великое испытаніе характера; перенесъ ли ее Цицеронъ съ достоинствомъ? Позволительно усомниться...

Первое письмо, съ дороги, извѣщаетъ, что онъ потерялъ голову; второе, что разстроенъ и подавленъ; шестое,—не знаетъ, что предпринять; седьмое,—что свѣтъ ему нестерпимъ и что онъ прячется отъ людей; восьмое,—что печаль раздираетъ и губитъ его. Нельзя поэтому удивляться, что его жена старается поддержать, успокоить и вернуть его къ сознанію человѣческаго достоинства.

Тяжелое, конечно, несчастіе быть изгнаннымъ, покинуть отечество, видѣть свой домъ разрушеннымъ, а враговъ торжествующими.

Но, о Цицеронъ! Куда же дѣвалась вся ваша философія? Гдѣ плоды столь усерднаго изученія стоиковъ и Платона?

Вы—человѣкъ государственный, именно тотъ, кто, лишь немного раньше, въ сопровожденіи 20.000 гражданъ, одѣтыхъ въ трауръ, ходилъ издѣваться надъ Клавдіемъ, возвѣщая похороны отечества,—развѣ не понимали вы, что игра, которую ведете, будетъ вамъ стоить ссылки, а, можетъ быть, и жизни.

Что же это такое? Мѣшаясь въ свалку партій, вы пугаетесь, какъ дитя, что ваша кирасса пробита, тѣло покрыто синяками, оружіе изломано, а руки обрызганы кровью?!

Вотъ, подъ именемъ диктатора, Сулла вступаетъ на престоль, трупъ Марія еще не успѣлъ остыть; тѣни изгнанниковъ устремляются тысячами на площади Рима, а указъ сената, которымъ вы приговорены къ ссылкѣ за 400 миль отъ столицы, васъ настигаетъ въ распахъ?!

Развѣ не знаете вы, что за циркъ гладиаторовъ, такъ называемая, политическая арена? Совершивъ государственный переворотъ, развѣ вы смѣли надѣяться прожить спокойно, какъ темный, никому невѣдомый мѣщанинъ!

Васъ поражаетъ несправедливость? Удивляетесь вы, — тотъ, кто, въ явное нарушеніе закона, приказалъ удушить заговорщиковъ, безъ всенароднаго суда и въ какомъ то застѣнкѣ? Вы, тотъ самый, кто превозносилъ дерзость этого самовольнаго и насильственнаго дѣянія! Если, путемъ счастливой неправды, удалось вамъ спасти аристократію, зачѣмъ же отступаете, нынѣ, предъ результатами собственныхъ мѣропріятій?

Знаменитый ораторъ! Ужъ не въ той же ли степени мелка у васъ душа, какъ обширенъ разумъ?

Рѣшительный человекъ подчинился бы этому горю,—неизбѣжной ссылкой,—которое вызывало столь жалкія стenanія изъ груди Цицерона.

Будучи энергичнѣе, Теренція, его жена, гордилась изгнаніемъ и видѣла въ немъ славу себѣ. Двадцать тысячъ молодыхъ Римлянъ одѣли погребальныя платья въ моментъ, когда великій ораторъ оставлялъ Римъ. Вѣрный другъ его, Аттикъ, цѣлый годъ посвятилъ на его дѣла. Бѣглець, повсюду, находилъ состраданіе и смѣлое гостепріимство. Ни братъ Квинтъ, съ которымъ Цицеронъ обращался такъ дурно, ни его соперникъ Гортензій, котораго онъ обвинялъ столь не кстати, ни Помпей и Цезарь, хотя знали оба, что Цицеронъ извивался передъ ними, совсѣмъ не чувствуя привязанности,—никто не покидалъ его на произволь судьбы. Да, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ титулъ изгнанника былъ стыдомъ, а не почетомъ? Такія ли бываютъ несчастія? Точно ли это рѣдкая, столькихъ душевныхъ мукъ и удивленія достойная вещь, въ эпоху, когда агонія республики давала о себѣ знать безконечнымъ рядомъ конвульсій?

Разумѣется, нѣтъ. Слабъ Цицеронъ и этого самъ не скрываетъ; блѣднѣя предъ побѣдителемъ, ораторъ щадитъ его; ненавидитъ и колеблется; онъ боится вражды... Злополучный и ложный расчетъ! Отказываться отъ враговъ, значитъ не хотѣть друзей. Есть нѣчто благородное и возвышенное въ душѣ человека, который держитъ себя открыто; къ однимъ относится враждебно,—сердечно, искренно къ другимъ; когда онъ умѣетъ встрѣтить непріятеля лицомъ къ лицу, иногда, не прочь и пошутить надъ нимъ.

При всей своей осторожности, Цицеронъ не избѣжалъ ни ссылки, ни конфискаціи, ни даже кинжала изверга!...

Какъ, послѣ Демосѣена, Аѣины, такъ, по смерти Цицерона, Римъ видитъ склоненіе звѣзды краснорѣчія. Упадокъ, всегда, близкій сосѣдъ совершенства.

Однако, въ теченіи нѣкотораго времени, лучъ свѣта показываетъ еще прохожденіе Цицерона. Квинтилианъ, Плиній, Тацитъ, достославно завершаютъ исторію краснорѣчія, въ блестящую эпоху республики.

УПАДОКЪ РИМЛЯНЪ.

Краснорѣчіе христіанства.

Времена свершились. Пресыщенные богатствами вселенной, самыя побѣды Рима развили въ немъ зародыши всѣхъ пороковъ.

Алчность, честолюбіе, неистовство роскоши и сладострастія овладѣли сердцами.

Религія и законы утратили господство.

Среди развалинъ древнихъ вѣрованій и смятенія новыхъ идей, помутившійся разумъ не знаетъ, за что ухватиться...

Власть оспариваютъ другъ у друга съ оружіемъ въ рукахъ и не во имя общаго блага, а ради личныхъ наслажденій.

Въ самомъ Римѣ, изгнанія, празднества разврата, кровавыя оргіи; извнѣ, въ провинціяхъ, отданныхъ на жертву хищности проконсуловъ,—своеволіе, презирающее всякія границы, послѣднія крайности рабства!

Этотъ невообразимый хаосъ сосредоточивается, наконецъ, въ одномъ живомъ существѣ, котораго зовутъ Нерономъ или Діоклетіаномъ, въ томъ ужасномъ видѣніи, откуда зло идетъ лучами, по всѣмъ артеріямъ государства.

Тогда, изъ нѣдръ Сѣвера и Востока, стекаются неизвѣстные народы, которыхъ, для исполненія своихъ предназначеній, Провидѣніе держало въ резервѣ.

Толкаемые невидимой силой, открываютъ они широкія бреши въ стѣнахъ имперіи, а затѣмъ, устремляясь одинъ за другимъ и глубоко взрывая, не перестаютъ бороздить ея почву во всѣхъ направленіяхъ, какъ плугъ подымаетъ заглохшую ниву, чтобы дать плодородіе, и гдѣ, то здѣсь, то тамъ, виднѣется зарево красноватаго дыма отъ вредоносныхъ растений, предаваемыхъ огню для истребленія ихъ съ корнями.

Таково было явленіе, именуемое нашествіемъ варваровъ.

Что станется съ міромъ?

Голосъ, раздающійся въ Іудеѣ, возвѣщаетъ ему освобожденіе! Правосудный умираетъ, дабы спасти его. Внимаемый чистыми сердцами, глаголь Господень дастъ въ нихъ ростки, разцвѣтетъ и, понемногу, станетъ тѣмъ обѣтованнымъ древомъ, которое своею тѣнью покроетъ возродившееся человѣчество.

Окунувшись въ этотъ божественный источникъ, краснорѣчіе сотворитъ чудеса. Увлекаемые вдохновенною и обаятельною рѣчью

апостоловъ, народы поймутъ, что высота ихъ мышленія и теплота рѣчи, очевидно, заимствованы у величія и могущества ихъ святаго подвига.

Въ эпоху зарожденія христіанства, существовали націи, племена и расы, чаще всего, другъ-другу враждебныя; были и отдѣльныя лица, разъединяемыя противорѣчивыми интересами и сходящіяся только на почвѣ эгоизма; встрѣчались господа и рабы, повелѣвающіе классы и униженная чернь: никто не разсматривалъ человѣческаго рода, какъ одну великую семью. Вездѣ царилъ принципъ зла,—начало разложенія. *Каждый у себя и для себя*, таково было роковое правило, въ дѣйствительности, опредѣлявшее нравы людей и мѣропріятія власти.

Въ отрицаніе этого гнуснаго требованія отца смерти — сатаны,—слово Іисуса Христа, проповѣдуя идеи братства и закона жизни, на самомъ дѣлѣ, явилось міру, *благовѣстіемъ спасенія*. Какую силу это могучее и желанное слово принесло въ самую глубину совѣсти человѣка! Какой подъемъ духа и энергію, внезапно, создало оно! Бѣдные, угнетенные и безпомощные, — народъ, вообще, прежде другихъ, уразумѣлъ его. Онъ первый возвысился до чувства достоинства человѣка и сознанія его обязанностей. А, когда, восходя къ Богу душею, они увидѣли свѣтъ, котораго ихъ разумъ былъ лишень ранѣе, нашли путь къ единству и точку опоры, которыхъ народнымъ массамъ именно, не доставало, — аристократія, князья и короли, — все должно было уступить и признать владычество закона христіанскаго.

Если бы предложили человѣку, слабому тѣломъ и духомъ, съ погасшимъ воображеніемъ и замирающимъ сердцемъ, терзаемому идеею близкой и жалкой смерти и, въ данную минуту, лишенному даровъ разума, которые одни даютъ возможность спасительнаго вліянія въ соціальной, окружающей его сферѣ, если, говорю я, этому человѣку предложили бы вернуть силы, которыя приносятъ счастье и покой, въ настоящемъ, а въ будущемъ, — увѣренность, и которыя позволили бы ему, въ законахъ, искусствахъ и литературѣ, неизмѣнно, открывать новую, широкую и вѣрную, дорогу,—путь, ведущій только впередъ и къ идеалу совершенства; если бы, подкрѣпляя это предложеніе, ему указали, что средство, ему намѣченное, другіе уже испытали раньше и нашли въ немъ источники, которыхъ онъ, повидимому, жаждетъ, дабы оживотворить свою истощенную природу,—развѣ не слѣдовало бы вѣрить, что онъ не преминетъ воспользоваться столь прекраснымъ случаемъ, такъ сказать,—самовозрожденія?

Да, безъ сомнѣнія, онъ былъ бы весь готовъ увлечься этою

цѣлю. Но у него, можетъ быть, не хватило бы мужества, именно въ моментъ, когда понадобилось бы приступить къ дѣлу....

Вѣдь, чтобы совершить его, человѣкъ оказался бы вынужденнымъ покинуть сладкія и дорогія, съ дѣтства исповѣдуемая мечты; вѣдь, онъ на нихъ воспитанъ, имъ обязанъ тѣми или иными успѣхами; потому далѣе, что онъ льстятъ его страстямъ и раздѣляются большинствомъ окружающихъ; наконецъ, въ силу факта, что суевѣрія и привычки въ немъ такъ укоренились, что, совершенно признавая ихъ гибельное и смертоносное вліяніе, онъ за нихъ все еще держится и, одновременно, терзаемый ложнымъ стыдомъ, властью преданія и всѣмъ, чему учился,—рѣшительно, не въ силахъ разстаться съ ними.

Біографія даннаго человѣка, это исторія кризиса, которому подверглись изящныя искусства, въ послѣдніе вѣка Римской имперіи.

Греція уже не считалась ни во что; самые передовые умы Итали сознавали или, лучше сказать, чувствовали разложеніе всего. Предоставленная самой себѣ, человѣческая мысль не могла уйти далѣе, чѣмъ это сдѣлали Гомеръ, Исократъ, Платонъ, Менандръ, Аристофанъ, Тацитъ, Саллюстій, Цицеронъ, Горацій, Виргилій, Теренцій, Плавтъ и весь дивный рядъ геніевъ, посѣвавшихъ аттическую соль въ столькихъ изумительныхъ образцахъ.

Но, вопреки этой внушительной массѣ твореній ума, казалось бы, долженствовавшихъ повлечь за собою, у обоихъ народовъ, неувыдаемое воспроизведеніе новыхъ литературныхъ красотъ, — гдѣ же причина, что, за долго до нашествія варваровъ, искусства, наравнѣ съ учрежденіями и нравами, впади въ состояніе изнуренія и дряхлости?

Дѣло въ томъ, что, раньше, чѣмъ предвѣчныя велѣнія исполнились, — древнее общество не имѣло другихъ устоевъ, кромѣ первобытныхъ вѣрованій и гомеровскаго политеизма; легенды Тита Ливія и Овидія, дополненныхъ завоеванными божествами друидовъ, Индіи или Египта.... Самозванныя религіи вели человѣка къ натурализму и сенсуализму, а эти, въ свою очередь, неотвратимо, лишали учрежденія, нравы и искусства опредѣленной идеи, чистоты, довѣрія, своеобразности и всякаго смысла.

Между тѣмъ, усматривалась прямая необходимость, чтобы искусства, происхожденіе которыхъ, воистину, божественное, освободились отъ хаоса и варварства, изъ этого унижительнаго сенсуализма и натурализма, и опять воспріяли бы вдохновеніе, славу и благотворное вліяніе на судьбы человѣчества.

Кто ихъ выведетъ изъ такого положенія?

Мы уже говорили и фактъ всѣмъ извѣстенъ,—этого достигло христіанство, возвышенное стремленіе къ добру, указанное Богомъ и поддержанное краснорѣчивымъ примѣромъ Отцевъ Церкви и мучениками вѣры.

Никто лучше Ла Гарпа не понялъ и не отмѣтилъ литературнаго вліянія первыхъ апостоловъ.

Слѣдующія слова его, всегда, находили созвучіе въ нашемъ сердцѣ:

— „Около половины четвертаго вѣка, когда, шатаясь подъ тяжестью величія и ради сохраненія собственной жизни, Римская имперія была вынуждена раздѣлиться; когда Римъ пересталъ быть единою столицею вселенной, а пружины власти ослабѣли; когда варвары, со всѣхъ сторонъ, угрожали его испорченному, но все еще повелѣвающему міромъ народу, для котораго военная дисциплина, теперь, являлась послѣднимъ оплотомъ, — въ новой религіи, изъ тюремъ и эшафотовъ, уже готовой взойти на тронъ Цезарей, родилось новое краснорѣчіе“.

„Тогда, верховный и могучій голосъ раздался изъ устъ ораторовъ христіанства“.

„Но, своеобразные предрасудки, до такой степени, ограничиваютъ кругъ нашихъ идей, что нѣкоторые придутъ, быть можетъ, въ изумленіе, услышавъ имена, которыя, обыкновенно, упоминаются между нами не иначе, какъ съ евангельской кафедрой, и едва ли не покажется страннымъ ученіе, рассматривающее ихъ среди преемниковъ Цицерона и Демосѣна, когда въ нихъ привыкли видѣть лишь послѣдователей апостольскихъ“.

„Однако, не посягая ни мало на чувство уваженія, которымъ, во имя такого титула, обязаны предъ Василиемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустымъ всѣ христіане, я могу, и здѣсь, говорить о нихъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія таланта и геніальности“.

„Встрѣчая этихъ великихъ людей на мѣстѣ, которое, въ картинѣ различныхъ возрастовъ литературы, усвоено за ними по праву,—на какомъ основаніи, мы стали бы отвращать взоры?“

„Они, конечно, принадлежатъ Церкви, которая посвятила ихъ общему благоговѣнію; она, въ особенности, призывается напоминать объ услугахъ, ими оказанныхъ религіи, о побѣдахъ, одержанныхъ ими надъ ересью; о примѣрахъ пастырскаго подвижничества, ими данныхъ; о просвѣщеніи, которое распространяли они въ народахъ, и о мученіяхъ, ими выстраданныхъ за вѣру; но они не чужды ни гражданской исторіи, ни прогрессу знаній“.

„Оскорбля насъ извѣстіями о преступленіяхъ, которыя совершались тогда, какъ и во всѣ времена, злодѣяніями тиранніи, честолюбія и фанатизма, исторія, въ контрастъ столькимъ ужасамъ, противопоставляетъ достовѣрные и признанные образы этихъ героевъ Евангелія“.

„Указывая самые трогательные примѣры чистѣйшихъ добродѣтелей, она даетъ намъ возможность убѣдиться, что, въ ихъ лицѣ, объединялись благородство характера и священнаго сана, невыразимая кротость и безстрашная сила духа, которая позволяла имъ говорить императорамъ языкомъ истины, преступнику голосомъ его собственной совѣсти, всѣмъ несчастнымъ—искренними словами братскаго утѣшенія“...

„Наука воздаетъ имъ хвалу, въ свою очередь; торжествуетъ, что, въ благодѣяніяхъ, принесенныхъ ими человѣчеству, была и ея доля участія, что и теперь, въ глазахъ міра, она служитъ частицею ихъ славы“.

„Имъ подобаетъ окружать себя блескомъ, ими же даннымъ своему вѣку. Но они имѣли бы всегда право сказать, что раньше, чѣмъ принять вѣнецъ исповѣдниковъ и мучениковъ, они были великими людьми; прежде, чѣмъ стать учеными, они заявили себя, какъ ораторы!“

И такъ, христіанская литература родилась въ моментъ, когда творенія язычества отживали свой вѣкъ. Тѣмъ не менѣе, новый разумъ, сначала, развивалъ свои силы передъ лицомъ старыхъ понятій. Этимъ столкновеніемъ обусловилось двоякое направленіе христіанскаго краснорѣчія. Бывало, что, подъ вліяніемъ странныхъ, нерѣдко, увлеченій, это искусство амальгамировалось съ преданіями риторики греко-римской или, наоборотъ, не измѣняя своему исходному принципу, хранило строгую чистоту отъ малѣйшихъ языческихъ вѣяній.

Въ пятомъ столѣтіи по Р. Х., два, совершенно различныхъ человѣка представляли оба направленія, въ Галліи.

Уроженецъ Арля, скончавшійся въ Парижѣ, Эннодій держится свѣтскаго теченія, сохраняемаго, впрочемъ,—на лонѣ религіи и епископата,—и другими.

Святой Кесарій, епископъ родины Эннодія, служитъ, напротивъ, образцомъ чистаго христіанства, безъ всякой примѣси или соприкосновенія идей язычества.

Эннодій, епископъ — риторъ, Кесарій, архіерей — апостоль. Просмотрите сочиненія перваго, того дѣятеля, который игралъ немаловажную роль во главѣ одной изъ великихъ церквей даннаго историческаго періода, и вы, на каждой страницѣ его прозы или

стиховъ, найдете выраженія, даже цѣлыя картины, заимствованныя у греческой или римской мифологіи. Его переписка, наравнѣ съ посланіями еще нѣкоторыхъ святыхъ епископовъ эпохи, поражающимъ образомъ, доказываетъ, въ какой мѣрѣ была живуча у Галловъ эта древняя, свѣтская и языческая литература.

Безспорно, далѣе, что инья письма св. Ремигія могли быть продиктованы лишь преданіями античной риторики. Знаменитая антитеза его обращенія къ Хлодвигу напоминаетъ, скорѣе, философа Эллады, чѣмъ христіанина: „Сожги все, чему поклонялся, и преклонись тому, что сожигалъ!“

Въ другомъ посланіи къ Хлодвигу, св. Ремигія даетъ жестокому Сикамбру наставленія, такъ мало примѣнимыя, что, излагая ихъ, онъ, очевидно, слѣдовалъ за отвлеченными только размышленіями объ обязанностяхъ короля, принятыми въ старину, и притомъ за общими ихъ мѣстами, въ незначительной развѣ степени дополненными идеєю христіанства: „Да не покинетъ твоей палатки никто, съ пасмурнымъ челомъ. Все, чѣмъ владѣешь, употребляй на выкупъ плѣнныхъ“—говоритъ онъ.

Олицетворившись въ Эннодіѣ и Кесаріѣ—пять вѣковъ послѣ Р. Х.,—этотъ союзъ новой религіи съ воспоминаніями язычества даетъ себя знать и въ средніе вѣка; онъ служитъ понынѣ едва ли не самую устойчивую и любопытную чертою современной литературы.

И это потому, что, въ нашемъ мірѣ,—гдѣ знанія, искусства, убѣжденія, самыя вѣрованія, повинуются круговому движенію, которое, повидимому, управляетъ всѣмъ, существующимъ, въ духовной ли, физической ли сферѣ, безразлично, смѣняются и замѣщаются непрерывно,—позднѣйшія учрежденія, всегда, сохраняютъ кое-что отъ предыдущихъ, потому что, въ природѣ, другъ другу все подаетъ руку, развивается черезъ ближайшія, весьма не рѣдко, для насъ непостижимыя сочетанія.

Подобно тому, какъ, уже съ давнихъ поръ, всѣми естествоиспытателями признано, что, если главныя царства природы,—на извѣстной высотѣ міросозерцанія, — представляютъ особенности весьма различныя, то, по существу, въ самомъ основаніи своемъ, они объединяются такими смѣшанными посредниками, которые, одновременно, заключаютъ признаки обоихъ царствъ, ими связуемыхъ,—точно также, и въ области духа, преемство наукъ, художествъ, понятій и религіи опредѣляется самыми нѣжными, очень постепенными, ревниво лелѣемыми отгѣнками.

Счастливъ тотъ, кто, совмѣстно, владѣетъ мощью орлиного взора, намѣчающаго жертву съ высоты облаковъ, и такую остро-

тою зрѣнія, которое допускаетъ возможность, у мельчайшихъ предметовъ, распознавать качества, наиболѣе сокровенныя.

Лишь за нимъ право писать всеобщую исторію народовъ, успѣховъ и переворотовъ человѣчества; вскрывать точныя причины, указывать истинныя послѣдствія; низводить испытующій взглядъ на обыденные нравы и безконечное множество второстепенныхъ мелочей, которыя, вдохновляя романъ, обогащаютъ исторію.

Съ момента, куда мы теперь пришли, ему же подобаешь продолжать отчетъ о вліяніи христіанства на всякія отрасли нашего вѣдѣнія, а путемъ специальной работы, изыскать видоизмѣненія, которымъ ученіе Іисуса Христа подвергло достояніе краснорѣчія вообще, а, въ особенности и еще ближе,—условія состязанія судебного.

Это вліяніе было громадно!

Пусть разсмотрятъ труды первыхъ ораторовъ Возрожденія, которые посвятили себя на защиту истины противъ кривды, права—отъ домогательствъ несправедливыхъ, слабаго передъ сильнымъ, и тогда, на каждой страницѣ, въ любой, такъ сказать, фразѣ, увидятъ торжество возвышеннаго, благотворнаго, братолюбиваго догмата христіанскаго надъ узкимъ, нищенскимъ и своекорыстнымъ принципомъ язычества.

Но,—даже отклонивъ отъ себя дальнѣйшее изслѣдованіе юридическаго языка,—сколько замѣчаній надо бы привести о самой формѣ изложенія у древнихъ адвокатовъ!

Съ другой стороны, какъ мы сейчасъ говорили объ Эннодіѣ, такъ и впослѣдствіи, какую надлежало бы указать, массу фактовъ, гдѣ до смѣшнаго доводилась примѣсь подробностей античной фразеологии къ сферѣ мыслей, представленій и диспутовъ христіанскихъ!

Всѣ боги, полубоги и герои Олимпа встрѣчаются на страницахъ юристовъ, уже гораздо позже паденія Рима. Идетъ ли вопросъ о раздѣлѣ земли, міеологическія уподобленія зовутъ на помощь Меркурія и Цереру. Искъ о разлученіи супруговъ открываетъ случай, разъ двадцать, повторить, что Гименей бывалъ источникомъ раздора, еще у язычниковъ. Требованія, предъявляемые законнымъ ребенкомъ, освѣжаютъ въ памяти имя Луцины*.

* Нега, Juno, Lucina, какъ единственная, настоящая замужняя женщина на Олимпѣ, является покровительницей брака, родовъ и законныхъ дѣтей. 1-го марта (calendae feminae) замужнія женщины праздновали Матроналіи (Matronalia), отправляясь въ вѣнкахъ, въ храмъ Юноны Луцины, на Эсквилянскомъ холмѣ, и посвящали ей цвѣты, среди молитвъ о счастья супружества.

Изъ этого наружнаго язычества, однако, не слѣдуетъ, что христанскія начала еще не имѣли господства! Завѣтъ Христовъ дышалъ жизнью во всѣхъ сердцахъ, на всѣхъ устахъ. Своею кровью запечатлѣвали мученики новую вѣру. Что же касается ораторовъ, то, заимствуя у суровой и себялюбивой древности лишь приемы и систему, они говорили во имя Господа мира и состраданія.

Въ описываемую эпоху, смѣшеніе царило во всемъ.

Сводъ законовъ, подобно языку, идетъ цѣликомъ отъ Латинянъ и никто не дерзаетъ отмѣнить его.

Даже Θεодосій и Карлъ Великій, два могущественные чедовѣка,—хотя въ своихъ имперіяхъ, имѣли власть перевернуть все въ верхъ дномъ,— не иначе, какъ съ трепетомъ, заносятъ руку на повелѣнія своихъ предѣстниковъ. Вопреки новымъ, часто противорѣчивымъ условіямъ, объясняютъ, исправляютъ, дополняютъ, но берегутъ завѣщанное мудрою стариною.

Тому причина, что, въ охрану людей и вещей, Господу было угодно положить ненарушимые законы, и что первый изъ нихъ— уваженіе къ правиламъ общежитія, освященнымъ древностью,— необходимость предоставить времени и неуклонному дѣйствию цивилизаціи заботу ихъ согласованія съ интересами и потребностями момента.

Теперь, очередь новой эры. Но, у ея порога, мы останавливаемся.

Пройдетъ немного времени и люди обратятся на истинный путь, указанный Спасителемъ. Еще нѣскольکو мгновеній, и, на смѣну варварскимъ испытаніямъ юридическихъ поединковъ, такъ называемымъ, судамъ божіимъ, возникнетъ организованная борьба на судебной каедрѣ, между соперниками, знающими, просвѣщенными и краснорѣчивыми...

Вотъ гдѣ наши учителя, отнынѣ. Самыя дорогія для исторіи имена юристовъ—здѣсь.

Изберемъ же, въ ихъ трудахъ, образцы, заранѣе намѣченные умомъ и вкусомъ.

Они дадутъ намъ средства оцѣнить геній каждаго оратора и сказать, кто и какое сдѣлалъ употребленіе изъ новыхъ доктринъ, въ связи съ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ Демосѣена и Цицерона.

Шэ д'Есть Анжъ и Беррье.

ПРОЦЕССЪ

ДЕ ЛА РОНСЬЕРА.

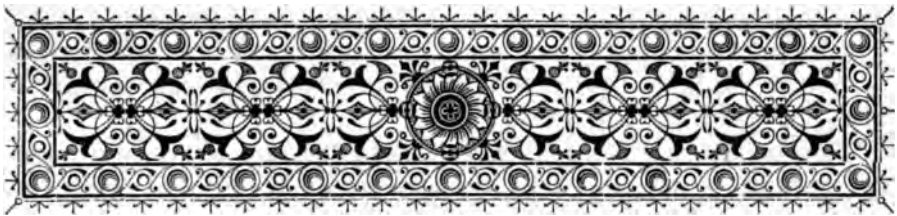
РЪЧИ

ВЪ ЗАЩИТУ и ОБВИНЕНІЕ.

Est igitur oratori diligenter providendum, non uti eis satis faciat, quibus necesse est; sed ut eis admirabilis esse videatur, quibus libere liceat judicare.

Cicero.

СЕНСКИЙ ОКРУЖНЫЙ СУДЪ,

СЪ УЧАСТИЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСЪДАТЕЛЕЙ.

Засѣданія 29 іюня — 5 іюля 1885 года.

Д Ъ Л О

О ПОРУЧИКЪ ДЕ ЛА РОНСЬЕРЪ.

Поручикъ де ла Ронсьеръ былъ преданъ суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по жалобѣ генерала Мореля.

Обвиненіе заключалось въ томъ, что де ла Ронсьеръ преслѣдовалъ юную дочь генерала, Марію, безчестными угрозами, частью анонимными, частью подписанными начальными буквами его имени и фамиліи. По словамъ жалобы, обвиняемый завершилъ свои гнусныя дѣянія покушеніемъ на изнасилованіе Маріи де Морель.

Обвинительный актъ доказывалъ, что подсудимый проникъ ночью, въ комнату дѣвушки и боролся съ нею, но устроилъ все такъ умно, что не былъ замѣченъ даже часовыми, стоявшими у квартиры генерала. Наставница Маріи, госпожа Алленъ, не слышала, въ свою очередь, ничего, хотя находилась въ сосѣдней комнатѣ.

Вслѣдъ за этими событіями, Марія Морель заболѣла весьма опасно. У нея появились серьезныя нервныя страданія, долго не уступавшія усиліямъ опытныхъ врачей и, невольно, возбуждавшія къ несчастной дѣвушкѣ искреннее сочувствіе.

Тѣмъ не менѣе, жалоба казалась сомнительною.

Будучи не въ состояніи объяснить, какъ могло удаться такое вопіющее своею дерзостью покушеніе, прокуроръ увѣрялъ присяжныхъ, что оно совершено, ибо онъ въ этомъ глубоко увѣжденъ.

Марія Морель, съ своей стороны, заявляла, что жалоба ея отца, безусловно, справедлива.

Что касается самого де ла Ронсьера, то онъ не только съ негодованіемъ отрицалъ свою виновность, но и рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрялъ свое alibi.

Однако, въ бесѣдѣ съ д'Эстульи, другомъ семьи генерала, онъ призналъ себя авторомъ писемъ;—по крайней мѣрѣ, д'Эстульи заявилъ такъ на судебномъ слѣдствіи.

Изложенное представляло большія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ сознание не могло быть исторгнуто у обвиняемаго путемъ устрашенія? Развѣ не усматривалось очевидной несообразности между уликами прокурора и доказательствами alibi подсудимаго.

Мало этого. Было произведено три экспертизы сличенія почерковъ и свѣдущіе люди, каждый разъ, приходили къ одинаковому заключенію: авторъ писемъ не де ла Ронсьеръ, а *сама Марія Морель*.

Такой выводъ имѣлъ громадную важность потому, что являлся далеко не голословнымъ. Справедливость его опредѣлялась многими, безспорными данными: а) бумага писемъ признана вырванною изъ записной книги генерала Мореля; б) у подсудимаго, не смотря на частые обыски, не было найдено бумаги, хотя бы нѣсколько похожей; в) самыя письма оказывались разбросанными по всему дому генерала и въ количествѣ, столь невѣроятномъ, что исчезала возможность понять, чья таинственная рука участвовала въ этомъ, и г) письма были постоянно находимы въ домѣ и получались по почтѣ, даже, когда обвиняемый содержался въ тюрьмѣ.

Значеніе упомянутыхъ фактовъ отражалось на интересахъ противной стороны тѣмъ серьезнѣе, что, въ виду принятыхъ мѣръ, подсудимый не могъ, по всей вѣроятности, отправить Морелямъ ни одного письма,—за нимъ наблюдали строго, не допуская ни малѣйшаго снисхожденія.

Тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ непонятнѣе становилось появленіе все новыхъ и новыхъ писемъ.

Сама собою возникала мысль, что они изготовлялись въ квартирѣ генерала, такъ какъ де ла Ронсьеръ, подѣ стражею, не предполагалъ никакими средствами писать ихъ.

Вообще, въ дѣлѣ нельзя, казалось, найти ничего вѣрнаго, очевиднаго.

Присяжные засѣдатели были обречены на безысходныя сомнѣнія, на работу, вполнѣ безнадежную. Имъ предстояло одно

изъ двухъ: или допустить невозможное, неслыханное злодѣяніе, или, что еще хуже, признать обвиненіе лживымъ, не смотря на глубокое убѣжденіе, что подобныя жалобы приносятся родителями только въ силу крайней необходимости въ защитѣ закона.

Понятно, что общественное мнѣніе было въ высшей степени затронуто процессомъ Маріи Морель.

И сегодня, хотя прошло полстолѣтія, нельзя отрѣшиться отъ сильнаго впечатлѣнія, изучая это дѣло, и не уразумѣть, до какой степени были нѣкогда возбуждены имъ страсти. Разоблачивъ многія другія тайны, время ничѣмъ не помогло здѣсь. Преступленіе Эмиля де ла Ронсьера, будучи признано по суду, является *ges judicata*, но самыя убѣдительныя возраженія долго слышались, съ разныхъ сторонъ. Многіе остались того мнѣнія, что осужденъ невинный.

Нельзя передать волненія Парижанъ. Забывая опасность для правосудія, газеты распространяли только обвинительный актъ и, возмущая толпу, не давали ей никакого противоядія. Ла Ронсьеръ имѣлъ враговъ и защитниковъ раньше, чѣмъ судей. И тѣ, и другіе отстаивали взгляды, лишеныя твердыхъ основаній, но отличавшіеся нетерпимостью и упорствомъ, какъ всякое предубѣжденіе.

Нерѣдко, одна и та же семья дѣлилась на непримиримые лагери. Имя де ла Ронсьера, произносимое шепотомъ, но безпрестанно, наводило ужасъ на матерей, а юнымъ дочерямъ ихъ служило предметомъ стыдливаго любопытства. Не было, наконецъ, недостатка и въ людяхъ, которые, помогая снисходительной логикѣ воображеніемъ и, въ страстномъ негодованіи, отождествляя преступленіе съ обвиняемымъ, находили, что судъ присяжныхъ—обрядъ слишкомъ медленный, а уголовный законъ черезъ чуръ слабъ для такого злодѣя.

Требовалась истинная храбрость и необыкновенная сила духа, чтобы рискнуть на защиту человѣка, котораго грозныя предсказанія осудили заранѣе. Шэ д'Есть Анжъ принялъ тяжелую задачу меньше, чѣмъ за двѣ недѣли до открытія преній, и этою отважною попыткой завоевалъ новые лавры оратора, далъ яркій блескъ своему имени.

Но если обвиняемый пріобрѣлъ такимъ образомъ надежную опору, то и гражданскій истецъ, генераль Морель, въ помощь прокурору, выдвинулъ сильные таланты,—Одилона Барро и Беррье, а, съ другой стороны, имѣлъ за себя драматическую обстановку показанія дочери. Глубоко опечаленный, занялъ онъ мѣсто ря-

домъ съ повѣренными; родные его семьи окружили ихъ и не покидали вплоть до вердикта присяжныхъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, прежде всего, былъ приглашенъ докторъ медицины Бальи.

Предсѣдатель. Судъ поручилъ вамъ и г. Оливье д'Анжеру изслѣдовать состояніе здоровья дѣвушки Морель. Благоволите представить отчетъ.

Докторъ Бальи. Въ теченіи трехъ послѣднихъ дней, я видѣлъ госпожу Морель нѣсколько разъ и нашелъ у нея нервное возбужденіе, повторяющееся черезъ опредѣленные промежутки. Изъ четырехъ, суточныхъ приступовъ болѣзни, одинъ, въ особенности, продолжителенъ и упоренъ. Начинаясь въ четыре часа утра, онъ не унимается въ теченіи четырнадцати часовъ, до шести вечера. Лишь въ этотъ моментъ, дѣвушка приходитъ въ сознаніе, отвѣчаетъ правильно и ясно. Два часа спустя, т. е. около восьми часовъ, является новый приступъ и длится до четверти одиннадцатаго; проходитъ и опять мучитъ больную отъ одиннадцати до двѣнадцати. Съ полуночи до четырехъ часовъ утра, кромѣ небольшого промежутка отъ трехъ четвертей втораго до двухъ часовъ, госпожа Морель чувствуетъ себя хорошо.

Предсѣдатель. Слѣдовательно, лучший моментъ допроса — полночь?

Докторъ Бальи. Да, если сдѣлать перерывъ на четверть часа, какъ объяснено.

Врачъ *Оливье д'Анжеръ* показаль, приблизительно, то же самое, заявивъ, что, и по его мнѣнію, слѣдуетъ начать допросъ госпожи Морель въ полночь и дать ей отдыхъ на четверть часа.

Предсѣдатель. Судъ постановить, по этому вопросу, особое опредѣленіе.

Затѣмъ, въ теченіи цѣлаго дня, были допрашиваемы подсудимые (кромѣ ла Ронсьера, судились, въ качествѣ пособниковъ: лакей и горничная Мореля, Самуиль Жильеронъ и Юлія Женье) и масса свидѣтелей.

Въ одиннадцать часовъ вечера, — перерывъ засѣданія до двѣнадцати.

Въ полночь, *предсѣдатель*, возобновивъ засѣданіе, сказалъ: Сейчасъ введутъ госпожу Морель. Я прошу всѣхъ присутствующихъ не дѣлать ни малѣйшаго движенія, когда она войдетъ, и полагаю, что любопытство уступить, на этотъ разъ, уваженію, которое внушаетъ состояніе больной. (*Общее одобреніе. Глубокая тишина.*)

Съ поддержкой миссъ Аллень, входитъ дѣвушка поразительной красоты. Отецъ и мать слѣдуютъ за нею. Въ соломенной шляпкѣ, покрытой бѣлымъ флеромъ, и вообще одѣтая очень просто, она движется тихо, но довольно увѣренно. Твердыми шагами идетъ къ большому креслу, для нея приготовленному, и, обернувшись къ присяжнымъ, садится. Голосъ слабъ, но не дрожить, и ея рѣчь, достигая, впрочемъ, газетныхъ репортеровъ лишь изрѣдка, обнаруживаетъ мало волненія. Повидимому, она совершенно въ здоровомъ умѣ и хорошо владѣетъ собою.

Не смотря на массу людей, въ залѣ и корридорахъ царствуетъ глубочайшая тишина. Всѣ слушаютъ съ благоговѣнiемъ, хотя многіе ничего услышать не могутъ.

Упомянувъ о нѣкоторыхъ предыдущихъ обстоятельствахъ, госпожа Морель говоритъ о ночномъ покушеніи на ея честь 24 сентября 1834 года. Вотъ что, путемъ напряженнаго вниманія, удалось схватить изъ ея разсказа:

„Я спала... Вдругъ, слышу шумъ; ломаютъ оконную раму. Поворачиваюсь, вижу, что ко мнѣ, въ комнату прыгнулъ чело­вѣкъ въ военной фуражкѣ... Тогда же и безусловно, я узнала въ немъ г. де ла Ронсьера... Сорвавъ съ меня кофточку, охвативъ платкомъ шею, а веревкою талію, онъ сказалъ, что пришелъ отмстить за себя... Онъ мнѣ нанесъ удары по рукамъ и ногамъ, сталъ кусать и налегать на меня, повторяя, что жаждетъ мести...“

„Мои подавленные крики, стenanія мои были, наконецъ, услышаны. Миссъ Аллень, послѣ нѣсколькихъ ударовъ въ дверь, сильно толкнула ее... Де ла Ронсьеръ бѣжалъ тѣмъ же путемъ, какъ явился. Въ этотъ моментъ, мнѣ были адресованы его слова: „Останется довольна!“ Открывъ глаза, которые я передъ тѣмъ закрыла, убѣдилась я, что его нѣтъ больше; какъ вдругъ опять слышу: „Держи крѣпко!“ (возвысивъ голосъ, свидѣтельница произноситъ эти слова съ удареніемъ).

Предсдатель. Вы слышали, какъ ломали раму?

Морель. Нѣтъ, я услышала не это, а чей то прыжокъ въ комнату.

— Почему вы не крикнули, никого не позвали на помощь?

— Я, вѣроятно, хотѣла это сдѣлать, но испугъ помѣшалъ мнѣ.

— Какъ былъ одѣтъ вошедшій?

— Въ красной фуражкѣ и пальто.

Предсдатель, понижая голосъ, — былъ ли онъ совсѣмъ одѣтъ?

— Да.

— Имѣлись ли панталоны?

- Не умѣю сказать. Когда пальто раскрывалось, я видѣла что-то бѣлое.
- Снялъ ли онъ съ васъ кофту?
- Да, но раньше обвязалъ меня веревкой.
- Не стѣсняла ли она вамъ рукъ?
- Нѣтъ.
- Кофта была застегнута?
- Нѣтъ, только перехвачена въ талии шнуркомъ.
- Кто былъ вошедшій?
- Де ла Ронсьеръ.
- Онъ сталъ наносить вамъ удары?
- Да.
- Въ какія части тѣла?
- По рукамъ.
- Старался ли онъ положить васъ на кровать?
- Нѣтъ.
- Повалилъ на полъ?
- Да.
- Сталъ раздѣваться?
- Нѣтъ, билъ меня и кусалъ.
- Предсѣдатель*, вполголоса, — легъ онъ на васъ или сбоку?
- Нѣтъ, этого ему не удалось...
- Не замѣтили ли вы у него ножа въ рукахъ?
- Нѣтъ.
- Въ какой именно моментъ онъ нанесъ вамъ удары колющимъ и рѣзущимъ орудіемъ?
- При концѣ борьбы.
- Онъ васъ ранилъ черезъ сорочку или подъ нею?
- Да, приподнявъ ее.
- Кровь шла?
- Да.
- Что побудило его бѣжать? Движеніе миссъ Алленъ?
- Да, она потеряла двѣ или три минуты, открывая дверь.
- Нападающій сдѣлалъ ли еще чтонибудь относительно васъ?
- Госпожа Морель молчитъ,
- Не описывали ли вы миссъ Алленъ примѣтъ де ла Ронсьера.
- Да.
- А Юліи Женье?
- Никогда.
- Много ли вы получали безыменныхъ писемъ?
- Много.
- Они были содержанія неприятнаго?

— Да.

— Вы не замѣтили, какъ именно ушелъ нападавшій?

— Нѣтъ.

— Но, вѣдь, у васъ не было обморока?

— Не было. Я видѣла человѣка на подоконникѣ, но не разсмотрѣла, куда именно онъ дѣвался.

— Хорошо ли вы слышали слова „держи крѣпче!“

— Да, и подумала, что они обращались къ Самуилу *.

— Послѣ событія, когда вы вернулись съ вашею матушкою въ Парижъ и проѣзжали въ каретѣ, по набережной Орсе, ударили ли васъ кто нибудь въ кисть руки?

— Да.

— Больно? Чѣмъ, вы думаете, палкой?

— Нѣтъ, кажется, тросточкой.

— Синякъ былъ?

— Нѣтъ, хотя я почувствовала сильную боль, которая заставила меня вскрикнуть, можетъ быть, и отъ внезапности.

— А отъ ночи на 24 сентября оставались слѣды?

— На рукахъ, шеѣ и груди.

— И, однако, вечеромъ 28 сентября, вы уже танцевали? Утромъ, были въ карусели?

— Да. Я была нездорова, но не настолько, чтобы не показываться въ обществѣ.

— Но, вѣдь, это утомляло васъ. Вслѣдъ за покушеніемъ 24 сентября, былъ ли день, чтобы вы не выходили изъ дому?

— Нѣтъ, не было.

— Какъ могли вы поѣхать на балъ, имѣя раны, о которыхъ говорите?

— Самыя замѣтныя были на рукахъ. Я надѣла перчатки.

Предсѣдатель—(внушительно). Госпожа Морель! Твердо ли вы убѣждены, что человѣкъ, вошедшій къ вамъ, былъ де ла Ронсьеръ?

Морель,—безъ запинки: Да, я положительно увѣрена.

Предсѣдатель. Излишне говорить, какимъ страшнымъ гнетомъ ляжетъ ваше показаніе на судьбѣ обвиняемаго. Понимая всѣ послѣдствія, скажите: хорошо ли вы его узнали?

— Да, это онъ.

— Если у него лице было закрыто чернымъ платкомъ, какъ могли вы узнать его?

— Платокъ не скрывалъ лица.

— Достаточно ли ярко свѣтила луна, чтобы различить цвѣта?

* Одному изъ подсудимыхъ,—лакею Жильёру.

— Да.

— Вы сказали, что фуражка была красная. Между тѣмъ, по формѣ полка де ла Ронсьера, она должна быть голубая. Фактъ замѣчательный, особенно, потому, что это единственный голубой уланскій полкъ.

— Возможно, что я и ошиблась.

— Два раза вы обнаружили недовѣріе къ своей матери. Сначала, не пригласивъ ее ночью, 24 сентября, сейчасъ за происшествіемъ, а потомъ, скрывши отъ нея раны. Можетъ быть, онѣ были на самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ?

— Да.

— Когда вы сказали о нихъ матушкѣ?

— Когда выздоровѣла.

— Употребляли вы какія нибудь средства?

— Кровь бросалась въ голову и мнѣ ставили пьивки.

— Правда ли, что докторъ изслѣдовалъ васъ только 31 октября, т. е. пять недѣль спустя?

— Да, г. предсѣдатель.

— Но, въ это время, ранъ уже не было?

— Да. (*Общее движеніе въ публикѣ*).

По требованію предсѣдателя, ла Ронсьеръ встаетъ.

— Взгляните и скажите еще разъ, признаете ли вы его?

Свидѣтельница, быстро поворачиваясь, приподымаетъ вуаль, смотритъ, безъ всякаго волненія, подсудимому, прямо въ глаза, и говоритъ, съ увѣренностью: Да, я его узнаю. (*Сильное впечатлѣніе*).

Предсѣдатель. Самуилъ Жильеронъ показалъ, что, войдя въ гостинную съ цѣлью поискать безыменныхъ писемъ и убѣдившись, что ихъ нѣтъ, онъ, нѣсколько минутъ спустя, услышалъ, тѣмъ не менѣе, отъ васъ, что одно изъ нихъ нашли вы. Затѣмъ, по вашимъ же словамъ, оказалось еще одно, приколотымъ булавкою, на стѣнѣ лѣстницы. Между тѣмъ, какъ говоритъ Жильеронъ, письма нельзя было укрѣпить этимъ способомъ, на кирпичной стѣнѣ?

Морель не отвѣчаетъ.

Прокуроръ Понтаррѣ-Лафоссъ. Вы узнали ла Ронсьера въ лице и по голосу?

— Да.

Предсѣдатель. Подсудимый, что вы имѣете сказать?

Де ла Ронсьеръ (весьма энергично). Я протестую противъ показанія госпожи Морель. Предъ Господомъ Богомъ и людьми, утверждаю, что это неправда. (*Ропотъ въ залѣ*).

Прокуроръ. Вы не можете сказать ничего иного?

Подсудимый. Этимъ исчерпывается все!

Предсѣдатель. Чѣмъ же вы объясняете ея слова?

Обвиняемый. Мотивовъ не знаю. Понять не могу, что вынуждаетъ госпожу Морель обвинять меня въ страшномъ преступленіи, котораго я не совершалъ.

Предсѣдатель. Допускаете ли вы, что семья Морель ненавидитъ васъ?

Подсудимый. Я ничего не сдѣлалъ ей дурнаго и не вижу, за что хотять меня погубить.

Шэ д'Есть Анжъ. Сознаетъ ли госпожа Морель всю важность своего показанія?

Предсѣдатель. Достопочтенный (Maitre) Шэ д'Есть Анжъ! Вы видѣли мои усилія обратить ея вниманіе на этотъ вопросъ. Свидѣтельница, подумайте еще разъ. Вѣдь, и другой могъ проникнуть къ вамъ...

Шэ д'Есть Анжъ. Измѣнялъ ли голосъ тотъ человѣкъ, о которомъ вы рассказываете?

Морель. Нѣтъ; онъ говорилъ тихо; но голоса не измѣнялъ.

Предсѣдатель. Но, вѣдь, шопоть есть уже перемѣна?

Морель. Во всякомъ случаѣ,—это былъ ла Ронсьеръ.

Предсѣдатель. Однако, по удостовѣренію миссъ Алленъ, сначала, вамъ только казалось, что вы его узнали. Утверждаете ли теперь положительно?

Морель. Да, г. предсѣдатель.

Шэ д'Есть Анжъ. Когда человѣкъ, къ вамъ вошедшій, встрѣтилъ, на дорогѣ, стуль, какъ онъ оттолкнулъ его? Сильно?

Морель. Да, милостивый государь.

Шэ д'Есть Анжъ. Именно это я хотѣлъ выяснитъ. Скажите еще, какъ долго продолжалось событіе?

Морель. Для меня, слишкомъ долго! (Волненіе).

Предсѣдатель. Г. прокуроръ, господа присяжные, подсудимые! Не имѣетъ ли ктонибудь заявленій?..

— Уведите госпожу Морель. (Общее движеніе).

Всѣ начинаютъ ее разглядывать. Каждому хочется запомнить черты ея лица, скрадываемыя вуалью. Подымается суматоха.

Предсѣдатель. По мѣстамъ! Требую безусловной тишины, пока госпожа Морель не оставитъ зала.

Полное затишье. Дѣвушка уходитъ, въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, съ которыми вошла.

Тогда ее можно, наконецъ, разсмотрѣть. Она прекрасна, высокаго роста и хорошо сложена. Проходя, она кланяется знакомымъ.

Затѣмъ, въ часъ ночи, засѣданіе прерывается до II часовъ утра.

На другой день, 29 іюня 1835 года, открылись судебныя пренія.

Если, еще до начала процесса, болѣе четырехъ тысячъ лицъ осаждали предсѣдателя просьбами о билетахъ для входа въ засѣданіе, то 29 іюня, уже съ шести часовъ утра, толпа заперудила улицы, прилегавшія къ суду, большую галерею, ведущую къ залу уголовного отдѣленія, другую, такъ называемую, „Потерянныхъ шаговъ“, всѣ лѣстницы, двери и проходы, ломилась всюду, гдѣ было возможно, и едва не опрокинула цѣлый гарнизонъ жандармовъ.

Мѣста за судьями и скамья адвокатовъ были, конечно, заняты всѣ, безъ исключенія. Многіе, даже изъ судебного вѣдомства, попасть не могли. Вообще, никто не запомнитъ дѣла, которое производило бы въ Парижѣ бѣольшую сенсацію.

Предстояла упорная борьба, и каждый изъ участвующихъ въ дѣлѣ повѣренныхъ пригласилъ помощника: Одиллонъ Барро—Павла Фабра; Беррье—Августа Іоаннэ; Шэ д'Есть Анжъ—Ришома.

Каждая сторона явилась въ сопровожденіи родныхъ. О генералѣ Морелѣ мы уже говорили.

Рядомъ съ защитникомъ своего сына, сѣлъ другой генералъ, де ла Ронсьеръ, потерявшій руку въ бою за отечество. Обвиняемый помѣстился сзади нихъ. Это молодой человекъ, съ приятнымъ лицомъ и красивою наружностью; держитъ себя просто. Отецъ старается ободрить его, среди предстоящихъ испытаній, говоря: „Мужайся, сынъ мой! Ты невиненъ, чего же станемъ мы бояться?!“

Рѣчь прокурора продолжалась два дня.

За нимъ, Одиллонъ Барро, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, вновь группировалъ и развивалъ улики. Потрясающее впечатлѣніе произвела его рѣчь.

Наконецъ, 3 іюля, съ утра, было дано слово Шэ д'Есть Анжу.

Вотъ что сказалъ онъ:

Господа!

In atrocissimis, leviores conjecturae sufficiunt! Чѣмъ ужаснѣе преступленіе, тѣмъ меньше надо уликъ, чтобы осудить,—таково было руководящее правило инквизиціи. Въ нашихъ глазахъ, оно кажется дикимъ и опаснымъ, но, помимо своей воли, мы сами преклоняемся передъ нимъ.

Когда намъ расскажутъ о великомъ злодѣяніи, такомъ, напри-

мѣръ, какъ оглашаемое въ этомъ залѣ нынѣ; когда мы вдругъ узнаемъ, что оно направлено противъ цѣлой семьи, дышетъ упорной, адской злобой; сосредоточено на юной, слабой дѣвушкѣ и выразилось оскорбленіями, насиліемъ, непримѣрною жестокостью,—каждый принимаетъ сторону жертвы и негодуетъ. И чѣмъ благороднѣе наши чувства, тѣмъ легче создается предубѣжденіе, тѣмъ съ большею слѣпотою возмущаемся мы.

Эти роковыя ошибки погубили уже много невинныхъ; безъ сожалѣнія, окунули въ грязь и де ла Ронсьера, но я не могу ихъ порицать.

Никто не переживалъ ихъ чаще меня, никто не увлекался искреннѣе. Былъ случай, когда отцу, убитому скорбью и молившему о защитѣ сына, я далъ отвѣтъ, горько оплакиваемый мною самимъ и, въ свою очередь, достойный моленій о пощадѣ:

.. „Мнѣ!.. Идти помогать вашему сыну... Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ сдѣлалъ мерзость и мое пламенное желаніе явиться отъ имени потерпѣвшей, а свѣтлымъ днемъ моей жизни было бы услышать обвинительный приговоръ!“ *(Общее удивленіе).*

Увы! Я это сказалъ. Неприличныя и жестокія слова! Однако, снисходя къ неотступнымъ просьбамъ и выслушавъ старика, уразумѣлъ я, что не имѣю права отталкивать подсудимаго раньше бесѣды съ нимъ, что моя обязанность, мой долгъ адвоката—сначала знать, а потомъ судить.

Этотъ долгъ я уплатилъ. Все изучивъ, обдумавъ, взвѣсивъ, я хочу, теперъ, предъ вами и общественнымъ мнѣніемъ, погасить другой.

Хочу дать руку помощи человѣку, несправедно гонимому вліятельною семьею, заочно приговоренному слѣпыми страстями.

Да не увлекутъ васъ, господа, ни онѣ, ни ужасъ преступленія. Общее предубѣжденіе да не осмѣлится поднять головы до этихъ кресель!

Выслушайте меня безъ симпатіи, но и безъ гнѣва. Не прошу ни о чемъ болѣе, а потому вѣрю, что отказа не встрѣчу. *(Глубокая тишина).*

Баронъ Морель нѣсколько лѣтъ уже командуетъ каваллерійскимъ училищемъ въ Сомюрѣ и, обыкновенно, живетъ одинъ. Его супруга оканчиваетъ въ Парижѣ воспитаніе дѣтей. Только разъ въ году, ко времени смотровъ, семья пріѣзжаетъ въ Сомюръ и мадамъ Морель является хозяйкой дома.

Въ томъ же училищѣ, какъ офицеръ-инструкторъ, служилъ молодой уланскій поручикъ Эмиль Клементъ де ла Ронсьеръ, сынъ

генераль-лейтенанта графа Клемента де ла Ронсьера. Я ничего не скажу объ отцѣ. Ни однимъ словомъ не буду мстить отъ его имени за подметное письмо, возмутительный пасквиль, адресованный, при началѣ процесса, суду. Какое кому дѣло здѣсь, что этотъ отецъ покрытъ восемнадцатью ранами, что, въ бояхъ за отечество, онъ проливалъ кровь, остался изуродованнымъ нищимъ, и что никто не отымаетъ у него славы, почета и уваженія! Не объ этомъ надо мнѣ говорить. О сынѣ, что такое сынъ,—вотъ о чемъ должна быть рѣчь. Однако, призванный открыть истину предъ лицомъ всего свѣта, я обязанъ сказать ее и тому, кто намъ ближе другихъ, кто хранитъ наши духовныя силы,—теперь, не покидаетъ насъ! Графъ де ла Ронсьеръ, на службѣ, усвоилъ за правило быть аккуратнымъ, требовательнымъ, очень строгимъ. Эти военные приемы онъ внесъ и въ домашнюю жизнь. Имѣя сына, съ характеромъ пылкимъ, можетъ быть, тяжелымъ, онъ рѣшилъ его обуздать и не прощалъ ничего.

Такая крайняя суровость не могла, разумѣется, не повредить воспитанію. Исчезло благотворное, взаимное довѣріе, присущее, такимъ близкимъ другъ другу людямъ, а сынъ, запуганный отцемъ,—все равно въ дѣтскомъ ли возрастѣ или будучи офицеромъ,—не могъ, согрѣшивъ, найти въ родномъ сердцѣ теплаго, вѣрнаго убѣжища. Отсюда, явились промахи, которыми упрекаютъ его нынѣ.

Въ чемъ состояли ошибки, до какой степени заблуждался онъ,—первый, основной вопросъ.

Переходя къ нему, я долженъ отмѣтить слѣдующее. Вчера, нашъ главный противникъ, повѣренный гражданскаго истца, объявилъ, что, по его мнѣнію, въ уголовномъ судопроизводствѣ, не имѣетъ смысла предыдущая жизнь обвиняемаго, какова бы она ни была, и что даже неприлично заниматься ею.

Плохая теорія! Когда надъ человѣкомъ виситъ грозная кара, не лишнее, думаю, посмотрѣть, чѣмъ онъ былъ ранѣе. Съ другой стороны, мой противникъ, впадая въ странное противорѣчіе, самъ примѣнилъ къ настоящему дѣлу то, чего не допускаетъ въ принципѣ, и перешелъ всякія границы права, имъ же отрицаемаго. Будучи самъ обмануть, онъ оклеветалъ все прошлое, цѣлую жизнь Эмиля де ла Ронсьера.

Такъ, онъ сказалъ вамъ, что подсудимаго выгоняли изъ нѣсколькихъ полковъ! Это неправда.

Ла Ронсьеръ вышелъ въ стрѣлки, прекрасный родъ оружія, гдѣ встрѣтилъ молодыхъ людей изъ хорошихъ и богатыхъ се-

мействъ, ведшихъ роскошную жизнь, не считая денегъ. Увлеченный примѣромъ, онъ надѣлалъ долговъ; не могъ ихъ не имѣть.

Отецъ разсудилъ, что платить надо, но слѣдуетъ перевести сына въ другой полкъ. Признаю, что здѣсь онъ опять задолжалъ. Но нельзя не вспомнить, что въ это время, тяготѣли еще старыя обязательства, о которыхъ цѣликомъ онъ не смѣлъ сознаться.

Новая путаница. Приѣзжаетъ отецъ, говоритъ: „Ты уже съѣлъ часть моихъ жалкихъ средствъ. Отправляйся, голубчикъ, туда, гдѣ не надо денегъ, или, по крайней мѣрѣ, гдѣ ихъ тебѣ не дадутъ!“ И посылаетъ сына въ Кайенну.

Не было ли это черезъ чуръ строго? Не видимъ ли опять жестокости, какъ главнаго элемента поученій родителя?

Отслуживъ въ Кайеннѣ, Эмиль проситъ у отца позволенія вернуться, и получаетъ. На первомъ же свиданіи, въ кругу родныхъ, старикъ даетъ понять, что не проститъ впредь ничего, а если появится хотя одинъ долгъ, то не захочетъ ни видѣть, ни слышать о сынѣ. Едва покинувъ изгнаніе, вотъ какъ юноша былъ встрѣченъ отцомъ, человѣкомъ, безспорно, добрымъ, но желавшимъ, еще разъ, проявить спасительную строгость. Напуганный угрозою, Эмиль поступаетъ въ пѣхоту, а затѣмъ, по желанію отца, въ уланы. Новыхъ долговъ больше не было; нельзя же считать трехъ или четырехъ сотъ франковъ, оставшихся за нимъ въ Сомиюрѣ. Отзывы начальства улучшились: „Онъ сталъ бы первымъ вездѣ, если бы хотѣлъ. Но вольнодумство и легкомысліе мѣшаютъ.“

Значитъ, вотъ его пороки: легкомысліе и вольнодумство! И въ ихъ замѣтите, въ этомъ процессѣ, повсюду; они его главная бѣда; его несчастье, злой рокъ. Но что значитъ быть вольнодумцемъ? Нѣсколько сарказмовъ, шутокъ, въ отношеніи товарищей или старшихъ, и человѣку готовы враги; удобный моментъ, и ихъ месть не заставитъ ожидать себя. Онъ легкомысленъ; нѣтъ послѣдовательности, устойчивости; онъ мечется безъ идеи и цѣли, бросаетъ одно, не кончивъ другаго.

Не забудьте же этихъ словъ: дерзокъ и вѣтренъ. Въ нихъ его характеръ и причина всего дальнѣйшаго.

О его поведеніи слѣдствіе заключаетъ важный документъ. Капитанъ Жакеманъ пишетъ: „Въ качествѣ начальника дивизіона, гдѣ служилъ ла Ронсьеръ, удостовѣряю, что этотъ офицеръ держалъ себя прилично, работалъ усердно, былъ достаточно знакомъ съ военными науками, и что, за послѣднее время, его поведеніе мнѣ казалось даже исправнѣе и достойнѣе.“ Вспомнимъ, что показаніе дано, когда, будучи привлеченъ къ страшному дѣлу, обвиняе-

мый уже ни въ комъ не находилъ симпатіи, а, запятанный общественнымъ мнѣніемъ, заранѣе осужденный, онъ потерялъ вѣру въ людей. Тѣмъ не менѣе, очевидно, что онъ началъ исправляться. Не скрою, что кое-какіе долги и сожительница оставались; но, мнѣ кажется, всякій, говоря о молодомъ кавалерійскомъ офицерѣ, согласится съ капитаномъ Жакемэномъ: „Я снисходителенъ къ долгамъ и любовницамъ!“ заявилъ храбрый командиръ и могъ это сказать, ибо, по общему отзыву, трудно встрѣтить человѣка, болѣе скромнаго и умѣреннаго, чѣмъ онъ самъ.

Вы слышали, однако, что ла Ронсьеръ грубъ и жестокъ, что его даже наказывали за эти пороки. Но, въ чемъ же дѣло? Не въ томъ ли, что, натолкнувшись, среди сельскаго гулянья, на ссору солдатъ съ крестьянами и желая оберечь честь оружія и достоинство мундира, онъ, съ одиннадцатью товарищами, увлекся шумомъ, — суматохою праздника и рискнулъ вмѣшаться, дабы устранить насиліе. Всѣ двѣнадцать офицеровъ уже наказаны въ дисциплинарномъ порядкѣ. По какой же системѣ еще хотять вырвать у васъ новую кару для одного ла Ронсьера?

Не въ томъ ли, съ другой стороны, что какъ то, въ Сомюрѣ, когда рядовой не отдалъ чести поручикамъ ла Ронсьеру и Амберту, они не удержались отъ грубыхъ словъ и поступка, достойнаго порицанія? Но, вѣдь, кто изъ нихъ и въ чемъ виновать, мы не знаемъ.

Таковы всѣ упреки. Нѣсколько увлеченій, шалостей, долговъ, любовница, — вотъ содержаніе обвинительнаго акта о его прошломъ. И я хотѣлъ бы знать, кто изъ офицеровъ школы Сомюра, начиная съ командующаго генерала и до послѣдняго корнета, оглянувшись на свою собственную жизнь, счелъ бы себя въ правѣ отнести къ подобнымъ фактамъ столь безпощадно. Особенно, въ настоящемъ спорѣ, гдѣ замѣшаны такіе важные интересы, гдѣ грозятъ жизни подсудимага, а честь цѣлой семьи, говорятъ, въ опасности, не должно быть мѣста ни страстнымъ нападкамъ обвиненія, ни подозрительнымъ диффирамбамъ защиты.

Совершивъ преступленіе и сознавая необходимость оправдаться, виновный, конечно, можетъ подготовить свидѣтелей и иныя доказательства. Но вы ихъ отвергнете и не дадите вѣры ни облыжнымъ даннымъ, ни свидѣтелямъ, заучившимъ показанія передъ самымъ допросомъ.

Но, когда есть возможность развѣдать о жизни обвиняемаго, задолго до преданія суду и раньше событія преступленія; проникнуть въ сердце, изслѣдовать самые потаенные его уголки; обнажить помыслы, раскрыть душу человѣка, о, тогда нельзя не

вѣрить, что онъ весь передъ вами, каковъ онъ въ дѣйствительности, безъ задней мысли, безъ притворства и лжи!

Судебная власть захватила всѣ бумаги ла Ронсьера, его замѣтки и письма, т. е. документы, важные и которыхъ онъ не желалъ оглашать; наоборотъ, рассчитывалъ сберечь для себя самого, но съ которыми не мѣшаетъ познакомиться теперь.

Разсмотримъ же ихъ, зная, что подсудимый не имѣлъ цѣли притворяться передъ вами, писалъ, что думалъ. Поищемъ свѣдѣній о его характерѣ, привычкахъ, страстяхъ, о его жизни вообще,

Одну изъ его слабостей вы уже знаете. У него была любовница, женщина, съ которою онъ жилъ давно, — Меланія Лэръ.... Здѣсь, говорили, что онъ увезъ ее изъ семьи и опозорилъ.... Увы, это могло случиться. Сколько другихъ, уважаемыхъ и гораздо выше поставленныхъ въ мѣрѣ людей, дѣлали то-же самое! Но ла Ронсьеръ не повиненъ въ этомъ. Меланія имѣла другую связь; у нея былъ даже сынъ, и ее кинули, бросили на улицу съ этимъ ребенкомъ. Кое какія несчастныя крохи едва покрывали ея нужды. Ла Ронсьеръ встрѣтилъ ее, и стали жить вмѣстѣ. Впрочемъ, бѣдной Меланіи не повезло опять: вмѣшалась военная дисциплина. Какой скандалъ! Офицеръ живетъ съ любовницей! Пусть отыметъ жену у сосѣда, оболыститъ дочь пріятеля, — это принято, — но пусть не дѣлаетъ исторіи!... Жить съ дѣвушкой, которая ничего не теряетъ, помилуйте, вѣдь это позоръ, его надо пресѣчь!.... Такъ вопіяла неумолимая воинская дисциплина. Но онъ любилъ Меланію и, какъ видно изъ переписки, они вѣрили другъ другу. Любя, онъ противился требованію разойтись. Это ставятъ ему въ счетъ. А такъ какъ, въ данномъ процессѣ, все обращаютъ въ улику, то и вы могли бы сказать, что онъ негодяй, когда, противъ перваго нападенія, не отстоялъ женщины, которую любилъ. Но, онъ зналъ, что малѣйшая жалоба, — явится отецъ, броситъ ему въ глаза упрекъ за новый скандалъ на цѣлый городъ,... и Меланія ушла.

Начинается переписка.

Господа! Вамъ долго читали гнусныя письма, ему навязываемыя, но которыхъ онъ знать не хочетъ. Позвольте же прочитать тѣ, которыхъ онъ несомнѣнный авторъ. Начинаясь издавна, они приближаются къ моменту преступленія, надъ нимъ тяготящаго. Эти письма, безспорно, его, отобраны внезапно, даже въ конвертахъ съ почтовыми клеймами. Вотъ гдѣ его сокровенные помыслы, тайны, гдѣ онъ весь на лице. У ла Ронсьера была родственница госпожа Шеланкуръ, добрая старушка, простая и снисходительная, какъ всѣ бабушки, легко извиняющія увлеченія безумной

молодости, запутавшейся въ долгахъ. Вотъ что говоритъ онъ о ней въ письмѣ къ Мелани Лэръ.

— „Въ воскресенье, получилъ я длинное посланіе бабушки. Какъ мать, журить она меня; увѣряетъ, что, не будь я въ горѣ, бросила бы на произволь судьбы, но что теперь она не въ силахъ на это рѣшиться. Спрашиваетъ, чѣмъ могла бы помочь; обѣщаетъ пустить въ ходъ все, чтобы выручить изъ бѣды, и оканчиваетъ предложеніемъ своего кошелька.....

Это письмо заставило меня плакать, другъ мой..... Отвѣчалъ я, какъ ты сама предполагаешь,... что не могу принять такой жертвы. Нравственный долгъ не допускаетъ иного образа дѣйствій!“

Вотъ, господа, человѣкъ, гоняющійся только за деньгами, ничѣмъ не брезгающій ради нихъ. (*Живѣющее впечатлѣніе*).

Въ другомъ письмѣ, читаемъ:

„Моя бѣдная собака.....!“ А, господа, не смѣйтесь надъ этими подробностями,—онѣ имѣютъ важное значеніе; нерѣдко, человѣкъ опредѣляютъ безразличные факты, а мелочи, съ виду ничтожныя, иногда, разоблачаютъ его цѣликомъ. По этому поводу, не могу не вспомнить, что здѣсь же, будучи, въ свою очередь, гражданскимъ истцомъ въ уголовномъ дѣлѣ, * я достигъ обвиненія, смертнаго приговора для человѣка 20 лѣтъ отъ роду, который прежде, чѣмъ перерѣзать горло другу и своей матери, забавлялся, въ дѣтствѣ и юношествѣ, мученіемъ собакъ и выдергиваньемъ перьевъ у живыхъ птицъ.

„Моя бѣдная собака, третьяго дня, на пути со мною въ манежъ, потерялась. Я заходилъ въ ложу, гдѣ мы бывали съ тобою. Тамъ, мой пестъ отсталъ и его заперли. Вырвавшись только черезъ двое сутокъ и умирая съ голоду, онъ прибѣжалъ домой. Онъ все такъ же невзраченъ и глупъ, но всегда ласковъ и я люблю его.....“

Ниже, сообщая разныя новости, ла Ронсьеръ пишетъ: „Всѣ въ домѣ больны; госпожа Адель уже восемь дней не встаетъ съ кровати; нищета ужасная; стараюсь обезпечить уходъ за больной и посылаю лѣкарства.“

Въ слѣдующемъ письмѣ, онъ даетъ совѣты дѣвушкамъ, съ которою уже разошелся, боится ея забывчивости и легкомыслія, проситъ быть осторожной.

„Вотъ мѣсяць, какъ я не знаю, что съ тобою, и вспоминаешь ли обо мнѣ? Въ Парижѣ, увлечься не трудно; тамъ все помогаетъ

*) Процессъ Бенуа.

забвенію. Помни, моя милая, что у тебя нѣтъ и не будетъ лучшаго друга, чѣмъ я. Ты, можетъ быть, встрѣтишь пылкое чувство, но любовь едва-ли. Парижъ переполненъ всякими людьми и, не имѣя вѣсточки, я начинаю беспокоиться, что ты попала къ нимъ въ руки, что уже играютъ тобою! Мои слова не будутъ истолкованы дурно;—не правда-ли? Ты, вѣдь, поймешь, что, зная парижскіе нравы и соблазны, видя тамъ тебя одну, я не могу не опасаться. Вѣрь же мнѣ, будь осторожна и не пожалѣешь. Говорю не вздоръ и повторяю, какъ твой старый другъ.“

Наконецъ, еще письмо:

— „Рѣшаюсь напомнить совѣты, которые я давалъ тебѣ отъ чистаго сердца. Не забывай, милое дитя, что они необходимы для тебя самой. Подумай и, конечно, согласишься, что если посѣщеніе нѣкоторыхъ обществъ губительно для мужчины, то еще опаснѣе женщинѣ. Мы забавляемся между прочимъ и пока сами хотимъ. Васъ тянутъ другіе туда, гдѣ совсѣмъ бывать не слѣдуетъ. Сердце и легкомысліе, бессознательно, увлекаютъ въ разъ принятомъ направленіи,—а первый шагъ сдѣланъ, и вамъ нѣтъ возврата“. (*Новое движеніе въ публикѣ*).

Таковы письма. Вотъ его міросозерцаніе и, прочитавъ всю переписку, я могъ бы лишь подтвердить общій выводъ. Теперь, раскрывъ его сердце, убѣжденія, завѣтныя подробности его жизни, вы знаете, о чемъ и какъ онъ думалъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти данныя предназначались не для суда; ихъ могла видѣть только одна пара глазъ—друга, любимой женщины; будучи главною слабостью автора, она знала его тайны, притворяться было нечего! А если онъ говорилъ искренно, если письма не должны были идти никуда больше, но попали къ вамъ, то они имѣютъ силу доказательства.

И, однако, чѣмъ ни клеймятъ его! Нѣтъ чернаго предательства, нѣтъ низости и мерзости, предъ которыми онъ остановился бы. Жены, оскорбленныя и поруганныя, убитыя горемъ и отчаяніемъ; мужья, надъ которыми онъ вволю издѣвался; сцены позора, скорби и печали, гдѣ они? Кто ихъ видѣлъ? Кто можетъ указать? Ихъ нѣтъ, вопреки тому, что свидѣтелей розыскивали повсюду, что, изъ города въ городъ, слѣдили за обвиняемымъ, допытываясь злобныхъ намековъ, которые могли бы его обезчестить и погубить...

А, понимаю! Съ цѣлью дать вѣроятіе безпримѣрному, какъ и самая болѣзнь госпожи Морель, злодѣянію, неслыханному, ничѣмъ необъяснимому, ни для кого невыгодному преступленію, событію, для человѣка недоступному, надо было изобрѣсти при-

зракъ, также никѣмъ невиданный, адскій, чудовищный! Въ немъ лежалъ центръ тяжести обвиненія. Мои противники поняли это и, въ ихъ рукахъ, ла Ронсьеръ сталъ ядовитымъ исчадіемъ гнѣнны, демоническимъ существомъ, которое творитъ зло безъ ненависти, выгоды и причины.

Я спрашиваю, что общаго между этимъ изобрѣтеніемъ фантазій и человѣкомъ, преданнымъ вашему суду, письма котораго только что прочитаны, который плачетъ надъ словами бабушки Шеланкуръ, любитъ собаку только потому, что она къ нему ласкается, спѣшитъ на помощь страдалицѣ, едва узнавъ о ея нищетѣ, оберегаетъ Меланію благоразумными совѣтами и дрожитъ за участь любовницы, совсѣмъ покинутой и затерявшейся въ Парижѣ, среди всяческихъ его соблазновъ.

И такъ, кто подтасовалъ и возмутилъ общественное мнѣніе, когда самъ горемыка попалъ въ секретную камеру острога и былъ лишенъ всякихъ средствъ къ защитѣ? Кто посѣялъ негодованіе, разнесъ клевету, поднялъ бурю противъ него? Увы, не знаю, и не могу найти источника. Вижу одного подполковника Сентъ-Виктора, кидающагося въ разныя стороны и, на погибель ла Ронсьеру, допытывающаго свидѣтелей, которые, однако, или ничего не знаютъ, или готовы уличить самозваннаго прокурора во лжи. Сентъ-Викторъ и только онъ, помощникъ генерала Мореля по Сомюрской школѣ, редактируетъ сплетни, пишетъ доносы, кормитъ слѣдствіе, главнымъ образомъ, своими показаніями и льетъ въ толпу ядъ злословія, убивая подсудимаго заранѣе, безчестно, изъ за угла, отымая у него жизнь! (*Волненіе*).

Но, какъ бы ни было, мы имѣемъ дѣло съ отвратительнымъ, гнуснымъ преступленіемъ; нѣтъ силъ передать, какой ужасъ оно мнѣ самому внушаетъ,—и вотъ обвиняемый! Кто онъ, каково его прошлое, его взгляды, наклонности,—вы уже знаете. Это легкомысленный, но благородный человѣкъ; его молодость не свободна отъ ошибокъ, но у него въ сердцѣ есть хорошія чувства. Имѣя слабости, подобно всѣмъ намъ, здѣсь находящимся, слабости, извиняемая капитаномъ Жакемэномъ, онъ не способенъ, однако, на мерзость, низость или предательство. Вотъ почему я считаю себя въ правѣ вернуть обвинителямъ, по принадлежности, ихъ чудовищное созданіе, какъ ни необходимо оно имъ для процесса и какъ ни превосходитъ оно Фауста, Донъ Жуана и другія творенія нашихъ поэтовъ.

Около половины августа 1834 года, въ Сомюръ, пріѣхали госпожа Морель, ея дочь Марія, дѣвушка лѣтъ 17, сынъ Робертъ, мальчикъ, и миссъ Алленъ, гувернантка, обязанная также гото-

вить постель Маріи и занимавшая обычное, двусмысленное положеніе между воспитательницей, образующей умъ, и горничной, подметающей комнаты.

Съ этого времени, у Морелей начались обѣды и вечера.

На какомъ счету у своего начальства былъ де ла Ронсьеръ въ это время? На дурномъ? Нѣтъ. Что думалъ о немъ Жакемэнъ,—извѣстно, а самъ генераль не переставалъ оказывать ему полное благоволеніе. Въ одномъ изъ писемъ, отобранныхъ у Меланіи Лэръ, читаемъ: „Вчера я обѣдалъ у генерала. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ со мною“. Письмо отъ 28 іюля.

Въ концѣ августа, у генерала обѣдъ; ла Ронсьеръ опять приглашенъ,—мало того, его посадили рядомъ съ Маріей. Демонъ и ангелъ вмѣстѣ! Удивительно. Говорятъ, что это простая случайность, а я думаю, что если, на званномъ обѣдѣ, есть мѣсто, котораго нельзя предоставить случаю и первому встрѣчному, то это возлѣ дѣвушки 17 лѣтъ, особенно въ городѣ, гдѣ много военныхъ. Замѣтите, что такой элементарной предосторожности не принимаютъ; ее считаютъ лишней въ отношеніи ребенка, такъ свято воспитываемаго. Ее не принимаютъ...

О ней забыли! А между тѣмъ, если вѣрить обвиненію, Морель-мать преслѣдовала мужа упреками съ перваго же дня, когда онъ пригласилъ ла Ронсьера. Полагаю, что, вмѣсто ссоръ съ мужемъ, было бы лучше посматривать за дочерью.

Впрочемъ, пусть молодые люди оказались рядомъ нечаянно. Что дальше? Вѣдь, его занимаетъ тяжкій умыселъ, пора дѣйствовать, надо пользоваться минутой... Нѣтъ, во время обѣда, ничего особеннаго не случилось. Лишь послѣ, когда перешли въ гостиную, онъ, ни съ того, ни съ сего, подходитъ къ Маріи и говоритъ: „У васъ прекрасная мать! Очень жаль, что вы на нее такъ мало похожи“.

Найдется ли хотя одинъ человѣкъ, кто далъ бы вѣроятіе подобному эпизоду? Какой негодяй, какой безумецъ рѣшился бы сказать нѣчто подобное? Разсудите, господа, сами. Вспомните, что такое генераль, вообще, относительно поручика и что значилъ генераль баронъ Морель, начальникъ кавалерійскаго училища, человѣкъ съ громадными связями, для незначительнаго субалтернъ-офицера, вдобавокъ замѣченнаго кое въ чемъ и старающагося заглазить свои недостатки предъ начальствомъ и строгимъ отцемъ. И вотъ офицеръ за столомъ генерала; „къ нему внимательны, даже посадили или позволили сѣсть рядомъ съ дочерью“. Въ благодарность за это, гость бросаетъ ей дерзкія, непозволительныя слова. Чѣмъ объяснить ихъ? Привыкъ онъ, что ли, такъ

позорно держать себя у графовъ Шеланкуръ, Сенъ Дени или у генерала Роберта? Не видалъ онъ порядочнаго общества? Наоборотъ, рядъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что, бывая въ лучшихъ домахъ и среди избранныхъ женщинъ, онъ велъ себя безукоризненно. Такъ было всегда и лишь у генерала Мореля иначе. Здѣсь, ла Ронсьерь ничего не помнить и нагло, безъ всякой причины, оскорбляетъ кроткую, прелестную дѣвушку.

Повторяю,—кто этому можетъ повѣрить?! Но вотъ серія новыхъ фактовъ. Это было въ августѣ. Нѣсколько дней, и квартира генерала Мореля наводняется подметными письмами. Вы уже знаете, господа, и я прошу внимательно запомнить, что они являются не въ первый разъ. Генераль очень несчастливъ, и если никто не обезпеченъ отъ преслѣдованій такого рода, то, повидимому, судьба взъялась, главнымъ образомъ, на Мореля.

Уступимъ ему, признаемъ, что въ ноябрѣ 1833 и апрѣлѣ 1834 годовъ, безыменные письма попадали къ его семьѣ, въ Парижѣ, лишь случайно. Пусть, въ нихъ не было ничего важнаго: говорилось о миссъ Алленъ, о томъ, что она слишкомъ молода для гувернантки—это, кажется, правда—и о какомъ то учителѣ, которому не слѣдовало показываться, но который, тѣмъ не менѣе, приходилъ; затѣмъ еще какой то вздоръ, безсмысленныя угрозы и свѣдѣнія объ обществѣ „Голыхъ рукъ“. Недоумѣваю, гдѣ такое общество... „Голыхъ Рукъ?!“

Письма, являющіяся вслѣдъ за тѣмъ, повѣствуютъ лишь о любви къ Морель - матери. Но, обладая, прежде всего, умомъ, она, конечно, относится съ презрѣніемъ, забываетъ о нихъ вполне и вовсе не думаетъ нарушать ими покой своего мужа. Однако, вскорѣ, они приобрѣтаютъ характеръ, ужасающій. Не о любви уже идетъ рѣчь. Не говорятъ ни о чемъ, какъ о насиліи и угрозахъ. Все, что, въ англійскихъ романахъ, есть самага мрачнаго, расточается, здѣсь, щедрою рукою. Самое количество писемъ возрастаетъ, изо дня въ день. Они приходятъ по почтѣ, но какая то невѣдомая рука подбрасываетъ, распространяетъ ихъ по всему дому.

Кто виноватъ во всемъ этомъ? Эмиль де ла Ронсьерь. Онъ ли авторъ первыхъ писемъ? Имѣлъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, возможность писать ихъ? Нѣтъ и нѣтъ.

Спокойно живя въ Сомюрѣ, не будучи знакомъ съ семьей Мореля, даже не встрѣчавъ ее никогда и не вѣдая интимныхъ подробностей, только что изложенныхъ, ла Ронсьерь не могъ, разумѣется, подыскивать корреспондента въ Парижѣ, дабы отправлять черезъ него ноябрскіе и апрѣльскіе пасквили. Они къ

дѣлу не относятся и даже здѣсь никому не приходило въ голову обращаться ихъ въ улику.

По какому же основанію навязываютъ ему письма, адресованныя позже, въ Сомюръ?

А, видите ли, потому, что, около этого времени, супруги Марлье также получали безыменные посланія, заставившія ихъ бѣжать изъ города. Но развѣ ла Ронсьеръ тому виною? Нѣтъ, его не подозрѣвали ранѣе возбужденія процесса Морелемъ и пока еще клевета не успѣла запятнать его. Сплетня возникла лишь, когда открыли, что это чудовище проводитъ жизнь, сочиняя подметныя письма. (*Живѣйшее впечатлѣніе*).

Въ сентябрѣ 1834 года, переписка пріобрѣтаетъ характеръ, болѣе важный, и хотя еще не внушаетъ особаго безпокойства, однако, становится не терпимой. Морель-матери было назначено что то въ родѣ свиданія... Она рѣшается, наконецъ, все рассказать мужу. Генераль открываетъ окно и видитъ, что къ его дому, черезъ мостъ идетъ ла Ронсьеръ; прошелъ мимо, вернулся и снова прошелъ подъ окнами. Такъ ли это было, можно ли этому вѣрить, когда говорятъ только члены семьи Мореля, по ихъ собственнымъ словамъ, глубоко заинтересованные въ настоящемъ дѣлѣ? Впрочемъ, ла Ронсьеръ не можетъ отрицать всего. Мостъ черезъ Луару не только бойкій пунктъ, гдѣ приходится бывать каждый день, но и мѣсто прогулки жителей Сомюра.

Но, говорятъ, есть другія улики. Письма ла Ронсьеромъ подписаны. Какъ подписаны?... Да ужъ, полно, его ли рукою? Значить, онъ самъ хотѣлъ себя погубить? Вѣдь, при этомъ условіи, генералу ничто не мѣшало дать быстро почувствовать свое негодованіе. Я понимаю, что позже, когда страшное событіе повергло въ отчаяніе цѣлую семью, когда матери пришлось хоронить ужасную тайну, а молчаніемъ прикрывать раны дочери,—ла Ронсьеръ могъ рассчитывать на безнаказанность. Но, пока, таить было нечего и въ предосторожностяхъ цѣли не усматривалось!..

И такъ, авторъ извѣстенъ: стараясь измѣнять почеркъ, онъ подписываться не забывалъ. Его гибель неизбѣжна, ибо, — еще разъ,—къ чему секреты?

Примѣните же, господинъ начальникъ школы въ Сомюрѣ, всю строгость военной дисциплины; прогоните негодяя, который васъ оскорбляетъ и грозитъ вашимъ домашнимъ, или, по крайней мѣрѣ, черкните пару словъ его отцу. Онъ явится и отомститъ за васъ. Грозно отнесется онъ къ безчестному, скверному дѣянію, недостойному французскаго офицера; вѣдь, оно позоритъ самое имя ла Ронсьера... Вы молчите, однако? Не жалуется? Почему? Со-

образите: дѣло идетъ все хуже и хуже; — это уже не мимолетная выходка легкомысленнаго человѣка, рискнувшаго на шутство дурнаго тона или на безразличныя угрозы. Нѣтъ, нѣтъ! Это цѣлая система, правда, грубая, но послѣдовательная и настойчивая. Васъ обливаютъ грязью каждый день и, берегитесь, ее приносить неизвѣстная, но, очевидно, близкая рука. Зараза проникла въ самое сердце вашего дома. Медлить невозможно... Кто же на вашемъ мѣстѣ не содрогнулся бы отъ гнѣва? А если вы, генераль, человѣкъ испытанной твердости, успѣли овладѣть собою, то несчастная мать, ваша супруга, бодрствуя надъ честью дочери, разумѣется, не могла найти покоя ни днемъ, ни ночью!

Между тѣмъ, ла Ронсьеръ орудуетъ безпрепятственно. Происходить нѣчто, непостижимое: поручикъ, ежедневно и за свою подписью, издѣвается надъ генераломъ, а ему никто не мѣшаетъ! Разгуливая на свободѣ, онъ имѣетъ возможность развѣивать свои мерзкіе планы въ гостинныхъ самого Мореля...

Это главная задача его жизни; посвятивъ себя исключительно подметной литературѣ и пользуясь моментомъ, изучаетъ онъ, неизвѣстно, впрочемъ, для какой цѣли, роды скорописи; то измѣняетъ почеркъ, то пишетъ безъ всякихъ уловокъ, ежеминутно рискуетъ честью и жизнью, и ничѣмъ не занимается больше.

Но если это человѣкъ легкомысленный и вздорный, то упорство, съ которымъ онъ, вопреки опасностямъ и не страшась очевидной гибели, слѣдуетъ одной идеѣ, можетъ быть объяснено только необыкновенными выгодами. Съ другой стороны, если презрѣніе лучшей отвѣтъ на пошлыя любезности и безпокойство цѣлой семьи, то развѣ до тѣхъ поръ, пока угрозы не обращены къ исполненію. За эту границу, — какъ не могъ не видѣть самъ ла Ронсьеръ, — все кончено. Такимъ образомъ, переходя отъ словъ къ дѣлу, онъ долженъ былъ имѣть серьезный противовѣсъ невгодамъ, логически вытекающимъ изъ преступленія, могучій расчетъ, способный вознаградить за потерю добраго имени и позоръ всей жизни.

Станемъ же искать мотива. Найдемъ, — будетъ грозная улика. А если не отыщемъ, на чемъ построимъ обвинительный приговоръ?

Не очевидно ли, что, безъ выгоды и причины, подсудимый не можетъ быть виновать.

Гдѣ же выгода? О, говорятъ, въ разныхъ направленихъ.

Да, господа обвинители, вами намѣчено ихъ нѣсколько, и, при томъ, самыхъ постыдныхъ, невѣроятныхъ, но, увы, противорѣчащихъ другъ другу, что изобличаетъ ваше бесиліе доказать хотя бы одну.

Онъ былъ влюбленъ въ госпожу Морель-мать, инсинуируете вы. Онъ и теперь ее любитъ. Прекрасно, что же оказывается? Скромность, кажется, не военная добродѣтель, но ла Ронсьеръ предпринимаетъ все, чтобы скрыть эту любовь. Радушно встрѣчаемый генераломъ, онъ, вы знаете, можетъ часто бесѣдовать съ его женою и, конечно, обольщая себя самого, рѣшить: я доберусь до ея сердца, покорю неприступность честной женщины вниманіемъ и предупредительностью. Вотъ что онъ долженъ былъ бы сказать себѣ..., а дѣйствуетъ, наоборотъ: почти не ходитъ къ Морелямъ,—онъ бывалъ тамъ два или три раза, всего. Говорилъ ли съ барыней? Ни разу. Кланаясь при входѣ, пытался ли взглядомъ, невольнымъ движеніемъ сердца намекнуть ей о своемъ чувствѣ? Никогда! Его любви госпожа Морель не подозрѣвала. Теряя голову, окончательно сходя съ ума..., странный человѣкъ, ни разу, не заикнулся о своихъ страданіяхъ; рѣшительно забывъ, что нельзя обольстить, не ухаживая; что достигнуть сердца женщины, побѣдить обычную ей осторожность и цѣломудріе можно, только будучи самымъ скромнымъ, надежнымъ изъ ея поклонниковъ. Ничего подобнаго. Влюбленный до безумія, готовый, въ каждое мгновеніе, разразиться страшными угрозами, отомстить жестоко, онъ твердо владѣетъ собою: слово, жестъ, никогда, не измѣнили ему. Застѣнчивая и молчаливая, на глазахъ у предмета страсти, его любовь выражается лишь издали и—безыменными письмами. Безыменными?... Нѣтъ, я ошибаюсь,—письмами, въ которыхъ онъ, тщательно, измѣняетъ почеркъ или, наоборотъ, тѣми, гдѣ, конечно, съ цѣлью лучше замаскировать себя, онъ усердно подписывается: Э. де ла Рон....

Да будетъ разрѣшено мнѣ прочесть, вновь, первое изъ этихъ писемъ. Тамъ говорятъ о любви и вотъ какимъ языкомъ:

— „Я трепещу желаніемъ, называя имя того, кто обожаетъ васъ. Это моя первая любовь: благоговѣніе не можетъ быть неприятно. Надѣюсь, что все, написанное мною вашей дочери, не обезпечило васъ. Во первыхъ, это правда, а во вторыхъ, мучить Марію я началъ не прежде, чѣмъ всѣми средствами убѣдился, что вы ее не любите. У меня готовъ великій прозектъ, и если онъ не годезь здѣсь, въ Сомюрѣ, то станетъ гибелью Маріи въ Парижѣ, зимою. На ея счетъ, я уже послалъ около тридцати безыменныхъ писемъ ея парижскимъ знакомымъ.... госпожѣ де Б., находящейся теперь въ Невшателѣ, госпожѣ де М., которая живетъ въ Анси-ле-Франкѣ и т. д. Отсюда благоволите убѣдиться, что я знаю все. Сегодня, буду недалеко отъ вашего дома. Если бы вамъ случилось выйти, позвольте своему покорному слу-

гѣ надѣяться, что выраженія его почтительной любви отвергнуты не будутъ.“

Обдумывая это письмо, мы, невольно, убѣждаемся, что предположеніе, будто ла Ронсьерь кинулся въ анонимную переписку изъ любви къ Морель-матери, не имѣетъ основаній. Подсудимый, какъ вынуждены признать сами противники мои, никогда не былъ въ нее влюбленъ. Если письмо принадлежитъ ему, то лучшихъ доказательствъ не бываетъ.

Значить, надо искать другой побудительной причины. Онъ хочетъ жениться на дочери. Это гораздо ближе къ истинѣ, потому что Марія, какъ слышно, богатая наслѣдница.

Господа! Во время слѣдственной волокиты, но уже послѣ заключенія экспертовъ, въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, ломая голову съ цѣлью рѣшить, откуда взялось гибельное для него обвиненіе, и перебирая тысячи сумасбродныхъ идей, затемнявшихъ его разумъ, ла Ронсьерь сказалъ: „Можетъ быть, меня хотѣли женить на этой дѣвочкѣ“, и сказалъ глупость.

Его, бѣдняка офицера, у котораго, кромѣ имени отца, нѣтъ ничего? Какъ смѣетъ онъ помышлять о дочери генерала, барона Мореля, о такой богатой невѣстѣ и красавицѣ! Какой вздоръ! А, съ другой стороны, понятно, что если нѣчто подобное и могло быть въ виду, то и тогда не усматривалось надобности вводить въ заговоръ цѣлую семью.

Но допустимъ, что онъ самъ хотѣлъ жениться. Признаю, что это могучій двигатель, способный толкнуть на многія ухищренія. Здѣсь я больше понимаю. Съ чего же начнетъ ла Ронсьерь? Припомнимъ его первыя слова барышнѣ: „У васъ очаровательная мать. Какое несчастіе, что вы на нее такъ мало похожи.“ Столь же подходящее средство увлечь дѣвушку онъ употребляетъ и въ письмѣ къ ней, говоря, что влюбленъ въ ея мать. О, Господи, какой несообразный человѣкъ? Да это еще что! Желая понравиться матери, онъ пишетъ: „Ваша дочь отвратительна и глупа; я хочу ее сдѣлать несчастной и говорю вамъ это, зная, что вы ее не любите.“ А въ письмѣ къ дочери, вынужденный бороться со всякими препятствіями, онъ рубитъ съ плеча: „Я васъ терпѣть не могу, а вашу мать обожаю. Полюбите меня!“

Далѣе, замѣтивъ ея „презрительную улыбку“, онъ спѣшитъ напомнить Маріи: „Такой негодяй, какъ я...“ Еще позже, достигая рѣшительной побѣды, грозить: „Я сдѣлаю изъ васъ несчастнѣйшее въ мірѣ существо... Выходите за меня за мужъ.“

Ахъ, господа, лучше убить свою дочь, чѣмъ предать ее такому человѣку!

Наконецъ, совершивъ ужасное насиліе, онъ, вмѣсто мольбы: „О, я несчастный! Любовь, пламенная страсть къ вамъ привели меня къ злодѣянію; если я дерзнулъ проникнуть въ вашу комнату, осрамить, покуситься на вашу честь, ради Бога, простите мое сумасбродство, пощадите меня!“....,—упорно изобрѣтаетъ новыя оскорбленія.

Заставить полюбить себя хочеть обидами, а принудить къ замужеству предсказаніями самаго страшнаго будущаго. Убейте вашу дочь, убейте, говорю я....., но не отдавайте на произволь мерзавца, которому ни почемъ сказать: „Ваша жизнь будетъ вѣчнымъ горемъ и страданіемъ;“ чудовищу, въ письмахъ котораго есть строки: „Васъ обяжутъ выйти за меня и эта свадьба моя лучшая мечь;“—исчадію ада, которое, изранивъ слабѣйшаго и запятнавъ себя его кровью, торжествуетъ, восклицая: „Тяжкія для васъ узы соединять насъ!...“

Предлагаю всякому отвѣтить: съ цѣлью ли жениться на Маріи Морель это все было писано? (*Глубокое впечатлѣніе*).

Но есть еще одно предположеніе.

Могло быть исключительное намѣреніе мучить семью Мореля, позорить ее. Вѣдь, злоба иногда служить сама себѣ цѣлью.

Разсудимъ, хорошенько. Мѣсяць тому назадъ, въ началѣ процесса, когда грозное обвиненіе знали только по слухамъ, когда не видѣли, какую массу невозможнаго заключаетъ оно, повсюду искали мотива преступленія и найти не могли. Тогда было рѣшено: это выходець преисподней,—самъ сатана! Онъ творить зло безъ пользы для себя. Вотъ почему я былъ вынужденъ обратиться къ прошлому подсудимаго.

Теперь, зная его, мы уже не вправѣ слушать обвинителей, что это злодѣй изъ любви къ искусству. Вамъ, господа, не повѣрять, ибо не сатана, а человѣкъ, здѣсь, на лице; и нѣтъ въ немъ ничего чудовищнаго, сколько бы ни измышляли вы!

Тѣмъ не менѣе, разсмотримъ и послѣдній мотивъ. Установлено, что г. д' Эстульи былъ хорошо принятъ въ домѣ Морелей. Я далекъ отъ мысли, что ему оказывали вниманіе, которое можно было бы порицать. Согласенъ, однако, что ла Ронсьеръ не могъ, безъ зависти, глядѣть на это рожденіе любви, игнорировать счастливую и раздѣляемую привязанность. Геній зла страдаетъ отъ радости другаго и долженъ былъ мѣшать ей.

Какъ же онъ возьмется за дѣло?

Увы, столь же неловко, какъ и желая самъ понравиться Маріи. Достигнувъ изумительнаго совершенства въ поддѣлкѣ ея почерка, онъ адресуетъ д'Эстульи посланіе за подписью Маріи

Морель, изготовленное такъ, что наиболѣе свѣдущіе люди приходять въ замѣшательство и не могутъ открыть подлога. Завоевавъ такой результатъ, онъ, конечно, потѣшается надъ влюбленнымъ..... Ничуть не бывало. Ради перваго предостереженія онъ, тщательно, приписываетъ: „Это я изощрился такъ, въ почеркѣ барышни, и дарю вамъ образецъ!“

Я, окончательно, теряюсь. Невозможно, чтобы событія шли этимъ путемъ! Разсчитывая помѣшать успѣхамъ д'Эстульи и затративъ на подлогъ массу времени; посвятивъ ему жизнь, будущее, лучшія надежды, человекъ не способенъ уничтожить самъ, въ рѣшительный моментъ, однимъ словомъ, всѣ свои труды и расчеты, такъ долго и усердно обдумываемые. Между тѣмъ, вы ясно видите, что подготовленное съ такими усиліями онъ мететъ долой, именно, въ послѣднюю минуту. Вѣдь, онъ, а никто другой, пишетъ: „Я поддѣлалъ ея почеркъ и вамъ шлю на пробу“. Еще разъ,—это не только невѣроятно, но это невозможно.

Отсюда я заключаю, что, начавъ исправляться и стремясь приобрести расположеніе отца и начальства, ла Ронсьеръ не могъ быть авторомъ анонимныхъ писемъ. Въ жену генерала онъ не былъ влюбленъ, а, любя, не сталъ бы оскорблять такимъ образомъ. Жениться на Маріи Морель онъ также не имѣлъ въ виду, потому что прибѣгать къ такимъ низкимъ средствамъ значило покрыть себя стыдомъ и ненавистью, идти на переборъ здравому смыслу. Творя зло, ради зла, онъ не показывалъ бы своихъ картъ, говоря: „Берегитесь! Я обманываю васъ; письма завѣдомо подложны“.

Наконецъ, совершивъ нападеніе, чѣмъ кончаетъ онъ? Раньше побѣга, достаетъ изъ кармана и кладетъ на столъ письмо, гдѣ изложено все, что сдѣлалъ. Въ четыре часа утра, пишетъ другое, а вечеромъ, — третье. Для какой надобности? Съ единственною цѣлью подготовить данныя прокурору и объявить: „Не заблуждайтесь! Я проникъ въ эту комнату, хотѣлъ убить вашу дочь и нанесъ ей два сильныхъ удара ножомъ; не утѣшайте себя: я ее..., я ее изнасиловалъ!“ Онъ, значитъ, хвастается даже тѣмъ, чего не было. Это уже совсѣмъ непонятная и неслышанная предупредительность. Она звучитъ странно, даже въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ все безпримѣрно.

Вотъ до какой степени невѣроятно преступленіе и непостижимы его приемы. Все похоже на сонъ, бредъ, на фантастическую и ужасную сказку изъ „Тысячи и одной ночи“.

Кто же распространялъ эти безумныя письма,—вѣдь, ихъ бессмысленность еще выше дерзости?—Кто такъ щедро сѣялъ ихъ

въ квартирѣ генерала? Не ла Ронсьеръ, конечно, ибо онъ бывалъ тамъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ, да и то не вездѣ. Кто же могъ проникать въ самые таинственные уголки? Очевидно — изъ своихъ; нѣкто, живущій въ домѣ и, при томъ, не обязанный находиться въ какомъ нибудь одномъ мѣстѣ обширнаго зданія; существо, близкое женѣ и дочери Мореля, съ ними неразлучное; падшій ангелъ, день и ночь рѣющій надъ ихъ жильемъ; могучая, всегда присущая, но никѣмъ невидимая сила... Нѣтъ секрета, котораго она бы не знала, нѣтъ семейной тайны, которой бы не выдала!

Такъ, Маріи ставятъ пьвки; ее прячуть и этого никто не знаетъ. Но демонъ развѣдалъ и описываетъ. Имена лучшихъ друзей, лицъ давно отсутствующихъ, даже тѣхъ, о которыхъ въ семьѣ не вспоминаютъ никогда, ему, одинаково, извѣстны. Знаетъ онъ и дѣвицу Б... изъ Невшателя, и госпожу М... изъ Анси-ле-Франкъ, не забылъ и о близкихъ отношеніяхъ семьи генерала къ игуменьѣ угла улицы Св. Доминика... Предъ нимъ все открыто.

Какъ то, начавъ письменную работу, сынъ Мореля оторвался, на минуту, пожелать добраго утра матери; возвращается, — демонъ уже посѣтилъ его комнату и на его работѣ оставилъ письмо. Въ другой разъ, супруги Морель бесѣдуютъ, шопотомъ и въ самой удаленной части квартиры, о семейныхъ дѣлахъ. Сатана ихъ настагаетъ, говоря: „Я перехватилъ вашу тайну“. Уже послѣ отъѣзда ла Ронсьера, Марія Морель пишетъ Жиске. Дьяволъ, узнавъ объ этомъ, грозитъ дѣвушкамъ: „Вашъ покровитель, Жиске, не спасетъ васъ“.

Господи, Боже мой! Какими же путями добывались свѣдѣнія? Каждый шагъ, всякое слово, кто бы ни сказалъ его, — все записано и повторено?! Откуда ла Ронсьеръ могъ черпать все это? Рѣшительно, необъяснимо. Никто не раскрылъ вопроса.

Ужъ не уносимся ли мы, очарованіемъ, въ невѣдомыя страны, созданныя фантазією поэтовъ, въ тѣ сказочные замки съ мрачными, извивающимися корридорами, гдѣ даже стѣны подслушиваютъ, а выходцы съ того свѣта овладѣваютъ всякою тайною, самыми сокровенными изліяніями души?!

Но, какова бы ни была мудрость агентовъ подсудимаго, они, неизбежно, должны попасть въ просакъ. Сколько ходовъ предстоитъ сдѣлать имъ. Взгляните, вотъ они, вмѣстѣ или по очереди, отправляются за приказаніями въ тотъ вертепъ, гдѣ обитаетъ чудовище; вотъ бѣгутъ они, во всякое время дня и ночи, то узнавать, то исполнять желанія своего повелителя! А, между тѣмъ, и въ домѣ генерала не дремлютъ. Наблюдая другъ за дру-

гомъ, каждый изъ его слугъ, наперерывъ, старается доложить хозяину пріятную новость. Каждый слѣдитъ за товарищемъ неотступно, а одинъ, начавъ стричься и вспомнивъ нѣчто вздорное, даже не высидѣлъ до конца и бѣжитъ рассказать господамъ, немедленно! Какимъ же образомъ столь частыя и необходимыя сношенія могли оставаться незамѣченными въ маленькомъ городкѣ, гдѣ все знаютъ, гдѣ идутъ сплетни и пересуды, неусыпныя?!

Нѣтъ..., немислимо найти соучастниковъ ла Ронсьера. Пристегнувъ къ нему двухъ несчастныхъ жертвъ и посадивъ ихъ на эту скамью, вамъ говорятъ: вотъ его сподвижники!... И, однако, никто не сказалъ, гдѣ они могли видѣться и когда имѣли возможность бесѣдовать.

За все время неутомимой бдительности уѣздныхъ кумушекъ, среди упорныхъ, долгихъ и преступныхъ мѣропріятій, не смотря на крайнюю энергію въ преслѣдованіи злостной цѣли,—ни одного неосторожнаго шага, ни единого сношенія съ главнымъ обвиняемымъ!

Замѣтите, въ другомъ направленіи, господа, что ему пришлось вѣрять многимъ людямъ одновременно. Какова должна быть смѣлость, расточающая подобное довѣріе! Какое безпримѣрное счастье не обмануться ни разу!

Я не замедлю указать, въ какомъ числѣ пособниковъ онъ нуждался и сколькимъ слугамъ Мореля былъ обязанъ передать тайну, прося ихъ содѣйствія. Не забывайте, что всѣ они имѣютъ хорошія мѣста и что, въ домѣ генерала, обращаются съ ними ласково. Но это ни къ чему не ведетъ. Не нашлось никого, кто бы, придя къ самому генералу или кому либо другому, сказалъ: есть человѣкъ, предлагающій мнѣ сѣять раздоръ въ вашемъ семействѣ, позорить вашъ домъ, поддерживать огонь безыменныхъ писемъ, которыя, мнѣ извѣстно, жгутъ и развѣдаютъ ваше сердце... Такого слуги не оказалось. Въ отношеніи своего добраго хозяина, всѣ они предатели и всѣ, неизмѣнно, вѣрны его врагу! (*Живѣйшее впечатлѣніе*).

О, возражать мнѣ, эти люди куплены; золото принудило ихъ молчать и обезпечило отъ измѣны. Но, вѣдь, вы знаете, что у подсудимаго были долги и, если смѣю такъ выразиться, ни гроша за душою. Въ одномъ изъ его писемъ, которыя посылались, очевидно, не ради настоящаго дѣла и въ которыхъ онъ искрененъ, есть такая фраза: „У меня до конца мѣсяца остается всего сорокъ су, да восемь франковъ я долженъ Амберту“. Значитъ, прислуга Мореля жертвуетъ собственнымъ благополучіемъ, мѣстомъ,

покоемъ изъ-за нищаго, который не можетъ оплатить ея службы и предательства.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Все открыто; добились, наконецъ, что виновать ла Ронсьеръ... Одному Богу извѣстно, въ чемъ виновать! Происходитъ дуэль и его гонять изъ полка. Въ Сомюрѣ, онъ становится притчей во языцѣхъ. Еще немного и его соучастникъ Самуилъ также обнаруженъ и, какъ онъ, изгнанъ. Обольстителъ бѣжитъ, его наперстникъ, въ свою очередь,—за нимъ. Пускай онъ, теперь, найдетъ сообщниковъ! Вдали отъ Морелей, скитаясь, гдѣ день, гдѣ ночь, покрытый стыдомъ и уже погубивъ Самуила, пусть онъ отыщетъ людей, готовыхъ вновь помогать ему! Новыхъ соучастниковъ!..

Они на лице и опять въ самомъ домѣ генерала; они, всегда, въ его распоряженіи. Негодяи или, скорѣе, храбрецы, они идутъ противъ всѣхъ ужасовъ закона и, непонятно во имя какихъ благъ, рискуютъ продолжать его сумасбродную, презрѣнную затѣю!

Но и это не все. Обладая изумительною силою воли, даже Морель выходитъ изъ терпѣнія. Его дочь тяжело оскорблена и думаетъ о самоубійствѣ. Онъ пишетъ Жиске. Правосудіе открыло свое теченіе, возмездіе обезпечено. Жалкіе люди! Берегитесь,—настигаютъ васъ. Мечъ уже въ рукахъ закона; еще мгновеніе, и вы будете уничтожены. Всѣ, подозрѣваемые, бѣгите, скройтесь, потому что, сейчасъ, генералу дадутъ блестящее и торжественное удовлетвореніе!..

Но нѣтъ, и въ такую минуту, ла Ронсьеръ находитъ еще пособниковъ.

Запомните, умоляю васъ, слѣдующій фактъ.

Письмо, адресованное д'Эстульи 24 ноября 1834 года, относится ко времени, когда мой кліентъ сидѣлъ въ острогѣ, по обвиненію въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Именно въ этотъ моментъ, онъ передаетъ письмо въ Сомюръ, откуда неизвѣстная рука, сообщникъ никому невѣдомый, шлетъ его д'Эстульи. Въ чемъ заключается письмо, гдѣ серьезная причина, вынудившая написать его?

Когда все открыто, ла Ронсьеръ долженъ былъ считать себя погибшимъ. Удержать семью генерала путемъ устрашенія, которое заставляло ее колебаться такъ долго, отнынѣ надежды не усматривалось. Жалоба подана, обвиняемый въ тюрьмѣ и ему уже готовятъ эшафотъ, потому что преслѣдуютъ за убійство. Что можетъ онъ предпринять? „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“,—такова единственно возможная система защиты, ибо другихъ нѣтъ. Онъ это видитъ ясно, когда, въ томъ же письмѣ,

замѣчаетъ: „У меня есть только одно средство спасенія—отрицать все!“ и..., немедленно, сознается: „Я совершилъ убійство!“, излагаетъ подробности, а затѣмъ своему смертельному врагу говорить: „Вотъ моя беззавѣтная исповѣдь“. Раньше онъ не хотѣлъ называть соучастниковъ. Теперь, въ виду эшафота, перечисляетъ ихъ: „Горничная была въ моемъ полномъ распоряженіи; проникъ я въ комнату Маріи при помощи лакея. Съ другимъ лакеемъ генеральскаго дома я, и сегодня, веду переписку“.

Такимъ образомъ, онъ излагаетъ все: событіе преступленія, ресурсы, которыми пользовался, примѣты прежнихъ и нынѣшнихъ сотрудииковъ. Привлеченный къ ужасному дѣлу, поставленный въ необходимость отпираться отъ всего, онъ самъ пишетъ обвинительный противъ себя актъ, а правосудію готовить такія доказательства, безъ которыхъ оно не могло бы обойтись. Въ довершеніе благополучія, подписывается. До сихъ поръ, дѣлая подпись: Э. де Р.,... Э. де ла Рон..., онъ не снималъ маски, хотя и столь прозрачной, что его узнавали всѣ. На этотъ разъ, онъ открываетъ свою фамилію полностью. Но какъ? Пишетъ не La Roncière, какъ надо, а La Ronvière...; окончательно растерявшись и, въ суматохѣ, позабывъ даже чувство самосохраненія, онъ утратилъ кстати и ореографію собственной фамиліи. (*Смѣхъ*).

Гдѣ цѣль писать, изъ нѣдръ острога, такое письмо? Вымолить у д'Эстульи пощаду? Да развѣ вы смѣли надѣяться? Развѣ могли вы забыть волненія и отчаяніе, которыми отравляли жизнь несчастной семьи? Безчестіе, гибель юной дѣвушки развѣ такъ скоро улетучились изъ вашей памяти? А всеобщее негодованіе, вась преслѣдующее, а эта жалоба, которая сверкнувъ разъ, никогда и ничѣмъ уже не можетъ быть остановлена, и во имя которой собираютъ столько данныхъ; повсюду, розыскиваютъ свидѣтелей? Вы просите милости у д'Эстульи? Безумный! Не онъ ли представилъ ваши письма, вооружилъ судебную власть самыми сильными доказательствами; не ему ли, обездоленному вашими мерзостями, подобаешь дѣлать теперь все, чтобы уничтожить вась?

А!—и я повторяю это съ глубокимъ убѣжденіемъ, — здѣсь, все сплетено изъ нелѣпостей, необъяснимо, невозможно....

Но вотъ эпизодъ, еще болѣе невѣроятный. 23 декабря, когда ла Ронсьеръ уже свыше двухъ мѣсяцевъ находился подъ стражею, бросаютъ письмо въ карету госпожи Морель. Что въ письмѣ? Гнусности, по обыкновенію. „Ее обольстилъ не сынъ генераль-лейтенанта, а простой лакей.“ Исходя отъ человѣка, изнывающего въ тюрьмѣ и склоннаго, говорятъ, просить о помилованіи, какъ

попало въ карету это странное письмо? Марія Морель уѣхала изъ Сомюра въ Фалезъ, страдая непонятною болѣзнью. Отправившись затѣмъ изъ Фалеза, она должна была прибыть въ Парижъ: но, когда именно? Никто сказать не могъ. Нельзя было опредѣлить даже дня, потому что все зависѣло отъ теченія болѣзни, преисполненной случайностей. Сама Филиберъ, подъ надзоромъ которой оставалась парижская квартира, заявила на слѣдствіи: „Барышню ожидали, но день пріѣзда былъ неизвѣстенъ.“

Такъ или иначе, 23 декабря, она пріѣхала. Было между семью и девятью часами вечера, время наибольшаго пониженія суточной температуры. Въ этотъ моментъ или никогда, надлежало оставить закрытымъ окно кареты, какъ его держали въ дорогѣ. Однако, въ Севрѣ, — это удостовѣрено самою Марією, — она попросила опустить стекло, съ ея стороны. Въ Парижѣ, среди шума народныхъ массъ, движенія и суеты, при вѣздѣ въ улицу „Счастливой Охоты,“ она же, Морель, находясь въ полномъ сознаніи и хорошо владѣя голосомъ, вскрикнула, совершенно неожиданно: „Ой, мнѣ сломали руку!“ Откуда явилась такая сильная боль? Здѣсь, объясняли, что ее, кажется, ударили палкой. Но такой ударъ, безъ сомнѣнія, оставилъ бы длинный слѣдъ, неспособный исчезнуть ранѣ нѣкотораго времени. Успокойтесь! Никакихъ слѣдовъ! Какъ ни искали, никто ихъ найти не могъ!

Между тѣмъ, таинственная рука бросила въ карету безыменное письмо, написанное на бумагѣ, — я сейчасъ скажу о ней пару словъ, — и опять заключающее оскорбленія и угрозы.

Какъ же это случилось? Ла Ронсьеръ арестованъ по дѣлу, которое ведетъ на плаху; его соучастники уразумѣли, чѣмъ пахнетъ излишняя услужливость ему. Самуиль тоже въ тюрьмѣ, а горничная Юлія потеряла мѣсто. Тѣмъ не менѣе, арестантъ сѣмѣлъ найти помощника, вѣрнаго человѣка, готоваго исполнять его приказанія; агента, который, простите за выраженіе, сталъ на караулъ въ улицѣ „Счастливой Охоты“ и, не зная ни часа, ни дня пріѣзда Морелей, не страшась зимнихъ холодовъ, имѣлъ терпѣніе и смѣлость, предъ казармами королевской гвардіи и на глазахъ у настоящаго часового, поджидать карету. Не замѣченный никѣмъ, онъ приближается, сильно бьетъ по рукѣ Марію Морель, отбрасываетъ ея руку въ карету; но и этого никто не видитъ, ни лакей на запяткахъ, ни спутники дѣвушки, внутри кареты. Кто же эти спутники? Ея докторъ, гувернантка Аллень и мать.

Стало быть, ударъ прошелъ безслѣдно, а изъ необыкновенныхъ условій появленія письма никто и ничего не видѣлъ.

Заговоривъ о письмѣ, надо отмѣтить, что оно изложено на

листокъ, вырванномъ изъ старой и грубой записной тетради. Понятно, говорятъ, почему: не имѣя въ острогѣ, другой бумаги и хорошихъ чернилъ, обвиняемый и не могъ написать иначе.

У него не было бумаги? Извините! Ея было достаточно всегда и при томъ наилучшей. Вотъ письма, адресованныя изъ тюрьмы. Взгляните и признайте, что ему не предстояло надобности рвать лоскутки изъ какой то тетради. Ближе къ истинѣ допустить, что, находясь въ дорогѣ, желая написать письмо и не располагая удобствами городской жизни, авторъ, захвавъ на постоянный дворъ, воспользовался первою попавшеюся бумагою и, вырвавъ ее изъ старой книжки, написалъ, что хотѣлъ. (*Продолжительное волненіе*).

Милостивые государи! Я не обязанъ доказывать, кто авторъ письма; мнѣ достаточно убѣдить васъ, что это не ла Ронсьеръ. Не онъ авторъ, потому что ему не было цѣли писать такое письмо. Это не онъ, ибо, дѣйствуя столь нагло и безразсудно, онъ рылъ бы яму себѣ самому. Не онъ виноватъ и потому, что, находясь въ Парижѣ, не могъ отправить письма изъ Сомюра и что самая бумага, на которой оно изложено, ла Ронсьеру не принадлежитъ. Письмо не его работы, — вотъ что я призванъ удостоверить передъ вами.

А чьей же? Вопросъ, по крайней мѣрѣ, съ моей точки зрѣнія, чуждый настоящему дѣлу.

Кто посылалъ Морелямъ анонимныя письма, вообще? Объ этомъ спрашивали, прежде всего, экспертовъ. Развѣ эксперты непогрѣшимы? Не всегда, разумѣется. Я лично не питаю того уваженія къ ихъ искусству, которое проповѣдуютъ они сами, его верховные жрецы. Однако, ихъ профессія имѣетъ важное и глубокое значеніе, и если правосудіе не считаетъ экспертизы доказательствомъ, оно все-таки разсматриваетъ ее, какъ элементъ, достойный вниманія и довѣрія. Я, съ своей стороны, знаю многое, что можно сказать и что нерѣдко говорятъ, по поводу экспертовъ. Въ зданіи суда, извѣстны даже цѣлыя анекдоты, выкапываемые каждый разъ, когда надо разбить заключеніе свѣдущихъ людей. Вамъ напомнили слова Денизара, одного изъ нашихъ старинныхъ юристовъ, и, въ особенности, его удачное выраженіе, всѣми нами давно повторяемое: „Эксперты, какъ авгуры, не должны бы смотрѣть другъ на друга безъ смѣха.“ Я все это знаю и соглашаюсь..., но съ нѣкоторою поправкою. Напримѣръ, когда прокуроръ, ссылаясь на экспертовъ, произноситъ жесткія, суровыя фразы и требуетъ уваженія къ ихъ мнѣнію не ради защиты обвиняемаго, а для осужденія его на каторгу, я не въ состояніи отрицать за экспертизою всякій смыслъ.

Люди, хотя бы и свѣдущіе, конечно, не свободны отъ увлеченій, но, въ предѣлахъ специальности, обезпечены лучше насъ. Обыкновенно, это дѣятели, посвятившіе жизнь одному занятію; сличаютъ ли они, по требованію суда, рукописи, отыскивая признаки подлога или только измѣненія обвиняемымъ своего почерка, учатъ ли грамотѣ дѣтей, излагая правила и намѣчая ошибки, они, неизбѣжно, приобрѣтаютъ навыкъ, который даетъ имъ возможность, съ перваго взгляда, узнавать физиогномію документа, — вы, господа обвинители, напрасно, смѣтаетесь надъ этимъ выраженіемъ: изо всѣхъ другихъ, оно, можетъ быть, наиболѣе точное, — и, сейчасъ же, замѣтитъ свойства данной рукописи, обычныя ей черты, красоты или недостатки, однимъ словомъ, все, что изобличаетъ одну и ту же руку и даетъ средства распознавать ее. Позвольте же этимъ людямъ видѣть не хуже насъ и не меньше какого нибудь драгунскаго офицера; не затрудняйтесь же въ выборѣ между до-вѣріемъ, котораго въ правѣ ожидать эксперты, и мнѣніемъ г. Амберта.

Не скрою, впрочемъ, что я избѣгаю вѣрить имъ слѣпо. Толковый человѣкъ, безъ особаго труда, научается поддѣлывать чужую подпись. Вещь, говорятъ, не хитрая: берутъ подлинникъ и по немъ переводятъ подпись на прозрачную бумагу, пять, двадцать, пятьдесятъ разъ, пока не привыкнуть къ особенностямъ почерка и не достигнуть свободы въ движеніи руки; тогда подписываются за другаго и экспертъ обмануть. Но, если не десятокъ буквъ, а рядъ, на примѣръ, двадцать писемъ подвергаются сличенію, то мнѣніе свѣдущихъ людей скорѣе можетъ рассчитывать на авторитетъ. Полной, абсолютной, непогрѣшимой вѣры, я лично не далъ бы ему и при такихъ условіяхъ. Экспертиза же по настоящему дѣлу производитъ впечатлѣніе и на меня. Вспомнимъ, какъ ее вели. Двумъ экспертамъ было поручено ознакомиться съ письмами, приурочиваемыми ла Ронсьеру. Ничего, кромѣ безспорныхъ его рукописей, они, для сличенія, не имѣли, и, однако, безъ колебаній, заявили, что инкриминируемые документы ла Ронсьеру не принадлежать, а писаны, очевидно, женскою рукою. Нѣтъ цѣли рассказывать, какъ изумилъ подобный отвѣтъ, данный экспертами, всегда почти, склонными къ обвиненію. Скажу только, что ихъ честность и добросовѣстность выше сомнѣній.

Тѣмъ не менѣе, зовутъ двухъ другихъ и, вопреки обычаю, не даютъ имъ на домъ ни вопроснаго листа, ни сличаемыхъ бумагъ, и не допускаютъ отсрочки въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ случается иногда. Нѣтъ! Имъ шлютъ повѣстки и, вызвавъ, объявляютъ: здѣсь, немедленно, не выходя изъ комнаты, вамъ назначенной,

приглашаетесь вы заняться этими письмами и документами. Второе рѣшеніе экспертовъ извѣстно, господа. *Авторъ писемъ не ла Ронсьеръ,—таковъ былъ новый, единогласный отвѣтъ.* Подсудимый невиновенъ и первое тому доказательство—что, совершая подлогъ, онъ не могъ владѣть лучшимъ почеркомъ, чѣмъ обыкновенно. Изготовить пасквили, а, главнымъ образомъ, тотъ, который подпisanъ „Марія Морель“, могла лишь опытная и очень набитая рука. Я хорошо знаю показанія Амберта, что ла Ронсьеръ смышленъ, ловокъ и рисоваль отлично; но если разсуждать такъ, то первымъ живописцемъ Европы явился бы авторъ лучшихъ прописей.

Независимо отъ изложеннаго, я считаю долгомъ обратить вниманіе на слѣдующій фактъ. Замѣтите, что, не смотря на важность экспертизы, обыска въ домъ Морелей не было. Допрашивая обвиняемаго, не заботились о его удобствахъ, приличіи, ни о томъ, способенъ ли онъ выстаивать предъ слѣдователемъ цѣлые часы или въ правѣ отдохнуть. Наоборотъ, генераль Морель имѣлъ возможность отказаться отъ представленія рукописей своей дочери, дважды, говоря, что ихъ не существуетъ, а затѣмъ принесъ, какую хотѣлъ. Сообразно съ этимъ, шло все слѣдствіе. Семья Морелей не переставали вѣрить на-слово. Доказательства? Да, развѣ спрашиваютъ о нихъ у барона, генерала Мореля или у госпожи баронессы, его супруги? Пользуясь совершенной свободой, влияніемъ и почетомъ, они работали безъ помѣхи. А общественное мнѣніе создавалось... Какое? О, господа, вы его отлично знаете, живете, дышите имъ и, среди него именно, встрѣчаете заразу предубѣжденія, которую только ваше безпристрастіе можетъ не допустить въ этотъ залъ.

Но если положеніе обвинителя завидно въ обществѣ, то и само правосудіе симпатизируетъ, довѣряетъ ему. Напримѣръ, у него требуютъ автографовъ; онъ даетъ, какъ и когда хочетъ. Обвиняемый—другое дѣло! Съ нимъ не стѣсняются: вся его жизнь перерыта, ограблена, уничтожена; нѣтъ интимной двери, въ которую бы не проникли, нѣтъ дальняго, сокровеннаго уголка въ сердцѣ, котораго не обыскали. Каждому изъ насъ присущи глубокія тайны, которыя мы свято бережемъ, — умираемъ съ ними. Каждому? Нѣтъ. У обвиняемаго ихъ отнимаютъ, чтобы кинуть на публичное поруганіе. Врываются къ нему въ домъ, ломаютъ хранилища, хватаютъ письма любви, самыя завѣтныя бумаги, отнюдь не тѣ, которыя онъ могъ бы заготовить въ интересахъ защиты, а совсѣмъ постороннія, давнія, помѣченныя извѣстнымъ временемъ и даже снабженныя почтовымъ штемпелемъ. Вотъ какимъ путемъ обвиненіе собираетъ вещественныя доказательства, на погибель

несчастному. Вотъ какъ относятся къ нему, предварительно за-
прятавъ въ секретную камеру острога!

И что же выходитъ изъ этихъ мѣропріятій?

Я не экспертъ, но, по чистой совѣсти, говорю, что почеркъ
ла Ронсьера, изобличая непривычку писать, тяжелъ, медленъ,
неряшливъ и полонъ ошибокъ. Какимъ же образомъ, тотъ же ла
Ронсьеръ изготовилъ бы не только рядъ подметныхъ писемъ, въ
которыхъ видна опытная рука, но и, въ особенности, коротень-
кую записку съ подписью „Марія Морель“? Эта записка изложена
легко, бѣгло, живо, вся съ разу, отъ начала до конца, и, какъ
ни всматривайтесь, вы не замѣтите въ ней ни колебаній, ни
стремленія приладиться къ чужой рукѣ. Имѣлъ ли обвиняемый
модель и время изловчиться подражать каждому слову, порознь,
а затѣмъ всей запискѣ, съ такою же точностью, какую можетъ
употребить человекъ, поддѣлывающій единичную подпись?

Конечно, нѣтъ! Вѣдь, госпожѣ Морель не было угодно пе-
редать ему образецъ своей работы. Да и вообще, несомнѣнно,
что поддѣльвателю никогда не удалось бы воспроизвести, съ
такимъ изумительнымъ сходствомъ, живою, стройною, легкой по-
черкъ женщины, прямо свидѣтельствующій о навыкѣ писать.

Взгляните, взгляните, умоляю васъ, на маленькое письмеце,
подписанное „Марія Морель,“ и скажите,—ла Ронсьера ли это
почеркъ, или онъ тождественъ съ рукописями самой Маріи Мо-
рель?! (*Общее волненіе*).

Вы, разумѣется, не потребуе, господа, чтобы, вслѣдъ за
обвинителемъ, исчерпывая сходство и разнорѣчіе, я сталъ раз-
сматривать каждое слово, букву, каждую запятую подметныхъ
писемъ. Только надъ одной буквой,—хочу остановить васъ. Въ
документахъ, инкриминируемыхъ, „d“ составлено изъ с и длиннаго
штриха. Пятьдесятъ писемъ ла Ронсьера здѣсь, на глазахъ; вотъ
еще, если хотите; но, переглядѣвъ всѣ, не найдете вы ни единого
d означенной формы, а всегда такъ: d

Защищая госпожу Морель, ибо скорѣе за нее, чѣмъ противъ
ла Ронсьера, идетъ борьба,—вы, мой противникъ, заявили, что
упомянутая записка не ея руки, потому что букву d она, не
всякій разъ, пишетъ одинаково. Признайте же гораздо болѣе
сильный доводъ, въ пользу ла Ронсьера, ибо я утверждаю ка-
тегорически, а возможность провѣрить на лицѣ, что онъ *никогда*
не писалъ d указаннымъ способомъ. Въ крайнемъ случаѣ, оставимъ
этотъ споръ о подробностяхъ. Эксперты дали ясное понятіе о
немъ, а господа присяжные, рѣшая участь ла Ронсьера, не забу-
дутъ факта.

Среди вещественныхъ доказательствъ, есть другіе, характеристическіе признаки, опредѣляющіе нравственную сторону нашихъ изысканій. Такъ, у всякаго свой, неизмѣнно присущій, методъ писать. Напримѣръ, составляя адресъ, Ронсьеръ, каждый разъ, безусловно, держится вотъ какой системы: слово „Госпожѣ“ пишеть въ концѣ первой строки, повторяеть его въ началѣ второй, затѣмъ слѣдуютъ имя и фамилія, положимъ, Меланіи Лэръ. Не существуетъ ни одного адреса, написаннаго иначе.

Прекрасно. Пусть возможно извратить почеркъ, путать слова и даже буквы собственной фамиліи, ставить la Roncière, въ замѣнъ la Roncière, Hélène, вмѣсто d'Allen, хорошо сознавая ошибки; но, отъ извѣстныхъ привычекъ, нельзя отрѣшиться; вѣдь, о нихъ даже не думаютъ. И что же? Обычной ла Ронсьеру системы писать адресъ мы не видимъ ни разу, ни въ одномъ изъ анонимныхъ писемъ.

Еще соображеніе, основное, рѣшающее.

Въ перепискѣ обвиняемаго, нерѣдки орфографическія погрѣшности. Между прочимъ, онъ постоянно ошибается въ причастіяхъ. Я понимаю, что, зная грамматику и желая отвратить подозрѣніе, иные ошибаются нарочно; но, чтобы, не вѣдая орфографіи, постигнуть ее моментально, усвоить правила, которыхъ никогда не помнилъ и соблюдать не могъ,—уразумѣть нѣчто подобное моя голова не въ силахъ, а придумать объясненіе отказывается даже вся находчивость моихъ противниковъ.

Но, какъ бы ни было, есть, въ этомъ направленіи, данныя, готовые устыдить обвиненіе.

У меня въ рукахъ полный сводъ ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ пасквиляхъ. Не утруждая васъ, беру, на выдержку, лишь нѣкоторыя.

Въ письмахъ къ Меланіи Лэръ, говоря „cela“ (это), ла Ронсьеръ ставить удареніе надъ *a*, какъ слѣдовало бы, въ другомъ словѣ, напримѣръ, *là* (тамъ). За рѣдкими исключеніями, эту ошибку онъ повторяеть, неустанно. Однако, въ пасквиляхъ, мы не видимъ ее, ни разу. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ привычки, она дѣлается сама собою, иногда вопреки желанію автора. Представьте, что вамъ надо писать безукоризненно; вы стараетесь приобрѣсти навыкъ избѣгать ошибокъ, твердо запоминаете правила грамматики и, наконецъ, садитесь за анонимное письмо; погрѣшность въ удареніяхъ, едва замѣтная, настигнетъ васъ, будьте покойны, вопреки всякимъ усиліямъ; стоить забыться на мгновеніе, и надъ первымъ попавшимся *a* уже явился знакъ, котораго вы, такъ долго и тщательно, избѣгали.

Обратимся къ другимъ словамъ, общимъ перепискѣ ла Ронсьера и безыменнымъ письмамъ; возьмемъ „*honnête*“; обвиняемый пишетъ его черезъ одно *n*; пасквили черезъ два, какъ и слѣдуетъ. Выражаясь „*La lettre que j'ai reçue*“, онъ всегда ставитъ „*reçu*“; анонимныя письма такъ не ошибаются. Смотрите сами и убѣдитесь.

Тамъ причастія, всегда, начертаны по требованіямъ грамматики.

Напримѣръ, я читаю въ пасквиляхъ, каждый разъ: „*Les lettres infâmes que vous avez reçues*“,—то есть *e*, неизмѣнно, на своемъ мѣстѣ.

Стало бытъ, подсудимый чело́вѣкъ особаго рода. Обыкновенно не въ ладу съ грамматикой, онъ заключаетъ съ нею трогательный миръ, всякій разъ, когда пишетъ анонимное письмо! Не случай и не умысль приводятъ его къ ошибкамъ, а давняя привычка; но стоитъ начать пасквиль и ея какъ ни бывало....

Резюмирую изложенное.

Писалъ ли эти пасквили ла Ронсьерь? Нѣтъ, потому что не имѣлъ цѣли и не могъ не сознавать, что они его уничтожатъ, опозорятъ, убьютъ.

Онъ ли разсылалъ анонимныя письма?

Нѣтъ, такъ какъ былъ не въ состояніи дѣлать это безъ многихъ сообщниковъ, которые служили бы ему, преемственно, то въ Сомюрѣ, то въ Парижѣ, изумительно разбрасывая цѣлыя транспорты пасквилей; такихъ пособниковъ, у которыхъ достало бы храбрости работать на него, даже послѣ ареста и привлеченія къ опасному дѣлу его самого, изгнанія, подъ смутнымъ подозрѣніемъ, Юлія Женье, заключенія въ тюрьму и преданія суду Самуила Жильерона; когда ла Ронсьерь уже былъ окруженъ неусыпнымъ, двойнымъ надзоромъ стражи и общественнаго мнѣнія и когда, безъ гроша въ карманѣ, ему приходилось бы оплачивать услуги этихъ помощниковъ, на вѣсь золота.

Онъ ли авторъ подметныхъ писемъ?

Нѣтъ. Четыре свѣдущихъ лица удостовѣрили, что это не его рука, а простыя соображенія, мною вамъ приведенныя, доказываютъ, что онъ и не могъ писать ихъ.

Еще разъ, онъ ли сочинялъ пасквили?

Нѣтъ, ибо, въ его личной перепискѣ, усматриваются такія ошибки, которыхъ найти въ пасквиляхъ невозможно.

Однако, есть другія улики, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія!

Займемся, во первыхъ, сценою изгнанія ла Ронсьера изъ го-
стинной генерала, 21 сентября. Возмущенный пасквилями и подо-
зрѣвая этого офицера, Морель, вдругъ, видитъ его у себя и, какъ

вы знаете, допрашиваетъ, еще въ передней, черезъ капитана Жакемэна. Странная, замѣтимъ между прочимъ, идея, непостижимая дерзость! Явиться въ домъ, отравленный его гнусными выходками, участвовать въ общемъ веселии и сохранять спокойствіе?! Гдѣ нахаль, который осмѣлился бы такъ издѣваться надъ горемъ отца, въ такой мѣрѣ, презирать гнѣвъ стараго солдата? Гдѣ онъ, спрашиваю я васъ?... Тѣмъ не менѣе, обвиняемый рискуетъ именно на это, и... генераль его гонить вонъ; — моментъ, когда всякая мелочь приобрѣтаетъ значеніе, и вотъ первая улика, бросаема я ла Ронсьеру въ глаза: (подробности изложилъ, здѣсь, свидѣтель Аккерманъ, восемь мѣсяцевъ позже событія, хотя, въ его собственныхъ показаніяхъ слѣдователю, на нихъ нѣтъ и намека). Направляясь къ столу, гдѣ играли въ экартэ, и видя подсудимаго съ Жакемэномъ, свидѣтель замѣтилъ, какъ ла Ронсьерь, окликнутый генераломъ, тотчасъ же взялъ въ руки свой киверъ; стало быть, продолжаетъ Аккерманъ, онъ зналъ, въ чемъ дѣло, когда собрался уходить!

Какіе жалкіе доводы и въ какомъ серьезномъ дѣлѣ! О, Господи, Господи! Домогаться отчета въ каждомъ шагѣ, говорить, зачѣмъ взяли шляпу, для чего положили, — да не все ли равно, что спрашивать: съ какою цѣлью достали вы тогда-то носовой платокъ, зачѣмъ сѣли, чего ради перешли съ мѣста на мѣсто? Боже мой! Гдѣ найду отвѣты, что могу я сказать вамъ, теперъ!

Но, какъ бы ни было, вотъ объясненіе подсудимаго: „я оставилъ киверъ на подоконникѣ, потому что, въ толпѣ, онъ могъ мнѣ мѣшать; слыша зовъ генерала и проходя мимо, я взялъ его снова, такъ какъ цѣль, для которой положилъ, — легче пробраться къ столу, гдѣ играли въ экартэ, — уже не имѣла значенія“.

Увы, въ процессѣ, гдѣ преступленіе гнусно, а данныя, изобличающія виновнаго, должны быть столь убѣдительны, гдѣ могутъ задавить лишь неопровержимыя улики, — вотъ какими ухищреніями пытаются вырвать обвинительный приговоръ.

Но, вѣдь, онъ не произнесъ ни слова. Генераль выгоняетъ его, говоря: „убирайтесь вонъ!“, и ла Ронсьерь уходитъ, молча. Странная кротость! Какъ онъ могъ не противиться? А, не сомнѣвайтесь, случись нѣчто подобное съ Амбертомъ, онъ не преклонился бы такъ скоро. Развѣ можно не спросить, — что это значить? Благоволите, дескать, генераль, объяснить причину, мнѣ надо знать ее... И тогда, нарушая покой другихъ гостей, вопросъ, естественно, привелъ-бы къ ссорѣ; но г. Амбертъ не затруднился бы вызвать ее... Все это понятно, но у каждаго свои особенности, характеръ, образъ дѣйствій; каждый храбръ по своему.

Однако, какое-бы впечатлѣніе дерзкаго и хвастливаго человѣка ни производилъ мой кліентъ, я обязанъ засвидѣтельствовать, что ему не достаетъ той смѣлости и твердости, которыя даютъ возможность не робѣть предъ внезапностью и тѣмъ, что въ приказаніи, отданномъ генераломъ, было непререкаемаго и неожиданнаго. Онъ можетъ быть отличнымъ солдатомъ, не блѣднѣть предъ опасностью и не колебаться въ виду непріятели; но есть иная храбрость, которой у него не достаетъ. Онъ не умѣетъ бороться съ трудными обстоятельствами жизни, не въ силахъ возразить, положимъ, отцу, сказавъ: „Батюшка! Вы ошибаетесь, наказывая меня такъ жестоко; не гоните меня въ Кайенну только изъ-за долговъ!“ Такой именно смѣлости, на защиту себя отъ неправосудія, отъ крайняго безсердечія, у него не хватаетъ! Что-же дѣлать,—таковъ ужъ изъянъ его характера. Да, развѣ здѣсь, предъ вами, онъ не обнаружилъ того-же недостатка, во очію? Вотъ протоколы его допроса; ихъ очень много; взгляните и убѣдитесь, съ какою энергіею и присутствіемъ духа онъ защищается, даетъ отвѣтъ на всякій вопросъ, ни одной улики не оставляетъ безъ опроверженія. Лицемъ къ лицу съ судьей, онъ негодуетъ, сражается, шагъ за шагомъ, разоблачаетъ все, доходитъ до самыхъ мелкихъ подробностей жизни; ни разу и ни одного затрудненія не обошелъ онъ; — наоборотъ, самъ, и безъ колебаній, идетъ навстрѣчу каждому.

Здѣсь-же, среди торжественной обстановки засѣданія, предъ публикой, которая пронизываетъ его глазами и гнететъ зловѣщимъ ропотомъ, — о, Господи, какое горе суждено было пережить мнѣ самому!—вы видѣли, какъ онъ держалъ себя на перекрестномъ допросѣ! Сбивается, говоритъ едва слышно, а то и вовсе становится въ тупикъ. Изъ всѣхъ возможныхъ, даетъ наихудшій отвѣтъ; если есть вздорное соображеніе, онъ самъ его приводитъ. Чѣмъ дольше настаиваютъ, тѣмъ скорѣе забываетъ онъ рѣшающіе доводы и простѣйшія объясненія, хотя сто разъ давалъ ихъ слѣдователю, и лишь изрѣдка, глухо бормочетъ: „Мой защитникъ будетъ говорить за меня“. Тогда, подымаюсь я и нахожусь вынужденнымъ заявить, что адвокатъ существуетъ не для подсказыванія отвѣтовъ, а съ благородною цѣлью добыть чистый матеріалъ и зажечь изъ него свѣтъ правды.

Таковы душевныя свойства или, лучше сказать,—вотъ слабыя стороны этого человѣка. Предъ вами онъ робѣетъ, черезъ-чуръ легко теряетъ голову. Но если, уничтоженный нестерпимымъ обвиненіемъ, подавленный грознымъ фактомъ, что противъ него предубѣждены всѣ, онъ не могъ сохранить величія духа, — рѣ-

шимся ли мы карать его и за это? Не снизойдемъ ли къ его горю и, чуждые увлеченіямъ товарищества или дружбы, не перестанемъ ли мы добивать его кличкою труса единственно за то, что не нашель онъ въ себѣ дерзости, которая позволяетъ другимъ, на этой же скамьѣ, сохранять хладнокровіе и находчивость и смотрѣть обвиненію прямо въ глаза, какъ бы ни было оно заслужено.

Независимо отъ сказаннаго, возвращаясь къ разсматриваемому эпизоду, установимъ, точно ли, кромѣ Жакемэна, другихъ свидѣтелей не было? Не вѣрьте. Сначала, дѣйствительно, хотѣли насъ убѣдить въ этомъ, но судебное слѣдствіе открыло иное. Аккерманъ, вѣдь, тоже очевидецъ и, какъ онъ объяснилъ здѣсь, „маленькая драма возбудила и его вниманіе“. Очевидно, что въ постороннихъ недостатка не было. Впечатлѣніе произведено. Что же оставалось ла Ронсьеру? Требовать объясненія? Но, вѣдь, генераль могъ бы крикнуть громче прежняго: „идите вонъ!“ и пришлось бы убираться, съ еще большимъ стыдомъ. Утромъ, на другой день, смотръ, а, непосредственно за нимъ, объясненіе было затребовано. Отвѣтъ полученъ черезъ Жакемэна: генераль *сочтетъ себя удовлетвореннымъ*, если вы представите данныя къ своему оправданію, или „генераль *удовлетворенъ*“, — подлинныхъ словъ свидѣтеля не помню, да и не мудрено растеряться въ этихъ безконечныхъ мелочахъ. Оставимъ ихъ.

Но, говорятъ, кромѣ жалкихъ, по вашему, обстоятельствъ: взятія ла Ронсьеромъ кивера и молчаливаго ухода изъ квартиры генерала, есть нѣчто, гораздо болѣе важное, — *сознаніе подсудимаго*.

Излишне напоминать, господа, вѣковую и глубокую истину нашего уголовного права: *никто не слушаетъ человека, который самъ ищетъ своей гибели!* Не разъ, случалось мнѣ задумываться надъ нею въ процессахъ, гдѣ имѣлись полныя, половинныя, четвертныя и еще мельчайшія доказательства. Однако, по моему крайнему разумѣнію, въ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ обращаются, исключительно, къ совѣсти и убѣжденію присяжныхъ, тамъ сознаніе обвиняемаго приобрѣтаетъ огромное, часто рѣшающее значеніе. Совѣсть подсказываетъ, что въ дѣяніи, безчестномъ, не сознается, напрасно, никто и немислимо позорить себя признаніемъ факта, котораго не совершалъ. Такимъ образомъ, я не намѣренъ торговаться съ уликою, мнѣ предложенною, и вы увидите, что я не только не пробую смягчить ее, а, наоборотъ, иду на бой со всѣмъ ея могуществомъ.

И такъ, посмотримъ, въ чемъ и какъ именно сознавался ла Ронсьеръ?

Д'Эстульи получаетъ анонимное письмо самаго оскорбительнаго содержанія. Заподозривъ ла Ронсьера, онъ рѣшаетъ потребовать его къ отвѣту. Что же дѣлаетъ послѣдній? Васъ увѣряли, что цѣлью письма было принудить д'Эстульи драться, сдѣлать дуэль неизбѣжною. Между тѣмъ, ла Ронсьеръ начинаетъ клятвами въ своей невинности, употребляя все, чтобы избѣжать дуэли, которой самъ хотѣлъ и которую самъ вызвалъ. Въ отношеніи д'Эстульи, онъ не брезгаетъ даже средствомъ—признаю это—мало приличнымъ для военнаго, и, отвергая подозрѣніе, умоляетъ: „Дорогой Эстульи! Я падаю на колѣни предъ вами!“, плачетъ горькими слезами, а когда слышитъ еще разъ: „Вѣдь, это вы писали!“—протестуетъ всѣми силами души, клянется всѣмъ святымъ, что неповиненъ! Убѣжденный, однако, что дѣло его рукъ, капитанъ Жакеманъ говоритъ, не спуская съ него глазъ: „Тотъ, кто разсылаетъ безыменные письма, негодяй, мерзавецъ!“ Онъ сказалъ это, глядя ла Ронсьеру прямо въ лицо. Но подсудимый не дрогнулъ; наоборотъ, самъ прибавилъ нѣсколько словъ къ этой характеристикѣ и если отказался отъ дуэли, то не вслѣдствіе трусости, этого никто не предполагаетъ, а потому, что не хотѣлъ принимать такого обвиненія на свой счетъ. У него была молодость, если и не оскверненная мерзостями, которыми ее забрасываютъ, то, надо сознаться, время долговъ и любовницъ. Забывая малѣйшее снисхожденіе къ его ошибкамъ, старикъ ла Ронсьеръ сказалъ сыну: „Если провинишься еще въ чемъ нибудь, я отрекусь отъ тебя“. Такимъ образомъ, юноша долженъ былъ погибнуть,—все равно правый или виноватый,—при первой жалобѣ. Помните, съ другой стороны, его характеръ, только что описанный мною, слабость духа и легкомысліе, преслѣдовавшее его всюду. Тѣмъ не менѣе, дуэль состоялась. Онъ клянется, что невиненъ, предъ д'Эстульи, Амбертомъ, Берайлемъ, Жакеманомъ, и, однако, вынужденъ драться.

Какъ онъ велъ себя на дуэли? Безчестно? Нѣтъ, милостивые государи, сами враги его смыли это грязное предположеніе. Дрались честно, и д'Эстульи былъ раненъ.

Ла Ронсьеръ кидается къ нему со словами: „Ахъ, бѣдный д'Эстульи!“, протягиваетъ руку и перевязываетъ его рану платками, которые приготовилъ для себя самого. Еще раньше, отправляясь на поединокъ, онъ говоритъ Берайлю: „Я невиненъ. Вотъ тетрадь моихъ рукописей; если я буду убитъ, сличите ее съ подметнымъ письмомъ, изъ-за котораго страдаю, и защитите мою память отъ ненавистой клеветы!“ Таково было его завѣщаніе;—вѣдь, судьба оружія могла кончиться и его гибелью! Такъ гово-

рилъ онъ предъ боемъ. Послѣ, когда д'Эстульи, раненный и перевязанный его платками, держа его за руку, сталъ повторять: „Я считаю васъ виноватымъ; сознайтесь и все кончено!“, онъ еще разъ возражалъ: „Не могу я признать то, чего не дѣлалъ, клянусь, что вы меня мучаете безъ основанія!“

Но, говорятъ, онъ все-таки сознался, что письма, полученные д'Эстульи, изготовлены имъ. Мой противникъ,—хотя я не понимаю такого довода въ устахъ человѣка, привыкшаго взвѣшивать слова,—настаивалъ передъ вами, что свое сознание ла Ронсьеръ подписалъ твердою рукою,—добровольно, сознательно и безповоротно. Что вы говорите? Значить, изъ вашей памяти ускользнуло все, предыдущее, весь гнетъ нравственнаго насилія, которому его подвергали. Онъ протестуетъ, клянется, доказываетъ, а ему твердятъ: „Ваши товарищи, офицеры-сослуживцы по школѣ, собираются на судъ чести; вы погибли: васъ предадутъ суду присяжныхъ; три эксперта уже признали вашу руку, пять лѣтъ каторжной работы уже готовы для васъ!“ Ясно, что еще минута, и его схватятъ; страшный, потрясающій взрывъ уничтожить его; собственный отецъ, неизбѣжно, заклемитъ и покинетъ на произволь враговъ, а „свѣдующіе люди“ уже постановили приговоръ.

Упорное размышленіе обо всемъ этомъ гнететъ и давитъ его; непрестанныя угрозы бьютъ его на поваль, а вы говорите о полномъ сознаниіи окружающаго?! Да, развѣ не очевидно, что его голова не могла работать здраво, что онъ рыдаетъ, волоса на себѣ рветъ? Видя нѣчто чрезвычайное, даже его деньщикъ, забывъ чинопочтаніе, рѣшился сказать: „Что съ вами? Можно подумать, что вы съ ума сошли!“ „Да!“—отвѣчаетъ ла Ронсьеръ! Въ такомъ отчаянномъ положеніи, хозяйка гостинницы не рѣшалась оставить его одного. Человѣка, обыкновенно, веселаго и беззаботнаго, она, съ ужасомъ, видитъ рыдающимъ горькими слезами, метающимся по землѣ, рвущимъ волосы на себѣ... А вы говорите, что онъ писалъ добровольно! Дѣлая признаніе, не самъ ли онъ отрицалъ его? Не повторялъ ли, безъ перерыва: „Я невиненъ и сознаюсь только потому, что не хочу оскорблять отца, позорить его сѣдины... Клянусь предъ Богомъ,—меня преслѣдуютъ, невинно!...“

Милостивые государи! Когда, въ иныя времена, истязуемый пытками, вздернутый на дыбу, изможденный страданіями, злополучный обвиняемый, моля о пощадѣ, взывалъ: „Ай, ой, умираю... Сознаюсь“...,—развѣ воспользовались бы вы такимъ сознаниемъ противъ несчастнаго? А если позже, вырвавшись на свободу, онъ воскликнулъ-бы: посмотрите на мое истерзанное тѣло, на руки и

ноги, еще израненныя и дрожащія; послѣднія силы, самая жизнь покидали меня, и я сознался... Но, предъ всемогущимъ Творцомъ, заклинаю васъ,—вѣрьте,—я невиненъ! Что же, рѣшились-бы вы, и тогда, утверждать: нѣтъ, онъ признался, стало быть, виноваты! (*Глубокое впечатлѣнiе*).

Не забудьте-же, что, для нѣкоторыхъ людей, нравственная пытка гораздо ужаснѣе. Презирая тѣлесныя муки, ее они выдержать не могутъ. Ведите ихъ въ застѣнокъ, раскаляйте орудія страданій,—у нихъ станетъ духа перенести боль физическую, но не пытайте ихъ нравственно,—здѣсь они безсильны. Ла Ронсьеръ не задумался бы предъ увѣщемъ и даже смертию, но онъ дрожить, будучи призванъ къ суду товарищей, разъ, въ основаніе рѣшенія, этотъ судъ, заранѣе, беретъ экспертизу противъ обвиняемаго. Тогда, храбрость покидаетъ его и, дабы избѣжать крушенія, купить молчаніе, онъ восклицаетъ: „Сознаюсь!“ Но, запомните твердо, написавъ и отправляя письмо, — „*Клянусь честью,*“ говоритъ онъ, „я невиненъ! Хочу одного, — признаніемъ, котораго домогаются отъ меня, избавить мою семью отъ позора“.

Повторяю, если несчастному, сознавшемуся подъ гнетомъ тѣлесныхъ испытаній, не хватило-бы у васъ смѣлости бросить въ глаза: „ты виноваты, самъ призналъ, все равно, среди какихъ условій; сознался,—умри!“,—то, умоляю васъ, не убивайте этими же словами ла Ронсьера; удалите прочь его признанія, отнюдь не добровольныя, а вырванныя душевными муками; не спокойный разумъ, а дряблость характера, вотъ ихъ прямой источникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсудите: называя себя авторомъ подметнаго письма, адресованнаго д'Эстульи, онъ дѣлаетъ первое признаніе; но этимъ не довольствуются; нѣтъ, говорятъ,—мало: вы должны приписать себѣ всю анонимную корреспонденцію, безъ изъятія. Чего же требуютъ? Вѣдь, писемъ, отправленныхъ генералу, онъ не видѣлъ, а содержанія не знаетъ. По всей вѣроятности, они похожи на то, которое читалъ, на единственный пасквиль, ему извѣстный. Что онъ можетъ предпринять въ моментъ, когда первое сознаніе уже взято и обращено ему во вредъ? Здѣсь мы видимъ холодное благоразуміе и послѣдовательность его враговъ; его держать, наступивъ ногою на горло и требуя признанія во всемъ, чего хотятъ. Онъ подписываетъ свой приговоръ еще разъ. Заручившись вторымъ доказательствомъ, инквизиторы, все-таки, не считаютъ себя удовлетворенными. Ненасытные, они приказываютъ, теперь, назвать соучастниковъ. Какой отвѣтъ напрашивался прежде всего? Развѣ не самое простое было сказать: „Помилуйте, вы требуете невозможнаго!“ А

какъ отвѣчалъ онъ въ дѣйствительности? Обратите вниманіе на слѣдующія выраженія его письма:— „Услышавъ, что г. д'Эстульи желаетъ отъ меня еще одного свидѣнія, я пришелъ въ отчаяніе. Невозможность удовлетворить его обяываетъ меня просить васъ по вліять на д'Эстульи, всячески, дабы оставили меня, наконецъ, въ покои и не добивались того, что ведетъ къ моей окончательной погибели!“

Ясно, что упрекъ, будто ла Ронсьеръ молчалъ о невозможности удовлетворить д'Эстульи, чуждъ истинѣ и что именно такова была его первая мысль, ближайшее возраженіе. Какъ онъ держитъ себѣ далѣе? Не переставая клясться, что невиненъ, онъ, даже среди признаній и вслѣдъ за ними, спѣшитъ къ адвокату посовѣтоваться, какъ доказать свою правоту. Ищетъ лакея изъ дома Мореля, чтобы разяснить, хотя нѣсколько, эту непостижимую тайну и напасть на слѣдъ виновнаго. Еще позже, имѣя возможность бѣжать, онъ отказывается и опять протестуетъ, что оклеветанъ напрасно.

Изложеннымъ, надѣюсь, я убѣдилъ васъ, что подсудимый не авторъ писемъ и что, подъ тяжестью угрозъ, въ минуту глубокаго отчаянія, онъ самъ накликалъ бѣду, которой вовсе не заслуживаетъ. Но и этимъ моя задача не ограничивается: въ дѣлѣ есть вопросъ, еще важнѣйшій.

Рѣчь идетъ о покушеніи,—не о томъ, обыденномъ, которое совершается молча и безъ шума, нѣтъ,—о такомъ, громкая, такъ сказать, всенародная обстановка котораго была лишь вторымъ изданіемъ уже извѣстныхъ, столь же невѣроятныхъ, письменныхъ предупрежденій. Ла Ронсьеръ подготавливаетъ свой умыселъ среди бѣла дня, противъ цѣлой семьи Мореля, и, вотъ-вотъ, нанесетъ ей ударъ въ сердце, оскорбивъ дѣвушку, которой показанія вы слышали.

Ни генераль, ни его домашніе не могли сомнѣваться болѣе, потому что угрозы повторялись каждый день. Еще немного, и Марія станетъ „бѣднымъ, падшимъ созданіемъ, предметомъ общаго сожалѣнія!“—таковы страшныя слова, ежеминутно появляющіяся, въ разныхъ концахъ дома; вотъ что твердятъ анонимныя посланія. Что же предприметъ семья, такъ нагло преслѣдуемая? Чѣмъ обезпечить себя эти благочестивые люди, имѣя юную, непорочную, окруженную заботами и любовью дочь? Вѣдь, они воспитали ее на библии и даже сейчасъ, уже взрослая, она все еще остается подъ крылышкомъ матери. О, разумѣется, надзоръ будетъ удвоенъ, утроенъ, если надо. Не покинуть же ее, беззащитную, на жертву гнуснаго нападенія, не дадутъ сбыться предсказаніямъ, если и вздорнымъ, то возобновляемымъ

непрерывно и покровительствуемымъ какою-то таинственною силою.

Увы, господа!—барышня Морель остается, по прежнему, одна, безъ надзора и защиты, на самомъ верхнемъ этажѣ обширнаго дома. Отецъ и мать далеко; нельзя даже лакея позвать на помощь. Марію охраняетъ одна, столь-же юная гувернантка. Тогда, благопріятствуемый этимъ страннымъ уединеніемъ, ла Ронсьеръ, говорятъ, пробрался къ ней въ комнату. Что онъ тамъ будетъ дѣлать? Что его сюда привело? Необузданный развратъ, безумная любовь, требующая удовлетворенія, во что-бы ни стало, и не вѣдающая препятствій, напротивъ, раздражаемая ими?

Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Не любовь привела его сюда; не симпатію, а ненависть питаетъ онъ къ Маріи. Въ перепискѣ, это повторяется такъ часто, что сомнѣваться невозможно. Онъ пришелъ отомстить за себя, таковы его первыя слова. „Я жажду мести!“ восклицаетъ онъ. Мстить? За что? За обиды, имъ самимъ нанесенныя, за угрозы, столько разъ повторяемыя, за непонятную безнаказанность, которую допускала, въ отношеніяхъ къ нему, эта властная семья? Трудно уразумѣть что-либо...

А, онъ хочетъ отомстить генералу за то, что его выгнали изъ дому! Но, вѣдь, кровавая месть исполняется во вкусъ фантастическомъ... Требуютъ отвѣта путемъ безчестья дочери. Нѣтъ, вы не можете объяснить покушенія такимъ образомъ, ибо, гораздо раньше изгнанія, онъ уже писалъ:—„Если буду въ состояніи изувѣчить, убить васъ; я это сдѣлаю. Затѣмъ, ненависть моя выразится въ послѣдствіяхъ, которыя отымутъ у Маріи все счастье, всякій покой. Самая смерть сдѣлается вашимъ благодѣяніемъ“. Развѣ не помните вы письма отъ 14 сентября, т.-е. за недѣлю до сцены съ генераломъ: „Въ недалекомъ будущемъ, эта прелестная дѣвушка обратится въ падшее созданіе и не вызоветъ другаго чувства, кромѣ состраданія!“ Очевидно, что не сценѣ 21 сентября подобаеть роль причины мести.—Не вѣдая ее, мнѣ остается спросить у васъ, что же толкаетъ ла Ронсьера на преступленіе? Во имя чего дѣйствуетъ онъ? (*Волепніе*).

Независимо отъ сего,—онъ ли, дѣйствительно, проникъ въ комнату? Можете ли вы, положи руку на сердце, утверждать это?

На этомъ пунктѣ, возникаетъ соображеніе, опасное для подсудимаго, если будетъ опровергнуто, и, наоборотъ, рѣшающее вопросъ, окончательно, въ его пользу, когда оно справедливо и доказано. Рѣчь идетъ объ *alibi* и, замѣтьте, въ этомъ случаѣ, нельзя не вѣрить ла Ронсьеру, какъ бы ни была плоха его память, ибо, не дальше слѣдующаго дня, начались для него тяжкія

испытанія. На другое именно утро, происходила дуэль, которая заставила его вспомнить всѣ мелочи своей жизни, оттиснула, запечатлѣла, врѣзала ихъ въ его мозгъ. Наканунѣ дуэли, онъ былъ въ театрѣ, встрѣтилъ Мореля, а генераль видѣлъ его, въ свою очередь. Онъ сидѣлъ въ креслахъ рядомъ съ Моргономъ, что послѣдній, также категорически, удостовѣрилъ на слѣдствіи. Но, какимъ образомъ Моргонъ въ состояніи опредѣлить день? Не ошибается ли онъ? Вызванный судебнымъ слѣдователемъ, онъ показалъ:— „Однажды, вечеромъ..., наканунѣ своей дуэли, ла Ронсьеръ былъ въ спектаклѣ и оставался до конца“. Ясно, что это происходило передъ дуэлью, въ то самое время, когда готовилось и должно было совершиться покушеніе на честь Маріи Морель. Правда, значительно позже, Моргонъ видоизмѣнилъ и смягчилъ свое показаніе. Заявивъ положительно, что ла Ронсьеръ оставался до конца представленія, онъ, два мѣсяца спустя, на второмъ допросѣ, говоритъ такъ: „Я видѣлъ его, въ театрѣ, лишь нѣсколько минутъ!“ Впрочемъ, это безразлично; и, не доискиваясь объясненій подобной забывчивости свидѣтеля нигдѣ, кромѣ присущаго намъ всѣмъ ослабленія памяти на извѣстномъ разстояніи отъ событія, я думаю, что, предъ вами, удостовѣрены, какъ фактъ нахождения моего кліента въ театрѣ, именно въ означенный вечеръ, такъ и его способность болтать тогда о разныхъ житейскихъ мелочахъ, а равно его полное спокойствіе.

Стало быть, вы знаете, что, отправляясь на сомнительное, а вмѣстѣ и наглое предпріятіе, онъ показывался, на глаза, генералу Морелю и, чтобы ни говорили запоздалыя колебанія Моргона, не уходилъ со спектакля, до конца. При такихъ условіяхъ, мои противники поняли, что необходимо добыть одну, очень важную улику. Надо, рѣшили они, установить связь между подсудимымъ и его соучастниками; слѣдуетъ доказать, хотя бы въ одиночномъ случаѣ, что ихъ видѣли вмѣстѣ. И вотъ, слѣдствіе направляется на эту цѣль, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи. А, милостивые государи, — вы не можете представить себѣ, какова была энергія обвиненія! Пустили въ ходъ всѣ средства. Вѣдь, Сомюръ не Парижъ, гдѣ всякій шумъ затихаетъ быстро, и, безъ слѣда, уносится въ общемъ вихрѣ. Здѣсь, въ маленькомъ городкѣ, не могли не казаться изумительными и не обратить общаго вниманія усилія, съ которыми стучались во всѣ двери; спрашивали всѣхъ и вся и, увы, не добились ничего! Вотъ подлинныя слова конфиденціального письма слѣдователя: „Данныя недостаточны, а, между тѣмъ, свидѣтели вызывались неоднократно, отовсюду, и допрашивались настоятельно. Дѣло перерыто и исчерпано во

всѣхъ направлєніяхъ“. Значитъ, долгая судебная процедура, которой ла Ронсьеръ, сидя въ тюрьмѣ, не могъ мѣшать, розыскивала, докапывалась, бросалась въ разныя стороны, домогалась у встрѣчнаго и поперечнаго: „не знаете ли чего нибудь“, — хваталась за малѣйшее указаніе, и, тѣмъ не менѣе, не могла открыть никакого слѣда сношеній прислуги Мореля съ обвиняемымъ.

Вдругъ, сегодня, когда прошло уже 8 мѣсяцевъ, и почти въ концѣ судебного слѣдствія, является изъ Сомюра свидѣтель, невѣдомый. Кто онъ? Лакей г. Бэкѣра, близкаго друга генерала Мореля. А! Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, знаетъ что либо о преступленіи, которое повергло въ отчаяніе цѣлую семью и ужаснуло весь городъ Сомюръ, онъ, разумѣется, не сталь-бы молчать. Кто не слыхалъ о настоящемъ процессѣ, кто не стремился обнаружить злодѣя? Такъ вотъ же вамъ человекъ, принадлежащій къ дому близкихъ знакомыхъ генерала и восемь мѣсяцевъ хранившій тайну огромной важности, въ глубинѣ сердца!

Тысячу разъ слыша разговоры о дѣлѣ, онъ упорно молчитъ. Ему тысячу разъ было извѣстно, что Самуила прогнали, заподозривъ въ сообществѣ съ ла Ронсьеромъ, и что всѣ ищутъ доказательствъ ихъ сношеній; онъ это знаетъ и все таки молчитъ. Ни единымъ словомъ не помогъ онъ слѣдователю, въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ... Наконецъ, внезапно, чуть не въ моментъ заключительныхъ преній, когда мы лишены возможности разузнать что либо о немъ самомъ, когда нѣтъ способа взвѣсить его показанія, онъ захватываетъ насъ въ расплохъ.

Что же говорить свидѣтель? Что угодно объяснить теперь г. Мартіаю Гише?

Самыя необыкновенныя и поразительныя вещи! Извольте видѣть,—онъ, въ 9 часовъ, безъ четверти, вечеромъ, гулялъ по мосту, ожидая госпожу Бэкѣръ. Вдругъ, видитъ человека въ бѣловатой блузѣ и такой же старой фуражкѣ. Неизвѣстный приближается; обративъ вниманіе на его костюмъ, Гише разглядываетъ теперь лице, пользуясь яркимъ свѣтомъ луны. Слѣдовательно, обвиняемый,—имѣя серьезныя причины скрываться, обезпечивая себѣ безнаказанность, путемъ подготовленія, заранѣе, данныхъ алибі; показываясь на спектаклѣ, въ военной формѣ, затѣмъ переряжаясь дома, а, совершивъ злодѣяніе, вновь надѣвая форму и снова отправляясь въ театръ,—береть, для того, чтобы лучше скрыться, бѣлый костюмъ и такую же шапку, очевидно, долженствующіе обратить вниманіе прохожихъ, и, при яркомъ свѣтѣ луны, направляется къ самому бойкому мѣсту Сомюра, на мостъ, гдѣ его должны замѣтить, непременно! Дальше, Мартіаль Гише

видить, какъ неизвѣстный человѣкъ подходитъ къ окнамъ гостиной дома Морелей и, поднявшись на носкахъ, разглядываетъ что тамъ дѣлается. Вдругъ, прибѣгаетъ Самуиль Жильеронъ и, настолько громко, что могли слышать прохожіе, говоритъ неизвѣстному: „Берегитесь; сейчасъ выѣдетъ карета, спрячьтесь!“ и тотъ прячется. Гише остается наблюдать; но это не мѣшаетъ человѣку въ бѣломъ вернуться къ Самуилу и, на глазахъ у Гише, да еще такъ громко, что онъ слышалъ каждое слово, спросить: „Какъ же я войду?“ „Я сѣмѣю устроить все“, — отвѣчаетъ Жильеронъ, „будьте покойны“.

Я отлично понимаю испугъ моего противника при внезапномъ появленіи такого свидѣтеля. Какъ онъ самъ заявилъ вамъ, онъ не могъ не чувствовать, что подобныя сказки могутъ быть гибельны развѣ только для Морелей. Совѣсть подсказывала, что Гише не говоритъ правды, и повѣренный гражданскаго истца ожидалъ, чѣмъ это кончится, — съ содроганіемъ и не безъ страха. Затѣмъ, — такъ объясняетъ онъ, — слѣлавъ надъ собой усиліе, противникъ мой легко убѣдился въ справедливости показаній этого человѣка.....

Нѣтъ, нѣтъ, господа, — свидѣтель не имѣетъ понятія объ истинѣ! Такой порядокъ вещей, очевидно, невыносимъ. Не станетъ рядиться въ бѣлый, невольнo привлекающій костюмъ, тотъ, кому надо скрываться, и не пойдетъ онъ, при полной лунѣ, на самое оживленное мѣсто города, договариваться съ соучастниками и при томъ такъ громко, чтобы подробности могли быть подслушаны прохожими. Съ другой стороны, человѣкъ, случайно проникшій въ подобную тайну и застигнувшій заговорщиковъ чуть не на мѣстѣ преступленія, не ожидаетъ дней засѣданія цѣлыя мѣсяцы, чтобы поразить судей разоблаченіями, которыхъ они столь долго и такъ безуспѣшно домогались!

Однако, чѣмъ руководствуется этотъ, позднеенько такі, заготовленный свидѣтель? Какая выгода движетъ имъ? Кто послалъ его лгать предъ вами? Повѣренный Морелей разсуждаетъ такъ: бываютъ люди, которымъ, непременно, хочется играть роль въ знаменитомъ процессѣ; во что бы ни стало, но припутаютъ они свое темное, никому невѣдомое имя къ вопросу, для всѣхъ интересному, къ преніямъ, возбуждающимъ страсти массъ.

Посмотримъ, точно ли *это* побужденіе привело сюда Гише и нѣтъ ли другаго?

По окончаніи спектакля, гдѣ онъ находился непрерывно, гдѣ встрѣтилъ генерала и бесѣдовалъ съ Моргономъ, что дѣлаетъ ла Ронсьеръ? Возвращается домой. Двери, вслѣдъ за его при-

ходомъ, запираются, такъ что уйти снова онъ не можетъ. Вы не забыли, конечно, положительныхъ заявленій, по этому поводу, данныхъ сестрами - хозяйками гостинницы. Ахъ, эти хозяйки, его хозяйки! Да, я отлично помню о г. Сентъ-Викторѣ, у котораго хватило дарованія собрать столько лживыхъ слуховъ, сплетень и клеветы на подсудимаго. Г. Сентъ-Викторъ осмѣлился сказать, что если дѣвушки Руоль, пока, не значатся въ спискахъ полиціи, то ихъ нравственность отъ этого не выигрываетъ ничего. Но вы слышали также энергическія жалобы бѣдныхъ сестеръ. „Насъ забрасываютъ грязью“, плакались онѣ, „только потому, что мы беззащитны и безпомощны!“ Справедливый и горькій упрекъ! Что же, въ самомъ дѣлѣ? Развѣ мы уже не въ храмъ правосудія? Ужъ точно ли оно равно для всѣхъ? Не спала ли повязка съ его глазъ и безпристрастіе, которому здѣсь должно быть вѣрное убѣжище, не изгнано ли и отсюда.

Пусть, въ этотъ храмъ, явится богатая и высокопоставленная дѣвушка,—ее спѣшатъ окружить заботами и покровительствомъ. Скользкое выраженіе, малѣйшая подозрительность, легкое дуновение, на нее направленное,—Боже мой, вѣдь, это непростительная, тяжкая обида и прямыя обязанности, самыя священныя права защиты ее не въ силахъ извинить. Но, когда идетъ рѣчь о несчастномъ, забитомъ созданіи, тогда дѣло иное, и вы видите, какъ далеко разбрасывается болтовня свидѣтелей, куда идетъ сыскная тактика обвиненія! (*Волненіе*).

У нихъ были слабости, говорите вы. Да не все ли равно? Я готовъ допустить это. Но, вѣдь, намъ важно знать другое. Ихъ показанія заслуживаютъ ли довѣрія суда?—вотъ что надо рѣшить. Вспомните показаніе сомюрскаго мера: ихъ отецъ погибъ жертвою рыцарской храбрости, спасая чужихъ дѣтей, во время пожара; теперь, его дѣти вынуждены работать, чтобы жить, и, какъ самъ меръ, такъ и его помощникъ, убѣждены, что эти юныя созданія неспособны обмануть правосудіе. Былъ ли ла Ронсьеръ любовникомъ которойнибудь изъ нихъ? Нѣтъ, никогда! Даже здѣсь, никто не дерзнулъ намекнуть объ этомъ. Но онѣ все таки лгутъ, онѣ глумятся надъ присягой,—твердите вы. О, разумѣется, кто же не радъ солгать, подъ присягою, на судѣ, вовлекая въ бѣду себя самого и повергая мщению закона свою собственную жизнь, лишь бы выручить какогонибудь мерзавца, чудовище во образѣ человѣческомъ!...

И такъ, подсудимый, оставаясь въ театрѣ до одиннадцати часовъ, вернулся домой, а Елизавета Руоль заперла двери. Не имѣя ключа, онъ не могъ выйти позже и, во всякомъ случаѣ, былъ бы,

непремѣнно, замѣченъ дѣвушкой, которая работала всю ночь, у окна своей комнаты, обращеннаго на лѣстницу, лежавшую на его пути. Съ другой стороны, его уходъ, непремѣнно, обратилъ бы вниманіе Руоль-матери, которая жила въ сосѣдней комнатѣ, за тонкой, едва въ полтора дюйма, перегородкой, и при условіи, что двери его номера, дурно повѣшенныя, задѣваютъ полъ и скрипятъ, когда ихъ отворяютъ. Но, возразятъ мнѣ, онъ могъ скрыться черезъ окно. Неправда! Архитекторъ-экспертъ, человѣкъ уважаемый и вырабатывающій свое мнѣніе вообще, а по этому дѣлу особенно тщательно, удостовѣрилъ, что, произведя всестороннее изслѣдованіе на мѣстѣ, онъ не нашелъ ни малѣйшаго слѣда подобнаго, воровскаго путешествія ла Ронсьера. — *Стало быть, — его alibi доказано.*

Очевидно, приходилъ не онъ; ему нельзя было проникнуть ночью на 24 сентября въ спальню Маріи Морель.

Достигнувъ этого момента дѣла, встрѣчаемъ новый вопросъ. Посѣтитель спальни, какъ онъ добрался туда, какими средствами воспользовался? Очень и очень не мѣшаетъ разслѣдовать это. Но мои противники не хотятъ идти за мною. Неужели? Да, господа, имъ не угодно. Вотъ до чего дошли мы съ либеральными взглядами на уголовное правосудіе. Руководствуясь показаніемъ единственнаго и притомъ заинтересованнаго свидѣтеля, вы стараетесь обвинить человѣка въ убійствѣ, а когда онъ доказываетъ невозможность преступленія, вы считаете себя вправѣ отвѣчать: „Что вы намъ толкуете о доказательствахъ; пора ихъ выбросить за борты!“...

Совершенно новый пріемъ и, признаюсь, онъ меня смущаетъ!

А я все таки хочу знать, какимъ путемъ ла Ронсьеръ могъ войти?

Никто не вѣдаетъ! Испробовали всякія предположенія, всѣ средства; не брезгали ни смѣшною фантазією, ни комбинаціями, завѣдомо гнусными. И что-же? Судебный слѣдователь, въ одномъ изъ протоколовъ, дѣлаетъ такое заключеніе: „Надѣюсь, что господа Морель объяснятъ намъ, какимъ образомъ проникли въ комнату ея дочери. Для меня это большая загадка“.

Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ! Госпожа Морель не объясняетъ ничего, но за то она, усиленно, требуетъ, чтобъ насъ приговорили къ каторжнымъ работамъ. Поищемъ дорогу сами, и, если возможно, попытаемся, какъ вошли?

Была ясная, лунная ночь. Домъ генерала, построенный изъ бѣлаго известняка, стоитъ не въ переулкѣ, а на площади и оставался не въ тѣни, а былъ ярко освѣщенъ. Напротивъ, по другую

сторону моста, — гауптвахта и постоянный часовой. Конечно, нельзя отсюда узнать, кто именно лѣзетъ, но нельзя также не замѣтить, на совершенно бѣлой поверхности, движущагося тѣла, — человѣка, который подымается и входитъ въ окно. А развѣ не извѣстно, предупреждаютъ насъ, что карауль иногда спитъ. Ладно, пускай спитъ, но, вѣдь, могъ и не спать; значитъ, надо признать, что преступникъ рассчитывалъ на сонъ часовыхъ. Дальше. Если спитъ цѣлый карауль, то ужъ, конечно, не дремлютъ патрули, проходящіе черезъ мостъ, почти непрерывно. Но, допустимъ, что и это вздоръ. Игнорируя патрули и часовыхъ, ла Ронсьеръ воздвигаетъ лѣса, привязываетъ лѣстницы, располагаетъ веревки, устраиваетъ подступы, вообще дѣлаетъ все необходимое, хотя знаетъ, что будетъ замѣченъ прохожими или дилижансами, которые, въ продолженіи ночи, нерѣдко проѣзжаютъ по мосту.

Прекрасно, все готово, но какъ же именно доберется онъ? По лѣстницѣ? Нѣтъ, ибо требовалось, утверждаютъ эксперты, по крайней мѣрѣ, три человѣка, чтобы пронести по улицамъ Со-мюра и установить лѣстницу въ 45 футовъ длины. Кромѣ того, у всѣхъ, кто имѣетъ подобныя лѣстницы въ городѣ, спрашивали, не исчезала ли одна изъ нихъ, хотя бы на короткое время, и, вслѣдствіе отрицательнаго отвѣта, оказались вынужденными бросить это предположеніе. Вспомнили о другой, веревочной лѣстницѣ, и вотъ, на радость обвинителямъ, обнаружилось, что такая лѣстница, обыкновенно, встрѣчается въ багажѣ молодаго офицера. Ла Ронсьеръ взошелъ на чердакъ, укрѣпилъ тамъ свои веревки и спустился въ окно къ Маріи Морель. Довольно хитрый и опасный пріемъ! Бросили это и перешли къ новому соображенію. Лѣстница, привязанная на чердакъ, спускалась до земли, т. е. имѣла отъ 45 до 50 футовъ длины, и вотъ по ней-то взобрался подсудимый. Таково послѣднее предположеніе; на немъ остановились. Отлично. А все-таки лѣстницу необходимо укрѣпить. Гдѣ-же? Кинулись на чердаки, пробовали всѣ доски и балки, осмотрѣли всякій гвоздь, и — ничего не нашли. Впрочемъ, нѣтъ: на потолокъ комнаты барышни, открыли два желѣзныхъ болта; — сюда, очевидно, и была привязана лѣстница. Къ несчастью, болты выбѣлены известью, которая трескается и отпадаетъ, при малѣйшемъ треніи, даже отъ нажима пальцемъ. Внимательно, долго, изслѣдовали ихъ и не нашли никакихъ слѣдовъ прикосновенія. Вѣроятно, рѣшили тогда, веревки были обвязаны вокругъ деревяннаго бруса, нарочно установленнаго поперекъ окна, или укрѣплены къ ременной, кровати рамѣ?! Однако, подобная си-

стема, независимо отъ сложности и труда скрыть ее отъ Маріи или гувернантки, должна была выдержать значительную тяжесть, а брусъ, ремни и веревки, неизбежно, оставили бы черты на подоконникѣ, на краскѣ откосовъ и рамѣ окна. Архитекторъ Жиро понималъ это ясно, изучилъ подробно, но пришелъ къ выводу, прямо отрицательному. А если отнесемъ къ вопросу еще глубже, то встрѣтимъ безысходныя для обвинителей затрудненія. Покрытая грифельными досками крыша выдается противъ чердака значительно впередъ; по ея окраинѣ, замѣчается новый выступъ жестяной, водосточной трубы. Подсудимый долженъ былъ подыматься по веревочной лѣстницѣ, укрѣпленной на чердакѣ и опускающійся сообразно поименованнымъ изгибамъ. Взгляните же на крышу и жолобъ; на нихъ, вѣдь, не могло не остаться слѣдовъ тренія, даже поврежденій, болѣе замѣтныхъ. Поломокъ? Нѣтъ ни одной; слѣдовъ не усматривается вовсе! Что-же? Тяжесть взрослога человѣка, качающагося подобнымъ образомъ на воздухѣ, прошла безслѣдно, нисколько не повредивъ грифеля? Какъ? Давленіе лѣстницы на жестъ даже не погнуло ее? Объясните, пожалуйста. Если не сѣумѣли истолковать это раньше, въ теченіи восьми мѣсяцевъ самаго строгаго слѣдствія, то не угодно ли просвѣтить насъ, по крайней мѣрѣ, сегодня, въ рѣшительный моментъ процесса. Откройте же, господа прокуроры, какимъ путемъ добрался злодѣй въ комнату барышни?! Дальше. Чтобы составить лѣстницу въ 45 футъ длиною, необходимы двѣ толстыя веревки и, по наименьшему расчету, сорокъ поперечныхъ палокъ. Гдѣ, у кого досталъ ихъ ла Ронсьерь? Передопрашивали всѣхъ торговцевъ города, не продавалъ ли кто нибудь такихъ матеріаловъ; отовсюду получился одинаковый отвѣтъ: нѣтъ! Затѣмъ,—по совершеніи преступленія, вслѣдъ за дерзкимъ насиліемъ, учиненнымъ человѣкомъ, который, отправляясь на разбой и какъ бы опасаясь, что его не розыщутъ, бросаетъ въ своей комнатѣ, на коммодѣ письменное указаніе на себя самого,—по окончаніи всего этого, говорю я, куда дѣвалась лѣстница? Опять искали, всюду, ея остатковъ, кусковъ, палокъ или веревокъ; вычерпывали колодцы, перепахивали рвы, бѣгали по амбарамъ и чердакамъ; лазили въ погребахъ, вездѣ и не одинъ разъ, и опять ничего! Такъ, какъ же, господа, проникъ ла Ронсьерь къ Маріи Морель??!...

Нельзя не видѣть, далѣе, что предпріятіе, задуманное обвиняемымъ, и тяжело, и опасно. Выступъ кровли не менѣе девяти вершковъ; стало быть, лѣстница, неизвѣстно какъ привязанная къ мансардѣ и ниспадающая отвѣсно, съ выступа до земли, бу-

дѣть удалена отъ стѣны на такое же разстояніе. Очевидно, что, пробравшись до уровня окна, надо раскататься и, не выпуская лѣстницы изъ рукъ, прыгнуть на узкій подоконникъ раньше, чѣмъ обратное отклоненіе веревки увлечетъ назадъ. На такой высотѣ, подобная гимнастика мнѣ кажется не очень легкой, пожалуй, даже гибельной. Тѣмъ не менѣе, говорятъ намъ, ввѣряя свою жизнь этой шаткой, колеблющейся и дрожащей опорѣ, будучи обязанъ рассчитать всѣ шансы неудачи и уменьшить вѣроятность собственной смерти, а, силою обстоятельствъ, принуждаясь обезпечить себѣ какъ можно больше гибкости и ловкости, дабы счастливо избѣжать столькихъ опасностей, ла Ронсьеръ затрудняетъ себя самъ, надѣвая длинную и широкую военную шинель. Мало этого, изъ непостижимой и сумасбродной предосторожности, онъ беретъ еще киверъ и, что всего удивительнѣе, не теряетъ его съ головы, какъ бы потѣшаясь надъ сложною эквилибристикою, выпавшею на его долю!

Преодоливъ все,—вотъ онъ у окна, среди сообщниковъ, изъ коихъ одинъ укрѣпилъ лѣстницу на чердакѣ, другой держитъ ее снизу, а третій стоитъ на сторожѣ. Онъ у окна! Не будемъ же и мы терять его изъ виду, поглядимъ, что станетъ онъ дѣлать.

Съ цѣлью отворить раму, онъ разбиваетъ стекло. Припомнимъ, въ эту минуту, важное показаніе стекольщика, работавшаго у Морелей, и тотъ фактъ, что ему нѣтъ цѣли лгать въ пользу ла Ронсьера. Допрошенный, въ началѣ слѣдствія, когда производство оставалось еще тайной для подсудимаго, этотъ честный малый далъ, съ очевиднымъ прямодушіемъ и добросовѣстностью, точные отвѣты на всѣ вопросы. Вотъ моя книга, заявилъ онъ, гдѣ ясно указанъ день, когда я вставилъ новое стекло, и я утверждаю, что не было возможности просунуть руку въ отверстие, мною найденное, въ замѣненномъ мною стеклѣ. Свидѣтель объяснилъ далѣе, какимъ образомъ такая безразличная для него мелочь сохранилась въ его памяти, даже три мѣсяца спустя. Нѣтъ ничего страннаго, что, вставляя стекло, онъ всегда рассчитываетъ, какое употребленіе сдѣлать изъ старыхъ осколковъ. Точно также, увидѣвъ разбитую часть окна комнаты Маріи Морель, онъ сказалъ себѣ: вотъ прекрасный случай, у меня останется большой кусокъ стекла и я употреблю его въ дѣло. Понятна причина, что онъ обратилъ сюда вниманіе, ясно, почему онъ помнитъ состояніе, въ которомъ нашелъ раму и, если, при данныхъ условіяхъ, кто либо можетъ сообщить точныя свѣдѣнія, то, разумѣется, мастеровой.—Пусть же госпожа Алленъ рассказываетъ, что стекло было разбито *сверху до низу*; пусть Аккерманъ, другъ

Морея, въ свою очередь, повѣствуетъ намъ: „восемь мѣсяцевъ назадъ, я съ женою проѣзжалъ черезъ Луару, по мосту, видѣлъ, что, во второмъ этажѣ, въ комнатѣ Маріи, оконное стекло было расколото *наискось*, и хотя я никому до сихъ поръ не заявилъ объ этомъ, но сегодня припомнилъ,“—я не вѣрю такимъ свидѣтелямъ. Показаніе стекольщика Жорри, труженика, прямо заинтересованнаго въ своей работѣ и свидѣтельствоваващаго не 8, а 2 мѣсяца позже событія, въ моихъ глазахъ, болѣе правдоподобно.

Отлично, возражаютъ мнѣ, но, вѣдь, еслибы хотѣли поддѣлать улику, стоило бы кинуть чтонибудь въ стекло и раскроить его въ дребезги... Да, нѣтъ же, господа: все предвидѣть немислимо; отъявленные негодяи, заранѣе подготовляющіе средства защиты на судѣ, и тѣ упускаютъ, нерѣдко, изъ виду самую простыя предосторожности.

Позвольте привести вамъ фактъ изъ моего личнаго опыта. Въ уголовномъ дѣлѣ (Бенуа), на которое я уже одинъ разъ ссылался, юноша, перерѣзавшій горло родной матери, тоже хотѣлъ симулировать взломъ съ наружи. Онъ разбилъ именно стекло, но, и тамъ, черезъ пробоину, нельзя было просунуть руку. А между тѣмъ, это былъ завѣдомый мерзавецъ, злодѣй ловкости изумительной, негодяй, въ такой мѣрѣ пронырливый, что малѣйшее подозрѣніе долго не касалось его и что на эшафотѣ едва не погибъ другой, невинный. (*Волненіе*).

Мы знаемъ, слава Богу, что на всякаго мудреца довольно простоты, и что, почти всегда, какаянибудь жалкая оплошность ниспровергаетъ самый хитрый расчетъ.

Отъ изложеннаго фактическаго, поразительнаго, рѣшающаго и очевиднаго абсурда, перейдемъ въ другую сферу, къ несообразностямъ нравственнаго порядка.

Обвиняемаго могли замѣтить. Часовые видѣли человѣка, проходившаго черезъ мостъ. Рискуя жизнью, онъ, все таки, пробирается въ комнату дѣвушки, хотя знаетъ, что, застигнутая внезапностью, она непременно станетъ кричать. Что ему за дѣло! Онъ храбрѣе, чѣмъ возможно себѣ представить. Все это, разумѣется, было бы понятно, войди онъ къ несчастному созданію, крики котораго некому услышать или которому легко было бы зажать ротъ.

Но, господа, рядомъ съ барышней находились: Алленъ и мальчикъ Робертъ... Что, если они закричатъ, подымутъ суматоху, взбудоражатъ цѣлый домъ?... Вѣдь, его, неизбѣжно, убьютъ на мѣстѣ... А, будь, что будетъ,—онъ все-таки идетъ!

Какъ же вы хотите, говорили здѣсь, чтобы, цѣпенѣя среди ужасовъ подобнаго насилія, дѣвушка могла найти силы кричать?

Но, уважаемые противники мои обязаны помнить, что госпожа Морель отнюдь не теряла присутствія духа, все видѣла и все слышала. Нѣтъ шага, нѣтъ движенія, происшедшихъ въ ея комнатѣ, нѣтъ слова, произнесеннаго въ теченіи всего событія, которыхъ бы не воспроизвела она предъ нами съ точностью, изумительною. Вотъ о чемъ я не прочь былъ бы съ нею побесѣдовать. Увы! Надѣюсь, памятенъ вамъ чуть не религіозный культъ, которымъ окружили ее, и вы легко поймете, чтобы вышло, начни я только свой допросъ. Вотъ какъ разумѣютъ здѣсь свободу защиты! Впрочемъ, на предварительномъ слѣдствіи, кое что рассказала она сама. Взгляните на протоколы ея показаній и убѣдитесь, съ какою ясностью мысли разглядѣла она все, какъ внимательно удержала малѣйшія подробности, какъ твердо и самоувѣренно повѣствуетъ. Наблюдая, въ свою очередь, я долженъ признать вообще, что дѣвушка Морель отличается замѣчательнымъ хладнокровіемъ и твердостью. Вы сами тому очевидцы; не было мгновенія, когда бы ей пришлось взволноваться или утратить самообладаніе, да еще гдѣ,—въ этомъ залѣ, среди всенароднаго, такъ сказать, судилища и лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, имѣвшимъ столь роковое вліяніе на ея судьбу.

Однако, вопреки факту, что она, отчетливо, видѣла все, происшедшее, и описываетъ нынѣ съ такою мелочностью, въ ея рассказахъ, усматриваются серьезныя противорѣчія. Говоря, напримѣръ, отцу: „преступникъ вымазалъ себѣ лице сажею“, она сообщила, наоборотъ, миссъ Алленъ, что оно было закрыто кускомъ черной матеріи; далѣе, свидѣтелю Бэкѣру сказано, что нападавшій былъ замаскированъ; здѣсь, на судѣ, еще противорѣчіе: она увѣряетъ, что лице было открыто. Съ другой стороны, въ бесѣдѣ съ отцомъ, Марія прямо заявила, что не узнала злодѣя, такъ какъ въ комнатѣ было темно; миссъ Алленъ говорила что это, *кажется*, ла Ронсьеръ, а предъ матерью и на судѣ она уже настаиваетъ, категорически, что это былъ именно онъ.

Руководствуясь такими показаніями, рѣшите же, по чистой совѣсти, предъ Богомъ и людьми, что ла Ронсьеръ, а никто другой, входилъ къ госпожѣ Морель. (*Сильное впечатлѣніе*).

Послушайте, если хотите, что говорить она о дальнѣйшемъ. Убійца, жаловалась она миссъ Алленъ и Бэкѣру, схватилъ меня съ кровати и бросилъ на полъ. Въ слѣдующемъ показаніи, кровать уже не фигурируетъ; напротивъ, при первомъ шумѣ, Марія сама встаетъ съ постели, хватаетъ стулъ и готовится къ

оборонѣ. Пусть будетъ такъ. Но вотъ опять непостижимая, изумительная подробность: предъ столь грозною опасностью, дѣвушка не кричитъ!

Помощь легка и возможна: миссъ Алленъ такъ близко, что можетъ слышать дыханіе своей воспитанницы; двери въ ея комнату всегда открыты,—фактъ, удостовѣренный ею самою. Ясно, что, разбивъ стекло, открывъ окно и войдя, убійца былъ, раньше всего, поставленъ въ необходимость закрыть двери и тогда лишь вернуться къ барышнѣ. Такъ вотъ, среди подобныхъ приготовленій, располагая временемъ, вставъ съ кровати и то вооружаясь стуломъ, то занимая позицію, то готовясь къ борьбѣ, Марія не издаетъ звука. Вопреки сопротивленію, ей обвязываютъ шею платкомъ, а тѣло веревкой, поднимаютъ сорочку, ведутъ длинную бесѣду, наносятъ тяжкіе удары, а она молчитъ! Въ теченіи долгой, хладнокровно наблюдаемой и такъ обстоятельно теперь ею описанной сцены, когда покушались на ея дѣвственность, ругались надъ ея честью, самую жизнь ея ставили на карту, она не крикнула ни разу! *Ни единого звука!*

Меня останавливаетъ еще вопросъ. Зачѣмъ эти мелочи, къ чему затруднять себя самого и, безцѣльно, увеличивать опасность? Платокъ, напимѣръ, дѣтскій платокъ, будто бы принесенный злодѣемъ? Къ чему онъ? Зажать ротъ? Нѣтъ,—онъ не служитъ ни къ чему. Веревка, проведенная вокругъ талии, связываетъ ли и обезсиливаетъ ли руки? Вовсе нѣтъ! Сдергиваютъ кофту; какъ, путемъ сколькихъ усилій, съ какою цѣлью рвутъ ее? Я спрашиваю и не вижу никого, кто бы могъ дать отвѣтъ. А миссъ Алленъ! Пожалуйста, обратите вниманіе,—миссъ Алленъ, эта воспитательница, вѣрный стражъ юной, насилуемой дѣвушки, что дѣлаетъ она? Миссъ Алленъ?..

Она спитъ. Что! Звонъ разбитаго стекла, трескъ быстро открываемаго окна, скрипъ двери, говоръ, страшная борьба, отчаянныя усилія, съ обѣихъ сторонъ... Какъ? ничто, ничто не будить ее!.. Что? Весь этотъ грохотъ, гулко раздающійся во мракъ ночной тишины, стукъ вырываемаго и отбрасываемаго стула, голосъ злобы, все болѣе и болѣе увлекающійся и все громче звучащій, нѣтъ,—она не слышитъ ничего... Легкая преграда притворенной, а сначала, даже открытой двери, столь жалкое препятствіе заглушаетъ весь шумъ, на этомъ узкомъ пространствѣ, совсѣмъ уничтожаетъ его. Госпожа Алленъ остается глухою. Спитъ крѣпко... Она спитъ, говорю я вамъ!

Только, когда уже все кончено, удары ножомъ нанесены, а оконное стекло покрыто кровью, только въ этотъ моментъ, гу-

вернантка просыпается. Ей послышались слова Маріи, которая, отбиваясь отъ убійцы, говорила по англійски: „Елена! идите ко мнѣ, на помощь“. Аллень является. Но почему же она не кричить? Вотъ она у дверей, оказывающихся притворенными; ее зовутъ на помощь; слышны голоса двоихъ. О, вѣдь, это уже не волненіе дѣвушки, испуганной сновидѣніемъ; тамъ убійца, вампиръ, сосущій кровь; злодѣй, пожирающій ея честь и жизни! А вы, ея другъ, хранитель ея, человѣкъ, которому ее довѣрили,—и вы не кричите? Преступленіе совершается чуть не на вашихъ глазахъ, а вы отмалчиваетесь! Не вѣрю я вамъ, госпожа Аллень... Будь у васъ охота спасти юную подругу, о, неудержимый инстинктъ увлекъ бы васъ... Невольный, раздирающій крикъ раздался бы по всему дому... Еще разъ, нѣтъ, госпожа Аллень, вы не заслуживаете довѣрія, а событія не могли происходить, какъ вы рассказываете. (*Живѣйшее волненіе*).

Но вотъ дверь открыта! Она уступаетъ „первому толчку“, миссъ Аллень входитъ... Гдѣ же убійца? Онъ исчезъ, малѣйшіе слѣды пропали... Какъ! Въ столь короткое время?! Однако, если вѣрится Маріи Морель, преступникъ, услышавъ стукъ въ дверь, „подавшаюся отъ перваго усилія“, видя себя настигнутымъ и обнаруженнымъ, подымается и, вмѣсто немедленнаго бѣгства, говоритъ: „Ну, теперь останется довольна!“ Затѣмъ, порывшись въ карманѣ шинели, достаетъ письмо, кладетъ его на коммодъ и лишь тогда уходитъ черезъ окно. Вѣдь, ему предстояло поймать веревочную лѣстницу, ухватиться и, вновь довѣрившись ей, сойти на землю; а, все таки, въ моментъ, когда бросилась къ барышнѣ ея гувернантка, не оставалось уже ничего; все исчезло быстрѣе, чѣмъ на сценѣ, по свистку машиниста!.. Одна Марія лежитъ на полу съ платкомъ и веревкой, которые не стѣсняютъ, однако, ни шеи, ни рукъ.

Есть между вами, господа присяжные, отцы семействъ, люди, обожающіе своихъ дѣтей,—радость жизни, свое собственное будущее; вы ихъ любите, однимъ словомъ, какъ мы всѣ любимъ свою семью... О, Господи, Боже мой, какой ужасъ отчаянія! О, если бы ваша дочь была... Не могу подыскать выраженій!.. Если бы нашли вы ее опозоренною, униженною, истерзанною, нравственно убитою; не правда ли, изъ ея замирающей груди, изъ глубины сердца, скорѣе даже, чѣмъ изъ ея устъ, вырвался бы стонъ наболѣвшей души: „Матушка! родимая, гдѣ ты? Приди ко мнѣ, я хочу тебя видѣть!“

Увы, совсѣмъ не такъ ведетъ себя Марія Морель; въ моментъ опасности, она и не подумала молить родителей о помощи; те-

перь, когда, запятнавъ ее позоромъ, горе свершилось, она опять не ищетъ утѣшенія на груди матери. Она ложится въ постель и остается здѣсь, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; по ея словамъ, ей не хотѣлось нарушать сонъ родныхъ... Наконецъ, — шесть часовъ утра... Прекрасно. Миссъ Алленъ идетъ, конечно, предупредить госпожу Морель, а та прибѣгаетъ, испуганная и кидается въ объятія дочери? Нѣтъ, вовсе нѣтъ! Что вы говорите!?! Въ шесть часовъ, когда Алленъ ушла, Марія встаетъ, одѣвается и садится къ окну поглазѣть, что дѣлается на улицѣ. Не можетъ быть! Какъ дѣвушка, только что опозоренная, побитая, тяжело израненная? Да, да. Она встаетъ, одѣвается, смотритъ въ окно и кого же видитъ, кто могъ бы повѣрить? Тамъ, на мосту, въ свою очередь, глядитъ на нее ла Ронсьеръ, улыбаясь дьявольски. Имѣя важныя причины скрываться, принявъ такія предосторожности, ловко устроивъ себѣ alibi, столь непостижимо изгладивъ всякіе слѣды, ла Ронсьеръ, и никто другой, храбро дежуритъ подъ ея окнами, какъ бы хвастаясь злодѣяніемъ, вновь оскорбляя жертву и доводя до послѣдняго ожесточенія месть отца.

Вы помните, далѣе, что въ Сомюрѣ это было время веселія и празднествъ; смотры генерала продолжаются; идетъ рѣчь о 28 сентября. У барышни всѣ руки исцарапаны, а груди покрыты синяками; кровь еще сочится изъ ужасныхъ, долго не заживавшихъ ранъ, и, какъ говорятъ „очевидцы“, „заливаетъ“ комнату. Что же видимъ мы? Вотъ кто то наряжется, надѣваетъ бальное платье... Хотѣли, увѣряютъ насъ, сберечь тайну ночи 24 сентября и, съ этою цѣлью, рѣшено было вывезти барышню въ свѣтъ. Нѣтъ, наоборотъ, пускай она туда не показывается; пусть, напротивъ, никто ее не видитъ и не будетъ имѣть возможности разгадать ея секрета по лицу и состоянію духа... Спрячьте ея блѣдность, слезы, обмороки, ужасы; закройте, а не раскрывайте бальнымъ платьемъ ея руки и грудь, или, по меньшей мѣрѣ, избавьте ее отъ участія въ карусели утромъ, если уже находите полезнымъ тащить ее, во что-бы ни стало, на балъ вечеромъ. Не насилуйте ее, сударыня! Для вашей, умирающей дочери, слишкомъ много двухъ праздниковъ въ одинъ день!

Но, говорятъ, баронесса Морель не знала о ранахъ дочери. Она не знала? Нѣтъ, это невысказано. Вѣдь, кровь, утверждаете вы, лилась на полъ комнаты; ее нельзя было не замѣтить. Откуда же взялась она? Неужели, позабыли вы спросить!... Наконецъ, въ упомянутый, роковой день, были получены еще три письма и письма эти сказали вамъ: „Попытка мнѣ удалась... Мнѣ хотѣлось ея чести и крови, — я достигъ всего!“

Пойдите-же, распросите свою несчастную дочь. Допросите ее! Какія муки суждено было выстрадать вамъ! Что съ тобою, дитя мое? Что значать эти потоки крови! Скажи, не скрывай отъ родной матери! Бѣгите-же, сударыня, бѣгите; ея печаль и стыдъ отвѣтятъ вамъ, а, стало быть, увидите вы,—кто дерзнетъ сомнѣваться,—эти страшные порѣзы и раны, быть можетъ, смертельныя! „Но“, повторяетъ госпожа Морель, „я шадила ея невинность и дѣвственность, ея шестнадцать лѣтъ“. Невинность подверглась оскорбленію; а дѣвственность?—кому-же, какъ не матери надлежало убѣдиться, пережила ли она посягательство?

Несчастливая мать! Дѣло идетъ уже не о синякахъ и побояхъ, и не о разлитой крови; вопросъ касается насилія, еще болѣе кроваваго. Когда вамъ пишутъ, что у дочери отняли ея честь и что, можетъ быть, она уже носить подъ сердцемъ плодъ злодѣйства, не вамъ ли надо знать все? А если такъ, чего же вы ждете, какія невѣроятныя затрудненія останавливаютъ васъ? (*Продолжительное волненіе*).

Все новыя и новыя угрозы появляются каждый день. Теперь, знаютъ уже, что, вопреки всѣмъ препятствіямъ, это исчадіе ада найдетъ средства къ достиженію цѣли; знаютъ, что, по изумительной наглости, черезъ неуловимыхъ сообщниковъ и невѣдомыми путями, онъ проникъ въ комнату; уведите Марію изъ этой проклятой конуры, избавьте ее отъ зрѣлища потоковъ ея собственной крови. Возьмите свое дитя и, хотя въ настоящую минуту, укройте ее своими крылышками... О, слишкомъ долго не дѣлалось ничего подобнаго. Барышня, по прежнему, остается наверху и если перешла въ комнату Алленъ, то ложится спать, всегда, по близости роковаго окна.

Между тѣмъ, перваго января, т.-е. больше чѣмъ три мѣсяца спустя, идутъ, по распоряженію судебной власти, удостовѣриться въ существованіи ранъ у Маріи Морель.

Ей, какъ извѣстно, было нанесено два удара ножемъ; однако, находятъ всего одинъ слѣдъ, единственный рубецъ. Наука располагаетъ достаточными средствами обнаружить таковыя, хотя-бы въ сокровеннѣйшихъ мѣстахъ; здѣсь, видятъ только одну царапину. И какую! Вы помните, господа, до какой степени мы были стѣснены, во время показаній Маріи. Слушая безпощадную обвинительницу, читая, въ ея словахъ, смертный себѣ приговоръ, мы не могли дерзнуть разспрашивать ее.

Что же говорить докторъ и акушерка на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ? Они нашли маленькій, едва замѣтный, не болѣе трехъ линій длиною, рубецъ, указывающій на легкую,

слабо гноившуюся ранку. Но развѣ ее нельзя приписать иной причинѣ, одной изъ тысячи обыденныхъ случайностей, тому, напримеръ, что могла быть разбита стеклянная посуда, забытъ ножъ на стулѣ, прыщю, чирью?

Тѣмъ не менѣе, дѣвушка заболѣваетъ тяжело. Дѣйствительна ли, опасна ли болѣзнь? Да, я хочу этому вѣрить. Но она необыкновенна и, какъ заявилъ свѣдующій экспертъ, безпримѣрна въ лѣтописяхъ науки; болѣзнь безъ названія, объясняетъ мой противникъ, таинственная, непонятная, какъ и весь этотъ процессъ! Болѣзнь... Гдѣ же ея причина? Откуда явилась она? Почему Марія волнуется, мучится, умираетъ?... Умираетъ? Нѣтъ. Барышня выздоровѣетъ, надѣюсь, а сила ея показаній, свѣжесть цвѣта лица, твердость голоса, все даетъ мнѣ увѣренность... Въ чемъ же корень страданія? Преступленіе ла Ронсьера? Неожиданность, нападеніе ночью, внезапное насиліе, способны ли были, въ самомъ дѣлѣ, убить юное твореніе? Нѣтъ, госпожа Морель мужественно перенесла свое несчастіе. Другая, на ея мѣстѣ, быть можетъ, поддалась бы,—она устояла, съ благоразуміемъ выше своего возраста; затаила скорбь, ничего не сказала даже матери; встала и, уже въ 6 часовъ утра, разглядывала прохожихъ; выѣзжала каждый день, а 28 сентября посѣтила карусель, танцевала на балу; словомъ, черезъ короткій промежутокъ времени, ея здоровье возстановилось.

Очевидно, что не ночное покушеніе причина болѣзни. Ужъ не маленькая ли записочка, оказавшаяся въ потаенномъ углу, гдѣ, повидимому, важнымъ бумагамъ находится не подобаешь? Допустите же вѣроятность предположенія, что дѣвушка, открывая, вслѣдъ за насиліемъ и такими ужасными подробностями, окно, выходя изъ дому ежедневно, бесѣдуя съ знакомыми, обѣдая въ большомъ обществѣ, танцуя по вечерамъ, могла, послѣ минутнаго нездоровья, именно, когда оправилась, упасть снова, будто пораженная молніей, захворать тяжело, nepocтнжнмо для цѣлаго ряда врачей и только потому, что прочитала вздорную записку!

Но, возражаютъ мнѣ: разъ болѣзнь не выдумана, покушеніе доказано, въ свою очередь. Страданіе лучшій свидѣтель и не можетъ имѣть другаго повода.

Плохой способъ сужденія. Не мѣшаетъ, сначала, убѣдиться, что такіе симптомы опредѣляются, исключительно, насиліемъ этого рода. А кто осмѣлится утверждать нѣчто подобное? Гдѣ человѣкъ, достаточно самоувѣренный и не колеблющійся въ своемъ знаніи, которому такая дерзость пришла бы въ голову?

Г. Рекамье, ученый и опытный профессор, не хотѣлъ брать грѣха на душу. „Много причинъ, сказалъ онъ, въ состояніи вызвать подходящую болѣзнь. Нельзя, по совѣсти, приписать ее скорѣе этому, чѣмъ другому обстоятельству“.

Стало быть, фактъ болѣзни не доказываетъ преступленія, вообще. Въ данномъ же случаѣ, еще болѣе, несомнѣнно и безспорно, что нѣтъ связи между событіемъ 24 сентября и хворостью Маріи, такъ какъ, именно вслѣдъ за покушеніемъ, она не страдала. Ея здоровье, правда, нѣсколько разстроенное, скоро вернулось въполнѣ. Ищите же другой причины и не пытайтесь объяснять невѣроятнаго злодѣянія болѣзнию, безпримѣрною.

Кто же, наконецъ, продѣлалъ все это; гдѣ злодѣй, куда скрылся авторъ писемъ?

Къ моему глубочайшему сожалѣнію, вотъ пунктъ, господа, на которомъ мои усилія осложняются до крайности. Здѣсь то поймете всю трудность моего положенія.

Я стою, лицомъ къ лицу, предъ неумолимыми обвинителями. Бѣжать, никого не обвиняя, съ своей стороны, я рѣшительно не могу. Мнѣ объявили борьбу на смерть; неизбежно одно изъ двухъ: осудить ла Ронсьера, или унижить семью Морелей. А! Не ставьте меня среди двухъ огней, ибо это единственная вещь, способная взволновать и напугать меня. Убѣжденный въ невинности подсудимаго, я не нахожу силъ позорить васъ, а, между тѣмъ, вы сами доводите меня до необходимости это дѣлать; каждый разъ, когда я хочу скрыться, вы принуждаете именно къ подобному образу дѣйствій. Нѣтъ намъ спасенія иначе; мнѣ приходится говорить и доказывать, чтобы лишить васъ охоты бросить мнѣ въ глаза упрекъ: вы отступили, значить, признаете себя виновнымъ.

Отлично. Твердо вѣруя, что ла Ронсьеру краснѣть не за что, я не желаю обращаться въ бѣгство. Пускай же сочувствіе публики подымается на защиту васъ; пусть ропоть, въ этомъ залѣ, еще разъ встрѣтитъ слова, которыя предписываютъ мнѣ долгъ и честь, я не хочу и не смѣю молчать! (*Напряженное вниманіе*).

И такъ, кто изъ насъ, вы или я, сочинялъ письма? Былъ слышанъ голосъ въ этомъ залѣ, и далъ отвѣтъ за меня. Есть свѣдущіе люди; двое изъ нихъ сказали: „Это рука женщины“, двое другихъ объявили прямо, и, разумѣется, надо повторить ихъ слова: „Пасквили писаны самою Марією Морель!“

Но, возражаютъ мнѣ, слогъ,—это весь человѣкъ, а никто не докажетъ, чтобы молодая дѣвушка была въ состояніи говорить такимъ языкомъ.

Да, здѣсь важное затрудненіе; да, я его чувствую, понимаю, и, однако, вы провозгласили сами: „Когда пишутъ пасквиль, измѣняютъ стиль такъ точно, какъ поддѣлываютъ голосъ, надѣвая маску.“

Думается и мнѣ, что, забравъ въ голову попытку написать анонимное посланіе, дѣвушка можетъ начать съ содержанія ребяческаго и безразличнаго, а потомъ, увлекаясь, переходитъ, шагъ за шагомъ, въ болѣе рѣзкій тонъ; цѣломудренная въ рѣчахъ и сдержанная въ ежедневномъ обиходѣ, она, вѣдь, тоже сознаетъ необходимость измѣнять не только почеркъ, но и слогъ;— подобно тому, какъ голосъ слабый и пріятный становится, подъ маской, грубымъ и дикимъ, барышня, постепенно, развращается, на изнанку выворачиваетъ свой языкъ; идутъ въ дѣло народныя выраженія, все, что ей довелось подслушать на улицѣ или прочитатъ на стѣнахъ. Ни минуты не сомнѣваюсь, что торжественная обстановка засѣданія и предвзятая щекотливость свѣта обяжутъ васъ утверждать, что порядочная дѣвушка не могла слышать, а тѣмъ менѣе повторять такія выраженія. Но, будемъ откровенны. Кому не случилось, у себя дома, подъ горячую руку, даже въ присутствіи дѣтей, обмолвиться крѣпкимъ словцемъ? Мы не военные люди и не такъ часто, какъ они, ошибаемся въ рѣчахъ, но, извините меня, станемъ называть вещи ихъ именемъ, — кто, напримѣръ, не повиненъ въ брани, до которой, иногда, доводятъ насъ грубіаны-лакеи? Какая дѣвушка не слыхала ее? Суждено ли хотя одной изъ нашихъ дочерей не вѣдать словъ, обмѣниваемыхъ между собою уличными мальчишками или гравированныхъ ими всенародно?

Тѣмъ не менѣе, вы утверждаете далѣе, что Марія Морель читатъ училась по библии, никогда не видѣла ни одного романа, а, стало быть, не могла избрѣсти любовныхъ тирадъ, встрѣчаемыхъ въ анонимной перепискѣ.

Позвольте отвѣтить вопросамъ. Существуетъ ли гдѣ либо мать, которая могла бы поручиться, что ея дочь не знаетъ никакого романа? Я спрашиваю, точно ли Марія, воспитанная, если вѣрить вамъ, въ религіозномъ духѣ, но оставляемая, въ теченіи долгихъ вечеровъ, наединѣ съ гувернанткой, миссъ Алленъ, не прочла ни единого романа? Спрашиваю далѣе, не испытывала ли она сама возбужденія, подъ влияніемъ необыкновеннаго перелома ея природы, среди этой новой и странной болѣзни, обусловленной, говорятъ, истериками, судорогами, лунатизмомъ и экстазомъ? Нельзя ли допустить, что голова и разумъ дѣвушки были омрачены чтеніемъ и первыми приступами нервного страданія?

Съ другой стороны, каковъ характеръ Маріи? Вы, господа, имѣли возможность уразумѣть. Она производитъ впечатлѣніе глубокой разсудительности и, даже среди насъ, не волнуется ни мало; спокойно и увѣренно рассказываетъ о происшествіи,... и, однако, это натура, очень впечатлительная; ее увлекаетъ все романическое и таинственное. *(Внезапный и сильный ропотъ въ застѣданіи).*

О, я сейчасъ представлю доказательства! Забудемъ парижскія письма отъ ноября 1833 и отъ апрѣля 1834 годовъ, гдѣ рѣчь идетъ о нѣкихъ англичанинѣ, учителѣ, и слишкомъ юной гувернанткѣ,—письма, очевидно, не принадлежащія ла Ронсьеру. Но вотъ фактъ, болѣе свѣжій, современный даннымъ этого процесса и могущій служить ему введеніемъ.

Какъ то, г. Брюньеръ, интендантъ въ Сомюрѣ, которому госпожа Морель очень довѣряетъ, проходилъ, часовъ около II вечера, по берегу рѣки Луары. Открывается окно, генеральша зоветъ его, и онъ входитъ въ домъ. Она очень взволнована. „Только что“, говоритъ она, „я играла на роялѣ; неизвѣстный человѣкъ, укутанный въ большую шинель, остановился подъ окнами и началъ выражать знаками свой восторгъ. Моя дочь, изъ своей комнаты, смотритъ на него; вдругъ видитъ, что онъ сбросилъ пальто и кинулся въ рѣку; сбѣжались лодочники, едва-едва, успѣли подать ему помощь, вынуть изъ воды и привести въ чувство“... Брюньеръ успокоиваетъ госпожу Морель и отправляется домой. Утромъ, за нимъ посылаютъ опять и зовутъ немедленно. Мадамъ Морель въ горѣ: „Боже мой, Боже мой!“, плачется она, „тотъ самый человѣкъ, который едва не утонулъ вчера, прислалъ мнѣ сію минуту анонимное письмо, гдѣ клянется, что, безумно влюбленный, хотѣлъ погубить себя, изъ за меня.“

Таково, милостивые государи, начало драмы. Правда ли все это? Кидался ли человѣкъ въ воду? Тысячи усилій были предприняты съ цѣлью разузнать, и что же? Ходили всюду, разспрашивали сосѣдей, лодочниковъ, встрѣчнаго и поперечнаго, въ этомъ маленькомъ городкѣ Сомюрѣ, искали... и получили единогласный отвѣтъ: *никто не тонулъ, никого не спасали!* Басня, выдуманная юной Маріей, положительно, опровергнута, со всѣхъ сторонъ. *(Общее, продолжительное волненіе).*

Такъ вотъ что случилось въ Сомюрѣ. Таковъ рассказъ Брюньера. Теперь, я прошу отвѣта,—кто сочинилъ всю эту исторію? Кому явилась охота подшутить со старухою Морель? Кто, съ испугомъ въ глазахъ и на лицѣ, увѣрялъ, что едва не погибъ человѣкъ, когда никто не тонулъ? А на другой день, скажите мнѣ, кто

написать и подбросилъ признаніе въ любви? (*Обращаясь къ публикѣ*) Негодуйте теперь! (*Живѣйшее впечатлѣніе*).

Развѣ не здѣсь первый симптомъ тяжелой болѣзни, опредѣляемой галлюцинаціями и бредомъ? Повторяю вопросъ моимъ противникамъ и тѣмъ, постороннимъ, которые ворчатъ въ публикѣ, забывая и о величіи суда, и о должномъ уваженіи къ защитѣ обвиняемаго; а между тѣмъ, можно бы, казалось, оцѣнить умѣренность моихъ выраженій, всякій разъ, когда говорю о невѣдомыхъ страданіяхъ Маріи Морель, какъ о причинѣ экстаза, о ненормальной игрѣ ея воображенія, принуждающихъ ее считать себя жертвой неотвязнаго человѣка и, постепенно, уносящихъ больную въ таинственную область сказокъ. (*Опять движеніе*).

Въ первый ли разъ подобныя обвиненія, плодъ большого мозга, пытаются сбить съ толку правосудіе?

Развѣ, на пути исторіи, залы судебныхъ засѣданій не оглашались, можетъ быть, слишкомъ часто, романическими сказками экзальтированныхъ женщинъ, которыхъ нельзя было объяснить ничѣмъ, кромѣ галлюцинацій этого рода?

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ иная причина тому, что, лѣтъ двадцать назадъ, одна испанка утверждала предъ судомъ: „Меня отравили; преступники: мой горничная, мужъ мой, ... его тетка!“ Вы, конечно, помните интересъ, возбужденный среди парижанъ безконечными преніями по этой жалобѣ; помните, какое участіе принимали въ потерпѣвшей страстныя барыни, сбѣгавшіяся въ этотъ самый залъ, со всѣхъ сторонъ... Увы, правосудіе было, наконецъ, обмануто, а горничная осуждена на смерть.

Благостію Провидѣнія, приговоръ былъ отмѣненъ; новое слѣдствіе доказало невинность бѣдной дѣвушки и несчастная жертва эшафота была оправдана, единогласно.

Кто же толкнулъ, на подобную ложь, высокопоставленную, титулованную и богатую женщину? Кто привязалъ ее къ кровати, пролилъ ядъ, вымазалъ въ черный цвѣтъ ея губы и грудь? Кому пришло въ голову заготовить такія улики? *Ей самой!* Страшная склонность къ таинственному увлекла ее на ложный доносъ!

Въ виду сказаннаго, пусть Марія Морель была воспитана въ строжайшихъ правилахъ добродѣтели, — я хочу вѣрить; но это не исключало возможности, какому нибудь роману попасть въ ея руки, наперекоръ всей бдительности ея матери. Безъ привычки къ подобному чтенію, будучи, какъ вамъ извѣстно, впечатлительною отъ природы и страдая уже первыми симптомами грозной болѣзни, которая околдовала ея разумъ и спутала воображеніе,

дочь генерала Мореля не могла не подвергнуться самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ...

Нѣтъ, какъ хотите, господа; но показанія одного свидѣтеля, разсказа только самой Маріи Морель недостаточно для обвиненія ла Ронсьера въ такомъ злодѣяніи, ни для приговора о томъ, что это подлый негодай и что, безъ выгоды, вопреки правдоподобию и въ разрѣзъ съ малѣйшею вѣроятностью, именно онъ совершилъ гнусное, безчестное, звѣрски-свирѣпое покушеніе! *(Долгое волненіе).*

Въ томъ же засѣданіи, прокуроръ Понтаррьё-Лафось, снова и энергически, поддерживалъ обвиненіе противъ ла-Ронсьера и Самуила Жильерона; обвинять же Юлію Женье отказался.

Г. Беррье, возражая защитѣ, произнесъ, въ свою очередь, слѣдующую полную силы и увлекательности рѣчь.

„Милостивые государи!“

„Продолжительность судебныхъ преній гнететъ ваше сердце и утомляетъ разумъ, исчерпываетъ религіозное вниманіе ваше. Однако, еще нѣсколько часовъ борьбы неизбѣжны... Моя очередь возражать на защитительную рѣчь, только что произнесенную отъ имени де ла Ронсьера.

Не смотря на совершенное изнеможеніе, въ теченіи этихъ печальныхъ дней и вопреки безсилію моему оправдаться, во всемъ объемѣ долга, я призванъ его исполнить.

Но,—предупреждаю,—обязанность моя лежитъ не въ интересахъ мести, хотя бы и самой законной, той, изъ за которой цѣлая семья рѣшилась влачить свой позоръ на подмостки судилища!

Вчера, говорили вамъ: чтобы спасти жизнь Маріи Морель, казалось необходимымъ подать жалобу и разыграть роль потерпѣвшихъ; теперь, надо уже довести вопросъ до конца,—отомстить за свою поруганную честь.

Отвѣчая на каждое изъ этихъ положеній, я могу вести атаку стремительно.—Будьте покойны, однако, въ моихъ словахъ, вы не найдете горечи. Каковъ бы ни былъ гнѣвъ, возбуждаемый въ сердцѣ мыслью объ этомъ мерзкомъ злодѣяніи, я постараюсь, чтобы невольное волненіе мое улеглось предъ ужасомъ страшной картины, открытой нашимъ взорамъ двумя семьями, терзающими другъ друга, въ этой распрѣ горя и скандала.

Два отца, посѣдѣвшіе въ лучахъ славы и среди нашихъ армій, два отца, изъ которыхъ, о, милосердый, великій Боже, тотъ или

другой долженъ выйти опозореннымъ въ лицѣ своего дитяти,— таково мрачное зрѣлище, которое суждено испытать намъ.

Но, господа, на сторонѣ, представляемой мною, больше утѣшенія, серьёзныхъ и важныхъ, намъ благопріятныхъ данныхъ, чѣмъ скорби и несчастія, причиненныхъ другому отцу сыномъ; отецъ, въ защиту котораго я говорю, припоминаетъ, въ глубинѣ души, съ сожалѣніемъ, но и съ радостью, жизненный путь дочери, ея нѣжный возрастъ, исполненный надеждъ. Здѣсь, основная черта различія между родителями, или, лучше сказать, между дѣтьми.

Я еще слышу мотивы защиты ла Ронсьера, что военная дисциплина была, повидимому, злой мачихой для него, что, на воспитаніе юноши, не обращали вниманія, а чрезмѣрная суровость отца повергла несчастнаго на ложную дорогу, что этимъ только и можно объяснить дѣяніе, за которое онъ преданъ суду.

Мы, въ свою очередь, указываемъ, съ гордостью, на характеръ Маріи. Самъ защитникъ подсудимаго внушаетъ намъ это сравненіе, излагая плачевную исторію своего кліента, какъ слѣдствіе недовѣрія между отцомъ и сыномъ. Наоборотъ, живя въ трогательномъ невѣдѣніи злобы людской, чистая сердцемъ и помышленіемъ, дѣвушка, безгранично, вѣрила отцу и матери; искренность и простота, взаимныя заботы и попеченія, неизмѣнно, одухотворяли эту семью. Какою любовью, какою нѣжностью окружали родители единственную дочь! Какой глубокой миръ царствовалъ у ихъ домашняго очага!

Таковы два метода воспитанія. Они логически опредѣляютъ нравственный строй, какъ ла Ронсьера, такъ и Маріи Морель.

Гдѣ нѣтъ и быть не можетъ другихъ источниковъ, — напри- мѣръ, въ изслѣдованіи первыхъ шаговъ жизни даннаго лица, — факты, иллюстрирующіе мою мысль, не могутъ быть взяты иначе, какъ изъ устъ его близкихъ. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что я на нихъ именно ссылаюсь. Передамъ ли, съ другой стороны, выраженія, въ которыхъ дочь присоединилась къ жалобѣ, принесенной ея отцомъ?! Нѣтъ! Позвольте напомнить самую жалобу и воскресить предъ вами рыданія генерала Мореля, запечатлѣнныя въ рукописи, съ намѣреніемъ никогда не показывать ихъ свѣту... „Злодѣйство!“ такъ озаглавлены грустныя строки и вотъ ихъ конецъ: „Марія! Милая, незлобивая жертва! Ты была мнѣ дороже всего на свѣтѣ; ангель чистоты, надежда семьи, гордость родителей, невинный агнецъ, измѣннически убитый! Если міръ, куда ты еще не успѣла войти, отвергнетъ тебя, помни, что сердце отца свято хранить убѣжище, гдѣ ты всегда найдешь покой...

Но и это утѣшеніе исчезаетъ... Мое измученное, бѣдное сердце скоро изсохнетъ отъ печали!" (*Живѣйшее сочувствіе въ публикѣ*).

Вотъ языкъ отца! Вы его слышали...

На ряду съ этимъ, единичнымъ показаніемъ, въ защиту юной дѣвушки, какою массою свѣдѣній располагаемъ мы противъ ла Ронсьера.

Не въ ядовитыхъ рѣчахъ клеветы станемъ искать доказательствъ въ ущербъ человѣку, угнетаемому столькими обвиненіями! Нѣтъ, мы ихъ находимъ въ официальныхъ документахъ,—среди протоколовъ военнаго министерства. Вотъ, гдѣ отмѣчены и удостовѣрены факты, на которые ссылаемся. Тамъ, въ особой категоріи донесеній, есть одно, въ высшей степени, замѣчательное. Когда, предъ военнымъ министромъ, хлопотали о переводѣ ла Ронсьера изъ каваллеріи въ пѣхоту, начальникъ главнаго штаба возразилъ, что „такимъ переводомъ былъ бы освященъ грустный прецедентъ, ибо пѣхота не должна быть пристанищемъ для каваллерійскихъ негодяевъ“. (*Движеніе въ публикѣ*).

Министръ, впрочемъ, рѣшилъ, что нельзя не придти на помощь старику отцу, хотя бы ради его почетныхъ ранъ.

Далѣе. По словамъ защитника ла Ронсьера, легко найти своеобразныя черты его личности въ захваченной у него корреспонденціи, изъ 50-ти писемъ. Прекрасно. Вотъ какія попадаются тамъ фразы: „Я влѣпилъ кошку порцію ударовъ хлыстомъ, чтобы научить, какъ чистятъ лошадей“. Въ другомъ письмѣ: „Дьяволъ злата—причина многихъ жертвъ“. Или еще: „Я распрощался съ мечтами о бракѣ; твердо помни мои, не разъ повторенныя слова: какъ только приведу дѣла въ порядокъ, я никогда не женюсь“.

Таковы, господа, два человѣческія существа, которыя ждутъ приговора; между ними надо избрать виноватаго.

Но я не стану обременять судей выборомъ. Я хочу дать возможность обратиться къ суровымъ заботамъ вашего долга, не предлагая вамъ сложныхъ и чрезвычайныхъ затрудненій. Мой выборъ сдѣланъ; не колеблясь ни минуты, думаю, что моя мысль очевидна, а убѣжденіе глубоко и непоколебимо. Виновенъ ла Ронсьеръ, преступникъ—онъ!

Считаете ли необходимымъ остановить меня и потребовать мотивовъ злодѣянія, картины ужасовъ, точнаго плана извивовъ и подробностей его пути. Увы, господа, есть мысли, непониманіемъ которыхъ я горжусь; есть позоръ, которому я призванъ вѣрить, не постигая. Счастье добрыхъ людей, именно въ томъ, что, будучи вынуждены наблюдать черные помыслы и гнуснѣйшіе расчеты, они не въ силахъ уразумѣть всей мерзости адскихъ

козней, разоблачить сатанинское коварство иного злодѣянія. *(Продолжительное движеніе въ публикѣ).*

Не требуйте же анализа всего, что неприлично въ образѣ дѣйствій обвиняемаго и на дорогѣ, которою онъ слѣдовалъ. Не ожидайте, что я брошусь въ омутъ его причудъ, погрязну въ тинѣ его намѣреній, запутаюсь среди чудовищныхъ комбинацій его!

Тѣмъ не менѣе, въ семьѣ Мореля, я вижу ясно человѣка, котораго хотятъ удалить отъ прекрасной Маріи. Тогда, онъ рѣшаетъ обезчестить ее, отнять малѣйшую опору. Вотъ средство, которое заставитъ семью бросить дѣвушку, съ ея золотомъ, въ его руки. Все это предъ глазами и не задержать меня ваши мнѣнья противорѣчія.

Господа, развѣ преступленіе не доказано? Развѣ непонятно? Но, вѣдь, нѣтъ ничего проще, какъ удостовѣрить его бытіе. Оно еще продолжается, живетъ, явствуется, осязается, оно течетъ въ венахъ Маріи де Морель.

Что же говорите вы? Что у нея странная безпримѣрная болѣзнь, а причины ея неизвѣстны; что это страданіе душевное, выражающееся въ нелѣпыхъ припадкахъ сомнамбулизма, каталепсиса и экстаза; болѣзнь, опредѣляемая галлюцинаціями... Да, развѣ этимъ путемъ чудовищность начала процесса раскроется очевидно?

Нѣтъ, не галлюцинаціи оставили слѣдъ укусовъ на кисти руки, не ими причинены раны на самыхъ нѣжныхъ и закрытыхъ частяхъ тѣла, не ихъ слѣдствіе порѣзы руки, не онѣ покрыли грудь синяками. Нѣтъ, нѣтъ, истязанія реальны. Уже 29-го сентября, чуть не въ первый моментъ событія, докторъ Бэкѣръ видѣлъ эти „раны, ушибы и разрѣзы“,—это его подлинныя выраженія,—и описалъ ихъ характеръ. Ему даже въ голову не приходило говорить о симмуляціи.

Какая же болѣзнь снѣдаетъ Марію? Гдѣ причина?

На предварительномъ слѣдствіи, въ тиши острога или въ камерѣ судьи, вы испробовали рядъ позорныхъ обвиненій, частью противъ самой дѣвушки, частью противъ ея отца и матери... Во имя соображеній, понятныхъ всему свѣту, семья Морелей была озабочена однимъ: утаить свое горе, прикрыть молчаніемъ судьбу юной Маріи. Въ самомъ дѣлѣ, 28-го сентября, возникла первая дилемма; надо слѣдовать привычкамъ, необходимо избѣгать ужаснаго вопроса: „Гдѣ ваша дочь?“ Марія покоряется долгу. Бэкѣръ былъ здѣсь, когда услышалъ слова матери: „Надо управлять собою, дочь моя! Свѣтъ глядитъ на насъ; крѣпись, не падай духомъ. Храбрость и сила воли неизбѣжны!“ А вечеромъ танцы...

Сначала, больная держится покойно, но требованія выше силъ; ей дурно и врачъ уноситъ ее, безъ сознанія. Дома, припадки становятся угрожающими. Потрясенъ весь организмъ; начинается горячка, и, лишь много позже, съ большимъ трудомъ, болѣзнь уступаетъ лѣченію. 19-го ноября страдалицѣ лучше, но, черезъ два дня, кризисъ, еще опаснѣйшій, грозитъ ея жизни.

Что же по вашему, это опять галлюцинація, когда, 21-го ноября, мать услышала, какъ ея дочь, получивъ роковое письмо, упала въ обморокъ, а, когда выломали дверь кабинета, нашла свое дитя на землѣ, судорожно сжимающимъ пасквиль, гдѣ грозятъ всему, что дѣвушка дорого и свято. Злодѣяніе переполнило чашу. Марія—въ страшномъ пароксизмѣ, число ударовъ пульса достигаетъ 125-ти въ минуту. Бэкѣръ спѣшитъ на помощь; изъ Парижа зовутъ другаго доктора Перрона. Вы помните симптомы, какъ онъ ихъ наблюдалъ и описалъ: налившееся кровью лице становится багровымъ, смерть приближается; плачь и стenanіе оглашаютъ домъ... Священника! и Марію соборуютъ... Вы знаете, какой способъ лѣченія былъ ей предписанъ. Возможно ли сомнѣваться далѣе? Не очевидно ли, что послѣдствія злаго дѣла возростали, съ развитіемъ энергіи преступленія? Развѣ не доказано, наконецъ, что, съ этого дня, врачи, единогласно, признали дѣйствительное существованіе болѣзни?

Вѣдь, вы сами слышали тожественныя показанія докторовъ: Рекамье, Лерминье, Бальи и Оливье. Развѣ съ ними не совѣтовались? Развѣ каждый изъ нихъ, раньше, чѣмъ поставить діагнозъ, не произвелъ самаго тщательнаго, строгаго научнаго изслѣдованія? И такъ, кому же придется въ голову отвергать наличность результатовъ преступленія? Увы, милостивые государи, зло предъ вами, на лице, во очію; оно чувствуется, осязается въ мускулахъ и нервахъ, въ малѣйшихъ развѣтвленіяхъ организма Маріи де Морель...

Но, пусть мои соображенія ничтожны. Хотите иныхъ доказательствъ? Обратимся къ языку, которымъ написаны пасквили. Припомнимъ тотъ изъ нихъ, который отмѣтили передъ вами вчера, какъ гимнъ сатаны, и вамъ уже незачѣмъ будетъ колебаться: достаточны ли психологическіе мотивы, возможенъ ли одинъ только выводъ изъ нравственныхъ элементовъ дѣла?

Когда фактъ преступленія доказанъ, спрашивается, гдѣ же преступникъ? Мы его ищемъ? Изумляюсь или, больше, скорблю о тѣхъ, кто еще спорить, въ чьихъ глазахъ нѣтъ вѣроятія, чтобы столько зла могло быть совершено однимъ человѣкомъ.

Но, господа, умѣстно ли повторять еще разъ, что преступленіе удостовѣрено документами, сознаниемъ обвиняемаго и массою показаній свидѣтелей. А мы все-таки ищемъ... Гдѣ злодѣй! Вотъ онъ!.. И я раскрою его извороты въ любомъ ихъ мгновеніи! (*Продолжительное волненіе, во всемъ собраніи*).

Къ чему прибѣгнулъ онъ, въ началѣ своихъ похожденій? Къ безыменнымъ, подметнымъ письмамъ.

Вы не забыли, надѣюсь, философскаго изслѣдованія, разработаннаго вчера моимъ благороднымъ и краснорѣчивымъ другомъ *). Доказавъ невозможность гипотезы, что эти письма принадлежать не ла Ронсьеру, онъ убѣдилъ и въ еще большей невѣроятности факта, что они написаны тою, которой приурочиваютъ ихъ эксперты.

Чѣмъ отвѣчаетъ защита? Въ письмахъ, говоритъ она, попадаются фразы изъ романа, а очень, дескать, возможно, что, по вечерамъ, тайкомъ отъ матери, барышня Морель почитывала кое что, принесенное миссъ Алленъ, украдкою, изъ библіотеки. Далѣе, вамъ указали одно слово—грубое ругательство, встрѣчаемое на стѣнахъ, которое, въ добавокъ Марія, говорятъ, могла слышать отъ уличныхъ мальчишекъ и запомнить. Но, господа, это значитъ не убѣждать, а играть словами. Нѣтъ нѣтъ, не гадательные признаки должны обнаружить виновнаго. Нѣтъ, презрѣнная цѣль писемъ, помыслы наглаго, скотскаго разврата, вотъ, что приводитъ къ ихъ автору,—ла Ронсьеру.

Разсмотрѣвъ пасквили, съ точки зрѣнія холодныхъ правилъ своего искусства, эксперты приняли во вниманіе лишь факты сходные, тогда какъ надлежало вникнуть въ различія, а ихъ очень много. Наоборотъ, сличая правописаніе ла Ронсьера съ таковымъ же пасквилей, они упустили изъ виду тождественныя ошибки, особенно, въ склоненіи причастій. Такимъ образомъ, и въ несомнѣнныхъ письмахъ обвиняемаго, и въ письмахъ анонимныхъ, мы, одинаково, встрѣчаемъ: „J'ai reçue votre lettre...“ „Les lettres, que vous avez reçu...“ Слово „honnete“ онъ пишетъ черезъ одно „n“ и, напротивъ, удваиваетъ согласныя, безъ надобности, когда наприимѣръ, пишетъ „adresse“; не теряетъ случая написать: „je fairai“, вмѣсто „je ferai“. Щедрый на ударенія, онъ строчитъ „celà“ и никогда не забываетъ написать „où“, мало заботясь, что это такое,—нарѣчіе или союзъ? Глядите еще: „persèverence“ или— „que les flammes devore“, и т. д.

Но, что гораздо громче свидѣтельствуется въ ущербъ обвиняемому, это слогъ и отдѣльныя выраженія пасквилей, такіа

*) Одиллономъ Барро.

подробности, которыхъ дѣвушка, въ 16-ть лѣтъ, знать не могла. Ужъ не благовоспитанная ли барышня, юное и чистое дитя способно, по вашему, заканчивать письма грубою бранью, гравируемою пьяными бродягами на заборахъ, да и то не каждый день?!

Изложенныя улики обосновываются на другихъ, далеко ужаснѣйшихъ. Упорное, напимѣрь, молчаніе ла Ронсьера, когда генераль гонить его изъ дому, такая, въ моихъ глазахъ, грозная улика. Ла Ронсьерь, столь мало, огорченъ былъ своимъ позоромъ, что, въ тотъ же день, — воскресенье 21-го сентября, — когда Моргонъ видѣлъ его въ театрѣ, онъ бесѣдовалъ въ глубинѣ ложи, о превосходныхъ качествахъ розовой эссенціи. Госпожа Моргонъ показала, на слѣдствіи, даже о какомъ то обмѣнѣ флаконовъ, ей тогда предложенномъ.

Таковы обстоятельства дѣла. Надо ли продолжать поиски за преступникомъ.“

Обратившись затѣмъ къ изслѣдованію двойнаго „alibi“, на которое ссылается подсудимый и которое, однако, было испровергнуто на судѣ, Беррье доказываетъ возможность пробраться въ комнату дѣвушки Морель или по деревянной лѣстницѣ, прикнутой къ стѣнѣ, или по веревочной, спущенной съ чердака. Судебныя пренія, достаточно, ознакомили съ искусствомъ ла Ронсьера готовить подобныя лѣстницы: годъ назадъ, онъ устроилъ одну для Амберта, другую, въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

„Едва Берайль и Амбертъ увидали одно изъ анонимныхъ писемъ, какъ воскликнули оба. „Это рука ла Ронсьера“. Выраженіе — „Я доволенъ Амбертомъ“ могло принадлежать только ему. Въ самый моментъ дуэли, Берайль сказалъ Амберту и д'Эстульи: „Вотъ негодяй! Я убѣжденъ въ его виновности, а, какъ на несчастіе, именно мнѣ пришлось быть его секундантомъ“.

Еще далѣе идутъ признанія, сдѣланныя подсудимымъ, свободно и безъ, такъ называемой, нравственной муки. Онъ ихъ вовсе не скрывалъ; напротивъ, самъ говорилъ о нихъ адвокату Каро.

„Что понудило сознаться? Строгость отца? Ужасъ передъ судомъ? Нѣтъ и нѣтъ! Развѣ не упрасивалъ онъ, даже во время дуэли, отдать ему эти мерзкія письма, обѣщая лично отнести ихъ прокурору. Не трусость, значитъ, мотивъ признаній.

Продолжая изученіе писемъ, особенно тѣхъ, гдѣ говорятъ Амберту: „Я навсегда потерялъ ваше уваженіе!“ и, д'Эстульи „Не требуйте того, что меня окончательно погубить“, — Беррье обращаетъ вниманіе на поразительное совпаденіе между фразою одного изъ пасквилей: „Вы можете меня заставить покинуть Францію“ и совѣтомъ перемѣнить отечество, который былъ данъ

ла Ронсьеру нѣсколько дней раньше. Указавъ присяжнымъ на такое выраженіе письма одного изъ ближайшихъ родныхъ подсудимаго: „я не совсѣмъ довѣрю вашей правотѣ“,—представитель Морелей читаетъ письмо изъ острога, гдѣ ла Ронсьеръ просить у д'Эстульи состраданія и милости и заклинаетъ пощадить его на судѣ. Вездѣ, во всѣхъ письмахъ, ораторъ находитъ то многочисленныя, очевидныя и осязательныя улики его виновности, то безспорныя доказательства самаго факта преступленія.“

Достигнувъ послѣдняго письма, гдѣ значится фраза: „Скажутъ, что не сынъ генерала, а простой лакей обольстилъ вашу дочь“, Беррье вскричалъ:

„Когда увидѣли, наконецъ, что, вопреки столькимъ униженіямъ и мольбамъ, д'Эстульи разжалобить нельзя; когда показанія свидѣтелей, протоколь признанія и вещественныя доказательства уже были представлены прокурору; когда поняли, что все погибло, а часъ правосудія насталь, тогда рѣшили ухватиться за крайнее средство, принять мѣру, способную навести ужасъ на семью Морелей и вынудить ее къ отступленію предъ пыткой всенароднаго процесса.“

Такимъ злодѣйскимъ приемомъ, думали, будутъ слова; „Нѣтъ, не сыномъ генераль-лейтенанта развращена ваша дочь, а грязнымъ лакеемъ!“ О! горемычная мать! Бѣдный, несчастный отецъ! Слушая меня, въ оцѣпенѣніи отъ печали и съ воспаленными отъ слезъ глазами, которымъ уже не подъ силу плакать,—содрагайтесь! Дабы похоронить грозную тайну, страшная картина была раскрыта передъ вами! Но когда, не смотря и на это, вы, гонимые судьбою, допустили влачить себя на публичное поруганіе, тамъ, въ другомъ лагерѣ, сказали такъ: „Генераль, столь чуткій ко всему, что малѣйше затрогиваетъ честь дочери, гордый и богатый человѣкъ, не захочетъ судиться; во время испуганный, отвергнетъ онъ всякія настоянія и не потерпитъ глумленія надъ дѣвушкою, которую, постыдно, изнасиловаль лакей; и эта подлость, такая омерзительная гнусность меня выручить! О! не дерзнуть они! Я спасень!“

Да, милостивый государь, вы на это рассчитывали; у васъ была надежда нагнать холоду, заставить молчать! Вы твердо уповали! Да, вамъ, а никому иному, было выгодно послать такое письмо... Это вы его написали!“ *(Неудержимые знаки сочувствія въ аудиторіи. Увлеченіе достигаетъ апогея; вся семья Морелей рыдаетъ;... самъ изъ защитникъ не въ силахъ удержать слезъ).*

Оспаривая правомѣрность ссылки на alibi подсудимаго и фи-

зическую яко бы невозможность для него взобраться по лѣстницѣ, Беррье, въ заключеніе, переходить къ обстоятельствамъ самаго насилія.

„Удивляются, милостивые государи, замѣчаетъ ораторъ, молчанію Маріи Морель, въ роковую ночь на 24 сентября. Двѣ юныя, перепуганныя и разстроенныя дѣвушки не вскрикнули ни разу, и вы ихъ обвиняете! Но, вѣдь, такъ должно было случиться; подобная тишина лучшее, убѣдительнѣйшее доказательство личности преступленія и справедливости ихъ разсказа.

Будь это воръ, покушайся онъ унести золото или брилліанты, я понялъ бы вашъ упрекъ; если бы, далѣе, все это была сказка, поставили бы, конечно, весь домъ на ноги, взбудоражили бы криками всѣхъ и вся, а тьма ночи устранила бы малѣйшее подозрѣніе въ подлогѣ. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ: дѣвушку насилуютъ; стыдъ и цѣломудріе налагаютъ невольное молчаніе на ея уста.— „Меня видѣли нагую? Что сдѣлали со мною? Прикрой меня Аллень!...“ О, я разумѣю, почему не было крика. Марія, вѣдь, дѣвушка; взволнованная чувствомъ стыда, она не смѣетъ показаться матери, которая, столько разъ, говорила ей о скромности.

Утромъ, видитъ она себя вновь, припоминаетъ все и прячетъ свою наготу... „Аллень! Аллень! Пойди сама разскажи матушкѣ; попроси ее ко мнѣ!...“

И никогда не пойму я, какъ могла бы она мучиться желаніемъ, раскрыть свой позоръ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Обращаюсь къ сердцу любой матери семьи!... *(Живое сочувствіе въ публикѣ, особенно среди дамъ).*

Независимо отъ изложеннаго, какова, въ сущности, система защиты? Обвиняя во лжи отца, мать, честнаго, благороднаго и вѣрнаго ихъ друга Жакемэна, вы стараетесь заклеить и Марію, и миссъ Аллень.

Прекрасно; остается, значить, сдѣлать выводъ. За вами, господа присяжные, право рѣшить: рассудите ла Ронсьера съ Марією Морель.

Но, милостивые государи, если мнѣ дорога честь семьи, которую я защищаю, то имя генерала ла Ронсьера, въ свою очередь, также отдано на храненіе вамъ. Снизойдемъ въ глубь процесса; оцѣнимъ признанія, взвѣсимъ данныя, обдумаемъ несообразности. Взгляните пристально: говоритъ ли Марія истину? Вѣдь, для оправданія подсудимаго, очевидно, необходимо признать, что ея показаніе ложно, что эта несчастная дѣвушка обманываетъ васъ. Но, что значило бы такое признаніе? Она, слѣдовательно, истерзала сердце отца и матери, а д'Эстульи принудила выйти

на дуэль; сама себѣ нанесла раны и побои, жестоко себя мучила, истязала, и все, исключительно, ради потѣхи увлечь насъ какою то нелѣпою сказкою. Воображая мнимое злодѣяніе, она растроила себя, наконецъ, такъ, что захворала уже на самомъ дѣлѣ, а симптомы болѣзни обнаружила столь тяжкіе, что объ ихъ реальности не спорять даже враги ея!

Господа! Я не хочу тамъ увлекать васъ словами, гдѣ колеблется умъ, когда взволнованы сокровеннѣйшіе тайники души. Но, да позволено будетъ мнѣ одно только соображеніе. Если честь Маріи Морель испытаетъ крушеніе, въ подобной борьбѣ; если осуждена будетъ она, дѣвушка 16 лѣтъ, а ла Ронсьерь оправданъ, — не сомнѣвайтесь, — онъ, въ оскорбительномъ и торжествующемъ самодовольствѣ, получитъ право спросить, а честнымъ людямъ не останется ничего, какъ, въ отчаяніи, повторять за нимъ тотъ же вопросъ, по одному изъ его пасквилей: „Къ чему любить добро?“ (*Общiе апплодисменты*).

4-го іюля, вслѣдъ за рѣчами защитниковъ Жильерона и Женье, Августа Мари и Перена, Шә д'Есть Анжъ такъ парировалъ удары обвинительной власти и повѣреннаго гражданскаго истца:

Милостивые государи!

Въ теченіи долгихъ дней нравственнаго утомленія и борьбы, ваше вниманіе, неизмѣнно, благородное, истощается, вопреки вашей воли; я самъ, чего бы не требовалъ долгъ, вижу, что и мой голосъ, и мои силы падаютъ.

Но я одинокъ, а отвѣчать необходимо, неизбежно. Надо бороться съ могучими противниками, которые настигаютъ меня попеременно и взаимно поддерживая другъ друга.

Не станемъ же медлить; соберемъ еще нѣсколько словъ и обратимся къ вашей совѣсти. Да не отвратитъ она лица своего! Пусть изнеможенные силы вашего разума одухотворятся и, если мыслимо, удвоятся, потому, что это послѣднее слово, рѣшительный протестъ, замирающая въ груди мольба невинно-осуждаемаго. (*Впечатлѣніе*).

Писалъ ли ла Ронсьерь анонимныя письма?

Покушался ли онъ, въ ночь съ 23 на 24 сентября, на изнасилованіе Маріи Морель?

Таковы два вопроса или, лучше сказать, таковъ, въ двойной формѣ, единственный вопросъ дѣла, ибо вы отлично понимаете, что если обвиняемый не авторъ писемъ, то не онъ покушался и

на честь дѣвушки; и наоборотъ, неповинный въ послѣднемъ злодѣяніи, онъ не имѣлъ цѣли сочинять и пасквили.

Господа, всякій разъ, когда человѣкъ преданъ суду,—безразлично въ чемъ бы не обвинялся онъ, — надлежитъ, раньше всего другаго, изслѣдовать и рѣшить, такъ какъ справедливый приговоръ иначе невозможенъ, изъ-за чего преступленіе совершено? Какой расчетъ или выгода толкали обвиняемаго?

Этой необходимости отыскать причину злодѣянія, установить, прежде всякаго другаго изслѣдованія, побужденіе, руководившее преступникомъ, — вы не въ силахъ противиться, какъ бы ни мѣшали вамъ. Кидаясь въ пучину затрудненій, случайностей и опасностей, вызываемыхъ преступленіемъ, человѣкъ, разумѣется, имѣетъ въ виду удовлетворить своей выгодѣ или страсти. Таково не временное или мѣстное правило, а законъ всеобщій; разумъ, справедливость, единообразіе нашего духа, здравый смыслъ, одинаково, убѣждаютъ въ этомъ. Увлечъ въ легкую ошибку, конечно, можетъ и любовь къ похищеніямъ, и вздорность характера. Но, когда дѣло идетъ о суровомъ обвиненіи, которое не только подвергаетъ презрѣнію общества, но и грозитъ тягчайшими карами закона, тогда, говорю я, злодѣяніе немислимо безъ важнаго и глубокаго мотива. Никто не станетъ рисковать покоемъ всей своей жизни, судьбою и честью цѣлой семьи, изъ-за пустяковъ.

Гдѣ же великій, гдѣ могучій интересъ въ настоящемъ процессѣ?

Былъ ли ла Ронсьеръ влюбленъ въ Морель-мать?

Нѣтъ. Всѣ данныя убѣждаютъ, что онъ, никогда, и не мечталъ о такой любви,—сами противники мои вынуждены признать это.

Любилъ ли онъ Марію?

Нѣтъ, ничего, кромѣ гнусностей, не писалъ онъ ей, а, между страстныхъ похвалъ красотѣ, уму и благородству матери, находилъ для дочери одни слова отвращенія и презрѣнія.

Хотѣлъ ли жениться?

Дѣйствительно, оригинальный способъ достигать цѣли путемъ ежедневныхъ оскорбленій! Желалъ бы я встрѣтить подобное объясненіе злодѣйства. Вотъ человѣкъ, который, не вѣдая обыкновенныхъ средствъ женитьбы на богатой наслѣдницѣ, стремится обезчестить ее и погубить; ничего, вѣдь, не останется роднымъ, какъ выдать ее головою тому, кто опозорилъ дѣвушку предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Но къ чему дебютировать такую именно перепискою? Во имя какихъ соображеній, онъ дѣлаетъ все не съ цѣлью понравиться, а, наоборотъ, чтобы заставить ненавидѣть себя? А, затѣмъ, когда

преступленіе совершено, когда здравый смысл повелѣвалъ сказать: „это дѣло моихъ рукъ, но я хочу загладить вину; я обезчестилъ вашу дочь, но довѣрьтесь мнѣ, ибо я еще въ силахъ утѣшить и осчастливить ее“...,— что говоритъ онъ, чѣмъ пробуетъ смягчить ненависть и обезоружить гнѣвъ ея семьи? Стремясь жениться, онъ пишетъ: „Страшныя узы соединятъ насъ. Эта свадьба будетъ новою местию и я начну издѣваться надъ вами, въ волю!“ (*Впечатлѣніе*).

Ужъ не для собственной ли только потѣхи сочинялъ онъ пасквили? Меня возмущаетъ эта жестокая игра. Сознаюсь, что въ обществѣ приняты дрянныя, хотя и непредусмотрѣнныя закономъ выходки и злой человѣкъ можетъ позволять себѣ ихъ, безнаказанно. Совсѣмъ не то здѣсь. Рѣчь идетъ не объ угрозахъ, а о суровой дѣйствительности; мы видимъ не слова, а кровь, дуэль, почти убійство... И, вдругъ, хотятъ, чтобы обвиняемый рискнулъ на все, безъ разчета и цѣли, безъ вѣроятности добиться чего либо, кромѣ безславія; навязалъ бы себѣ презрѣніе собственной семьи, разрушилъ бы жизнь, малѣйшія надежды свои! (*Новое волненіе*).

Или, быть можетъ, имъ руководила, исключительно, страсть творить зло? Купаться въ крови, не этого ли искалъ онъ? Вамъ рассказывали объ исчадіяхъ ада... Отлично,—я согласенъ и допускаю, что, отъ времени до времени, подобныя явленія возможны. Господь отмѣчаетъ ихъ, иногда, своею рукою и вводитъ въ нашу среду, какъ ужасный примѣръ, какъ явную угрозу человѣчеству. Но ихъ узнаютъ заранѣе, и не бываетъ такъ, чтобы, никому невѣдомые въ теченіи, положимъ, тридцати лѣтъ, открывались они внезапно. Подобные люди уже родятся на свѣтъ заклеяменными самимъ Богомъ; въ своемъ сердцѣ, носятъ они ядъ, пожирающій ихъ. Еще дѣтьми, они отличаются въ играхъ. Позже, когда дурныя страсти растутъ съ годами, мы видимъ, какъ эти злодѣи радуются слезамъ, ими же вызваннымъ, глумятся надъ воплями своихъ жертвъ, пляшутъ въ потокахъ крови, ими пролитой! А! Чтобы, наконецъ, ни предпринимали они, всегда есть улики, которыхъ ни скрыть, ни поддѣлать невозможно; на своемъ пути, имъ ни разу не удастся, окончательно, замести слѣды, видимыя цѣлому міру; когти сатаны сквозятъ подъ обликомъ человѣка!

Таковъ ла Ронсьеръ;—по крайней мѣрѣ, такимъ онъ былъ, или его сдѣлали. Какими злодѣйствами ни обременяютъ его совѣсти. Удалось ли вамъ сосчитать его похождения и браки, имъ разрушенные; дѣвъ, обольщенныхъ имъ; женъ, умершихъ, въ отчаяніи, отъ измѣны. Найдены ли итогъ мужей, коварно и безза-

конно убитыхъ имъ изъ за угла? Вотъ чудовище! Вотъ дьявольское твореніе, безъ котораго нельзя обойтись здѣсь... А, если изложенное справедливо, то не требуйте у этого страннаго, внѣ законовъ природы стоящаго, адскаго выходца отчета, зачѣмъ онъ учинилъ зло; ради удовольствія вредить другимъ, — не больше и не меньше!

Въ одинъ прекрасный день, остановился онъ на кровожадной мысли и, въ сомнѣннн, рѣшилъ: я, конечно, рискую жизнью; возможно, что мнѣ уже готовятъ эшафотъ; но это пустяки! Вотъ юная, чистая, свято воспитанная прелестная, въ невинности своей, дѣвушка; она—радость отца и матери, свѣточъ ихъ жизни... Прекрасно, — на нее то я и направлю зловонное дыханіе свое. Она счастлива, а я мученикъ; ее обожаютъ, меня клеймятъ; наложу ка на нее руку и овладѣю... Я, разумѣется, умру, но, вѣдь, и она со мною... О, я узнаю тебя, сатана; да, злой духъ, я тебя вижу!...

Не таковы ли въ сущности обвиненія, которыми угодно вамъ наградить ла Ронсьера, сочиняя изъ него героя преисподней? Въ вашихъ ловкихъ рукахъ, это уже не человѣкъ, а демонъ!... Узнаете ли вы его, г-спода! (*Движеніе въ разныхъ концахъ зала*).

Заблужденія его молодости, — результатъ черезъ чуръ суроваго воспитанія, извѣстны. Имѣя долги, онъ, правда, нетерпѣливо выслушивалъ нравоученія отца. Но, развѣ это примѣты изверга, который не заслуживаетъ ничего, кромѣ эшафота? Очевидно, нѣтъ. Ошибки, кредиторовъ и любовницъ вы можете принять въ расчетъ, но будьте же милосердны. Не отвращайте взоровъ отъ его характера; ознакомьтесь съ его нравственною природою, съ его сердцемъ и убѣжденіями; не забудьте писемъ, гдѣ въ самой искренней простотѣ, онъ изливалъ свою душу, и не позабудьте записать ему въ активъ сердечную доброту, ярко отпечатлѣвшуюся въ такихъ откровеніяхъ, когда человѣкъ не думаетъ обманывать.

Въ разрѣзъ съ тѣмъ, что осмѣливаются утверждать наши враги, не теряйте изъ виду души, любящей и готовой помочь ближнему всякій разъ, когда есть возможность. Вмѣсто того, чтобы забыть Меланію Лэръ, какъ сдѣлали бы многіе другіе съ минуты, когда военная дисциплина принудила его разстаться, вы находите его полнымъ заботъ объ этой дѣвушкѣ и желанія обезопасить ее отъ ловушекъ, разставляемыхъ Парижемъ.

Соображая документы, сюда относящіеся и уже цитированные, позвольте мнѣ сдѣлать небольшое сближеніе,

11 сентября, онъ, говорятъ, написалъ самый грубый пасквиль. Подготавливая, въ эту минуту, планъ преступленія, будучи всецѣло

поглощенъ свирѣпымъ замысломъ и смертоносными ухищреніями, онъ, разумѣется, не могъ отвлекаться къ идеямъ другаго порядка. Однако, именно въ этомъ періодѣ, онъ пишетъ Меланіи Лэръ, радуясь, что ему удалось исклопотать прощеніе для какого то бѣдняги-солдата, о смягченіи участи котораго, напрасно, молилъ его родной отецъ. — „Сегодня разрѣшаю отпускъ рядовому, котораго избавилъ отъ арестантскихъ ротъ. Его отецъ просилъ за него и возбудилъ во мнѣ состраданіе. Употребивъ всѣ усилія, я спасъ таки и вернулъ ему сына. Видишь, что и у меня есть заботы!“ Другое письмо той же эпохи относится къ ребенку Меланіи Лэръ, брошенному отцемъ. Коснувшись воспитанія мальчика и давъ матери нѣсколько совѣтовъ, онъ продолжаетъ: „Со вчерашняго дня, когда отправилъ тебѣ, дружокъ, письмо, я, долго и упорно, размышлялъ о твоёмъ дѣлѣ съ М. Д... Не могъ удержаться отъ упрековъ людской злобѣ и нашель, что поведеніе этого господина, въ отношеніи тебя, безчестно. Скажу, что, еслибы это могло тебѣ помочь, ему довелось бы имѣть счеты со мною. Къ несчастью, понимаю, что шумъ и новая исторія способны только повредить тебѣ.“ Вотъ чѣмъ волнуется онъ! Таковы его идеи, его сокровенные помыслы!

А, между тѣмъ, преступленіе назрѣваетъ и, въ тотъ же день, увѣряютъ васъ, онъ отправилъ другое, позорнѣйшее письмо. Занятымъ поддѣлкой своего почерка и погруженнымъ въ злодѣйскіе расчеты, — вотъ какимъ рекомендуютъ его враги. Представляя другую сторону медали, я не могу скрыть его добрыхъ дѣлъ; по словамъ обвиненія, онъ хочетъ отравить жизнь семьи, вырвать дитя изъ подъ крылышекъ матери, а вы, наоборотъ, сами видите его въ хлопотахъ о солдатѣ, горемыкѣ, котораго онъ не отымаеть, а возвращаетъ отцу. (*Впечатлѣніе*).

Глядите же на этого негодя! Это самъ сатана!

Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте! Увлечшись до нѣкоторыхъ нарушеній дисциплины, обязанный, быть можетъ, перемѣнить полкъ, даже причинивъ безпокойство отцу, онъ, въ сущности, человекъ мягкій и благородный; далеко не забывая требованій совѣсти, онъ умѣетъ ихъ высказать честно, а, въ дружеской перепискѣ, не боится раскрыть всю глубину своего сердца. (*Ропотъ*).

Стало быть, въ арсеналѣ обвиненія, не хватаетъ выгоды, мести, любви или ненависти, иными словами, — всѣхъ, вообще, двигателей человека. (*Обращаясь къ Беррье*). Этимъ, конечно, и объясняется фактъ, что вчера вы пришли къ невозможности сказать что либо, убѣдительное, дать какой нибудь преступный мотивъ.

Затѣмъ, однако, поэтическое вдохновеніе выручило васъ изъ бѣды. У своего краснорѣчія пришлось вамъ требовать указаній, которыхъ нельзя было выжать изъ данныхъ процесса, или, лучше сказать, вашъ личный талантъ, торжественно, призналъ свое безсиліе открыть источникъ зла. Тогда, неожиданно, восклицаете вы: да развѣ я обязанъ искать причины? Я слишкомъ благороденъ, чтобы ничего не разумѣть въ подобныхъ мерзостяхъ!

Какъ, милостивый государь, считая себя честнымъ человѣкомъ, вы думаете, что можете обвинять безъ доказательствъ! Только потому, что обвиняете вы, безупречный, такъ сказать, *переполненный* совѣстью дѣятель, не надо требовать уликъ? А, оградившись подобною совѣстью, черезъ чуръ, говорите, невинною, чтобы понимать такія злодѣянія, вы не стѣсняетесь повторять: вѣрте мнѣ, дескать, на слово?! И напрасны, думаете вы, наши просьбы мотивировать обвиненіе, указать факты, опровергнуть несообразности, устранить физическую и нравственную невозможность событія... Нѣтъ, нѣтъ, какое вамъ дѣло до этихъ жалкихъ условій обыденнаго процесса! Вамъ довольно отвѣтить: я честный гражданинъ, а вотъ злодѣй; положитесь на меня; онъ виноватъ,—я говорю это,—казните его!

Не такъ, господа, нѣтъ, не такъ! Безразлично требуя покоя обществу и безопасности для невиннаго, правосудіе не можетъ увлекаться фейерверкомъ фразъ. Назадъ, прочь волненія и симпатіи, долой тяжкій гнетъ душевный! Вернемся къ дѣлу, разсмотримъ улики, доказательства,—слышите ли? Очевидныхъ данныхъ,—вотъ чего ждутъ судьи;—слезы и рыданія замѣнить ихъ не въ силахъ; не слезы, которыя удалось вамъ вырвать даже у меня, а факты необходимы... Прежде, чѣмъ клеймить, позорить и уничтожать ближняго, раньше, чѣмъ строить ему эшафотъ,—вотъ безъ чего обойтись нельзя. Да, еще разъ, уликъ, уликъ требуютъ отъ васъ; вотъ что неустранимо, незамѣнимо, неизбѣжно! *(Будучи произнесены съ энергіею и глубокимъ убѣжденіемъ, эти слова вызываютъ сильное движеніе въ залъ. Applaudируютъ).*

Я не хочу напоминать всего, что говорилъ о пасквиляхъ ранѣе; не хочу вновь разсматривать оскорбительной и угрожающей переписки поручика съ генераломъ, гдѣ, тщательно измѣняя свой почеркъ, онъ не забываетъ, однако, подписываться, каждый разъ; гдѣ, усердно, шагъ за шагомъ, раскрываетъ предположенія свои, признаетъ все, уже сдѣланное; повѣствуетъ о томъ, что совершить намѣренъ, и гдѣ, — вещь, изумительная и необъяснимая, — руководствуется правописаніемъ, котораго не знаетъ, и не дѣлаетъ

ошибокъ, ему всегда присущихъ. Время не терпитъ и я спѣшу достигнуть момента, когда ла Ронсьеръ покидаетъ Сомюръ.

И такъ, онъ на свободѣ, въ Парижѣ! Цѣною признаній, о которыхъ сейчасъ скажу, ему обѣщали безнаказанность. Чего не сдѣлаетъ несчастный, сію минуту едва не сошедшій съ ума, валявшійся по полу и рвавшій на себѣ волосы? На что не рѣшится человѣкъ, когда его гнететъ идея преслѣдованія и когда одно слово можетъ погубить его! Въ письмѣ д'Эстульи, только что полученномъ, онъ читаетъ: „Раньше, чѣмъ окончитъ бесѣду, я обязанъ предупредить, что, если вы дерзнете, какимъ либо путемъ, обезпокоить семью генерала Мореля, обѣ ложныя подписи, вами поддѣланныя, будутъ, немедленно, представлены суду“. Очевидно, что, не говоря о новомъ покушеніи, первое слово, первое его движеніе, и письма идутъ въ ходъ, на его же гибель. Подъ такими то угрозами, онъ бѣжитъ изъ Сомюра и, разумѣется, не смѣетъ напоминать о себѣ. Наилучшее, что можетъ придумать, это — провалиться сквозь землю, въ омутъ, который называется Парижемъ.

Увы, не обольщайтесь! Онъ пишетъ вновь, онъ храбро сѣетъ пасквили, а содѣяннмъ хвастаетъ: „Я обезчестилъ вашу дочь..., нанесъ тяжкіе удары ножемъ..., хотѣлъ передать ей страшную болѣзнь!“ Въ письмѣ же къ Маріи говоритъ: „то, что вамъ дороже всего на свѣтѣ,—мать, отецъ, д'Эстульи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, погибнетъ...“ Какъ!—онъ это пишетъ, когда ему сказано: не шевелитесь, иначе смерть вамъ! Пишетъ, зная, что не сдобровать ему! Дразнить, выводить изъ терпѣнія людей, которыхъ, только что, молилъ о пощадѣ, и когда достигъ ее, безусловно, лишь на первый разъ! Возмущая, бравируя ихъ гнѣвомъ, отравляя имъ жизнь, онъ, угрозами, частью, уже приведенными въ исполненіе, частью, повторяемыми съ вопіющимъ безстыдствомъ, вынуждаетъ, наконецъ, Морелей жаловаться, самъ толкаетъ ихъ подъ защиту уголовного закона! (*Волненіе*).

Далѣе. Письма помѣчены Парижемъ, а носятъ почтовый штемпель Сомюра; они брошены въ ящикъ, безспорно, здѣсь, когда ла Ронсьеръ находился въ Парижѣ. Къ чему? Зачѣмъ подобная хитрость; съ какою цѣлью идти въ обходъ, во имя чего звать сообщника? Но и это не все. Ла Ронсьеръ въ острогѣ, а пасквили все идутъ и идутъ. Еще лучше: началось слѣдствіе, обвиняемый, вѣдь, вотъ онъ, наконецъ, имѣетъ единственную дорогу — отрицать все. И что же? Мы видимъ, какъ разъ обратное: изъ тюрьмы, подъ тяжестью уголовной волокиты, направляемой, со всѣхъ сторонъ, именно на него, видя мечъ правосудія уже занесеннымъ

надъ своею головою и хорошо разумѣя положеніе вещей [вѣдь, это онъ, между прочимъ, писалъ: „Кромѣ отрицанія, у меня нѣтъ исхода!“],—онъ, вдругъ, открыто, признаетъ, даже преувеличиваетъ свою вину, говоря: „Я старался убить госпожу Морель“.

Такова его рѣчь, онъ самъ себѣ готовитъ обвинительный актъ, пожалуй суровѣе прокурорскаго.

Да! Только попадая въ этотъ сумбуръ несообразностей и безумія, я начинаю, въ свою очередь, разумѣть, почему даже ваши дарованія, мой почтенный противникъ, оказались безпомощными.

Но, говорятъ, въ письмахъ, есть мѣста, которыя озобличаютъ автора; есть выраженія, ему измѣняющія и доказывающія его вину. Такъ, ограничиваясь единственнымъ примѣромъ,—дабы не утруждать васъ,—читаютъ: „Я хотѣлъ передать ей страшную болѣзнь“; и вотъ, совершенно неожиданно, въ срединѣ засѣданія, является свидѣтель и, навязывая намъ свое показаніе, повѣствуетъ, что, въ означенный періодъ, самъ ла Ронсьеръ ему сознался, что былъ тогда боленъ и старался передать заразу. Не буду повторять словъ обвиняемаго, который, какъ вы убѣдились, твердо помнить событія и числа и удостоверяетъ, что, къ тому времени, уже выздоровѣлъ, но я обязанъ сказать: Прочитайте письмо, не измѣняя словъ и не извращая смысла: „Не стоитъ скрывать; имѣя въ виду убить вашу дочь, причинить ей тяжелую болѣзнь, повергнуть въ жестокія муки,—я, съ этою именно цѣлью, нанесъ ей, во многія части тѣла, глубокія раны ножемъ“. Гдѣ же намекъ на иное страданіе? Онъ хочетъ убить, замучить и старается поранить тяжело. Откуда дѣлается выводъ о зараженіи, на счетъ котораго, столь любезно, распространялся капитанъ Жакемэнъ? *(Опять движеніе)*.

Спрашивается далѣе, на какой бумагѣ изложены письма? Фактъ, опять поразительный, и я прошу не терять его изъ вашей памяти! Простая писчая бумага, повидимому, вырванная изъ ученической тетради, обнаруживаетъ въ авторѣ писемъ поспѣшность и непривычку располагать почтовой бумагой, на которой пишутъ опрятнѣе... Откуда же взялась эта бумага? Хотите узнать? Пойдемте къ Морелямъ, подыдемся на третій этажъ и тамъ, въ комнатѣ барышни, въ ея тетрадкахъ, мы найдемъ ее!

Да, это ея бумага! Сравните, сличите, умоляю васъ! Ея, — говорю вамъ, та, которую онъ пользуется ежедневно и всегда имѣетъ подъ рукою. Матерьялъ тождественный и даже, какъ удостоверялъ Монгольфье, очень вѣроятно, изъ одной и той же стопы.

О, я слышу, прекрасно слышу отвѣтъ; понимаю: коварный лакей, продажная душа стащила тетрадку и выдала врагу...; вѣдь,

его предусмотрительность безконечна... Отъявленный злодѣй, самый ловкій плутъ не сообразилъ бы, а онъ, — легковѣсный и вздорный человекъ, готовый завтра идти на переکورъ тому, что сдѣлалъ сегодня, вѣтрогонъ, чуждый всякой идеѣ, — догадался. Онъ и ни кто другой дошелъ до этой мелочной хитрости, да еще въ какую минуту! Вотъ записка, составленная въ вѣ ночь преступленія. Злодѣяніе на чеку; негодяй уже на чердакѣ; ловя моментъ и устраивая лѣстницу, онъ выжидаетъ. Въ часъ по полуночи, строчить цѣлое посланіе, а въ два насилуетъ. Ладно! Засѣдая подъ крышею и, дабы исключить сомнѣнія на счетъ себя, излагая все, что намѣренъ предпринять, онъ не преминулъ захватить листъ бумаги Маріи Морель, и, одержимый адской злобой, издѣваясь надъ опасностями, во время, принесъ его съ собою.

Сдѣлайте милость, объясните, къ чему подобная забота; изъ за чего бьется онъ и пишетъ не на своей бумагѣ? Скрываясь? О нѣтъ, совсѣмъ не то! Предупреждая, всякій разъ, какъ собирается продѣлать что нибудь, онъ будто трепещетъ, что не замѣтятъ его, а потому, чуть не подъ каждымъ пасквилемъ, росписывается.

Ну, а у него развѣ не оказалось бумаги, похожей?.. Увы, ночью, внезапно, съ чиновниками и протоколами, нагрянула къ нему судебная власть, все перерыла и ничего не нашла! Ни одного куска писчей бумаги, хотя бы для того, чтобы записать его имя и званіе; почтовая же бумага, на которой онъ велъ переписку съ родными, друзьями и Марією Лэръ, нашлась и въ достаточномъ количествѣ.

И такъ, въ оптовомъ складѣ вашихъ пасквилей, нѣтъ ни листка его бумаги и, наоборотъ, во всемъ его домѣ, нѣтъ ни клочка вашей! (Волненіе).

Что же еще сказать вамъ объ экспертахъ?

Они всѣ, единогласно, объявили, что письма ла Ронсьеру *не принадлежатъ*. Всѣ четверо, безъ предварительнаго уговора, изучивъ, въ камерѣ слѣдователя, этотъ „*corpus delicti*“, показали: „удовольствіемъ, что почеркъ не подсудимаго“, — фактъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнный, что экспертиза склоняется, обыкновенно, въ пользу обвиненія.

Скажите, положи руку на сердце, возможно ли, до такой степени, измѣнить свой почеркъ, да и не только почеркъ, а всѣ привычки правописанія, до наиболѣе устойчивыхъ признаковъ стilia, включительно? Взгляните, какъ онъ пишетъ адреса, всегда одинаково, неизмѣнно, тожественно. Предъ вами, среди веществен-

ныхъ доказательствъ, сотня такихъ писемъ; я мы готовы представить еще, если угодно.

И что же? Въ нихъ нѣтъ ничего, подобнаго адресамъ паскви-лей. Ни разу, не найдете сходства въ начертаніи буквъ, нигдѣ не замѣтите разницы въ подлинникахъ. Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, ла Ронсьеръ не свободенъ отъ грубаго невѣдѣ-нія грамматики; мыслимо ли, чтобы сочиняя пасквили, онъ постигъ ее вдругъ? Тамъ нѣтъ ошибокъ, а если встрѣчаются описки, то, очевидно, зависятъ отъ поспѣшности, а не отъ незнанія.

Далѣе, и здѣсь опять доводъ, никѣмъ не опровергнутый, ему, вѣдь, нужны были сообщники: въ Сомюрѣ, — чтобы знать все, разбрасывать анонимныя посланія по всѣмъ закоулкамъ дома Морелей; ночью, въ моментъ покушенія, — чтобы помогать ему...

Позже, когда прогнали Самуила и Юлію, надо было замѣнить ихъ другими, кто бы сдавалъ на почту, въ Сомюрѣ, письма, адре-сованныя изъ Парижа. Наконецъ, когда его посадили въ секрет-ную камеру острога и когда, вслѣдъ за нимъ, туда же попалъ Самуиль Жильеронъ, надлежало приискать новаго охотника идти на эшафотъ, дабы черезъ него разыграть опасную, но и совер-шенно непонятную сцену въ улицѣ „Счастливой Охоты!“

Гдѣ же они, гдѣ эти соучастники, сами готовые лѣзть въ пет-лю лишь бы услужить ла Ронсьеру?

Смѣняясь, непрерывно, развѣ могли они исчезнуть, безъ вся-каго слѣда? Кто уловилъ малѣйшія черты ихъ дѣятельности?

Подумайте еще минуту о положеніи главнаго виновника. Раз-вѣ столь гибельныя, въ такой мѣрѣ самоотверженныя услуги, воз-можны безъ цѣнной награды? А онъ, бѣднякъ, гдѣ ее взять ему, чѣмъ купить подобныхъ агентовъ.

Но, возражаетъ гражданскій истецъ, у него есть 300 фран-ковъ, — онъ продалъ часы. 300 франковъ?...

Бѣгите же ко мнѣ, старые слуги Мореля, — бѣгите, у меня цѣ-лыхъ 300 франковъ!...

Вы привыкли и любите своихъ господъ, а они васъ, конечно, не забываютъ; но у меня, вѣдь, золота довольно, — 300 франковъ, шутка сказать! Бросьте все; не смотрите, что одинъ изъ васъ уже потерялъ мѣсто и, по обвиненію въ тяжкомъ злодѣяннн, си-дять въ тюрьмѣ, рядомъ со мною; идите по его стопамъ; пре-зрѣніе къ невздамъ! Вздоръ — опасности! Я осыплю васъ зо-лотомъ!...

И они бѣгутъ, ничего не боятся, потому что знаютъ его средства; — огромный капиталъ въ 300 франковъ, вѣдь, на лицѣ! (Движеніе).

О нищета обвиненія! О кровожадное упрямство! Какъ, неужели это ваши улики? Противъ столькихъ несообразностей, среди такой суматохи вздора, у васъ руки пустыя? Изъ-за этого ли человѣкъ долженъ быть казненъ? Не отсюда ли раскрывается его вина съ такою очевидностью, что надо имѣть мужество защищать его!...

Но, есть иныя данныя, — не отстаете вы.

Посмотримъ. Его признанія? Да, онъ сознался, и гдѣ же лучшее доказательство вины! Боже мой, Боже мой! Чѣмъ стану убѣждать вновь? Когда закрываютъ глаза предъ легкомысліемъ и дряблостью подобнаго характера, если не хотятъ слышать противорѣчій, его гнетущихъ, когда отвращаютъ взоры отъ ужаса насилій, подъ которыми онъ изнемогъ,—что скажу я?

Именемъ Господа умоляю васъ, не забывайте же того, что происходитъ на вашихъ глазахъ. Судъ чести, говорятъ ему, собранъ; три эксперта опознали почеркъ; пятнадцать лѣтъ въ кандалахъ, вотъ его участь... Несчастнѣйшій пугается... Чего? Когда обвиняютъ,—надо защищаться...

Кто говоритъ это, тотъ, разумѣется, сохранилъ бы, при такихъ условіяхъ, мужество и самообладаніе,—я охотно допускаю... Они увѣрены въ себѣ, эти честные совѣтники... Но ему не хватаетъ гражданской доблести, того холоднаго и спокойнаго духа, который, презирая угрозы, глядитъ бурѣ прямо въ глаза,—качество, впрочемъ, гораздо болѣе рѣдкое, чѣмъ думаютъ...

Онъ, вы уже знаете, скоро теряется, путается въ простѣйшихъ вещахъ, какъ это ярко обнаружилось на судѣ...

Среди безчисленныхъ примѣровъ, да позволено мнѣ будетъ сослаться на случай съ канцлеромъ Пойе. Глубокоіи юристъ, краснорѣчивѣйшій ораторъ, онъ, будучи самъ преданъ суду, смѣшался и не зналъ что отвѣчать. Извиняясь, онъ самъ говоритъ объ этомъ, въ одной изъ своихъ рѣчей.

— „*Stupefactus fueram hesternae die, dum viderem bellum sibi paratum, dum viderem doctissima et elloquentissimos pugnantes adversus pusillum, et metus naturalis, et circumspectio tantorum virorum!*“

Если канцлеръ Франціи, оракулъ адвокатуры, свѣточъ судебного міра, имѣлъ право говорить подобнымъ языкомъ, то какъ не извинить замѣшательства и безпокойства предъ уголовнымъ трибуналомъ кавалерійскому офицеру?

Взгляните же на него въ тотъ суровый моментъ, когда, 24 сентября, покинутый друзьями, онъ былъ устрашаемъ товарищами и преслѣдуемъ угрозами д'Эстульи; рѣшите, пожалуйста, владелъ ли онъ собою, могъ ли не потерять хладнокровія? Былъ ли

въ силахъ уразумѣть, чего добиваются отъ него, взвѣсить каждый шагъ свой?

Увы, нѣтъ! Задумываясь о предубѣжденіи, уже созрѣвшемъ противъ него, объ экспертахъ, которыми, заранѣе, осужденъ, о прокурорѣ, столь же способномъ ошибаться, какъ и другіе смертные, о пятнадцатилѣтней каторгѣ; вспоминая отца, который, въ первую же минуту слѣдствія, не замедлитъ очернить его, чловѣкъ готовъ сойти съ ума: спрашиваетъ, чего хотятъ отъ него, сдается, признаетъ... Что же именно? Будьте осторожны: *маленькое письмо, единственное, ему показанное, а до того ему неизвѣстное, — записку, скорѣе неприличную, чѣмъ преступную.*

Тогда идутъ дальше, начинаютъ угнетать его систематически. Хочешь покоя, признай своими всѣ пасквили, даже тѣ, которыхъ никогда не видѣлъ. Чего же надо ожидать? Развѣ онъ уже не связанъ по рукамъ и ногамъ? Развѣ первое письмо не виситъ надъ его головою? Какъ устоять на пути бѣгства и ужаса? Погибая, онъ росписывается во всемъ, чего требуютъ. Рыдаетъ, какъ говорятъ всѣ свидѣтели, катается по землѣ, рветъ волосы, — и... сознается, не уставая, однако, возражать, протестуя отъ всей души! А, по вашему, въ силу такого признанія, надо осудить его! Вы говорите, сознался, дескать, свободно и добровольно! Да развѣ очевидцы не освѣтили предъ вами этой печальной картины? Съ какою цѣлью закрываете вы глаза предъ насиліемъ, зачѣмъ отворачиваетесь отъ слезъ, конвульсій и припадковъ безумія? Зачѣмъ не хотите знать нравственныхъ мукъ, подъ которыми онъ, слабый и немощный; преклонился, вопреки здравому смыслу?

А потомъ, не видите развѣ, какъ онъ, едва вырвавшись изъ рукъ враговъ, едва придя въ себя, бросается изъ стороны въ сторону, спѣшитъ къ адвокату, какія мѣры принимаетъ, дабы устранить свои признанія, какъ, — среди воплей: „Я невиненъ, невиненъ!“ — самъ требуетъ суда! (*Волепіе*).

Господа присяжные! Если бы пытка существовала еще и если бы несчастный, освободившись отъ оковъ, бѣжавшій изъ застѣнка, гдѣ, только что, раздирали его на части, явился бы предъ вами, неужели услышалъ бы онъ: ты сознался, значить, виноватъ! „Моя кровь лилась ручьемъ, я чувствовалъ, какъ трещать мои кости и страданія побѣдили меня,“ — возразилъ бы онъ, „врачъ, призванный палачами, сказалъ: смерть приближается, и я... сознался; но я невиненъ!“

О милосердный Боже! Найдется ли, среди всѣхъ нашихъ обвинителей и судей, кто нибудь, готовый рѣшить: „Ты самъ при-

зналъ свою вину... Я осуждаю тебя, въ силу этого сознанія...“ Нѣтъ, я вѣрю твердо,—не найдется никого! Вѣдь, правда, никого!...

И, въ самомъ дѣлѣ, господа, есть люди, какъ говорилъ я раньше, на которыхъ душевныя муки вліяютъ гораздо сильнѣе физическихъ и которыхъ пугаетъ одно имя уголовного суда, хотя они же не убоятся взглянуть прямо въ глаза палачу; они перенесутъ тѣлесныя страданія, но изнемогутъ подъ гнетомъ нравственныхъ.

Какъ бы тамъ ни было, однако, преступленіе совершено. Кто виноватъ? Ла Ронсьеръ? Надъ этимъ вопросомъ подумаемъ?

Обвиненію противопоставляется, во первыхъ, *alibi*, точно доказанное Анною Руоль;—знаемъ, какъ гражданскій истецъ и прокуроръ опровергаютъ ея показаніе: это ложь, говорятъ они.

Но, милостивые государи, не легко найти въ свидѣтели клятвоступника тому, кто сидитъ въ тюрьмѣ, подъ уголовнымъ слѣдствіемъ и подъ грозою общаго негодованія. Слыша зловѣщій ропотъ вокругъ, видя конвой, его сопровождающій, лучшіе друзья покидаютъ такого человѣка, товарищи отрекаются или перебѣгаютъ къ врагамъ.

Гдѣ сердце, которое могло бы остаться вѣрнымъ такому, проклятому всѣми узнику? Кому придетъ охота подать ему руку помощи, зная о винѣ его и рискуя осквернить злодѣянiami себя самого?

Анна Руоль говоритъ правду, не сомнѣвайтесь; а, чтобы сказать ее въ защиту ла Ронсьера, необходимо, будьте увѣрены, больше мужества, чѣмъ для всякаго обвиненія или злословія.

Независимо отъ сего, не она одна удостовѣряетъ фактъ; Рене Пино, этотъ мальчикъ-подмастерье, вызванный не мною, а прокуроромъ, подтвердилъ ея показаніе, цѣликомъ.

Стало быть, вернувшись изъ театра домой, вечеромъ 23 сентября, и выйдя вновь лишь утромъ 24-го, подсудимый не могъ совершить преступленія. Это очевидно, но не для прокурора! По его словамъ, ла Ронсьеръ виноватъ и долженъ быть казненъ. За что? Не знаю, говоритъ прокуроръ... На какомъ основаніи,—не вѣдаю... Стою на одномъ: приговоръ да будетъ обвинительный!

Неслыханныя рѣчи! Домогательство, безпримѣрное!

И такъ, вы настаиваете, что именно онъ проникъ въ комнату, хотя ни любовь, ни корысть, ни мщеніе, ни ненависть не руководили имъ, хотя никакая страсть, никакая выгода не толкали его туда. Онъ все таки вошелъ. Какъ? Черезъ окно. О, не ищите другаго пути. Въ двери, запертыя крѣпко и всегда запертыя

двери, онъ пройти не могъ. Да, и кромѣ того, Марія Морель, — а, вѣдь, она замѣтила, слышала и твердо помнить все, — ясно видѣла, какъ онъ пробрался и какъ потомъ бѣжалъ черезъ то же самое окно; она никогда не забудетъ его словъ: „Держи крѣпче!“, обращенныхъ къ соучастнику. Она въ этомъ непоколебимо увѣрена, свидѣтельница Морель! Сомнѣваться въ истинѣ ея словъ вамъ, конечно, не приходится, ибо это значило бы самимъ взорвать на воздухъ все зданіе обвиненія, начиная съ фундамента.

Такъ, значитъ, и запишемъ: ла Ронсьеръ проникъ въ окно. Барышня повѣствуетъ, а вы повторяете... (*Общее волненіе*).

Надо ли мнѣ повторять, въ свою очередь, что это невозможно; хорошо ли вы слышите господу — *невозможно!*

Предпринимая осаду замка Морелей, онъ, говорите, ждалъ свѣтлой ночи и самага яркаго блеска луны. Не иначе, какъ предъ цѣлымъ карауломъ, на глазахъ у часовыхъ и на виду съ моста, гдѣ, постоянно, идутъ и ѣдутъ, — здѣсь, именно, здѣсь, началъ онъ, безумный, воздвигать укрѣпленія и готовиться на приступы! А штурмовыя лѣстницы?! Какъ онъ ихъ добылъ, гдѣ взялъ матерьялы, сто футъ веревки, пятьдесятъ поперечинъ, гвозди и прочее? Напрасно искали, безцѣльно допрашивали всѣхъ купцовъ города. Затѣмъ, по совершеніи преступленія, куда дѣвалось все это? Гдѣ спрятали? Какъ уничтожилъ? Все осмотрѣли, все перерыли, малѣйшаго слѣда не нашли!

Куда онъ привязывалъ лѣстницу? — Невозможно, вѣдь, было довѣриться силѣ человѣка, который держалъ бы верхній конецъ ея руками. Ищите же слѣдовъ ея укрѣпленія на чердакѣ или на полу, потолкѣ; на откосахъ окна или, стѣнахъ комнаты Маріи... Нашли? Скажите, — гдѣ они!

А! Вы ничего открытъ не въ состояніи, и вотъ, стало быть, еще вопросъ, на который, что бы ни дѣлали, вы не можете дать ни отвѣта, ни объясненія...

Но это не все, далеко не все. Есть еще фактъ, важности очевидной; фактъ, поразительный, рѣшающій.

Будучи привязана къ чердаку и опускаясь вдоль стѣны, на чемъ лежитъ верхняя часть веревки? На окраинѣ крыши, — грифельномъ выступѣ подъ окномъ мансарды, — затѣмъ, на жестяномъ водосточномъ жолобѣ.

Счастливая мысль обвиненія!

Оно готово торжествовать... Мы говоримъ, что въ комнату не входилъ никто и лѣстницы никто не вѣшалъ, и вотъ насъ изобличаютъ, стыдятъ... Опираясь на хрупкіе края аспидныхъ досокъ и на столь легкій металлъ, какъ жестъ, веревка не могла

не оставить глубокаго слѣда на всемъ протяженіи... Вотъ онъ,— должны бы указать вы...

Но, нѣтъ! Малѣйшей царапины не существуетъ; нѣтъ ея, говорю вамъ, и вы, абсолютно, ничего возразить не можете!

Окраина исправна и, по прежнему, остра; грифель не тронуть, жолобъ не изогнуть, даже не задѣтъ! Какъ? Взрослый человекъ качался на этой веревкѣ, а все осталось нетронутымъ?

О, не пытайтесь утверждать нѣчто подобное, ибо сомнѣваюсь, чтобы, въ цѣломъ свѣтѣ, кто либо могъ повѣрить вамъ... Понимаю, что, для осужденія ла Ронсьера, вамъ необходимо настаивать, будто онъ проникъ черезъ окно... Къ сожалѣнію, у него есть непререкаемые свидѣтели, которые, окончательно, спутываютъ ваши расчеты. Это свидѣтели нѣмые, конечно, но они гораздо важнѣе и заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ всѣ, вызванные вами и одаренные словомъ. Что скажете по этому поводу, какъ избавитесь отъ нихъ? Вѣдь, здѣсь ни выгода, ни вражда, ни предубѣжденіе общества уже совсѣмъ не при чемъ.

Извѣстно, далѣе, что, если послѣдимъ за обвиняемымъ еще,— мы, на каждомъ его шагу, встрѣтимъ препятствія, неодолимые.

Раздобывъ лѣстницу и укрѣпивъ ее на чердакѣ, онъ протягиваетъ ее внизъ, не оставляя слѣдовъ. Я отказываюсь уразумѣть, какъ это случилось; вы, равнымъ образомъ, ничего объяснить не въ силахъ. Но, пусть такъ, не будемъ спорить: Теперь, согласитесь, предстоитъ гибельное путешествіе. Повиснувъ на лѣстницѣ, перекинутой черезъ выступъ крыши, въ разстояніи 45 футовъ отъ земли и 20 отъ окна, въ которое надо прыгнуть, онъ имѣлъ, разумѣется, причины волноваться, подымаясь, а, въ особенностях, когда, убѣгая, долженъ былъ поймать веревку вновь. Это, безъ сомнѣнія, рискованная эквилибристика; надлежало, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ полную свободу движеній.

И что же? Ла Ронсьеръ, наоборотъ, одѣвается въ длинную и широкую военную шинель, да еще беретъ на голову киверъ. Что же далѣе? Вещь, удивительная, — среди такихъ головоломныхъ маневровъ, даже киверъ не слетѣлъ внизъ. Именно въ этомъ облучении, явился мой кліентъ предъ барышнею Морель.

Чтобы добраться къ ней, вы знаете, что онъ дѣлаетъ. Раскачавшись на лѣстницѣ, онъ прыгаетъ на подоконникъ, гдѣ нѣтъ ни балкона, ни рѣшетки и гдѣ ухватиться не за что;... тогда, едва держась на этомъ узкомъ пространствѣ, ежеминутно рискуя потерять равновѣсіе и изуродовать себя на смерть, онъ долженъ разбить раму. Онъ, понятно, спѣшитъ, кулакомъ вышибаетъ стекло, прямо предъ собою; въ отверстіе протягиваетъ руку,

отодвигаетъ задвижку и входитъ... Нѣтъ, да нѣтъ же! Взгляните, ради Бога! Онъ нагибается, присѣдаетъ на корточки и разбиваетъ стекло въ нижнемъ углу окна!...

Когда, наконецъ, отверстие сдѣлано, когда стекло разбито, онъ протягиваетъ руку и раскрываетъ окно!

Да, вы такъ рассказываете. Но, увь! Отверстіе оказывается черезъ чуръ малымъ и слишкомъ удалено отъ задвижки; оказывается, что обвиняемый, какъ бы вы ни заставляли его изгибаться, не можетъ просунуть руки и открыть... Таково удостовѣреніе стекольщика Жорри; вотъ что повторяетъ онъ, уже въ теченіи 8 мѣсяцевъ; вотъ чего не удастся вамъ опровергнуть, еще разъ.

Забудемъ и это. Ла Ронсьеръ вошелъ черезъ окно? Такъ говоритъ Марія Морель, тоже приходится утверждать вамъ самимъ; ибо, безъ этого, ея показаніе ложно, а, слѣдовательно, нѣтъ мѣста обвиненію противъ насъ.

Прекрасно; объясните же, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшее... Мотивируете ли вы что нибудь? Вѣдь, не я же обязанъ помогать вамъ. Предъявляя обвиненіе, вы призваны истолковать все, представить всему доказательства. Будучи обвинителемъ, вы, неизбѣжно, терпите пораженіе, когда настаиваете на дѣяніи, невѣроятномъ, на преступленіи, невозможномъ. Вы принуждены отступить, и самое краснорѣчіе ваше,—оружіе, страшное противъ злополучнаго подсудимаго, не спасетъ васъ, а погубить насъ не въ силахъ. (*Живѣйшее волненіе*).

Не въ правѣ ли я сказать: ла Ронсьеръ не былъ въ комнатѣ Маріи; онъ не могъ туда проникнуть. Тому препятствіемъ, кромѣ несообразностей моральныхъ, служить невозможность физическая, опредѣляемая силою вещей, а потому непобѣдимая.

Не время исчерпывать все неправдоподобіе данныхъ обвиненія, всѣ колебанія главной свидѣтельницы, которая объявила сперва, что не узнала нападавшаго; говорила на другой день, что, *кажется, не ошиблась*, а гораздо позже, на судебномъ слѣдствіи, уже стала утверждать, что признала несомнѣнно. Сколько разъ измѣняла она сама себя, какъ часто противорѣчила, себя же саму опровергая?... Не смѣю утруждать вашего вниманія новыми тому доказательствами.

И, однако, какова мелочность ея воспоминаній; какая точность въ показаніяхъ! Все то она видѣла, все то замѣтила; о мельчайшихъ подробностяхъ повѣствуетъ храбро, не пропуская жеста, слова обвиняемаго; не забывая упомянуть ни о галунахъ его кивера, ни о выпуклой формѣ его пуговиць.

Но, вот о чемъ мнѣ никакъ позабыть нельзя, чего не можете упустить изъ виду и вы, это—хода событій въ комнатѣ, непостижимой сцены, о которой здѣсь такъ долго повѣствовали.

Гдѣ возьму я силу, гдѣ найду выражений, чтобы уяснить предъ вами, до какой степени это вздорно, въ какой мѣрѣ невозможно!

Стекло разбито и осколки разсыпались по полу; въ то же мгновение, барышня просыпается, вскакиваетъ съ постели и хватаетъ стулъ, чтобы сдѣлать изъ него барьеръ, — защиту, явно безнадёжную.

Да, я узнаю здѣсь ту самую госпожу Морель, которая давала показаніе предъ нами такимъ спокойнымъ голосомъ, глядя намъ прямо въ глаза и сохраняя полное хладнокровіе. Да, я узнаю ее: видъ опасности нисколько не поразилъ ее, а, для предстоящей борьбы, она сохраняетъ всѣ силы и здравое самообладаніе. Но, скажите мнѣ, — предъ лицомъ опасности, бросаясь съ кровати, вооружаясь стуломъ и ожидая злоумышленника, открывающаго, въ эту минуту, окно, — *кто притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату?!*.. Среди наступившей затѣмъ борьбы, объясните, почему она не кричала? Вѣдь, малѣйшій зовъ на помощь долженъ былъ ее спасти... Зачѣмъ же молчитъ она? (*Волненіе*).

Разумѣя глубокое значеніе вопроса, мой противникъ, своимъ могучимъ, чарующимъ голосомъ, прибѣгаетъ, для отвѣта мнѣ, къ одному изъ тѣхъ фейерверковъ слова, которые, столь нерѣдко и такъ счастливо, помогали ему выходить изъ бѣды.

„Зачѣмъ не кричала она?“, говоритъ г. Одиллонъ Барро. „А, бѣдное дитя! Въ страшной тишинѣ, оно искало погребенія злодѣйству, которымъ осквернено! Оно жаждало покоя въ пѣломудріи своемъ! Смягчая позоръ, укрывая наготу свою, юное созданіе могло утѣшать себя такъ: развѣ чужому нельзя было видѣть меня нагу, случайно?“

Допустимъ. Когда преступленіе совершено, да хранить она молчаніе, да скроетъ свой стыдъ. Пускай! Но вотъ чего понять невозможно: раньше, до событія, когда ей надо защищаться, когда сила духа не покидаетъ ее, предлагая средства все видѣть, разумѣть и запомнить, почему, въ это время, не кричитъ она? Вотъ о чемъ я спрашиваю, и вотъ на что все краснорѣчіе ваше не можетъ придумать отвѣта. (*Продолжительное впечатлѣніе*).

А сударыня Алленъ? О, вы знаете, какъ крѣпко спитъ она. Изъ всего этого шума, изъ этой грозной суматохи, ничто не въ силахъ разбудить ее. Осложняясь такими ужасами, происходя среди столькихъ разговоровъ, данная сцена оканчивается въ двухъ шагахъ отъ нея, почти въ ея комнатѣ, сначала при открытой,

затѣмъ,—едва притворенной двери... Ничто не нарушаетъ ея праведнаго сна.

Ничто? Нѣтъ, я ошибаюсь: когда дѣло готово, она просыпается, наконецъ. Великій Боже! Марія молитъ о помощи! Бѣгите же, бѣгите! Что же это такое? Дверь закрыта, чего не бывало никогда..., слышатся *два* голоса... Два, а не одинъ! О, несчастная дѣвушка, ей грозятъ, оскорбляютъ, могутъ убить ее! Спѣшите, стучите ногами; въ нижнемъ этажѣ услышатъ васъ; кричите, зовите на помощь... Кричите же, госпожа Аллень!...

Ни звука!!!...

(Искренность и простота этого восклицанія, сила отрывистыхъ фразъ, бьющее ключемъ вдохновеніе оратора экзальтируютъ слушателей).

Неосторожный до безумія, человѣкъ, котораго малѣйшій крикъ могъ погубить и который, однако, рискнулъ, такую сложную и опасною дорогою, идти одинъ, невѣдомо изъ-за чего, на вѣрную смерть, вотъ онъ пробрался въ комнату двухъ дѣвушекъ и... вернулся, чудеснымъ образомъ спасенный, благодаря только вашему молчанію...

Не сомнѣваясь въ своей гибели, съ первыхъ шаговъ предпріятія, вотъ онъ завершилъ его и благополучно скрылся!

Что дальше? Вы знаете... Да и, кромѣ того, я чувствую, что надо кончить; мой голосъ, видимо, слабѣетъ... Извѣстно, что, оскорбленная, израненная, Марія остается въ своей спальнѣ, утопая въ собственной крови; вы знаете, что не пошла она, не кинулась въ объятія родной матери, не стала рыдать на ея груди, а снова легла въ постель; что утромъ, въ шесть часовъ, она уже видитъ ла Ронсьера, улыбающимся и торжествующимъ, подъ ея окнами; онъ бравировуетъ своимъ чудовищнымъ дѣяніемъ, тщательно заботясь сохранить подробности, имъ же сказанныя и подписанныя, съ одной стороны, и, поразительно ловко, скрывая матеріальные его слѣды, съ другой.

Не забыли вы также, что, раньше четырехъ дней вслѣдъ за происшествіемъ, барышня, вопреки нравственному угнетенію своему и не взирая на синяки, которыми была покрыта, ни на тяжкія раны свои, наряжается, декольтируется и спѣшитъ украсить своимъ присутствіемъ карусель и балъ 28 сентября.

Не безызвѣстно, далѣе, что ея мать, ея мать,—о, Господи!—не предложила ни одного вопроса о ея побояхъ и ранахъ, даже не вѣдала этихъ страшныхъ ранъ.

Припомнимъ, наконецъ, во сколько приемовъ и при условіи что никто, даже родная мать, этого не видѣлъ, Марія Морель ставила себѣ пивки!...

Спросимъ же себя, господа: таковъ ли былъ истинный ходъ событій?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Рядъ всевозможныхъ несообразностей, очевидное невѣроятіе подобныхъ разсказовъ противорѣчатъ здравому смыслу, возмущаютъ совѣсть мою. (*Живѣйшее впечатлѣніе*).

Одна только вещь беспокоитъ меня, — болѣзнь дѣвушки; разныя врачи удостовѣряютъ ея существованіе, я не вижу причины спорить.

А когда я слышу вашъ голосъ, мои мысли спутываются. Когда блескъ вашихъ доводовъ увлекаетъ меня, когда я вижу слезы на глазахъ; когда вы говорите намъ о нестерпимой обидѣ, о позорѣ и страданіяхъ, когда рисуете картину горя и печали цѣлой семьи, не одно чувство удивленія, нѣтъ, а тоже слезы и тоже стenanія вызываете у меня вы. Въ эти минуты, сознаюсь, мои подозрѣнія начинаютъ казаться излишними, даже мнѣ самому... Невозможно, говорю я себѣ, чтобы молодая дѣвушка сочинила такой гнусный романъ... И, однако, какая масса вопросовъ остается тогда безъ отвѣта!

Первыя анонимныя письма, пасквили 1833 года, ея бумага, ея почеркъ, тайны, которыхъ посторонній никакъ знать не могъ; фактъ, что инкриминируемыя посланія собирались, именно и постоянно, вокругъ Маріи; ея необыкновенные, на каждомъ шагу неправдоподобные, исполненные вопіющихъ противорѣчій разсказы; ея поведеніе и, надо всѣмъ этимъ, сцена, описанная Брюнсеромъ, — какимъ образомъ могло все это случиться, если бы не участвовала сама Марія Морель и при условіи ея полной невиновности? (*Ропотъ и движеніе въ публикѣ*).

Ничего не понимаю! Но, вѣдь, разгадать тайну обязанъ не я. Мой долгъ лишь убѣдить васъ, что не ла Ронсеръ виноватъ.

И я говорю это открыто. На основаніи элементовъ слѣдствія, объективно доказываю передъ вами, завершая, такимъ образомъ, искусство, который, можетъ быть, требовалъ извѣстнаго мужества и передъ которымъ, надо признать, я долго колебался...

Но это благородная задача!

А! Позвольте сказать вамъ, милостивые государи, — у адвоката нѣтъ цѣли, возвышеннѣе, нѣтъ священнѣе права, чѣмъ когда, въ бою съ предвзятымъ общественнымъ мнѣніемъ и вопреки слѣпой энергіи предрассудковъ, охраняетъ онъ жизнь несчастнаго и на-

прягаетъ всѣ силы въ защиту ея отъ людей, которые судятъ, не вѣдая, рѣшаютъ, не думая; спѣшатъ, не слушая никакихъ возраженій, исполнить приговоръ, единственно по уликамъ прокурора, и заботятся развѣ о томъ, чтобы, смутивъ вашъ умъ, отравить его недобвѣрjemъ и злобою къ обвиняемому! (*Общее волненіе*).

Чистота и святость нашего призванія таковы, что въ моментъ, когда, истязуемый невинно, покинутый родными, отвергнутый друзьями и оклеветанный цѣлымъ міромъ, человѣкъ готовъ потеть въ вѣру въ людей и добро, онъ, рядомъ съ собой, видитъ защитника, который, подобно духовнику, готовъ отдать за него душу, а, среди негодующихъ криковъ толпы, сопутствуетъ ему до самаго эшафота и возноситъ его непорочное сердце къ престолу Всевышняго!

Итакъ, судьба этого невиннаго человѣка да будетъ и моею! Никакія предубѣжденія, какой бы ни было ропотъ не заглушатъ моей совѣсти. Я подымаю голосъ за ла Ронсьера, — онъ правъ предъ людьми!...

(Нервная дрожь, впечатлѣніе, котораго невозможно описать, захватываетъ присутствующихъ; самъ председатель не въ силахъ удержаться отъ слезъ).

А вы, господа, идите, въ свою очередь, исполнить долгъ свой! Положа руку на сердце, созерцая мракъ, окружающій дѣло, памятуя несообразности, гнетущія насъ со всѣхъ сторонъ, и задумываясь надъ тайной, которая, очевидно, существуетъ здѣсь, но раскрыта быть не можетъ, — произнесите вердиктъ.

Идите! Жизни или смерти ожидаемъ мы отъ васъ!

(Послѣднія слова оратора покрываются аплодисментами. Общее волненіе переходитъ въ границы. Даже сословіе адвокатовъ обнаруживаетъ полный энтузіазмъ и долго, долго не можетъ успокоиться).

Когда стороны обмѣнялись замѣчаніями по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ дѣла, председатель Феррэ резюмировалъ его присяжнымъ и закончилъ свою рѣчь такъ:

— „Этимъ исчерпывается защита подсудимыхъ; здѣсь конецъ и нашей задачѣ; теперь, за вами очередь постановить приговоръ...

Взволновавшись при одномъ извѣстии о преступленіи, общество заинтересовалось нашими длинными спорами не менѣе, чѣмъ грустною картиною двухъ семействъ, пришедшихъ умолять васъ о правосудіи.

Горемычныя семьи! Вчера еще, благоденствію ихъ могли завидовать самые богатые и независимые люди; сегодня, ихъ несчастье таково, что, глядя на нихъ, трудно, съ любой точки зрѣнія, удержаться отъ слезъ и состраданія, даже нищему или человѣку, мало развитому.

Но это ничто предъ горемъ, несравненно тягчайшимъ, которое должно постигнуть одну изъ сторонъ, въ защиту другой и въ огражденіе цѣлаго общества, и началомъ котораго будетъ вашъ вердиктъ: ужасная миссія!

Одинаково требуетъ она глубокихъ размышленій и обдуманнаго спокойствія.

Увѣренный, что ни разума, ни мужества вамъ не занимать, и что, не полагаясь на свою память или впечатлѣнія, вы захотите, въ залѣ совѣщаній, снова изучить данныя обвиненія, вамъ, по закону, доступныя, я уже распорядился въ этомъ смыслѣ.

Разсмотрите письма, сличите ихъ почеркъ и правописаніе, подумайте надъ протоколами осмотра мѣстности, сообразите возможное и невозможное на пути злодѣянія. Перечитавъ показанія обвиняемыхъ, провѣривъ доводы защиты,—рѣшите!

Въ этотъ моментъ и, можетъ быть, не одинъ разъ, охватить васъ то, живое и сильное волненіе, которымъ, съ разныхъ сторонъ, угнетается сердце человѣка, когда ему необходимо провозгласить важный и грозный приговоръ.

Чѣмъ же, среди подобныхъ тягостей, должны вы руководствоваться?

Такимъ знаменемъ, единственнымъ путеводителемъ, неспособнымъ ошибаться и чуждымъ всякому увлеченію, да будетъ то же, что управляло вами, въ теченіи всего процесса,—совѣсть!

Чистое сердце, предъ которымъ страсти ничтожны, а постороннія вліянія безсильны, и которое отступаетъ, если сомнѣвается, ибо сомнѣніе равносильно убѣжденію въ невинности! Совѣсть, полагающая въ основаніе своихъ рѣшеній истину, доказанную, факты, очевидные, безспорные, непререкаемые!

Только подъ этимъ условіемъ, законъ облакаетъ васъ страшными правами, общество передаетъ вамъ въ руки самые дорогіе интересы свои; семьи ищутъ у васъ защиты, а подсудимые, убѣжденные въ своей невинности, вручаютъ вамъ свою жизнь, безъ содроганія“.....

Удалившись, для совѣщанія, въ 5 часовъ вечера, присяжные вернулись въ залъ лишь въ II.

Среди глубочайшей тишины и общаго, мучительнаго безпокойства, объявляется вердиктъ, которымъ, больше чѣмъ семью голосами, Эмиль де ла Ронсьеръ признается виновнымъ въ покушеніи на изнасилованіе и въ умышленномъ нанесеніи ранъ *Мари Морель*, однако, при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину.

Самуиль Жильеронъ, и Юлія Женье оправданы.

Приговоръ суда:

Эмиля де ла Ронсьера, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, заключить въ тюрьму на 10 лѣтъ.

Разумѣется, Шэ д'Эсть Анжъ не покинулъ его въ этомъ положеніи.

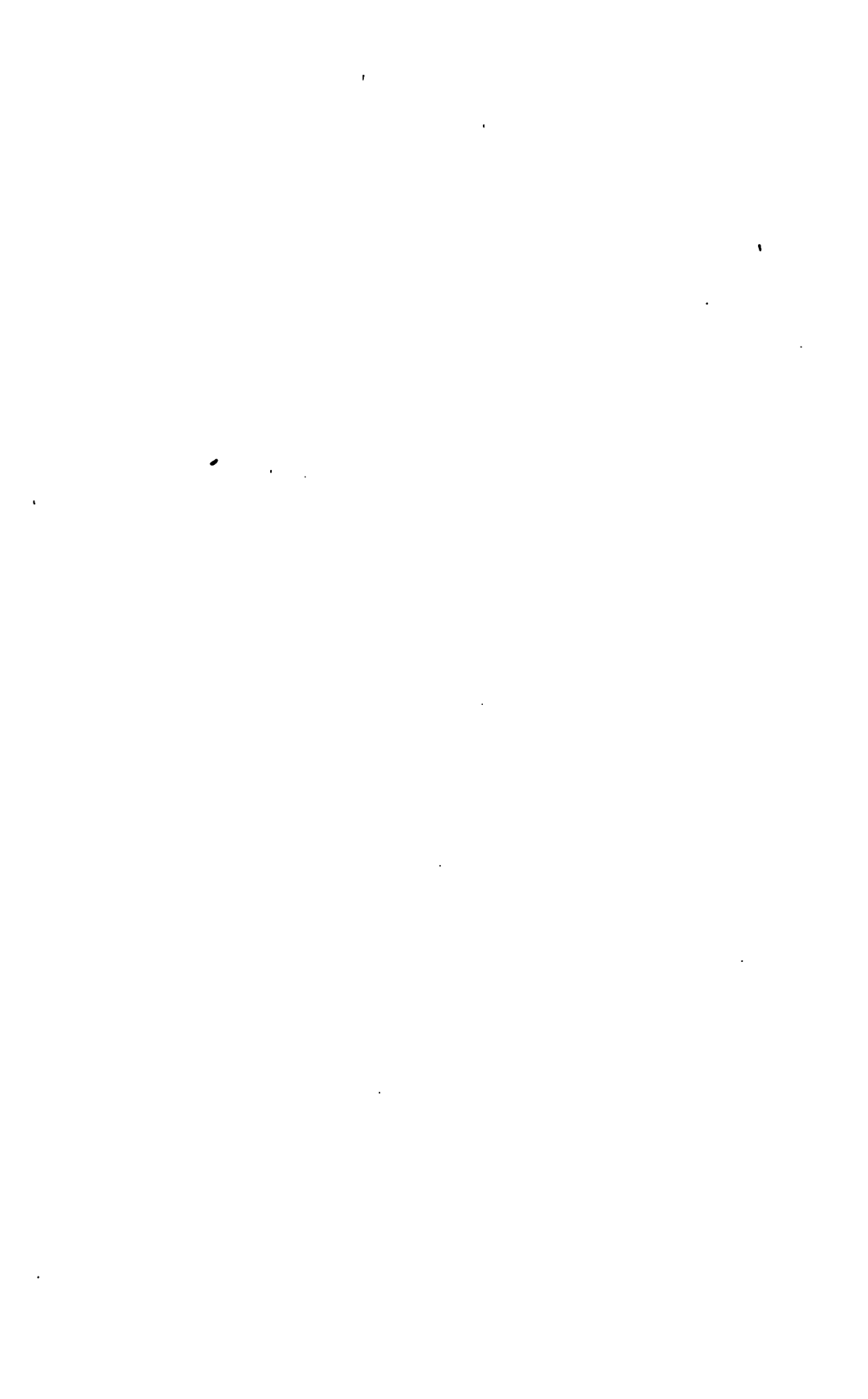
20 Августа 1835 года, дѣло, по его жалобѣ, разсматривалось въ кассационномъ судѣ.

Ораторъ самъ его поддерживалъ, но безъ успѣха.

Согласно съ заключеніемъ прокурора и принимая во вниманіе, что законы о судопроизводствѣ и о примѣненіи наказаній, въ данномъ случаѣ, нарушены не были, кассационный судъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій. *)

*) См. статью о процессѣ ла Ронсьера въ *Судебномъ Обзорѣнн* 1835 года; изслѣдованіе дѣла въ *Судебной Газетѣ* за тотъ же годъ, а равно письмо англійскаго криминалиста сэра Джемса Скарлети (лорда Абингера), опубликованное въ *Парижѣ*, Э. Рохомъ, въ 1836 году.

ЖЮЛЬ ФАВРЪ.

Р Э Ч Ъ

ПО ВОПРОСУ:

Имѣеть ли католическій священникъ право жениться?

ДѢЛО

БРУ ДЕ ЛОРИЕРА.

*Optimus est orator, qui, dicendo,
animos audientium et docet, et de-
lectat, et permovet.*

Cicero.

ГРАЖДАНСКИЙ СУДЪ ВЪ ПЕРИГЁ.

Засѣданіе 8 февраля 1862 года.

ДѢЛО БРУ ДЕ ЛОРИЕРА

БРАКЪ СВЯЩЕННИКОВЪ.

Сохраняя санъ пресвитера, но отказавшись отъ совершенія таинства, Бру де Лоріеръ хотѣлъ жениться.

Меры Перигё и Сендріё воспротивились, говоря, что хотя не имѣютъ по этому вопросу никакого мнѣнія, однако, считаютъ необходимымъ разъяснить подлежащія узаконенія судебнымъ порядкомъ.

Жюль Фавръ, повѣренный Бру де Лоріера, произнесъ слѣдующую рѣчь:

— „Судъ, конечно, предвидитъ, что мнѣ нечего распространяться о фактахъ, создавшихъ дѣло, которое внесено теперь на его мудрое усмотрѣніе.

Бру де Лоріеръ, облеченный духовнымъ саномъ, но переставшій священнодѣйствовать, желаетъ вступить въ законный бракъ. Имѣетъ ли онъ право?

Достаточно ли обосновано возраженіе меровъ Перигё и Сендріё, заявившихъ, что, не располагая личнымъ мнѣніемъ, они, въ виду неясности закона, совершить этого брака не могутъ, а ждутъ вашего правосудія?

Такова двойная задача, которую надо рѣшить. Но у самаго порога этой важной распри, мною овладѣваетъ печальное изумленіе. Какъ! Не смотря на всю работу человѣческаго духа по пути къ законамъ, точнымъ и разумнымъ, вопреки массѣ бессонныхъ ночей, благородныхъ трудовъ и глубокомысленныхъ изысканій, въ ущербъ неуклонному стремленію къ государственному порядку,

который бы наилучше разграничивалъ права и обязанности каждаго, — мы ли опять призваны колебаться на основномъ вопросѣ, подвергающемъ сомнѣнію весь гражданскій строй и свободу совѣсти?!

Въ одномъ направленіи, я слышу единогласное требованіе ученыхъ освятить великій принципъ, въ другомъ, усматриваю, что суды, кажется, не признаютъ его. Наконецъ, тотъ, кто выше всѣхъ и чьи слова принимаются какъ велѣнія небесъ, благопріятенъ прошлому и, слѣдуя вѣяніямъ иныхъ временъ, тянетъ общество назадъ, хотя бы оно вновь погрязло въ омутѣ, откуда считало себя освобожденнымъ на вѣки.

Признать, что священникъ можетъ жениться, значитъ объявить, что онъ гражданинъ, и что, на вступленіе въ бракъ, имѣеть право каждый человѣкъ. Отказать ему въ этомъ правѣ, значитъ облечь Римъ въ императорскую порфиру, а національную независимость подчинить ненавистному игу чужеземцевъ. (*Движеніе въ публикѣ*).

Гдѣ же поводъ къ столь тяжкому, въ такой мѣрѣ опасному рѣшенію?

Раскрываю сводъ законовъ, нахожу главу о правахъ и обязанностяхъ гражданъ. Бракъ, — это великое событіе человеческой жизни, не позабытъ здѣсь и не униженъ... Законъ гражданскій беретъ ребенка въ колыбели, покровительствуетъ его немощамъ, ограждаетъ права родства и ведетъ его, такъ сказать, черезъ рубежъ молодости. Въ этотъ рѣшительный моментъ, когда передъ юношей возникаютъ идеи, которымъ милосердіе Божіе дало такъ много красоты и отрады, когда любовь приноситъ душѣ его сильныя и плодотворныя чувства, — въ эту минуту, говорю я, покинетъ ли его законодатель на жертву страстямъ? Нѣтъ, его союзъ опредѣленъ заранѣе и съ тою мудростью, которая исключаетъ безпорядокъ впослѣдствіи.

Все предусмотрѣнно разумно и просто, по обычаю современныхъ законодательствъ, черпающихъ источники въ философіи. Право, какъ и религія, господствуетъ надъ страстями человѣка и облагораживаетъ ихъ. Изъ брака законъ дѣлаетъ основаніе семьи, фундаментъ государства. Во имя этихъ священныхъ интересовъ, строго опредѣляются всѣ его условія.... Посему, между прочимъ, указаны препятствія, возникающія изъ возраста, родства или прежняго брака. Но французскій законъ не знаетъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ или сословныхъ различій, ибо два начала стоятъ выше всего, что онъ предписываетъ, одухотворяютъ гражданскій кодексъ и руководятъ имъ: свобода совѣсти и равенство предъ закономъ.

Таковъ его разумъ, и я въ правѣ сказать, что нѣтъ ни одного слова, которое позволяло бы вѣрить, будто священнику запрещено жениться.

Однако, насъ приглашаютъ ввести исключеніе, кодексу чуждое, такое, которымъ священникъ изгоняется изъ общества французъ, развѣнчивается и лишается званія гражданина. Я могу объяснить себѣ это исключеніе, только предположивъ, что его сторонники думаютъ, будто запретъ вступать въ бракъ, неразрывно, приуроченъ къ догматамъ религіи, и нельзя, дескать, коснуться одного, не посягая на другой.

Предупредить покушеніе на религію, не правда ли долгъ, подлежащій уплатѣ во что бы ни стало?

Величіе цѣли не оправдываетъ ли самыхъ крайнихъ натяжекъ? А если идетъ рѣчь о поддержаніи силы закона, то какой она можетъ имѣть смыслъ предъ тѣмъ, что спасаетъ религію!

Несомнѣнно, что эти соображенія, вдохновляя общественный разумъ и грозя вѣчнымъ униженіемъ пресвитеру, который прекратилъ священнодѣйствіе, готовы причинить беспокойство даже открытой и чистой совѣсти и создать ученіе, вызывающее нынѣ меня на борьбу.

Итакъ, дабы подорвать его въ корнѣ, выдвигаю совершенно ясное положеніе: безбрачіе духовенства отнюдь не связано, по существу, съ догмою вѣры. Это — распоряженіе церковной власти, изданное четыре вѣка позже основанія католической религіи, и могло бы исчезнуть безъ ущерба какому либо догмату. Прибавлю, что каноны, предписывавшіе безбрачіе, не были введены, узаконеннымъ порядкомъ, во Франціи; въ кодексы не вносились и судами не признавались никогда. А если одинъ разъ, въ эпоху, близкую къ 1789 году, браки священниковъ расторгались, то не слѣдуетъ забывать, что, въ это время, предѣлы вѣдомства духовной и свѣтской властей спутались и что суды были, до извѣстной степени, подчинены Риму.

Что же касается нынѣшняго законодательства, то безбрачіе имъ категорически отмѣнено. Его авторы опредѣленно высказались на этотъ счетъ.

Въ виду изложеннаго, я буду развивать слѣдующіе тезисы:

- а) правило о безбрачій духовенства есть учрежденіе челоуѣческое и случайное;
- б) оно чуждо законамъ нашего государства;
- и в) оно было окончательно уничтожено послѣ 1789 года, а уровень, проведенный кодексомъ по челу всѣхъ гражданъ, нельзя извращать въ угоду клерикаламъ. (*Волеиіе*).

Откуда же явилось учение о безбрачїи?

Нѣтъ иного источника, кромѣ дерзновеннаго нарушенїя предначертанїй Верховнаго Повелителя всѣхъ вещей. Нисходя къ самой сущности бытїя, постараемся уразумѣть тайный смыслъ человѣческихъ учреждений. Много ли надо усилїй, чтобы доказать противорѣчіе данной теорїи со всеобщимъ началомъ, которое руководитъ изумительнымъ порядкомъ міра? Оглянитесь кругомъ. Не замѣчаете ли вы, что все оплодотворяется, родится, продолжается чуднымъ притяженїемъ любви? Не восторгаетъ ли васъ поразительное единство необходимыхъ людямъ созданїй, которыя насъ окружаютъ, увлекаютъ, господствуютъ надъ нами. Всюду и все живое сближается и множится, вездѣ, какъ бы во имя единства Божества, противоположныя силы природы смѣшиваются и проникаютъ другъ друга.

И вотъ, изъ этого таинственнаго притяженїя, всеобъемлющаго, плодотворнаго союза, возникаетъ мировая жизнь, гдѣ человѣкъ, превосходя все разумомъ, долженъ быть почитаемъ вѣнцомъ творенїя, ибо онъ познаетъ Бога, себя самого и себѣ подобныхъ, потому, наконецъ, что имъ управляютъ законы нравственности, которая учитъ самоотверженїю и даетъ силу жертвовать собою для другихъ.

Избѣгнетъ ли человѣкъ этого высшаго закона, подъ сѣнью коего живетъ все, и который нѣмымъ величіемъ своимъ проникаетъ все, существующее?!

Благоволите послушать дальше.

Я только что говорилъ о книгѣ законовъ; возьмемъ другую — книгу религїи. Прониземъ мыслею мракъ вѣковъ... Первобытнїй хаосъ... Нѣтъ бытїя!.. Самый потокъ времени едва начинается. Какъ лучезарная звѣзда, разсѣкая облака, дабы освятить твердь небесную, вселенная рождается изъ рукъ Всемогущаго. Онъ одѣваетъ ее атмосферою, творитъ времена года, законы міра, — и, когда малѣйшая былинка заняла свое мѣсто, зоветъ человѣка, созданнаго изъ праха земнаго. Это будетъ лучшимъ Его творенїемъ. Внушивъ идею прекраснаго, ожививъ его дыханїемъ устъ Своихъ, Господь повелѣваетъ пройти передъ человѣкомъ всѣмъ другимъ тварямъ. Есть недостатокъ: видя человѣка одного, Богъ говорить: ты не можешь быть такъ и, погрузивъ въ глубокой сонъ, Онъ извлекаетъ изъ его лона ту, которая станетъ больше самого человѣка, будетъ его радостью, утѣшенїемъ, его силою на краткомъ жизненномъ пути... И еще сказалъ Господь: да оставитъ жена отца и мать своихъ, а мужъ родительскїй очагъ и будутъ два въ плоть едину, и да воспроизведутъ плодородный от-

прыскъ,—источникъ всего рода человѣческаго. (*Знаки одобренія. Вопреки звонку председателя, аплодисменты раздаются въ разныхъ концахъ зала*).

Возможно ли настаивать послѣ этого, требуя безбрачія—закона печальнаго угнетенія, способнаго иссушить сердце человѣка? Позволительна ли цѣлымъ поколѣніямъ такая жертва самоистязанія, которой Богъ противится?

Древній міръ не зналъ безбрачія. Евреи страшились его, а ихъ духовенству оно было прямо запрещено. Первосвященникъ не могъ жениться только на женщинѣ, не достойной уваженія. У другихъ народовъ, законодатели, воспрещая холостую жизнь, карали за нее ограниченіемъ правъ. Всюду и наиболѣе священнымъ учрежденіемъ признавался бракъ.

Что же было въ эпоху основанія христіанства? Мы видимъ, что Иисусъ Христосъ избиралъ апостолами, преимущественно, людей женатыхъ. Всѣ они, кромѣ святыхъ Павла и Іоанна, состояли въ законномъ бракѣ.

Независимо отъ сего, апостоль Павелъ, въ одномъ изъ посланій къ Титу (гл. I, зач. 5, 6 и 7), говоритъ о безбрачіи священниковъ:

„Для того я оставилъ тебя въ Критѣ, чтобы ты довершилъ недоконченное и поставилъ по всѣмъ городамъ пресвитеровъ, какъ я приказывалъ: если кто непороченъ, *мужъ одной жены*, дѣтей имѣть вѣрныхъ, не укоряемыхъ въ распутствѣ или непокорности; ибо епископъ долженъ быть непороченъ, какъ Божій домостроитель, не гнѣливъ, не пьяница, не бійца, не корыстолюбецъ“.

Въ первомъ посланіи къ Тимофею, св. Павелъ говоритъ еще, (гл. III, зач. 1, 2, 4 и 5):

„Вѣрно слово: если кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ. Но епископъ долженъ быть непороченъ, *одной жены мужъ*, трезвъ, цѣломудренъ; благочивенъ, страннолюбивъ, учителенъ; не пьяница, не бійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ; но тихъ, миролюбивъ, не сребролюбивъ; хорошо управляющій домою своимъ, дѣтей держащій въ послушаніи со всякою честностью, ибо кто не умѣетъ управлять собственнымъ домою, тотъ будетъ ли пещись о церкви Божіей?“

Въ теченіи первыхъ четырехъ вѣковъ, священники женились, епископы имѣли женъ и дѣтей, даже многіе папы не были чужды этому обыкновенію.

Первый разъ, вопросъ становится на очередь и предметомъ спора въ 314 году, на соборѣ въ Анцирѣ.

Онъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ чистоты христіанскаго ученія. Не допуская абсолютнаго безбрачія, соборъ опредѣлилъ:

„Если діаконъ, при самомъ посвященіи, заявитъ, что намѣренъ вступить въ бракъ, и женится немедленно, то сохраняетъ духовное званіе и, наоборотъ, теяетъ, женившись безъ упомянутаго заявленія“.

Это правило освящаетъ и бракъ іереевъ.

Необходимо, впрочемъ, сознаться, что, въ эту именно эпоху, явилось мнѣніе о несоотвѣтствіи брака чистотѣ духовнаго сана. Чѣмъ объяснить его? Думаю, нельзя ничѣмъ, кромѣ преувеличенной склонности къ самопожертвованію. Въ періодъ своего основанія, христіанская религія была вынуждена бороться со всевозможными препятствіями. Не гоненія были опасны, ибо, едва поникала глава мученика, какъ изъ его крови раждались массы новыхъ послѣдователей. Гораздо больше огорчали вѣрующихъ раздоры, ереси и упадокъ нравовъ. Тогда понадобилось, чтобы духовенство служило примѣромъ святости, исключительной. Однако, не менѣе очевидно, что, въ первые вѣка, брачная жизнь была ему разрѣшена и что это не вліяло ни на величіе, ни на плодотворность тѣхъ временъ.

Къ сожалѣнію, новаторы, идущіе выше цѣли, намѣченной другими, создаютъ, во всѣхъ обществахъ, безпорядокъ и смуту. То же случилось и здѣсь.

Какъ нравственное утѣшеніе горестей одиночества, возникъ обычай „агаэитъ“. Я говорю о дѣвахъ, которыя, во имя милосердія, жили общинами или совмѣстно съ духовными, и, подъ эгидою благочестія, вносили соблазнъ.

Находясь вблизи священника и имѣя задачу поддерживать его религіозное настроеніе, онѣ возбуждали, нерѣдко, грѣховные помыслы.

Замѣьте,—что, по поводу слова „агаэиты“, объясняетъ, въ своемъ лексиконѣ церковнаго права, Дюранъ де Меланъ.

„*Agape*“, по гречески, любовь. Отсюда назывались „*agapetae*“, „возлюбленныя“—дѣвы, проживавшія цѣлыми обществами или присоединявшіяся къ духовенству для дѣлъ благочестія и милосердія“.

Священники именовали ихъ „удочеренными сестрами“, т. е. подначальными, подневольными. Но не въ названіи дѣло. Онѣ все таки оставались женщинами и ежедневное обращеніе съ ними не могло не грозить опасностью людямъ, приговорившимъ себя къ безбрачію.

Поэтому нельзя удивляться, что Никейскій соборъ издалъ особый канонъ, которымъ запретилъ іереямъ и другимъ клирикамъ брать въ услуженіе женщинъ, а позволилъ имѣть у себя только ближайшихъ родственницъ: мать, сестру, тетку.

Вспоминая обычай „агаэитъ“, которыя, вѣроятно, не исчезли и послѣ Никейскаго собора, св. Іеронимъ выражается такъ:

„Откуда проникла въ церковь эта чума?“

Вполнѣ съ нимъ согласны и другіе святые отцы. Послушайте, напримѣръ, что говоритъ Григорій Назіанзинъ:

„Не знаю, куда причислить этихъ двусмысленныхъ женщинъ,—къ замужнимъ или дѣвцамъ, или надо избрѣсти для нихъ особое званіе. Но, если бы вы даже разгнѣвались, я не могу найти похвалъ такому обычаю!“

Вотъ, далѣе, слова св. Кипріана:

„Очень подозрительно, когда мужчина отвергаетъ законную жену и беретъ другую, незаконную. Это значить обѣщать: передъ людьми,—цѣломудріе, а передъ самимъ собою,—невоздержанность относительно женщинъ. Такой образъ дѣйствій равносильенъ двумъ обѣтамъ, взаимно исключаемымъ, измѣняющимъ другъ другу: умерщвленія плоти и разврата. Здѣсь видимъ хитрое желаніе—быть прелюбодѣемъ и евнухомъ, одновременно.“

Не мнѣ, конечно, повторять эти слова, потому что я не въ правѣ клеймить столь сурово...

Но если, на Никейскомъ соборѣ 325 года, состоялось запрещеніе „агаөить“, то онъ этимъ не ограничился. Тамъ, гдѣ, путемъ изложенія символа вѣры, были разрѣшены основные догматическіе споры и указана самая почва каноническаго права, вопросъ о бракѣ пресвитеровъ не могъ уйти отъ постановки и всесторонняго обсужденія. И онъ рѣшенъ въ пользу законности такого брака.

Три года спустя, на соборѣ въ Гангрѣ, въ Пафлагоніи, созванномъ для прекращенія распри между Евстахіемъ и св. Василиемъ и осудившемъ перваго изъ нихъ, были обнародованы, между прочимъ, слѣдующіе каноны: 1) предаются анаөемѣ тѣ, кто осуждаетъ бракъ и говоритъ, что женщина, живущая съ мужемъ, не можетъ спастись, и 2) равнымъ образомъ, будутъ прокляты всѣ, кто бросаетъ дѣтей своихъ, подъ предлогомъ отшельничества.

Соборъ въ Константинополѣ, два вѣка спустя, въ свою очередь, категорически высказался за правомѣрность и необходимость брака, а противное сему ученіе, явившееся тогда въ Римѣ, осудилъ.

Папы еще не обладали свѣтскою властью. Римская церковь, то преклоняясь, то торжествуя, пока лишь завоевывала себѣ господство. Однако, много раньше 680 года, когда Константинопольскій соборъ обязалъ священниковъ не разлучаться съ женами, папа успѣлъ добыть указъ Юстиніана, которымъ браки духовенства не только объявлялись ничтожными, но влекли тѣлесное наказаніе. Впрочемъ, императоръ скоро измѣнилъ свой взглядъ, признавъ достаточнымъ устранять женатыхъ іереевъ отъ совершенія таинствъ.

Это справедливо, и никто не долженъ утверждать противнаго.

Вступивъ въ бракъ, священникъ не въ правѣ приближаться къ алтарю, вотъ чего, по меньшей мѣрѣ, желалъ самъ Юстиніанъ.

Сегодня, мы не просимъ ни о чемъ болѣе.

Первый соборъ, безусловно запретившій духовенству жениться, былъ Латеранскій (1123 года, въ Римѣ).

Но далеко не всѣ раздѣляли его идеи и сопротивление продолжалось, въ теченіи многихъ лѣтъ. Только въ 1545 году, на соборѣ въ Триентѣ, безбрачіе провозглашено торжественно и окончательно.

Я спрашиваю, развѣ нельзя ничего сказать противъ этого, единичнаго момента, цыфра котораго сейчасъ блеснула передъ вашими глазами?

Средніе вѣка истекаютъ. Готовъ къ побѣдѣ новый разумъ. Декартъ уже въ колыбели, Ньютонъ не замедлитъ родиться... Погруженные въ глубокой мракъ, законы нравственности пробуждаются... Европейское общество уже залито волнами свѣта... И вотъ, именно въ такой моментъ, учреждаютъ догматъ безбрачія! Его не знали раньше, и, дабы заставить уважать его, понадобились громы и молніи церкви и всѣ ужасы вѣчныхъ мукъ!..

Тѣмъ не менѣе пятнадцать съ половиною вѣковъ отъ временъ Иисуса Христа, когда возсіяла новая религія, преобразившая міръ, успѣли пройти.

Ученіе о безбрачіи приобрѣло силу только въ этотъ моментъ. Окрѣпнувъ, исключительно, въ интересѣ римскихъ первосвященниковъ, оно имѣло цѣлью подчинить свѣтскій міръ верховному господству духовенства.

Но, въ томъ же столѣтіи, на ряду съ гениемъ Колумба, не замѣчаете ли вы яркаго блеска имени Лютера? Во имя челоуѣческой природы, никогда не оскорбляемой безнаказанно, онъ возстанетъ противъ корыстолюбія Рима, заклеимитъ его девизъ всеобщаго растлѣнія и начнетъ проповѣдь иныхъ порядковъ, которые, увы, отравятъ единство христіанской религіи! (*Продолжительное волненіе*).

Можно сказать вообще, что вопросъ, насъ занимающій, раскрытъ, на пути исторіи, далеко не двусмысленно.

Кто, въ самомъ дѣлѣ, подготовилъ рѣшенія соборовъ Латеранскаго и Триентскаго? Не тотъ ли пылкій монахъ XI вѣка, Гильдебрандтъ, вскорѣ папа Григорій VII, который, начавъ съ поддонковъ общества, достигъ высоты величія и у своихъ ногъ, въ покаянной одеждѣ грѣшника, видѣлъ пресмыкающимся главу свѣтской власти, Германскаго императора Генриха IV. Онъ былъ первый папа, заставившій внимать угрозамъ противъ брака іере-

евъ. Сомнѣваясь еще въ его рѣшеніи, Гильдебрандтъ не хотѣлъ открывать собора, но сумѣлъ принудить къ исполненію своей воли инымъ образомъ.

Въ Миланѣ, нашелся архіепископъ, вздумавшій противиться тому, что, по его мнѣнію, было насиліемъ надъ божескими и человѣческими законами. Могущество Рима, столь униженное въ наши дни, собираетъ тогда шайку нѣмецкихъ наемниковъ, подчиняетъ ее клирику Ландульфу и посылаетъ воевать съ Миланомъ.

Архіепископъ укрѣпился и защищается; но, будучи разбитъ, проситъ пощады и теряетъ званіе, а его преемникъ, убѣжденный такимъ нравоученіемъ, признаетъ указъ о безбрачии. (*Смѣхъ въ публикѣ*).

Разрывая семейныя связи, этотъ указъ имѣлъ въ виду поработить духовенство. Германія отказалась принять его, но его гнетъ все таки не былъ чуждъ реформации, которая, пять столѣтій спустя, изувѣчила христіанство и нанесла римскому престолу такой жестокой ударъ.

Еще на соборѣ въ Триентѣ, удаленномъ отъ Григорія VII на три вѣка, императоръ Германскій вмѣстѣ съ королемъ Франціи оспаривали, черезъ особыхъ уполномоченныхъ, проектъ догмата, какъ только онъ возникъ.

Папа Пій IV отвѣчалъ такъ:

— „Ясно, что бракъ духовныхъ, направляя всѣ ихъ привязанности къ женамъ, дѣтямъ и отечеству, освободитъ ихъ отъ подчиненія святому престолу. Позволить священникамъ жениться, значитъ уничтожить іерархію и обратить папу въ римскаго епископа“.

А кардиналъ Капри прибавилъ:

— „Разъ священникъ женился, его семья служить залогомъ его преданности свѣтскому государю. Но, при этомъ условіи, власть папы не простиралась бы далѣе ограды Рима“.

Отсюда я въ правѣ утверждать, что запретъ браковъ духовенства рветъ узы, привлекающія гражданина къ отечеству, и допускаетъ занятіе почвы нашей страны арміею, главнокомандующій которой живетъ въ Римѣ.

Повторяю далѣе, что, противное догмъ, ученіе о безбрачии не обращаетъ вниманія на религію, ничего общаго съ нею не имѣетъ и могло бы измѣниться вновь, безъ всякой перемѣны вѣроисповѣданія.

Если отъ церковной, перейдемъ къ исторіи гражданскаго законодательства, мы опять не встрѣтимъ ни одного памятника, который отвергалъ бы изложенное. Нѣтъ, наконецъ, статьи и въ

текстъ положительнаго закона, годной для клерикальныхъ притязаній.

Виновать, впрочемъ, есть одна. Но, когда вы узнаете, чьею рукою она подписана, когда я укажу на ней слѣды крови, вы ужаснетесь. (*Глубокое впечатлѣніе*).

Императоръ Карлъ Великій, будучи усерднымъ законодателемъ, воспроизвелъ кодексъ Юстиніана и, разумно, повелѣлъ, что пресвитеръ, вступивъ въ бракъ, не можетъ священнодѣйствовать.

Посему, опредѣленія Триентскаго собора уже не имѣли успѣха во Франціи и, благодаря независимости ея парламентовъ, были прямо устранены.

Историки единогласно, а парламентскіе акты, въ подлинникахъ, удостовѣряють это. Но я упомянулъ объ исключеніи. Таковъ эдиктъ 4 августа 1564 года, изданный тѣмъ, кто приказалъ устроить кровавое зрѣлище Варееоломѣвской ночи.

„Священники, монахи, іеромонахи“, повелѣваетъ Карлъ IX, — „вступившіе въ бракъ, обяываются покинуть женъ и дѣтей, вернуться въ свои монастыри и приходы или удалиться изъ королевства“.

Мерлинъ думаетъ, что это распоряженіе, имѣя чисто политическій характеръ, преслѣдовало гугенотовъ.

Такъ или нѣтъ, я увѣренъ, что не найдется, въ этомъ залѣ, никого, кто бы рѣшился защищать короля, стрѣлявшаго въ народъ съ высоты балкона своего дворца. (*Новое волненіе*).

Если нѣкоторыя нарушенія справедливости были и позже, передъ 1789 годомъ, то лишь въ виду полнаго смѣшенія духовной и свѣтской властей. Впрочемъ, я ошибаюсь еще разъ. Потому, — что первая задавила вторую и что парламенты, во имя духа времени, мирволили, иногда, притязаніямъ епископовъ.

Тѣмъ не менѣе, даже въ эту эпоху, духовныя лица освободились, нерѣдко, отъ обѣта и женились.

Таковъ былъ порядокъ вещей въ концѣ XVIII столѣтія, — знаменитаго времени, когда человѣческій разумъ одержалъ столь блестящія побѣды.

Наступаетъ революція. Философы метутъ долой старое зданіе феодализма. Независимость свѣтской власти провозглашена, бракъ объявленъ учрежденіемъ гражданскимъ, а правительство освобождено отъ необходимости слѣдовать на буксирѣ духовенства. Побѣдоносное общество диктуеть, въ конституціи 1791 года, свои законы.

Эта конституція кропотливо, до мельчайшихъ подробностей, опредѣляетъ все, что относится къ правамъ гражданъ, но ни

одного препятствія браку священниковъ не содержать. Напротивъ, декретъ конвента отъ 19 юля 1793 года постановилъ:

„Епископы, прямо или косвенно создающіе препятствія браку духовенства, будутъ лишены мѣстъ и сосланы“.

Вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же крайностей, тѣхъ же насилій! Черезъ потокъ время, слово ненависти, произнесенное законодателями 1793 года, служить отвѣтомъ анаѳемѣ Триентскаго собора!

Я сказалъ, что конституція 1791 года признала бракъ гражданскимъ договоромъ. Но меня останавливаютъ, замѣчая, что въ конкордатѣ, который смѣлымъ капитаномъ, вышедшимъ изъ революціонныхъ пучинъ, былъ заключенъ со св. престоломъ, установленъ иной взглядъ.

Не стану разсматривать политической стороны этого акта, хотя я могъ бы представить вамъ серьезныя возраженія. Однако, нельзя не сказать, что эта попытка, обусловленная великою и глубокою мыслью, затруднялась, на дѣлѣ, такими странными преткновеніями, которыя невольно убѣждаютъ въ намѣреніи двухъ сблизившихся властей обмануть другъ друга и присвоить, каждая себѣ, исключительное господство. Предполагалось, торжественнымъ договоромъ, примирить соперниковъ, а, въ лицѣ ихъ всенароднаго соглашенія, дать обществу фундаментъ, незыблемый.

Увы! Окиньте взоромъ годы, прошедшіе съ тѣхъ поръ. Спросите у себя: погасла ли борьба; заключенныя въ оффиціальныи кругъ, но скрытыя въ самой глубинѣ природы челоуѣка, проявляются ли страсти умѣреннѣе и обдуманнѣе? Изучивъ, что дѣлаютъ кругомъ васъ, рѣшите: ослабѣлъ ли, по крайней мѣрѣ, взаимный антагонизмъ, или онъ также суровъ, какъ прежде?

Вопреки всѣмъ усиліямъ, нѣтъ, повидимому, средствъ оградить оба противоположныя начала мѣрами обыденнаго порядка. Двучличный миръ всегда раждаетъ ссору.

Нѣмая и сдержанная, не убавитъ она энергіи и злобы, пока люди не поймутъ, что задача имѣетъ одинъ исходъ — свободу! (*Движеніе*).

Будь я вынужденъ, съ документами въ рукахъ, передавать исторію конкордата, я показалъ бы, что каждая сторона, пытаясь обыграть другую, сама попадала въ просакъ; унижалась, думая возвеличиться, и, дабы взять верхъ надъ соперницею, бросалась въ сдѣлки съ самой собою.

Не надо примѣра, болѣе вразумительнаго, чѣмъ настоящій процессъ. Оказывается, что конкордатъ, заключенный во имя первенства свѣтской власти, обращается противъ нея и причи-

няетъ ей важный ущербъ. Сегодня, опровергая нашу просьбу предъ судомъ, пользуются именно тѣми законами, которые внесены въ конкордатъ для обузданія власти епископовъ.

Законодатель такъ изложилъ необходимыя, по его мнѣнью, гарантіи въ ст. 6-ой основнаго закона 18 жерминаля X года:

„Всѣ случаи злоупотребленій духовныхъ лицъ подлежатъ вѣдѣнію государственнаго совѣта. Таковы: захватъ или превышеніе власти, сопротивленіе законамъ и распоряженіямъ республики и нарушеніе правилъ, освященныхъ канонами, когда сіи послѣдніе признаны во Франціи“.

Ст. 26 закона гласить:

„Епископы не должны посвящать въ духовный санъ того, кто владѣетъ собственностью, которая приноситъ менѣе 300 фр. дохода, или кто не достигъ 25 лѣтъ отъ роду и не удовлетворяетъ требованіямъ канонныхъ, принятыхъ во Франціи“.

Что значать эти узаконенія? Ничего, кромѣ ясно выраженной государствомъ воли преклонить, себѣ подчинить могущество духовенства. Понятно, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о догматахъ: ограждаются интересы полиціи, безопасности, порядка. Хотятъ заставить уважать предписанія, частью коихъ служатъ каноны, признанные Франціею, но отнюдь не другіе.

Я часто перечитывалъ строки конкордата и всегда удивлялся, какъ епископы рѣшились на подсудность государственному совѣту, упомянутую въ статьѣ 6-ой. Теперь оказывается, что дѣло не такъ просто. Черезъ эту именно потаенную дверь, каноны проникли въ наше государственное право. Но мысль законодателя, разумѣется, иная.

Предлагая конкордатъ церкви, колѣнопреклоненной и молящей о возвратѣ своихъ алтарей, онъ зналъ, что держитъ твердо въ рукахъ ключъ тюрьмы, куда, во всякую минуту, можетъ запереть поползновенія римской іерархіи! (*Продолжительное волненіе*).

Конкордатъ, предшествуя только на одинъ годъ обсужденію новаго гражданскаго кодекса, можетъ ли быть рассматриваемъ, какъ источникъ права, устанавливающій за бракомъ характеръ тайнства лишь для одного разряда гражданъ, такой, которымъ народъ дробится на двѣ части: католиковъ и остальныхъ?

Рѣчи ораторовъ правительства сохранились и доказываютъ противное. Каждое слово тѣхъ, кто участвовалъ въ этихъ законодательныхъ трудахъ, исключаетъ подобное предположеніе. Послушайте, что говорилъ Порталисъ, внося проектъ конкордата.

— „Возможны жалобы, что мы не сохранили брака священниковъ. Но такія опасенія чужды закону, именемъ котораго правительство готово, безъ затрудненій, примирить задачи религіи съ интересами общества. Въ дѣйствительности, кромѣ духовныхъ чиновъ, необходимыхъ для отправленія богослуженія, мы не допускаемъ никого, кто могъ бы увеличить составъ лицъ, принимавшихъ, въ

старину, объѣтъ безбрачія. Съ другой стороны, для тѣхъ священнослужителей, которымъ оно разрѣшено, а канонами безусловно предписано, есть оговорка, нами сдѣланная, что „это предписаніе, въ глазахъ свѣтскаго закона, отнюдь не служитъ препятствіемъ браку“. Посему таковой, будучи совершенъ, не признавался бы ничтожнымъ гражданскою властью, а дѣти были бы законными. Но передъ судомъ совѣсти, въ религіозномъ мірѣ, мужа подверглись бы взысканіямъ, по уставу церкви. Не теряя правъ семейныхъ и по состоянію, они должны отказаться отъ совершенія таинствъ. Слѣдовательно, безъ посягательства на церковную дисциплину, всякому дана свобода и всѣ преимущества, обезпеченныя законами государства“.

Вотъ мнѣніе одного изъ авторовъ конкордата.

Въ слѣдующемъ году (апрѣль 1803), законодательный корпусъ, разсматривая кодексъ Наполеона, раздѣлъ о бракѣ, выслушалъ не менѣе опредѣленную рѣчь того же Порталиса:

— „При старомъ образѣ правленія, гражданскія и религіозныя учрежденія были сплетены неразрывно. Затѣмъ, когда провозгласили свободу исповѣданій, нашли средства обратить законодательство изъ духовнаго въ свѣтское, вообще. Уразумѣли великую идею: нельзя не допускать того, что терпитъ само Провидѣніе; а законъ, будучи не въ правѣ часловать религіозныя убѣжденія, обязанъ видѣть лишь французовъ, подобно природѣ, которая знаетъ только людей. Если служители алтаря могутъ и призваны бодрствовать надъ святостью таинствъ, то, исключительно, гражданская власть уполномочена наблюдать за силою договоровъ. Заботы и предосторожности, принимаемая духовенствомъ, въ отношеніи предметовъ религіи, не могутъ, ни въ какомъ случаѣ и никоимъ образомъ, вліять на бракъ—учрежденіе, по самому существу, государственное, свѣтское. Во имя этого принципа, духовный санъ, объѣтъ монашества и различіе исповѣданій, являвшіеся, въ старой юриспруденціи, препятствіями браку, нынѣ такими не считаются“.

Во время преній, Реаль предложилъ написать, въ началѣ главы, что бракъ есть договоръ, чисто гражданскій. Одобренное комитетомъ законодательной инициативы, требованіе это не имѣло послѣдствій, единственно, въ виду заявленія Камбасаресса, что оно бесполезно, по очевидности истины, которую заключаетъ.

Чѣмъ можно возразить такимъ авторитетамъ?

Какъ понять, что среди юристовъ и внѣ церковной сферы, приобрѣло господство другое ученіе?

Странно, а несомнѣнно, что мои противники указываютъ даже на Порталиса, обращая мнѣ во вредъ два письма, адресованныя имъ, въ качествѣ министра исповѣданій первой имперіи: 14 января 1806 года, архіепископу Бордоскому, а 30 января 1807 года, префекту Нижней Сены, въ Руанъ, и утверждая, что знаменитый государственный человѣкъ высказался тамъ противъ женитьбы священниковъ.

Не слѣдуетъ, однако, забывать прямого участія воли императора, который почиталъ себя выше законовъ, и того факта, что,

подписывая означенные циркуляры Портались только исполняль велѣнія монарха.

Первое письмо:

„Министръ исповѣданій архіепископу въ Бордо“.

„Господинъ Архіепископъ!

Я радъ увѣдомить Васъ, что Его Императорское и Королевское Величество, для блага религіи и нравственности, соизволиль повелѣть, дабы всѣмъ гражданскимъ властямъ было запрещено совершеніе акта о бракѣ пресвитера Р..... Его Императорское и Королевское Величество, рассматривая самую попытку названнаго іерея, какъ оскорбленіе вѣры и добрыхъ нравовъ, повелѣвалъ уничтожить грустное впечатлѣніе, ею произведенное.

Вы, господинъ архіепископъ, имѣете право гордиться, что, насколько это васъ касалось, предвидѣли намѣренія Августѣйшаго Императора нашего, когда противились довершенію скандала, зрѣлище коего могло лишь принести скорбь добрымъ и обнадежить злыхъ.

Одновременно, префекту Жиронды предписано исполнить Высочайшее повелѣніе, а ихъ превосходительства, министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, я увѣдомилъ самъ.

Мудрость этой мѣры направить умы гражданскихъ властей по вопросу, не предусмотрѣнному закономъ“.

Послѣдняя фраза убѣждаетъ, что, подъ давленіемъ его повѣлителя, мысль юриста изогнулась.

Слѣдующее письмо, адресованное префекту Нижней Сены, равнымъ образомъ, говорить, что законъ не касается браковъ духовенства, и представляетъ волю императора, какъ источникъ поправокъ кодекса:

„Министръ исповѣданій префекту Нижней Сены“.

„Господинъ префектъ!

Его Высокопреосвященство, кардиналь-архіепископъ Руана, сообщилъ мнѣ, что, предъ гражданскимъ чиновникомъ этого города, хотяъ совершить бракъ одного священника. Избѣгая дальнѣйшихъ подробностей, я признаю необходимымъ указать, какъ вамъ слѣдуетъ вести себя при обстоятельствахъ этого рода.

Гражданскій законъ умалчиваетъ о бракѣ священниковъ; мнѣніемъ же общества таковой порицается, а семейному миру другихъ грозитъ опасностями.

Католическій священникъ имѣлъ бы слишкомъ много путей къ обольщенію, если бы могъ сказать, что, въ крайности, женится. Подъ видомъ руководства совѣстью, онъ пытался бы увлекать и развращать сердца, пользуясь для себя лично вліяніемъ, которое даетъ ему санъ только во имя духовныхъ благъ.

Согласно съ этимъ, Его Величество, по докладу министра юстиціи и моему, рѣшилъ, что не должна быть терпима женитьба священниковъ, которые, со времени конкордата, вступили въ общеніе со своими епископами или продолжали исполнять обязанности своего званія. Иной образъ дѣйствій предоставляется совѣсти лишь тѣхъ, которые отказались отъ сана, раньше конкордата, и не возобновляли священнодѣйствія. Не безъ основаній, признано, что бракъ кого либо изъ этихъ послѣднихъ создавалъ бы меньше неудобствъ и печальнаго соблазна“.

Былъ и такой случай. На поляхъ Шенбруна, императоръ узнаеть, что священникъ, обольстивъ дѣвушку, просить разрѣшенія жениться. Приказъ: священника заключить въ исправительный домъ, а дѣвушку отправить съ жандармами къ родителям!

Произволь опять выше закона.

Исполняя новую волю Наполеона, Порталисъ, 8 января 1813 г., обязалъ префектовъ извѣстить меровъ, что цѣли правительства не допускають брака между неграми и бѣлыми.

Таковы дѣянія того, кто былъ увѣренъ, что ему все дозволено. Пора уйти отъ нихъ. Измѣна слабому въ пользу сильнаго— основной принципъ ихъ автора; но передъ судомъ, черпающимъ убѣжденіе въ совѣсти и законѣ, не физическая сила наноситъ смертельный ударъ.

Освѣтивъ наше изслѣдованіе текстами св. писанія, исторією, трудами и мыслями законодателей, перейдемъ къ судебной практикѣ.

Нельзя, повидимому, рѣшать дѣла о союзѣ брачномъ, въ явный ущербъ свободѣ вѣры и совѣсти. Вышло иначе. Тѣмъ не мене, безспорно, что ошибка судей зависѣла отъ ложной идеи конкордата о сочетаніи религіи съ политикой и о взаимной ихъ поддержкѣ, путемъ обоюдныхъ уступокъ.

Первое рѣшеніе суда въ Бордо упоминаю, исключительно, ради момента, къ которому относится,—20 іюля 1807 года, т. е.—къ эпохѣ циркуляровъ Порталиса.

Не станемъ говорить больше.

Второе—1818 года. Когда, послѣ столькихъ дней горя, король подарилъ обожавшему его народу слова любви и увѣренія въ незыблемости законовъ, многіе думали, что Парижскій судъ, которому подлежалъ вопросъ о безбрачїи, дастъ ему справедливый исходъ. Но, 18 мая 1818 года, бракъ іереевъ былъ объявленъ противнымъ закону.

Вопросъ дремалъ цѣлое десятилѣтіе. Въ 1828 году, молодой священникъ Дюмонтель просить позволить ему жениться. Возникнувъ еще разъ, судебныя пренія отличались необыкновеннымъ блескомъ и глубоко взволновали общество. Юный, столь рано похищенный у нашего сословія, адвокатъ Мермилльодъ обнаружилъ замѣчательный талантъ и его рѣчь останется навсегда примѣромъ искренняго убѣжденія.

Увы, Парижскій судъ, 27 декабря 1828 года, рѣшилъ въ пользу каноновъ, а революція 1830 года помѣшала высказаться кассационному трибуналу. За то явилась надежда, что Францію ожидаютъ инныя судьбы. Вопросъ былъ поднять снова, но, къ сожалѣнію,

въ томъ же судѣ. 14 января 1832 года, онъ, еще разъ, остался вѣренъ своему взгляду.

Кассационная жалоба, 21 февраля 1833 года, отвергнута, по слѣдующимъ мотивамъ:

„Принимая во вниманіе что, согласно ст. ст. 6 и 26 закона 18 жерминаля X года, католическое духовенство подчинено канонамъ, принятымъ во Франціи, а стало быть, и тѣмъ, которые запрещаютъ священнослужителямъ жениться, и руководствуясь фактомъ, что ни кодексъ, ни хартія не противорѣчатъ этому специальному закону,—надлежитъ признать, что рѣшеніе, нынѣ обжалованное, не нарушило никакихъ постановленій“.

Однако, дѣло этимъ не кончилось. Наоборотъ и скоро, открылось вновь, передъ судомъ въ Лиможѣ, по ходатайству священника Виньо. Сначала голоса раздѣлились; потомъ, 17 января 1846 года, судъ объявилъ, что, по разуму закона, г. Виньо, пресвитеръ, уже въ виду посвященія въ санъ, разсматривается, какъ лице, неспособное къ браку.

Всѣ эти процессы, а, въ особенности, — Дюмонтеля произвели живѣйшее впечатлѣніе. Разсудили, что пора устранить самую возможность подобныхъ насилій надъ идеею нашего гражданскаго законодательства. Порталисъ-сынъ, 23 февраля 1833 года, внесъ въ палату депутатовъ такое предложеніе:

„Безусловно запрещается судебнымъ учрежденіямъ создавать инья препятствія браку, кромѣ положительно указанныхъ въ сводѣ гражданскихъ законовъ“.

А вотъ его соображенія:

„Мой проектъ стремится поддержать одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ нашихъ, нерѣдко потрясаемый, даже отвергаемый судами королевства. Въ главѣ о бракѣ, среди исключеній изъ общаго права, гражданскій кодексъ опредѣляетъ препятствія этому союзу. Смыслъ закона очевиденъ и всякимъ колебаніямъ чуждъ. Тѣмъ не менѣе, нашлись такіе судьи, по мнѣнію которыхъ этого недостаточно, а бракъ гражданъ слѣдуетъ затруднить новыми испытаніями. Но свобода совѣсти во Франціи обратится въ пустой звукъ, при господствѣ теоріи, подсказавшей Парижскому и кассационному трибуналамъ рѣшенія по дѣлу Дюмонтеля“.

Благородный прокуроръ кассационнаго суда, Дюпенъ старшій, присоединился къ мнѣнію Порталиса, но отвергъ его требованіе, по слѣдующимъ основаніямъ:

„Уму, спокойному и холодному, говорилъ онъ въ палатѣ депутатовъ, законодателямъ, собранію, которое размышляетъ всесторонне, можно ли терять голову потому, что встрѣтилось одно рѣшеніе? Ниспровергать законы въ силу ошибокъ судей! Вѣдь, одинъ безсвязный приговоръ не создавалъ правовой теоріи никогда. Она можетъ возникнуть не иначе, какъ черезъ преемство многихъ, разнообразныхъ рѣшеній. Мы знаемъ единичное, да и то не противно закону. Столкнувшись съ вопросомъ, оно перерѣзало ему дорогу и бросило на церковной паперти; но, вѣдь, нѣтъ запрета нести его далѣе, до самаго алтаря, подвергнувъ новому изученію. Кассационный судъ, по праву, гордый честностью своихъ членовъ, знаменитый высокою міросозерпаніемъ, глубокимъ образованіемъ и нравственностью, уполномоченъ пересмотрѣть свое рѣшеніе. Странно было

бы отчаяваться предъ одинокимъ приговоромъ, когда есть убѣжденіе, что въ немъ отразились религіозные предразсудки, и, что, посягая на торжество истины, они сами себѣ роютъ могилу.

Развѣ не боитесь вы, предложеніемъ новаго закона, поколебать старый? Не значить ли это, что новый необходимъ? Издавъ его, не скажемъ ли, что прежняго мало? Съ другой стороны: мы примемъ вашъ проектъ, а вторая палата отвергнетъ; что останется? Безсильная попытка исправить дѣло и прямой ему ушербъ, вами нанесенный.

По моему, вопросъ стоитъ гораздо тверже теперь, когда покоится на принципѣ свободы совѣсти, провозглашенномъ въ законѣ. Изъ даннаго положенія вещей, мыслимъ единственный выводъ: законъ хорошъ, судебное рѣшеніе дурно“.

Сказанное выразило идеи палаты съ такою полнотою, что заявленіе Порталиса, будучи принято къ свѣдѣнію, не имѣло другихъ результатовъ.

Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ того, что ни законъ 18 жерминаля, ни весь нашъ кодексъ, по мысли своихъ авторовъ, не требуютъ постоянного безбрачія, служитъ фактъ, что въ 1813 году Наполеонъ хотѣлъ издать особый законъ по сему предмету.

Вотъ какъ Дюпенъ, въ рѣчи передъ палатою, 25 февраля 1833 года, излагаетъ это событіе:

— „Когда, въ 1813 году, наше оружіе покрылось скорбью, французская молодежь, утомленная военною повинностью и перепуганная страшными потерями арміи, начала поступать въ духовныя семинаріи, даже во священники, не чувствуя истиннаго призванія; наоборотъ,—стремясь вернуться въ свѣтъ, при первомъ удобномъ случаѣ“.

„Глава правительства, будучи прежде всего полководцемъ, особенно, когда шла рѣчь о воинской повинности, источникъ его могущества, возмутился такимъ обходомъ закона и созвалъ государственный совѣтъ. Выслушавъ нѣсколько мнѣній, Наполеонъ воскликнулъ: „Самое здравое,—издать законъ, воспрещающій браки духовенства!“—„Но это,“ замѣтилъ Бертье, „стѣснить свободу тѣхъ, которые, вступая въ бракъ, пожелаютъ уйти отъ церковной дѣятельности.“—„Мнѣ необходимъ законъ, именно съ цѣлью пресѣчь имъ такую возможность,“—сказалъ Наполеонъ“.

„Ясно, что пробѣлъ въ кодексѣ, отсутствие надлежащихъ узаконеній, только и могли быть причинами этого требованія. Иначе нельзя объяснить себѣ, что проектъ новаго закона былъ утвержденъ государственнымъ совѣтомъ, среди котораго находились главные дѣятели революціи, за періодъ съ 1789 по 1813 годъ, редакторы: конкордата, гражданскаго кодекса и массы едва изданныхъ законовъ вообще. Здѣсь, я вижу совершенное доказательство тому, что никакого запрещенія іереямъ жениться не существовало. А если не знали его раньше, то не найдемъ мы и теперь, ибо никто не издавалъ его позже“.

Далѣе.—Рѣшеніямъ трибуналовъ Парижа и Лиможа, а равно кассационнаго, мы противопологаемъ семь другихъ, гдѣ разныя судебныя мѣста высказались въ защиту справедливости, признавъ, что законъ не исключаетъ брака духовныхъ лицъ.

Таковы рѣшенія судовъ въ:

Сентъ-Менегу, 18 августа 1827 года,
 Нанси, 23 апрѣля 1828 года,
 Камбрэ, 7 мая 1828 года,
 Департаментъ Сены, 26 марта 1831 года,
 Иссуденъ, 22 июня 1831 года,
 Перигё, 31 марта 1832 года,—и
 Беллакъ, 26 июня 1845 года.

Переходя отъ судебной практики къ теоріи, видимъ, что авторы, писавшіе о гражданскомъ кодексѣ, единогласно, признаютъ идею безбрачія чуждою нашему законодательству. Я ограничусь ссылкой на почтеннаго Демоломба, какъ позднѣйшаго и наиболѣе авторитетнаго. Глубина уваженія къ его имени даетъ мнѣ право внести свѣтъ его разума въ этотъ научный турниръ.

Онъ разсуждаетъ такъ: (курсъ гражданского права, т. III, стр. 209).

„Съ точки зрѣнія гражданского порядка, нѣтъ католиковъ, протестантовъ или евреевъ, нѣтъ и канонѣвъ римской церкви; существуютъ лишь французы и одинаковый для всѣхъ законъ. Поэтому чиновники, къ которымъ обращается французъ, не имѣютъ ни малѣйшаго права развѣдывать о его религіозныхъ убѣжденіяхъ или обѣтахъ, имъ принятыхъ предъ своею церковною общиною. Стало быть, когда пресвитеръ, отказавшись отъ сана и, разумѣется, отъ его льготъ и преимуществъ, уходитъ въ свѣтскую жизнь съ ея правами и обязанностями, установленными для всѣхъ французѣвъ, въ этотъ день, законъ можетъ въ немъ видѣть только гражданина, только француза. Священника нѣтъ больше: обществѣнный дѣятель подалъ въ отставку“.

Послушаемъ далѣе, что сказалъ Демоломбъ о ст. ст. 6 и 26-й, закона 18 жерминаля X года:

— „Какъ?! Изъ того, что ст. 6-я относитъ къ злоупотребленіямъ нарушеніе канонѣвъ, признанныхъ во Франціи, а ст. 26-я повелѣваетъ іереямъ, поставленнымъ нашими епископами, удовлетворять требованіямъ канонѣвъ, у насъ принятыхъ, вы заключаете, что всѣ каноны или, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые примѣнялись во Франціи когда либо, возстановлены, съ этого момента, и получили силу закона? Но если такой взглядъ основателенъ, то, конечно, правъ и Серриньи, говоря, что можетъ вывести отсюда весь нашъ прежній государственный строй!“

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не церковными постановленіями, запрещались, нѣкогда, браки, въ боковой линіи родства, до восьмага колѣна, (по калолической системѣ расчета), а также съ еврейскою, съ другою, кромѣ невѣсты, и т. д? Развѣ не каноны требовали совершенія брака только однимъ священникомъ и пр., и пр? Очевидно, что если упомянутыя предписанія X года возстановили каноны, которыми исключается женитьба іереевъ, то они, тѣмъ самымъ и неизбежно, обращаютъ вновь къ исполненію всѣ другія, устарѣлыя препятствія.

Здѣсь не можетъ быть спора, ибо ст. ст. 6 и 26 имѣютъ характеръ общій и рѣшительный. Но, вѣдь, такіа послѣдствія не

мыслимы, нелѣпы. Ясно, что доводъ, черпаемый въ законѣ 18 жерминаля, притянуть за волоса. Говорю больше: будь справедливость на сторонѣ моихъ противниковъ, гдѣ нашлась бы цѣль отмѣны развода закономъ 18 мая 1816 года? Впрочемъ, это даже не мои слова, а Валетта („О Прудонѣ“ т. II, стр. 415—418), друга истины, и заключаютъ глубокой смыслъ, потому что разводъ былъ воспрещенъ тѣми именно канонами, которые приобрѣли силу по закону 18 жерминаля.

Нельзя не остановиться, далѣе, на положеніи Серриньи, упоминаемомъ Демоломбомъ. Въ его „Обзорѣ права французскаго и иностраннаго“ (изд. 1845 г. стр. 393), находимъ, буквально, слѣдующее:

— „Если мнѣніе кассационнаго суда вѣрно, то я чувствую силы воздвигнуть изъ него старыя порядки, всѣ цѣликомъ, не оставивъ слѣда нашихъ вольностей. Разъ чиновникъ въ правѣ допытываться о религиозныхъ убѣжденіяхъ, идея свободы совѣсти гражданъ и всѣ ея развѣтвленія гибнуть. Будучи послѣдовательными, мы обязаны вручить акты состоянія причту и признать, что законъ, коимъ отмѣнена пожизненность монашескаго обѣта, не существуетъ болѣе, такъ какъ, разумнымъ путемъ, нельзя найти разницы обѣтовъ іерея и монаха. Во имя логики, надо свѣтскую власть передать церкви или обратить ее въ орудіе клира. Наконецъ, если каноны, дѣйствовавшіе когда либо во Франціи, равны закону и сегодня, то подобаетъ уничтожить всѣхъ еретиковъ и отлученныхъ церковью, согласно клятвѣ, которою обязывались наши короли, начиная отъ первой коронаціи. Ея текстъ ясенъ:—„Король обѣщаетъ истребить, по доброй совѣсти и всею своею властью, еретиковъ, которыхъ укажетъ или осудитъ церковь!“

Говоря, что писатели, изучавшіе гражданскій кодексъ, склоняются въ пользу браковъ духовенства, я позабылъ о г. Маркаде. Онъ (прилож. къ главѣ о бракѣ, т. I, стр. 419) оправдываетъ безбрачіе соображеніями, по мнѣнію нѣкоторыхъ, могучими, а, въ дѣйствительности, странными и представляющими жалкую попытку достигъ хотя бы внѣшности юридической.

— „Обязательство безбрачія, которое, свободно и сознательно, принимаетъ кандидатъ во священники предъ лицомъ всего общества и его представителемъ епископомъ, конечно, допускается закономъ,—оно правомѣрно. А такъ какъ договоры, правильно совершенные, охраняются по отношенію къ каждой сторонѣ, въ нихъ участвующей (св. зак. гражд. ст. 1134), то обязанность хранить цѣломудріе, возложенная на себя пресвитеромъ, непрерываема и въ гражданскомъ его быту.“

Столь оригинальный приѣмъ побѣдоносно ниспровергается Демоломбомъ.

— „Зовутъ ст. 1134,“ возражаетъ онъ Маркаде. „Отлично. Я спрашиваю объ одномъ: рискнуть ли идти далѣе, на примѣръ, до ст. 1142-й, т. е. признаютъ ли за епископомъ право искать убытки съ іерея, покинувшаго санъ? Очень сомнѣваюсь; а между тѣмъ, если примѣнима первая, то неизбѣжна и вторая, логически дополняющая ее статья.“

“Какъ бы, однако, ни было,—истина въ томъ, что здѣсь гражданскому закону дѣлать нечего, ибо, въ сущности, договора нѣтъ. Совсѣмъ не предъ лицомъ государства священникъ рѣшилъ не жениться, а лишь предъ своими духовными отцами. Онъ далъ обѣтъ, но не заключалъ договора“.

Боясь злоупотребить терпѣніемъ суда, я ограничиваю сказаннымъ это длинное изслѣдованіе.

Доказательства исторіи, законъ и наука объединяются, спѣшатъ окружить сіяніемъ, побѣдою, блескомъ очевидности и неопровержимостью истины положеніе, что, въ современномъ обществѣ, іерей покровительствуется закономъ и что его нельзя лишить благодѣяній права, не посягнувъ на велѣнія самого Господа и не угнетая его совѣсти. Подчинить законный порядокъ каноническимъ предписаніямъ значитъ поставить Францію на колѣни у порога Ватикана, возвеличить его надъ гражданскою властью и создать такое насиліе надъ закономъ, когда, путемъ его собственнаго авторитета, ему приписывались бы требованія, исключая самое его бытіе.

Я не искалъ оружія среди высшихъ соображеній, которыя, естественно, возникаютъ предъ разумомъ судей, потому что не хочу упрековъ въ чрезмѣрномъ преувеличеніи спора или въ томъ, что залу суда обращаю въ законодательную арену. Но, если бы я призвалъ вѣчныя идеи, основаніе всѣхъ вещей, запечатлѣнное Богомъ въ нашихъ сердцахъ, святая задачи общества, которому, очевидно, необходимы порядокъ, миръ и свобода, не трудно было бы доказать, что законъ о безбрачій, почитаемый кѣтомъ завѣта,—монументъ двусторонній. На одной, я слышу вопли побѣжденныхъ, на другой,—хулы мятежниковъ! (*Напряженное вниманіе*).

Иные, я это знаю, переродившись такою жертвою, достигаютъ горныхъ, чистыхъ обителей, простымъ смертнымъ недоступныхъ. Упоенные религіознымъ экстазомъ, они ищутъ опоры въ наукѣ, а въ духовной непорочности находятъ спасеніе. Но сочтите этихъ героевъ въ массѣ прочаго клира, который принялъ тяжкій, грозный обѣтъ, едва вступая въ жизнь, опьяненный мечтами, не вѣдая людей и горя безотчетнымъ рвеніемъ, увы, быстро охлаждаемымъ суровою дѣйствительностью.

Эти мученики легкомысленной вѣры не замедлятъ убѣдиться, что никто не насилуетъ природы безнаказанно, что мститъ она жестоко и, безъ труда, повергаетъ ницъ забавную гордыню, рискующую противиться ей.

Тогда наступаютъ муки, ихъ же горечь Ты, Господи, всѣи! Ничего не остается, какъ предать себя тщетной борьбѣ, гдѣ

силы гибнуть, сердце вянетъ и гдѣ спасеніе только въ сомоизувѣченіи. (*Волненіе*).

Этого ли хочетъ милосердный и всемогущій Богъ, верховный повелитель чудесъ, которыя насъ окружаютъ и самое поразительное изъ которыхъ тайна влеченія любви, источникъ силы, славы и изобилія вселенной!?

Призываю всѣхъ, у кого есть сердце!

Испытавъ радость самообладанія, когда человѣку можно отдохнуть въ себѣ самомъ и вѣрить своему назначенію, нельзя забыть этихъ прекрасныхъ минутъ. Но, неправда ли, день сочетанія съ любимою женщиною дополнилъ вашу жизнь. Раньше, вы были смущены, обезпокоены, взволнованы; счастье ваше болѣло лихорадкою, а душа, блуждая, не знала, на чемъ остановиться... Наконецъ, вы дома. Вечеръ на дворѣ, всюду тишина и мракъ... Но тамъ, у домашняго очага, тамъ сіяетъ ласковый огонекъ. Онъ свѣтитъ работѣ мастераго, художника, адвоката, писателя. Часы бѣгутъ и никто не думаетъ останавливать ихъ. Труженникъ спокоенъ и бодро стремится впередъ; здѣсь, улыбка жены, дальше, въ колыбели, ангель-хранитель бодрствуетъ надъ головою любимаго дитяти...

Лживыя удовольствія, безумная суета, губительное честолюбіе, — исчезните! Вы ничто предъ этою простою картиною.

И, однако, найдется человѣкъ, который будетъ взирать на нее съ отчаяніемъ, потому что это счастье не для него. Предъ улыбкою дѣвушки онъ обязанъ потупить взоры, ибо такая улыбка способна зажечь въ его груди мятежный огонь. Дѣти! Онъ не смѣетъ любить ихъ, потому что надо быть отцемъ, чтобы ихъ понимать.

На какомъ же основаніи вы обрекаете его на подобную казнь?

А если онъ тайно ускользнетъ отъ нея? Довольно. Не хочу я перерывать канцелярій, допрашивать статистиковъ, разоблачать свѣдѣнія полиціи.

Зачерпнувъ изъ этихъ печальныхъ источниковъ, я приобрѣту слишкомъ большія выгоды... Бѣгу отъ нихъ и приглашаю васъ, дѣятелей закона, къ строгому истолкованію его одного. (*Продолжительное волненіе*).

Каковы бы ни были ваши личныя вѣрованія, забудьте, въ этомъ храмѣ правосудія, обо всемъ, кромѣ суроваго долга, налагаемаго высокимъ званіемъ, которое носите.

Придетъ время, когда философская истина достигнетъ силы въ государствѣ и обезпечитъ не только свободу совѣсти, но и незыблемость ея выводовъ.

Пока, и дабы приготовить это свѣтлое будущее, станемъ крѣпко держаться неоцѣнимыхъ завоеваній, уже слѣданныхъ,— равенства гражданскаго и политическаго. Наша исторія не доказываетъ ли, что жалкія уступки способны лишь поколебать его. Развѣ молчать тѣ, кто надѣется вернуть страну къ вопіющимъ, невозможнымъ порядкамъ?

Стражи народа, хранители власти, наиболѣе священной, я имѣю право отмѣтить передъ вами опасенія наши, указать злобѣщіе признаки бури и воскликнуть съ поэтомъ:

О, корабль, увесутъ тебя въ море
Грозныя волны! Что дѣлаешь ты?
Въ гавань, подальше уйди!

Такимъ убѣжищемъ, гдѣ Франція, въ другія, сходныя времена, не разъ имѣла пріютъ, а великіе юристы XVI вѣка отстаивали ея независимость и народность противъ захватовъ Рима, являются права гражданъ. Они нашъ якорь спасенія и въ данный моментъ. Вы прикажете погубить его или поднять? Я, безъ страха, ожидаю рѣшенія вашей совѣсти.

Оскорбивъ Бру де Лоріера именемъ вѣроотступника, императорскій прокуроръ Бургадъ излагаетъ мнѣнія авторовъ—противниковъ женитьбы духовенства, а, въ особенности, Делангля и Дюпена, что санъ католическаго священника неустраимъ, и Корменена, что пресвитеръ не долженъ имѣть другой жены, кромѣ церкви, семьи, кромѣ всего человѣчества, и другихъ дѣтей, кромѣ нищихъ. Въ заключеніе, прокуроръ выразилъ мысль, что, безъ устной исповѣди, нѣтъ католической религіи, а предъ женатымъ священникомъ такая исповѣдь не мыслима.

8 февраля 1862 года, раньше срока, назначеннаго для прочтенія резолюціи, было объявлено слѣдующее:

— „Выслушавъ адвокатовъ и стряпчихъ обѣихъ сторонъ, а равно заключеніе прокурора и принимая во вниманіе, что голоса судей раздѣлились поровну, трибуналь въ Перигѣ опредѣляетъ: возобновить пренія, для чего назначить новое засѣданіе“.

Такимъ образомъ, дѣло слушалось второй разъ, 25 и 31 іюля 1862 года.

Бру де Лоріера защищаль Г. Ми.

Въ послѣднемъ засѣданіи, состоялось рѣшеніе:

— „Разсмотрѣвъ доказательства сторонъ и заключенія прокурора, и имѣя въ виду, что:

- a) согласно кодексу Наполеона, бракъ есть договоръ, исключительно, гражданскій и доступный всѣмъ, кромѣ объявленныхъ неспособными самимъ закономъ,

- б) поиски, въ нашихъ законахъ, запрещенія іерею жениться, тщетны,
- в) принятіе сана не лишаетъ ни званія, ни правъ гражданина,
- г) основной законъ о вѣроисповѣданіяхъ 18 жерминаля X года также умалчиваетъ по этому важному вопросу и, наконецъ,
- д) что, по соображеніямъ нравственнымъ или религіознымъ, хотя бы уважительнымъ, но законодателю чуждымъ, нельзя дополнять его волю такимъ требованіемъ, о которомъ онъ самъ упомянулъ бы, если бы считалъ необходимымъ,

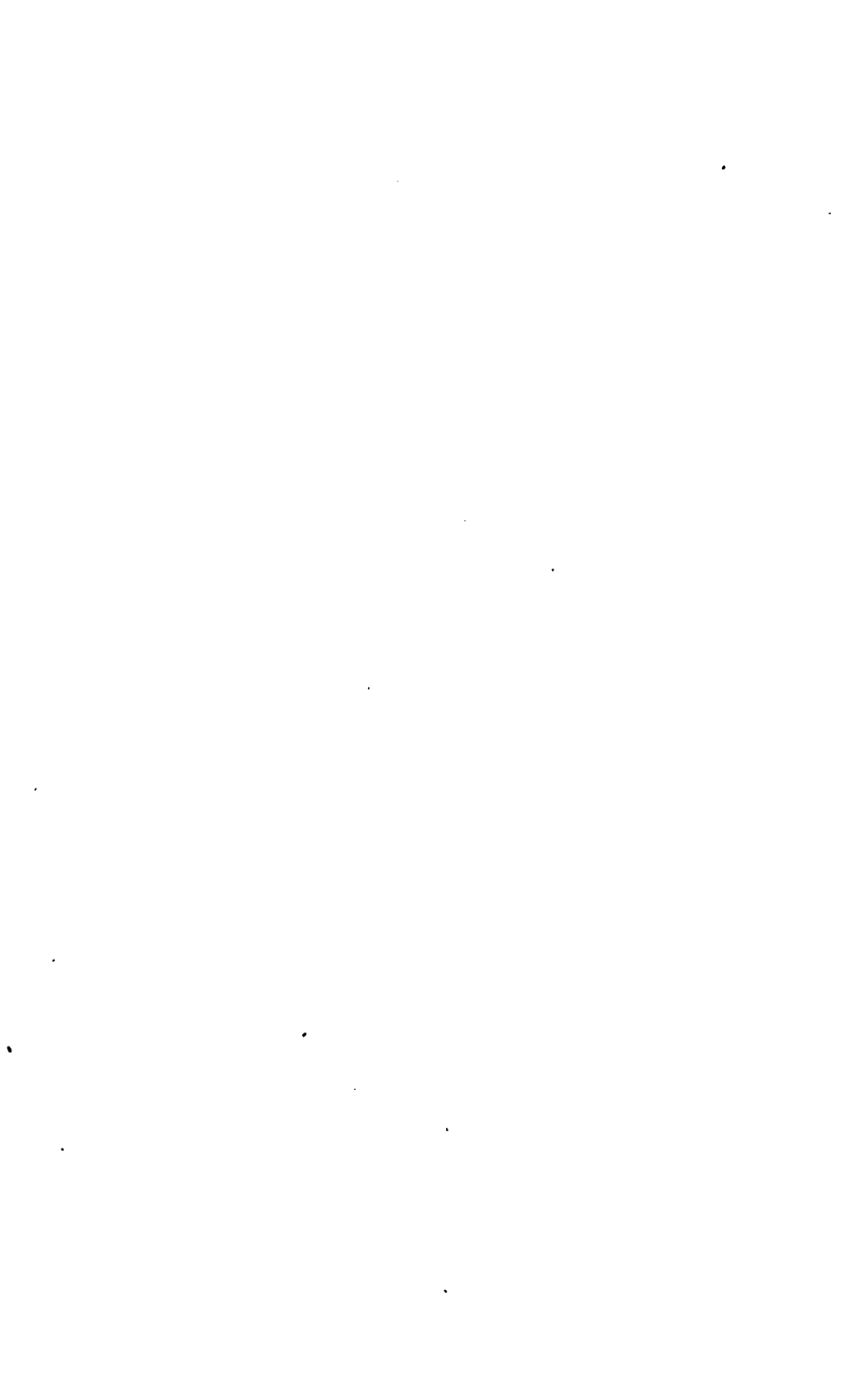
Судъ, въ отмѣну опредѣленія 8 февраля 1862 года о раздѣленіи голосовъ и въ разрѣшеніе рапорта меровъ Перигё и Сендріё, **постановляетъ:**

„I. Бракосочетаніе Бру де Лоріера и Елизаветы Фрессанжъ будетъ оглашено и совершено подлежащимъ должностнымъ лицомъ.

Независимо отъ сего,

II. Настоящее опредѣленіе должно быть занесено въ метрическія книги общинъ Перигё и Сендріё“.

ФИЛИППЪ ДЮПЕНЪ.

ДѢЛО ГЕРЦОГА ДЕКАЗА

ПРОТИВЪ

МАКЪ-ЛЕАНА,

называвшаго себя барономъ де Сенклеръ.

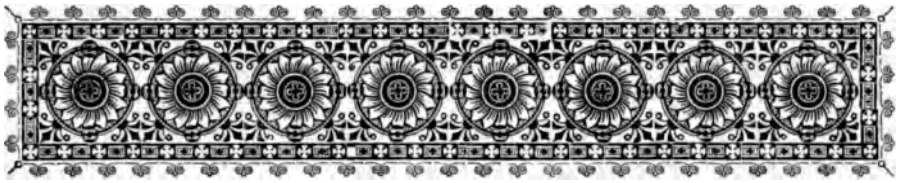
ЖАЛОБА

на оскорбленіе въ печати.

*Is est orator, qui de omni quaestione
pulchre et ornatè, et ad persuadendum
apte dicere pro dignitate rerum, ad uti-
litatem temporum, cum voluptate au-
dientium possit.*

Tacitus.

СЕНСКІЙ СУДЪ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ.

ЗАСЪДАНІЕ 30 МАРТА 1830 ГОДА.

Дѣло герцога Деказа ПРОТИВЪ МАКЪ-ЛЕАНА.

На другой день послѣ убійства герцога Беррійскаго, 14 февраля 1820 года, въ засѣданіи палаты депутатовъ, одинъ изъ нихъ, Клозель де Куссергъ, взойдя на трибуну, потребовалъ уголовного суда надъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, герцогомъ Деказомъ, какъ соучастникомъ въ преступленіи.

Это требованіе было встрѣчено криками негодованія и отвергнуто палатою немедленно. Однако, лѣтъ десять спустя, явился памфлетъ, подписанный самозваннымъ барономъ де Сенклеромъ, и возобновилъ бессмысленную клевету. Нѣкоторая разница заключалась лишь въ томъ, что, кромѣ герцога Деказа, обвинялись герцогъ де Малье, гг. Польтръ де ла Мотъ, де Клермонъ Лодѣвъ, д'Эскаръ и разныя другія лица. Всѣ они возбудили преслѣдованіе противъ автора пасквиля, за оскорбленіе ихъ въ печати.

Обвиняемый, оказавшійся вовсе не барономъ де Сенклеромъ, а какимъ то искателемъ приключеній, шотландцемъ Макъ-Леаномъ, былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ, на годъ.

Филиппъ Дюпенъ, въ защиту интересовъ герцога Деказа, произнесъ слѣдующую рѣчь:

Господа!

Итакъ, несомнѣнно, что, въ этой юдоли плача, никто не безопасенъ отъ стрѣлъ, отравленныхъ клеветою. Ни благородство

чувствъ, ни искренность намѣреній, ни безукоризненность всего жизненнаго пути, не заставятъ молчать гнусные порывы гнѣва и зависти. Есть люди, у которыхъ потребность вредить другимъ не останавливается даже предъ очевидною нелѣпостью обвиненія, ибо всегда найдутся злые языки, готовые распространять всякій вздоръ, а довърчивыхъ глупцовъ вездѣ довольно.

Во времена политическихъ смуть, клеветникъ рассчитываетъ и на то, что выгоды его партіи откроютъ новыхъ, сочувствующихъ сплетниковъ. У всякаго есть явные или тайные враги, которые создадутъ небывалыя улики или постараются возбудить подозрѣнія, завѣдомо, лживыя для нихъ самихъ.

Подслащенный ядъ позора надѣваетъ нерѣдко маску восторженной похвалы: „Кто могъ бы подумать?! Человѣкъ съ такимъ прекраснымъ положеніемъ, добрый и честный, какъ онъ могъ впасть въ столь позорное дѣяніе? Преданный имъ всею душою, развѣ онъ сталъ бы участвовать въ заговорѣ противъ своихъ благодѣтелей?... Нѣтъ, я не въ силахъ, не хочу этому вѣрить... А, между тѣмъ, всѣ говорятъ, стоустая молва растетъ неудержимо... Впрочемъ, бываютъ вещи, трудно объяснимыя!“...

Такъ издѣвается подлое лицемѣріе! Вотъ путь, которымъ идутъ и разрастаются сплетни, живо напоминая слова великаго поэта:

Своихъ змѣй ядомъ смерти вспоивъ,
Обманутымъ сердцамъ ихъ несетъ клевета!

Слѣдуетъ ли честному дѣятелю, молча, потупить взоры? Надо ли поощрять дерзость негодяевъ опасною безнаказанностью? Позволимъ ли извратить презрѣніе въ безсиліе и согласіе?

Правда, бываютъ нареканія, столь очевидно вздорныя, что ихъ нельзя не презирать; съ другой стороны, несомнѣнно, что оскорбленіе герцога Деказа и уважаемыхъ его товарищей по несчастію именно такого рода.

Тѣмъ не менѣе, должна быть граница снисходительности, а терпѣнію—предѣлъ, и есть раны, которыхъ благородное сердце не можетъ переносить, не жалуясь.

Когда Деказь стоялъ у государственнаго руля, одна изъ партій рѣшила обратить безчестное покушеніе въ оружіе, если не противъ герцога лично, то въ ущербъ его системѣ управленія и власти, которою онъ былъ облеченъ. Никто не могъ заблуждаться и не ошибся, что цѣль атаки, исключительно, политическая: ея открытый мотивъ былъ лучшимъ ея опроверженіемъ. Затѣмъ, интрига велась грубо, сама подрывая доврѣіе къ себѣ. И едва одинъ, неразумный голосъ осмѣлился искать ей под-

держки въ храмѣ законовъ, какъ былъ уничтоженъ общимъ негодованіемъ и заклеименъ эпитетомъ суровымъ, но справедливымъ.

Чего еще могъ бы требовать оскорбленный министръ, получивъ блистательное удовлетвореніе и изъ столь высокой сферы? Могъ ли онъ жаловаться, когда священная воля государя, въ свою очередь, смягчая его справедливый гнѣвъ, убѣдила его пожертвовать личнымъ спокойствіемъ миру государства?

Но, когда, со дня вопіющаго покушенія Лувеля, пронеслось надъ Франціею десять лѣтъ, когда страсти имѣли время успокоиться, а истина открыться, когда Деказь оставилъ власть, —этотъ источникъ всякой ненависти, — пусть возобновляютъ злостную клевету, съ холоднымъ расчетомъ и гораздо ядовитѣе прежней! Пусть обвиняютъ уже не за административную только систему, которой герцогъ считалъ себя обязаннымъ слѣдовать, но и въ томъ, что онъ самъ направилъ руку убійцы на королевскаго принца, которому посвятилъ свою жизнь?! Неправда ли?

Нѣтъ, такая дерзкая и наглая обида не могла рассчитывать на безнаказанность, а чѣмъ ея среда ниже и презрѣннѣе, тѣмъ скорѣе надо призвать кары закона и оградить ими свою поруганную честь!

Нельзя не порѣшить, наконецъ, съ этимъ нелѣпымъ обвиненіемъ. Путемъ опроверженія быстрого, полного и, однако, вовсе не труднаго, необходимо стереть его малѣйшіе слѣды.

Герцогъ Деказь, какъ извѣстно, началъ свою общественную дѣятельность на тѣхъ же креслахъ, гдѣ теперь засѣдаете вы, гг. судьи, и на всѣхъ должностяхъ, которыя занималъ, пользовался уваженіемъ адвокатовъ и товарищей, а, присягнувъ реставраціи, оставался ей вѣренъ неизмѣнно.

Во время „набѣга 20 марта“, онъ такъ энергично препятствовалъ захвату власти хищникомъ, что привлекъ общее вниманіе, а свидѣтелями его преданнаго и мужественнаго краснорѣчія служить самые своды этого дворца.

Изгнаніе на всѣ „Сто дней“ было ему наградою.

По возстановленіи законнаго порядка, герцогъ принялъ благородное порученіе представлять согражданъ въ палатѣ депутатовъ, а, вслѣдъ затѣмъ, по личному желанію августѣйшаго творца хартіи, справедливаго цѣнителя его службы и вѣрности, вступилъ въ министерство.

Господа! Вы не забыли, надѣюсь, каково было положеніе Франціи въ тѣ ужасные дни! Знамена враговъ развивались надъ нашими городами, ежеминутно оскорбляя наши взоры. Европа, преслѣдуемая грознымъ воспоминаніемъ о подвигахъ французовъ,

давила насъ всею тяжестью своихъ безчисленныхъ батальоновъ. Политическія страсти взволновались до дна: у иныхъ—жаждою мщенія, у другихъ—отчаяніемъ позора; здѣсь,—обманутыя надежды, тамъ,—уязвленное самолюбіе.

Для полноты картины, загорѣлись религіозныя распри, отравляя, а иногда заливая кровью борцовъ за убѣжденія.

Вотъ при какихъ условіяхъ правительство было вынуждено идти сквозь строй ненависти, ябедъ и мятежа!

Невольно, приходятъ на умъ справедливыя и увлекательныя слова Вильмена:

„Если, на пути исторіи, встрѣчаются задачи, одинаково трудныя и величественныя, преисполненныя разочарованій и опасностей, то нести обязанности министра въ достопамятныя эпохи реставрацій—именно такая задача. Тогда, законный властелинъ, воспринимая и смягчая свои права, среди преданій, едва возрождающихся, но всюду безпомощныхъ, не имѣетъ ясныхъ свѣдѣній даже о нынѣшнемъ днѣ. Тогда, по вѣрному замѣчанію Боссюэта, новая власть, каково бы ни было древне ея происхожденіе, ведетъ свое начало отъ себя самой и должна, внимательно, слѣдить за движеніемъ пружинъ, которыя едва успѣла создать. На первыхъ порахъ или при неожиданномъ развитіи свободныхъ учрежденій, окружающихъ монарха, успѣхъ, далеко не всегда, опредѣляется честнымъ трудомъ. Напротивъ, подъ тяжестью испытаній, самые благородные и умные люди изнемогали: Кларендонъ покинулъ отечество, знаменитый Боллинброкъ былъ осужденъ“.

Конечно, герцогъ Деказь не подвергался такимъ превратностямъ судьбы, но онъ долго былъ жертвою яростныхъ преслѣдованій и самой гнусной клеветы. Будь онъ человѣкъ крутой, безжалостный и мстительный, если бы всякое насиліе, застой или крайнія, такъ называемыя, спасительныя мѣры не были ему, рѣшительно, противны; если бы, наконецъ, онъ уступилъ требованіямъ партій, — ему, конечно, стали бы поклоняться даже враги.

За то Франція украсилась бы эшафотами, а тюрьмы—жертвами; сотни и тысячи семействъ осиротѣли бы, потерявъ своихъ братьевъ и отцовъ въ далекой, безнадежной ссылкѣ. И кто знаетъ, чѣмъ бы это разыгралось?....

Деказь смотрѣлъ на свою задачу не такъ. По его мнѣнію, законный властитель страны вернулся, отнюдь, не завоевателемъ и совсѣмъ не для преслѣдованія побѣжденныхъ, захвата ихъ въ плѣнъ или обогащенія себя добычей. Успокоить ненависть, раз-

сѣять опасенія, привлечь сердца благодѣяніями умѣренной администраціи и обезпечить гражданъ законами, изо дня въ день, все ближе и ближе, согласуемыми съ хартіей, вотъ первая обязанность королевскаго министра, какъ ее понималъ Деказь.

Очевидно, что преступленіе 20 марта не могло остаться безнаказаннымъ. Но герцогъ, искренно, хотѣлъ увеличить и расширить благодѣянія королевскаго милосердія; согласно съ этимъ, онъ энергически устранялъ всѣ попытки внести въ законъ о помилованіи суровыя исключенія. Власть, ниспровергнутая ураганомъ и едва возстановленная, была, конечно, вынуждена искать защиты въ чрезвычайныхъ мѣрахъ и въ законахъ, исключительныхъ; но, примѣняясь на дѣлѣ, эти крайности смягчались.

Франція освободилась отъ унижительнаго ига чужеземцевъ, а побѣдоносная Европа перестала ей угрожать. Представительный образъ правленія, проникая въ сознаніе народа все дальше и глубже, постепенно, замѣнялъ временныя ограниченія обыкновеннымъ законнымъ порядкомъ, пока дѣйствіе хартіи не было, наконецъ, возстановлено, въ полномъ объемѣ. Ее научились понимать, вѣрить и полагаться на нее. Избирательныя права были возвращены тѣмъ, кому надлежало, по основному закону. Свобода печати, — эта душа представительнаго государственнаго устройства, сбросила оковы, угнетавшія ее до тѣхъ поръ. Для всѣхъ, даже самыхъ нисшихъ слоевъ народа, открылись пути къ просвѣщенію, въ смыслѣ уразумѣнія каждымъ своихъ правъ и обязанностей. Земледѣліе возродилось, обогащаясь новыми предметами и способами хозяйства, подъ влияніемъ разумныхъ мѣропріятій власти. Искусства и промышленность были, въ свою очередь, призваны раскрыть, предъ глазами Франціи, свои богатства. Не забыты и несчастные: санитарная часть тюремъ и порядки ихъ вообще улучшены, а введеніе работъ, изгнавъ праздность, способствовало исправленію заключенныхъ; наконецъ, эти убѣжища горя и нищеты были приняты подъ августѣйшее покровительство принца, къ заботамъ котораго общественная признательность справедливо относитъ указанныя мѣропріятія.

Теперь, господа, вы знаете, какими средствами министръ того времени хотѣлъ объединить французовъ вокругъ трона.

„Засыпать омутъ революціи всепрощеніемъ, благодѣяніями и правосудіемъ“, говорилъ Деказь въ палатѣ, „таковъ былъ секретъ внука Генриха, какъ и его самого“.

Обращаясь ко всѣмъ политическимъ группамъ, герцогъ старался примирить съ хартіею: однихъ ради испытанной вѣрности коронованному ея автору, другихъ одушевлялъ любовью къ мо-

нарху, въ благодарность за обезпеченную имъ свободу. „Мы будемъ друзьями“, воскликнулъ Деказь, съ чувствомъ, „все равно: придете ли вы къ королю, чрезъ хартію, или къ хартіи, во имя короля!“

Излагая мотивы своей дѣятельности, онъ сказалъ:

„Въ чемъ же заключалась основная идея моихъ распоряженій, такъ строго порицаемыхъ? Воспитать въ народѣ монархическія убѣжденія, а королевскій престоль одухотворить народными идеалами! Памятуя слова, произнесенныя августѣйшими устами, что король не можетъ относиться къ одной части народа иначе, чѣмъ къ другой, что ему чужда двойственность правосудія и что основы администраціи должны быть одинаковы для всѣхъ, министерство поставило себѣ цѣлью осуществить эти предначертанія государя. Охраняя собственность и вообще права, пріобрѣтенныя ранѣе, соблюдая равенство передъ закономъ и забывая прошлое, мы старались примирить враждующихъ, оградить свободу, дарованную хартіей, создать уваженіе къ власти и тѣмъ пріобрѣсти ей народную любовь“.

Такимъ образомъ, герцога избралъ своимъ девизомъ прекрасныя слова одного изъ нашихъ принцевъ: „Единодушіе и забвеніе!“ Его рѣчи были только развитіемъ этого принципа, а истолкованіемъ и дополненіемъ служила вся его жизнь, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Исповѣдуя такое міросозерцаніе, онъ не могъ не водрузить своего знамени среди радикальныхъ убѣжденій и не собрать, вокругъ себя, этой слабой и, повидимому, ничтожной партіи, которая, однако, если вѣрить уважаемому депутату, представляла цѣлый народъ.

Ошибался ли министръ, рассчитывая подобными средствами удержать равновѣсіе, въ самый разгаръ политической борьбы; защищать, попеременно, то власть, то свободу, смотря, кто подвергался опасности, и, уважая всѣ права, неся всѣ обязанности, идти на помощь: сегодня гражданамъ, а завтра правительству?

Вопросъ, для меня безразличный; но я долженъ замѣтить, что надъ этою системою глумились больше, чѣмъ понимали ее, и что послѣ Деказа, возвращались именно къ ней, не разъ.

Герцогъ, съ своей стороны, отдаетъ ее на судъ потомства! Исторія скажетъ: найденъ ли его преемниками лучший путь, чье управленіе справедливѣе и законнѣе, и кто принесъ Франціи больше счастья и свободы?

Но, какова бы ни была система, разъ министръ сталъ внѣ

партій, онъ теряетъ ихъ поддержку; на оборотъ,—дѣлается предметомъ атаки.

Неизбѣжно, силою вещей, она возбуждаетъ тѣхъ, противъ кого направлена.

Вотъ гдѣ причина всевозможныхъ, не рѣдко исключаящихъ другъ друга упрековъ, которыми преслѣдовали Деказа. Одни обвиняли его въ крайнемъ свободомысліи, другіе жаловались, что онъ плохо служитъ дѣлу свободы. Нашелся и такой враждебный лагерь, который не могъ простить ему даже повелѣнія отъ 5 сентября, хотя, установивъ неприкосновенность хартіи, оно явилось какъ бы вторымъ ея обнародованіемъ, не больше. Обвинители не хотѣли знать, что повелѣніе, служа залогомъ мира и отказомъ короля отъ чрезвычайныхъ мѣръ, обезпечивало права гражданъ, такъ долго и безразсудно колеблемыя. Забывая, что новый законъ подписанъ другимъ министромъ, всю вину обратили на министра полиціи; но упрекъ былъ слишкомъ почетенъ, чтобы стоило возражать.

Избравъ герцога мишенью, оппозиція совсѣмъ ушла въ эту парламентскую войну и рискнула, наконецъ, заподозрить самую чистоту его намѣреній. Оскорбленный до глубины души, онъ, все таки, не нарушилъ конституціонной свободы слова и прежде всего не хотѣлъ, чтобы, изъ за личной ему обиды, пострадалъ писатель. Къ сожалѣнію, министръ не зналъ еще, въ какую бездну мрака и ярости бросаютъ нѣкоторыхъ людей расчеты партій.

Этотъ опытъ принесъ ему много горя!

Въ 1820 году, Франція была объята ужасомъ вопіющаго злодѣянія, противнаго нашимъ нравамъ и невѣроятнаго, казалось, въ наши дни: наслѣдникъ престола палъ подъ кинжаломъ убійцы! Въ засѣданіи 14 февраля, т. е. на слѣдующій за кровавымъ событіемъ день, когда сердца всѣхъ трепетали отъ горя, одинъ изъ депутатовъ произноситъ такія чудовищныя слова: „Я предлагаю палатѣ привлечь къ уголовному суду г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, за соучастіе въ убійствѣ его высочества, герцога Беррійскаго, и требую открыть пренія, по этому вопросу, немедленно“.

Столь неожиданный вызовъ былъ встрѣченъ негодованіемъ, котораго заслуживалъ. „Грозное волненіе, мгновенно, подымается среди всѣхъ партій палаты“,— говоритъ Мониторъ, „и раздражается общими криками: *„Изъ порядку! къ порядку!“* Покинутый собственными друзьями, ораторъ вынужденъ уйти съ трибуны.

А если, нѣсколько минутъ позже, одинъ изъ рьяныхъ вожа-

ковъ этой партіи подымается вновь, то уже не съ цѣлью обвинять министра, а развѣ для того, чтобы, по своему обычаю, предложить, отталкивающимъ голосомъ,— „крайнія, энергическія мѣры“ противъ свободы печати и дерзкихъ авторовъ, „подстрекаемыхъ безнаказанностью“.

На другой день, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, уважаемый депутатъ, графъ Сенкрикъ, дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

„Господа! Вчера, въ моментъ произнесенія нашимъ почтеннымъ товарищемъ тѣхъ странныхъ словъ, которыя занесены въ протоколъ, я не былъ здѣсь и не могъ выразить глубокаго сожалѣнія о такомъ образѣ дѣйствій, когда ко всенародной печали примѣшиваются личную злобу, ненависть и, какъ ни горько сказать это, позорную клевету. Я не сомнѣваюсь, однако, что пріемъ, встрѣченный подобными словами, единодушное негодованіе палаты и собственныя его размышленія указали оратору, съ полною очевидностію, что, потрясенный злодѣянствомъ, онъ, въ болѣзненномъ порывѣ души, унижилъ и наше достоинство, и свою личную честь“.

Графъ Сенкрикъ проситъ занести свое заявленіе въ протоколъ.

Г. де Кастельбажакъ спѣшитъ обратить вниманіе, что въ протоколѣ уже есть то, чѣмъ его хотятъ дополнить. „Тамъ значится“, говоритъ онъ, что „палата выразила Клозелю де Куссергу неодобреніе“. Еще нѣсколько депутатовъ пользуются правомъ слова, не во имя защиты де Куссерга или его требованія, а для введенія общаго правила, что протоколъ долженъ удостовѣрять лишь фактъ принятія или устраненія даннаго проэкта, а не ощущенія, испытанныя кѣмъ либо по этому поводу.

Тогда, въ благородномъ волненіи, бросается на трибуну челоуѣкъ, счастливый довѣріемъ монарха, въ свою очередь, переживающій, какъ сладость, такъ и горечь власти, и, отказываясь допустить въ протоколѣ смягченіе происшедшаго, требуетъ, чтобы, вмѣсто словъ: „палата отнеслась съ неодобреніемъ“, было сказано: „палата выразила негодованіе“.

— „Нѣтъ, господа!“ воскликнулъ онъ: „Даже эти слова, рисуя картину нравственнаго потрясенія, взволновавшаго насъ вчера, далеко не исчерпываютъ факта. Какъ! Въ тотъ самый моментъ, когда вы, съ ужасомъ въ сердцахъ и скорбью на челѣ, едва успѣли выслушать сообщеніе отъ имени Его Величества о кровавомъ преступленіи; когда отпеубійца нанесъ ударъ наслѣднику королей, когда раны еще сочатся кровью, а злодѣяніе и жертва, такъ сказать, предъ вашими глазами,—одинъ изъ товарищей вашихъ является съ доносомъ на министра Его Величества, какъ на соучастника въ преступленіи! Гдѣ цѣль участія? Нѣтъ ея. Каковъ источникъ доноса? Ненависть. Дѣйствительно; вы не видите и не откроете, въ этой поразительной угрозѣ, ничего, кромѣ личной мести и партійной вражды, которыхъ причина и цѣль были неоднократно обнаруживаемы и разъясняемы передъ вами. Не смѣть доносчику этого упрека никогда! Гдѣ

факты? На нихъ даже не ссылаются. Въ замѣнъ доказательствъ или, по крайней мѣрѣ, вѣроятныхъ соображеній, мы видимъ только гнѣвъ, дерзость и предумышленный скандалъ!“

„Обвинять, безъ основаній и вопреки здравому разумѣнью, министра, который говоритъ отъ имени короля, вовсе не значить позорить одного министра. Оскорбленіе наносится всей палатѣ, когда ея стѣны избираются притономъ разврата гнусныхъ страстей!“

„Если г. Клозель де Куссергъ серьезно желаетъ предъявить и доказать свое обвиненіе, онъ обязанъ взять его отсюда и направить въ узаконенномъ порядкѣ. Пока этого не сдѣлано, всѣ его увѣренія должны быть разсматриваемы не иначе, какъ грубая и наглая клевета!“

Увы! Г. Клозель, съ жалкою смѣлостью, настаивалъ на своемъ. Отвергнувъ, какъ возможность ошибки, такъ и объясненіе ее первымъ впечатлѣніемъ горя, постигшаго отечество, онъ объявилъ, что намѣренъ преслѣдовать Деказа по закону.

Въ этотъ моментъ, раздается голосъ, талантовъ и добродѣтелями пріобрѣвшій общее уваженіе, и произноситъ, въ заключеніе преній, слѣдующія незабвенныя слова:

— „Принимая во вниманіе, что г. де Куссергъ не согласенъ объяснить вчерашнюю выходку увлеченіемъ справедливой печали и не хочетъ, чтобы мы сегодня вѣрили этому извиняющему обстоятельству; принимая во вниманіе, что онъ, упорно, домогается резолюціи палаты по своему заявленію, и имѣя, наконецъ, въ виду, что все это можетъ служить развѣ памятникомъ его безумія,—я не возражаю противъ занесенія въ протоколъ предложенія Клозеля и всего, что о немъ было сказано. Себя я ограничиваю требованіемъ, чтобы въ протоколѣ значился и мой отвѣтъ. Онъ не длиненъ, ибо я скажу только: *Вы клеветникъ!*“

(Глубокая тишина царствуетъ среди депутатовъ).

Палата и Франція утвердили этотъ приговоръ.

Что же сдѣлалъ Клозель де Куссергъ?

Онъ не счумѣлъ ни отречься отъ доноса, ни поддержать его, а написалъ пасквиль, куда излилъ свою желчь, доказавъ еще разъ слѣпоту и безсиліе злобы.

Такимъ образомъ, правду говорили, что „его голосъ обвинялъ Деказа, не оскорбляя; преслѣдовалъ, не настигая; клеймилъ, не приводя фактовъ, и надоѣдалъ, не причиняя вреда“.

Всякій другой, на мѣстѣ Деказа, издѣваясь надъ врагами, старался бы, во имя личнаго самолюбія, удержать власть. Онъ поступилъ наоборотъ и оставилъ ее въ то именно время, когда безсильный гнѣвъ свирѣпствовалъ противъ него съ наибольшою яростью.

Утверждаю, что онъ самъ рѣшилъ этотъ вопросъ, ибо король вѣрилъ ему безусловно, называя себя его другомъ и отцомъ. „Я подчинился вашимъ доводамъ,“ писалъ монархъ, а, чтобы открыто засвидѣтельствовать свои чувства, назначилъ Деказа посломъ при

одной изъ великихъ державъ и возвелъ въ достоинство герцога.

Изысканная вѣжливость Людовика XVIII стремилась, повидимому, уничтожить гнусное обвиненіе самыми мотивами пожалованія: „Желая открыто засвидѣтельствовать графу Деказу (изложено въ граматѣ), что мы довольны его службою, усердіемъ и вѣрностью, обнаруженною при весьма трудныхъ обстоятельствахъ, и въ награду за его преданность нашей особѣ и нашему семейству,—повелѣваемъ“... и т. д. *.

Благосклонность короля, отнюдь, не ограничилась этимъ: когда рожденіе герцога Бордосскаго обрадовало Францію извѣстіемъ, что герцогъ Беррійскій явился вновь на свѣтъ, въ лицѣ своего сына, Деказь, хотя отсутствовалъ, не былъ забытъ при раздачѣ милостей по поводу этого счастливаго событія; напротивъ, онъ получилъ важную придворную должность. Каковъ отвѣтъ! Развѣ такъ отнеслись бы, при рожденіи сына, къ соучастнику убійства отца?!

Оставаясь посломъ до паденія министерства Ришелье, Деказь, какъ человѣкъ прямой, вышелъ въ отставку, едва замѣтилъ невозможность сохранить добрыя отношенія съ новою администраціею. Все дальнѣйшее время онъ посвящалъ благороднымъ обязанностямъ своего званія пэра или полезнымъ трудамъ въ области сельскаго хозяйства. Подаривъ родинѣ многія благодѣтельныя учрежденія, онъ, не разъ и не безъ успѣха, возвышалъ свой голосъ въ защиту нашихъ правъ и свободы, а, главнымъ образомъ, поработалъ при изданіи новыхъ законовъ, гарантирующихъ каждому обвиняемому безпристрастный судъ присяжныхъ, и—объ устранинн подлоговъ при выборахъ.

Такова жизнь, которую лицемѣрие и клевета покушались осквернить своимъ зловоннымъ дыханіемъ. Вотъ противъ кого повторяютъ доносъ, опозоренный при самомъ зачатіи своемъ!

Мало этого. Оскорбляютъ, кромѣ Деказа, рядъ другихъ людей, въ свою очередь, испытанной вѣрности, славныхъ заслугами отечеству и свободныхъ отъ малѣйшаго подозрѣнія. Печальный урокъ! Онъ доказываетъ еще разъ, что сплетни проникаютъ всюду и грозятъ даже тѣмъ, кого еще не успѣли коснуться.

Чей же голосъ раздается такъ громко? Откуда явился этотъ запоздалый обвинитель? Чего онъ хочетъ, какую цѣль преслѣдуетъ? Гдѣ его доказательства, гдѣ свидѣтели?

Посмотримъ.

Важнѣе всего знать, кто обвиняетъ. Человѣкъ ли, за котораго

* „Жизнеописанія современниковъ“.

говорять его личныя доблести и словамъ котораго его прошлая жизнь даетъ силу и обязываетъ вѣрить? Правду ли утверждаетъ пасквиль, что его авторъ— французскій дворянинъ, прославившійся самоотверженіемъ въ дни испытаній, заслуженный военный, на поляхъ битвъ завоевавшій себѣ высокій чинъ и почетные ордена?

— Нѣтъ, это шотландскій дезертиръ!

Будучи избитъ за какую то грязную продѣлку, онъ нагло донесъ правительству, что свои позорныя раны получилъ въ пылу сраженій и такую ложью добился завиднаго отличія,—награды за кровь храбрыхъ. Впрочемъ, ордена не помѣшали ему попасть, на родинѣ, въ списокъ негодяевъ и мошенниковъ. Явившись къ намъ, чтобы скрыть свой позоръ и избѣжать наказанія, онъ и здѣсь успѣлъ подвергнуться уголовному возмездію за присвоеніе орденовъ, которымъ, отнюдь, не слѣдовало блистать на его груди.

Вообще говоря, это человѣкъ, не задумывающійся ни надъ чѣмъ. Даже его имя чужое: онъ Макъ-Леанъ, а не Сенклеръ.

Въ этомъ отношеніи, доказательства изобилуютъ на столько, что ихъ довольно упомянуть. Будучи на памяти у всѣхъ, они, въ равной мѣрѣ, гнетутъ подсудимаго и массою, и очевидностью.

Шотландца Макъ-Леана признали въ обвиняемомъ здѣсь, на судѣ, многіе англійскіе офицеры, равно безпристрастные, равно чуждые обѣимъ въ дѣлѣ сторонамъ. Не имѣя личныхъ цѣлей или вражды, они руководились единственнымъ желаніемъ открыть истину и помочь правосудію. Встрѣчая обвиняемаго то въ Португалии, то на островѣ Уайтѣ, нѣкоторые знаютъ о тяготѣющихъ на немъ подозрѣніяхъ, другіе не хотятъ знать, но всѣ, единогласно, удостовѣряютъ его самоличность.

Тѣмъ не менѣе, есть свидѣтель, еще болѣе важный, какъ по его личному характеру, такъ и по существу и оттѣнкамъ его показаній,—графъ де Ноэ.

Можетъ быть, слишкомъ часто порицая Деказа, какъ министра, этотъ благородный пэръ едва ли заслуживаетъ упрека въ любезности къ нему. Однако, видя, что герцогъ оклеветанъ невинно, графъ, какъ честный человѣкъ, не рѣшился умолчать объ истинѣ. Вотъ почему мы узнали, что онъ видѣлъ Макъ-Леана въ Индіи и помнить, при какихъ постыдныхъ условіяхъ обвиняемому переломили тамъ руку, ударомъ палки. Встрѣтившись снова, на островѣ Уайтѣ, графъ познакомилъ его съ какимъ то англійскимъ маіоромъ. Вскорѣ, Макъ-Леанъ женился, обманувъ, разумѣется, цѣлую семью и заставивъ ее горько сожалѣть объ этомъ бракѣ. Рассказывая далѣе, графъ упомянулъ о другихъ плутняхъ этого господина, а также о фактахъ его побѣга изъ военной службы и

занесенія въ списокъ дезертировъ и воровъ. Послѣ реставраціи, они увидѣлись, еще разъ, во Франціи. Съ негодованіемъ, замѣтивъ на Макъ-Леанѣ орденъ, де Ноэ вынудилъ его избѣгать своего присутствія и даже скрыться изъ общества, гдѣ онъ попался ему на глаза.

Въ доказательство своихъ словъ, графъ представилъ брачный контрактъ Макъ-Леана и описаніе его примѣтъ по указателю англійской арміи. Что это описаніе относится къ подсудимому, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Вообще, господа, вы, вѣроятно, усвоили замѣчательныя подробности показанія де Ноэ. Оно дышетъ искренностью, убѣжденіемъ и тою духовною чистотою, для которой всякая подлость невыносима, а ложь оскорбительна, и которая не умѣетъ извращать правды.

Однако, если это возможно, дальнѣйшая улика говоритъ противъ подсудимаго еще громче.

Все время, пока графъ де Ноэ преслѣдовалъ его своими безпощадными воспоминаніями, Макъ-Леанъ велъ себя, до крайности, унижительно и безчестно. Онъ, очевидно, изнемогалъ подъ грозною тяжестью истины, ничего не рѣшаясь пробормотать, въ свое извиненіе. Допустить, что онъ нарочно откладывалъ возраженія до судебныхъ преній, возлагая на своего защитника заботу отвѣчать, нельзя, такъ какъ не нашлось никого, чья совѣсть не отшатнулась бы отъ подобной защиты.

Да и, наконецъ, что же это такое?

Баронъ де Сенклеръ, кавалерійскій полковникъ, благородный рыцарь, украшенный знаками доблести! У васъ оспариваютъ имя, званіе, заслуги, раны, орденъ, а вы молчите? Ваша кровь не кипитъ въ жилахъ? Крикъ горя и негодованія не вырывается изъ вашей груди? Вы даже не знаете ни одного изъ тѣхъ стenanій сердца, выслушать которыя поруганная добродѣтель умѣетъ всегда заставить и которыя чаруютъ душу слушателей!

О, мнѣ не надо иныхъ доказательствъ вашей низости!

А, между тѣмъ, ихъ больше, чѣмъ требуется.

Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь, милостивые государи, къ этому шотландскому выговору; развѣ онъ не свидѣтельствуетъ объ иностранномъ происхожденіи? Прочитайте, въ актахъ слѣдствія, показанія Макъ-Леана; развѣ ихъ правописаніе и обороты рѣчи принадлежать нашему, а не другому языку? Вспомните увертки подсудимаго о времени его рожденія, которое онъ относитъ то къ 1780, то къ 1782, то къ 1793 году, и сравните съ его противорѣчіями,—вѣрною уликою лжи, о вещахъ, забываемыхъ:

о номерѣ полка, въ которомъ служилъ, о мѣстахъ, гдѣ проживалъ, и о времени этихъ событій.

Далѣе. Макъ-Леанъ не можетъ представить ни метрическаго свидѣтельства о своемъ рожденіи, ни другихъ данныхъ. Онъ и не пробуетъ ссылаться на какой либо семейный документъ, отрывокъ переписки или удостовѣреніе родственника.

За то, воспользовавшись обыденными слабостями и добротою людей, онъ, частью обманомъ, частью назойливыми просьбами, досталъ бумаги, которыя не замедлилъ принести вамъ.

Но и это оружіе ему измѣняетъ, обращаясь противъ него самого.

Если рѣчь идетъ объ удостовѣреніи принца де Рогана, что Макъ-Леанъ служилъ въ егерскомъ его имени полку, то принцъ заявилъ, что его обманули, отнеся къ незапамятному прошлому фактъ, котораго въ дѣйствительности не было.

Когда говорятъ объ аттестатѣ, данномъ маркизомъ д'Экквилли, не слѣдуетъ забывать, что, по словамъ маркиза, этотъ документъ имѣлъ цѣлью отдать справедливость заслугамъ другаго и что подсудимый его присвоилъ путемъ мошенническаго подлога въ имени и лицѣ. Наконецъ, адмиралъ Сидней Смитъ объяснилъ, на судѣ, какими средствами принудили его подписать актъ о событіяхъ, наличности которыхъ онъ вѣрилъ, хотя зналъ о нихъ только изъ донесеній самого Макъ-Леана.

Остается удостовѣреніе герцога Шартрскаго.

Къ несчастію, этотъ благородный человѣкъ умеръ; иначе, безъ сомнѣнія, открылся бы еще одинъ подлогъ.

Итакъ, господа, мы можемъ себя поздравить: тотъ, кто совершилъ грязное дѣяніе, вамъ обжалованное,—не французъ. Повторяю,—это иностранецъ, который, прежде, чѣмъ оскорбить пасквиломъ насъ, открылъ свои похождения на родинѣ побѣгомъ изъ военной службы и мошенничествомъ.

Узнавъ клеветника, посмотримъ, въ чемъ заключается самый пасквиль. Онъ достоинъ своего автора.

Предшественники Макъ-Леана, Клозель де Куссергъ и „Бѣлое Знамя“, старались приурочить Деказа къ преступленію Лувеля не какъ прямого и непосредственнаго соучастника, а за направленіе, данное герцогомъ общественному мнѣнію, и за недостатокъ осторожности, яко бы обнаруженный полиціею въ роковой день 13 февраля 1820 года.

Макъ-Леанъ этимъ не доволенъ. Онъ обвиняетъ министра въ прямомъ, матеріальномъ соучастіи. Онъ смѣетъ увѣрять, что именно Деказъ, герцогъ де Майлье, Польша де ла Мотъ и другіе,

нынѣ жалующіеся, вооруживъ руку Лувеля, толкнули его на отвратительное злодѣяніе.

Отвѣтимъ немногими словами. Задача, вовсе нетрудная.

О направленіи общественнаго мнѣнія мы уже говорили. Успокоить ненависть, погасить раздоры, сблизить и, по возможности, примирить партіи, обратить гражданъ къ королю чрезъ хартію, а къ хартіи во имя короля, создать любовь къ династіи Бурбоновъ и благодѣяніями умѣренной администраціи привлечь къ нимъ сердца, такова была постоянная цѣль Деказа, какъ министра. Допуская, что надежда слить всѣхъ въ одно цѣлое несбыточна, нельзя, однако, не признать благородства въ самой ошибкѣ герцога, ибо она, конечно, стремилась потушить, а не воспламенить политическія страсти.

Слѣдствіе, произведенное палатою пэровъ, въ свою очередь, удостоивъило, что ярость Лувеля разгорѣлась, отнюдь, не подъ влияніемъ государственныхъ ученій, появившихся въ тѣ времена; у него не нашли ни одной книги или брошюры по этимъ вопросамъ и даже, ни одной газеты. Мрачное помѣшательство на предметѣ, созданномъ его фантазією, и болѣзненная нелюдность характера,—вотъ условія, среди которыхъ родилось преступленіе, а безпросвѣтная тьма уединенія — сфера, гдѣ оно созрѣло. Лувель не могъ указать, безусловно, ни одного мотива, кромѣ невыносимаго сознанія, что королевское семейство вернулось къ намъ въ свитѣ иностранца.

По его словамъ, эта бессмысленная причина ненависти, будучи скрывается въ глубинѣ души, угнетала его разумъ, потрясала воображеніе и натравливала на убійство.

На какомъ же основаніи приписываютъ эту человѣконенавистную манію тогдашней администраціи? Что общаго между ними? Кому могло придти въ голову, что сердце темнаго подмастерья-сѣдельника грызутъ такіе страшные замыслы? Кто отыскалъ бы средство уничтожить его галлюцинаціи, разсѣять кровожадные софизмы?

А между тѣмъ, министръ, котораго столь безразсудно обвиняютъ въ подстрекательствѣ, умолчалъ объ одномъ фактѣ, исключавшемъ тяжелое впечатлѣніе подобной клеветы. Этотъ, по видимому, безразличный, а, въ сущности, очень важный фактъ занесенъ въ протоколы слѣдствія палаты пэровъ и мнѣ, конечно, позволяютъ на него указать.

По распоряженію герцога Деказа, въ теченіи пяти лѣтъ, составлялся и въ 60,000 экземпляровъ, ежегодно, печатался, народный альманахъ (такъ называемый, — Матвѣя Лаёнсберга). Здѣсь,

помѣщались портреты короля и принцевъ, стихотворенія въ честь ихъ, увлекательные разсказы, счастливыя мысли и отдѣльныя слова, полныя изящества и душевной теплоты. Все это искусно преслѣдовало одну цѣль: завоевать королевскому дому народныя симпатіи.

Принцъ, умерщвленный Лувелемъ, не былъ забытъ. Среди другихъ его заслугъ, въ альманахѣ упоминалось о трогательномъ благородствѣ въ отказѣ герцога Беррійскаго отъ 500,000 франковъ, ассигнованныхъ палатами на увеличеніе его средствъ, въ славную эпоху его жейитьбы, и о томъ, что, по желанію принца, эту суммою были облегчены подати департаментовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ невзгодъ войны.

Предлагая королю отнести расходы по изданію альманаха на бюджетъ полиціи, министръ, между прочимъ, сказалъ: „Пусть у меня будетъ нѣсколькими шпіонами меньше, но этимъ путемъ я думаю лучше послужить Вашему Величеству!“

Увы, какъ мало потребовалось, чтобы, даже у такой предусмотрительности, отнять всякое значеніе!

Альманахъ нашли у Лувеля (протоколъ обыска и докладъ, представленный палатѣ пэровъ).

Когда спросили, неужели онъ совсѣмъ не читалъ страницъ, относящихся къ августѣйшей жертвѣ его злодѣйства, онъ отвѣчалъ, что, замѣтивъ книгу въ Палероялѣ и развернувъ ее именно на этомъ мѣстѣ, сказалъ себѣ: „ужъ не ошибаюсь ли я, подготавливая кровавое преступленіе, если они такъ добры?“ Затѣмъ, онъ купилъ сочиненіе, принесъ домой, прочиталъ и... сталъ колебаться еще больше; но укрѣпилъ свой отцеубійственный замыселъ доводомъ, что „тѣмъ не менѣе, они явились къ намъ съ иностранцами“.

Слѣдовательно, роковой ударъ едва не былъ отвращенъ тѣмъ самымъ министромъ, котораго обвиняють, что именно онъ его направилъ.

Мѣропріятія герцога, неуклонно, стремились пріобрѣсти августѣйшей семьѣ, царствующей надъ Франціей, искреннюю любовь, а въ нихъ видятъ передачу кивжала злодѣю, который нанесъ этой семьѣ такую жестокою рану!

Подобная ошибка, среди первыхъ ужасовъ горя, понятна: „печаль несправедлива“!... Но, когда пришло время спокойнаго анализа, развѣ истина все таки безсильна разсѣять туманъ предубѣжденій? Неужели опять померкнетъ яркій свѣтъ ея?...

Обращаясь къ упрекамъ въ нерадѣніи и неосторожности, я

долженъ сказать, что, будь они основательны, Деказа угнетали бы горькія сожалѣнія, почти угрызения совѣсти.

Къ счастью, мы располагаемъ фактами, способными отвергнуть и эти упреки; а, чтобы дать непререкаемость фактамъ, почерпнемъ ихъ изъ источника, вполне достовѣрнаго.

Вотъ что, по данному вопросу, говорилъ въ палатѣ пэровъ докладчикъ слѣдственной комиссіи:

„Мы обязаны указать вамъ, господа, какія предосторожности были приняты, въ злополучный день, у зданія оперы. Тамъ, прежде всего, находился взводъ королевской гвардіи изъ 19 человекъ; пять рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ занимали караулъ внизу ложи принца, противъ кареты его высочества; здѣсь же, оставался, цѣлый вечеръ неотлучно, гвардейскій офицеръ, флигель-адъютантъ“.

„Хотя обыкновенный жандармскій постъ опредѣленъ въ 20 человекъ и хотя 13 февраля 1820 года пришлось въ такой день, когда надлежало охранять порядокъ болѣе, чѣмъ въ сорока театрахъ, балахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе, большой съездъ, неизбѣжный и въ оперѣ, требовалъ усиленія здѣсь военнаго караула до тридцати двухъ человекъ. Посему его образовали: командиръ, два адъютанта, три субалтернъ-офицера, шесть конныхъ и двадцать пѣшихъ жандармовъ. Кроме того, имѣлись на лице: восемь городовыхъ, участковый приставъ, офицеръ сыскной полиціи, прикомандированный къ министру внутреннихъ дѣлъ; другой такой же офицеръ, находившійся въ распоряженіи префекта, и пять полицейскихъ надзирателей. Девятый полицейскій офицеръ, объѣзжая разныя зрѣлища, прибылъ сюда, около десяти часовъ вечера, въ свою очередь, съ цѣлью узнать, не случилось ли внутри или снаружи опернаго зданія чего нибудь, достойнаго вниманія начальства“.

Изложивъ въ обвинительномъ актѣ тѣ же подробности, прокуроръ судебной палаты Белларъ отгѣнилъ ихъ слѣдующимъ важнымъ замѣчаніемъ: „Ясно, что надзоръ былъ организованъ съ болѣе большимъ усердіемъ, чѣмъ всегда“.

Стало быть, принятыя мѣры удовлетворяли требованіямъ, наблюдательные посты казались достаточно многочисленными, а вооруженная сила—внушительной.

Ежедневно, раньше, и даже въ самый день кончины, герцогъ Беррійскій, отвергая блескъ могущества, столь присущій его царственному сану, гулялъ одинъ, безъ охраны, по улицамъ и бульварамъ столицы. Онъ не переставалъ жаловаться, что, въ этихъ случаяхъ, за нимъ слѣдятъ тайные агенты, призванные бодрствовать надъ его жизнью, но своимъ присутствіемъ возмущавшіе его благородное, довѣрчивое сердце.

Въ виду этого, кто смѣлъ бы подумать, что отцеубійственная рука поразитъ герцога смертельнымъ ударомъ именно въ пунктѣ, окруженномъ столькими видами надзора и охраны, среди гвардіи принца и его вѣрныхъ слугъ?

Но, если, вопреки всему, тяжкое злодѣяніе совершилось, — нельзя ли было уменьшить его вѣроятность, увеличивъ полицей-

скій и военный эскортъ? Нѣтъ, нельзя; ибо, на незначительномъ пространствѣ кроваваго событія, могъ помѣститься только одинъ часовой, а посылать городовыхъ туда, гдѣ уже стоитъ войско, безцѣльно.

Съ другой стороны, полицейскій агентъ, конечно, не могъ внушить большаго страха, чѣмъ гвардеецъ, который не успѣлъ, однако, отворотить нападеніе свирѣпаго чудовища.

Тогда, скажутъ мнѣ, слѣдовало образовать изъ гвардіи живую изгородь и чѣмъ гуще, тѣмъ лучше.

Отвѣчаю, руководствуясь источниками, на которыхъ основано все, предыдущее, т. е. докладомъ слѣдственной комиссіи и обвинительнымъ актомъ, представленными палатѣ пэровъ.

„Герцогъ Беррійскій (по словамъ доклада) давно запретилъ гвардейскому конвою строиться съ оружіемъ въ рукахъ по обѣимъ сторонамъ кареты, при отъѣздѣ и пріѣздѣ его высочества“.

„Дѣйствительно, такое построеніе преграждало движеніе публики и могло казаться стѣснительнымъ. Но оно исключало нескромное любопытство и всякое покушеніе на жизнь принца. Эта предосторожность -- единственное, къ сожалѣнію, средство защиты коронованнаго лица отъ кивжала изверга, который раньше рѣшилъ умереть, лишь бы ниспровергнуть свою жертву“.

„Какъ бы тамъ ни было, надо признать, господа, что, за исключеніемъ упомянутой, всѣ остальные мѣры безопасности, подсказанныя благоразуміемъ, были приняты“.

„Увы! Почести воинскія и разныя предосторожности надѣлали герцогу Беррійскому; онъ видѣлъ въ нихъ лишь выраженіе недовѣрія, противнаго его чистой душѣ; исполненный любви къ намъ, онъ думалъ создать такія же чувства во всѣхъ сердцахъ. Слѣдуя примѣру своего августѣйшаго предка, онъ любилъ быть окруженнымъ и незамѣченнымъ толпою, хотя и не искалъ случая блеснуть искреннею симпатіею, которая, неудержимо, влекла его къ французскому народу“.

(Стр. 6 и 7).

Прокуроръ, въ свою очередь, удостовѣрилъ предъ верховнымъ судомъ, что убѣжденія принца были именно таковы.

„Сколько ни старались смягчить отвращеніе принца къ гарантіямъ его собственной безопасности, все тщетно. „Не надо предосторожностей“, говорилъ онъ, „противъ народа, котораго любишь и уважаешь!“

„Вотъ почему гвардейцы, въ моментъ покушенія, оставались въ передней театра, а у кареты, для отданія чести, находился только одинъ часовой“.

Станутъ ли утверждать вновь, какъ инсинуировала слѣпая ненависть прежде, что экипажи, разставленные по улицѣ Рамо, облегчили Лувелю возможность спрятаться и настигнуть жертву, и что ихъ слѣдовало удалить?

Мы сейчасъ увидимъ, что и такой упрекъ не относится къ полиціи. Обратимся къ Беллару.

„Едва герцогъ и герцогиня Беррійскіе вышли изъ кареты, какъ былъ громко отданъ приказъ кучерамъ вернуться къ подъѣзду въ одиннадцать часовъ безъ

четверти. Согласно этому, въ половинѣ одиннадцатаго, кареты уже стояли на улицѣ Рамо“.

„Невдалекѣ, былъ кабриолетъ свиты принца“.

„По настоящему и давнему распоряженію префекта, кареты другихъ лицъ не должны были останавливаться по этой улицѣ въ тѣ вечера, когда члены королевской семьи прїѣзжали въ театръ. За исполненіемъ наблюдала полиція, энергически. Но всѣ ея усилія парализовались возраженіями свиты, которая, не безъ основанія, ссыдалась на необходимость быстроты въ исполненіи ея обязанностей. Не возбуждая, повидимому, затрудненій, сопротивление взяло, наконецъ, верхъ и полицейскіе чины были вынуждены ограничиться удаленіемъ экипажей, не принадлежащихъ придворному вѣдомству“.

„Именно близъ упомянутаго кабриолета и нѣсколькихъ свитскихъ каретъ, о которыхъ надобно спорить, оказался человекъ небольшого роста, въ голубомъ платьѣ и круглой шляпѣ. Ни по наружности, ни въ способѣ держать себя, онъ; не представлялъ ничего замѣчательнаго и казался лакеемъ,—предположеніе, тѣмъ болѣе вѣроятное, что слуга кабриолета, помѣстившись внутри его, заснулъ и пересталъ обращать на себя вниманіе охраны“.

„Одѣтый въ голубое и съ виду невзрачный незнакомецъ располагалъ, въ эту минуту, жизнью великаго принца и, можетъ быть, судьбами Франці!“ (Стр. 2, 3 и 4).

Г. Бастардъ свидѣтельствуетъ объ этихъ самыхъ фактахъ (см. стр. 8 и 9 его доклада).

Такимъ образомъ, мы, неизбѣжно, приходимъ къ слѣдующему, доказанному выводу: страшное событіе 13 февраля нельзя приписывать нерадѣнію полиціи или системѣ управленія, которою руководилась администрація того времени.

Рѣшеніемъ этого вопроса герцогъ Деказъ вынужденъ былъ начать свою защиту предъ вами, г.г. судьи. Требовалось установить, что злодѣяніе Лувеля лежитъ на совѣсти самого презрѣннаго убійцы и ни на чей другой.

Но, независимо отъ этого, развѣ мы не вправѣ спросить: если бы даже нѣкоторыя, обыденныя формальности оказались нарушенными, можетъ ли упрекъ восходить до перваго министра? Неся бремя высшаго управленія государственными дѣлами великой державы, ему ли подобало размѣщать полицейскихъ и часовыхъ?

Приказъ отданъ; порядокъ извѣстенъ; исполненіе не относилось ли къ обязанностямъ второстепенныхъ чиновъ, которымъ было спеціально поручено?!

Вѣдь, Генрихъ IV палъ подъ кинжаломъ изувѣра, именно въ министерство своего вѣрнаго Сюлли. Думалъ ли кто нибудь обвинять знаменитаго министра? Совсѣмъ не Сюлли вѣдали министерствами, когда былъ раненъ Людовикъ XV и, однако, пытался ли хотя одинъ врагъ забрызгать уполномоченныхъ короля единоличнымъ преступленіемъ отцеубійцы Даміенса?

Во имя какихъ же мотивовъ поступаютъ съ Деказомъ иначе?

Ненависть, пресмыкающаяся за нимъ неотступно,—вотъ первая причина; вторая, — что хотѣли низвергнуть его власть; третья,—что, за отсутствіемъ справедливыхъ основаній, искали ближайшаго повода.

Развѣ бѣгство Лавалета не обращали въ вину Деказа, оправдывая тѣхъ, чьему прямому надзору законъ ввѣрилъ эту пресловутую жертву политическихъ случайностей?

Такъ и быть! Герцогъ не во власти. Перестаньте же, люди партій, обливать его черными ядами злословія;—теперь, это уже не дастъ вамъ ничего! Люди обманутые, если вы еще остались, раскройте, наконецъ, глаза предъ очевидностью: она блещетъ такимъ сіяніемъ, которому не могутъ противиться зрители, даже наименѣе проницательные!

Исчерпавъ содержаніе старой клеветы, рассмотримъ новую—дерзкое изобрѣтеніе Макъ-Леана. Я говорю о матеріальномъ сотрудничествѣ, о непосредственномъ участіи въ преступленіи Лувеля.

Справедливо признаютъ, что, во всякомъ обвиненіи, правдоподобіе—свидѣтель, наиболѣе необходимый. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, пасквиль страдаетъ пошлостью и несообразностями, безпримѣрными.

Даже политическіе враги (онъ не знаетъ иныхъ) не отказываютъ герцогу Деказу въ умѣренности характера и въ благородствѣ убѣжденій.

Макъ-Леанъ, наоборотъ, хочетъ погрузить его въ самое свирѣпое и безчестное злодѣяніе. Возведенный на вершину почестей Бурбонами, министръ, видите ли, пришелъ къ страшной мысли уничтожить эту династію и засушить отпрыскъ, долженствовавшій увѣковѣчить священное древо монархіи. Осыпанный милостями короля, соизволившаго называть себя его отцомъ, герцогъ, въ бреду неблагодарности, рискнулъ покуситься на жизнь августѣйшаго племянника, на которомъ покоились надежды Франціи и самого государя.

Я спрашиваю даже тѣхъ, кто не вѣритъ привязанности и добродѣтелямъ, а объясняетъ все, человѣческое, только эгоизмомъ: гдѣ цѣль преступленія? Первый министръ, облеченный совершеннымъ довѣріемъ, пэръ, личный другъ короля,—на что могъ бы разсчитывать Деказъ, вступая въ заговоръ? Долгъ, симпатіи, выгоды, развѣ не связывали его участи съ судьбою королевской семьи? Будучи всѣмъ чрезъ нея, онъ обращался ни во что, въ моментъ ея гибели. Кажется, ясно. Да, ясно, но не для

Макъ-Леана; онъ повторяетъ свое, путемъ низости и глупостей, возмутительныхъ.

Однако, пересилимъ отвращеніе и выслушаемъ клеветника, чтобы лучше судить о немъ.

Предъявляя самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ обвиненій, сослался ли авторъ на доказательства, былъ ли очевидцемъ событий, слышалъ ли что нибудь, непосредственно?

Нѣтъ, онъ самъ не знаетъ ничего!

Кто же довѣрилъ ему эту страшную тайну?

Открывая ее, чьимъ авторитетомъ пользуется онъ?

Это нѣкто Бюема, какъ его называетъ пасквиль, или Бринкъ, какъ онъ самъ подписывается.

Кто такой этотъ Бринкъ или Бюема?

Лжець и бродяга, — достойный помощникъ Макъ-Леана!...

Арестованный въ Валансьеннѣ, онъ назвался Францискомъ Бланкомъ, дезертиромъ 59 полка. Будучи уличенъ во лжи, онъ принимаетъ имя Метеля Броуна, дезертера 52 полка, но это опять сказка. Далѣе, онъ нагло выдаетъ себя за незаконнаго сына адмирала Вергюэля и снова вынужденъ признать, что солгалъ. Добились кое-какъ, что онъ голландецъ, подписывающійся именемъ Бринка.

По словамъ его матери, это негодяй, скрывшійся изъ дома родителей; по его собственнымъ словамъ, онъ бѣжалъ еще и другой разъ, совершивъ, во время драки, убійство капитана корабля, на которомъ служилъ. Наказанный далѣе за бродяжничество французскимъ судомъ, онъ, выйдя изъ острога, исчезъ изъ подъ нашего солнца. Рѣшительно неизвѣстно, гдѣ онъ влечитъ свое позорное существованіе, въ данную минуту.

Вотъ достовѣрный свидѣтель Макъ-Леана! Таковъ его внушительный авторитетъ! Мы были бы, конечно, въ правѣ отвергнуть разоблаченія г. Бринка, не слушая его. Но, поступимъ справедливѣе и не оставимъ ни одного факта, вышедшаго изъ его усть, пока не докажемъ, что это дерзкая ложь.

Если вѣрить Бринку, то первыя свѣдѣнія о мнимомъ договорѣ онъ получилъ отъ своего хозяина, генерала Польтръ де ла Мотъ.

Между тѣмъ, цѣлый рядъ уважаемыхъ людей, посѣщавшихъ генерала ежедневно, удостовѣрилъ, что Бринкъ, никогда, у него не служилъ, что вся его прислуга живетъ давно и никогда его не оставляла.

Первое собраніе заговорщиковъ, съ участіемъ Деказа, происходило, будто бы, 22 декабря 1819 года, въ домѣ Мериса, въ

квартирѣ де ла Мота. Но генераль никогда не жилъ въ этомъ домѣ; его квартира въ улицѣ Сень-Лазарь.

Другое собраніе, въ самый роковой день, происходило, говорятъ, также у де ла Мота, опять въ домѣ Мериса и въ присутствіи Лувеля. Опять вздоръ: 1 января, генераль уѣхалъ изъ Парижа и поселился въ деревнѣ, близъ Мо. Именно вечеръ 13 февраля онъ провелъ въ гостяхъ у головы этого города, — фактъ, извѣстный массѣ лицъ, бывшихъ на этомъ праздникѣ. Что касается Деказа, то, во весь означенный день, онъ не выходилъ изъ дому, а утромъ предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ министровъ, на которомъ были всѣ его товарищи.

Далѣе, по словамъ Бринка, генераль снабдилъ Лувеля кинжаломъ и, въ уплату за убійство, далъ ему 1500 франковъ; вотъ почему эта сумма и оказалась, яко бы, у Лувеля, на другой день смерти принца. Фактъ снова извращенъ: найдено только 140 франковъ (см. протоколъ обыска).

Встрѣчалъ ли кто нибудь клевету, болѣе наглую и доказанную очевиднѣе!

Но это не все. Пасквиль утверждаетъ не разъ, что, вслѣдъ за арестомъ Лувеля, Деказъ, при допросѣ, шепталъ ему на ухо, и что, съ этого времени, злодѣй казался болѣе спокойнымъ и самоувѣреннымъ въ отвѣтахъ.

Краткое объясненіе уничтожить грязную инсинуацію.

У одного изъ приближенныхъ принца явилась мысль, не отравлено ли оружіе отцеубійцы?

Рѣшили допросить Лувеля; Деказъ, находясь возлѣ него, принялъ порученіе на себя; а такъ какъ комната, гдѣ былъ преступникъ, оказалась сосѣднею съ тою, въ которой лежалъ принцъ, то вопросы предлагались столь тихо, чтобы ихъ не слышала королевская семья и не страдала еще болѣе; но, однако, столь громко, что они не были тайною для присутствовавшихъ.

Лувель энергически отвѣчалъ: „нѣтъ! нѣтъ!“

Таково событіе, оскверненное, вполнѣдствіи, злословіемъ, а затѣмъ снова извращенное Макъ-Леаномъ, въ лицѣ Бринка.

Еще тогда, герцогъ Фицъ-Джонъ, будучи политическимъ противникомъ Деказа, рѣшился, тѣмъ не менѣе, изъ принципа, откровенно и немедленно, возстановить истину, поруганную однимъ враждебнымъ журналомъ.

Теперь, другой свидѣтель, Жакино де Пампелюнь, присоединился къ благородному герцогу и, какъ человѣкъ справедливый, показалъ предъ вами, г.г. судьи, что, по убѣжденію королевскаго прокурора, изложенному въ засѣданіи верховнаго суда, допросъ

Лувеля Деказомъ происходилъ именно такъ, какъ говорю я, а не иначе.

Развиваясь далѣе, клевета обвиняетъ министра въ томъ, что, приказавъ отвести Лувеля не въ казенный, а въ свой домъ, онъ вынудилъ здѣсь у преступника молчаніе объ именахъ соумышленниковъ.

На самомъ дѣлѣ, Лувель былъ доставленъ къ министру внутреннихъ дѣлъ потому, что, въ полночь, всѣ тюрьмы были заперты, что тамъ, для помѣщенія такого важнаго арестанта, не успѣли бы принять надлежащихъ мѣръ и что, наконецъ, въ зданіи министерства, представлялось больше удобствъ, какъ для веденія слѣдствія, такъ и въ виду дальнѣйшихъ распоряженій.

Вопреки пасквилю, Деказь не только не былъ съ убійцею наединѣ, но, въ этотъ вечеръ, даже не ѣздилъ домой, оставаясь у постели принца, до послѣдней минуты его жизни, безотлучно. Затѣмъ, онъ проводилъ короля въ Тюльери и вышелъ оттуда не ранѣе семи часовъ утра.

Наоборотъ, гг. Англэ, Белларъ и Жакино де Пампелонъ находились близъ Лувеля все время, до самой отправки его въ Консьержери.

Переходя отъ частныхъ недостатковъ слѣдствія къ общему, Макъ-Леанъ жалуется, что многимъ свидѣтелямъ было отказано въ допросѣ и что, между прочимъ, не потрудились вызвать и выслушать его самого.

Упрекъ, весьма странный. Отвѣтимъ вопросами: почему г. Макъ-Леанъ не предложилъ самъ услугъ правосудію? Съ другой стороны, если бы даже, въ словахъ пасквиля, была доля правды, почему упрекаютъ не палату пэровъ или, по крайней мѣрѣ, не слѣдственную комиссію, а Деказа, отъ котораго направленіе дѣла не зависѣло?

Въ заключеніе, для полной оцѣнки показаній Бринка, не мѣшаетъ отмѣтить два факта, этого достойные.

Когда, въ 1826 году, вслѣдъ за своимъ арестомъ, Бринкъ дѣлалъ мнимыя разоблаченія по убійству его высочества герцога Беррійскаго, онъ совсѣмъ не упоминалъ ни о Деказѣ или герцогѣ Майлье, ни о большинствѣ лицъ, задѣваемыхъ пасквилемъ теперь. Тогда о Макъ-Леанѣ или о тайнахъ, ему ввѣренныхъ, совсѣмъ не было вопроса. Очевидно, что не Бринкъ, а Макъ-Леанъ, диктуя новыя сплетни, заставилъ его назвать такихъ соучастниковъ преступленія 13 февраля, которыхъ Бринкъ *вовсе не зналъ*.

Другой, не менѣе поразительный фактъ.

Макъ-Леанъ утверждаетъ, что, еще 12 марта 1819 года, онъ

доносили герцогу де Майлье: „гнусные заговоры на жизнь принца организуются свирѣпымъ челоуѣкомъ, который, къ несчастію Франціи, пользуется высокимъ довѣріемъ его величества“ и что уже тогда онъ разумѣлъ Деказа.

Но вотъ, 14-го числа того же мѣсяца, т. е. всего два дня спустя, тотъ же доносчикъ посылаетъ названному министру письмо, исполненное клятвъ въ преданности, благодарности и уваженіи.

Сегодня вамъ, г. Макъ-Леанъ, надо сдѣлать выборъ; вы добровольно попали между двухъ мерзостей: если 12-го вы не писали герцогу Майлье того, что говорите намъ, — значить, вы лжець; если, наоборотъ, преслѣдуя Деказа за страшное злодѣяніе, имъ, по вашему мнѣнію, совершенное, вы, съ другой стороны, курили ему виміамъ, воспѣвая его добродѣтели и справедливость, — вы негодай!...

И откуда берется эта жажда клеветы на челоуѣка, котораго вы сами признавали благороднымъ и милосерднымъ, именно такъ отзываясь о немъ всегда?

Ослѣпила ли и подстрекаетъ васъ ненависть?

Нѣтъ, другое побужденіе, гораздо болѣе низкое и презрѣнное!

Вы старались продать свою желчь могущественнымъ людямъ, предполагаемымъ врагамъ тѣхъ, на кого клеветеете нынѣ.

Не удалось, — и вы, грозя своимъ безчестнымъ перомъ, рисковали поторговаться съ противною стороною, сбыть ей свое молчаніе. Увы, здѣсь снова не нашлось покупателей!

Отсюда убѣждаемся мы, что цѣль, средства, авторы, — все стѣбитъ другъ друга, все похоже взаимно...

Милостивые государи! Выметая малѣйшіе слѣды этого отвратительнаго, постыднаго обвиненія, я, можетъ быть, перешелъ границы необходимости. Но данный фактъ свидѣтельствуетъ, какъ быстро растетъ даже нелѣпая, безумная клевета и какъ легко пріобрѣтаетъ она слушателей.

Дабы лишить эту гидру силу подняться вновь, надо отрѣзать у нея всѣ головы, разомъ. Вашъ приговоръ окончить работу правосудія и, во имя закона, торжественно провозгласить то, что уже давно признано народною совѣстью.

Рѣчь идетъ, отнюдь, не о проступкѣ печати, извиняемомъ благородными намѣреніями; не объ ошибкѣ, передъ которою теряется нашъ немошный духъ; не о заблужденіяхъ честнаго негодованія и даже не о страстной любви, увлекающей иныхъ скорѣе, чѣмъ блескъ величія родины!

Нѣтъ, — это клевета, со всѣмъ, что въ ней самаго грязнаго и безчестнаго; здѣсь гнуснѣйшее, постыдное лицемѣріе; низость,

преслѣдующая одну цѣль: попасть на содержаніе къ ненависти или продать себя страху! Это сбродъ позорнѣйшихъ страстей притонъ омерзительнаго, нестерпимаго ябедничества!

Господа! Презирать далеко не значитъ быть справедливымъ!

Общественная нравственность требуетъ у закона суроваго возмездія, которое могло бы устранить повтореніе такого скамдала и оградить честь гражданъ отъ подобныхъ насилій!...

Обвинительный приговоръ суда извѣстенъ.)

Л А Ш О.

ПРОЦЕССЪ

ДЕЛА ПОММЕРЭ.

ОТРАВЛЕНИЕ ДИГИТАЛИНОМЪ.

РЪЧЬ

ВЪ ЗАЩИТУ ПОДСУДИМАГО.

Ac mea quidem sententia, nemo poterit esse omni laude cumulatus orator, nisi erit omnium rerum magnarum atque artium scientiam consecutus.

Haec autem omnia, quae tractarentur ab oratoribus, dubia sunt et incerta....

Cicero.

СЕНСКІЙ ОКРУЖНЫЙ СУДЪ, СЪ УЧАСТІЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСЪДАТЕЛЕЙ.

Засѣданія 9—17 мая 1864 года.

ДѢЛО ПОММЕРЭ.

Предсѣдатель де Салвонъ де Буассеъ.

Прокуроръ Оскаръ де Валль.

Его товарищъ Бондюранъ.

Обвиняемый, докторъ медицины Бутт де ла Поммерэ.

Его защитникъ Лашо.

Докторъ Поммерэ былъ преданъ суду по обвиненіямъ въ отравленіи госпожи Дюбизи, своей тещи, въ 1861 году, а въ 1863, своей любовницы Повъ. Цѣль перваго преступленія усматривалась въ желаніи подсудимаго захватить состояніе Дюбизи; второе обусловливалось его намѣреніемъ воспользоваться страховою премією, право на которую было обезпечено за нимъ передаточными надписями.

Согласно обвиненію, Поммерэ употребилъ, въ обоихъ случаяхъ, растительный ядъ дигиталинъ *, не оставляющій слѣдовъ. Обѣ женщины, будучи поражены въ цвѣтъ лѣтъ, умерли внезапно и одинаковымъ образомъ: первая, отобѣдавъ у Поммерэ, вторая, проведя, съ нимъ, наединѣ, вечеръ. Предсмертныя явленія оказались тождественными, а поведеніе и показанія Поммерэ сходными. Избѣгая, всякій разъ, давать помощь больной, онъ

* Природа дигиталина очень мало извѣстна, до сихъ поръ. Отравленіе имъ, по свидѣтельству Гофмана (учебникъ суд. медицины, стр. 585), стало предметомъ научныхъ изслѣдованій, въ особенности, со времени дѣла Поммерэ.

Примѣч. переводчика.

ссылался на холеру, а, когда жертва умирала, радовался, что не лѣчилъ ее, говоря, что, въ противномъ случаѣ, могъ бы, дескать, навлечь подозрѣніе.

Легкость сближенія обоихъ фактовъ обезпечивала, казалось, за обвинителями право утверждать, что лице, отравившее Повъ, повинно и въ смерти Дюбизи.

Молодой, лѣтъ 24, докторъ медицины и, по убѣжденію, гомеопатъ, Эдмондъ Кути де ла Поммерэ родился въ Орлеанѣ, гдѣ его отецъ, тоже врачъ, умѣлъ приобрѣсти любовь и уваженіе согражданъ. Покинувъ семью еще мальчикомъ, обвиняемый переселился въ Парижъ, сперва учиться медицинѣ, а затѣмъ искать счастья на жизненномъ пути.

Свидѣтели называютъ его человѣкомъ развитымъ, но заносчивымъ, алчнымъ къ славѣ и богатству, не владѣтъ которымъ ему было всегда досадно.

Въ теченіи извѣстнаго времени, онъ даже носилъ титулъ графа и выдвигалъ, на показъ, яко бы своей родовой гербъ. Едва получивъ дипломъ, онъ становится гомеопатомъ, открываетъ лѣчебницу для бѣдныхъ, читаетъ публичныя лекціи по врачеванію, но не можетъ скрыть матерьялистическихъ убѣжденій своихъ.

Жаждая выбраться изъ толпы, онъ пробуетъ выхлопотать у папы орденъ Св. Сильвестра, а у Наполеона III крестъ почетнаго легіона. Однако, не смотря на многочисленныя и могучія, благопріятныя ему вліянія, дѣло не удалось ни здѣсь, ни тамъ.

Задумавъ жениться, онъ, случайно, въ омнибусѣ, встрѣчаетъ двухъ барынь Дюбизи: мать, вдову военного медика, и дочь. Знакомство съ этою, сравнительно, богатою семьєю, должно было, наконецъ, привести его въ столь желанную гавань; вѣдь, онъ самъ не имѣлъ ничего, кромѣ скуднаго заработка отъ практики. Не раздумывая много, онъ дѣлаетъ предложеніе дочери и, вопреки антипатіи, которую успѣлъ внушить матери, женится.

Всего черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, госпожа Дюбизи; до того вполне здоровая, умираетъ, внезапно, среди ужасныхъ мученій и безостановочной рвоты, и это вслѣдъ за обѣдомъ, которымъ угостилъ ее зять.

Такая быстрая и необъяснимая смерть привела прокуратуру къ убѣжденію, что Поммерэ отравилъ тещу дигиталиномъ.

Съ другой стороны, обнаружено, что, незадолго передъ свадьбой, подсудимый прервалъ давнія отношенія свои къ бѣдной актрисѣ Юліи Повъ, вдовѣ съ тремя дѣтьми, покойнаго мужа которой онъ же лѣчилъ. Свидѣвшись вновь, два года спустя, онъ, какъ говорить, имѣлъ въ виду помочь ей въ нуждѣ. Несчастливая

женщина съ радостью встрѣтила любимаго человѣка и, въ свою очередь, мечтала о какомъ нибудь выходѣ изъ нищеты, угнетавшей ея дѣтей.

Случилось, однако, что госпожа Повъ также умерла, и очень скоро, по возобновленіи связи съ Поммерэ.

Неожиданность факта, цвѣтущее здоровье покойной и жалоба ея родныхъ, таковы были причины начатія слѣдствія. При обыскѣ, въ разныхъ шкафахъ квартиры Поммерэ, было найдено свыше 900 флаконовъ со всевозможными ядами. Это открытіе, а равно полись на застрахованіе жизни Повъ, въ пользу ея любовника, усилили подозрѣнія и Поммерэ былъ арестованъ.

Мотивировавъ преступленіе, прокурору надлежало доказать самый фактъ отравы. По вскрытіи трупа и по изслѣдованіи внутренностей умершей, деканъ Парижскаго медицинскаго факультета Тардѣ и знаменитый химикъ Руссенъ подвергли также анализу куски паркета, сохранявшіе слѣды ея рвоты. Единогласный отвѣтъ: *Повъ отравлена дигиталиномъ.*

Тѣмъ не менѣе, ученые и химики, вызванные защитою, отрицали доказательную силу опытовъ, произведенныхъ Тардѣ и Руссеномъ надъ собаками и лягушками.

Подъ впечатлѣніемъ такого противорѣчія, присяжные засѣдатели потребовали заключенія Клода Бернара, Вюльпіана и Булея. Вмѣшательство этихъ свѣтилъ науки, разумѣется, возвысило торжественность преній и придало имъ важность, еще неизмѣримо большую.

Поммерэ, лично, обнаружилъ, на судъ, замѣчательную энергію и силу духа. Утверждая, что не повиненъ въ отравленіи ни Повъ, ни Дюбизи, онъ, по отношенію къ страховому договору, объяснилъ, что, заключая таковой лишь временно, рассчитывалъ видоизмѣнить его, три года спустя. Но, онъ дурно отзывался о госпожѣ Повъ, своей возлюбленной и, какъ думали, жертвѣ. Злобная характеристика и тяжкія оскорбленія памяти умершей отразились на совѣсти присяжныхъ вредно для него самого.

Общественное мнѣніе, съ первыхъ же моментовъ этого важнаго дѣла, открыто высказалось противъ ла Поммерэ, а столь враждебный гласъ народа грозилъ защитѣ большими опасностями. Дѣйствительно, среди всѣхъ другихъ преступленій, отравы не внушаетъ ли наиболѣе отвращенія и ужаса? Не ядъ ли оружіе измѣнниковъ и трусовъ? Въ крайности, можно, пожалуй, найти смягчающія обстоятельства даже для убійцы, который, нападая на другаго, подвергаетъ опасности и себя самого; но не смѣетъ ждать милосердія отравитель, когда, съ улыбкою на устахъ,

обманываетъ врага, а часто и друга, отымая у него жизнь и лишая возможности защищаться. Во Франціи, измѣнникамъ и лицемерамъ не давали пощады никогда!

Было извѣстно, что, въ острогѣ, ла Поммерэ, дважды, покушался на самоубійство, сначала, вызвавъ обильное кровотеченіе, а затѣмъ, принявъ внутрь растворъ мѣди, который добылъ, погружая монеты въ уксусъ. Для многихъ такое отвращеніе къ жизни являлось лучшимъ доказательствомъ виновности...

Припоминали также знаменитые процессы доктора Кастенга и де л'Англэ Палмера, которымъ онъ, казалось, подражаетъ.

Трудно было защищать Поммерэ; обнаруживъ самыя низкія стороны характера, онъ не внушалъ симпатіи и всею наружностью своею, а страшное заключеніе экспертовъ казалось непрекаемымъ.

Поддерживать обвиненіе долженъ былъ прокуроръ окружнаго суда Оскаръ де Валлэ, человѣкъ еще молодой, но уже сѣумѣвшій завоевать первое мѣсто среди самыхъ даровитыхъ.

Оскаръ де Валлэ былъ великимъ ораторомъ и съ нимъ надо было считаться.

Впрочемъ, подобныя затрудненія служили развѣ лишнимъ возбуждающимъ элементомъ въ глазахъ Лашо, который, въ этомъ драматическомъ и тяжеломъ процессѣ, сказалъ великолѣпную рѣчь и блистательно опровергалъ противника.

Будучи однимъ изъ знаменитѣйшихъ въ наши дни и начавшись 9 мая 1864 года, судебное засѣданіе окончилось только 17 мая, смертнымъ приговоромъ для Поммерэ.

Однако, присяжные засѣдатели, или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинство, просили своего старшину ходатайствовать передъ императоромъ о смягченіи наказанія.

Лашо принялъ трудъ повергнуть, на высочайшее усмотрѣніе, какъ это ходатайство такъ и просьбу о помилованіи, принесенную отцемъ Поммерэ и его молодою женою.

Желая знать подробности дѣла и основанія, которыми можно было бы оправдать снисхожденіе, императрица повелѣла пригласить Лашо въ Тюльери. Его приняли необыкновенно ласково.

Тронутые доводами защитника Поммерэ и уже готовые снзойти къ его просьбѣ, императоръ и императрица, по государственнымъ соображеніямъ, оказались тѣмъ не менѣ вынужденными отклонить доброе намѣреніе, и ла Поммерэ былъ казненъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

Въ половинѣ ноября 1863 года, въ маленькой квартирѣ, на самомъ верхнемъ этажѣ одного изъ домовъ улицы Бонапарта, жила съ 1858 года вдова художника Повъ, женщина 42 лѣтъ отъ роду. Смерть мужа застигла её съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ старшему не было и 8 лѣтъ, и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не смотря на это, она храбро боролась съ трудностями положенія и, чтобы удовлетворить нуждамъ семьи, работала, не покладая рукъ. Ея здоровье было всегда превосходно и еще 16 ноября не внушало никакого безпокойства.

Однако, 17 числа того же мѣсяца, въ 6¹/₂ часовъ вечера, эта женщина, полная жизни еще наканунѣ, умерла, послѣ рвоты, которая мучила ее цѣлую ночь и которой сила и грозныя послѣдствія казались непонятными.

Людей, часто посѣщавшихъ вдову Повъ, это роковое событіе печально удивило, а, будучи соображено съ нѣкоторыми признаками, сдѣланными, въ нѣсколько пріемовъ, ею самою, внушало тяжкія подозрѣнія. Главнымъ образомъ, нельзя было разсѣять ихъ въ умѣ сестры Повъ, г-жи Гушонъ, и 21 ноября ея мужъ обратился къ прокурору. Онъ прямо заявилъ, что кончина Повъ—результатъ отравленія ее человѣкомъ, которому это было выгодно, въ силу договора о застрахованіи ея жизни, и не замедлилъ сообщить подробности. Изъ его показанія, а равно изъ другихъ дополнительныхъ свѣдѣній, вытекало, однимъ словомъ, что вдова Повъ умерла отъ яда и что авторъ преступленія да Поммерэ.

Какъ бы ни было, надлежало, прежде всего, установить причину смерти. Между тѣмъ, хотя серьезныя улики заставляли думать, что Повъ отравлена, докторъ Гоудино, съ которымъ покойная совѣтовалась нѣсколько разъ и который навѣщалъ ее именно 17 ноября, выдалъ удостовѣреніе, по смыслу коего смерть не могла быть приурочена ни къ чему, кромѣ послѣдствій паденія съ лѣстницы, происшедшаго, если вѣрить Повъ, два или три мѣсяца ранѣе. Отсюда и для рѣшенія вопроса,—гдѣ правда,—вскрытіе стало неизбѣжнымъ. Произведя таковое 30 ноября, докторъ Тардье удостовѣрилъ, что у покойной не было болѣзни, ни такого застарѣлаго или недавняго, но ощутительнаго пораженія внутреннихъ органовъ, въ виду которыхъ и руководствуясь, исключительно, наружнымъ осмотромъ, можно было бы опредѣлить естественную причину смерти. Отсутствие иныхъ патологическихъ указаній, а, съ другой стороны, извѣстные признаки, на-

примѣръ состояніе пищевода, обусловливаютъ, по его мнѣнію, діагнозъ, что смерть причинена введеніемъ въ организмъ ядовитаго вещества. Впрочемъ, заключилъ Тардѣ, только анализъ внутренностей дасть возможность сказать что нибудь, несомнѣнное.

Въ виду такихъ, уже достаточно важныхъ результатовъ вскрытія, докторъ Гоудино, не настаивая больше на своемъ, призналъ, что онъ лично не видѣлъ у Юліи Повъ ни ушиба, ни кровоизлиянія, а основывался только на ея словахъ, безъ всякой провѣрки.

Въ другомъ направленіи, былъ заслушанъ рядъ свидѣтелей.

Госпожа де Риддеръ, близкая подруга Повъ, сообщила очень важныя данныя, удостовѣренныя, вдобавокъ, собственноручнымъ письмомъ умершей. Эти данныя вновь укрѣпили подозрѣнія, направленныя на Поммерэ. Пришлось сдѣлать обыскъ въ его квартиру. Произведенный 4-го декабря, онъ привелъ къ открытію разныхъ документовъ и необычайнаго множества ядовъ всякаго рода. Нашли именно стлянку, которая, судя по надписи, могла заключать два грамма дигиталина и гдѣ оставалось не болѣе 15 сентиграммовъ.

Тогда, былъ вызванъ дать объясненіе, по предмету суровыхъ обвиненій, надъ нимъ тяготѣющихъ, самъ Поммерэ. Но и его доводы оказались, въ такой мѣрѣ, не удовлетворительными, что приказъ о заключеніи его подъ стражу былъ отданъ немедленно.

Между тѣмъ, доктора Тардѣ и Руссенъ, какъ эксперты, приглашенные судебною властью, производили химическое изслѣдованіе внутренностей умершей. Подвергнувъ также анализу остатки рвоты, замѣченныя на паркетѣ, вокругъ кровати покойной, они, послѣ многократныхъ изысканій, пришли къ слѣдующему заключенію: „Юлія Повъ умерла отъ яда“.

Не допуская оговорокъ, эксперты утверждаютъ категорически, что смерть Повъ не зависѣла ни отъ страданія сердца или желудка, ни отъ поврежденій, причиненныхъ случаемъ или болѣзью; словомъ, ни отъ какой, обыденной причины. Они говорятъ далѣе, что, во внутреннихъ органахъ, а равно въ изверженіяхъ, найдено ядовитое, очень сильное начало, которое, будучи испробовано на животныхъ, произвело эффектъ, тождественный съ наблюдавшимся у Повъ, и погубило ихъ такимъ же образомъ.

Что же касается вопроса, какой именно ядъ служилъ для отравы, то, по мнѣнію экспертовъ, это, должно быть, дигиталинъ, такъ какъ его признаки сходны съ тѣми, которые были замѣчены въ страданіяхъ г-жи Повъ, а затѣмъ и у животныхъ, подвергнутыхъ

опытамъ; не оставляя никакихъ слѣдовъ, природа этого яда исключаетъ возможность дать заключеніе, болѣе положительное.

Вопреки изложеннымъ оговоркамъ, фактъ отравленія былъ, съ этого момента, установленъ; слѣдствію оставалось опредѣлить, какъ и къ кому убійство совершено.

Казалось, во всякомъ случаѣ, очевиднымъ, что событіе, по самому существу яда, не могло быть результатомъ ошибки; еще съ меньшимъ вѣроятіемъ, его можно было приписать самоубійству, такъ какъ, по удостовѣренію цѣлаго ряда свидѣтелей, Повъ никогда о немъ не думала; отсюда, само собою, возникало предположеніе, что въ дѣлѣ участвуетъ преступная рука.

Тогда, на очередь, явился вопросъ: гдѣ мотивъ злодѣянія? Въ спора, что ни месть, ни ненависть не играютъ здѣсь роли; Юлія Повъ не имѣла враговъ, и на этой точкѣ зрѣнія колебаться было невозможно. Никто изъ наслѣдниковъ, тѣмъ болѣе, не былъ заинтересованъ въ ея смерти: дневной заработокъ, — вотъ все ея богатство, единственное средство къ жизни съ тремя дѣтьми. Изъ всѣхъ знакомыхъ, могло быть выгодно отправить её на тотъ свѣтъ только одному человѣку: Эдмонду Поммерэ. Онъ зналъ Повъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; еще въ 1858 году, будучи приглашенъ, какъ врачъ, онъ присутствовалъ при кончинѣ ея мужа, а, немного времени спустя, сталъ любовникомъ его вдовы. Ихъ отношенія продолжались до середины 1861 года и были прерваны лишь въ августѣ женитьбою Поммерэ на Дюбизи; два года прошло прежде, чѣмъ обвиняемый рѣшился, вновь, повидать свою прежнюю любовь; раньше, не смотря на ея просьбы, онъ отказывался даже навѣстить ея больныхъ дѣтей.

Вдругъ, неожиданно, въ іюнѣ 1863 года, Повъ была поражена его визитомъ. Стараясь мотивировать свое странное появленіе, онъ началъ увѣрять, что придумалъ способъ обезпечить будущность ея дѣтей; надлежало только хранить строжайшее молчаніе, всячески, избѣгая откровенности съ кѣмъ либо. Не входя въ дальнѣйшія подробности, онъ ограничился заявленіемъ, что дѣло идетъ о застрахованіи жизни.

Позже, когда отношенія возобновились, Поммерэ предложилъ ей комбинацію такого рода: онъ застраховываетъ ея жизнь въ 550,000 франковъ, которые должны быть уплачены вслѣдъ за ея смертью; ежегодный взносъ премій принимаетъ на себя, а она передаетъ ему, по надписи, право на полученіе означенной суммы. Но, вѣдь, было ясно, что подобная сдѣлка не обѣщаетъ ничего ни Повъ, ни ея дѣтямъ. Тогда, Поммерэ прибавилъ, что есть средство извлечь выгоду немедленно. Черезъ нѣкоторое время,

по заключеніи договора, Повъ заболѣеть, притворно, но однако же такимъ образомъ, чтобы заставитьъ страховыя общества повѣрить въ ея близкую кончину. Видя опасность, они, конечно, испугаются; Поммерэ самъ начнетъ переговоры и согласится на уничтоженіе страхованія, въ замѣнъ ежегодной, уплаты 6,000 франковъ, которую общества должны будутъ производить, начиная съ 1 января 1864 года. Деньги раздѣлять пополамъ и госпожа Повъ, въ награду за ловкость, станетъ пользоваться благоденствіемъ, отъ котораго такъ далека.

Бѣдная женщина не имѣла храбрости отказаться отъ этого страннаго ухищренія; закрывъ глаза на все, что, въ подобной спекуляціи, было незаконнаго, будучи не способна подозрѣвать истинную цѣль Поммерэ, а, главнымъ образомъ, увлеченная страстью, которую питала къ нему давно и которая проснулась теперь живѣе, чѣмъ когда либо, она повѣрила ему слѣпо и предоставила свободу устроить, какъ онъ найдетъ лучше. Принявъ хлопоты на себя, подсудимый старался, однако, избѣгать личныхъ сношеній съ агентами обществъ. Онъ познакомилъ Повъ съ нѣкимъ Демидомъ, маклеромъ, который, не задолго передъ тѣмъ, просвѣтилъ и его самого на счетъ разныхъ способовъ застрахованія жизни. Вотъ этотъ господинъ, ставъ посредникомъ, заявилъ, кому слѣдовало, что очень богатый графъ де ла Поммерэ желаетъ обезпечить судьбу дѣтей, прижитыхъ имъ со знатною барынею Повъ; когда ея здоровье было найдено превосходнымъ, шесть французскихъ товариществъ: „Всеобщее“, „Отечественное“, „Народное“, „Объединенное“, „Фениксъ“, „Императорское“ и два англійскихъ: „Международное“ и „Грегэмское“ приняли ея жизнь на страхъ, за общую всѣхъ отвѣтственность, въ размѣрѣ 550,000 франковъ. Между 8-мъ и 21-мъ іюля, восемь полисовъ были подписаны и выданы Повъ, съ ея взаимнымъ обязательствомъ уплачивать, каждый годъ, въ теченіи цѣлой жизни, восемь премій, достигающихъ въ итогѣ 18,840 франковъ. Суммы, указаннымъ путемъ застрахованныя, не подлежали выдачѣ ранѣе смерти Повъ, но право на каждый полисъ могло быть передано простою надписью на его оборотѣ; для дѣйствительности таковой, требовалось лишь поставить, своевременно, въ извѣстность то общество, отъ имени котораго полисъ выданъ.

Само собою разумѣется, что Повъ, лично, была не въ состояніи произвести даже перваго взноса премій, ни полностью, ни въ какой либо части; а, между тѣмъ, онъ былъ обязателенъ, при самомъ подписаніи полисовъ, и превышалъ 15,000 франковъ. Пом-

мерэ не оставалось другаго выхода, какъ исполнить обѣщаніе, и онъ снабдилъ маклера необходимыми средствами.

Затѣмъ, когда полисы были, наконецъ, получены, единственною его заботою стало обезпечить полученіе страховой суммы за собою.

Въ этомъ направленіи, онъ началъ съ того, что заставилъ вдову Повъ передать ихъ, всѣ разомъ, въ его собственность, путемъ надписей на оборотѣ, въ которыхъ заключалось, съ другой стороны, признаніе, что суммы, равныя итогамъ полисовъ, получены ею, Повъ, отъ Поммерэ, сполна. Независимо отъ сего, онъ, по совѣту нѣкотораго ходатая по дѣламъ Луи, взялъ отъ Повъ еще рядъ особыхъ актовъ о переуступкѣ полисовъ. Не довольствуясь и этимъ, и не переставая беспокоиться, — достаточно ли обезпечиваютъ его такія сдѣлки, не отдають ли онъ, напротивъ, его самого въ руки наслѣдниковъ Повъ, — онъ замышляетъ удостовѣрить, еще безспорнѣе, подложную уплату 550,000 франковъ, которая служить основаніемъ передачи.

Съ этою цѣлью, онъ розыскиваетъ, въ сенскомъ окружномъ судѣ, стряпчаго Лево, и, умолчавъ, что договоръ страхованія уже заключенъ и что размѣръ преміи 550,000 франковъ, говоритъ ему лишь слѣдующее: ссудилъ онъ, дескать, вдовѣ Повъ значительныя суммы, всего около 100,000 франковъ; не имѣя возможности рассчитаться иначе, она предлагаетъ застраховать свою жизнь въ „Народномъ“ обществѣ, съ тѣмъ, что текущіе взносы будетъ производить онъ и что, послѣ ея смерти, онъ же получитъ 100,000 франковъ. Согласно съ этимъ и дабы узаконить сдѣлку, онъ проситъ Лево составить надлежащій актъ.

Не имѣя данныхъ подозрѣвать что либо преступное въ объясненіяхъ Поммерэ, Лево пишетъ договоръ, въ силу коего вдова Повъ признаетъ полученіе отъ Поммерэ разныхъ суммъ, въ заемъ, опредѣляетъ ихъ итогъ круглою цифрою въ 100,000 франковъ и обязывается застраховать свою жизнь въ „Народномъ“ обществѣ на такую именно сумму, подъ условіемъ платежа оной, послѣ смерти ея, Повъ. Страхуваніе заключается въ пользу де ла Поммерэ, который, въ свою очередь, принимаетъ платежи обществу на себя.

Приглашая Лево сочинить подобный актъ, обвиняемый имѣлъ, конечно, въ виду лишь заручиться образцомъ, дабы, впослѣдствіи, изготовить другой, болѣе подходящий къ своимъ расчетамъ. Понятно, что въ 550,000 франковъ, а не въ 100,000 только надлежало исчислить сумму долговъ Повъ, когда хотѣли мотивировать уступку восьми страховыхъ полисовъ, изъ коихъ лишь одинъ

быль упомянуть въ проэктѣ Лего. Дѣйствительно, 31-го августа, по требованію своего любовника, Повъ подписываетъ обязательство, вполне сходное, но, разумѣется, съ тѣмъ отличіемъ, что итогъ долга не 100,000 а 550,000 франковъ и что она, Повъ, обѣщаетъ заключить страховой договоръ, въ пользу Поммерэ, на эту послѣднюю цифру.

Уже въ данный моментъ, злонамѣренность изворотовъ Поммерэ опредѣляется *четко*. Вѣдь, страховые договоры, какъ сказано выше, были заключены, а полисы перешли въ руки Поммерэ, гораздо ранѣе подписанія сдѣлки 31 августа; стало быть, актъ, коимъ Повъ обязывалась, лишь въ будущемъ, исполнить то, что уже готово, противорѣчилъ здравому смыслу.

Завладѣвъ исчисленными документами и не смотря на то, что, въ ихъ текстѣ, онъ, неоднократно, признается кредиторомъ Повъ, а передаточныя, въ его пользу, надписи обусловливаются уплатою ей эквивалента,—Поммерэ, все таки, не считалъ себя въ безопасности. Стремясь оградить себя отъ случайностей и заранѣе парализировать всякій споръ отъ имени дѣтей Повъ, онъ принуждаетъ ее написать духовное завѣщаніе, гдѣ она, еще разъ, признаетъ передачу права собственности на восемь страховыхъ договоровъ; называетъ его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ; доходить, въ заключеніе, до того, что отказываетъ ему пожизненное владѣніе и тою частью своего имущества, которая принадлежитъ дѣтямъ; наконецъ, освобождаетъ его отъ требованія о поручительствѣ, съ чьей либо стороны. Такія распоряженія дѣлаетъ мать, беззавѣтно, преданная своимъ дочерямъ!—блестящее доказательство вліянія, которое приобрѣлъ надъ нею Поммерэ, и того непререкаемаго господства, которому она слѣпо подчинялась.

Теперь, для обвиняемаго, настало время жать плоды своей дѣятельности, устроивъ лишь дѣло такъ, чтобы столько усилій не пропало даромъ. — Ясно, что одна *смерть* Юліи Повъ могла освободить, сразу, и отъ ежегоднаго взноса премій, далеко превышавшихъ его средства, и приблизить къ 550,000 франкамъ, которыхъ онъ жаждалъ такъ горячо. Въ январѣ, предстоялъ ближайшій взносъ, а для Поммерэ было очень важно не платить его.

Ядомъ, необходимымъ для своихъ цѣлей, онъ запасся уже давно. Еще въ іюнѣ,—моментъ возобновленія имъ отношеній къ Повъ,—онъ купилъ, сначала 1 граммъ, а, 9 дней спустя, еще 2 грамма дигиталина. Отлично зная, что это вещество не оставляетъ слѣдовъ, Поммерэ, тѣмъ не менѣе, видѣлъ, что нельзя не объяснить, болѣе или менѣе удовлетворительно, тошноты, которую оно, не-

избѣжно, производить. Посему и какъ только получилъ на руки завѣщаніе Повъ, онъ напомнилъ ей, что, для достиженія выгодныхъ условій въ переговорахъ со страховыми обществами, необходимо сказаться больной. Рѣшивъ слѣдовать его совѣтамъ и, въ концѣ сентября, нарочно, уронивъ оконную раму на лѣстницу, она стала жаловаться сосѣдямъ, что упала сама, очень расшиблась и что, съ этого времени, ощущаетъ сильныя боли въ желудкѣ. Съ цѣлью доказать, когда понадобится, свои притворныя страданія, Повъ пошла далѣе и, въ октябрѣ, начала совѣтоваться съ разными врачами, а эти послѣдніе, не только безъ надлежаго осмотра, но безъ всякой провѣрки ея словъ, не затруднялись давать ей рецепты и прописывать всевозможныя лѣкарства. Именно это ей и было нужно: тщательно избѣгая медикаментовъ и поджидая времени, когда рецепты пойдутъ въ дѣло, Повъ озаботилась передать ихъ, на храненіе, Поммерэ.

Наступилъ ноябрь. Усердно жалуясь на боль въ желудкѣ, она не прекращала, тѣмъ не менѣе, своихъ занятій, ни на одинъ день. Разсудивъ, что приготовленія достаточны, обвиняемый нашель, что можно нанести послѣдній ударъ.

По его требованію, вдова Повъ исходатайствовала, въ надлежащемъ присутственномъ мѣстѣ, метрическую выписъ о своемъ рожденіи, — документъ, въ которомъ, мимо означеннаго требованія, ей не предстояло надобности. Когда недостатка не оказалось ни въ чемъ, Поммерэ пригласилъ её не выходить изъ комнаты, а о своей болѣзни говорить больше, чѣмъ когда либо. Когда же она выразила сожалѣніе, что, въ теченіи этого невольнаго ареста, теряетъ заработокъ отъ уроковъ, которые давала иностранцу, проживавшему въ Европейской гостинницѣ, Поммерэ обѣщаль вознаграждать ее, уплачивая за каждый пропущенный урокъ, лично. Начиная съ 12-го ноября, Повъ уже не выходитъ изъ дому и, какъ больная, не снимаетъ ночнаго чепчика; дабы разыграть комедію лучше и прочнѣе обмануть докторовъ, которыхъ посылали ей страховыя общества, обвиняемый, наконецъ, рѣшаетъ, что ей „необходимо принять какое нибудь возбуждающее средство“.

Пока онъ готовился увѣнчать, такимъ образомъ, планъ, столь искусно разсчитанный на то, чтобы подготовить Повъ къ принятію, безъ недоувѣрія, всего, что онъ ей дастъ, и скрасить, въ ея глазахъ, тяжелыя послѣдствія такого приѣма, ея здоровье не оставляло желать ничего лучшаго, а состояніе духа было даже веселымъ. Совѣты Поммерэ беречь тайну, пока, тоже не мѣшали ей разсказывать подругамъ и сосѣдкамъ о ея радужныхъ надеж-

дахъ. „Если это удастся“, говорила она, „будетъ хорошо и мнѣ, и дѣтямъ“, и, чуть не ежедневно, повторяла, что, послѣ уничтоженія страхового договора, у нея будетъ 3000 франковъ годового дохода.— „Стоитъ только убѣдить докторовъ, что она, въ самомъ дѣлѣ, больна, да дней 15 полежать въ кровати“...

Въ пятницу, 13-го ноября, она проситъ свою подругу, Марію Риддеръ, навѣстить ее на другой день, вечеромъ. Содержаніе письма показываетъ, что она была всѣмъ довольна и надѣялась: „Врачи“, писала она иронически, „находятъ меня очень больной. Изъ ихъ дѣйствій и согласно тому, что говорилъ мнѣ вчера Поммеръ, я вижу, что наше дѣло кончится благополучно и 3000 франковъ дохода попадутъ въ мой карманъ. Завтра расскажу подробности“.

Между тѣмъ, посѣщенія преступника, на котораго изложенное указываетъ съ очевидностью, начинали становиться все чаще и чаще. Вотъ онъ даетъ знать вдовѣ Повъ, что вечеръ субботы проведетъ у нея; а такъ какъ онъ желалъ встрѣтить ее, безусловно, одну, то приглашеніе Риддеръ отминяется.

До сихъ поръ, въ состояніи притворной больной, не произошло никакой ощутительной переменны. Около 5 часовъ, въ понедѣльникъ, она обѣдала, какъ всегда, съ двумя дочерьми и своею знакомою Біардъ. Затѣмъ, къ другой женщинѣ, сосѣдкѣ Делетръ, обращалась съ просьбою купить пузырекъ какой то туалетной настойки и прихорашивалась съ такимъ усердіемъ, которое прямо свидѣтельствовало объ отличномъ состояніи ея здоровья. Она ждала Поммеръ...

Въ 8 часовъ вечера, онъ, является, на самомъ дѣлѣ; остается долго и, кромѣ него, никто не видитъ Повъ до утра. Лишь въ это время, часовъ около шести съ половиной, вдова Пигерръ, придя, по обыкновенію, съ хлѣбомъ, была удивлена, что ключъ, который, ложась спать, больная вынимала аккуратно, оказался въ дверяхъ. Пигерръ входитъ въ комнату и застаетъ Повъ въ самомъ грустномъ положеніи. На лицѣ,—слѣды жестокихъ мукъ; кровать и полъ, вокругъ нея, залиты рвотою, ее мучившею, въ теченіи ночи. Торговка спѣшитъ предупредить Фелицату и Аделаиду де Повъ, которыя, съ нѣкотораго времени, уходили спать въ антресоли.

Объ дочери бѣгутъ внизъ, но мать говоритъ, что у нея расстройство желудка, и проситъ оставить ее одну. Повинуясь, онѣ возвращаются къ себѣ. Къ 8 часамъ утра, опять визитъ Поммеръ и, какъ наканунѣ, вечеромъ, опять безъ свидѣтелей.

Тяжесть переносимыхъ ею страданій очевидна; но,—вовсе не

думая о безотлагательной помощи, которой требуетъ положеніе больной, и не предупредивъ никого объ угрожающей опасности,— онъ бросаетъ ее на произволъ случайностей и дальнѣйшихъ мукъ. Въ силу горькаго заблужденія, страданія не внушали безпокойства и ей самой; развѣ, для полученія 3000 франковъ ренты, на которую она надѣется, не стоитъ похворать? Съ другой стороны, да Поммерэ успокоиваетъ въ отношеніи послѣдствій припадковъ;... и вотъ, нѣсколько минутъ позже, она уже сама такъ поучаетъ свою дочь Фелицату: „Онъ сказалъ, что это холера и что я не буду мучиться долѣе 24 часовъ“. Наконецъ, болѣзнь не могла казаться страшной потому, что, какъ увѣрялъ Поммерэ, онъ испыталъ ее самъ и выздоровѣлъ при помощи средства, которое принесетъ и ей. Отсюда понятно, что, не требуя ухода за собою, она приказываетъ дочерямъ идти въ училище, какъ обыкновенно. Но, едва это желаніе было исполнено, муки начали усиливаться и больная оставалась бы безъ всякаго призрѣнія, не будь сосѣдки Делетръ, которая навѣщала ее, отъ времени до времени. Въ часъ дня, пріѣхалъ врачъ, съ которымъ Повь совѣтовалась нѣсколько разъ прежде,—докторъ Годино. Принимая, какъ сказано, ея слова на вѣру, онъ полагалъ, что она, дѣйствительно, упала съ лѣстницы и что ея жалобы объясняются именно этимъ. Годино предписалъ извѣстное лѣченіе и образъ дѣйствій, совсѣмъ не подозрѣвая, что Повь, заранѣе, рѣшила не исполнять ничего.

Явившись узнать о результатѣ и освѣдомившись отъ Делетръ, что больная его не слушаетъ и совѣтами не руководствуется, онъ выразилъ живѣйшее неудовольствіе и ушелъ, не осмотрѣвъ ее вновь, но и не будучи удерживаемъ никѣмъ.

Вскорѣ, приходитъ Поммерэ, еще остается у Повь съ глазу на глазъ и, конечно, не можетъ не видѣть успѣховъ болѣзни съ момента, когда былъ въ послѣдній разъ. Просидѣвъ нѣсколько минутъ, онъ, тѣмъ не менѣе, безучастно, покинулъ ее одну; опять не предпринялъ и даже не указалъ ни одной изъ тѣхъ предосторожностей, которыя вызывались простымъ человѣколюбіемъ. Наконецъ, въ 6 часовъ вечера, вдова Повь умираетъ, почти на глазахъ доктора Бланшета, наскоро приглашеннаго дѣвушкой Гюльмандъ, но, къ несчастью, уже, когда всякая помощь была излишнею.

Обвиняемый приходитъ въ третій разъ, около 8 часовъ вечера. Гюльмандъ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ, говоритъ, что Повь умерла. Такая новость не удивляетъ его и не волнуетъ; поднявшись въ комнату, онъ холодно приближается къ останкамъ той, которая его такъ много любила; убѣждается, что она, дѣйствительно, умерла, и уходитъ, дѣлая видъ, что это результатъ паде-

нія Повь съ лѣстницы. „Да, вы глумитесь надъ нами!“ вскричала Гюльмандъ: „Госпожа Повь совсѣмъ не падала,“—а когда онъ, повидимому, хотѣлъ настаивать, воскликнула: „Не увѣряйте, пожалуйста! Да будетъ вамъ извѣстно, что я посвящена въ дѣла умершей.“ Такимъ образомъ, она хорошо знала причину смерти и, по этому предмету, теперь, не можетъ быть сомнѣній: вдову Повь отравилъ Поммерэ, вечеромъ 16 ноября.

Въ упомянутый вечеръ, ее не видалъ никто, кромѣ обвиняемаго. Онъ провелъ съ нею долгіе часы наединѣ, а, непосредственно затѣмъ, ночью, у нея началась рвота, послужившая для ученыхъ доказательствомъ, что ядъ былъ введенъ въ организмъ, лишь *за нѣсколько минутъ* ранѣе.

На слѣдующій день, онъ ее видѣлъ 2 раза; свидѣтелей опять не было, и ничего не могло быть легче, какъ возобновить пріемъ отравы, если бы понадобилось; онъ одинъ имѣлъ выгоду совершить злодѣяніе и, несомнѣнно, замышлялъ его уже, когда совѣтовалъ Повь отдать свою жизнь на страхъ,—предпріятіе, котораго ничѣмъ другимъ объяснить не возможно.

Въ самомъ дѣлѣ. Какія бы инныя соображенія могли руководить имъ? Развѣ Повь могла когда либо задолжать 550,000 франковъ, какъ значится въ актѣ отъ 31 августа? Вѣдь, онъ самъ, на первыхъ же шагахъ слѣдствія, оказался вынужденнымъ признать, насколько эта цифра преувеличена. Начавъ уменьшать ее до 150,000 и до 100,000 франковъ онъ согласился потомъ, что и подобная оцѣнка гораздо выше истинной; наконецъ,—ограничилъ размѣръ долга 25,000 франковъ; но и отсюда 13,000 франковъ переданы имъ Повь не раньше конца сентября,—стало быть, много спустя, по заключеніи страховыхъ договоровъ.

Значить, его ссуды или подарки низводятся къ очень скромнымъ размѣрамъ; а если Повь встрѣчала поддержку въ нуждѣ, то чаще отъ лицъ, постороннихъ, чѣмъ отъ Поммерэ. Во всякомъ случаѣ и даже признавая, на минуту, справедливость такого расчета обвиняемаго, необходимо заключить, что, для полученія 12,000 франковъ, онъ принудилъ Повь подписать договоръ на полмиліона; очевидно, далѣе, что, для избѣжанія потери столь незначительной суммы, онъ лично обязался вносить до 19,000 франковъ ежегодно.

Будучи вѣн средствъ исполнить обязательство и учинивъ первый взносъ только съ большимъ трудомъ, онъ, разумѣется и очень скоро, оказался бы несостоятельнымъ, а между тѣмъ *прекрасно* зналъ, что, при этомъ условіи, всѣ предыдущіе взносы теряются, безвозвратно. Нельзя поэтому спорить что, съ самаго

начала операціи, онъ уже мечталъ, какъ бы устроить такъ, чтобы, въ дальнѣйшихъ платежахъ, не предстояло надобности; а, когда явился къ давней подругѣ съ извѣстнымъ, столь роковымъ для нея предложеніемъ, злодѣйство, которое совершилъ въ ноябрѣ, обдумалъ уже всесторонне. Отлично понимая, какъ трудно обнаружить этотъ ядъ и насколько его дѣйствіе сходно съ припадками въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ желудка, онъ, еще въ то время, добылъ дигиталинь, въ размѣрѣ, прямо чудовищномъ. Три грамма были куплены между 11 и 19 іюня, а, при обыскѣ, найдено лишь 15 центиграммовъ. Куда дѣвалось остальное? Поммерэ не могъ истратить его для больныхъ, потому, что, въ гомеопатической медицинѣ, дигиталинь, обыкновенно, не употребляется, а если дають его, то въ количествѣ, неизмѣримо маломъ. Кромѣ того, онъ не въ силахъ указать, кому прописывалъ это средство, а когда увѣряетъ, что посылалъ товарищамъ, въ провинцію, то не можетъ назвать ни одного. Наоборотъ, смерть госпожи Повъ *четко* опредѣляетъ недостатокъ яда, обнаруженный слѣдствіемъ.

Среди такихъ, подавляющихъ уликъ, обвиняемый твердитъ одно: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю; онъ де никогда не думалъ покушаться на жизнь Повъ.... А, если она, дѣйствительно, умерла отъ яда,—намекаетъ, что столь грустная кончина могла быть рѣшена, въ минуту отчаянія, ею самою. Подобная инсинуація опровергается, однако, не только всѣми, знавшими умершую, но, прежде всего, образомъ дѣйствій подсудимаго, въ теченіи цѣлаго дня, 17 ноября. Не очевидно ли, что, если бы Повъ приняла отраву не изъ его рукъ, Поммерэ, увидѣвъ ее больною, во вторникъ, утромъ, а, въ понедѣльникъ, вечеромъ, оставивъ совершенно здоровою, озаботился бы ея положеніемъ и сталъ бы искать причины. Всесторонне изучивъ, какъ самъ говоритъ, природу ядовъ и наблюдая мученія Повъ, онъ не могъ ошибаться. Запахъ изверженій, покрывавшихъ кровать и полъ, долженъ былъ, уже самъ по себѣ, открыть ему глаза. Безучастіе, съ которымъ онъ, наоборотъ, отнесся къ подобнымъ явленіямъ, глубокое молчаніе обо всемъ, что могло возбудить тревогу или вызвать какую либо помощь, а, съ другой стороны, упрямство, съ которымъ онъ возвращался около двухъ часовъ дня и вечеромъ, были бы непонятны, если не допустить, что онъ самъ приготовилъ ядъ для Повъ и приходилъ только наблюдать его успѣхи. Это печальное событіе тронуло его такъ мало, а получить 550,000 франковъ, ради которыхъ убилъ человѣка, онъ жаждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что, вслѣдъ за похоронами, немедленно, онъ уже пишетъ всѣмъ восьми правленіямъ страховыхъ обществъ, приглашая ихъ заготовить

средства для уплаты суммъ, означенныхъ въ полисахъ и подлежащихъ выдачѣ въ силу факта смерти Повъ. Предусматривая, далѣе, затрудненія, которыя могли бы возникнуть со стороны ея дѣтей, и желая увѣрить, что дѣйствуетъ по соглашенію съ ихъ опекунами, онъ диктуетъ своей сестрѣ и заставляетъ ее подписать, отъ имени не существующаго адвоката Шатору, письмо, въ которомъ послѣдній ведетъ будто съ нимъ *переговоры о мракѣ въ защиту интересовъ* малолѣтнихъ—Аделаиды и Фелицаты Повъ. Стремясь познать, какою бы ни было цѣною, плоды злодѣянія, онъ, явно, не дорожилъ ничѣмъ!...

Защищаясь, онъ, тѣмъ не менѣе, утверждалъ, что, будучи далекъ отъ увлеченія жадностью, всегда работалъ въ пользу дѣтей Повъ и, въ доказательство, представилъ актъ отъ 20 августа, которымъ отказался, въ пользу этихъ дѣтей, отъ всѣхъ выгодъ по страховымъ договорамъ, ему переданнымъ. Но, весьма скоро, обнаружилось, что этотъ актъ не имѣетъ никакого значенія. Во первыхъ, онъ оставался въ рукахъ Поммерэ и ни одной копіи, въ квартирѣ Повъ, не найдено, такъ что никому не могло прійти въ голову на него сослаться, если бы о его существованіи не заявилъ самъ подсудимый. Во вторыхъ, онъ протіворѣчитъ позднѣйшему акту отъ 31 августа, гдѣ уступка страховой преміи была повторена Повъ, безъ всякой оговорки въ пользу ея дѣтей. Наконецъ, самъ Поммерэ, отнюдь, не почиталъ себя связаннымъ актомъ 20 августа, ибо, въ тотъ же день, когда его сочинилъ, онъ, на вопросъ судебного слѣдователя, каково, по его мнѣнію, значеніе, этого документа для него самого, отвѣчалъ, безъ колебаній: „что, прежде всего, получилъ бы 550,000 франковъ и что его дальнѣйшее поведеніе зависѣло бы отъ образа дѣйствій семьи Повъ и отъ содержанія духовнаго завѣщанія покойной“. Завѣщанія, которымъ отказывалось ему все, до пользованія частью имущества, сохраняемою, по закону, дѣтямъ, включительно!

Чуть не наканунѣ ареста, Поммерэ принесъ, въ свое оправданіе, 23 письма, будто бы присланныя Юліею Повъ и помѣченныя разными числами отъ 15 іюня до 16 ноября. Изъ переписки явствовало, что родъ застрахованія, принятый умершею, былъ избранъ ею самою, послѣ долгаго размышленія и вопреки препятствіямъ, которыя были ей дѣлаемы; что ея цѣль—вознаградить Поммерэ за денежныя жертвы, имъ для нея понесенныя и предстоявшія вновь, послѣ заключенія страховыхъ договоровъ; что, кромѣ этого, въ послѣднихъ числахъ сентября, она, дѣйствительно, упала съ лѣстницы, ушиблась такъ, что чуть не умерла на мѣстѣ, и что лице, которое она посылала за докторомъ, не думало застать ее въ

живыхъ; наконецъ, что 21 июня, уже будучи больной, она, по совѣту медика, „принимала дигиталинъ въ значительномъ количествѣ“.

Было не трудно доказать, что большая часть содержанія писемъ ничего общаго съ истиной не имѣетъ. Такъ, 28 сентября, Повъ „на колѣняхъ благодарить“ Поммерэ за присылку 30,000 франковъ, а, между тѣмъ, обвиняемый самъ признаетъ, что такихъ денегъ не посылалъ. Съ другой стороны, установлено, что, въ сентябрѣ, Повъ не падала и не ушибалась; что, вплоть до 16 ноября, она чувствовала себя прекрасно и что, именно въ эпоху подписанія договоровъ, а, слѣдовательно, позже 21 июня, врачи страховыхъ компаній нашли ея здоровье не оставляющимъ желать ничего лучшаго. Изъ-за чего же стала бы говорить она, въ письмахъ, о страданіяхъ и дигиталинѣ, который, дескать, заставлялъ принимать ее врачъ?

Вопросъ, теперь, достаточно, освѣщенный. По доброй волѣ, Повъ не написала ни одного письма; всѣ продиктованы Поммерэ, въ расчетѣ обратить ихъ, со временемъ, на защиту себя.

Подчиняясь, беззавѣтно, Повъ думала, что эти письма необходимы для убѣжденія страховыхъ обществъ въ ея притворной болѣзни и съ цѣлью мотивировать сдѣлки, возникшія между нею и Поммерэ. А онъ уносилъ ихъ, немедленно. Достаточно взглянуть, дабы убѣдиться, что письма не были сдаваемы на почту; ни на одномъ нѣтъ слѣдовъ помятія, которые, неизбѣжно, являются, когда конвертъ проходитъ черезъ нѣсколько рукъ.

Обвиняемый не можетъ, далѣе, сказать, кто ихъ принесъ; швейцаръ и прислуга его квартиры показали, что ни единого не видѣли, никогда. Затѣмъ, хотя Повъ бесѣдуетъ, въ каждомъ письмѣ, такъ, какъ бы не встрѣчала Поммерэ давно, однако, несомнѣнно, что 12, 14 и 16 ноября,—числа, которыми помѣчены три послѣднія письма,—онъ навѣщалъ ее аккуратно. Фелицата, ея дочь, положительно, удостовѣряетъ, что, заставляя мать писать, онъ уносилъ ея письма, каждый разъ, съ собою.

Будучи, такимъ образомъ, приготовлена въ интересахъ защиты, эта переписка увеличиваетъ, наоборотъ, сумму уликъ, надъ нимъ уже тяготящихся.

Но упомянутыя письма не были единственными, составленными Повъ, подъ его диктовку: *на другой день послѣ ея смерти*, многіе родственники ея, между прочимъ, отецъ и сестра, получили еще письма, гдѣ она сообщала, что очень больна, и просила навѣстить, безъ замедленія, если хотятъ застать ее въ живыхъ. Не заключающая никакой помѣты и будучи сдана на почту вечеромъ 17 ноября

лишь нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она испустила духъ, эти письма имѣли цѣлью заставить родныхъ повѣрить, что она, дѣйствительно, хвораетъ тяжело, и устранить, изъ ихъ сознанія, всякое, другое предположеніе. Оказалось, что обвиняемый продиктовалъ ихъ Повъ, еще за шесть недѣль раньше; она, тогда же, рассказала объ этомъ нѣкоей Виллеманъ, и, по удостовѣренію свидѣтельницы, писать было такъ грустно, что, составляя ихъ, покойная не могла удержаться отъ слезъ.

Независимо отъ сего обнаружено, что преступленіе, жертвою котораго стала Юлія Повъ, было не первымъ дѣломъ рукъ Поммерэ. За два года до того и при помощи тѣхъ же средствъ, онъ покончилъ съ своею тещею Дюбизи. Въ августъ 1861 года, сыграли свадьбу. Этотъ бракъ состоялся не безъ большихъ затрудненій. Дюбизи-мать питала явное отвращеніе къ своему будущему зятю, похвальбы котораго своимъ богатствомъ казались ей очень подозрительными и который, дѣйствительно, бралъ, въ займы, на это время, у ростовщика Пелорди де Нѣвила, акціи на предъявителя, которыми, затѣмъ, бравировалъ предъ тещей. Но, какъ бы ни была основательна ея ненависть, не удалось ей внушить того же чувства дочери; все, чего могла она достигнуть, заключалось въ постановленіи брачнаго договора, что супруги будутъ владѣть имуществомъ, другъ отъ друга, независимо.

Вынужденный подчиниться такому условію, Поммерэ оказался въ невозможности располагать деньгами своей жены еще и потому, что Серафима Дюбизи, зорко, наблюдала за нимъ. Очевидно, что лишь смерть ея могла освободить отъ этого неусыпнаго надзора, передавая, съ другой стороны, въ его распоряженіе, цѣнности, составлявшія ея долю.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ 4 октября, у дрогиста Мѣнье, онъ покупаетъ 50 сентиграммовъ дигиталина. Почти непосредственно, вслѣдъ за объѣдомъ, на которомъ присутствовалъ и онъ, у г-жи Дюбизи, пользовавшейся до того отличнымъ здоровьемъ, внезапно, началась сильная рвота. Доктора Лабушеръ и Луазо приглашаются, одинъ за другимъ, прописываютъ разныя лѣкарства, но ихъ совѣты не исполняются. Лабушеръ ограничивается однимъ визитомъ; что же касается Луазо, то, по его собственному признанію, онъ служилъ лишь подручнымъ у Поммерэ.

Лѣченіемъ руководилъ, на самомъ дѣлѣ, только послѣдній; объясняя тошноту, какъ приступъ холеры, — діагнозъ, отвергнутый Луазо, — онъ посылаетъ въ аптеку Лабенвиля за такими средствами, которыя могли быть назначены развѣ противъ этой болѣзни. Десять сентиграммовъ дигиталина и 25 сентиграммовъ солянокислаго

морфія получены изъ аптеки, согласно требованіямъ Поммерэ, въ ночь съ 9-го на 10е октября, а на утро Дюбизи отдаеть Богу душу!

Завладѣвъ движимостью, принадлежавшею тещѣ и достигавшею 45 или 50,000 франковъ, немедленно, онъ воспротивился составленію охранительной описи, а затѣмъ распорядился цѣнностями такъ, что большинство ихъ исчезло.

Стало быть, онъ достигъ цѣли и могъ сохранять увѣренность, что злодѣяніе не откроется никогда. Каково ни было удивленіе, причиненное столь внезапною смертію Дюбизи, никто не обратилъ вниманія на все, что, въ подобномъ фактѣ, было необъяснимаго; лишь данныя, относящіяся ко вдовѣ Повъ, напомнили подробности смерти Дюбизи, и вотъ, на очередь, явилось еще одно преступленіе, отягчающее судьбу Поммерэ.

Вскрытіе, спустя два года послѣ смерти, разумѣется, не могло дать такихъ же результатовъ, какъ если бы оно было произведено во время. Такой значительный промежутокъ исключилъ для врачей возможность опредѣлить, съ увѣренностью, причину смерти. Тѣмъ не менѣе, докторъ Тардье удостовѣряетъ, что главнѣйшіе органы не разрушены до сихъ поръ и что, при этомъ условіи, весьма трудно объяснить кончину Дюбизи естественнымъ путемъ. Независимо отъ сего, онъ видитъ много страннаго въ болѣзни, развившейся такъ быстро, на совершенно здоровомъ тѣлѣ, и не имѣющей ничего общаго съ ударомъ, холерою или аневризмомъ; ему, съ другой стороны, кажутся прямо несообразными дозы морфія и дигиталина, выписанныя обвиняемымъ изъ аптеки.

Такимъ образомъ, у Дюбизи, какъ и у Повъ, анатомическое изслѣдованіе не обнаружило ни одного органическаго порока, которымъ можно было бы мотивировать ихъ смерть. На ряду съ этимъ, не открыло и слѣдствіе другихъ припадковъ болѣзни, кромѣ рвоты, появлявшейся, каждый разъ, при цвѣтущемъ здоровьѣ и при отсутствіи какой либо видимой причины.

Въ обоихъ случаяхъ, Поммерэ оказывается на лице, за нѣсколько минутъ до появленія этихъ симптомовъ, и, всякій же разъ, не задолго предъ ними, покупаетъ большое количество дигиталина. Ядъ исчезаетъ, а подсудимый не можетъ объяснить, куда? Посему необходимо заключить, что Дюбизи погибла тѣмъ же путемъ, какъ и вдова Повъ, и что онѣ обѣ принесены въ жертву его алчности.

На основаніи изложеннаго, Деэирэ Эдмундъ Кути де ла Поммерэ обвиняется въ томъ, что: 1) въ 1861 году, въ Парижѣ, черезъ вещество, способное причинить смерть, лишилъ жизни

Серафиму Деммонъ, вдову Дюбизи, и 2) въ томъ же городѣ, въ 1863 году, при помощи медикамента, способнаго лишить жизни, умертвилъ Юлію Франсуазу Тестю, вдову де Повъ.

Во все время чтенія обвинительнаго акта, да Поммерэ былъ поглощенъ изученіемъ разнообразныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ имъ въ острогѣ.

По допросѣ 84 свидѣтелей и по выслушаніи заключенія экспертовъ, сталъ говорить прокуроръ Оскаръ де Валлэ и произнесъ блестящую и увлекательную обвинительную рѣчь.

Лашо отвѣчалъ ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Господа судьи!

Господа присяжные засѣдатели!

Я готовъ отвѣчать на красивую, возвышенную и, съ удовольствіемъ, признаю это, очень умѣренную обвинительную рѣчь. Меня радуешь, особенно въ столь грозныхъ дѣлахъ, изящество борьбы: достоинство правосудія на этомъ только выприваешь, а истина ничего не теряетъ. Такимъ образомъ, среди возраженій, нынѣ открываемыхъ, и мое слово будетъ мирнымъ; подражая прокурору, я стану лишь развивать его идеи.

Памятуя наши длинныя засѣданія, вы легко признаете, что останавливаться на всѣхъ мелочахъ процесса невозможно, и я постараюсь быть краткимъ. Но я не могу не разсчитывать на снисхожденіе судей, въ теченіи долгихъ часовъ.

Не могу, съ другой стороны, идти за представителемъ обвинительной власти въ порядкѣ, который былъ сейчасъ указанъ въ его рѣчи; тѣмъ не менѣе, ни одно изъ его замѣчаній, повѣрьте, не останется безъ отвѣта. Не разъ, предстоитъ намъ обращаться къ единственному вопросу дѣла: располагаете ли, заручились ли вы непререкаемымъ доказательствомъ, что подсудимый виновенъ, въ какомъ либо преступленіи?

Въ этомъ вопросѣ, господа,—все! Нельзя, конечно, забывать окружающихъ данныхъ: характера человѣка, его привычекъ, антипатій или симпатій, имъ внушаемыхъ; считаться съ этимъ, понимаю, необходимо. Смотрите же зорко кругомъ! Но, хорошо осмотрѣвшись, вамъ надо вернуться къ центру тяжести задачи и у самыхъ фактовъ обвиненія спросить не о томъ, честенъ или безнравственъ Поммерэ, а убійца ли онъ; не о томъ, унижительно или похвально спекуляціи, продѣланныя въ страховыхъ обществахъ, а онъ ли убилъ человѣка? Когда же мы потребуемъ, расчле-

нимъ и усвоимъ послѣдній запасъ уликъ, ваша совѣсть, не постѣйте на предсказаніе, будетъ вынуждена заявить, что очевидныхъ данныхъ, вамъ обѣщанныхъ, нѣтъ и что оправдательный приговоръ неизбѣженъ.

А, милостивые государи! Будьте осторожны, и, если хотите вспомнить послѣднія слова прокурора, — содрогайтесь! Общественное мнѣніе, — я не знаю, каково оно въ данномъ случаѣ, — но если враждебно обвиняемому, если оно требуетъ крови, развѣ этого довольно, чтобы увлечь и вашу умъ? Знакомо ли оно съ дѣломъ? Изучило ли, подобно вамъ, его сокровеннѣйшія тайны? Не принимаютъ ли кажущагося за дѣйствительность? Давъ обѣтъ Богу открыть сущую правду, которой, съ мучительнымъ безпокойствомъ ждуть отъ васъ люди, — пойдете ли вы, судьи, искать, внѣ этого зала, роковыхъ впечатлѣній и вѣяній, правосудію чуждыхъ? Нѣтъ! Позвольте сказать безъ лести, я знаю, что мнѣ думать о васъ; — вѣдь, уже восемь дней какъ мы знакомы; восемь дней, какъ, оставаясь безстрастными, вы не позволяете ропоту публики доходить до себя. Даже невольнаго, въ такомъ дѣлѣ, волненія не испытали вы ни разу и такъ замкнулись въ глубинѣ своего духа, что, прокуроръ, охотно, признаетъ это со мною, ни одинъ жестъ, намекъ или звукъ не измѣнили вамъ!

Чего же бояться передъ такими судьями! Какъ бы ни было тяжело мое бремя, я, съ чистымъ сердцемъ, поднимаю его и надѣюсь достигнуть предначертанной цѣли. Впередъ! Но, прежде изслѣдованія фактовъ, намъ предъявленныхъ, спросимъ, что это за человѣкъ; какъ о немъ думать, чѣмъ обрисовать? Пусть это — существо, вздорное, себялюбивое и алчное къ деньгамъ; пусть онъ будетъ отверженнымъ негодяемъ, какимъ его, сію минуту, заклеилъ прокуроръ, — доказать, что Поммерэ отравитель, все таки, не удалось; вы могли говорить краснорѣчиво, могли отнять у него симпатіи всѣхъ, но вы не убѣдили насъ, что это преступникъ.

Да и съ такого портрета сколько надо снять красокъ!

Не мало прошло здѣсь свидѣтелей; нагромождено не мало указаній, въ ущербъ обвиняемому. Хотя на скоро, а провѣримъ этотъ матеріалъ.

Поммерэ еще очень молодъ; ему 33 или 34 года, а его семья очень уважаема, — всѣ въ томъ согласны. Воспитанный въ строгомъ началѣ нравственномъ, онъ видѣлъ, вокругъ себя, только хорошіе примѣры. Лишь пріѣхавъ въ Парижъ, онъ попалъ въ омутъ разныхъ увлеченій. Впрочемъ, не станемъ дѣлать натяжекъ: въ чемъ грязномъ и постыдномъ провинился онъ, раньше

преданія суду? Нося благородное имя, онъ, подобно другимъ, мечталъ о возможности титула; думалъ, какъ и представители власти, нами выслушанные, что происходитъ отъ графовъ де ла Поммерэ. Такъ увѣрили его самого, и вотъ, надъ его гербомъ, появляется графская корона. Но, когда требованія закона оказались болѣе строгими, когда понадобилось представить данныя, удостовѣрить право на нее,—онъ не пошелъ далѣе. Такова суетность, въ которой не перестаютъ упрекать его; вотъ подозрительный, самъ по себѣ обманчивый титулъ, которымъ онъ будто предполагалъ дурачить людей!

Что же еще? Поммерэ добивался ордена! Одинъ ли онъ заслуживаетъ порицанія? А, напримѣръ, лица, поощрявшія его свѣтами въ стремленіи, которое можно бы, кажется, извинить ему, развѣ не виноваты они, въ свою очередь? Имѣя большія связи, онъ вѣрилъ, что подобное отличіе получить не трудно; стремиться къ почестямъ, хотя бы не заслуженнымъ, развѣ ужъ такое дѣло, которому нѣтъ пощады? Справедливо ли карать юношу и за это?

Во всякомъ случаѣ, проступокъ отнюдь не настолько важенъ, чтобы вліять на рѣшеніе присяжныхъ сегодня. А, между тѣмъ, это все, что, по поводу тщеславія, могли бросить ему въ глаза. Ну, скажутъ, а его нравственныя убѣжденія? О! Да, понимаю: въ одинъ не прекрасный день, онъ попадаетъ къ человѣку, величавшему себя очень громко. Прато, маркизь д'Арнецано, опытный дѣлецъ, а съ нимъ рядомъ—прелестная женщина!... Поммерэ только 23 года; у Прато не хватаетъ денегъ разсчитаться съ Пишевенемъ; въ ихъ сдѣлкѣ по продажѣ вина, Поммерэ не причемъ,—это вполнѣ очевидно,—но, онъ допускаетъ себя разжалобить и Пишевень беретъ его въ поручители. Слѣдовало ли, говоря строго, добиваться этого? Пишевену 50 лѣтъ; предъ нимъ неопытный юнецъ, которому ничего не стоитъ разбросать свои деньги—и, вѣдь, онъ ихъ дѣйствительно бросилъ!... Безупречна ли сдѣлка Пишевена? Затѣмъ, когда наступилъ срокъ, обвиняемый понялъ, наконецъ, свою неосторожность; уплативъ сыну кредитора нѣсколько тысячъ франковъ, онъ не хотѣлъ вносить остальныхъ.

Предъ закономъ, онъ, разумѣется, не правъ; но не менѣе очевидно, что ему довелось поплатиться за другаго; требуя уступокъ, онъ прибѣгаетъ къ нехорошему средству и я первый осуждаю его; но опять, развѣ выходка такъ ужъ не прилична, что ее нельзя не разсматривать какъ дѣяніе, позорное? Таковъ случай съ Пишевенемъ.

Обратимся къ дѣлу Гастье. Это врачъ-гомеопатъ. Поммерэ покупаетъ у него фирму и вноситъ часть денегъ. По его словамъ, Гастье не исполнилъ обязательства, и это правда: среди протоколовъ слѣдствія, находятся два письма, удостовѣряющія, что Гастье, отказавшись отъ права принимать больныхъ, давалъ имъ, однако, совѣты. Негодуя, Поммерэ прибѣгаетъ къ мѣрамъ, можетъ быть, не похвальнымъ. Является дѣловой человѣкъ, посредникъ; Гастье даютъ понять, что будутъ требовать уничтоженія договора, ибо онъ нарушилъ условіе, имъ же предложенное. Продавецъ убѣждается и ограничиваетъ свои требованія четырьмя съ половиною тысячами франковъ. Вотъ данныя, которымъ еще менѣе къ лицу важность, приписываемая обвиненіемъ.

Что бы ни рассказывали, Поммерэ не былъ исключаемъ изъ общества врачей-гомеопатовъ; одинъ изъ нихъ, положительно, удостовѣрилъ это предъ вами. Но, напечатавъ объявленіе, которымъ и вы можете его упрекнуть, онъ затронулъ щекотливость товарищей. Затребовали объясненій, онъ ихъ представить отказался и тѣмъ былъ вынужденъ уйти изъ общества.

Болѣе тяжкимъ и позорнымъ могло бы казаться слѣдующее: будучи членомъ братства взаимной помощи во имя св. Оомы Аквитанскаго, онъ, говорятъ, требовалъ съ бѣдныхъ, не знаю, какую то вздорную плату за медикаменты. Теперь дѣло разъяснилось. Не хочу называть именъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ печальномъ спорѣ. Что же именно узнали мы? Безспорно, что договоръ обвиняемаго съ аптекаремъ Веберомъ къ помянутому обществу не относится. Ну, а договоръ самъ по себѣ, такъ ли недобросовѣстенъ, какъ полагаетъ прокуроръ? Вотъ, что произошло. Независимо отъ больныхъ братства, Поммерэ имѣлъ собственную лѣчебницу для бѣдныхъ; приходили многіе и онъ давалъ имъ рецепты на аптеку Вебера, о чемъ, подробно, рассказалъ на судѣ. Мнѣ еще придется къ нимъ вернуться. Каковъ обычай въ лѣчебницахъ? За квартиру платитъ аптекаръ; хорошо ли, дурно, но такъ дѣлается. Веберъ не захотѣлъ подобнаго обязательства, а нашелъ выгоднѣе уступать съ цѣны каждаго лѣкарства, порознь. Договоръ безусловно честенъ, ибо квартира стоила дороже, чѣмъ Поммерэ получалъ отъ лѣкарствъ. Разсуждая по совѣсти, нѣтъ здѣсь ничего преступнаго, такого, что могло бы возмутить противъ обвиняемаго, даже будь негодованіе умѣстно, на судѣ, вообще.

Стало быть, упреки обвинителя теряютъ, по изслѣдованіи, всякое значеніе.

Съ вопросомъ можно бы и покончить, не будь фактовъ, причиняющихъ намъ раны, гораздо болѣе тяжелыя.

Говорили объ атеистическихъ убѣжденіяхъ Поммерэ, о плачевномъ вѣроученіи, имъ изложенномъ въ духовномъ завѣщаніи и въ особой книгѣ. Очень мало предстоитъ сказать, по этому поводу, мнѣ; не больше прокурора готовъ я требовать отчета, что думаетъ о религіи г. Поммерэ; но я глубоко сострадаю роковой ошибкѣ, которая, въ эту минуту, должна быть источникомъ сильнаго горя для него самого.

Въ этой юдоли плача, я не знаю другаго утѣшенія, чѣмъ то, которое даетъ намъ вѣра и сознаніе, что Господь разсудитъ насъ всѣхъ. Съ моей точки зрѣнія, не заслуживаетъ ничего, кромѣ милосердія, горемыка, полагающій, что, съ его жизнью въ этомъ мірѣ, все кончено; повторяю, — а разумъ, прежде сердца убѣждаетъ насъ, — рѣшительно необходимо, чтобы гонимые судьбою и, въ этой пучинѣ скорбей, не заслужившіе своей горькой доли, нашли бы награду въ небесахъ, а виновные, но счастливые встрѣтили бы тамъ кару за благополучіе, котораго недостойны. Поммерэ думалъ иначе. Позвольте же убѣдить васъ, господа, — отнынѣ, вѣра осѣнитъ его! Если не виновать, если, какъ я утверждаю, онъ попалъ сюда только въ силу печальнаго заблужденія, кто его утѣшитъ, кто дастъ силы перенести такія муки? Не здѣшній міръ, конечно; вѣдь, ему сейчасъ говорили, что общественное мнѣніе негодуетъ, едва слышитъ имя Поммерэ; возмущается при напоминаніи о немъ. Не можетъ этого сдѣлать и судебная власть; она его оправдаетъ; но, вѣдь, именно, она его преслѣдовала, а, преслѣдуя, опозорила. Одинъ Богъ — вѣрное убѣжище! И я въ правѣ думать, что, за грознымъ испытаніемъ, которое выпало на его долю, глубокая и чистая вѣра овладѣетъ его душою. Если онъ еще сомнѣвался въ Божіемъ бытіи, — несчастіе приведетъ его къ милосердному Господу!

Вотъ, что довлѣетъ замѣтить о прошломъ подсудимаго. Такимъ образомъ, вы слышали отвѣтъ на мрачную картину, изготовленную обвиненіемъ.

Будемъ же справедливы; — когда его молодость упрекаютъ кое въ чемъ, то не надо забывать, что Поммерэ былъ всегда трудолюбивъ. Отправленный въ Парижъ, почти безъ средствъ, онъ работалъ и, уже въ ранней молодости, завоевалъ медицинскую практику, результаты которой, можетъ быть, преувеличиваетъ, но которая, безъ сомнѣнія, имѣла цѣну.

Позорныхъ долговъ, — свидѣтелей пьянаго разгула и грязныхъ привычекъ, — тоже нѣтъ у него.

А его кротость въ отношеніи больныхъ! Разумѣется, не забыли вы и несчастныхъ женщинъ, которыя, даже сюда; пришли

украсить его свиту? Онъ явились удостовѣрить, что это искренній и благородный человѣкъ; говорили не только о сердцѣ и знанїи, но и о его безкорыстїи. Все это мы обязаны записать ему на приходѣ, и было бы странно выкраивать отвратительное существо изъ того, кто имъ никогда не былъ; надо судить о лицѣ по заслугамъ и порицать, когда неизбѣжно; но не справедливо отнимать качества, ему присущія, на примѣръ, искренность и душевную простоту, которыя ни скрыть, ни поддѣлать немислимо.

Таковъ былъ Поммерэ въ 1861 году, собираясь жениться. Къ этому времени, имѣйте въ виду, господа, приурочено обвиненїе, навзничъ ниспровергаемое фактами, а не словами только.

Не знаю, предлагалъ ли кто нибудь моему клиенту жалкїя и постыдныя сдѣлки, въ расчетѣ на его выгодный бракъ; не вѣдаю, охотились ли за нимъ скверные люди, ведущїе торгъ женщинами сообразно предложенной цѣнѣ. Но я хорошо знаю, что, встрѣтивъ дѣвушку, онъ побѣдилъ ее самъ; никто не былъ ея поставщикомъ за „приличное“ вознагражденїе. Въ точности извѣстно, какъ произошла встрѣча; а если прокуроръ пренебрегаетъ ея подробностями, да будетъ позволено мнѣ остановиться на нихъ, тѣмъ внимательнѣе.

Однажды Поммерэ увидѣлъ барыню,—это была мать; съ нею, рядомъ, шла прелестная дѣвушка, духовное изящество которой, можетъ быть, еще выше физической красоты.

Бѣдная женщина! Чѣмъ провинилась она передъ Богомъ, чтобы, уже на этомъ свѣтѣ, переживать такое страшное горе. Для нея, по крайней мѣрѣ, вы, вѣроятно, не найдете ничего, кромѣ страданїя и нѣжности. Кто ее знаетъ, кто понялъ величїе ея сердца, тотъ давно оцѣнилъ ея изумительную преданность этому человѣку; она не сомнѣвается въ немъ ни мало. Да, у Господа есть непостижимыя тайны, когда столь чистую душу онъ подвергаетъ такимъ суровымъ испытанїямъ!...

Итакъ, Поммерэ ее встрѣтилъ и увлекся; видѣлъ еще разъ, обратилъ вниманїе на себя; а затѣмъ былъ приглашенъ къ нимъ въ домъ. Вызвалъ отца и черезъ него сталъ просить у г-жи Дюбизи руки ея дочери. Слѣшилъ ли онъ со свадьбой; было ли что нибудь похожее на брачное мошенничество? Можетъ быть, не успѣли собрать никакихъ свѣдѣнїй? Наоборотъ, милостивые государи, прошло восемь или десять мѣсяцевъ ранѣе, чѣмъ бракъ совершился окончательно; справки наводили повсюду; Дюбизи-мать писала, наблюдала, спрашивала. Утверждаютъ, что она была противъ этого брака, возставала долго и если уступила, то лишь предъ категорическою волею дочери; это не вѣрно. Но, если бы

даже это была правда, она лишь доказала бы, что возможность разузнать все имѣлась и что, въ моментъ брачнаго договора, положеніе жениха изучили до тонкостей.

Чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Въ правѣ ли мы видѣть въ немъ человѣка безъ средствъ, который, не имѣя ничего, беретъ дѣвушку, сравнительно богатую? Какое заблужденіе?! Его отецъ располагалъ состояніемъ, котораго я не намѣренъ преувеличивать, но и не вижу надобности скрывать. Мѣстный мировой судья упомянулъ о недвижимомъ имѣніи цѣною отъ сорока до пятидесяти тысячъ франковъ; чего стоитъ движимость, онъ не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, больше, чѣмъ предполагаетъ г. судья. Не все ли, впрочемъ, равно! Вѣдь, и въ такихъ средствахъ лежалъ залогъ будущаго. Что же касается сына, то онъ работалъ усердно и кое что сберегъ; въ брачномъ контрактѣ, никакого подарка отца не значится; стало быть, объявляя, что владѣетъ суммою около тридцати тысячъ франковъ, Эдмундъ Поммерэ говорилъ о томъ, что успѣлъ сберечь самъ и чѣмъ помогъ ему отецъ раньше.

Договоръ заключается, но въ немъ есть уловка; хотите, чтобы я первый осудилъ ее? Порицаю. Дѣйствительно, располагая цѣнностями на заявленную сумму, женихъ предъявилъ бумаги, ему не принадлежавшія. Это дурно. Но онъ объяснилъ, почему; мѣра обуславливалась требованіемъ самой Дюбизи. На его вопросъ, чего хотите: имѣнія или денегъ, она, черезъ нотариуса, отвѣчала, что предпочитаетъ государственную ренту. Теща Поммерэ была не безъ причудъ; намъ, вѣдь, говорили объ этомъ; свидѣтели показывали... Помѣстивъ капиталъ въ иностранныхъ цѣнностяхъ, обвиняемому не оставалось выхода, какъ добыть, на время, у пріятеля, французскихъ бумагъ, и дѣло устроилось.

Обманъ ли это? Если хотите, пожалуй; не говорите только, что это грязная спекуляція, которую нельзя объяснить ничѣмъ, кромѣ подлога.

Женившись, ла Поммерэ поселяется у тещи, хотя, если вѣрять нѣкоторымъ свидѣтелямъ, она питала къ нему глубокое отвращеніе. Вспомните, однако, что бывали дни, когда, повидимому, она презирала и свою дочь, а, затѣмъ, обращалась къ ней съ любовью и нѣжностью. Вообще, Серафиму Дюбизи знали, какъ женщину, немножко странную; у нея было прекрасное сердце, но очень тяжелый характеръ; опредѣляясь то тѣмъ, то другимъ, ея отношенія къ зятю, нерѣдко, мѣнялись. Въ моихъ же глазахъ, фактъ ихъ совмѣстной жизни—доказательство, что открытой вражды, какъ предполагають, не было. Поммерэ могъ имѣть отдѣль-

ную квартиру и все таки не переходилъ на нее, въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, мы въ правѣ, значительно, сократить натяжки, которыхъ были очевидцами на судѣ.

7-го октября 1861 года, слѣдовательно, около времени, когда зять рѣшилъ завести свое хозяйство, теща заболѣваетъ, внезапно, и этой болѣзни суждено было свести ее въ могилу. Безпристрастіемъ прокурора, данное событіе уже исключено изъ элементовъ обвиненія. Поэтому, рассмотримъ его лишь вкратцѣ. Судьи, конечно, вы, и за вами же послѣднее слово; но если не нашель уликъ прокуроръ, гдѣ станемъ искать ихъ мы? Тѣмъ не менѣе окинемъ взоромъ происшедшее. Возможно ли допустить, что существовали другія, нынѣ утраченныя, свѣдѣнія по дѣлу Серафимы Дюбизи? Мыслимо ли, чтобы долгій, упорный и едва оконченный трудъ, по изслѣдованію смерти Повъ, былъ вѣроятенъ и по отношенію къ тещѣ Поммерэ? Требуйте отвѣта у фактовъ, и вы не найдете ничего; ни одного цѣннаго, для обвиненія, двигателя, который раскрылъ бы причины, вовлекшія Поммерэ въ это первое злодѣяніе.

Вдова Дюбизи отличалась хорошимъ здоровьемъ только повидимому, а, въ сущности, давно страдала порокомъ сердца. Ночью съ 7-го на 8-е октября 1861 года, у нея, вдругъ, начинается сильнѣйшая рвота. Зять живетъ еще здѣсь, въ одной квартирѣ; жена его будить, онъ встаетъ и быстро принимаетъ мѣры; пишетъ рецептъ, къ которому мы сейчасъ вернемся. Этотъ рецептъ легъ въ основаніе обвиненія, а, по моему, онъ доказываетъ обратное, прямо свидѣтельствуя въ пользу Поммерэ. Оказалось, впрочемъ, что Дюбизи не вѣритъ гомеопатической медицинѣ и требуетъ доктора, у котораго лѣчилась когда то, прежде,—Лалуа. Посылаютъ за нимъ. Кто послалъ? Поммерэ? Распоряженіе было ли, по крайности, ему извѣстно? Онъ говоритъ, что отправилъ горничную самъ; а, если не спорить съ Лалуа, за нимъ, по собственной инициативѣ, явилась знакомая Дюбизи, госпожа Бюрге. Какъ бы ни было, врачъ отказался придти. Остальное безразлично.

Тогда, да Поммерэ зоветъ другаго медика Лабушера; не довольствуясь этимъ, онъ посылаетъ за Луазо, докторомъ, въ свою очередь, чуждымъ гомеопатіи. Наконецъ, приглашаютъ друга больной, Бюрге, тоже врача; его показаніе вы сами слышали. Выѣстъ съ Поммерэ, они проводятъ у ея изголовья цѣлую ночь. Вотъ вамъ, стало быть, четыре доктора. Что же произошло далѣе? Симптомы болѣзни не поразили изъ нихъ никого. Встрѣтивъ подобный фактъ, обвинители инсинуируютъ, что, изъ устъ Поммерэ,

сорвались, будто, слова: „У моей тещи холера“. Да, онъ это сказалъ, но, вѣдь, и Лабушеръ думалъ одинаково.

Пусть же не кидаютъ мнѣ въ глаза, что Поммерэ не могъ этому вѣрить, такъ какъ холеры въ Бельвилѣ тогда не было. Кому же не извѣстно, что, въ нашей столицѣ, она свила прочное гнѣздо? Эпидемія, конечно, нѣтъ и даже отдѣльные случаи рѣдки; тѣмъ не менѣе, холера существуетъ. А Лабушеръ развѣ не вѣрилъ въ нее? Не онъ ли первый на нее указалъ?

Но, говорятъ, подсудимый быстро измѣнилъ свой взглядъ и, чуть не на первомъ допросѣ, согласился, что его теща умерла не отъ холеры. Что можетъ быть проще? Онъ не присутствовалъ въ послѣднія минуты жизни Дюбизи; былъ призванъ Луазо и пустилъ больной кровь — средство, позвольте думать, немаловажное. Тотъ же Луазо, какъ единственный свидѣтель агоніи, повѣствовалъ о ней подробно; говорилъ о рвотѣ кровью, о томъ, что былъ вынужденъ поставить банки, наконецъ, что у покойной замѣчались конвульсіи. Изъ этого прямой выводъ, что не холера причина смерти. Поммерэ ошибся въ діагнозъ, но заблуждался и Лабушеръ; Серафима Дюбизи могла скончаться отъ другой болѣзни, но отсюда, все таки, нельзя извлечь, противъ Поммерэ, ничего.

Гдѣ же улики? Ужъ не въ томъ ли, ненарокомъ, разговорѣ, который велъ подсудимый? Взывая, сейчасъ, къ вашей памяти, прокуроръ говорилъ: „Безспорна фраза Поммерэ къ свидѣтелю Луи: „Я радъ, что не лѣчилъ своей тещи, въ ея послѣднюю болѣзнь!“ Но, если даже онъ это сказалъ, въ правѣ ли мы заключить объ отравленіи? Развѣ не понятно, что, когда близкій человѣкъ погибъ въ такомъ состояніи, докторъ можетъ радоваться, что уморилъ не онъ и что никто не скажетъ, будто онъ лѣчить не умѣетъ? Другой медикъ, въ такихъ же обстоятельствахъ, думаю, велъ бы себя точно такъ же. Не ясно ли, что помянутый разговоръ, для обвиненія, совершенно безразличенъ.

Онъ, далѣе, будто бы, выразился, передъ Юзаномъ: „Моя теща отравилась“. — Ничего подобнаго не было, удостовѣряетъ самъ Юзанъ. Правда, по словамъ Матіаса, эту фразу передалъ ему тотъ же Юзанъ; но послѣдній возражаетъ такъ: „Поммерэ не говорилъ ее; выводъ, что госпожа Дюбизи лишила себя жизни, принадлежитъ мнѣ. Когда, во время нашей бесѣды, Поммерэ, между прочимъ, воскликнулъ: „Это ужасаетъ меня!“—я приурочилъ его слова къ моему предположенію о самоубійствѣ“. Значитъ, г. Юзанъ навязалъ собственную форму первой мысли, которая ему понравилась; очевидно, съ другой стороны, что, изъ

устъ Поммерэ, не было даже намека. Такимъ образомъ, опять и всецѣло, испаряется еще одна улика.

Обратимся къ рецепту. Серафима Дюбизи, говорятъ, умерла вслѣдъ за приѣмомъ дигиталина; а, въ ночь на 10-е октября, Поммерэ затребоваль изъ аптеки десять сентиграммовъ именно этого яда и двадцать пять сентиграммовъ соленокислаго морфія. Обвиненіе утверждаетъ, что рецептъ былъ прописанъ съ явною цѣлью убить больную. Но, вѣдь, подсудимый обратился въ аптеку Лабенвиля, сосѣда и друга вдовы Дюбизи, у котораго она сама брала лѣкарства. Глядите же! Судите по здравому смыслу, — когда хотять добыть средство, причиняющее неизбѣжную смерть, развѣ такъ берутся за дѣло? Если Поммерэ, дѣйствительно, имѣлъ страшный умыселъ, ему приписываемый, какъ могъ онъ пойти туда, гдѣ его изобличать, непремѣнно? Внезапная смерть, очевидно, не могла не возбудить подозрѣній; и, дѣйствительно, были разные слухи; роптали многіе. Что стоило аптекарю сказать, въ свою очередь: „Знаете ли, отъ чего она умерла? Ее отравили; вотъ рецептъ ея зятя!“ Пораскинемъ же умомъ и спросимъ себя, возможно ли, чтобы разсудительный человѣкъ, предположивъ совершить убійство, обращался къ лицу, которое, обязательно, донесетъ на него?...

Нѣтъ, господа, не такъ; необходимо другое объясненіе. Въ этихъ обстоятельствахъ, Поммерэ вель себя, какъ всегда. У него плачевная страсть собирать, для опытовъ, всевозможные яды. Одинъ ли я, въ интересахъ защиты, говорю это? Не припоминаете ли показанія Руссена? При обыскѣ, въ его кабинетѣ, найдено отъ семи до восьми сотъ медикаментовъ, по большей части, способныхъ причинить смерть, и въ количествахъ, очень значительныхъ. Фактъ безспоренъ. Порицайте его; скажите, что подобный образъ дѣйствій—ошибка не малая; я самъ, въ извѣстной мѣрѣ, готовъ подчиниться вашей точкѣ зрѣнія; но мы не въ правѣ полагать, что эта масса ядовъ служила для цѣлаго ряда отравленій.

При началѣ слѣдствія, его обвиняли въ убійствѣ двухъ лицъ; сегодня обращаютъ въ вину лишь одно; вопросъ о Дюбизи, кажется, брошенъ окончательно. Но, не для отравленія же Юліи Повъ подсудимый завелъ складъ, годный для умерщвленія *сорока тысячъ людей*,—я не преувеличиваю. Что же отсюда вытекаетъ? Ясно, что, когда встрѣчалась надобность въ лѣкарствѣ, онъ покупалъ больше, чѣмъ потребно. Необходимо, положимъ, нѣсколько сентиграммовъ дигиталина, берутъ десять; могъ понадобится соленокислый морфій, приобрѣтаютъ двадцать пять сенти-

граммовъ. Съ другой стороны, если бы онъ, дѣйствительно, хотѣлъ отравить тещу, рецептъ на имя Лабенвиля, представлялся бесполезнымъ. Позабылъ ли прокуроръ, что, лишь за нѣсколько дней до этого, — 4-го октября, Поммерэ взялъ пятьдесятъ сентиграммовъ дигиталина у Менье? Такого количества, отнюдь, не надо для отравленія; двухъ, можетъ быть, трехъ сентиграммовъ вполне достаточно. Хотите, чтобы для человѣка, болѣе крѣпкаго, потребовалось четыре? Согласенъ, но все же останется сорокъ шесть! Ядъ, стало быть, на лице; къ чему искать еще? Добывъ гораздо болѣе, чѣмъ надо, у Менье, которому безразлично, жива или скончалась теща Поммерэ, чего пойдетъ онъ къ Лабенвилю за новымъ ядомъ, когда прежняго дѣвать некуда?

Понятно, что рецептъ, дебютировавшій, какъ фундаментъ обвиненія, теперь, когда вы знаете обстоятельства его прописки, служить уликою не противъ, а за Поммерэ. Кромѣ того. Руководилась ли г. Дюбизи указаніями рецепта? Подсудимый рассказалъ обо всемъ, что сдѣлано имъ. Надлежало распуścić дигиталинъ въ большомъ стаканѣ воды. Прошу замѣтить, что аптекаръ, по его требованію, самъ раздѣлилъ десять сентиграммовъ на два порошка, по пяти. Обвиняемый, хотя могъ бы не говорить, заявляетъ, что больная къ лѣкарству почти не дотрогивалась. Одинъ порошокъ бросили въ воду, но дигиталинъ растворяется медленно. Одна, самое большее, двѣ чайныхъ ложечки были даны. Когда, нѣсколько спустя, пришелъ другой врачъ и прописалъ новый рецептъ, Поммерэ уже не вмѣшивался ни во что. Куда дѣвался остальной дигиталинъ? Съ нимъ, разумѣется, случилось, то же, что бываетъ со всѣми лѣкарствами, которыми удалось медикамъ отправить ближняго на тотъ свѣтъ. Когда стали прибирать комнату умершей, то всю латинскую кухню бросили въ печку. Развѣ неизвѣстно всякому, что именно такъ бываетъ въ нашихъ хозяйствахъ!

Значить, и въ изложенныхъ данныхъ, нѣтъ матерьяла не только для обвинительнаго приговора, но и къ малѣйшему подозрѣнію. Наоборотъ. Онъ, единогласно, вопіютъ противъ беспомощности обвинителей, на этой почвѣ.

Гдѣ, наконецъ, выгода, которой могъ бы достигнуть Поммерэ, совершая такое злодѣйство? Вопросъ уже подвергался изслѣдованію; мнѣ позвольте вернуться къ нему лишь на нѣсколько мгновений.

Подсудимый обокралъ де свою тещу; не допуская жены до охранительной описи, онъ присвоилъ, говорятъ, изрядный кушъ. Для цѣлей процесса, обвинителю кажется необходимымъ сдѣлать

Серафиму Дюбизи женщиною, очень богатою. На этой дорогѣ, столкновений не предвидится; у насъ есть документы и цифры. Поговоримъ о нихъ и, будьте увѣрены, я готовъ на такія уступки прокурору, на которыя онъ даже не въ правѣ разсчитывать.

Что было у госпожи Дюбизи, когда она выходила замужъ? Ровно ничего! Это несомнѣнно. Стоитъ лишь заглянуть въ опредѣленіе объ утвержденіи въ правахъ наслѣдницъ ея мужа,—документъ, находящійся, въ копіи, здѣсь, подъ руками. Покойный сдѣлалъ, было, ей подарокъ, но за нѣсколько дней до смерти, какъ удостовѣрилъ передъ вами г. Готеренъ, отмѣнилъ свои щедроты. Вдова военно-медицинскаго инспектора, получала ли она, въ этомъ качествѣ, какую нибудь пенсію? Неизвѣстно, а для нашихъ видовъ безразлично. Но, имѣя двухъ дѣтей, она была не въ правѣ требовать чего либо изъ имущества супруга. Позже, когда одна изъ дочерей умерла, она приняла отъ нея свою долю наслѣдства, по закону. Этимъ ограничивалось все, что она могла имѣть. Расчетъ очень простъ и не надо быть великимъ математикомъ, чтобы сдѣлать его правильно. Знаете ли вы, что получили дочери Дюбизи? Данные налице. Въ наслѣдствѣ отца, каждая нашла 81,583 франка. Госпожа де ла Поммерэ должна была владѣть этою суммою, точно также, какъ и ея сестра. Наслѣдуя, въ свою очередь, сколько получила Серафима Дюбизи, за вычетомъ пошлинъ и долговъ? 18,000 франковъ, 20,000 франковъ, если хотите. Одинъ изъ протоколовъ, вамъ прочитанныхъ, намекаетъ, что, произведя уплаты за дочь, вдова Дюбизи приобрѣла также право на часть взысканій въ ея пользу и что, отсюда, ея доля возрасла до 25,000 или 27,000 франковъ. Что случилось съ этими взысканіями?— Я хочу объяснить или, лучше, докажу актами, которые, разумѣется, имѣютъ бѣольшую цѣну, чѣмъ слова. Дюбизи-мать очень дурно распоряжалась имѣніемъ своей дочери, будущей Поммерэ; такъ, что, когда эта вышла замужъ, у нея далеко не было того, чѣмъ она должна была владѣть. Никто, конечно, не предполагаетъ, что мать присвоила что нибудь; однако, и съ этимъ нельзя не согласиться, г. Дюбизи вела расходы выше средствъ. Доказательства: у госпожи Поммерэ, при выходѣ замужъ, должно было оказаться 81,000 франковъ и три четверти такой же суммы изъ доли ея сестры; 81,000 франковъ, съ одной стороны, 60,000, съ другой, образуютъ капиталъ отъ 140,000 до 150,000 франковъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, оказалось лишь: 2,500 франковъ дохода съ 4 $\frac{1}{2}$ % ренты, то есть 55,000 франковъ капитала, и десять акцій французскаго банка, представляющихъ 35,000 франковъ. Сочтите! М-мъ Дюбизи вела дѣла своей дочери такъ, что,

въ короткое время, заставила ее потерять отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ франковъ. По этому судите о положеніи ея личныхъ финансовъ. Безспорно, далѣе, что, изъ наслѣдства матери, госпожа Поммерэ приняла все, что могло тамъ находиться. Въ самомъ дѣлѣ, удостовѣрено и признается обвиненіемъ: жена подсудимаго приобрѣла отсюда $4\frac{1}{2}\%$ ренты на сумму дохода въ 414 франковъ, что равняется капиталу отъ 9 до 10,000 франковъ, и 4 акціи французскаго банка на сумму около 13,500 франковъ. Сложите, и вы придете именно къ тѣмъ 25,000 франковъ, которыми могла владѣть Дюбизи. Примите во вниманіе, что, независимо отъ сего, были уплачены издержки на погребеніе и долги умершей, т. е. произведены расходы, итогъ коихъ, согласно документу, оглашенному г. предсѣдателемъ, — 8000 франковъ. Соображая это, приходимъ къ слѣдующему выводу: кромѣ домашней, что бы ни говорили, весьма незначительной утвари, которая описи, точно, не подвергалась, госпожа Поммерэ получила имущество своей матери, сполна.

Итакъ, подсудимому не было расчета кидаться въ отвратительное дѣяніе, ему приписываемое, и, будь онъ, въ вашихъ глазахъ, гнуснѣйшимъ извергомъ въ мірѣ, надо признать, что, съ момента, когда не предстояло никакой выгоды, онъ не могъ пойти на злодѣйство.

Стало бытъ, обвиненіе исчезаетъ не только по не достатку уликъ, но и за отсутствіемъ цѣли преступленія. Даже заключеніе наиболѣе свѣдущихъ людей о причинѣ смерти Дюбизи и то благопріятно Поммерэ. Гг. Тардѣ и Руссенъ изслѣдовали ея трупъ. Онъ сохранился хорошо. Но, развѣ стоитъ придавать значеніе этому факту? О немъ уже забыли, и прокуроръ, въ своей рѣчи, счелъ излишнимъ хотя бы упомянуть о немъ. Такъ, вѣдь, конечно и слѣдовало. Трупъ консервированъ при помощи растительнаго яда?!... Увы, господа, совѣмъ не такъ: онъ долженъ былъ, наоборотъ, разложиться тѣмъ быстрѣе. Сберегаютъ яды минеральные, растительные же—начало гніенія; плоть трупа объясняется весьма просто и помимо яда. Серафимъ Дюбизи пускали кровь, передъ самою смертью; а безызвѣстно всякому, что жидкости способствуютъ разложенію. Посему, когда въ тѣлѣ оказалось меньше крови, гніеніе должно было замедлиться. Далѣе, трупъ находился въ свинцовомъ гробу, а гробъ въ совершенно закрытомъ склепѣ, внѣ сырости и другихъ атмосферныхъ вліяній, которыя могли бы ускорить посмертныя явленія. Очевидно, что фактъ плѣлости трупа не доказываетъ ровно ничего.

Гдѣ же причина смерти? Никто не знаетъ; открыть ее не суж-

дено никому. Г. Гардье изслѣдовалъ не всѣ органы, и, если смерть обуславливалась, напримѣръ, страданіемъ груди, онъ не могъ бы рѣшить вопроса, ибо состояніе легкихъ исключало какой либо выводъ. Эксперты говорятъ: „Не порокъ сердца причина смерти; мы смотрѣли, искали и его слѣдовъ не нашли“. Но изслѣдованіе легкихъ было признано невозможнымъ; значить, по этому направленію, у данныхъ вскрытія взять нечего. Съ точки зрѣнія опытовъ надъ животными,—вопросъ, къ которому мы вернемся позже,—обнаруженіе яда оказалось также немислимымъ. Перепонки и оболочки найдены въ такомъ видѣ, что, при малѣйшемъ прикосновеніи, обращались въ пыль; химическаго анализа, въ свою очередь, произвести было нельзя. Тогда, ученые порѣшили такъ:

„Жировое перерожденіе, которому подверглись ткани, даже внутри органовъ, наилучше, повидимому, сохранившихся, не позволило намъ добыть, ни въ чистомъ, ни въ смѣшанномъ видѣ, какой либо растительный ядъ или начало отравы, влияніе котораго можно бы испытать на животныхъ“.

„Столь отрицательные результаты вскрытія и шаткость данныхъ, собранныхъ нами, вообще, исключаютъ возможность категорическаго мнѣнія о причинѣ смерти вдовы Дюбизи“.

Вотъ, что я имѣлъ сказать, по этому тяжкому обвиненію,—о томъ, первомъ вопросѣ, на который вамъ предстоитъ дать отвѣтъ. Прокуроръ коснулся его наскоро; не думаю, чтобы я утомилъ васъ больше него. Тѣмъ не менѣе, господа, убійство Серафимы Дюбизи уже нельзя разсматривать, хотя бы, какъ предположеніе; бѣглый, но спокойный анализъ, только что исполненный, рѣшительно, освободилъ насъ отъ него. Ла Поммерэ не покушался на жизнь своей тещи. Никакой выгоды не могъ онъ приобрѣсть.

Повторяю,—обвиненіе не доказало абсолютно ничего: ни прямыхъ, ни косвенныхъ уликъ; ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ данныхъ... Не станемъ же колебаться, бросить ли намъ это дѣло за бортъ? Отнынѣ, разумѣемъ, что случай съ Дюбизи чудовищная клевета, которою хотѣли подкрѣпить лишь второе обвиненіе, несравненно, тягчайшее,—я сей часъ перехожу къ нему.

Теперь, мой противникъ готовъ устранить самое имя Дюбизи; но, сверкая предъ нашими взорами, оно ясно показываетъ, куда заводятъ гипотезы, во истину плачевныя.

Уйдемъ же отъ него и обратимся къ тому, что можетъ служить единственною задачею процесса,—къ смерти Юліи Повь. Свои обязанности защитника я понимаю только въ ея предѣлахъ и, сообразно ихъ прямой цѣли, беру кратчайшій, лучшій, по мо-

ему, путь, цѣну котораго вы будете имѣть возможность, немедленно, опредѣлить. Какъ прокурору хорошо извѣстно, я никогда не связываю себя тактикой лица, права коего охраняю. Я пришелъ сюда искать правды,—съ нимъ или безъ него; когда истина открывается, все равно какимъ образомъ, мой долгъ указать ее!

Г. прокуроръ или, скорѣе, обвинительная камера допускаютъ, мнѣ кажется, ошибку, которая могла бы стать роковой и ужасной, ибо ведетъ къ сокрытію истины на уголовномъ судѣ. Все, что относится къ страховымъ договорамъ,—къ этимъ своеобразнымъ и необыкновеннымъ мѣропріятіямъ,—приурочивается ими къ отравленію. Разсуждаютъ такъ: „Этого нельзя разъединять; подсудимый заключилъ страхованіе, хотѣлъ нажиться, обманывалъ; стало быть, отравилъ“.

Я не могу принять вызова на такой почвѣ. Изложивъ, что о настоящемъ страхованіи думаю, я буду защищать договоры, пока въ состояніи; но я, прежде всего, хочу свѣта, и если, по изученіи, найду, что Поммерэ и Юлія Повъ желали обокрасть страховой фондъ, я не стану оправдывать ихъ. Но, господа, не забудемъ, что мошенничество не есть отравленіе, и не преминемъ, всякій разъ, обращаться къ основной темѣ: доказано ли, что Повъ отравлена? Для признанія этого, конечно, необходимы: женщина, погибшая отъ яда, и человекъ, его изготовившій; неизбѣженъ самый ядъ, а, если количество не совпадаетъ съ результатомъ, надлежитъ, по крайней мѣрѣ, чтобы фактъ его приѣма былъ установленъ незыблемо. Пока этого нѣтъ, можно сказать объ умершей, которую я уважаю не менѣе васъ, что она хотѣла обогатиться незаконно; а о Поммерэ и о ней вмѣстѣ, что это неудачные охотники по чужимъ карманамъ. Но, какую бы мрачную тѣнь ни бросало подобное предположеніе,—а, вѣдь, кромѣ него, другихъ не существуетъ,—на того и на другую, здѣсь ничего общаго съ отравленіемъ нѣтъ; данныя этого порядка стоятъ отдѣльно отъ яда и могутъ быть разсматриваемы независимо отъ него. А если говорить о степени, граничащей съ очевидностью, утверждаю, что прокуроръ не въ силахъ припечатать фактъ отравленія къ страховому договору въ томъ видѣ, какъ таковой, сію минуту, раскроется предъ вами.

Чѣмъ была Юлія Повъ? Бѣдною, глубоко несчастною женщиною. Вы правы, г. обвинитель; нѣтъ, не я нападъ на нее! Терпѣливо перенося многое, она жила, какъ артистка. Помогали ей или нѣтъ, она все равно бѣдствовала; постоянно мучалась нуждою въ деньгахъ. Теперь, она не отъ міра сего; оскорблять мертваго, даже когда есть основанія, дурной приѣмъ; онъ, неизмѣнно, возмущаетъ живыхъ. Такъ ужъ сотворены мы, и я благословляю

природу: хранимый одною могилою, человекъ не прикосновенъ! Его надо щадить, хотя бы онъ закрывалъ собою путь къ истинѣ...

Эта женщина вела съ мужемъ честную жизнь; не велики были ихъ достатки! Ла Поммерэ ихъ встрѣтилъ, заботился, давалъ денегъ, какъ говорить. Вы отрицаете; допустимъ все, что угодно, по поводу денегъ! Не вижу цѣли спорить изъ-за этого. Обвиненію извѣстно, что я, все таки, изложу вопросъ, какъ подобаешь.

На первой очереди, моя бесѣда съ г. Тардьё. Это опаснѣйшій противникъ, хотя и лучший другъ мой.

Докторъ Повъ скончался; происходитъ, что должно было случиться. За время ея болѣзни, Поммерэ навѣщалъ вдову, имѣлъ попеченіе о дѣтяхъ... Чего же хотите вы? Она несчастна, онъ утѣшаетъ ее; наконецъ, становится ея любовникомъ. Это обыкновенная исторія... Помогалъ ли онъ, въ это время? Безспорно. Давалъ ли много денегъ? Да, говорить онъ; я ничего не знаю. Вспомнимъ, однако, что эта горемычная, храбрая и трудолюбивая женщина должна была кормить не только себя, но и троихъ дѣтей, удовлетворять нуждамъ цѣлой семьи. Предстояло, какъ ни урѣзывай, отвѣчать требованіямъ четырехъ желудковъ. Обвиняемый не отказывался помогать; но онъ давалъ не безвозвратно. По этому поводу, я, до сихъ поръ, слышу красивую фразу прокурора: „Любимой женщинѣ предлагать деньги взаймы? Да это не по французски!“ Согласенъ, пусть никто у насъ не бываетъ кредиторомъ своихъ нынѣшнихъ или прежнихъ любовницъ. Но, вѣдь, не ей пришлось бы разсчитываться! Постараемся опредѣлить истинный разумъ страховыхъ договоровъ. Отнюдь не будучи средствомъ принудить любовницу къ возврату денегъ, ей переданныхъ, что, конечно, было бы низостью, страхование обезпечивало, при участіи компаній, другое лице отъ потери суммъ, которыми пользовалась она, можетъ быть, слишкомъ роскошно. Въ первомъ случаѣ, дѣяніе постыдно; во второмъ, естественно и законно; страховыя общества для этого, между прочимъ, существуютъ. Представитель обвинительной власти меня пойметъ. Наблюденіе, имъ сдѣланное, вѣрно, а его внѣшній образъ точенъ и увлекателенъ. То, что сказалъ онъ, начертано въ сердцѣ каждаго благороднаго человека, испытавшаго, когда либо, сердечную привязанность; но его предположенія лишены корней, не имѣютъ почвы въ обстоятельствахъ дѣла.

Итакъ, Юлія Повъ жила съ Поммерэ, пока онъ не задумалъ жениться. Утверждаютъ, что ее выгнали изъ квартиры на улицѣ Вернейль, за неплатежъ; знаемъ, что, мѣсяцевъ за пять до свадьбы, обвиняемый перевелъ свою лѣчебницу въ улицу дю-Бакъ; пока

находилась она по улицѣ Вернейль, все оплачивалось аккуратно. Переселившись, мой клиентъ вносилъ деньги на квартиру самой Повъ. Такъ ли? Онъ настаиваетъ, что давалъ; прокуроръ возражаетъ: ничего, дескать, не получала она и нѣтъ данныхъ вѣрить Поммерэ. Кто правъ, для насъ безразлично. Не будемъ же медлить; работы, вѣдь, остается не мало.

Разрывая отношенія постепенно, ла Поммерэ, за 8 или за 9 мѣсяцевъ до свадьбы, перестаетъ видѣть Повъ окончательно. Пре слѣдовала ли она его, писала ли? Онъ говоритъ, да. Посылалъ ли онъ ей деньги? Да. Вы отрицаете, пусть такъ; не здѣсь, не въ этомъ моя задача. Наконецъ, въ июнѣ мѣсяцѣ прошлаго года, они встрѣтились снова, и полисы были получены.

Что это за договоры? Каково ихъ значеніе, гдѣ цѣль? О, это самое простое дѣло на свѣтѣ, и я не хочу слушать, будто Повъ не понимала ихъ: она была достаточно развита и если не отличалась осторожностью, то отказать ей въ умѣ никакъ ужъ нельзя; значитъ, она не могла не видѣть, въ чемъ суть. Лѣтомъ 1863 года и даже раньше, у Поммерэ блеснула мысль, идея, вполне разумная для отца семьи; ожидали дитя любви; разсудили такъ: „Не худо бы застраховать его съ минуты рожденія, а, ко времени совершеннолѣтія, образовать, въ его пользу, капиталъ.“ Поммерэ ведетъ переговоры съ Демидомъ, котораго вы слышали, человѣкомъ, бывалымъ и очень толково излагающимъ методы страхованія. Дитя застраховываютъ; въ эту минуту, рождается новая мысль, — соображеніе, позвольте сказать вамъ, вполне естественное; оно должно было возникнуть въ сердцѣ каждаго, порядочнаго человѣка; пока, я не говорю о цифрахъ. Поммерэ имѣетъ связь съ женщиной; онъ прервалъ ее, лишь въ виду женитьбы. Не съ цѣлью возобновить отношенія, пришелъ онъ къ Повъ; любя жену, онъ остается ей вѣренъ, онъ искренно любитъ своего законнаго сына. Но, господа, не такъ быстро исчезаетъ воспоминаніе о другой женщинѣ, которую вы тоже любили и которая умираетъ съ голоду. Вы можете быть вѣрнымъ, безупречнымъ и, въ свою очередь, любимымъ мужемъ, допуская; но вы не рѣшитесь кинуть на мостовую созданіе, еще недавно столь близкое, а теперь изнемогающее подъ гнетомъ нищеты!

Обращаюсь къ сердцу г. прокурора и спрашиваю, будетъ ли преступленіемъ вспомнить объ этой женщинѣ и сказать себѣ: „Я ей дамъ то, чего нѣтъ у нея; обезпечу ея жизнь, но устрою такъ, чтобы насущный хлѣбъ, мною приносимый, не уменьшалъ благостоянія законной семьи моей. Я медикъ, адвокатъ (возьмемъ любую профессію; когда рѣчь идетъ о добромъ дѣлѣ, всѣ рады

состязаться); могу и постараюсь успокоить несчастную; стану поддерживать ее, пока жива, а надлежащій договоръ возвратитъ мнѣ или моимъ близкимъ все, чѣмъ я пожертвовалъ?"

Не здѣсь ли точка отправленія идеи страхованія? Но, не такъ, говорите, былъ замыселъ Поммерэ? Я не берусь чинить розыска; сужу о дѣяніи по его существу и настаиваю, что оно разумно, законно и добросовѣстно. Открыто признаю лишь, что размѣръ страхованія высокъ.

Чѣмъ руководствовались, избирая подобную цыфру? Вамъ все извѣстно. Обвиненіе и защита согласны, что о 550,000 франковъ стали мечтать не сразу; рѣчь шла только о 100,000; обратились къ Демиду, а онъ не спрашивалъ далѣе; ужъ его дѣло было увеличить размѣръ. Чѣмъ выше страхованіе, тѣмъ, вѣдь, значительнѣе его личный заработокъ. Пошли переговоры съ обществами. Обманывалъ ли Поммерэ Демида? Прокуроръ не доказалъ и этому не слѣдовало бы вѣрить. Маклеръ, дѣйствительно, представилъ его, какъ человѣка, очень богатаго; но онъ хорошо зналъ, что это врачъ; именно черезъ Демида, заключенъ договоръ страхованія дитяти, гдѣ Поммерэ росписался своимъ подлиннымъ званіемъ. Демида бывалъ въ домѣ № 5, по улицѣ Святыхъ Отцовъ, въ приличной квартирѣ, но отнюдь не въ такой, которая кричала бы о графѣ изъ Бретани, гордомъ владѣльцѣ феодальныхъ помѣстій. Правленіямъ обществъ онъ далъ свѣдѣнія полезныя, прежде всего, для себя самого, а своего кліента превратилъ въ очень важную особу, — но я не могу отвѣчать за его слова. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что онъ зналъ положеніе обвиняемаго и ошибаться, на этотъ счетъ, не могъ. Страхованіе заключено, изрядный взносъ премій сдѣланъ. Если 550,000 франковъ итогъ застрахованной суммы, то ежегодные платежи достигаютъ 10 или 20 тысячъ франковъ. Въ это время, думается мнѣ, Юліи Повъ было 42 года; по среднимъ статистическимъ даннымъ, ей оставалось жить 20 или 22 года, а значитъ, говорятъ, Поммерэ надлежало переплатить огромныя суммы, что для него было совершенно не возможно. Между тѣмъ, когда спросили обвиняемаго, когда сказали: „Это смѣхотворная продѣлка; вы, ни при какихъ условіяхъ, не могли надѣяться на исправный взносъ 20,000 франковъ, въ теченіи 20 лѣтъ,“ — онъ далъ объясненіе. Обвинитель замѣтилъ, что не понимаетъ. Вина, конечно, наша, ибо пронизательность прокурорскаго надзора такова, что онъ быстро схватываетъ все; въ существѣ, механизмъ, до крайности, простъ. Мы знаемъ, что, собираясь, черезъ три года, уменьшить сумму страхованія, Поммерэ предстояло внести только 60,000 франковъ, не болѣе. Дѣло

въ томъ, что, по истеченіи трехъ лѣтъ и съ цѣлью освободить себя отъ дальнѣйшихъ уплатъ, можно войти съ страховымъ обществомъ въ двоякое соглашеніе. Компаніи отлично понимаютъ, что застраховывается тотъ, кому не удалось обезпечить себя иначе: почти всегда, основаніемъ расчета премій служитъ надежда на лучшее будущее; но мечты, нерѣдко, такъ и остаются въ странѣ воздушныхъ замковъ. Человѣкъ, вапримѣръ, думаетъ что путь къ благополучію ему широко открытъ; на самомъ же дѣлѣ, вопреки всѣмъ усиліямъ, даже попасть на него не можетъ. Тогда обращаются къ страховому обществу и предлагаютъ сократить ежегодный платежъ, уменьшить итогъ полиса.

Ла Поммерѣ разсуждалъ, сперва, такъ: „Я вручилъ Повъ и передамъ еще не мало денегъ; надо застраховать ея жизнь въ 100,000 франковъ; по день ея смерти, это будетъ стоить не дороже 3,000 франковъ въ годъ“. Затѣмъ, онъ измѣнилъ свое намѣреніе: „Внесу ка я“, рѣшаетъ онъ, „въ теченіи трехъ лѣтъ, сумму, равную долгу мнѣ Юліи; по всей вѣроятности, я не умру до тѣхъ поръ, потому что мнѣ будетъ тогда не болѣе 35 или 36 лѣтъ. А если умру позже, то къ моимъ наслѣдникамъ перейдетъ право на обратное полученіе отъ страховыхъ обществъ суммъ, равныхъ взятымъ у меня Повъ; съ другой стороны, моей жёнѣ не придется погашать моего обязательства далѣе,—задача и трудная, и не совсѣмъ приличная“. Разработанный, такимъ образомъ, планъ, былъ обращенъ къ исполненію, а взносы за три года, дѣйствительно, не превысили бы 60,000 франковъ.

Директорамъ страховыхъ обществъ здѣсь былъ предложенъ такой вопросъ: „Что вы дадите, когда захотятъ выкупить подобный договоръ?“—„Третью часть“—ихъ отвѣтъ. Иначе, за 60,000 франковъ, возвращаютъ 20,000 франковъ. Представитель обвинительной власти понялъ, что никакого выкупа не предполагалось; наоборотъ, имѣли въ виду остаться застрахованнымъ, ничего, сейчасъ, не требуя отъ компаній и не измѣняя характера сдѣлки; она продолжала бы оставаться страхованіемъ, на случай смерти. Разница оказалась бы лишь въ уменьшеніи застрахованнаго итога; вмѣсто 550,000 франковъ, причиталось бы только 60,000. Демидъ назвалъ эту именно сумму; Клокменъ говорилъ, что не менѣе 55,000 франковъ. Но, господа, замѣйте одно важное обстоятельство: прибыли распредѣляются между страхователями. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что, привлекая кліентовъ, общества даютъ имъ право на часть своихъ барышей. Половину таковыхъ сохраняютъ они за собою, другую раздаютъ страхователямъ. Есть средніе выводы; статистика показываетъ точную цифру дохода, за извѣст-

ный промежутокъ времени: въ 20 лѣтъ, капиталъ удвоится. Будучи, напримѣръ, застрахованъ въ 100,000 франковъ, я прожилъ 20 лѣтъ; компанія, послѣ моей смерти, выдастъ 200,000 франковъ, если, конечно, я не получалъ своего дивиденда лично.

Соображенія Поммерэ могли заключаться въ слѣдующемъ: „Я передалъ этой женщинѣ отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ франковъ; путемъ застрахованія и прибылей, она рассчитается со мною, уплативъ капиталъ даже больший, чѣмъ получила; независимо отъ сего, разницею между застрахованною суммою и тою, которую мнѣ должна Повъ, я обезпечу ея дѣтей, если они переживутъ мать“.

Не останавливаясь на этихъ расчетахъ долге, такъ какъ вижу, что прокуроръ, предполагая умыселъ на убійство, не хочетъ знать моихъ гипотезъ. Я имѣлъ лишь въ виду убѣдить васъ, что, съ точки зрѣнія честнаго и ни въ какомъ преступленіи не заподозрѣннаго человѣка, это комбинація обыденная, правомѣрная, совершенно простая, и что, при означенномъ условіи, нельзя испугаться даже цифры въ 550,000 франковъ. Призывая общественное мнѣніе, вы говорите, что затѣя медика выиграть такую сумму, путемъ застрахованія женщины 42 лѣтъ отъ роду, до такой степени несообразна, что голосъ народа не могъ не воскликнуть: „Это злодѣйство; нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы подобный договоръ, дѣйствительно, входилъ въ его расчеты!“

Вотъ какъ разсуждаютъ, не понимая дѣла; какъ заблуждаются, когда, изъ области мимолетныхъ впечатлѣній, хотятъ придти къ выводамъ, достовѣрнымъ! Если бы знали, что рѣчь идетъ о шестидесяти, а не о пятистахъ пятидесяти тысячахъ франковъ и что, послѣ трехъ лѣтъ, не придется платить ничего, — фактъ безспорный, хотя на первый взглядъ чудовищный, необъяснимый; а потому страшный, — тогда, я вправѣ утверждать это, вся операція превратилась бы въ дѣло, ясное, многимъ завидное, вполне разумное, и тогда признали бы. „Онъ могъ вести ее, по доброй совѣсти и будучи самымъ честнымъ дѣятелемъ въ мірѣ“.

„Но“, еще разъ, возражаетъ прокуроръ: „онъ не могъ довести до конца этого предпріятія, равно какъ и предыдущаго!“ Взносить по 20,000 франковъ, въ теченіи 20 лѣтъ, признаю, было невозможно; уплатить же 60,000 франковъ, въ три года, — задача, совсѣмъ иная и далеко не трудная. Избѣгая сложныхъ вычисленій, я низведу ихъ къ нѣсколькимъ словамъ и простѣйшей формѣ. Утверждаю, что послѣдняя сумма не представляла затрудненій для Поммерэ.

Не знаю, что бы онъ выигралъ отсюда; но, когда дають денегъ

женщинѣ, съ которой были въ связи, это дѣлають не изъ-за барышей. Онъ не искалъ ничего, кромѣ возврата части своихъ расходовъ. Весьма вѣроятно, что, оперируя двадцатью тысячами франковъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, и считая проценты на проценты, можно заработать лучше; но, дѣйствуя, какъ онъ, цѣль достигалась вѣрнѣе.

Разсмотримъ его средства и платежи внимательнѣе. Прежде всего замѣтимъ, что вопросъ идетъ, собственно, не о 60,000, а только о 40,000 франковъ. Уплатилъ ли Поммерэ страховымъ обществамъ 15,000 франковъ, на которые имѣеть росписку? Да. Передалъ ли Демиду 4000 франковъ, для новой уплаты, за свой счетъ? Да. Значить, оставалось добыть 40,000 франковъ. Могъ ли онъ слѣлать это? Не думайте, что я стану преувеличивать его ресурсы, за предѣлы достовѣрности; нѣтъ, вы увидите его имущественное положеніе, какъ не оспаривается оно никѣмъ, а обвинительною властью признается. Забудемъ его сбереженія, хотя таковыя, конечно, были, ибо то, что за нимъ признано брачнымъ договоромъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ему. Вамъ угодно не принимать этого въ расчетъ, — я охотно соглашаюсь. Но Поммерэ врачъ. Что онъ зарабатываетъ? Обращаюсь къ даннымъ судебного слѣдователя; внѣ спора, что ихъ собирали, тщательно, и оцѣнивали, по совѣсти, но это не исключаетъ ошибокъ; на основаніи подробныхъ расчетовъ, слѣдователь нашель, что, въ годовой періодъ, получены, какъ гонораръ, 9000 франковъ; получены—это, вѣдь, не то же самое, что *заработаны*; гонораръ, далѣе, принять по декабрь мѣсяцъ, то есть, не считая декабря, а для медиковъ, это лучший мѣсяцъ въ году. Вамъ извѣстно, что, по обычаю, они подаютъ счета именно въ концѣ года. Такимъ образомъ, свидѣтель защиты показалъ, что платилъ Поммерэ 1000 франковъ въ годъ, внося по 500 франковъ, каждые шесть мѣсяцевъ. Считая въ 2 или 3 тысячи франковъ все, что могъ онъ получить отъ другихъ лицъ, я, навѣрное, остаюсь ниже дѣйствительности; и г. де ла Поммерэ, разумѣется, полагаетъ, будто я рисую его человѣкомъ, слишкомъ бѣднымъ, черезъ чуръ жалкимъ, умышленно, надѣясь вымолить ему пощалу; но, да проститъ онъ меня; мое намѣреніе, отнюдь, не въ этомъ; я хочу лишь избѣжать затрудненій, намъ вовсе ненужныхъ. Добиваюсь одного, — указать прямой и легкій путь къ истинѣ. Итакъ, медицинская профессія приносила ему отъ 12 до 14 тысячъ франковъ. Получивъ 9000 франковъ въ декабрь, онъ могъ разчитывать на платежи, по запоздалымъ счетамъ, въ самомъ концѣ года. Кромѣ того, у него была лѣчебница, куда приходило много больныхъ, для которыхъ

онъ выписывалъ значительное количество лѣкарствъ. По его счету, это приносило отъ 5 до 6 тысячъ франковъ дохода. Хотите уменьшить до 4000 франковъ? $13+4=17$. Его жена имѣла, въ свою очередь, 3000 франковъ ренты и болѣе 60 акцій южной желѣзной дороги; стало быть, ея средства простирались до 6 или 7 тысячъ франковъ. 17 или $18+6$ или $7-7$ —уже 24 или 25 тысячъ франковъ; и это было въ данное время, не считая надеждъ на будущее.

Взглянемъ же на расходы; когда, столь аккуратно, складываютъ приходъ, не мѣшаетъ подсчитать издержки. Ла Поммерэ докторъ, не очень извѣстный; ему достаточна квартира въ 1400 франковъ, а если она не велика, не трудно сберечь многое, другое; на примѣръ, если не надо лакея, тѣмъ лучше; если горничная приходитъ, только по мѣрѣ надобности, это стоитъ опять дешевле. Дѣтей нѣтъ, а мадамъ Поммерэ экономна. Что же они проживаютъ? 5, 6, 7 тысячъ франковъ! Что остается? 19, 18, 17, 15 тысячъ франковъ. Въ три года, предстоитъ уплатить 40,000 франковъ, а въ тѣ же три года, онъ располагаетъ 45,000 франковъ, по меньшей мѣрѣ.

Гадательными ли цифрами я погашаю требованія моего противника? Скажетъ ли прокуроръ, и теперь, какъ говорилъ обвиняемому: „Гдѣ ваши средства? Укажите ихъ!“ Я показываю и, при томъ, на основаніи документовъ обвинителя; веду расчетъ, предполагая, какъ хотите вы, что капитала у него не было, никакого. Допуская это, я, безъ сомнѣнія, ошибаюсь; но, въ данномъ спорѣ,—могу, все таки, принять, что Поммерэ не владѣлъ ничѣмъ, кромѣ заработка отъ практики. Пусть другихъ источниковъ у него, рѣшительно, не будетъ; но, согласитесь, есть, по крайней мѣрѣ, надежда.

Медикъ, 33 лѣтъ, въ правѣ ожидать расширенія практики. Я предполагаю, однако, что, ставъ на точкѣ замерзанія, онъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, не увеличиваетъ своихъ доходовъ, ни на грошъ, и, тѣмъ не менѣе, убѣждаюсь, что ему не трудно покрыть всѣ обязательства.

Уплативъ и свой долгъ, пока лишь на побочномъ вопросѣ дѣла, я рѣшилъ задачу, позвольте думать, согласно здравому разумѣнію и руководствуясь текстомъ страховыхъ договоровъ. Я доказалъ, что имѣлось въ виду обезпечить не 550,000, а 60,000 франковъ плюсъ надлежащія прибыли; раскрылъ самый базисъ страхованія жизни Повъ и обнаружилъ здѣсь не только благія намѣренія, но и очевидный фактъ, что обвиняемый могъ произвести необходимые платежи. Смѣю надѣяться, что поданный,

такимъ образомъ, счетъ не будетъ отвергнуть прокурорскою властью.

Но, въ страховую операцію Поммерэ, я не боюсь вникнуть и поглубже.

Обвинитель разсуждаетъ такъ: „Вы не хотѣли страховать ни въ 550,000 франковъ, ни за 60,000 франковъ. Совсѣмъ не объ этомъ помышляли вы! Увѣряя женщину, что владѣніе полисами принесетъ ей ренту, немедленно, вы говорили, что надо разыграть комедію и запереться въ комнатѣ; придутъ всѣ доктора Парижа и,—я возмущаюсь за нихъ,—будутъ обмануты тѣмъ, болѣе или менѣе, ловкимъ мошенничествомъ, планъ котораго вы же изготовите; тогда, въ правленія страховыхъ обществъ, обратятся ходатаи по дѣламъ и скажутъ: „Вотъ прекрасное дѣло; эта женщина непременно умретъ; дайте ей 60,000 франковъ пожизненнаго дохода и заработайте 550,000 франковъ!“...

„Юлія Повъ легко повѣрила, притворилась больной и, подъ вашу диктовку, написала рядъ страстныхъ, нѣжныхъ посланій. Но, разсчитывая обмануть другихъ, сама попала въ ловушку и погибла жертвой злодѣя!“...

Этимъ исчерпывается обвиненіе, какъ оно предъявлено къ намъ.

Если бы даже все, кромѣ умысла на убійство, было справедливо, я, и тогда бы, видѣлъ здѣсь только мошенничество и ничего болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ между темнымъ дѣльцомъ и безчестною искательницею приключеній нельзя допустить сдѣлки, похожей на ту, которая указана прокуроромъ? За нее можно попасть въ судъ исправительной полици; но, развѣ смерть не была ея послѣдствіемъ, вы, конечно, не будете разсматривать ее, какъ доказательство преступленія уголовного. Настаивая на договорахъ, съ одной стороны, и стремясь по пути къ отравѣ, съ другой, прокурорскій надзоръ оказалъ, думаю, плохую услугу обвиненію. Если онъ правъ, то несомнѣненъ лишь такой выводъ: Повъ приобрѣла дурную славу, въ глазахъ страховыхъ компаній, и, хорошо сознавая операцію, она, по уговору съ Поммерэ, сама пыталась обмануть ихъ и обокрасть.

Свои тезисы обвинительная власть развивала съ тактомъ, которому я долженъ отдать честь. Но, не во гнѣвъ ей будь сказано, для приговора объ отравленіи, ея усилія безплодны. Когда женщина сошлась съ человѣкомъ на почвѣ гнусныхъ и преступныхъ соображеній и умерла,—я утверждаю именно это,—по естественному ходу событій, разсчитывать на который была обязана,

то, въ концѣ концовъ, остается скверная попытка по адресу третьихъ лицъ, а не тяжкое злодѣяніе противъ нея самой. Двухъ мнѣній, по данному вопросу, я не допускаю. Стало быть, когда закончимъ изслѣдованіе этой части процесса, я буду въ правѣ сказать обвинителю: „Теперь, рѣшимъ, гдѣ центръ тяжести уголовного факта; но, подѣ условіемъ, что, все, лежащее за его истинными предѣлами, мы будемъ разсматривать, какъ денежное лишь предпріятіе, а не какъ злодѣйство. По моему, для преступленія нѣтъ мѣста, пока вамъ не удалось схватить убійцу за руку, или, по крайней мѣрѣ, пока вы не укажете намъ результата, ничѣмъ другимъ необъяснимаго, кромѣ преступленія.“

Обо всемъ этомъ шутовствѣ, о притворной болѣзни и о тѣхъ ухищреніяхъ, которыя доставили столь обильную пищу моимъ противникамъ, я, въ свою очередь, имѣю сказать многое. Кое что меня сильно бьетъ, другое—совершенно безразлично. Не ожидайте, впрочемъ, что я стану изобличать свидѣтелей во лжи; этого я никогда не дѣлаю; я вѣрю въ ихъ искренность, но признаю за собою право изучать ихъ показанія. Съ другой стороны, свидѣтели могутъ ошибаться. Къ сожалѣнію, нѣтъ лучшаго изъ нихъ,—того, кто могъ бы сказать сущую правду. Юлія Повъ не явилась. Вотъ почему я призываю все ваше вниманіе, дабы предостеречь отъ опасности, которую вы уже предвидите: очень важно знать, какъ именно говорила сама Повъ и что это была за женщина? Умышленной лжи за нею не числится; но, передаютъ свидѣтели, она отличалась болтливостью, путала вкось и вкривь, частенько, казалась неискреннею; когда говорятъ безъ толку, не очень, вѣдь, заботятся о правдѣ. Это было существо причудливое и полагаться на ея слова не слѣдовало, таково впечатлѣніе серьезныхъ лицъ, которыхъ вы сами слышали. Отличаясь страннымъ характеромъ, она жила не въ ладу со всею семьєю своею, почти никого изъ родныхъ не видѣла. Принимая ее, сестрѣ приходилось скрываться отъ мужа, а братъ не бывалъ у нея вовсе. Женщиною легкаго поведенія она не была, а если нѣкогда, вступивъ въ связь съ Поммерэ, ошиблась, то, когда разошлась съ нимъ, могла бы, кажется, возобновить родственныя связи; этого, однако, не случилось. Юлія Повъ, субъектъ—загадочный, не постоянный. Одинъ изъ ея родныхъ, г. Магрини, объясняя ея характеръ, между прочимъ, замѣтилъ: „Ей нельзя было отказать въ умѣ, но у нея не хватало здраваго смысла; бесѣдуя, по обыкновенію, небрежно и будучи неискренней вообще, она готова была спорить о первомъ, что придетъ въ голову, и проговаривалась нерѣдко.“ Стало быть, давать значеніе каждому ея слову—

неосновательно. Ея рѣчи не имѣютъ той цѣны, которой требуютъ мнѣнія человѣка, положительнаго.

Напримѣръ, по поводу страховыхъ сдѣлокъ, она говорила много несообразнаго своимъ сосѣдкамъ и, однако, понимала ихъ сущность прекрасно; невозможно допустить противнаго. Сама ли она писала письма, или ихъ диктовали другіе,—все равно, тамъ была цѣлая теорія страхованія жизни; значить, она хорошо знала, въ чемъ тутъ дѣло. Независимо отъ сего, Демидъ показалъ на судѣ, что вполне разъяснилъ ей простоту этого акта. Ей твердили неоднократно: „Ваша жизнь застрахована, то есть, пока не умрете, за васъ будутъ вносить премію, а затѣмъ получаютъ капиталъ“. Не требуется особыхъ дарованій, чтобы уразумѣть. Тоже самое ей было, говорятъ, продиктовано въ десяти письмахъ; самъ прокуроръ, усматривая центръ вопроса именно здѣсь, обращалъ вниманіе, что, въ письмахъ, упоминаются различные виды страхованія, болѣе и менѣе ограниченнаго. Прочитайте, если угодно, всю переписку снова и, если не будете закрывать глазъ, вы несомнѣнно увидите, что, излагая свои посланія, она не могла не вѣдать ихъ текста. Между тѣмъ, разнымъ лицамъ, нами выслушаннымъ, она сообщала не одинаковыя свѣдѣнія о своихъ операціяхъ. Такъ, положимъ, сестру, г-жу Гушонъ, въ отвѣтъ на ея опасенія, она успокоивала, будто для Поммерэ выгодно, чтобы она не умерла, ибо въ противномъ случаѣ, онъ, дескать, потеряетъ 20,000 франковъ. Какъ это могло ей придти въ голову? Вѣдь, она сама читала полисы, а когда умерла, въ ея квартирѣ, даже нашли собственноручную ея копію передаточной, въ пользу Поммерэ, надписи. Ясно, что Гушонъ было сказано то, чего нѣтъ, чего Повъ допустить не могла, чему нигдѣ доказательствъ не встрѣчала!

Наоборотъ, дѣвушкѣ Гюильмандъ она рассказывала, что, съ цѣлью вознаграждать ее за утрату картины Гоббема *, Поммерэ имѣлъ въ виду расхоронить на предпріятіе 20,000 франковъ ежегодно, а черезъ восемь лѣтъ она де извлечетъ отсюда капиталъ въ 600,000 франковъ. Откуда могла взять она это?!

Таковы причуды и странности ея характера, на которыя обращаю вниманіе, съ умысломъ, дабы не придавали вы особаго значенія тѣмъ или другимъ ея словамъ.

Дочери своей, Фелицатѣ Повъ, она говорила, что если умреть, то Поммерэ потеряетъ всѣ взносы. Буквально тоже слышала отъ нея г-жа Майль, о чемъ и показала предъ вами.

* Извѣстный голландскій художникъ XVIII вѣка.

Глядите же: задача обостряется такъ, что, съ цѣлью добиться, наконецъ, о чемъ именно думала она и чего скрывать не хотѣла, одинъ выходъ, надо воскресить эту бѣдную женщину... Сквозить ли искренность въ ея рѣчахъ? Если она лгала, то всѣ ея рассказы, очевидно, безразличны, а фаланга свидѣтелей, прошедшая здѣсь, отражаетъ лишь эхо ея неправды; вѣрить можно развѣ, когда нѣсколькимъ лицамъ, по ихъ удостовѣренію, Повъ сообщила одно и то же; но если, повѣствуя о вещахъ, завѣдомо вздорныхъ, она сегодня говоритъ такъ, а завтра иначе, какое довѣріе можно питать къ ней?

При такихъ условіяхъ, не признаете ли вмѣстѣ со мною, что нѣтъ возможности слѣдовать за умомъ, который блуждаетъ по всѣмъ направленіямъ, и что избирать его мрачную дорогу, не зная, куда заведетъ она, было бы, по меньшей мѣрѣ, странно.

Изложенное приобрѣтаетъ еще болшую очевидность, когда вспомнимъ о паденіи, о выдуманномъ ею ушибѣ на лѣстницѣ; подробности, къ нему относящіяся, Повъ довѣрила цѣлой массѣ людей. Предупреждать длинный рядъ свидѣтелей, что я, дескать, задумываю скверный изворотъ, да это, вѣдь, ни съ чѣмъ несообразно! Сказать, что хочу „объегорить“ восемь страховыхъ обществъ,—не пустяки, господа!

Подумай минуту и она должна была уразумѣть, что, могутъ донести и что компаніи примутъ мѣры немедленно!

Между тѣмъ, раскрывая свои надежды всякому, она хвастаетъ не только предъ сестрой и близкими подругами, но и предъ своею кухаркою Пьетерсъ; не таятся даже отъ сосѣдки Делетръ.

Вы говорите, что паденіе пустая выдумка. Да развѣ Повъ говорила о ней всѣмъ одинаково? Каждый ли разъ, неизмѣнно, ссылаясь на кота, будто бы уронившаго раму? Далеко нѣтъ; и, въ этомъ отношеніи, была обманута не одна изъ ея собесѣдницъ. Мы слышали, на примѣръ, отъ Делетръ, что, если вѣрить Повъ, ей совѣтовали притвориться больной, такъ какъ, этимъ путемъ, она легко приобрѣтетъ желанный доходъ. Но та же Делетръ объяснила: „Она жаловалась, что упала съ лѣстницы и ушиблась вотъ здѣсь, при чемъ указала на мѣсто подъ ложечкой.“ Растолкуйте же мнѣ, если можете, изъ-за чего эта женщина, завѣдомо для окружающихъ, хвора притворно, старается найти подругу, у которой могла бы встрѣтить сочувствіе; зачѣмъ же, далѣе, говорю я, она лжетъ и предъ Делетръ объ основномъ фактѣ своего притворства?

Думаете ли вы, что подобное, отравленное ложью довѣріе выпало на долю одной Делетръ? Послушайте г-жу Майль, отъ

которой, въ свою очередь, не скрывалось, что болѣзнь притворна. „Юлія Повъ жаловалась мнѣ,“ говоритъ свидѣтельница, „такъ: я упала, а доктора, съ которыми совѣтовалась, объявили, что это и есть причина моей опухоли“.

Изучая производство по настоящему дѣлу, я признаюсь, былъ пораженъ такими разнорѣчіями. Не утверждаю, будто Повъ не хотѣла притворяться больной; наоборотъ, вижу, что она даже писала объ этомъ, а ея письмо къ Риддеръ, я понимаю одинаково съ прокуроромъ. Откуда же подобная неосторожность? Во имя какихъ расчетовъ? Ничего не разумѣю! Съ какою цѣлью разоблачала она всю грязь ухищреній своихъ? Пусть объясняютъ мнѣ другіе. Гдѣ цѣль подобной болтовни предъ всѣми, окружающими? Непонятно; система—явно безразсудная, потому что, едва страховыя правленія узнаютъ о ея надеждахъ, о томъ, къ чему она такъ энергически стремится, она, безповоротнo, теряетъ всю выгоду столькихъ уловокъ!....

Это меня долго занимало и, размышляя по вопросу, я подошелъ къ перепискѣ, которая лежитъ здѣсь, на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Ознакомившись съ нею, во время, я теперь, какъ и прокуроръ, читать ее передъ вами не стану; а между тѣмъ она довольно удивительна! Обвиненіе утверждаетъ, что ея авторъ Поммерэ. Мнѣ позвольте замѣтить, что, съ его стороны, было бы очень не ловко поступать такимъ образомъ. Разъ не отрицается за нимъ нѣкоторая степень развитія, надлежитъ признать, что подобныхъ вещей онъ диктовать не могъ.

Въ перепискѣ, не скрываю, есть мѣста, трудныя. Согласенъ, что не совсѣмъ обыкновенно пересылать, въ нѣсколько приемовъ за одни сутки, десять тысячъ франковъ женщинѣ, хотя бы она ихъ требовала, порознь. Я никогда не пытаюсь насиловать своего разума. Но тамъ усматривается рядъ иныхъ подробностей, столь же непонятныхъ или еще болѣе странныхъ. Полагаю, что такую переписку можно приурочить, съ одинаковымъ вѣроятіемъ, къ мошенничеству относительно страховыхъ обществъ, какъ и къ любому преступленію.

Независимо отъ сего, кому именно говорила Повъ, что письма продиктованы? Прокуроръ, конечно, безъ намѣренія, допустилъ здѣсь ошибку. Въ дѣйствительности, покойная ни съ кѣмъ не бесѣдовала о письмахъ, ей будто продиктованныхъ Эдмундомъ Поммерэ на тему страхованія. Въ этомъ смыслѣ говорила она лишь о тѣхъ двухъ письмахъ,—одно къ отцу, другое къ сестрѣ,—которыя были отправлены по почтѣ, въ день ея смерти; тамъ, она, точно, признала, что писала ихъ, обливаясь слезами, за пять

или за шесть недѣль ранѣе, и что ей тяжело огорчать родныхъ. Вспоминая предъ свидѣтелями, какъ Поммерэ диктоваль ей разныя, касающіяся полисовъ бумаги, она не сообщила, однако, никому, — стало быть, ни дѣвушкѣ Гюильмандъ, ни своей дочери Фелицатѣ, — будто онъ же продиктоваль и 23 письма, которыя находятся въ рукахъ прокурорскаго надзора. Фелицата показываетъ, что 12 ноября мать предупредила ее о приходѣ Поммерэ; о его желаніи написать кое что и потребовала письменныя принадлежности; но ей не извѣстно, былъ ли Поммерэ въ этотъ день.

Вотъ почему переписка меня удивляетъ не мало. Я спрашиваю, какъ могло случиться, что, ведя ее, Повъ, не сказала никому, ни слова; о письмѣ къ сестрѣ, о другомъ къ отцу, о страховыхъ контрактахъ, о передаточныхъ надписяхъ бесѣдовала много разъ; о цѣлыхъ же 23-хъ письмахъ ни звука! Фактъ странный и, думаю, онъ поразить васъ, какъ удивилъ меня.

Не хотѣлось бы останавливаться на письмахъ къ роднымъ, теперь же. Тѣмъ не менѣе, пара словъ, и вы поймете, какія несообразности открываются вновь. Какъ! За шесть недѣль до смерти, ее уже принудили написать ихъ! Съ какою цѣлью? Жду отвѣта... Самъ ищу разумнаго основанія. Она пишетъ, что больна; допустимъ. Собрать рецепты, готовить оружіе противъ компаній, обдумывать, какъ лучше предложить имъ: — „Выкупите мои полисы; я, вѣдь, умираю; договорившись безъ проволоочки, вы устроите дѣло выгоднѣе, чѣмъ когда станете ожидать моей кончины,“ — все это возможно. Но, съ какой стати писать отцу: „Свѣтъ меркнетъ, въ глазахъ; я никогда не обниму тебя болѣе?“ Зачѣмъ волновать сестру: „это мой послѣдній тебѣ привѣтъ?“ Изъ-за чего бы диктоваль Поммерэ такія письма? Какую прибыль онъ могъ бы извлечь? Не у сестры же и не въ домѣ отца умершей могъ онъ разсчитывать найти союзниковъ, объявляя страховымъ обществамъ войну, исключительно, ради своей корысти? Что бы ни дѣлали мои противники, въ свою очередь, — не найти имъ здраваго объясненія. Сообразите далѣе, что г-жа Повъ видѣла свою сестру 11-го ноября; письма, говорятъ, изготовлены пять недѣль раньше; ихъ писали, проливая слезы. Повъ уже довѣрила сестрѣ тайну проектовъ ла Поммерэ, объяснила, зачѣмъ притворяется больной. Отлично! Почему же, спрашивается, встрѣтивъ сестру еще разъ, не говоритъ она ей: „Мнѣ продиктовали письмо, которое причинить тебѣ много горя; не принимай его за истину; я сама плакала, когда писала, а теперь, избѣгая неожиданности, предвараю тебя?“

Новый, поразительный фактъ. Въ одномъ изъ писемъ, Юлія

Повъ дѣлаетъ ссылку на мнѣніе доктора Занета: съ нимъ, дѣйствительно, совѣтовались, 12-го ноября. Но, въ моментъ сочиненія письма, было невозможно предвидѣть, когда именно докторъ пріѣдетъ; онъ могъ даже не явиться совсѣмъ. Почему же не называютъ, скорѣе, врачей Нелатона и Вельпо, которыхъ Повъ уже видѣла?

Не правда ли, какъ все это просто и ясно?... Рѣшительно, отказываюсь понимать! Повъ, на самомъ лѣлѣ, рассказывала, что обвиняемый продиктовалъ ей письма къ отцу и сестрѣ; нѣсколько свидѣтелей заявили объ этомъ на судѣ и я имъ вѣрю. Но правды нѣтъ въ ея словахъ, такъ какъ она предупредила бы сестру и въ виду того, что, за шесть недѣль до ея смерти, Поммерэ не могъ сослаться на доктора Занета, который, впервые, навѣстилъ ее лишь 12 ноября. Зачѣмъ же эта женщина съ воображеніемъ причудливымъ и умомъ страннымъ, субъектъ, недостаточно здравомыслящій, толкующій обо всемъ вкривь и вкось, зачѣмъ она говорила о письмахъ?

Я не знаю, да и не моя обязанность отыскивать причину. Долгъ прокурора представить надлежащія объясненія. Съ меня довольно рѣзкаго невѣроятія фактовъ.

Что же касается писемъ, адресованныхъ самому Поммерэ, то она никому не жаловалась, будто онъ ее заставилъ написать ихъ. Чѣмъ замѣчательны эти письма? Подробности, во истину, необыкновенными. Какъ указалъ, резюмируя эту часть темы, прокуроръ, вы находите здѣсь излиянія благодарности доброму и честному человѣку и пламенное желаніе видѣть его почаще, а съ его стороны—неустанный отказъ бывать. Далѣе говорится о пособіяхъ, имъ присланныхъ; опредѣляются даже размѣры суммъ, весьма значительныхъ. Все это ложь, повторяютъ вамъ. Какъ знать? Частыя посѣщенія, обращаемыя нынѣ въ улику, — кто имъ свидѣтель? Никогда, въ уголовномъ дѣлѣ, не видалъ я ничего, подобнаго: человѣкъ приходитъ каждый день, но, ни дочь Юліи Повъ, ни госпожа Риддеръ, ни дѣвушка Гюльмандъ, ни вдова Пьетерсъ, ни прислуга, ни сосѣдка Делетръ, не замѣчаютъ его, ни разу.

Обвиненіе утверждаетъ еще: „ожидая Поммерэ, госпожа Повъ удаляла всѣхъ.“ Что же вы знаете? Она, точно, предупреждала о его приходѣ; но, кому именно онъ попадался на глаза? Привратнику? Я сейчасъ обращусь къ нему. Однако, не кажется ли вамъ страннымъ, что изо всѣхъ, окружавшихъ Повъ, — изъ ея подругъ и домашнихъ, — Поммерэ не встрѣчалъ никого? Ну, а если ей было выгодно рассказывать, что приходилъ онъ, когда этого

не было! Я не хочу оскорблять ея памяти и не намѣренъ становиться отголоскомъ того, что прокуроръ называетъ клеветою; принимаю снисхожденіе, котораго она заслуживаетъ; тѣмъ не менѣе, ей ли первой случилось бы обмануть человѣка, котораго она увѣряла въ своей любви! Допустимъ, что посѣтитель былъ кто нибудь другой и что ей хотѣлось скрыть это... Какъ бы она дѣйствовала? Именно, какъ въ данномъ случаѣ. Она предупреждала бы: „Сегодня будетъ Поммерэ“... Во всякомъ случаѣ, замѣтите, подсудимаго никто не видѣлъ.

Разсмотримъ показанія привратниковъ; они, въ свою очередь, оригинальны. Мужъ и жена Клишъ заявили, сначала, будто видѣли Поммерэ часто; послѣ обнаружилось, что имъ нельзя было признать его. Госпожа Клишъ рассказываетъ: „Однажды, я видѣла, какъ онъ прошелъ, приняла за пріятеля одного изъ нашихъ жильцовъ, окликнула, но отвѣта не получила. Одѣтъ былъ онъ въ черномъ и я замѣтила бѣлый галстукъ.“ Что же отсюда слѣдуетъ? Развѣ такой галстукъ могъ быть у одного Поммерэ? Расспрашивая самого Клиша, мы освѣдомились, что онъ узналъ, куда ходитъ посѣтитель, лишь въ день смерти Повъ, когда, подымаясь въ ея квартиру, онъ, Клишъ, столкнулся съ Поммерэ, на лѣстницѣ.

Доказано ли, что обвиняемый бывалъ часто? Онъ самъ опредѣляетъ число своихъ посѣщеній; видѣлъ Повъ, когда она ушиблась при паденіи, то есть, когда она ему объ этомъ написала; затѣмъ, былъ у нея 16 и 17-го ноября. Мы еще поговоримъ объ этихъ, отмѣченныхъ прокуратурою визитахъ; теперь же, не забудемъ, что частыя посѣщенія пока не доказаны, хотя установить ихъ обвиненію, безусловно, необходимо. Подсудимый настаиваетъ, что сдѣлалъ все, дабы страхование не имѣло характера пожизненнаго; Демидъ говоритъ тоже самое. Сама Повъ, непременно, требовала договора на случай смерти. Ей совѣтовали принять страхование, ограниченное, которое обезпечило бы ея дѣтей, еще при ея жизни; *она отказалась*. Изложенное удостовѣряется перепискою, а Демидомъ подтверждается.

Уже отсюда видно, что о дѣтяхъ заботились, и даннаго факта не слѣдуетъ упускать изъ виду. Справедливо ли, что извѣстный документъ, въ ихъ пользу, былъ совершенъ? Можно ли признать, что, въ минуту смерти Повъ и раньше представленія этого акта, Поммерэ далъ знать г. Тестю? Послѣдній не явился,—чѣмъ же я виноватъ? Прокуроръ говоритъ: „Если бы вы предупредили, что его внукъ и внучки получаютъ 550,000 франковъ, онъ не преминулъ бы озаботиться.“ Но, вѣдь, онъ могъ придти и безъ этого,

а не хотѣлъ. Между тѣмъ, продолжаетъ обвиняемый, если бы мы свидѣлись, я бы сообщилъ ему кое что и тогда же поставилъ бы его въ извѣстность о богатомъ подаркѣ, предназначенномъ мною для дѣтей Повъ. Стало быть, проектъ ограниченнаго страхованія и намѣреніе облагодѣтельствовать дѣтей, значащіяся въ письмахъ, устанавливаются независимо отъ переписки.

Намекаютъ, тѣмъ не менѣе, что размѣръ помощи преувеличенъ. Да, я согласенъ. Эта женщина отличалась всѣми признаками нищеты; она пользовалась покровительствомъ многихъ, допускаю. А, между тѣмъ, онъ посылалъ ей значительныя суммы; гдѣ онъ? Какъ вы хотите, чтобы онъ далъ отчетъ? Вѣдь, только Повъ могла бы сказать это. Изъ того, что свидѣтели не видѣли употребленія денегъ, неизбѣжно ли сдѣлать выводъ, что ихъ не посылали? Изъ того, что ей могло быть выгодно казаться нищею, справедливо ли заключать, что онъ не хотѣлъ ей помочь выйти изъ ужаснаго положенія, въ которомъ она находилась. Нѣтъ, господа присяжные, вы не можете идти такъ далеко.

Противопоставляя мнѣ переписку и на ней настаивая, обвиненіе видитъ здѣсь доказательство, съ одной стороны, предумышленія Поммерэ, а съ другой, — уговора между нимъ и Юліею Повъ. Я старался объяснить эту переписку разумно, признавая, впрочемъ, что нѣкоторые отдѣлы ея своеобразны и непонятны. Но, встрѣтивъ требованіе ясныхъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, которые могли бы ему быть адресованы на этомъ пути прокуроръ оказался бы въ такомъ же затрудненіи, какъ и защита.

Позвольте же мнѣ резюмировать данную часть процесса. Одно изъ двухъ: переписка вполнѣ искренна, или, наоборотъ, только шутовство. Свободу выбора предоставляю обвинителю. Съ точки зрѣнія отравленія, результатъ для меня безразличенъ. Не имѣя права игнорировать настоящаго, весьма труднаго отдѣла моей задачи, я былъ обязанъ защищать жизнь человѣка, какъ онъ это считаетъ необходимымъ. Мнѣ надлежало заявить, что изучаемые документы добросовѣстны и были бы честно соблюдены, а также, что, разъ обѣщавъ, Поммерэ твердо желалъ исполнить. Но, если разумъ судей не допускаетъ этого, если, на текущемъ моментѣ процесса, сомнѣнія прокурорскаго надзора волнуютъ и васъ, то какой выводъ отсюда возможенъ? Единственный, а именно, что подсудимый и Юлія Повъ сговорились обмануть страховыя общества. А если подобное заключеніе неизбѣжно, то все дальнѣйшее можетъ быть объяснено вами лишь такъ: „Поммерэ сказалъ себѣ: этой женщинѣ необходимъ постоянный доходъ; черезъ застрахованіе въ значительной суммѣ, которое мы не замедлимъ

хитро ликвидировать,—я дамъ его. Она повѣрила, сама этого хотѣла; примирилась со всѣми уловками, приняла дѣятельное въ нихъ участіе; притворялась больною, въ гораздо высшей мѣрѣ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ,—вообще, неудержимо, стремилась по пути къ преступленію, черезъ которое рассчитывала извлечь выгоду изъ страховыхъ договоровъ... Здѣсь, очевидно, нѣтъ ничего другаго.“

Но, вѣдь, все это ничтожно для обвиненія въ отравленіи!

Я не отказывался идти за прокуроромъ, среди изложенныхъ подробностей, признаю, для него благопріятныхъ. Въ дальнѣйшемъ излѣдованіи, я въ свою очередь, перехожу въ наступленіе и приглашаю обвинителя доказать, что Повъ умерла отравленною. Прошу извинить меня, гопода, за безконечныя и безплодныя мелочи, на которыхъ пришлось задержаться такъ долго; не въ нихъ суть, мы только сейчасъ достигаемъ ее. Да будетъ мнѣ разрѣшено сказать, что, если вы, какъ я увѣренъ, дабы не колебаться болѣе и разсудить по совѣсти, ожидаете конца преній, то вы не замедлите убѣдиться въ невозможности теорій, предлагаемыхъ обвинительною властью.

Отравлена ли Повъ? Поммерэ ли отравитель?

Каково было состояніе здоровья умершей?

А! Чрезвычайно легко избавиться отъ вопроса, отвѣчая: она чувствовала себя недурно, хотя иногда прихварывала и страдала желудкомъ. Рассчитывая на снисхожденіе прокурора и не смотря на столь блестящую защиту профессоромъ Тардѣ своихъ товарищей, что ихъ заключенія могли вамъ показаться совершенно ясными, равно какъ и очеркъ ими болѣзней, въ которыхъ предписываютъ пивки и наперсточную траву,—мы разсмотримъ, еще разъ, показанія данной группы свидѣтелей и врачей. Правда, изъ этого матеріала г. Тардѣ сдѣлалъ, какъ онъ одинъ умѣетъ, прелестный разсказъ. Но если, изучивъ показанія, мы также убѣдимся, что г-жа Повъ чувствовала себя превосходно, то не будетъ уже надобности приглашать врачей никогда, ибо они, очевидно, не понимаютъ и ничего понять не могутъ въ страданіяхъ человѣка.

По моему, она была серьезно нездорова. И если даже согласиться, что, притворяясь умирающею, она поддѣлывала болѣзнь, тягчайшую, чѣмъ имѣла въ дѣйствительности, то и тогда некуда дѣвать факта, что она все таки умерла. Но, говорятъ, она хворала менѣе всего, именно, когда притворялась. Такъ ли? Вотъ черпаемая изъ слѣдствія выдержка показанія ея дочери Фелицаты,—и лучшаго выбора сдѣлать нельзя.

„За долго до своей притворной болѣзни, матушка жаловалась на сердцебіеніе; думаю, что 10 ноября, въ минуту, когда стала притворяться, она уже была нездорова, хотя и преувеличивала болѣзнь.“

Да, она играла комедію; но ей это было легче, чѣмъ другой, потомучто ей, на самомъ дѣлѣ, нездоровилось.

Послушаемъ Гушонъ, ея сестру, у которой она была 9 ноября, наканунѣ дня начала комедіи: Когда Юлія Повъ сказала, что, въ расчетъ получить ренту, хочетъ притвориться больной, Гушонъ сдѣлала ей предостереженіе, которое будетъ мною оцѣнено при разработкѣ вопроса, могла ли Повъ что либо выпить изъ рукъ Поммерэ?

„Сестра пришла ко мнѣ завтракать и жаловалась, что, за нѣсколько дней раньше, страдала очень сильнымъ сердцебіеніемъ; говорила также о боляхъ въ желудкѣ и, что въ теченіи 48 часовъ, не вставала съ постели. Ея возбужденное состояніе и си-небагровый цвѣтъ губъ поразили меня.“

Это не безразлично и съ моей точки зрѣнія, когда идетъ рѣчь о женщинѣ, скончавшейся въ болѣзни, невѣдомой.

Свидѣтельница де Риддеръ заявила вамъ, съ другой стороны: „Молодая женщина, госпожа Повъ, страдала сердцебіеніемъ.“

Нѣкая Майль встрѣтила ее 12 ноября, въ предпоследній выходъ ея изъ дому: „Въ четвергъ, 12-го, г-жа Повъ навѣстила меня; гуляя, я ее провожала домой. По ея словамъ, чтобы продать страховые договоры, ей было необходимо притворяться больной. Но, и на самомъ дѣлѣ, она выглядывала не хорошо и собиралась принять слабительное, независимо отъ болѣзни притворной.“

Стало быть, у Повъ сердце было не въ порядкѣ. Г. Геймъ сообщаетъ намъ, что эта бѣдная женщина зарабатывалась до болѣзни. Языкомъ, котораго вы, разумѣется, не забыли, онъ говоритъ: „Съ годъ тому назадъ, я ей далъ работу въ институтѣ; приказалъ зажечь огонь,—она была очень слаба и въ лихорадкѣ. Сердце замирало такъ, что она едва переводила духъ.“

Еще свидѣтель Буваръ, плотникъ, показалъ: „2 октября, она мнѣ жаловалась на сильныя боли въ желудкѣ и плакалась, что онъ ее погубятъ.“

Если прокуроръ считаетъ женщину, съ такими припадками, здоровою, то онъ слишкомъ мало требуетъ отъ того, что называется здоровьемъ. Во всякомъ случаѣ, изложенное что нибудь да значить. Пусть она притворяется умирающей; пусть рассказываетъ, что упала съ лѣстницы; какъ полагаете вы и чего не отрицаю я,— пусть все будетъ это неправда, а, тѣмъ не менѣе, она

страдала и уже довольно времени. Боли желудка ее мучили со 2-го уже октября; 9 ноября, онѣ достигли такой силы, что обезпокоили ее сестру; 12-го, замѣтите хорошенько, госпожа Майль, которой она говорила: „Я хочу разыграть комедію,“ думала про себя, чтоей это будетъ не трудно, потому что состояніе ея здоровья оказывалось весьма подходящимъ.

Итакъ, она была больна. Даже тѣ, кто говоритъ о притворствѣ, знаютъ, что состояніе ея здоровья требовало многого. Затѣмъ, она идетъ къ врачамъ, которые находятъ ея больною, болѣе или менѣе тяжело, а все таки больною. Посему,—вмѣсто увѣреній, будто медики ничего не смыслятъ, что несправедливо, и будто ихъ легко обмануть, когда угодно, что невозможно,—необходимо признать, что если больной, иногда, вводитъ доктора въ заблужденіе, то, разумѣется, не безусловно. Всѣ мы настолько свѣдуши въ медицинѣ, чтобы уразумѣть, что пульсъ, температура кожи, видъ языка, цвѣтъ лица и выраженіе глазъ—признаки здоровья или болѣзни, отнюдь не двусмысленные. Съ другой стороны, я не могу допустить, чтобы 5 или 6 извѣстныхъ докторовъ, которыхъ сейчасъ назову, не ошупывали пульса, не смотрѣли языка, не изслѣдовали больной, взглянувъ, по крайней мѣрѣ, ей въ глаза, и чтобы, вообще, никакимъ способомъ, не провѣрили ея состоянія. Она преувеличивала—согласенъ; притворялась,—вѣрю еще больше, но она была больна!

13 октября 1863 года, т. е. гораздо раньше, чѣмъ шутовская игра началась, врачъ Дезормо прописалъ морфій, а женщина, говорятъ, была здорова! Странное лѣчение, если бы онѣ не замѣтилъ чегонибудь! Вы скажете, что его совѣтъ не былъ исполненъ, — это меня не касается; возразите далѣе, что все это предпринималось съ цѣлью получить отъ страховыхъ обществъ пенсію; какое же мнѣ до этого дѣло? Вамъ отвѣтять, что, хотя нѣтъ рецепта изъ аптеки, мнѣніемъ доктора руководились, все таки. Его рецептомъ я доказываю, что Юлія Повъ хворала, потому что вижу слѣдующую его замѣтку: „Каждый вечеръ принимать по одному грамму теріака; утромъ и вечеромъ, въ верхнюю часть брюшной полости дѣлать втиранія изъ такой мази: чистаго глицерина 10 граммъ, соляно-кислаго морфія 50 сентиграммъ и настоя шпанскихъ мухъ 1 граммъ.“ Профессоръ Дезормо слишкомъ занятъ, чтобы помнить, какія именно лѣкарства прописалъ; но вотъ что, по предъявленіи ему рецепта, мы услышали, на судѣ: „У больной, которой данъ этотъ совѣтъ, я нашелъ хроническое малокровіе; содержаніе рецепта не указываетъ, впрочемъ, на близкую опасность.“ Я совершенно понимаю: лѣкарства пропи-

саны не человѣку въ агоніи или умирающему, но они свидѣльствуютъ о болѣзни.

Перехожу къ консультаціи доктора Нелатона; это, конечно, большой авторитетъ. Заслуживая довѣрія не менѣе прочихъ, онъ—наша слава и мы питаемъ къ нему справедливое уваженіе за его сердце и умъ, достойные другъ друга. Онъ посовѣтывалъ уже не припарки,—средство, невинное и предлагаемое развѣ людямъ здоровымъ, но желающимъ немножко полѣчиться,— а нарывной пластырь. У г-жи Повъ, мы, сейчасъ, видѣли только обѣдненіе крови; ужъ не для того ли, чтобы лишить возможности ѣсть, кладутъ ей такой пластырь? Поразительный способъ укрѣплять силы! Между тѣмъ, вотъ рецептъ г. Нелатона: „Прикладывайте, подъ ложечкой, нарывной пластырь въ 10 сантиметровъ шириною.“ Когда ему показали этотъ рецептъ и спросили, въ какомъ положеніи онъ видѣлъ больную, —докторъ Нелатонъ, также не ручаясь за подробности, отвѣтилъ г. предсѣдателю: „Этотъ рецептъ не обусловливается тяжкимъ страданіемъ, но указываетъ на расстройство желудка и внутренностей.“ Слѣдовательно, 21 октября, Юлія Повъ была нездорова и если пока не тяжело, то болѣзнь могла развиваться: пытаюсь скрывать, завтра страдаютъ больше, нежели вчера и кончаютъ смертью.

Докторъ Вельпо оказался расточительнѣе своего товарища Нелатона; онъ предписалъ нарывное средство употреблять каждый мѣсяцъ и это, замѣтте, человѣку, вполне здоровому! Помѣта рецепта драгоценна, — 24 октября 1863 года: „Употребляйте, во первыхъ, на желудокъ, широкій нарывной пластырь (*широкій!*) и, во вторыхъ, два раза въ день, натирайтесь мазью іодистаго калия.“ На вопросъ о положеніи больной, докторъ Вельпо заявилъ: „Рецептъ обязываетъ меня думать, что женщина, у меня совѣтовавшаяся, была въ нервномъ возбужденіи и кое чѣмъ хворала въ полости кишекъ и желудка.“ Это „кое что“ могло ее убить. Это „кое что“ ее убило, если вы не докажете противнаго.

Еще врачъ, докторъ медицины Занетъ, правда, не столь именитый, какъ предыдущіе, но, въ свою очередь, извѣстный, предписалъ только рвотный винный камень. Здѣсь, онъ объяснилъ, что рѣчь шла о расстройствѣ желудка и что Повъ не казалась ему очень больной.

Разсмотрѣвъ мнѣнія столькихъ, выдающихся людей, я не могу забыть посѣщеній медика Годино, человѣка, опытнаго и почтеннаго,—этого нѣтъ надобности повторять, — который, пожалуй, могъ быть обманутъ на счетъ паденія съ лѣстницы, но не ошибался въ остальномъ. Думаете ли вы, что, озабоченный резуль-

татами притворнаго паденія, онъ не видѣлъ ничего далѣе? Это сейчасъ объяснится: рвота открылась за много времени до притворства и онъ помогаль больной; именно Гоудино, которому жаловались на ушибъ, наблюдалъ признаки прободенія желудка и поставилъ соотвѣтственный діагнозъ. Другое заключеніе казалось неумѣстнымъ, ибо если Повъ говорила правду, то ушибъ, самъ по себѣ, могъ обусловить прободеніе. По этому вопросу, я получилъ, изъ разныхъ мѣстъ, цѣлую серію врачѣбныхъ письменныхъ консультацій; вездѣ говорится, что докторъ Гоудино совершенно правъ.

Но я не хочу знать пресловутаго паденія; хочу рассуждать, отправляясь отъ вашей гипотезы и на вашей почвѣ. Разсчитываю сдѣлать хорошую операцію изъ всего, что относится къ страховымъ договорамъ и къ безчестнымъ ухищреніямъ, на которыхъ основались вы. Ничему этому я не вѣрю, но допускаю умышленно, твердо памятуя, что ничѣмъ не рискую.

Юлія Повъ хворала, независимо отъ ушиба на лѣстницѣ,— докторъ Гоудино былъ въ этомъ убѣжденъ. Знаете ли, сколько онъ прописалъ рецептовъ? Семь. Сколько разъ навѣстилъ ее? Четырнадцать. Хотите ли припомнить, когда именно рецепты прописаны, а визиты сдѣланы? Это полезно. Періодъ рецептовъ начинается 13 іюля и оканчивается 10 ноября 1863 года. А развѣ послѣднее число не согласуется съ тѣмъ, что рассказала намъ г-жа Гушонъ? Какъ и она, найдя въ состояніи больной, нѣчто опасное, докторъ посовѣтоваль не выходить изъ дому, обѣщаль бывать у нея и дѣйствительно приходилъ.

Разсмотримъ рецепты. Вычеркнувъ большую часть ихъ, а именно всѣ, предписывающіе лишь образъ жизни и лишенные важнаго значенія, я изъ остальныхъ могу извлечь не малую пользу. Между ними есть два, на которые призываю внимание ваше. 11 іюля 1863 года, — разумѣется, не по поводу ушиба, — Гоудино совѣтуетъ ей приготовить питье съ нѣкоторымъ количествомъ дигиталина. Читаю: „Окиси бисмута 10 сентиграммовъ; настоя волчьяго корня $\frac{1}{2}$ сентиграмма; *наперсточной* травы $\frac{1}{2}$ сентиграмма.“

Беру рецептъ отъ 13 августа, опять за долго до комедіи, которая началась лишь 10 ноября; данный совѣтъ, очевидно, не относится къ паденію. Онъ важенъ, какъ доказательство, что, въ глазахъ медика, Юлія Повъ была дѣйствительно, чѣмъ то, больна: „24 часа продержите свѣжій листь *наперстянки* въ графинѣ холодной воды; принимая каждый разъ по чашкѣ, выпейте растворъ въ продолженіи слѣдующаго дня; въ области сердца,

утромъ и вечеромъ, употребляя каждый разъ по 20 граммъ, втирайте спиртовую настойку *той же травы.*“

Какъ видите, рѣчь идетъ не объ ушибѣ, а о страданіи иного рода. Наконецъ, вотъ распоряженіе отъ 10 ноября, еще болѣе важное; больной ставятъ десять пиявокъ. Кто повѣритъ, чтобы врачъ предписалъ такое средство, не изучивъ положенія больной и не убѣдившись, по состоянію легкихъ и языка, что есть раздраженіе и что его нельзя устранить иначе. Мы всѣ лѣчились у докторовъ и почти всѣхъ насъ кусали пиявки; всякій поэтому знаетъ, какія мѣры употребляются раньше, чѣмъ обратиться къ этому способу лѣченія. Возвращаюсь къ моменту 10 ноября. Извѣстно, что 9 числа Гушонъ была поражена болѣзненнымъ видомъ сестры. 12-го г-жа Майль говорила: „Она хочетъ разыграть комедію и ей это будетъ легко; по моему, состояніе ея здоровья весьма неудовлетворительно.“ Да разрѣшать мнѣ прочитатъ заключеніе Гоудино на предварительномъ слѣдствіи, и вы увидите, что эта женщина хворала, въ теченіи продолжительнаго времени, что ее тошнило, за долго до 17 ноября—дня смерти. По словамъ медика, онъ ей сказалъ 10 числа: „Вы очень страдаете, не приходите ко мнѣ.“

Я читаю дальше буквально: „Страданія Повъ, на мой взглядъ, были такъ тяжелы, что, давъ совѣтъ, я пригласилъ ее вернуться домой и лечь въ постель, немедленно; а затѣмъ обѣщаль, что, въ слѣдующій понедѣльникъ, буду у нея, на квартирѣ, по улицѣ Бонапарта, въ домѣ № 24. Дѣйствительно, съ понедѣльника 2 ноября, я сталъ, правильно, навѣщать ее. Но, въ теченіи той же недѣли, обнаружилось острое воспаленіе кишекъ, сопровождаемое рвотою.“

Ясно ли? Разумѣется, не дигиталинъ, данный 16 ноября, вечеромъ, былъ причиною рвоты, открывшейся за 10 дней раньше. Врачъ видѣлъ изверженія, а положеніе больной казалось ему въ такой мѣрѣ серьезнымъ, что обусловило прямой совѣтъ: „Лежите дома, я самъ буду навѣщать васъ.“ Онъ приходитъ, наблюдаетъ острия боли желудка, видитъ рвоту, повторяющуюся въ теченіи цѣлой недѣли; предписываетъ пиявки, а, съ цѣлью облегчить тяжесть припадковъ совѣтуетъ клейкія промыванія. Замѣьте, — все это происходитъ, за четыре или за пять дней до смерти.

Когда, во имя предвзятой мысли, настаиваютъ, что, если этотъ человекъ и не былъ заинтересованъ, то отравилъ, неизбежно, онъ, — все идетъ прекрасно и обвиненіе движется впередъ, съ величайшею легкостью. Но, какъ только вдумаемся въ обстоятельство дѣла, что увидимъ?....

Докторъ Годино прибавляетъ: „4 или 5 дней передъ смертю, припадки рвоты стали еще сильнѣе; отказавшись подчиниться моему совѣту возобновить пѣвки въ полости желудка или поставить нарывной пластырь, она 17 ноября скончалась. Отвѣчая на вашъ вопросъ, говорю, что, начиная со 2 числа, я навѣстилъ ее около двѣнадцати разъ; состояніе ея здоровья мнѣ представлялось опаснымъ уже 31 октября—день, когда я рекомендовалъ ей лечь въ постель. Посѣщая затѣмъ и разсматривая Повъ, какъ серьезно больную, я, однако, надѣялся предотвратить смерть.“ Итакъ! Слышите ли? Обвиненіе не можетъ дольше утверждать, что у покойной не было другой болѣзни, кромѣ упадка силъ, обусловленнаго недостаткомъ питанія; вполне очевидно, что она стала хворать, отнюдь, не съ 16 ноября. Уже 31 октября, она страдала тяжело; ея врачъ прямо свидѣтельствуешь объ этомъ. 16-го, къ вечеру, и 17-го, ее тошнило не въ первый разъ; она мучилась рвотой 2 ноября и далѣе, вплоть до 10-го. Съ этими припадками боролись, примѣняя пѣвки; а 3 или 4 дня спустя, то есть 14 или 15, значить, за двое сутокъ до смерти и раньше инкриминируемыхъ визитовъ Поммерэ, докторъ указывалъ еще средства, но больная отвергла ихъ.

Теперь, не мѣшаетъ обобщить заключеніе Годино. У него спрашиваютъ: „Хворала ли Повъ серьезно?“ Отвѣтъ: „Да, болѣзнь была тяжела, но я рассчитывалъ побороть ее.“ Слѣдовательно, еще до начала комедіи, опасность уже была на лице. Не замѣчаете ли, что съ этого момента, передъ нашими глазами раскрываются немаловажныя затрудненія?! И если защита находить, въ подобной распрѣ, такую точку опоры, то не могу ли я сказать прокурору, что ему не выбратся отсюда благополучно ни чрезъ всю массу переписки, ни при помощи страховыхъ договоровъ!

Она тяжело хвораетъ. Тотъ, кто лѣчитъ ее, говоритъ, что у нея воспаленіе кишекъ. Рвота продолжается 2, 10, 14 ноября, а 17-го она умираетъ отъ ея послѣдствій.

Что же изъ этого? Какъ бы она ни была больна, прокуроръ вынужденъ предполагать, что ея здоровье было превосходно, и вотъ путь, которымъ рассуждаетъ онъ.

Вечеромъ 16-го, г-жа Повъ обѣдаетъ съ апетитомъ и, ради цѣли, всякому понятной, даже прихорашивается... Подсудимый не заставляетъ ожидать себя... Онъ приходитъ уже съ ядомъ, потому что, не забывайте, именно 16-го, вечеромъ, она была отравлена. Для обвиненія этотъ фактъ необходимъ, безусловно! Что станетъ съ опытомъ надъ собакою, если покойную отравили не за

22 часа до смерти!? Дабы признаки, найденные у собаки, совпали съ тѣми, которые наблюдались при кончинѣ Повъ, рѣшительно неизбѣжно, чтобы преступленіе учинилось 16 ноября,—не ранѣе и не позже! Итакъ, Поммерэ пришелъ 16-го вечеромъ и, съ улыбкою на устахъ, поднесъ этой женщинѣ яду. Кто это видѣлъ? Кто сказалъ? Говорила ли комунибудь она сама? Я у васъ требую отвѣта, ибо за мною право поставить такіе вопросы. Когда утверждаютъ, что ей дали яду, то, повидимому, не лишнее доказать. Это былъ, говорятъ, по всей вѣроятности, дигиталинь. Но убѣдилъ ли насъ прокуроръ хотя бы въ томъ, что умершая питала къ Поммерэ безусловное, слѣпое довѣріе? Имѣемъ ли мы основаніе полагать, что она приняла бы изъ его рукъ все, чѣмъ бы ему ни вздумалось угостить ее? Здѣсь, мнѣ обвинитель не страшень и я не вижу никакой для него возможности удостовѣрить это. Вѣдь, свидѣтели единогласно показали: когда Повъ мечтала о проектахъ Поммерэ, о выгодахъ страхованія и когда ее предупреждали: „Берегитесь!“—она отвѣчала: „Нѣтъ, я совсѣмъ не боюсь и ничего не приму отъ него.“ Фактъ удостовѣренъ ею дочерью Фелицатою. Г-жи Риддеръ, Майль, Гушонъ, въ свою очередь и не разъ, намекали ей объ опасности. Стало быть, Юлія Повъ была отлично предупреждена и, въ достаточной мѣрѣ, разумѣла страховые договоры, дабы понять, что если Поммерэ выгодно отъ нея избавиться, то ей не худо поостеречься.

Но, можетъ быть, вамъ угодно имѣть прямое доказательство, что она далеко не такъ беззавѣтно вѣрила Поммерэ, какъ полагаетъ обвинительная власть? Прекрасно! Не найдемъ ли такой улики въ сношеніяхъ покойной съ г. Лирѣ. Прокуроръ розыскалъ его, въ самомъ концѣ засѣданія, и я очень радъ, ибо свидѣтель годенъ и для меня. Г. Лирѣ—редакторъ „Биржевой газеты“ и не знакомъ съ подсудимымъ. Юлія Повъ обратилась къ нему, по своему личному усмотрѣнію. Зачѣмъ? Разумѣется, потому, что сомнѣвалась въ Поммерэ. Вы, конечно, сдѣлаете обвиняемому эту уступку и со мною признаете, что если бы умершая вѣрила ему абсолютно, то не искала бы свиданій съ человѣкомъ, постороннимъ. Тѣмъ не менѣе, она пошла къ Лирѣ и вотъ заключительныя слова этого господина: „Сударыня! По моему, вамъ нечего опасаться страховыхъ договоровъ; но у другихъ можетъ быть только одинъ расчетъ: желать вашей смерти!“

Стало быть, вотъ женщина, всячески, осведомленная; она не вѣритъ Поммерэ и, однако, приметъ все, что онъ ей дастъ!

Но, прежде всего, какъ вы докажете; принесъ ли онъ что

нибудь? Найдены ли какойнибудь пузырьки? Гдѣ дознанные слѣды яда?

Наконецъ,—пусть будетъ по вашему! Она выпила отраву, данную Поммерэ, и находится въ ужасномъ положеніи. Не станеть же она, по крайней мѣрѣ, молчать!

Умоляю васъ, господа присяжные, вдумайтесь, примите къ свѣдѣнію мой способъ защиты: не впечатлѣніемъ, болѣе или менѣе жгучимъ, я стараюсь воспользоваться, а рассуждаю предъ здравомыслящими людьми, которые меня поймутъ! Я показалъ вамъ Повъ больною, тяжело страдающею, и всего за нѣсколько дней до смерти; теперь, вы убѣдились, что она не вѣрила Поммерэ. Хотя прокуроръ ничѣмъ не доказалъ этого, я вѣрю, что Поммерэ принесъ ядъ, что Повъ его выпила и мучается... Она не вытерпитъ, безъ сомнѣнія, пожалуется... Видѣла ли она когонибудь? Да, всѣхъ своихъ знакомыхъ! Намекнула ли кому? Безусловно, *нѣтъ*. Скрывала ли посѣщенія Поммерэ? Нѣтъ! Наоборотъ съ двумя лицами бесѣдовала объ этомъ, а, въ такую минуту, что могло быть проще, какъ сказать: „Онъ мнѣ далъ что-то.“ *Ни слова!* Ее навѣщали: Фелицата, Гюльмандъ, Делетръ, дѣвушка Бопъ, одинъ изъ ея учениковъ, прежняя прислуга, вдова Пьетерсъ; она видѣла Гоудино и... не обмолвилась. Не сказала: „Я особенно страдаю сегодня. Вашъ братъ, докторъ Поммерэ, или, если не хотѣла называть его,—одинъ изъ моихъ знакомыхъ, врачъ, былъ у меня и, сказавъ, что желаетъ помочь, далъ мнѣ какое то лѣкарство, а, съ тѣхъ поръ, мнѣ хуже.“ Нѣтъ, она не говоритъ ничего! И вы думаете, что обвиненіе можетъ объяснить это? Подобное молчаніе не доказываетъ ли, что Поммерэ ни при чемъ?!

До самой кончины, Повъ находилась въ здоровой памяти. Последній, на очереди, докторъ, ее навѣстившій, Бланшетъ рассказалъ, что, кромѣ предсмертной тоски, ею испытанной, какъ результатъ страданій, больная не теряла душевнаго равновѣсія и сохраняла полное сознаніе. Но и Бланшету, какъ и Гоудино, не сказала она: „Меня напоили чѣмъ то.“ Сообщая Гюльмандъ: „Приходилъ де ла Поммерэ; онъ думаетъ, что у меня холера,“ не прибавила: „Онъ мнѣ далъ какое то средство противъ нея.“

Понимаете ли вы это молчаніе?

А, между тѣмъ, не въ дѣлахъ ли подобнаго рода, безусловно, надлежитъ, чтобы все было ясно, какъ свѣтъ солнца? Мыслимо ли повѣрить, чтобы, перенося такія испытанія, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, мучаясь день и ночь, женщина, ни разу, не обмолвилась о причинѣ? Запомните же внимательно еще слѣдующее:

по словамъ обвиненія, она ждала любимаго человѣка; волнуясь надеждой, она, беззавѣтно, отдалась его попеченіямъ. И вотъ, именно въ такую минуту, ей наносятъ страшный ударъ; она поражена внезапно, какъ громомъ! Ей нѣтъ возможности сомнѣваться о причинѣ страданія. Неизвѣстными мнѣ путями, этотъ человѣкъ заставилъ ее принять дигиталинъ, а такъ какъ это средство горькое, то она должна была проглотить его быстро. Рвота наступаетъ вскорѣ и эта женщина не скажетъ ничего! А если обмолвится, то развѣ жалуясь на расстройство желудка; сосѣдка Делетръ заявила намъ только объ этомъ. Она, дескать, обѣдала, эта несчастная страдалица, и поѣла кушаньевъ, которыя могли испортить ей пищевареніе... Плохая де была пища для человѣка съ ея здоровьемъ... Той же Делетръ говорила она: „У меня желудокъ былъ не въ порядкѣ уже раньше; я испытала жестокія боли.“ Другому лицу было сказано: „Де ла Поммерэ навѣстилъ меня,“ но не было прибавлено: „Онъ принесъ кое что.“

Не забудьте этого; здѣсь, малѣйшія подробности важны, и если, между столькихъ опасностей, я колеблюсь идти быстро, то, какъ вы ясно разумѣете, потому, что мы, теперь, находимся въ самомъ центрѣ тяжести дѣла. Рѣшительно необходимо, чтобы подсудимый принесъ ядъ 16 числа; съ другой стороны, покойная жила до 17-го и сохраняла рассудокъ. Если бы, принявъ наркотическое вещество, она утратила память, если бы ядъ произвелъ такія опустошенія, что ни словомъ, ни движеніемъ она была бы не въ силахъ выразить ни одной мысли, я понялъ бы ея молчаніе. Но нѣтъ! Она говорила, какъ и я; ее слышали, какъ меня слушаютъ въ эту минуту. При условіи ея свиданія только съ однимъ лицомъ, которому она довѣрится не хотѣла, могли бы сказать, что подсудимый не смѣетъ на это ссылаться! Но ее окружаютъ знакомые, подруги, дочь, нѣсколько врачей; и она не говоритъ ничего, *ни слова!* Значить, подсудимый не виновенъ. Не убѣждаетъ ли васъ цѣлая система фактовъ, что иная гипотеза невозможна.

Еще разъ повторяю, что, ограничиваясь собственными увѣреніями, прокуроръ не представилъ ни одного доказательства; а мои доводы опираются на логическихъ, неопровержимыхъ данныхъ; говорю, что, если бы Поммерэ принесъ ядъ, это видѣли бы, объ этомъ знали бы; и что, принявъ его, подъ вліяніемъ обмана, Повъ не стала бы молчать. Всѣ попытки обвиненія опровергнуть этотъ непобѣдимый доводъ защиты безцѣльны. Вотъ почему,— оно не рѣшается даже начинать ихъ.

Продолжаемъ. Все, что происходитъ на слѣдующій день, не

имѣть важности. Поммерэ является въ 8 часовъ утра; зачѣмъ? Потому, что, наканунѣ вечеромъ, онъ оставилъ Повъ нездоровою. Онъ не даетъ ей никакой помощи. А что бы вы сказали, если бы онъ рискнулъ ее лѣчить? Стали бы, конечно, увѣрять, что онъ прибавилъ еще яду къ тому, который далъ наканунѣ. Нѣтъ, даже по вашему, онъ не предлагаетъ ей ничего больше, но желаетъ знать ходъ болѣзни. Не лѣчитъ, потому что она пользуется со-вѣтами другаго. Ему было извѣстно, что Гоудино не видѣлъ опасности, неминуемой. Онъ утверждаетъ далѣе, что, по словамъ больной, уходъ за нею сосѣдки Делетръ признавался достаточнымъ. Это, конечно, не фактъ, а лишь мнѣніе, и я на немъ не настаиваю.

Въ 2 часа, Поммерэ возвращается. Обвинительная власть догадывается, что онъ приходилъ съ двойною цѣлью: убѣдиться, въ послѣдній разъ, что несчастная не проживетъ и нѣсколькихъ часовъ, а затѣмъ, чтобы отправить письма на почту. Такимъ образомъ, прокурору неизвѣстно, что, какъ бы ни былъ опытенъ человѣкъ, онъ не можетъ рассчитать періодъ дѣйствія яда, съ точностью; прокуроръ забываетъ, въ другомъ направленіи, что обвиняемый могъ находиться подлѣ больной. Будь онъ гнуснымъ отравителемъ, какъ говорите вы, Поммерэ, ради соображеній, вами же указанныхъ, и дабы обезпечить себя отъ малѣйшей опасности, придумалъ бы поводъ остаться. Имѣя въ виду помѣшать этой женщинѣ говорить съ кѣмъ либо, онъ, разумѣется, не ушелъ бы, а доктору Гоудино могъ бы сказать: „Я не хотѣлъ ее покинуть; придя сегодня утромъ и заставъ одну, я рѣшилъ ожидать вашего прибытія. Ея состояніе беспокоитъ меня.“ Онъ могъ рассчитывать, что, подъ его давленіемъ, Повъ не обмолвится ни предъ кѣмъ... Между тѣмъ, онъ уходитъ, оставляя ее, въ ожиданіи врача, одну, не беспокоясь ни мало и не обнаруживая никакого желанія подстергать ея бесѣды, ибо никакой для себя опасности отсюда не ждетъ. Не здѣсь ли истина, господа? Развѣ мои доводы противорѣчатъ здравому смыслу? Совершивъ преступленіе и полную возможность имѣя не покидать своей жертвы, онъ удаляется и, безъ страха, уступаетъ свое мѣсто другимъ, когда первая нескромность можетъ его погубить!

Вечеромъ, онъ приходитъ снова. За что упрекаютъ его, въ этотъ моментъ? За холодность и безучастіе. Упреки идутъ отъ дѣвушки Гюльмандъ! Въ состояніи ли она разобратъ среди ощущеній, которыя можетъ человѣкъ пережить у смертнаго одра любимой женщины? Будучи совершенно неопытною, она принимаетъ крики и слезы за доказательство истиннаго горя; ей не

извѣстно, что нѣмая печаль—самая глубокая. Поммерэ врачъ и, по своей профессіи, не одинъ разъ, видѣлъ смерть; подойдя къ умершей, онъ старался опредѣлить, точно ли жизнь, навсегда, покинула это бѣдное созданіе. Когда онъ сталъ разспрашивать о ея послѣднихъ минутахъ и когда высказалъ, что паденіе съ лѣстницы, которому вѣрилъ, могло имѣть нѣкоторое вліяніе, ему возразили, что паденія не было. Повидимому, это его удивило. Что же отсюда слѣдуетъ? Гдѣ связь между этимъ фактомъ и отравою? Какое заключеніе возможно?.....

Вернувшись домой, онъ пишетъ Демиду; но мы знаемъ, что было послано и другое письмо брату г-жи Повъ. Стало быть, первымъ его помышленіемъ была отнюдь не нажива; онъ имѣлъ въ виду укрѣпить за дѣтми долю капитала, которую для нихъ предназначилъ. Съ какой стати писать въ Гавръ г. Тестю, если не для того, чтобы дать ему свѣдѣнія и разъясненія, которыя могутъ быть ему полезны?

Соображая изложенное, я имѣю право сказать, что наличность цѣлаго ряда элементовъ оправдательнаго приговора, теперь, достаточно, обоснована, а именно: въ самый разгаръ притворства, Юлія Повъ была тяжело больна; рвота открылась гораздо раньше болѣзни, мнимой; она страдала воспаленіемъ кишекъ и подвергалась серьезному лѣченію; невозможно допустить, чтобы чело-вѣкъ, которому она не вѣрила,—свидѣтель Лирё убѣждаетъ въ томъ,—могъ заставить ее принять ядъ; она не могла быть обманута Поммерэ, а если бы выпила что нибудь изъ его рукъ, то сказала бы о томъ подругамъ и врачу Гоудино.

Что же остается за симъ? Мнѣнія свѣдущихъ людей. Ихъ надо разсмотрѣть, внимательно.

Позвольте увѣрить васъ,—это очень легко. Да будетъ г. прокурору, положительно, извѣстно, что о почтенныхъ людяхъ я не измѣняю мнѣнія, сообразно съ тѣмъ, годится ли ихъ экспертиза обвиненію или защитѣ; а потому утверждаю, что г. Тардѣ, котораго я называлъ въ Э знаменитымъ ученымъ, остается, въ моихъ глазахъ, такимъ же сегодня и справедливо почитается однимъ изъ величайшихъ медицинскихъ авторитетовъ. Занимая выдающееся мѣсто въ наукѣ, этотъ чело-вѣкъ былъ бы замѣчательнымъ повсюду и, не будь онъ первокласснымъ врачомъ, онъ сталъ бы краснорѣчивымъ ораторомъ. Его слово грозитъ защитѣ такую же опасность, какъ и его знанія, и онъ это ясно показалъ намъ. А когда ему случилось впасть въ противорѣчіе съ Клодомъ Бернарромъ, Тардѣ былъ настолько ловокъ и хорошо подготовленъ, что, со стороны, могло представиться, будто

они совершенно согласны между собою. Воздавая ему долгъ удивленія, я ставлю г. Тардье достаточно высоко, а онъ, въ свою очередь, уважаетъ меня въ такой мѣрѣ, что едва ли можетъ усомниться, гожусь ли я оспаривать его взгляды и долженъ ли я принимать ихъ на вѣру. Онъ слишкомъ знаменитъ и добросовѣстенъ, чтобы уразумѣть свою способность ошибаться и не препятствовать своему другу, защитнику обвиняемаго, почтительно заявить и доказать то, что имѣетъ ббльшую цѣну въ глазахъ суда.

Кто такіе остальные эксперты? Г. Руссенъ молодъ, но чловѣкъ съ будущностью; онъ прошелъ школу г. Тардье, принималъ участіе въ его важнѣйшихъ трудахъ и это принесетъ ему пользу. Далѣе, были выслушаны необычайные умы, призванные вами, г. прокуроръ; они безспорно идутъ во главѣ знанія. Присоединяясь къ тому, что сказалъ обвинитель о г. Клодѣ Бернарѣ, я обязанъ замѣтить, что это ученый, изъ-за котораго намъ завидуетъ цѣлый свѣтъ. Это воплощенная физиологія, одинъ изъ тѣхъ избранныхъ, кто всего лучше постигъ тайны, которыя всемогущему Господу было угодно сдѣлать наиболѣе непроницаемыми. Воздаю ему одинаковую съ вами хвалу и не замедлю обосноваться на немъ.

Мы видимъ здѣсь же и скромнаго ученаго г. Вюльпіана, который, усердно работая, дѣлаетъ, въ свою очередь, изысканія въ наукахъ прикладныхъ.

Наконецъ, вы слышали уважаемыхъ профессоровъ изъ Альфора, одинаково полезныхъ и для меня. Жалѣю искренно, зачѣмъ они раздражаются нареканіями, имъ совершенно чуждыми. Стоило припомнить исторію 1814 года и слѣдующій фактъ, найденный мною въ одной книгѣ: „Тогда, жители Сентъ-Жермена, въ Парижѣ, питались мясомъ лошадей, павшихъ отъ сапа. Никакихъ послѣдствій отсюда не произошло. Кони приходили изъ Альфора.“ Удивительная вещь! Именно г. Тардье просвѣтилъ меня въ этомъ отношеніи, хотя, разумѣется, ни мало не желалъ оскорблять училище въ Альфорѣ.

Но вотъ съ чѣмъ я не могу примириться, это съ довольно суровыми упреками обвинительной власти по отношенію къ г. Геберту, ученому, быть можетъ, болѣе скромному и не столь возмужалому, какъ прочіе, но это превосходный чловѣкъ и, по заслугамъ, имѣетъ цѣну въ наукѣ. Гебертъ—не первый встрѣченный и мы его пригласили сюда не за недостаткомъ другихъ. А какъ ни прокуроръ, ни я не любимъ темныхъ намековъ, то, на этомъ пунктѣ, я буду столь ясенъ, какъ моему противнику понравится. Занимая положеніе, всякому извѣстное, г. Гебертъ, давно уже, работаетъ по настоящему дѣлу. Онъ врачъ: это лишь зва-

не; но онъ также главный фармацевтъ клиники, то есть госпиталь при медицинской школѣ. Кажется мнѣ, что подобное мѣсто даютъ не иначе, какъ путемъ соревнованія. Слѣдовательно, это фармацевтъ ученый и прокурору нельзя отъ него избавиться простою кличкою: „Вашъ аптекарь!“

Бываютъ и аптекари, оказывающіе большія услуги знанію. Прибавлю, — ибо его хотѣли сдѣлать такимъ маленькимъ, что я прошу позволенія не возвеличить его, а лишь напомнить его титулы: онъ товарищъ предсѣдателя политехническаго общества, которое извѣстно всему ученому міру; въ Парижѣ, есть другое общество—фармацевтовъ, въ которомъ онъ секретарь. Признаю, что, въ судебномъ засѣданіи, онъ говорилъ похуже г. Тардьё и что ему не дано таланта выражать, въ одномъ словѣ, многое или бить своего противника, на поваль, рѣчью, съ перваго взгляда, очаровательною, даже—приторною. Но что касается гипотезы, будто онъ пришелъ сюда изложить показаніе, чуть не заранѣе условленное..... А! Въ правѣ ли обвинитель, самъ дѣятель, безукоризненный, бросать столь тяжкій упрекъ порядочному чловѣку, который, если можетъ ошибаться, присягнувъ, то, какъ и другіе,—лишь съ добрымъ намѣреніемъ!

Вотъ, что я имѣлъ сказать о своемъ ученомъ. Да будетъ же позволено мнѣ надѣяться! Не вѣрю я, какъ, повидимому, убѣжденъ прокуроръ, что г. Гебертъ убить въ вашихъ глазахъ на мѣстѣ. Нѣтъ, онъ храбро сражался и если, можетъ быть, его заключеніе не изъ самыхъ блестящихъ, то, въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, мы увидимъ, такъ ли онъ не правъ, какъ хотятъ увѣрить, и съ насъ будетъ довольно.

Изучимъ же, господа, мнѣнія врачей. Ихъ нѣсколько. Одно принадлежитъ, исключительно, доктору Тардьё; другое ему и Руссену. Произведя вскрытіе, г. Тардьё не нашель перемѣны ни въ сердцѣ, ни въ другихъ органахъ; и тогда, вмѣстѣ съ Руссеномъ, обратился онъ къ химическимъ опытамъ, а равно къ изслѣдованіямъ на животныхъ. Я къ нимъ перейду сейчасъ.

Гдѣ выводъ изъ факта, что на тѣлѣ Юліи Повъ не было поврежденій? Мыслимо ли указать причину смерти? Докторъ Тардьё, лично, вынужденъ признать, что никакое заключеніе невозможно. Самъ по себѣ, т. е. внѣ данныхъ, предыдущихъ и позднѣйшихъ, такой осмотръ не могъ имѣть, въ медицинскомъ отношеніи, никакой цѣны. Напоминаю вопросъ, предложенный мною г. Тардьё: „Когда вскрытіе не даетъ причины смерти, надлежитъ ли предполагать убійство или, въ частности,—отравленіе?“ Ученый док-

торъ отвѣчалъ: „*Нпт.*“ Умоляю гг. присяжныхъ засѣдателей не забывать этого!

Вотъ обширныя работы по анатоміи, отъ чтенія которыхъ изъбавляю васъ. Но я обязанъ сказать: наука убѣждаетъ, что врачи, нерѣдко, безсильны найти поврежденія организма, способныя мотивировать смерть, — даже въ случаяхъ, когда она прямо обусловливается нормальнымъ путемъ. Прибавлю, что, при кончинѣ женщинъ беременныхъ, подобныя затрудненія возникаютъ чаще, нежели за отсутствіемъ этого условія.

Вотъ далѣе сводъ наблюденій знаменитаго человѣка, потерю котораго мы будемъ оплакивать всегда, — г. Шомеля. Данныя, имъ собранныя, открываютъ воочію, что естественная смерть, иногда, наступаетъ, помимо внѣшнихъ слѣдовъ.

Такимъ образомъ, — если, въ протоколѣ вскрытія, мы не находимъ объясненій, почему нѣтъ на тѣлѣ Повъ признаковъ травматическихъ, — исходное положеніе Тардѣ, рѣшительно, не можетъ остановить васъ.

Но, возразятъ мнѣ, свѣдущіе люди производили опыты и пришли къ опредѣленному выводу. Замѣтите же, съ другой стороны, господа, что, въ настоящемъ дѣлѣ, эксперты вели себя, какъ ученые и, въ то же время, да позволяютъ они мнѣ не скрывать этого, почти, какъ прокуроры. Впрочемъ, они сами того не отрицаютъ.

Заключеніе свѣдущихъ людей должно, въ дѣйствительности, происходить такъ: Вы даете врачу трупъ; вскрывъ и осмотрѣвъ, онъ излагаетъ результаты. Или, принявъ вещество, подлежащее химическому изслѣдованію, онъ производитъ опыты и, собравъ данныя, представляетъ ихъ вамъ. Въ процессѣ, насъ занимающемъ, эксперты усердно поработали надъ трупомъ, хорошо произвели химическій анализъ; но, какъ сами признаютъ, не здѣсь, а въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія нашли они дополнительный матеріалъ для своего убѣжденія. Сказанное въ такой мѣрѣ справедливо, что экспертиза оканчивается, какъ обвинительный актъ. Я тамъ читаю слѣдующее:

„Мы не исполнили бы задачи, если бы, розыскивая присутствіе яда въ изверженіяхъ Повъ и во внутреннихъ органахъ ея трупа, не провели бы изслѣдованія отравы до симптомовъ, испытанныхъ умершею, и къ поврежденіямъ, обнаруженнымъ вскрытіемъ“

„Многочисленныя показанія, собранныя слѣдователемъ, переписка вдовы Повъ, совѣты и рецепты нѣсколькихъ врачей снаб-

жають насъ, въ различныхъ направленіяхъ, драгоценными разъясненіями и, совершенно ознакомивъ съ дѣломъ, даютъ средства къ положительному выводу“.

Отсюда ясно, что, съ цѣлью придти къ заключенію, эксперты не ограничились фактомъ, что они врачи; нѣтъ, они берутъ слѣдствіе, читаютъ письма, изучаютъ притворство мнимой болѣзни, оцѣниваютъ свидѣтелей, словомъ — весь матеріаль дѣла и, лишь путемъ такихъ элементовъ, медицинской наукѣ чуждыхъ, приобрѣтаютъ возможность изложить свой взглядъ на вопросъ.

Прошу извиненія у экспертовъ, но это дѣло не ихъ, а прокурорскаго надзора, который исполняетъ свою задачу хорошо и безъ посторонней помощи. До сихъ поръ, мы всѣ думали, что экспертъ — человѣкъ науки, что ему ничего по дѣлу неизвѣстно, кромѣ данныхъ этой же науки; что свидѣтельскія показанія къ нему не относятся; что не онъ призванъ оцѣнивать переписку и что, наконецъ, будучи обязанъ осмотрѣть трупъ и произвести химическіе опыты, онъ, за ихъ предѣлами, никакого мнѣнія имѣть не можетъ. А если, наоборотъ, дабы придти къ извѣстнымъ соображеніямъ, такому лицу необходима вся слѣдственная масса, судьями которой являетесь одни вы, то это уже не экспертъ, а судья, который произноситъ приговоръ раньше васъ! Я почтительно заявляю: мнѣ здѣсь случилось видѣть впервые, какъ свѣдущіе люди, предупреждая присяжныхъ засѣдателей, заключаютъ о фактахъ, имъ, въ сущности, не достаточно извѣстныхъ. И вотъ почему не могутъ они располагать надлежащими свѣдѣніями. Очевидно, что, въ дѣлахъ уголовныхъ, судебныя пренія имѣютъ нѣкоторую важность. Показанія свидѣтелей видоизмѣняются, а объясненія сторонъ, въ засѣданіи, преобразуютъ самую физиогномію дѣла. То или иное, непостижимое письмо, лишь по спеціальному изученіи, приобрѣтаетъ истинный смыслъ. На этомъ основаніи, я имѣю право удивляться и замѣтить: любой выводъ былъ настолько труденъ, что ученые и уважаемые эксперты пришли въ замѣшательство и что *изъ своей науки* положительнаго мнѣнія они зачерпнуть никакъ не могли. Свой трудъ они построили не на одной наукѣ, а на совокупности элементовъ судового ренія. Ихъ докладъ, какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, носитъ въ самомъ себѣ доказательство темноты и спутанности процесса.

Какъ бы, однако, ни было, они сказали, что думаютъ...

Надлежитъ, стало быть, формулировать ихъ взглядъ. Его вы знаете, но, именно теперь, настала минута преклонить сюда все ваше вниманіе.

Эксперты говорятъ: „Утверждаемъ положительно, что г-жа

Повь умерла отравленною и что высоко вѣроятная причина смерти—дигиталинь.“

По моему крайнему разумѣнію, этотъ выводъ, какъ въ первой такъ и во второй половинѣ, не имѣетъ основаній, а смерть Повь отъ яда удостовѣрена не лучше, чѣмъ самое отравленіе дигиталиномъ. Запомните твердо, что на гипотезѣ, предусмотренной обвинителемъ, я не останавливаюсь, ни на минуту; прокуроръ увѣрялъ, будто защита скажетъ вамъ: „Повь отравлена; но гдѣ данныя, виноватъ ли Поммерэ?“ Да, я, конечно, могъ бы настаивать, что самый приносъ яда не доказанъ и мнѣ было бы не трудно отвергнуть эту улику, но я не хочу ограничиваться ею. Разсчитываю достигнуть цѣли вѣрнѣе, если удостовѣрю предъ присяжными: „Свѣдующіе люди не доказали самага факта отравы“.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ они.

На трупѣ—ни одного поврежденія, которое указывало бы на ядъ; въ органахъ, изъ трупа взятыхъ и анализу подвергнутыхъ, равнымъ образомъ,—ничего! Никакого минеральнаго яда! Яда же растительнаго, они сами говорятъ, открыть невозможно.

Черезъ экстрактъ изъ органовъ Повь произвели опытъ надъ собакою. *Животное не умерло,—это безспорно.* Одинъ изъ васъ, господа, спрашивалъ почему изслѣдованія не повторили? А, между тѣмъ, экстрактъ имѣлся въ достаточномъ количествѣ; что же касается жизни собакъ, то, какъ бы ее ни цѣнили, она едва ли достойна того же уваженія, какъ честь человѣка! Тѣмъ не менѣе, втораго опыта не было. Фактъ на лице: отъ чего бы ни умерла женщина и съ какой точки зрѣнія ни стали бы смотрѣть на ея желудокъ и внутренности, ихъ выжимка была дана собакѣ и—безъ послѣдствій! Животное, допустимъ, хворало... Но было ли отравлено? Кто это можетъ сказать? Разъ собака осталась въ живыхъ и вскрытію не подвергалась, нельзя было изучить состоянія ея сердца, легкихъ и другихъ частей ея организма. У нея, говорятъ, была рвота. Еще бы! Вѣдь, ее накормили содержаніемъ трупа, разлагавшагося пятнадцать дней! Тамъ, конечно, развилось гніеніе, вполне достаточное, чтобы причинить тошноту собакѣ. Съ другой стороны, мы столкнулись вотъ на чемъ: если ввести что-либо испорченное, разлагающееся, въ желудокъ, то, иногда, это можетъ остаться безъ результата, ибо желудокъ—органъ, достаточно сильный, чтобы охранять себя отъ вредныхъ началъ гніенія. Но если надрѣзать лядвію животнаго и впрыснуть гнилую матерію туда,—разрушеніе, даже смерть, явятся непремѣнно. Такъ поступили съ другою собакою. Не проглотить часть внутренностей Повь заставили животное, а ввели гниющую субстан-

цію въ живое тѣло. Это могъ быть ядъ растительный или минеральный, или, наконецъ, трупный; не извѣстно ничего. Но вамъ сказали, что, на другой день, собака имѣла прекрасный аппетитъ и уже не хворала! Здѣсь, во всякомъ случаѣ, нѣтъ улики противъ Поммерэ.

Именно по поводу этихъ объясненій, такъ дурно отнеслись къ бѣдному г. Геберту. Желая указать разницу между дурною пищею, — гнилымъ продуктомъ, поступающимъ въ желудокъ, и укулами, дѣлаемыми, съ тою же цѣлью, на тѣлѣ, онъ разсказалъ слѣдующее: „Нѣкогда, въ Альфорскомъ ветеринарномъ институтѣ, лошади падали отъ сапа; ближайшіе крестьяне ѣли мясо и не заболѣвали.“ Отсюда страшная суматоха:... Гебертъ оклеветалъ профессоровъ Альфора; они, дескать, не способны угощать такимъ образомъ своихъ сосѣдей! О, я отлично понимаю, это, дѣйствительно, невиданный, чудовищный случай. А, между тѣмъ, это фактъ, хотя и происшедшій въ дурныя времена! Когда есть роскошный бифштексъ, никто не тронетъ палой конины, но, когда нѣтъ иной говядины, ѣдятъ, что найдется подъ рукою. Союзныя арміи, которыхъ, разумѣется, мы были не обязаны кормить изысканною пищею и въ обозѣ которыхъ находилось много больныхъ лошадей, ѣли таковыхъ, за недостаткомъ чего либо лучшаго. Около того же времени, замѣтите, — въ 1814 году, по распоряженію начальства Альфорской школы, 200 или 300 больныхъ сапомъ и чесоткой лошадей были убиты въ Сентъ-Жерменѣ, а окрестные жители ихъ поѣли.

Сказанное мы узнаемъ изъ книги г. Тардье: „Лексиконъ общественной гигиены,“ томъ I, страница 427: „Повидимому, мясо больныхъ лошадей не отличается отъ мяса здоровыхъ. Въ эпоху нашествія союзниковъ, 300 армейскихъ коней, одержимыхъ сапомъ, были приведены въ Сентъ-Жерменъ, близъ Парижа, и убиты; въ теченіи нѣсколькихъ дней, они служили пищею бѣднымъ города, причемъ сіи послѣдніе, не потерпѣли никакого ущерба въ здоровьи. Немного лѣтъ позже, случилось то же самое: профессора Альфора отправили въ Венсенскій лѣсъ и приказали убить тамъ большое количество лошадей, пораженныхъ сапомъ или чесоткою. По мѣрѣ того, какъ ихъ приводили, крестьяне сосѣднихъ деревень съѣдали ихъ; никакой болѣзни между ними не обнаружилось.“

Итакъ, упомянемъ просто: это происходило въ 1814 году. Фактъ сообщается, впрочемъ, не однимъ Тардье; докторъ Леви, человекъ замѣчательный, говоритъ больше. Я прочиталъ выдержку изъ Тардье только потому, что она короче и ближе къ дѣлу.

Стало быть, надо признать, что заблужденіе Геберта отнюдь не такъ велико; а, между тѣмъ, оно возмутило Альфорское училище, все цѣликомъ; и люди, вполне серьезные, говорили мнѣ: „Вы призвали человѣка, котораго считаютъ ученымъ. Какъ же могъ онъ утверждать, что большими лошадьми кормили сосѣднихъ жителей?“ Я отвѣчалъ: „Онъ сказалъ правду. Когда нѣтъ лучшаго, ѣдятъ то, что имѣютъ. Гебертъ передалъ событіе, до вѣрня г. Тардѣ.“

Прокуроръ, кажется, думаетъ, что, розыскивая дальнѣйшія указанія по сему предмету, мы обѣгали весь Парижъ, но повсюду встрѣтили отказъ. Увы, свѣдѣнія обвиненія здѣсь не вѣрны. Докторъ, отказавшій въ совѣтъ и проговорившійся объ этомъ, совершилъ бы дѣяніе, недостойное, какъ и адвокатъ, если бы, не желая принять защиты и считая ее грязной, отклонилъ бы ее, а затѣмъ сталъ бы этимъ чваниться! Въ словахъ обвинителя, можно видѣть лишь предположеніе, а я хочу рассказать правду.

Г. Гебертъ назвалъ мнѣ одного ученаго,—человѣка, виднаго; оказалось, что онъ выдаетъ дочь замужъ и не имѣетъ времени. Другой,—единственный, кого я видѣлъ еще,—отвѣтилъ, его письмо у меня въ рукахъ, что занять, лишь въ данную минуту. Судя по тому, что онъ самъ мнѣ сказалъ въ бесѣдѣ, позвольте васъ увѣрить, г. прокуроръ: будь засѣданіе въ другой моментъ, г. Гебертъ не пришелъ бы сюда одинокимъ.

Впрочемъ, какое намъ дѣло до всего этого? Развѣ пренія уйдутъ, впередъ, этимъ путемъ?

Сдѣлавъ необходимое отступленіе, дабы прикрыть г. Геберта, и доказавъ, что сапатыя лошади Альфора не могутъ ему вредить ни въ какомъ направленіи, я продолжаю свою работу.

Значить, эксперты были обязаны доказать, что г-жа Повъ скончалась отъ яда. Мы знаемъ, что состояніе ея трупа не дало имъ ничего; изслѣдованія черезъ экстрактъ органовъ, взятыхъ изъ трупа, годятся нашимъ обвинителямъ еще менѣе. Гдѣ же доказательства?

Если собака хворала,—это могло быть слѣдствіемъ трупнаго яда. У меня, подъ рукою, цѣлые томы опытовъ, сдѣланныхъ въ госпиталяхъ и убѣждающихъ, какими опасностями угрожаетъ отравленіе, гнилостное. Не станемъ говорить больше!

Перейдемъ къ опыту, единственно годному, по мнѣнію самихъ экспертовъ. Рѣчь идетъ уже не о трупной выжимкѣ, а о томъ, что могло быть взято на полу и что лежитъ передъ вами, на столѣ вещественныхъ доказательствъ.

Что же это за полъ? Куски ветхаго паркета, принесенные

изъ очень стараго дома. Помѣщеніе, гдѣ онъ находился, служило рабочею комнатою умершей. Раньше, тамъ была фотографія, жилъ фотографъ - любитель; не безызвѣстно, что такіе любители, по самой природѣ своей, гораздо предприимчивѣе обыкновеннаго ремесленника. Фотографы имѣютъ дѣло съ разными химическими веществами; дилетантъ способенъ проливать ихъ больше, чѣмъ другой. Его розыскивали и, если бы нашли, спросили бы, какіе опыты производилъ онъ; но мѣсто его жительства не обнаружено.

Г-жа Повъ занималась живописью; растирала краски; а онѣ, какъ извѣстно, заключаютъ многія составныя части. Краски могли падать на полъ. Затѣмъ, какъ сказано, въ той же комнатѣ, равнѣе, помѣщалась фотографія. Ничего, толкомъ, мы не знаемъ. Какъ старъ паркетъ? Сорокъ ли, пятьдесятъ лѣтъ ему? Что на него бросали? Чѣмъ натирали, чистили? Воскомъ ли или новыми составами, которые, подъ предлогомъ украшенія комнатъ, дѣлаютъ ихъ, нерѣдко, еще болѣе грязными? Понимаете ли вы что нибудь? Чѣмъ руководствоваться мнѣ?!.....

Взгляните же, какъ разсуждаютъ въ этомъ дѣлѣ, — уголовномъ процессѣ, столь важномъ, что если бы участь подсудимаго висѣла на одномъ лишь волоскѣ, то и тогда его нельзя было бы подрѣзать, не имѣя достаточнаго основанія. Исторія паркета, очевидно, не извѣстна; ни одинъ свидѣтель* не говоритъ, кто жилъ въ квартирѣ, ни о томъ, что въ ней дѣлалось. Всѣ гипотезы позволительны; всѣ удобопріемлемы. Это право защиты; она не останавливается никогда, а ея воображеніе можетъ идти всюду, пока у васъ нѣтъ безспорныхъ данныхъ, готовыхъ остановить его.

Но человѣку говорятъ: „Вотъ паркетъ, за который вы обязаны дать отвѣтъ, и сообразно съ тѣмъ, окажется ли въ немъ ядъ или нѣтъ, вы будете признаны отравителемъ или оправданы.“

Признаю, что, слыша подобныя вещи, я, невольно, содрогаюсь.

Господа эксперты дѣйствовали, какъ честные люди, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Но, могутъ ли они навязывать то, о чемъ сами понятія не имѣютъ? Въ правѣ ли они утверждать, что, кромѣ Повъ, сюда не ронялъ яда никто или что здѣсь не можетъ быть другихъ ингредиентовъ, вредныхъ для здоровья? Вѣдь, они, рѣшительно, ничего не знаютъ!

Вотъ они пришли на квартиру, гдѣ, за 15 дней раньше, умерла женщина; скоблятъ полъ предъ кроватью, изслѣдуютъ поскре-

быши и объявляютъ: „Повъ умерла отравленною и, вѣроятно,—дигиталиномъ.“

Поймемъ же, господа, что это ни на чемъ не основано! И я счастливъ, потому что, какъ видно, даже наука приводитъ, иногда, къ результатамъ, весьма плачевнымъ. Отвергнемъ же все, кромѣ данныхъ безспорныхъ. Обратите, напримѣръ, вниманіе на паркетъ этого судебного зала. Допустимъ, что домъ перестраивается и кто нибудь покупаетъ старый полъ, съ цѣлью употребить его въ какой нибудь скверной конурѣ одного изъ парижскихъ чердаковъ. На этомъ паркетѣ,—всѣ яды міра; тысячи подсудимыхъ прошли чрезъ эту скамью, всевозможныя вещества могли падать на землю. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, мое предположеніе такъ же хорошо, какъ и другія, что настанетъ день и этотъ паркетъ будетъ подвергнутъ тому же изслѣдованію, какъ полъ спальни умершей. Предположите еще, что квартира Повъ была обитаема какимъ нибудь химикомъ или, даже лучше, аптекарскимъ ученикомъ,—она, вѣдь, находится въ мѣстности, переполненной учебными заведеніями. Ему предстоитъ нанять помѣщеніе и чѣмъ выше, тѣмъ лучше; онъ работаетъ, производитъ опыты надъ веществами, полученными отъ профессора или пріятеля, роняетъ нѣсколько капель на землю... Полъ скребуть... Смерть?.. Вотъ она!

Возможно ли это? Развѣ правосудіе способно удовлетворяться такими соображеніями? Мыслимо ли двигаться среди подобныхъ сомнѣній? Въ уголовныхъ дѣлахъ, не все ли должно быть очевидно?

Вы должны установить, что вещество, оказавшееся на паркетѣ, исходитъ отъ Юліи Повъ и не имѣетъ другаго источника, кромѣ нея. Но, вы скажете: это вѣроятно! Какое мнѣ дѣло до вѣроятностей!? Всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, не въ состояніи образовать единаго доказательства по настоящему дѣлу. Его у васъ нѣтъ! Мы видимъ лишь паркетъ, заключающій все, что вамъ угодно, и сохраняющій слѣды, никому неизвѣстные, хотя и способные причинить смерть. Ихъ отпечатокъ могъ зависѣть отъ всякаго другаго, кромѣ Повъ, и этого достаточно. Стало бытъ, вы не можете отвѣчать за паркетъ; надо было поискать чего нибудь получше.

Впрочемъ, это не касается экспертовъ; они обезпечиваютъ достовѣрность своихъ опытовъ и вы имъ можете вѣрить. Экстрактъ паркета отравилъ собаку,—я охотно допускаю; но они не говорятъ и не могутъ сказать, чтобы данный экстрактъ, неизбѣжно, пріурочивался къ умершей; они такъ думаютъ, предпола-

гаютъ, но утверждать не могутъ. Гдѣ же данныя, безспорныя? Гдѣ достовѣрность? Гдѣ доводъ, непререкаемый? Теперь понятно, что здѣсь именно главное основаніе защиты! Недостаточно сказать, что этотъ человѣкъ заключилъ страховые договоры, что смерть Повъ для него была выгодна; что, на первыхъ шагахъ жизни, онъ нуждался или что онъ былъ легкомысленъ и себялюбивъ. Надлежитъ удостовѣрить, что паркетъ, при помощи котораго убили собаку, могъ содержать только ядъ, извергнутый Юліей Повъ и никѣмъ другимъ. Не зная, что это за паркетъ, не вѣдая, кто жилъ въ квартирѣ прежде, вы не имѣете возможности дать суду убѣдительный отчетъ.

Но, можетъ быть, вы докажете, по крайней мѣрѣ, что собаку отравили содержимымъ паркета и что ядъ—дигиталинъ. Если бы вамъ удалось удостовѣрить хотя бы это, вы, разумѣется и значительно, подвинулись бы къ обвинительному приговору. Но до него еще далеко! Принимая во вниманіе, что дигиталинъ у Поммерэ оказался, правдоподобіе заключалось бы въ томъ, что его слѣды, найденные на паркетѣ, происходятъ отъ Повъ, которую онъ могъ отравить.

И что же? По этому вопросу, эксперты не рѣшаются сдѣлать какого либо вывода. Они, дѣйствительно, пришли къ огромной вѣроятности, но не къ увѣренности, безусловной. Да будетъ разрѣшено мнѣ прибавить, что, по выслушаніи ученыхъ профессоровъ, гг. Клода Бернара, Булея и Рейналя, вѣроятность даже на нашей сторонѣ. Выбирая ядъ, остановились на дигиталинѣ, единственно, потому, что обвиняемый приобрѣталъ его въ значительномъ количествѣ. Но самъ прокуроръ выразилъ мысль, очень вѣрную: Поммерэ закупалъ слишкомъ много дигиталина, чтобы имѣть возможность пользоваться имъ для подобныхъ цѣлей. Очевидно, что онъ припасалъ его не для отравленія и не могъ дать г-жѣ Повъ двухъ или трехъ граммовъ, которыхъ теперь не достаетъ. Значитъ, объясненія подсудимаго удобопріемлемы; извѣстно, что его корреспонденты, дѣйствительно, выписывали это средство; что, въ самую минуту его ареста, конверты съ дигиталиномъ были приготовлены, а его шуринь взялъ ихъ. Угодно ли вамъ отвергнуть и этотъ фактъ? Но, вѣдь, не могъ же онъ заставить умершую принять два или три грамма, когда двухъ или трехъ сентиграммовъ достаточно. Разница, очевидно, служила для опытовъ. Итакъ презумпція, что смерть обусловливается дигиталиномъ, ибо значительной его части не хватаетъ, вами, господа, не будетъ принята во вниманіе, потому что смысла не имѣетъ.

Идемъ далѣе. Я сказалъ, что изысканія экспертовъ, будучи

соображены съ тѣми объясненіями, которыя были даны вамъ учеными, исключаютъ вѣроятность примѣненія дигиталина. Разсуждая безпристрастно, нельзя не признать, что споръ между гг. Тардьё, Гебертомъ и Руссеномъ, происходившій въ пятницу вечеромъ, утратилъ цѣну въ засѣданіи на другой день. Гебертъ полагалъ, что отравленіе дигиталиномъ расширяетъ сердце, тогда какъ Тардьё, спустя 2 часа послѣ смерти собаки, нашелъ ея сердце сжатымъ и окостнѣлымъ. По мнѣнію Геберта, вліяніе дигиталина заключается въ ускореніи движеній сердца; наоборотъ, Тардьё и Руссенъ утверждали, что этотъ ядъ замедляетъ ихъ. Какъ ни странно, господа, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, обнаруживается, что говорятъ правду всѣ трое; различіе наблюденій зависѣло только отъ момента, въ который тѣ или иные признаки оказывались. Безспорно, что, непосредственно за смертью, дигиталинъ расширяетъ сердце; извѣстно далѣе, что, нѣсколько позже, оно сжимается и твердѣетъ; дознано, что эффектъ яда отражается сперва на ускореніи, а потомъ на замедленіи сердцебиенія. Нѣкоторое время спустя, замѣчаютъ новое ускореніе; затѣмъ, сердце бьется еще разъ медленнѣе, и, наконецъ, перестаетъ биться совсѣмъ, замираетъ.

Мы знаемъ еще, что предметомъ опытовъ была собака. Исключительно ее, а не кролика должны мы имѣть въ виду. Хочу объяснить, почему именно я не останавливаюсь на кроликѣ; дѣло въ томъ, что, принявъ весьма малое количество экстракта, онъ умеръ слишкомъ быстро, а между тѣмъ доказано и не опровергалось здѣсь, что изо всѣхъ животныхъ кроликъ наименѣе воспріимчивъ къ дигиталину. И что же! Ему дали два грамма экстракта тогда, какъ собакѣ — пять. Кроликъ умеръ черезъ два часа и три четверти, а собака прожила двадцать два или двадцать три часа. Знаю, что есть разница между животными и что собака — твореніе высшаго порядка, чѣмъ кроликъ; но пропорціи таковы, что я въ правѣ сказать: не кроликъ привлекалъ вниманіе экспертовъ. Если опытъ имѣетъ какое либо значеніе, то онъ долженъ быть построенъ на собакѣ. Вы знаете, что съ нею сдѣлали: надрѣзали лядвію, вприснули пять граммъ вещества, собраннаго на полу и стали наблюдать результаты. Черезъ двадцать три часа, собака умерла, была подвергнута вскрытію и вы помните что найдено.

Здѣсь, позвольте остановить васъ на заключеніи Клода Бернара и заявить: опытъ надъ собакою не убѣдителенъ потому, что вскрытіе произведено черезъ чуръ поздно. Будучи спрошенъ, — какъ отвѣчалъ профессоръ? Вотъ его слова: „То, что

вы, г. председатель, читаете, *не противоръчитъ* моимъ изысканіямъ объ отравленіи.“ „*Не противоръчитъ*“ — такова формула, имъ трижды повторенная. Прошу не забывать ее, ни того, что она принадлежитъ ученому, который излагаетъ свои мысли отчетливо, а свой взглядъ проводить, не увлекаясь. „*Не противоръчитъ*“ значить ли *подтверждать*? Г. Клодъ Бернаръ не видитъ ничего невозможнаго въ томъ, что собака была отравлена дигиталиномъ. Но его выраженіе — „*Не противоръчитъ*“ — нельзя понимать въ смыслъ: „Очень вѣроятно.“ Слова, употребленныя г. Клодомъ Бернаромъ, имѣютъ въ наукѣ другой, опредѣленный смыслъ.

А знаете ли, почему этотъ знаменитый человекъ не вполне согласенъ съ выводомъ экспертовъ и гдѣ причина, что все искусство г. Тардѣ не устранило противорѣчія? Мотивъ на лице: вскрытіе произведено слишкомъ поздно; наиболѣе достовѣрный и лучший признакъ дигиталина заключается въ томъ, что сердце собаки, въ минуту смерти, должно было находиться въ періодѣ расширенія. Между тѣмъ, вы, господа свѣдущіе люди, вскрыли животное лишь два часа и три четверти послѣ его смерти, и г. Клодъ Бернаръ былъ въ правѣ замѣтить: „Черезъ четверть часа по смерти, сердце собаки уже костнѣетъ.“ Съ другой стороны, г. Тардѣ, немедленно, призналъ, что сжатіе и окостнѣніе, по отношенію къ данному вопросу, тождественны. Такимъ образомъ, у васъ нѣтъ главнаго признака. Дигиталинъ — ядъ, опредѣляемый свойствомъ расширять сердце, въ самый моментъ кончины, и этотъ эффектъ продолжается мало. Его то и не уловили!

Мы не искали специально дигиталина, говорятъ эксперты. А мнѣ какое дѣло! Вы заключаете только по вѣроятности; эта же послѣдняя не могла возникнуть иначе, какъ изъ данныхъ вскрытія, учиненнаго въ надлежащій моментъ. Именно со вскрытіемъ вы опоздали; окостнѣніе уже должно было наступить, а если вашъ осмотръ не противорѣчитъ свѣдѣніямъ Клода Бернара, то его наблюденіе, упомянутое выше и столь драгоценное, вами сдѣлано не было и не могло имѣть мѣста, по несвоевременности вскрытія!

Профессоръ указалъ еще другой признакъ, также не упоминаемый въ протоколѣ экспертовъ. Онъ сообщилъ, что, сейчасъ же вслѣдъ за смертью, обнаруживается исключительный, *sui generis* феноменъ: въ лѣвой сторонѣ сердца, кровь имѣетъ красный, а въ правой, черный цвѣтъ. Такое различіе окраски сохраняется, впрочемъ, не долго; нѣкоторое время спустя, кровь животного, убитаго дигиталиномъ, принимаетъ, съ обѣихъ сторонъ, одинаковый цвѣтъ. Опоздавъ изысканіями вообще, эксперты не видали и

этого распредѣленія крови на красную и черную. Отсюда логическій выводъ таковъ: если результаты, ими добытые, „не противорѣчатъ“, то и не обуславливаютъ смерти отъ дигиталина.

Наконецъ, господа присяжные, явились профессора изъ Альфора и доложили вамъ: „Мы производили опыты надъ лошадьми, которыя относятся къ животнымъ высшаго порядка, и всегда употребляли дигиталинъ. На внѣшней сторонѣ сердца, замѣчались широкіе кровеподтеки.“ Что же далѣе? Вотъ протоколъ вскрытія Юліи Пově: *кровеподтековъ нѣтъ*.

Оставался еще одинъ способъ провѣрки, котораго, однако, не испробовали; надлежало отравить собаку чистымъ дигиталиномъ. Правда, пришлось бы пожертвовать еще одною жизнью,—это несчастіе, но оно могло бы принести благо правосудію. Испытывая экстрактъ вещества, собраннаго на паркетѣ и происхожденіе коего обвиненію не извѣстно, вы утверждаете, что тамъ есть чистый дигиталинъ. Отчего же къ своимъ опытамъ не примѣнили вы даннаго яда, безъ всякихъ примѣсей? Тогда, имѣя два ряда совпадающихъ фактовъ, вы могли бы на нихъ основываться. Но, вы поступили не такъ; работая, исключительно, надъ экстрактомъ паркета, вы, господа эксперты, не представили намъ данныхъ для сравненія. У васъ ихъ нѣтъ. Стало быть, если даже ваша экспертиза не исключаетъ возможности нахождения дигиталина въ экстрактѣ, какъ полагалъ, можетъ быть, увлекаясь, г. Гебертъ, то и вашимъ словамъ, что этотъ ядъ, по всей вѣроятности, тамъ есть,—тоже вѣрить не возможно.

Вотъ, гг. судьи, все, что могли зачерпнуть мы изъ протоколовъ и показаній свѣдущихъ людей. Вы ихъ помните и, подобно мнѣ, видите ясно, на какой почвѣ стоитъ каждый изъ нихъ.

Итакъ! Послѣдняя улика разрушена, наравнѣ со всѣми прочими.

Опытъ надъ лягушками здѣсь былъ отвергнутъ, а между тѣмъ онъ имѣетъ научное значеніе, и г. Вюльпіанъ оказалъ услугу знанію, подтвердивъ то, что другой ученый, раньше него, отрицалъ. Полагали, что лягушки не чувствительны къ дигиталину. Произведя опыты, г. Вюльпіанъ засвидѣтельствовалъ, что это взглядъ невѣрный. Какъ бы ни было, мы всѣ согласны, что въ данномъ случаѣ, изысканія надъ лягушками не занимаютъ важнаго мѣста. Единственно серьезныя и принимаемыя судомъ выводы подкрѣпляются экспериментами надъ собаками. Я представилъ надлежащія по сему предмету объясненія, а всю экспертизу изслѣдовалъ на основаніи ея же документовъ и руководствуясь показаніями свидѣтелей. Оканчивая всестороннюю работу

надъ тѣмъ, что представляется существомъ дѣла, я, въ нѣсколькихъ словахъ, обобщаю сказанное.

Въ началѣ рѣчи, я заявилъ: необходимо различать двѣ категории фактовъ.

Одни касаются страховыхъ договоровъ и возможныхъ ухищреній, по которымъ я, однако, не обязанъ давать отчета и которые могутъ быть вѣннены Юліи Повъ и Поммерэ, въ равной мѣрѣ; я старался раскрыть ихъ истинное содержаніе и, надѣюсь, достигъ цѣли. По этому отдѣлу я лишь пробовалъ свои силы; вамъ принадлежитъ рѣшить, убѣдительно ли и на сколько основательны мои соображенія.

Но я тогда же указалъ, что суть процесса не въ этомъ. Если бы даже упомянутыя нареканія были справедливы, вы не могли бы, все таки, признать, что Поммерэ отравитель. Находя, что страхованія лишены серьёзнаго характера, вы имѣли бы право кинуть подсудимому горькій нравственный упрекъ; достигнувъ увѣренности, что переписка, вамъ читанная, не искренна, вы, только съ трудомъ, уяснили бы; зачѣмъ онъ добивался страхованій. Подобныя мѣропріятія могутъ быть очень предосудительны, въ вашихъ глазахъ, но дѣло не въ этомъ.

Его началомъ служить болѣзнь г-жи Повъ, а концомъ—изысканія свѣдущихъ людей. Сравнивая обвиненіе и защиту, рассмотрите, господа, какъ, съ той и другой стороны, излагаются двѣ системы, подлежащія вашей оцѣнкѣ.

Обвиненіе говоритъ „Г-жа Повъ, 16-го вечеромъ, чувствовала себя отлично; пришелъ Поммерэ, отравилъ ее и рвота началась.“

Защита возражаетъ: „Она хворала давно: самые близкіе къ ней свидѣтели удостовѣрили это; врачи признали, что ея состояніе представлялось болѣе или менѣе опаснымъ, а докторъ Гоудино, лѣчившій ее съ октября мѣсяца, утверждаетъ, что она была тяжело больна и что съ 31 октября, а особенно съ 10 ноября, болѣзнь ухудшилась.“ Защита настаиваетъ, что Гоудино призналъ болѣзнь дѣйствительною именно въ тотъ моментъ, когда, по увѣренію прокурора, должно было начаться притворное шутовство. Положеніе больной, какъ заявила свидѣтельница Майль, безпокоило ея сестру; всѣ, окружавшіе ее, думали, что она нездорова, и, по моему крайнему убѣжденію, отнынѣ доказано, что на этомъ пунктѣ прокуроръ ошибается. Болѣзнь относится не къ вечеру 10 ноября, а восходитъ за цѣлый мѣсяцъ раньше.

Располагая такимъ исходнымъ моментомъ, вамъ уже не трудно открыть истину; рвота,—ничѣмъ необъяснимая, если бы она такъ происходила, какъ говоритъ обвиненіе,—замѣчалась нѣсколько разъ

прежде 16 ноября;—свидѣтели показываютъ: Юлію Повъ тошнило 2, 10, 14 ноября. Ясно, что болѣзнь, ее мучившая въ это время, сходна съ тою, отъ которой она умерла. Признаки, изъ которыхъ вы хотите вывести отравленіе, обнаруживались много раньше и поражали, какъ врача, такъ и многихъ свидѣтелей.

Переходя къ вещественнымъ доказательствамъ, обвинитель просилъ васъ замѣтить, что, на внѣшней поверхности тѣла умершей, нѣтъ никакого явленія, которое могло бы объяснить ея кончину. Защита, вмѣстѣ съ наукой, отвѣчаетъ, что этотъ фактъ, самъ по себѣ, не значитъ ничего; каждый день, беременныя женщины и другія лица умираютъ, при условіи, что замѣтныхъ поврежденій организма не оказывается. Это секретъ природы; у нея есть тайны, непроницаемыя; это — глубокомысленная книга, разумѣть которую намъ дано не всегда!...

Обвиненіе, совмѣстно съ экспертами, вынуждено признать свое безсиліе и на слѣдующемъ пунктѣ: оно не можетъ представить яда. Развѣ это не поразительный фактъ?!... Защита говоритъ: вы не принесли дигиталина потому, что растительнаго яда обнаружить нельзя. Но, вѣдь, извѣстны яды иные, доказываемые воочию. Станемъ надѣяться, что, съ будущими успѣхами, наука откроетъ возможность констатировать употребленіе дигиталина также точно, какъ нынѣ устанавливаются признаки мышьяка и прочихъ минеральныхъ отравъ; при настоящемъ же положеніи знанія, обвиненіе безсильно доставить вамъ случай осязать этотъ ядъ. Повторяю, обвинителямъ нельзя теперь настаивать: „Вотъ онъ!“ Трупъ имѣетъ такой же видъ, какъ бы отравленія не существовало. А, между тѣмъ, прокуроръ обязанъ принести вамъ тѣмъ сильнѣйшій источникъ свѣта, чѣмъ ужаснѣе требованія предъявляетъ.

Лишенный доказательствъ и желая восполнить то, чего требуетъ ваша совѣсть, удовлетворить необходимости, во имя которой вы сначала должны убѣдиться, а затѣмъ уже произнести вердиктъ,—прокурорскій надзоръ обращается къ такимъ средствамъ, которыя могутъ ввести въ заблужденіе, даже будучи примѣняемы наиболѣе выдающимися людьми. Берутъ паркетъ, *уже вымытый ранѣе*, отыскиваютъ на немъ какія то пятна и говорятъ: „Это слѣды рвоты Повъ!“ Здѣсь начало и конецъ всего, чѣмъ располагаетъ прокуроръ; онъ знать не хочетъ такого, обязательнаго возраженія: „Ничто не доказываетъ, что эти пятна исходятъ отъ г-жи Повъ. Химическіе опыты надъ животными или безцѣльны, или недостаточны, а судебными преніями раскрыта лишь ихъ слабость, несвоевременность и ошибочность.“

Какъ! Не взирая ни на что, отъ суда присяжныхъ требуютъ убѣжденія, неизбежнаго? Какъ! Въ глубинѣ вашей совѣсти, не найдется уголка, гдѣ могло бы укрыться сомнѣніе? Какъ! Жизнью человѣка позволительно играть такимъ образомъ? Но, вѣдь, ошибка возможна, по всѣмъ направленіямъ; сама наука руководствуется однѣми догадками; мнѣнія ученыхъ столь же не устойчивы, какъ и ихъ знаніе, а вамъ совѣтуютъ не колебаться!.....

Совѣсть присяжныхъ пугаютъ общественнымъ мнѣніемъ, говоря, будто оно слѣдуетъ за вами, по пятамъ и кричитъ: „Померзъ отравитель!“ А! Если иные, дѣйствительно, такъ смотрѣли на вопросъ, то, конечно, потому, что переносили основаніе защиты не туда, гдѣ ему быть надлежитъ; что взгляды общества спутались и, что, подъ дурнымъ впечатлѣніемъ личности обвиняемаго, стали разсуждать о научныхъ вопросахъ среди гнета воспоминаній, оставленныхъ слѣдствіемъ... Но я, все таки, не боюсь, ибо я васъ знаю; понимаю, кто вы и какъ вы оцѣните факты дѣла. Я видѣлъ сосредоточенное вниманіе ваше, пока говорилъ, и, разумѣется, не моя рѣчь, а трудность задачи, обусловливала таковое. Думаете ли вы, что я не читаю на вашихъ лицахъ, не нахожусь въ духовномъ общеніи съ вами?... Часъ тому назадъ, когда я проходилъ черезъ страховые договоры, развѣ были вы также сосредоточены и взволнованы, какъ въ данную минуту?

Въ настоящемъ процессѣ, я отчетливо вижу двѣ стороны. Знаю, что, въ предѣлахъ одной, прокуроръ, съ его талантомъ, могъ, по произволу, метать въ подсудимаго тягчайшими обвиненіями. Но не безызвѣстно также, что есть вторая и важнѣйшая часть, гдѣ я могу идти съ ббльшею увѣренностію, чѣмъ онъ, потому что на его обязанности лежитъ указывать дорогу; онъ долженъ принести и факель, и огонь. Ему подобаетъ устранить всякія завѣсы, всѣ барьеры.

Позвольте же мнѣ сказать вамъ, г. прокуроръ, что никакой талантъ не можетъ создать чуда. Вы не были чудотворцемъ и не будете!...

Пусть этотъ человѣкъ все, что вамъ угодно; да совершитъ онъ, по уговору съ Юліею Повъ, спекуляцію, мною самимъ порицаемую,—я согласенъ. Докажите, что онъ ее отравилъ! Вы безпомощны! Ни одной улики нѣтъ у васъ; не удалось вамъ принести яда и не удастся! Въ вашемъ распоряженіи, остается собака, умершая неизвѣстно отъ чего, и, лишь изъ ея смерти, вы заключаете о кончинѣ Повъ! Убѣдите ли вы судъ присяжныхъ?!..

Я кончилъ, господа!

Повторять, на сколько важно это дѣло, я считаю бесполезнымъ. Представитель обвинительной власти не выходилъ за границы фактовъ и я хочу подражать ему. Указывать, что настоящій процессъ достоинъ вашего призванія?! Что хорошаго? Вѣдь, я стою передъ судьями и не могу не знать, до какой степени ваше сердце обезпокоено, какъ глубоко задумываетесь вы, слушая мои послѣднія слова. Напоминать о семьѣ этого человѣка?! Вы о ней помните! Утруждать вниманіе ваше смертельною тоскою его отца и матери, отчаяніемъ, котораго я не могу успокоить, безысходнымъ горемъ, которое раздѣляю самъ? Говорить о его женѣ, рассказывать, что, когда, въ концѣ засѣданій, я считалъ себя обязаннымъ повидать ее, мое сердце разрывалось на части; что, видя ее душевную чистоту и такую печаль, я не находилъ ни одного слова утѣшенія для этой несчастной, ни силъ выразить ей все уваженіе и симпатію, меня волнующія? Не въ этомъ дѣло!

Все это вы уже сказали себѣ сами, потому что у васъ есть сердце и что вы честные люди, потому, наконецъ, что вамъ самимъ не чужда семья; вы знаете, какъ можно любить, и не скрыты предъ вами страшныя испытанія любящей души...

Но, вотъ что я обязанъ напомнить еще разъ, прежде, чѣмъ сяду: вы призваны истребовать у прокурора доказательствъ. Рѣчь идетъ объ ужасномъ дѣлѣ; мнѣ извѣстно все, что говорилось за этими стѣнами, и я знаю, что если публика держитъ себя прилично, то ея симпатіи не со мною. Но вы не должны обращать на это никакого вниманія; вы обязаны разсудить такъ, какъ если бы Поммерэ былъ самымъ симпатичнымъ изъ людей; требовать у доказательствъ той же вѣскости, равной достовѣрности, одинаковой силы!

Спросите же,—гдѣ ядъ?! Вамъ необходимъ фактъ, что Юлія Повъ приняла его; надлежитъ, чтобы отраву нашли въ ней, и ничего не надо искать вокругъ нея раньше, чѣмъ найдете что либо въ ней самой. Все, что внѣ ея, можетъ зависѣть отъ нея, но можетъ имѣть и другой источникъ...

И, если не хотите карать обвиняемаго за дѣяніе, въ которомъ онъ не повиненъ,—вы обязаны, по меньшей мѣрѣ, сказать прокурору: „Преступленіе не доказано.“ Угнетать же свою совѣсть обвинительнымъ приговоромъ невозможно!!!...

Эта великолѣпная рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на присяжныхъ. Усматривая необходимость выяснить нѣкоторыя обстоятельства, а доводы защиты подвергнуть изслѣдованію, пред-

сѣдатель рѣшилъ обоихъ экспертовъ, Тардьё и Руссена, передпросить еще разъ.

По изложеніи ими отвѣтовъ, прокуроръ оказался вынужденнымъ возражать. Лашо не остался въ долгу и борьба ораторовъ, разгораясь, была, во истину, прекрасной.

Свою энергическую и блестящую вторую рѣчь защитникъ Поммерэ окончилъ такими, съ тѣхъ поръ знаменитыми словами:

„Когда Господь не допускаетъ людей къ совершенному раскрытію преступленія, это признакъ, что Ему не угодно ихъ дѣлать судьями и что право на приговоръ Онъ хранить за Собою и Своимъ верховнымъ трибуналомъ!“

Послѣ резюме предсѣдателя, присяжные удалились въ совѣщательную комнату, для разрѣшенія двухъ вопросовъ:

I. Виновенъ ли Дезирэ-Эдмундъ Кути де ла Поммерэ въ томъ, что въ 1861 году, въ Парижѣ, при помощи средствъ, могущихъ нанести смерть, покусился на жизнь Серафимы Деммонъ, вдовы Дюбизи?

II. Онъ же, Дезирэ-Эдмундъ Кути де ла Поммерэ, виновенъ ли въ томъ, что въ 1863 году, въ Парижѣ, чрезъ вещество, способное причинить смерть, лишилъ жизни Юлію Франсуазу Тестю, вдову де Повъ?

Вердиктомъ присяжныхъ, Поммерэ былъ оправданъ по обвиненію въ убійствѣ тещи и признакъ безусловно виновнымъ въ отравленіи Повъ.

Судъ приговорилъ его къ смерти.

Безъ признаковъ волненія, услышалъ Поммерэ,—этотъ замѣчательно энергическій человѣкъ,—такое рѣшеніе своей участи.

Его кассационная жалоба отвергнута 4-го, а приговоръ исполненъ 5 іюня 1864 года.

ДЮПЕНЪ СТАРШІЙ.

О ДУЭЛИ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

ВЪ

КАССАЦІОННОМЪ СУДѢ.

*Duobus litigantibus, tertius
gaudet!*

КАССАЦІОННЫЙ СУДЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

ГРАЖДАНСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Дюпень Старшій,

Оберъ-Прокуроръ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПО ВОПРОСУ О ДУЭЛИ.

Было повторяемо не разъ, что, въ старину, къ поединкамъ относились черезъ-чуръ сурово: смертная казнь, говорятъ, представлялась явно недѣйствительною, когда рассчитывали остано-вить людей, которые не боялись смерти, сами шли, по доброй волѣ, ей на встрѣчу. Отсюда выводъ, что наказаніе, болѣе мягкое, но сопряженное съ потерею гражданскихъ правъ и устраненіемъ отъ общественной дѣятельности, достигало бы цѣли вѣрнѣе.

Допустимъ. Однако, въ ожиданіи результатовъ новой систе-мы,—изъ того, что дуэль специальнымъ возмездіемъ и нарочи-тымъ закономъ не карается,—слѣдуетъ ли заключать, что это дѣяніе, всецѣло дозволенное?

Обусловливаемый ранами или смертью, поединокъ относится къ разряду преступленій противъ жизни и здоровья уже потому, что изъ таковыхъ не исключенъ. Отсутствіе правила, которымъ дуэль разсматривалась бы, какъ злодѣйство *vis generis*, ни въ какомъ случаѣ, не возводитъ ее въ мѣропріятіе, похвальное или невинное.

Надо, впрочемъ, сознаться, что, въ вопросъ о дуэляхъ, много послабленій и колебаній внесли сами суды.

Ссылаются на предразсудокъ, имъ покровительствующій! Но развѣ онъ долженъ быть раздѣляемъ судьями? Устоять предъ нимъ—не первая ли ихъ обязанность?

Да и что говорить! Въ эпоху, когда столько обычаевъ из-

гнано изъ употребленія единственно за то, что они, повидимому, коренились въ суевѣріяхъ (хотя нѣкоторые заслуживали всякаго уваженія),—держатся наименѣе достойнаго пощады: самаго разрушительнаго въ смыслѣ нравственномъ, социальному порядку вреднаго, именно того, который подрываетъ уваженіе къ судебной власти и повиновеніе закону!

Дуэль, милостивые государи, есть состояніе дикости. Это совсѣмъ не право, а доводъ наиболѣе сильнаго или наиболѣе ловкаго, иногда самаго дерзкаго!.....

Въ дѣтствѣ нашего общества, наблюдались судебныя битвы; это было подъ стать варварству момента. Не умѣя искать правды иначе, люди взывали къ тому, что, въ ихъ вѣрованіи, казалось судомъ Божиимъ. Но и тогда стремились къ извѣстнымъ формамъ правосудія; условія поединковъ регламентировались, существовалъ особый полевой судья; кровавый приѣмъ желали упорядочить, хотя нѣсколько; требовали участія власти, — надъ нею не издѣвались!

И если, среди общаго невѣдѣнія, цивилизація чуждалась этого времени, то здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было ни мятежа, ни отказа отъ подчиненія.

А какъ только прогрессъ, общественный строй и здравыя идеи правленія ушли впередъ; когда возникли узаконенія, болѣе гуманныя, и суды, просвѣщеннѣйшіе, дуэли были отмѣнены, какъ оскорбленіе права. Владѣя конституціей, т. е. будучи управляемы разумомъ и закономъ, станемъ ли мы теперь глядѣть на нихъ иначе?!

Вызвать на дуэль не значитъ атаковать лишь частное лице, совершить проступокъ въ отношеніи только него, какъ при обыкновенной кражѣ или убійствѣ; нѣтъ,—это, прежде всего, посягательство на общій миръ, презрѣніе къ закону, возстаніе противъ государственнаго порядка; дуэлисты хотятъ управлять сами собой, глумятся надъ верховною властью страны, гдѣ живутъ. Вотъ почему нѣкогда, въ царствованіе Людовика XIV, дуэль разсматривалась, на первомъ планѣ, какъ оскорбленіе величества.

Мыслимо ли намъ терпѣть подобный ходъ вещей?

И въ самомъ дѣлѣ! Подерутся два простолюдина, начнутъ тузить другъ друга кулаками; нѣсколько пріятелей пусть, взаимно, угостятъ себя ударами палки,—вмѣшается полиція и разведетъ ихъ; мировой судья не помилуетъ, а всѣ скажутъ: „Такъ и слѣдовало!“

Но, когда возьмутся за шпагу или револьверъ, если рѣчь зайдетъ уже не о синякахъ, а самую жизнь поставятъ на карту,—о, тогда потребуютъ совершенной безнаказанности; забываясь да-

лѣе, будутъ говорить, что противники повиновались долгу чести! Газеты и журналы напишутъ отчеты о дуэли, съ тщеславіемъ, съ похвалою!

Вотъ какимъ образомъ,—на лонѣ общества, которое чванится своимъ развитіемъ, ежедневно повторяетъ, что уровнемъ цивилизаціи оно затмило всѣ предыдущіе вѣка, и которое, въ крайнемъ самомиѣніи, готово, пожалуй, бросить перчатку едва ли не всѣмъ, грядущимъ столѣтіямъ, — умы отравляются идеею, что гражданинъ можетъ апеллировать къ силѣ по всякому поводу, на остріе шпаги переносить всѣ вопросы, а, на мѣсто закона, проводить свою личную волю!

Нѣтъ и нѣтъ, господа! Каковъ бы ни былъ предразсудокъ, сюда относящійся (а я смѣю утверждать, что онъ менѣе распространенъ, чѣмъ хотятъ увѣрить), — я не боюсь превысить всю важность своего званія и провозгласить, что дуэль есть оскверненіе законовъ божескихъ и человѣческихъ!...

Долгъ судебныхъ дѣятелей таковъ: всякій разъ, когда чловѣкъ найденъ раненнымъ или убитымъ, они обязаны произвести слѣдствіе; королевскіе прокуроры виновны, если не снимутъ надлежащаго допроса.

Каждый поединокъ, неизбѣжно, влечетъ уголовное преслѣдованіе, съ цѣлью выяснитъ причины дуэли и ея поводы, часто вздорные; вызовы, бессмысленные и грубые, между людьми, совершенно незнакомыми, которые никогда не встрѣчались раньше и не сойдутся впредь; жалкія ссоры въ театрѣ, гдѣ одинъ требуетъ тишины, — и онъ правъ, — а гдѣ другой обижается до того, что посылаетъ секундантовъ. И вотъ вамъ причина дуэли! Вотъ, ради чего жена потеряетъ мужа, мать не увидитъ сына!

Сильное возраженіе предлагаютъ въ томъ, что дуэль полезна, какъ отвѣтственность за низости, ускользящія отъ обыкновенныхъ мѣръ обузданія.

Тогда необходимо, чтобы событія этого рода были весьма ничтожны, ибо законы караютъ не только преступленія, но и проступки, даже полицейскія нарушенія; преслѣдуютъ не однѣ раны, а и удары, оскорбленія, простыя угрозы; осуждаютъ клевету, диффамачію, брань.

И что же?! Изъ-за дѣянія, которое, очевидно, не подойдетъ ни подъ одну изъ этихъ категорій, чловѣкъ, недовольный закономъ и пренебрегающій судьями, рѣшить участь другаго, по собственному усмотрѣнію; примѣнить смертную казнь къ тому, на кого считаетъ лишь себя въ правѣ жаловаться, и, въ своемъ, значить, собственномъ дѣлѣ, явится законодателемъ, судьей и палачемъ!

Дабы узаконить подобныя насилія, не брезгають и другими софизмами: „Это,“ говорятъ, „случайная встрѣча.“ Ложь! Ибо, если столкнулись, то, конечно, въ силу факта, что часть и мѣсто свиданія были опредѣлены заранее. „Убійца,“ продолжаютъ, „находился въ состояніи необходимой обороны;“ но, вѣдь, каждый, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нападаетъ; атакуютъ другъ друга взаимно, а самый вѣрный способъ защиты—смерть, которую всякій готовитъ противнику.

Преслѣдуйте же справедливымъ путемъ; жалуйтесь присяжнымъ; они—глазь народа и, въ этомъ качествѣ, имъ особенно довлѣетъ разсматривать процессы о дуэляхъ.

Если, подъ влияніемъ предразсудка или подъ гнетомъ обстоятельствъ, ихъ совѣсть найдетъ необходимымъ оправдать, она это сдѣлаетъ; но, даже и тогда, законъ получить удовлетвореніе; ему воздадутъ почетъ въ томъ смыслѣ, что оправдательный вердиктъ будетъ произнесенъ въ его святилищѣ; возникнетъ обязанность являться въ судъ, преклонять предъ нимъ голову и отъ него ждать рѣшенія своей участи.

Если, напротивъ, присяжные убѣдятся въ виновности, но, въ условіяхъ, повлекшихъ или сопровождавшихъ дуэль, замѣтятъ данныя, ее извиняющія, — они дадутъ снисхожденіе, и наказаніе будетъ, пропорціонально, смягчено.

Наконецъ, когда зайдетъ рѣчь объ одномъ изъ тѣхъ, необъяснимыхъ поединковъ, которые устраиваются людьми, ихъ для себя избравшими, какъ профессію, гдѣ жертвою оказывается вызванный, неопытный и безобидный человекъ; иными словами, когда дуэль предстанетъ со всѣми признаками умышленнаго злодѣянія, — виновныхъ постигнетъ приговоръ за убійство.

Такимъ образомъ, передъ нами цѣлая лѣстница — отъ смертной казни до совершеннаго помилованія.

Правосудиемъ не стануть, по крайней мѣрѣ, играть, не рискнуть издѣваться надъ нимъ; оно заставитъ почувствовать свое грозное и спасительное бытіе. Мать семьи придетъ, въ открытое судебное засѣданіе, плакаться на виновника своего горя; трауръ ея платья, отчаяніе въ словахъ, уже сами по себѣ, будутъ карою для обвиняемаго; общественное мнѣніе присоединится къ жалобѣ и, даже въ случаѣ оправданія, явится, какъ результатъ дѣла, глубокое впечатлѣніе и полезный урокъ, а, вмѣсто апологіи дуэли, увидятъ весь позоръ ея распутства.

Пусть же говорятъ еще о предразсудкахъ! Вотъ ближайшее средство искоренять ихъ, воевать съ ними, а бредни жалкаго безумія замѣнять созерцаніемъ здравымъ.

Взгляните, не пробилъ ли часъ принять лѣкарство; вѣдь, болѣзнь охватываетъ даже школьниковъ; они, въ свою очередь, задаются вопросами чести! О, ужасъ! Къ чему придуть они, когда станутъ взрослыми, если, съ дѣтства, усвоятъ идею, что, въ этомъ мѣрѣ, каждый призванъ мстить за себя самъ, ни чьему закону не повинуюсь и не прибѣгая ни къ какой власти?!

Съ другой стороны, развѣ не было очевидцевъ дуэли за честь исторіи, между ученымъ и офицеромъ, который нашель, что къ славѣ его генерала отнеслись недостаточно хорошо; какъ будто содержаніе историческаго факта можетъ зависѣть отъ удара сабли! Это случай поединка, еще болѣе безразсуднаго, чѣмъ тотъ, который былъ предписанъ въ 973 году, съ цѣлью рѣшить вопросъ о правѣ представленія въ одной тяжбѣ о наслѣдствѣ; ибо тамъ дуэль могла открыть исходъ и дать вопросу дѣйствительное рѣшеніе, между тѣмъ какъ смерть историка не измѣнила бы его науки.

У этого поприща нѣтъ границъ; мы видимъ, какъ, по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, вызываютъ на дуэль чиновниковъ; слышимъ, чуть не ежедневно, о дуэляхъ парламентскихъ; знаемъ, что не миновать поединка депутату, который, по неблагоразумію или смѣло и сознательно, лишь отмѣчаетъ событія, съ его точки зрѣнія, подлежащія вѣдѣнію страны! Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, немедленно за приговоромъ, начнутъ вызывать и судей, требуя, чтобы случайностями оружія удостоверяли они истину своихъ мнѣній, согласно обычаю XII вѣка, когда на аппелляцію смотрѣли, какъ на изобличеніе суда во лжи.

Милостивые государи! Если предразсудокъ сохраняется еще въ нѣкоторыхъ умахъ, то отсюда онъ не дѣлается менѣ свирѣпымъ и не перестаетъ быть явно бессмысленнымъ. И мнѣ думается, что настала минута сказать: „Честь тому, кто отвергнулъ дуэль и такимъ отказомъ выразилъ свое уваженіе къ закону и согражданамъ!“

Наконецъ, въ защиту поединковъ, указываютъ крайній мотивъ: тайное соглашеніе партій! Но все ли, безъ различія, можетъ быть предметомъ такого соглашенія? Неужели гордость людская не захочетъ остановиться предъ какимъ бы то ни было препятствіемъ? Развѣ нѣтъ предметовъ, дѣйствій и событий, которые не подлежатъ договору? Справедливо ли, что человѣкъ самъ себя хозяинъ до такой степени, что онъ въ правѣ заключать сдѣлки даже о своей жизни?

Полагаю, что самоубійство есть преступленіе, и, по моему, должны быть признаваемы высоко нравственными древнія узакон-

ненія, которыми, за невозможностью покарать личность самоубійцы, опозоривалась его память.

Человѣкъ принадлежитъ тѣломъ землѣ, а душою Богу.

Уничтожать себя, раньше времени, онъ не уполномоченъ.

Иначе, — еслибъ онъ имѣлъ право убивать себя самъ, то почему, столь же правомѣрно, онъ не могъ бы пригласить, для этой цѣли, другаго? Упросить товарища? Подыскать наемнаго убійцу?

Что же далѣе? Самоубійство развѣ не половина дуэли? Въ первомъ случаѣ, располагаютъ только собственною жизнью, во второмъ, — ею и судьбою ближняго.

Гдѣ основанія, по которымъ можно бы разрѣшить подобныя сдѣлки?

Руководствуясь изложеннымъ, я даю искренній обѣтъ достигнуть такого же исполненія закона во Франціи, какъ и въ Бельгіи, гдѣ одинъ и тотъ же текстъ лучше понять и примѣняется нравственнѣе. Я желалъ бы изучить данную тему въ общемъ собраніи кассационнаго суда и пусть ее раскроютъ всесторонне; я буду работать не между прочимъ и не какъ сегодня, — невзначай, а въ гораздо большей полнотѣ и развитіи; призову все ваше вниманіе, и мы уничтожимъ, наконецъ, роковой предрасудокъ, который успѣлъ проникнуть въ нынѣшнюю, мало обдуманную судебную практику.

Что же касается текущаго, вамъ представленнаго, чисто гражданскаго вопроса, то, принося искреннія похвалы судебной палатѣ, которая постановила это превосходное рѣшеніе, я полагалъ бы кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій...

МИРАБО и ПОРТАЛИСЪ.

ГРАЖДАНСКІЙ СУДЪ ВЪ Э.

ДѢЛО

ПО ИСКУ ЖЕНЫ **МИРАВО**, ГОСПОЖИ МАРИНЬЯНЪ, О РАЗЛУЧЕНІИ
ЕЯ СЪ СУПРУГОМЪ.

РѢЧИ

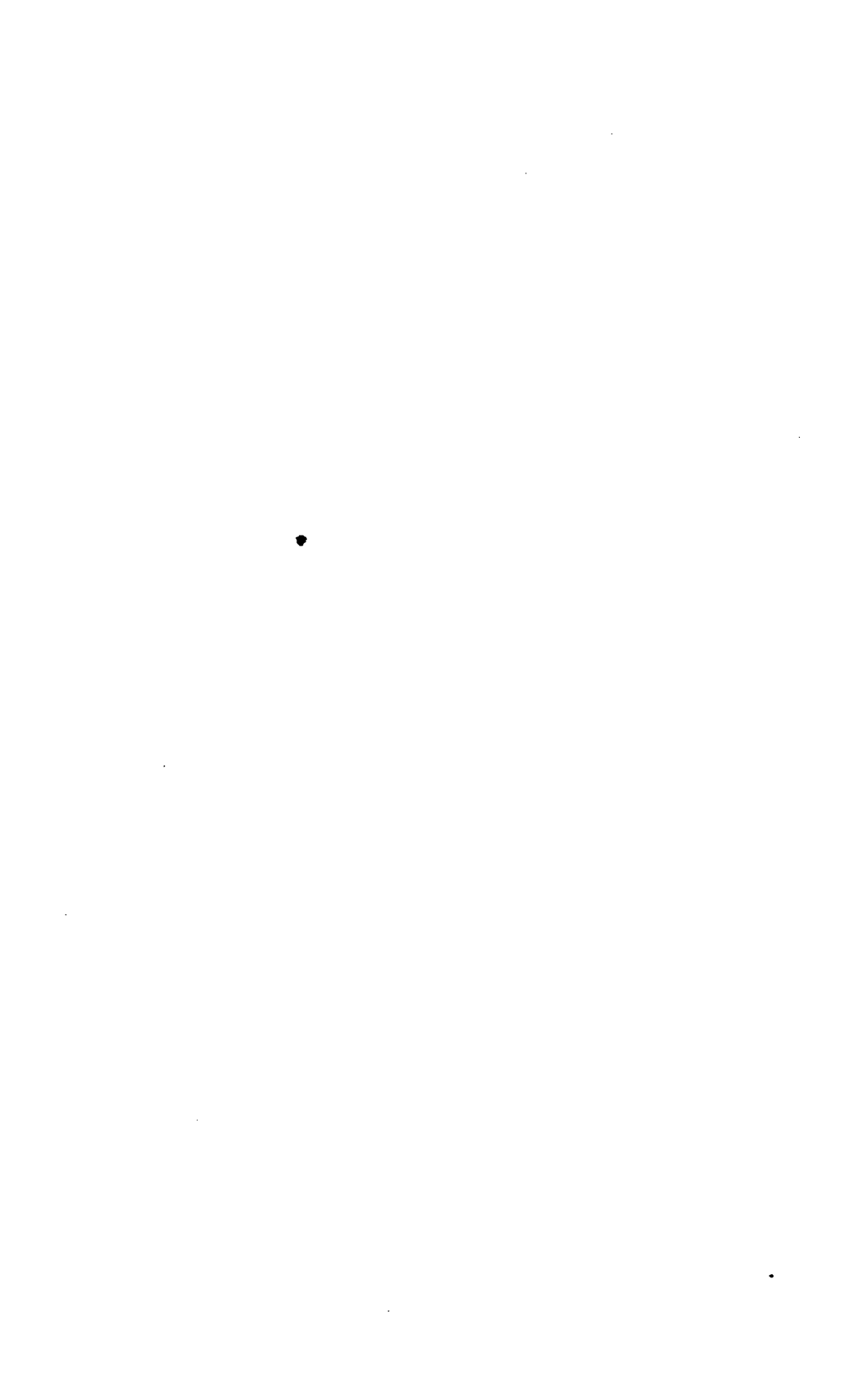
ВЪ ЗАЩИТУ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

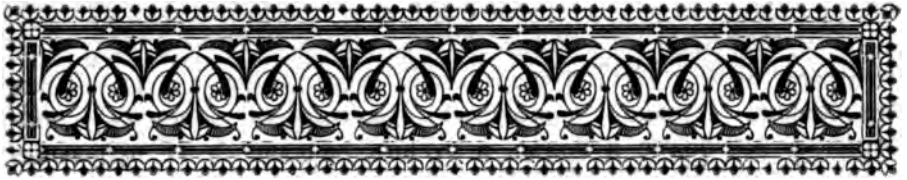
*Est aliquid delirii in omni
magno ingenio!*

Aristoteles.

*Magna eloquentia, sicut flam-
ma, materia alitur et motibus
excitatur, et urendo clarescit.*

Tacitus.

МИРАБО и ПОРТАЛИСЬ.

ГРАЖДАНСКІЙ СУДЪ въ Э.

Засѣданія I—5 июля 1783 года.

Д Ъ Л О

по иску жены **МИРАБО**, урожденной **Мариньянъ**,
О РАЗЛУЧЕНІИ ЕЯ СЪ МУЖЕМЪ.

Когда, избородивъ необъятныя пространства океана, Христофоръ Колумбъ спокойно приближался къ континенту Америки, вдругъ, засвисталъ вѣтеръ, сверкнула молнія и началась гроза!

Снасти рвутся, мачты падаютъ; рулевой теряетъ присутствіе духа и корабль готовъ погибнуть,—исчезнуть въ пучинѣ...

Но, пока солдаты и моряки, на колѣняхъ, шлютъ мольбы къ небесамъ и впадаютъ въ отчаяніе, Колумбъ, вѣруя въ свое высокое назначеніе, самъ беретъ кормило; править сквозь ревъ урагана и среди ужасовъ непроглядной ночи; наконецъ, чувствуетъ прикосновеніе своего кия къ берегу новаго свѣта и громовымъ голосомъ восклицаетъ: земля! земля!

Точно также, въ моментъ, когда революція, съ изломанными якорями и истрепавшимися парусами, блуждала по морю, усѣянному скалами и водоворотами,—Мирабо, на носу корабля, освѣщаемый заревомъ междоусобной бури и успокоивая матросовъ, подымалъ свой пророческій голосъ и гордо указывалъ имъ обѣтованную землю свободы!

Такова его роль въ исторіи.

Но участіе, имъ принятое въ событіяхъ 1789 года, слишкомъ важно, чтобы могли мы говорить объ этомъ подробнѣе, здѣсь.

Въ его жизни, былъ эпизодъ другаго порядка, на которомъ, собственно, мы и хотимъ остановиться.

Въ 1772 году, Мирабо женился на дѣвушкѣ Мариньянъ.

Даже судя по его рѣчи, ранніе годы этого союза прошли безоблачно. Однако, несходство характеровъ понемногу обострялось все болѣе и болѣе, а затѣмъ начались и тѣ печальныя ссоры, которымъ беспорядочное поведеніе и неистовый нравъ самого Мирабо придаютъ такой своеобразный отпечатокъ.

Съ другой стороны, вскорѣ послѣ свадьбы, отецъ, подъ предлогомъ его безумнаго мотовства, добился, что сына, административнымъ порядкомъ, сослали въ имѣніе, а позже—въ Маноску.

Жена не покидала его; но, утомленный преслѣдованіями, онъ бѣжалъ въ Грассъ и былъ немедленно приговоренъ уже къ наказанію уголовному. Тогда, госпожа Мирабо кинулась въ Парижъ хлопотать о помилованіи. Не удалось, и ея мужа отвезли въ замокъ д'Ифъ, близъ Марсели.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, его перевели въ другой замокъ „де Жу,“ съ правомъ отлучаться въ городъ Понтарлье.

Къ этому времени относится происшествіе, имѣвшее огромное вліяніе на его судьбу.

Дружески принятый въ домъ одного изъ мѣстныхъ чиновниковъ, Моннье, только недавно женившася на молодой женщинѣ, пресловутыя письма которой сдѣлали ее, подъ именемъ Софіи, извѣстною цѣлой Европѣ, — Мирабо, въ нарушеніе обычаевъ гостепріимства, кончилъ тѣмъ, что обольстилъ юную подругу Моннье.

Будучи слишкомъ непостояннымъ и черезъ чуръ легкомысленнымъ, чтобы уберечь даже болѣе дорогую и важную тайну, Мирабо скоро разгласилъ эту преступную связь.

Узнавъ мужъ и, негодуя, отяготилъ арестъ Мирабо, какъ могъ. Не находя силъ переносить эти новыя строгости, Мирабо, еще разъ, убѣжалъ въ Голландію, куда невѣрная жена Моннье, разумѣется, не преминула послѣдовать.

Оскорбленный супругъ также не замедлилъ обратиться къ суду и потребовать справедливости.

Какъ виновный въ прелюбодѣяннн и похищеніи замужней женщины, Мирабо былъ осужденъ на смерть. Однако, не довольствуясь такимъ рѣшеніемъ, Моннье сталъ искать и достигъ выдачи преступника.

Тяжба завязалась снова; открылись долгіе переговоры, стали появляться обширныя мемуары, съ той и другой стороны; вмѣшались разныя вліятельныя друзья и дѣло было прекращено мировою сдѣлкою, только послѣ долгихъ хлопотъ.

Вывравшись на свободу, Мирабо сейчасъ же поѣхалъ въ Провансъ, гдѣ у своего отца жила его покинутая супруга.

Намѣреніе сойтись съ нею онъ выразилъ съ перваго же дня и, лишь когда всѣ его письма остались безъ отвѣта, рѣшилъ прибѣгнуть къ законнымъ мѣрамъ, — заставить жену вернуться къ брачному очагу.

Но, шесть адвокатовъ въ Э дали письменное заключеніе въ ея пользу, а знаменитый Порталисъ изъявилъ желаніе лично поддержать ея интересы на судѣ, — и госпожа Мирабо сама предъявила искъ о разлученіи ея съ мужемъ, одновременно напечатать брошюру, гдѣ разоблачила его поведеніе.

Мирабо, въ свою очередь, опубликовалъ мемуаръ, и эта скандальная война перьями продолжалась вплоть до открытія засѣданій суда въ Э.

Каковы бы ни были, однако, заблужденія Мирабо, для иска жены не усматривалось, по закону, достаточныхъ основаній. Кроме того, оправдываясь письменно, онъ успѣлъ разрушить всѣ происки обвиненія, на него направленные, а, въ теченіе судебного слѣдствія, велъ себя такъ ловко и осторожно, что не давалъ повода къ малѣйшему нареканію.

Судебныя пренія собрали необозримую толпу.

Тройной караулъ, барьеры и окна, — все было опрокинуто народомъ. Сидѣли даже на крышахъ сосѣднихъ домовъ. Братъ австрійскаго императора и королевы Маріи Антуанеты, великій герцогъ Миланскій, тоже былъ въ числѣ присутствующихъ.

Мирабо защищался самъ.

Увлекательный и блестящій, исполненный огненнаго вдохновенія и мужественной красоты, онъ взволновалъ судей и привелъ въ восторгъ аудиторію; будучи же выведенъ изъ терпѣнія Порталисомъ, говорилъ еще краснорѣчивѣе...

Его колкая и ѣдкая, острая и язвительная рѣчь тогда уже не щадила никого. Стремясь извинить увлеченія своей молодости, онъ перешелъ всякія границы и нарисовалъ горькую сатиру на всѣхъ своихъ родныхъ.

Добывъ невѣрный, какъ оказалось, проектъ рѣчи обвинителя, онъ пытался разбить его доводы заранее и опозорить враговъ. Но, увлекшись, затронулъ честь жены и, сдѣлавъ такимъ образомъ свои подозрѣнія достояніемъ цѣлаго общества, къ немалому собственному удивленію, доказалъ, что совмѣстная для нея жизнь невозможна!...

Впрочемъ, не станемъ предупреждать событій.

Вотъ первая рѣчь Мирабо:

Гг. Судьи!

Когда, въ 1772 году, я благословлялъ небеса за пожалованіе супруги, избранной моимъ сердцемъ и отдавшейся мнѣ по влеченію ея собственной души; когда, въ 1773 году, я слезами омывалъ залогъ ея нѣжности, раннюю смерть котораго суждено было мнѣ оплакивать,—могъ ли я ожидать, что, черезъ немного лѣтъ, именно та, чья любовь привела насъ къ подножію алтарей, придетъ въ судъ требовать разлученія со мною? И если бы какой нибудь зловѣщій пророкъ возвѣстилъ мнѣ тогда подобное горе, я оттолкнулъ бы жестокою рукою, дерзнувшую раскрыть предо мною столь печальное будущее...

Но занавѣсъ поднять! Слишкомъ очевидно, что госпожу Мирabo вынудили отказаться отъ своего мужа и покинуть объѣтъ ея же сердца. Напрасно прибѣгалъ я къ самому умѣренному образу дѣйствій, къ мотивамъ, наиболѣе священнымъ, къ нѣжнѣйшимъ мольбамъ,—меня даже не удостоили отвѣтомъ, ни видѣть, ни выслушать не захотѣли.

Возмущаясь всѣмъ, что я предпринималъ, дабы успокоить ее, чужая воля стала между нами, поперегъ, и уже не заботилась о какомъ либо судебномъ рѣшеніи.

А когда, наконецъ, съ цѣлью прекратить это, равно для законовъ и нравственности, оскорбительное положеніе пресмыкающагося, я сталъ искать выхода, меня обязали говорить черезъ судебного пристава, отвергли всякія объясненія или встрѣчу со мною и кончили тѣмъ, что, уклоняясь принимать мои письма, распорядились возвращать ихъ нераспечатанными!

Стало быть, необходимо, господа, чтобы вы разсудили насъ.

Увы! Не хочу скрывать: я долго возставалъ противъ этой тяжелой необходимости (мы скоро увидимъ, имѣлъ ли я основаніе страшиться ея). Но, кто изъ честныхъ людей броситъ въ меня камень; кто откажетъ подобному сопротивленію въ симпатіи? А! Если бы я усомнился въ женѣ на одно лишь мгновеніе, если бы тѣ, кто подчинили ея волю и угнетаютъ мысль, не затронули моей чести позорнѣйшею клеветою, я никогда бы не началъ этого дѣла.

Очень далеки отъ меня надежда или безумное стремленіе подгрѣть сердце приговоромъ трибунала; и я, конечно, не рассчитываю добыть себѣ, по приказу суда, преданную жену, вѣрную подругу, добрую мать, ни достигнуть того, чтобы сладкія изліянія дружбы и взаимное довѣріе питались призраками счастья, взятыми на прокатъ у любви!.....

Но, если бы, съ другой стороны, я имѣлъ несчастье повѣрить чувствамъ, которыя навязываютъ госпожѣ Мирабо, и отказался бы отъ своего иска,—чего не стали бы говорить? Чего не говорили уже? Куда ни бросались?

Изъ самой обыденной жалобы хотѣли устроить политическій процессъ: въ моемъ лицѣ, — загубить цѣлую партію; взволновать публику, закрыть мнѣ всѣ двери; отнять у меня самыхъ лучшихъ и старинныхъ друзей, лишитъ всякой помощи, совѣта, всѣхъ средствъ защиты.....

Знаменитѣйшіе ораторы адвокатуры были, торопливо, призваны на консультацію противъ меня..... А, когда, увѣренный въ простотѣ своего дѣла, я, въ глубокомъ уваженіи къ мадамъ Мирабо, жаждалъ лишь трогательною покорностью смягчить ея семью, рѣшили, что, не имѣя возможности найти защитника, я быстро положу оружіе.

Но у меня остается вы, гг. судьи, и вы меня выслушаете! Не на личности человѣка, который держитъ передъ вами рѣчь, остановитесь вы; не о томъ, хорошо ли говорилъ онъ или дурно, станете размышлять! На его ли сторонѣ правда, — вотъ куда, единственно, будутъ направлены изысканія ваши!

Есть невидимый ораторъ, въ глубинѣ сердець; только ему внемлютъ судьи и зрители; имъ же вдохновляется и тотъ, кто произноситъ слова; подъ его знаменемъ, должны, наконецъ, слѣдовать всѣ, кто прислушивается къ темамъ, затрогивающимъ интересы общества и морали.

Сюда именно принадлежитъ искъ, который осмѣлились предъявить ко мнѣ отъ имени госпожи Мирабо.

Не имѣя ничего общаго съ приказными тяжбами, гдѣ паутина формализма, ябедническое коварство и пронырливость стряпчихъ готовы ввести въ заблужденіе самую идею справедливости, онъ изъ числа тѣхъ, о которыхъ могутъ и обязаны судить всѣ честные люди.

Вашими устами, ихъ приговора ожидаю я! Напрасно ищутъ мои противники обезопасить себя предубѣжденіемъ, сочетавшимся мнѣ во вредъ. Всевозможныя ошибки моей юности были бы тщетно призываемы на помощь, ибо все это чуждо процессу, который собралъ насъ сюда.

А если, — что, повидимому, скорѣе мечта, нежели дѣйствительность, — мнѣніе общества, на самомъ дѣлѣ, сопутствуетъ всѣмъ, кто противъ меня,—ихъ мѣропріятія должны быть изслѣдованы тѣмъ съ болѣе строгимъ безпристрастіемъ.

Мнѣ все предвѣщаетъ, что, въ требованіи, столь безнадеж-

номъ, они не разобьютъ меня и побѣдить не въ силахъ иначе, какъ путемъ всенародныхъ или подпольныхъ сплетень.

Знаю, что мое имя, сейчасъ же, окунуть въ гнойную и зловонную тину; что мнѣ придется не одинъ разъ выжимать губку, исполненную этой скверны; но я знаю также, что, —если, утомляясь и слабѣя подъ бременемъ тяжкаго негодованія, я оставлю малѣйшій слѣдъ этой грязи, —вниманіе публики, на насъ устремленное, забудетъ все, что я отбросилъ, потеряетъ изъ виду все, чѣмъ, по моему, унижительно квитаться съ врагами, и дастъ значеніе лишь пятнышку, которымъ я невольно пренебрегъ.

Такъ горько положеніе человѣка, отравляемаго клеветою. Таковы условія нашей жизни вообще!

Развѣ нѣтъ, однако, никакихъ средствъ украсить и облагородить это ужасное состояніе?

Милостивые государи! Я хочу попытаться. Мнѣ противна вздорная діалектика, которая, хватаясь за все, не прочь смѣшать лучи яркаго и чистаго свѣта съ едва замѣтнымъ мерцаніемъ, добываемымъ дикарями черезъ треніе! Чуждо мнѣ и болѣзненное самолюбіе, когда человѣкъ хочетъ быть всегда правымъ, — качество, мнѣ приличное гораздо менѣе, чѣмъ кому либо другому! Искренняя строгость въ отношеніи себя самого, очевидно, первая и наиболѣе возвышенная изъ обязанностей. Предъ самимъ собою, нравственный человѣкъ, разумѣется, видѣнъ яснѣе, чѣмъ въ рѣчахъ самыхъ необузданныхъ клеветниковъ...

И вотъ, я сознаюсь во всеуслышаніе, что пережилъ всѣ бѣды, которыя пылъ возраста и темперамента можетъ навлечь на юношу. Но именно потому, что я вынесъ такой суровый испускъ, моя жена и ея родные должны бы глядѣть на меня тѣмъ съ большимъ милосердіемъ. Скажу далѣе: изо всѣхъ тревоженій, изъ этого вихря страстей, для госпожи Мирабо не возникло ни малѣйшаго повода жаловаться... И если, можетъ быть, всѣ другіе, меня окружавшіе, имѣли, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ, основаніе пенять на меня, она одна служить исключеніемъ.

Установивъ это и питая надежду доказать, —я не могу забыть второй цѣли своего прихода. Оправдать жену, въ вашихъ глазахъ и предъ свѣтомъ, за образъ дѣйствій, котораго предлагаютъ ей держаться сегодня и уже давно, — таково мое твердое намѣреніе.

Предоставленная самой себѣ, мадамъ Мирабо готова на благородные помыслы и чистыя дѣянія. Въ ея душѣ нѣтъ мѣста злу. Кому вѣдать лучше меня, кому, подъ часъ, больше прихо-

дилось сознавать это? И вотъ я увѣрю васъ, клянусь ею самою и своею честью!

Я въ такой мѣрѣ преклоняюсь предъ женою, что ей самой радъ ввѣрить свою защиту.

Развѣ не фактъ, господа, что, въ замѣнъ ораторскихъ пріемовъ, любыхъ доводовъ и подтасованнаго краснорѣчія, я ограничился напечатаніемъ немногихъ ея писемъ, мною полученныхъ съ момента, когда житейскія бури унесли насъ другъ отъ друга? По этимъ даннымъ, лежащимъ внѣ всякаго извращенія или подозрѣнія, вы могли судить о единопдушіи, царствовавшемъ между нами, во времена моего счастья, — въ эпоху, когда мы жили вмѣстѣ.

Теперь рождается вопросъ: мыслимо ли примирить все, что, въ изліяніяхъ пылкаго, нѣжнаго, благороднаго, впечатлительнаго и глубокаго сердца, говорила она мнѣ и обо мнѣ, съ поведеніемъ и языкомъ, на которые приневоливаютъ ее нынѣ! Возможно ли, съ бѣльшею точностью, чѣмъ сопоставивъ противорѣчія, куда ее толкають, оцѣнить ухищренія, которыми хотятъ силою взять у меня жену?

Принимая вызовъ, осмѣливаюсь спросить у васъ, милостивые государи, дерзаю потребовать у общества, т. е. у грознаго трибунала, который выноситъ окончательные приговоры обо всѣхъ судьяхъ земли, — въ чемъ дѣло, собравшее насъ. Усматривается ли какой нибудь предметъ спора? Возможно ли найти что либо, кромѣ неистоваго желанія разрушить союзъ, правомѣрный и необходимый, но невыгодный лицамъ, окружающимъ мадамъ Мирабо?

Смѣю поставить еще вопросъ: дозволено ли, въ такой мѣрѣ, злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и не должны ли вы, ради сознанія долга, какъ можно скорѣе, вернуть госпожу Мирабо моимъ искреннимъ мольбамъ и, говорю это съ увѣренностью, даже ея собственнымъ?

О ты, любившая меня неизмѣнно и никогда не покидавшая моего сердца!

Ты, чье мановеніе очей возвратило меня!

А!... Въ жалкой роли, которую здѣсь вынужденъ играть я, не вини никого, кромѣ нашихъ общихъ враговъ! Содрогаюсь, видя, что они съ тобой дѣлають, и еще не была ты мнѣ дороже!... Хочу говорить о тебѣ, какою зналъ, вижу и, на зло всякимъ изворотамъ благопріятелей, буду видѣть всегда. Или лучше, — буду повѣствовать твоимъ собственнымъ языкомъ, тебѣ неустанно присущимъ; такимъ, которымъ говоришь сама всякій разъ, если не слушаешь никого, кромѣ своихъ совѣсти и сердца...

Не страшись моей побѣды, — она необходима для твоего же счастья; и безъ нея никакого торжества мнѣ не надо. Она будетъ дѣломъ твоихъ рукъ!...

Чары вѣжности, доказательства твоего правосудія, — вотъ мое оружіе, здѣсь мое волшебство, вотъ мои заклинанія!...

I.

Но, откуда начать? Что именно долженъ предусмотрѣть я? Чѣмъ обусловить мнѣ отвѣтъ?

Искъ, предъявленный нынѣ, такого рода, что возраженія могутъ быть исчерпаны ссылкой на метрическое свидѣтельство о нашемъ бракосочетаніи и что нѣтъ возможности угадать мотива, на которомъ рассчитываютъ построить отказъ госпожи Мирабо возвратиться ко мнѣ.

Намекаютъ на обиды самаго тяжелаго свойства, но ни одной, въ частности, не указываютъ; и я не вижу въ томъ ничего удивительнаго. Среди формальныхъ узаконеній и тонкостей, полагаютъ сторонники истицы единственную надежду свою вынудить меня бросить процессъ.

Однако, хотя я тяжбы не искалъ, а малѣйшіе слѣды несогласій устранить искренно радъ; хотя всякую, даже минутную домашнюю размолвку я почиталъ истиннымъ горемъ, — теперь, будьте увѣрены, съ перваго же момента, какъ получилъ право говорить передъ судьями, я не замедлю эхомъ общественнаго мнѣнія доказать мадамъ Мирабо, что ее обманываютъ и что никакое судебное разбирательство между нами не мыслимо.

Во всякомъ случаѣ, мои доводы отнюдь не будутъ чужды вопросу, который полежитъ вашему рѣшенію, господа; но таковое, въ моихъ глазахъ, нормируется природою основанія, по своему характеру абсолютно новою. Въ самомъ дѣлѣ; я уступаю широкую дорогу напыщеннымъ рѣчамъ, даю наибольшей просторъ своей воліи мудрствовать, учредить и разрушать все, что угодно.

Не думая отмежевывать, себѣ въ защиту, ни святости благоговѣнія свыше, ни, въ свою очередь, священной непререкаемости гражданскаго договора, подъ охраной которой мы, однако, всѣ живемъ; не впадая въ изученіе прекрасныхъ вещей, которыми вы, разумѣется, не упустите возразить мнѣ въ доказательство необходимости развода, запрещаемого у себя Англичанами, именно когда вы призываете его къ намъ; не обращая вниманія, будь это даже полезно, на фактъ, что тайныя соглашенія гражд-

данъ къ отмѣнѣ закона, еще изъ кодекса не вычеркнутого, оказались бы тѣмъ пагубнѣе,—я потребую отчета лишь, во имя какой идеи,—при самыхъ для васъ благоприятныхъ гипотезахъ и съ точки зрѣнія любой системы, — домогаетесь вы отнять у меня жену?

Укажете ли вы, отъ ея имени, на необъяснимую антипатію, которая взаимно отталкиваетъ существа, соединенныя злымъ рокомъ?

Но, госпожа Мирабо вовсе не таитъ, что вышла за меня по любви!

Пусть молодая особа, не вѣдая свѣта и его опасностей, ни любви и ея терзаній, ни соблазна и его сѣтей, будетъ лишена другаго руководителя, кромѣ собственной неопытности, лучшей опоры, чѣмъ ея же безсиліе, иныхъ совѣтовъ, кромѣ родительскихъ, такъ часто избѣгаемыхъ; пусть испытаетъ она переполненіе сердца желаніями и, въ безпокойствѣ, пойдетъ искать ихъ причины; ея туманному взору пусть обманчивое воображеніе нарисуетъ Гименя, сопровождаемаго любовью и увѣнчаннаго цвѣтами, съ сіяніемъ на челѣ, нѣжностью въ очахъ и улыбкою на устахъ, съ блаженствомъ въ одной рукѣ и свободою въ другой; возьмемъ примѣръ, когда, увлекшись мечтами, юное твореніе рискнетъ, во что бы ни стало, покинуть дѣвичество и отдастся первому ловкому обольстителю, — все дальнѣйшее намъ станетъ понятно, безъ труда.

Но, располагая всякими условіями выбора, мадамъ Мирабо изъ многихъ соперниковъ могла назвать мужемъ, кого хотѣла; раньше знакомства со мною, у нея даже былъ избранникъ; именно ради меня, она перемѣнила свое рѣшеніе, и я горжусь этимъ.

Прежде, чѣмъ принять мою фамилію, встрѣчались мы нерѣдко, цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ къ ряду.

Отнюдь, слѣдовательно, не предразсудкамъ, приличіямъ или строю нашей жизни, принесена была она въ жертву: ея воля, ея сердцу, ея мольбамъ уступили родные.

Ну, а если отецъ и мать были черезъ чуръ снисходительны? Если мадемуазель Мариньянъ слишкомъ скоро подчинилась голосу любви? Если союзъ, обѣщавшій столько очарованья, для нея обратился въ печальное и жестокое рабство?..

А! Помилосердствуйте! Не изнуруйте себя гипотезами. Приведите намъ факты. Вѣдь, я уже сказалъ: госпожѣ Мирабо передаю свою защиту. Въ ея перепискѣ глядите, что она думаетъ о нашемъ бракѣ. Вѣдь, безъ сомнѣнія, не отведете вы ее отъ свидѣтельства по ея же дѣлу...

Гдѣ скорбь трогательнѣе? Гдѣ воззванія нѣжнѣе? Гдѣ данныя, болѣе почтенныя! Какая любовь! Откуда мнѣ взять уваженія, лучше доказаннаго?! Кто не былъ взволнованъ душою, при чтеніи писемъ моей жены!...

Это Фаннія, та Фаннія, которая прославилась супружескою вѣрностью и которая говорила своему мужу: „*Твоя судьба да будетъ моею; а какъ у меня нѣтъ радости, кромѣ тебя, не можетъ быть и другой печали, какъ не жить и не умереть съ тобою.*“

Кто же не содрогнулся бы, видя разрушеніе брачныхъ узъ, столь рѣдкихъ въ извѣстномъ классѣ гражданъ?! Даже, среди людей, вѣрующихъ, что госпожа Мирабо выиграетъ процессъ, кто не пожалѣлъ бы, что она принуждена собственными руками опрокинуть жертвенникъ Гименея, ея самою такъ долго украшаемый? Цѣлыхъ два года, два единственныхъ года счастья, которые судьба-мачиха удѣлила мнѣ, нашъ союзъ радовалъ насъ обоихъ, не смотря на затрудненія, уже посѣянные на моей дорогѣ плачевными неудачами и моими собственными ошибками. Намъ встрѣчались препятствія, были долги; но жена лучше, чѣмъ кто другой, знала, что, если мы могли бы имѣть кредиторовъ поменьше, то вовсе избѣжать ихъ я былъ, рѣшительно, не въ состояніи.

У насъ были долги. Но, какъ бы ни ограничивала своихъ личныхъ расходовъ госпожа Мирабо, не оскорбить, а развѣ тронуть ее могъ фактъ, что значительная доля кредита не имѣла другаго источника, кромѣ живѣйшаго, непрерывно возрождающагося желанія моего, въ свою очередь, украшать идолъ моего сердца.

Да, у меня были кредиторы и мучили меня; но если не домашній покой, то супружеская нѣжность отъ этого нисколько не страдала. Доказательства на лице: они напечатаны, и едва ли рискнуть опровергать ихъ.

Значить, время нашей совмѣстной жизни, мои противники вынуждены предоставить мнѣ. Побѣда, которою обязанъ я письмамъ жены, оцѣнена ли, однако, въ надлежащей мѣрѣ? Очевидно, нѣтъ, ибо ея изслѣдованіе, вновь, допускаютъ здѣсь.

Усвоимъ же предъ трибуналомъ языкъ, единственно достойный вниманія судей, и, по указаніямъ закона, начертаемъ истинныя начала, которыми опредѣляется исходъ дѣла.

Будучи неразрѣшимыми въ силу закона и по характеру вещей, узы брака дѣлаютъ общими благоденствіе и невзгоды между тѣми, кого соединяютъ,—*consortium omnis vitae*.

Таковъ бракъ и таковъ принципъ, въ силу котораго понятіе о разводѣ исключается нашею религіею, законодательствомъ и обычаемъ. Разлученіе супруговъ не есть разводъ и не имѣетъ его

значенія ни на время самой разлуки, ни среди ея результатовъ; говоря точнѣе, это лишь отдѣльное жительство мужа и жены.

Именно такъ называютъ его юристы. Всегда разсматривая это событіе, какъ явленіе, преходящее, мгновенное, они единодушно согласны, что, и при немъ, брачныя отношенія сохраняютъ, *de jure*, свою идею.

Въ лагерѣ ученыхъ, нѣтъ противорѣчія и о существѣ элементовъ, которые даютъ право на искъ о разлученіи. Надлежитъ, говорятъ они, чтобы совмѣстная жизнь представляла такія опасности, во имя коихъ, а равно по несправедливости и тиранніи главы брачнаго сообщества, дальнѣйшее пребываніе супруговъ подъ одною кровлею стало бы отвратительнымъ и невозможнымъ.

Безчисленныя случайности, изъ которыхъ нашъ жалкій кругозоръ и безумное самомнѣніе сочетаютъ господство слѣпой судьбы, могутъ настигнуть человѣка; его средства, здоровье, разумъ, самое положеніе въ обществѣ могутъ исчезнуть, какъ дымъ, но подруга жизни ему остается, неизмѣнно.

Разъ допущенные къ блаженству, опредѣляемому союзомъ двухъ половъ, супруги одинаково подчиняются условіямъ, которыми обязались взаимно, какъ и тѣмъ, которыя предписываетъ имъ государство. Названныя условія таковы, что радости и печали, неожиданныя бѣды или преимущества каждаго, однимъ словомъ, ихъ судьба становятся неразрывными.

Эти требованія закона позаимствованы у природы, ибо пожизненность союзовъ—ось вращенія человѣчества.

Посему, не иначе, какъ бросивъ перчатку идеямъ, взятымъ изъ естественнаго права, женщина могла бы домогаться разлуки.

Отнюдь не внимаютъ ея минутнымъ удобствамъ, пренебрегаютъ капризами; не вѣрятъ душѣ слабой и неустойчивой, изо дня въ день готовой мѣнять обстановку и впечатлѣнія, сегодня, въ нѣгѣ и чарахъ любви, завтра, въ истомѣ равнодушія или въ перебранкѣ разрыва; остерегаются допустить разводъ, предвидя, что, немного часовъ позже, многія жены сами оказались бы въ затрудненіи рѣшить, какъ было бы для нихъ лучше? Общество извратилось бы въ корнѣ, ежедневно теряло бы равновѣсіе или скоро изсякло бы, не предусмотрѣлъ законодатель такой подвижности людей и когда бы женщина имѣла возможность требовать отдѣльнаго вида на жительство, при отсутствіи основаній бояться за себя, т. е. за свою жизнь, которой не успѣла передать. Необходимо, чтобы она представлялась взывающею къ сохраненію собственнаго бытія, вынужденною его защитницею.

Это первоначальная собственность, исходное право каждой

особи, единственная сфера, въ которой, по брачному договору, женщина не признавала общенія.

Такимъ образомъ, не существуетъ иного легальнаго мотива къ разлученію супруговъ, кромѣ очевидныхъ данныхъ, что жизнь вмѣстѣ отрицала бы главный законъ природы — сохраненіе всего живаго.

Да и какая женщина не одобритъ предписаній законодателя? Гдѣ та, которая не согласится, что величайшій ея интересъ—принадлежать весь вѣкъ тому, кто побѣдилъ ее впервые? Въ любви, которую отдаютъ намъ жены, есть жертва, нашу гордость и нѣгою воздвигаемая превыше всего. Быстрота теченія ихъ молодости и хрупкость обаянія ихъ красоты уже сами по себѣ должны бы призывать ихъ къ постоянству; чѣмъ дольше живутъ онѣ съ кѣмъ нибудь, тѣмъ для нихъ выгоднѣе продолжать. Въ всякаго сомнѣнія, что гораздо чаще стануть онѣ бѣдствовать отъ легкомыслія, чѣмъ отъ непоколебимой вѣрности; и если даже, какъ полагаютъ онѣ и что хотятъ утверждать люди чувствительные, потребность любви,—можетъ быть, самый чудный изо всѣхъ даровъ природы,—уносить женщинъ дальше насъ; если, во имя этого титула, она имъ должна принадлежать по праву, — то, конечно, приурочена имъ лишь подъ условіемъ обращенія на благо обоихъ половъ.

Въ изложенномъ, я начерталъ принципы, ихъ суть и строгость.

Потребуяютъ ли примѣненія ихъ къ настоящему дѣлу? Осмѣлятся ли говорить, что совмѣстная жизнь, которой я хочу и которую, будучи въ отсутствіи и изнывая отъ разлуки со мною, госпожа Мирабо столько разъ всѣмъ сердцемъ призывала, — дерзнуть ли настаивать, что такая жизнь противорѣчила бы элементарнымъ правамъ жены и грозитъ ея существованію?

О, мнѣ ли не знать, куда простирается наглость клеветы! Ясно вѣдаю, что у нея дерзости хватитъ и омерзеніе воротить мнѣ душу при одной мысли о ея распутствѣ...

Но, развѣ мы не во храмѣ правосудія? Посмѣютъ ли изобрѣтать для меня преступленія и здѣсь? Рѣшатся ли проповѣдывать, что мадамъ Мирабо въ правѣ ожидать отъ меня всего? Мыслима ли гипотеза о такомъ страшномъ порядкѣ вещей, безъ прямаго обвиненія и четкихъ доказательствъ, что моя жена, вблизи меня, не находилась въ безопасности?

На чемъ основываясь, будутъ судить о нашемъ житьѣ-бытьѣ? Укажутъ ли на смутный ропотъ толпы негодяевъ, инициаторомъ или авторомъ котораго не признаетъ себя, однако, никто? Перейдутъ ли къ пустопорожнимъ нареканіямъ и безсвязнымъ инси-

нуаціямъ? Тогда какъ вотъ они дорогія свидѣтельства нѣжности, довѣрія, уваженія и признательности самой истицы!...

Изъ твоему суду прибѣгаю; въ отношеніи ко мнѣ, онъ былъ всегда безпристрастенъ... Безъ тебя, вселенная—пустыня для твоего Эмилія... Господу Самому угодно возсоединить насъ, ибо мы не созданы для разлуки...

И, вдругъ, стали бы заявлять, что намъ быть вмѣстѣ опасно? Что эта жизнь не можетъ продолжаться? Что она не мыслима? Между тѣмъ какъ, чтобы она стала возможною, довольно отсутствія вѣроятности, будто, рядомъ со мною, жена подвергалась риску, которымъ, дескать, унизительно обременять ее вновь; и тогда было бы сказано все,—потому, что если брачная жизнь супруговъ не невозможна, то она необходима.

Рискъ, Боже мой! Рискъ! Какое оскорбленіе я наношу госпожѣ Мирабо! Гдѣ обида нестерпимѣе для самого меня! И какое чудовище не было бы обезоружено ея кротостью? У ногъ слабаго пола, переживалъ ли когда нибудь храбрый человѣкъ иное чувство, кромѣ стремленія оберегать его и раздѣлить съ нимъ собственное благополучіе?

Ахъ! Бросимъ, на долю злыхъ, кровожадное удовольствіе розыскивать, повсюду откапывать виновныхъ! Имъ, всецѣло, предоставимъ гнусныя тонкости элословія; дадимъ волю отравлять самые искренніе порывы моего сердца, даже то чувство, во имя котораго я горжусь, что сталъ избранникомъ своей жены... Себя мы заключимъ въ предѣлахъ ея показаній; она апеллировала къ моему сознанію правды, я избираю третейскимъ судьей ея совѣсть; и этотъ неліцепріятный трибуналъ уже сказался; ея письма—приговоръ, который вы, милостивые государи, лишь призваны утвердить. А какъ вамъ, дѣятелямъ закона, довлѣетъ только правомѣрность соображеній, то я, съ увѣренностью, говорю: разъ мадамъ Мирабо не удостовѣрила грубыхъ или жестокихъ поступковъ съ моей стороны, этого достаточно, чтобы права мужа остались за мною. Но, вѣдь, ея переписка исключаетъ самую возможность такихъ поступковъ. Отнынѣ, дабы ихъ предположить, необходимо столько же безразсудства, сколько и явной недобросовѣстности.

О сожитіи, господа, идетъ рѣчь и ни о чемъ болѣе;—не станемъ этого терять изъ виду. Процессъ можно изучать лишь на *этой* почвѣ; все, что ей чуждо, лежитъ за предѣлами иска.

Нельзя удовольствоваться заявленіемъ отъ имени моей супруги, что съ мужемъ она жить, дескать, не хочетъ.

Впрочемъ, я постараюсь, далѣе, опровергнуть и подобное увѣреніе. Теперь, ограничимся замѣчаніемъ, что и такая, хотя бы

несомнѣнная воля ея, безусловно, ничтожна. Если бы я самъ, разрывая сердце и расчлняя свое бытіе, захотѣлъ присоединиться къ ней, обоюдныя наши мольбы, все таки, не имѣли бы никакого значенія предъ вами.

Сочетаніе воль, годное для объединенія людей, безразлично, въ данномъ случаѣ, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы удалить ихъ другъ отъ друга.

Не будь въ процессѣ задѣта моя честь, я, по всему вѣроятію, не сталъ бы оспаривать мнимыхъ домогательствъ жены, но санкции судебной мы опять не достигли бы; трибуналъ, все равно, уничтожилъ бы такой противообщественный заговоръ.

Если нѣтъ, слѣдовательно, другаго пути къ разлукѣ супруговъ, какъ нетерпимость ихъ жизни вмѣстѣ, то, для удовлетворенія требованій госпожи Мирабо, надо признать безотлагательную необходимость удалить ее отъ мужа; иными словами, неизбѣжно установить, надлежитъ допустить не только фактъ, очевидно немислимый, не только гипотезу, явно неправдоподобную, но психологическую невозможность, открытую несообразность!

II.

Между тѣмъ, мы состоимъ въ тяжбѣ и, по всѣмъ направленіямъ, говорятъ, что мое положеніе отвратительно, что я понесу должное возмездіе за продерзость свою!...

Поищемъ же основаній или хотя бы поводовъ къ такой увѣренности; а какъ объективное изслѣдованіе не открыло ни малѣйшаго предлога къ разлукѣ, разсмотримъ тѣ, которые указаны въ жалобѣ мадамъ Мирабо.

Первый мотивъ, приводимый отъ ея имени—опека за расточительность, которой я былъ подвергнутъ Парижскимъ Шателе... Не глядите другъ на друга съ такимъ удивленіемъ, господа; въ настоящемъ дѣлѣ, вы, постоянно, будете переходить отъ неожиданности къ сюрпризу.

Я, дѣйствительно, былъ ограниченъ въ распоряженіи имуществомъ,—разумѣется, насколько это представлялось возможнымъ предписать,—именно въ періодъ, когда госпожа Мирабо, близъ меня, кормила грудью нашего первенца; когда затѣмъ она стала матерью во второй разъ и мы жили въ Маноскѣ, гражданъ которой я съ радостью зову въ свидѣтели нашей взаимной привязанности. Я состоялъ подъ опекой и когда жена писала мнѣ изъ Парижа столь трогательно, такъ нѣжно...

Я былъ подъ запрещеніемъ: слѣдовательно, — долженъ быть разлученъ съ женою, теперь.

Такова логика страстей!.. Но вы мнѣ позвольте, господа, отвѣчать на такой важный упрекъ не иначе, какъ путемъ ниспроверженія самаго факта, на которомъ онъ построенъ.

Предсѣдатель суда, гдѣ я имѣю честь говорить, засвидѣтельствовалъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, довѣренности на снятіе запрещенія, данныя моему отцу всѣми родными, и мы, съ минуты на минуту, ожидаемъ приказа изъ Шателе, — учрежденія, безспорно, не имѣвшаго права налагать таковое, но, конечно, не лишеннаго возможности отмѣнить свое же опредѣленіе.

Какъ второе основаніе иска, называютъ уголовныя слѣдствія, куда я былъ замѣшанъ и откуда будто не освободился до сихъ поръ.

Я перенесъ, въ своей жизни, два производства. Темой перваго служило заявленіе, — въ силу блеска, ему приданнаго чело-вѣкомъ, отъ котораго было наименѣе возможно опасаться чего либо подобнаго, — пріобрѣвшее очень серьезный характеръ, но и вмѣстѣ такое, что, если бы я былъ вынужденъ когда либо оправдываться, я не нашель бы почетнѣйшей для себя апологіи, чѣмъ письма самого же маркиза де Мариньяна. Будучи столь извѣстнымъ въ Провансѣ, что всякія преувеличенія не помогли, однако, извратить его смыслъ, это дѣло нынѣ разрѣшено судомъ безповоротно. Стало быть, — покончено. И если я не считалъ нужнымъ выражать своего мнѣнія, какъ подобало, то вы, милостивые государи, не откажете, по крайней мѣрѣ, согласиться, что всю грубость отвергнутой жалобы тестя обращать на меня вновь было бы жестоко.

Не найдете ли, въ свою очередь, страннымъ, что, вопреки безспорной солидарности нравственныхъ интересовъ мужа и жены, ея именемъ возбуждаютъ противъ меня обвиненія, давно усопшія, и при условіи, что желаніе обезсмертить такое поведеніе не оправдывается даже выгодой моихъ враговъ? Ибо, если бы я, въ дѣйствительности, попалъ въ острогъ, госпожа Мирабо, все таки, оставалась бы моею женою, неразрывно. Сама гражданская смерть моя не нанесла бы ни малѣйшаго ущерба нашему союзу...

Великодушная, слишкомъ нѣжная, чтобы не любить меня тѣмъ болѣе, чѣмъ я несчастнѣе, госпожа Мирабо пріобщала къ супружеской любви извѣстную симпатію состраданія, — одно изъ самыхъ яркихъ движеній благородной души и возвышеннаго сердца, — и почитала себя тѣмъ строже обязанною нести свой долгъ въ отношеніи ко мнѣ, чѣмъ я былъ суровѣе оскорбляемъ

и безпощаднѣ преслѣдуемъ, чѣмъ злоба людская глубже стремилась обездолить меня!

Возможно ли не удивляться изучаемому тезису жалобы, когда припомнимъ, что отецъ жены, его семья, всѣ родные моего обвинителя, цѣлая окрестность, наконецъ, признали тогда же и еще откровеннѣе, что, если, въ распрѣ съ тестемъ, неблагоразуміе было на моей сторонѣ, то умышленная неправда мѣропріятій составляла, всецѣло, его привиллегію.

Но что я говорю объ ухищреніяхъ? Тогда ограничивались посягательствомъ на меня лично; вѣдь, никто, думаю, не осмѣлится утверждать, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, затрогивалъ мое семейное счастье!

Теперь, кидаются въ другую сторону и, по довѣренности мадамъ Мирабо, раскапываютъ грязь иного дѣла; вновь, поднимаютъ процессъ, не менѣе для меня важный, чѣмъ самая жизнь моя...

Вы легко признаете, господа, что именно таково второе преслѣдованіе, мною испытанное сегодня, безъ всякой связи упоминаемое въ просьбѣ моей жены и, уже въ теченіи года, разглашаемое повсюду...

Оно было открыто въ Понтарлье, по жалобѣ нѣкоего мужа на обольщеніе и похищеніе его молодой супруги, и, сначала, привело къ заочному осужденію меня на смерть.

Но прежде, чѣмъ вмѣшаютъ госпожу Мирабо въ этотъ оригинальный споръ, поторопимся замѣтить, что едва ли съ чѣмъ нибудь сообразно предъявлять, отъ ея имени, такое обвиненіе противъ ея же супруга, отъ котораго самъ мнимый потерпѣвшій былъ вынужденъ отказаться.

Что я, впрочемъ, толкую! Онъ никогда не подымалъ обвиненія въ прелюбодѣніи; а между тѣмъ, дерзаютъ увѣрять нынѣ, что слѣдствіе по его дѣлу логически перерождается въ кровную обиду моей женѣ и во всенародное отрицаніе мною супружескихъ обязанностей! Иными словами, разсуждаютъ, какъ если бы моя преступная связь была доказана безспорно и признана окончательно, т. е. если бы приговоръ, меня изобличающій, не былъ, по выслушаніи меня, отмѣненъ тѣми же судьями, которые постановили его. Да и что можно вообразить болѣе несправеднаго, какъ нареканіе въ прелюбодѣніи, котораго самъ мужъ не думалъ поддерживать.

Онъ жаловался только, что я способствовалъ побѣгу его жены. Воспламененный извѣтами ея недруговъ, онъ, въ ниспроверженіе обыденныхъ понятій и терминовъ закона, назвалъ похи-

щеніемъ и обольщеніемъ проступокъ, заключавшійся въ помощи, которую я будто бы оказалъ бѣгству его супруги,—дѣяніе, на пути къ удостовѣренію котораго онъ совершенно изнемогъ. Послѣ многолѣтнихъ, бесплодныхъ розысковъ и полугода всевозможныхъ изворотовъ и низостей, онъ самъ отрекся отъ своей жалобы.

Фактъ, мною опубликованный немедленно.

А сейчасъ хотятъ воскресить его челобитную! И никого иного, а мою подругу, жену мою, половину меня самого пытаются заклеить приѣмомъ, столь же безчестнымъ по замыслу, какъ и нелѣпымъ въ существѣ.

Онъ таковъ, безъ сомнѣнія, ибо что именно желали бы обсудить еще разъ? Увозъ и обольщеніе? Прелюбодѣяніе безъ увоза?

Если первое, то я позволю себѣ спросить у госпожи Мирабо, у ея защитниковъ,—съ какихъ поръ они сдѣлались стражами общественнаго порядка? На какомъ основаніи, прошу дать отвѣтъ, считаютъ они себя вправѣ не довольствоваться отказомъ прокурора обвинять меня? Чѣмъ руководствуясь, имѣютъ они въ виду опровергать судей, которые, по даннымъ слѣдствія, признали, что мое поведеніе, съ точки зрѣнія закона, безупречно?

Если второе, если, по какой то новой юриспруденціи, вы намѣрены возродить обвиненіе въ прелюбодѣяніи, которое, уже во имя доброй нравственности, было бы, разумѣется, отвергнуто судомъ, какъ только могло бы подлежать его вѣдѣнію,—то, по вашему, стало быть, жена завоевала себѣ, отнынѣ, власть преслѣдовать мужа за прелюбодѣяніе? Даже если онъ, въ пылу желаній и молодости, находился вдали отъ нея и при условіи, что она сама отказалась пріѣхать!?

Возвышенная мораль, изумительная благопристойность, глубокій разумъ,—въ этой системѣ защиты, все налицо! . . .

Увѣряютъ, что я клеветалъ на свою жену, и это послѣдній мотивъ.

Для всякаго, кто знаетъ душу человѣка, первое возраженіе состоитъ въ томъ, что актъ о бракосочетаніи служитъ лучшимъ доказательствомъ невозможности подобнаго упрека.

Говоря вообще, наше достоинство, а, въ особенности, честь пола, ради котораго скромность изобрѣтена, какъ необходимый спутникъ красоты, бывають прочнѣе ограждены молчаніемъ, нежели похвалами.

Посему я ограничусь напоминаніемъ, что, въ письмахъ къ ея

отцу и къ ней самой, я отклонилъ всякую отвѣтственность за мемуары, на которые она могла бы плакаться; открыто заявилъ, что они меня недостойны и оскорбительны для меня самого.

Мое напечатанное письмо осталось неопровергнутымъ; отсюда я въ правѣ заключить, что семья жены признала себя удовлетворенною.

Въ отношеніи же писемъ къ должностнымъ лицамъ, на которыя обвинители также ссылаются, прибавлю, что, въ этой сферѣ, я никакого отчета давать не обязанъ, какъ потому, что переписка, отправляемая по почтѣ, находится подъ охраною общаго довѣрія къ учрежденію и должна быть предметомъ тайны для всѣхъ, кромѣ адресата, такъ и въ виду соображеній, что жалобы, приносимыя министрамъ короля, не могутъ быть почитаемы клеветою.

Обиды женѣ? И нанесены мною! Хотя, въ самозабвеніи плачевной строгости и безумной ревности, мое отчаяніе обусловливалось именно тѣмъ, что я терялъ надежду дать ей счастье когда нибудь! Оскорбленія! Да развѣ первую жертвою своей мести не сталъ бы я самъ? Какое зло могъ бы я причинить женѣ, самъ его не чувствуя?

А! Если люди съ чистымъ сердцемъ и свѣтлою головою добры потому, что умны, то они и милосердны, даже когда мстятъ; ихъ удѣломъ можетъ быть лишь такое, кроткое воздаяніе.

Если, съ другой стороны, человѣкъ не впалъ въ бѣшенство и не боленъ душевно, станетъ ли онъ позорить мать своего ребенка? Между двумя полами, отъ которыхъ получили жизнь, дѣти образуютъ узелъ, дѣйствительно, неразрѣшимый. Здѣсь именно, непобѣдимое возраженіе противъ развода; а мой сынъ былъ въ живыхъ, когда, говорятъ, я позорилъ его мать; его мать, которой я бы не искалъ, перестань я уважать ее; его мать, которую не ревновалъ бы, если бы могъ не любить!...

Но, остановимся, господа.

Такимъ образомъ, жалоба мадамъ Мирабо исчерпана. Вотъ все, что безконечный рядъ совѣщаній съ разными знаменитостями адвокатуры въ Э выработалъ на пользу тѣхъ, кто стремится похитить у меня жену!

Я прошелъ уже длинный путь; но, повидимому, я ничего не сказалъ еще объ инцидентѣ, который, въ свою очередь, подлежитъ вашему усмотрѣнію.

Отнесите, господа, эту ошибку за счетъ лицъ, въ чьемъ интересѣ было вызвать ее и кто, вовлекая меня въ безконечныя уклоненія, старается достигнуть побочныхъ цѣлей, настоящему дѣлу абсолютно чуждыхъ. Они, вѣдь, не могутъ не понимать, что, по

закону; ничего большаго не добьются и что ничтожество основаній иска необходимо скрадывать до послѣдней крайности.

Замкнувшись въ утомительныхъ общихъ разсужденіяхъ и безтолковыхъ посылкахъ, они ведутъ себя такъ, какъ если бы ихъ предварительное требованіе и не могло быть опровергаемо. Да, я съ ними согласенъ, господа! Это требованіе не подлежитъ оспариванію въ подробностяхъ, какъ очевидно несостоятельное по идеѣ.

Думаю, что, по направленію къ главному тезису, а еще больше по характеру обстановки процесса, въ равной мѣрѣ, не годится оставлять госпожу Мирабо у ея отца.

Хочу развить свою мысль въ немногихъ словахъ, потому что она уже, достаточно, освѣщена письмами г. Мариньяна, изученіемъ основной темы, перепискою и прошеніями госпожи Мирабо а, въ особенности, рѣзкимъ противорѣчіемъ между этими ея дѣйствіями и тѣми ходами, которые предпринимаются ея именемъ, въ настоящее время.

III.

Вводные расчеты и просьба о разлученіи должны быть нормируемы по однимъ и тѣмъ же началамъ, такъ какъ зависятъ отъ одного факта. Оба исковыя требованія, исключительно, построены на гипотезѣ о томъ, чего желала бы моя супруга. Но, какими бы вѣроятностями ни старались подкрѣпить эту гипотезу, она не перестанетъ быть лишь таковой.

Возможно ли, я васъ спрашиваю, господа, разсматривать и мои данныя, какъ нѣчто, сходное? Элементы, которыми я подрываю мнимую волю мадамъ Мирабо, коренятся, отнюдь, не въ предположеніяхъ, а въ безупречныхъ, достовѣрныхъ, рѣшающихъ свидѣтельствахъ ея нѣжности ко мнѣ.

Ея письма и молибы жить вмѣстѣ, вотъ мой исходный титулъ!

Среди подобной борьбы, я, значить, владѣю несоизмѣримымъ преимуществомъ, когда противъ вѣроятности выдвигаю фактъ. Говорю—вѣроятность, предположеніе, ибо средства повѣренныхъ госпожи Мирабо исчерпываются колебаніями и надеждами. Упомянувъ объ оскорбленіяхъ, они, пока, лишь обѣщаютъ доказать ихъ. Предполагаютъ, что обиды, которыхъ не смѣютъ перечислить и содержаніе коихъ я не убоюсь затронуть самъ, что неприятности, изъ которыхъ никакая не могла быть нанесена госпожѣ Мирабо лично, ибо, со времени упомянутой переписки, мы не видались ни разу,—что именно онѣ породили ея будто бы

твердое намѣреніе разойтись со мною, —цѣль, идущую столь открыто въ разрѣзъ съ ея любовью ко мнѣ.

А я совсѣмъ не прибѣгаю къ гипотезамъ. Я говорю: мадамъ Мирабо любила меня страстно и неизбежное тому доказательство ея письма.

Она была счастлива со мною и, въ перепискѣ, сама признаетъ это.

Мучаясь въ разлукѣ и взывая къ супружеской нѣжности, она отдохнетъ сердцемъ, когда вернется къ мужу; глядите, вотъ ея письма, именно это утверждаетъ она.

Соедините же насъ или, по меньшей мѣрѣ, дайте намъ возможность сблизиться.

Въ такомъ порядкѣ вещей, станете ли вы колебаться, милостивые государи? Откажете ли мнѣ въ свиданіи съ женою? Отвергнете ли право, о которомъ я имѣю честь ходатайствовать предъ вами?

Оно принадлежитъ мнѣ, потому что у судьи нѣтъ основаній къ отказу. Оно мнѣ довлѣетъ, ибо суду нельзя одобрить затрудненій, создаваемыхъ на моемъ пути къ праву. Оно мое, уже въ силу аксіомы, что, разъ мое званіе мужа не оспаривается, это имя не должно быть пустымъ звукомъ.

Законъ предписываетъ, а судебная практика удостоверяетъ, что разлученіе отъ стола и ложа, даже юридически состоявшееся, не отнимаетъ у мужа ни власти, ни правъ. По разуму нашего законодательства, безспорно, что жена, хотя бы разлученная, всегда остается въ подчиненіи супругу и что особое жительство каждаго не поражаетъ ни правъ мужа, ни обязанностей жены.

Какъ? Въ условіяхъ разлуки, освященной судомъ, я еще буду уполномоченъ обязывать свою жену ко всему, что благопристойно и добропорядочно! Никто не запретитъ мнѣ наблюдать и управлять ея поведеніемъ! И, вдругъ, станутъ говорить, увѣрять, настаивать, что есть нѣкто другой, сегодня имѣющий власть запретить мнѣ видаться съ женою! Что? У меня сохранится непрекаемое право сказать ей: не принимайте такого-то и того-то, не бывайте въ такомъ-то обществѣ, и я ни предъ кѣмъ не буду обязанъ отчетомъ... А, съ другой стороны, мнѣ не позволять видѣть ее, писать, бесѣдовать съ нею?...

Между тѣмъ, именно таковъ былъ бы неизбѣжный результатъ ея предварительнаго требованія.

Уже давно, закрываютъ предо мною дверь каждый разъ, когда я приду къ женѣ, — обстоятельство, по дѣлу установленное, ибо

я сперва плакался на него во всѣхъ письмахъ, а позже, въ двухъ своихъ жалобахъ суду; оно не отрицается и въ прошеніяхъ госпожи Мирабо. Наконецъ, оно прямо ею признается, потому что мое желаніе навѣстить ее и быть выслушаннымъ разсматривается, въ ея жалобѣ, какъ одна изъ обидъ.

Мыслимо ли создать, хотя, какъ говорятъ, временное, но болѣе опредѣленное и безповоротное, выше посягающее на мои права состояніе чѣмъ удовлетворивъ искъ моей жены, въ полномъ его объемѣ? Желательно ли намѣтить такой прелиминарный ходъ событий, въ теченіи котораго я оказался бы лишеннымъ всякихъ средствъ погасить этотъ злополучный процессъ? Хотятъ ли, чтобы я не могъ помѣшать ему выразиться въ мрачныхъ послѣдствіяхъ для обоихъ супруговъ, для нравственности и самого общества, — обусловить разрывъ между нами на вѣки?

О, я понимаю! Мнѣ не замедлятъ возразить: „Г. де Мариньянъ, по утрамъ, у себя и можетъ принимать, кого угодно, а я, дескать, не въ правѣ ни рекомендовать ему гостей, ни самъ навязываться на знакомство.“

Возраженіе—безцѣльное, ибо я никогда этого не оспаривалъ. Но, милостивые государи, именно потому, что мой тестъ въ своемъ домѣ хозяинъ и что двухъ господъ быть не должно, его дочери, состоявшей нѣкогда подъ его властью, а нынѣ—въ зависимости у мужа, не подобаетъ жить тамъ, гдѣ не только воля ея супруга ничтожна, по куда ему входъ запрещенъ.

Не вѣдаю, сколько еще разъ буду вынужденъ я доказывать, то, что совершенно очевидно; но я хорошо знаю, что мнѣ стыдно расплываться въ такихъ пошлостяхъ.

И какъ бесполезны, какъ снотворны, онѣ должны казаться вамъ, если не теряете изъ виду кореннаго положенія дѣла и если вы, господа судьи, твердо себѣ усвоили, что мнимое намѣреніе госпожи Мирабо разойтись со мною выводится только изъ одного „можетъ быть!“ Тогда какъ ея любовь ко мнѣ и жажда меня видѣть близъ себя, радости нашей совмѣстной жизни и взаимное стремленіе другъ къ другу обоснованы на устояхъ, незыблемыхъ, въ сферѣ доказательствъ, неуязвимыхъ! И что рациональныя соображенія группируются у моей мысли, съ равною энергіею внушаемой условіями правдоподобія и голосомъ сердца! Я хочу убѣдить, что ея нынѣшнее противорѣчивое поведеніе и отрицательныя мѣропріятія зависятъ отъ обстановки, которая подстрекаетъ и гнететъ ее.

Да и кто изъ приверженцевъ, кто изъ дѣйствительныхъ друзей моей жены не обязанъ раздѣлить моего взгляда?

Кому дадутъ предпочтеніе? Госпожѣ ли Мирабо, нѣжно любящей и преданной супругѣ, доброй матери, краснорѣчивой художницѣ мягкихъ, возвышенныхъ и благороднѣйшихъ порывовъ челоѣческой души, или женщинѣ, которая ногами топчетъ лучшія движенія сердца и трогательнѣйшія мольбы, а самыя умиленные воспоминанія, самый искренній привѣтъ клеймить несправедливымъ отказомъ презрѣнья? Кто.....

Нѣтъ, я не стану развивать этой параллели: моя любовь отняла бы у нея должную силу, а чувство правды меня удерживаетъ заранѣе, ибо я глубоко убѣжденъ, что аргументація, направляемая изъ лагеря моей жены, принадлежитъ не ей!

Тѣхъ, кто, домогаясь лишить ее семейнаго счастья, увѣряетъ, будто любить ее, прошу сдѣлать выборъ; при условіи, что вы не можете принести ей ничего, равноцѣннаго, подумайте и скажите, за кѣмъ большее уваженіе къ ея имени: за мною ли, когда единственное мое желаніе неизмѣнно видѣть ее во всей красотѣ ея духа, въ ореолѣ нравственной чистоты и обаянія, или за вами когда, — не въ силахъ будучи отвергать, до какой степени она привлекала сердца чарами другихъ, прекрасныхъ сторонъ своего характера, иными взглядами и стремленіями, — вы, однако, хотите навязать ей мысли, расчеты и побужденія, діаметрально противныя?

Но, оставимъ, на минуту, всѣ мои преимущества, только что раскрытыя. Допустимъ, что вопросъ о чуждомъ влияніи столь гадателенъ, что всѣ правосудія еще не потеряли равновѣсія....

Я спрашиваю, — въ этомъ случаѣ (самомъ благопріятномъ для системы моихъ противниковъ, ибо, насколько разумію, возможности кляузъ не относятъ они къ разряду несообразностей; XVIII столѣтіе, частенько, обзывали вѣкомъ философіи, но, кажется, еще никому не приходило въ голову возводить его въ эпоху безсеребренниковъ), — согласно ли съ цѣлями истины оставлять мою жену, хотя бы на время процесса, подъ эгидою тѣхъ самыхъ наущеній, которыми обусловливаются мои жалобы, и въ домѣ, гдѣ посторонняя воля, если она существуетъ, можетъ занять всѣ пути, избѣгать малѣйшихъ препятствій и господствовать безраздѣльно? Гдѣ, окруженная людьми, заинтересованными въ нашихъ несогласіяхъ, госпожа Мирабо слушаетъ только враждебныя мнѣ рѣчи, которыя, неусыпно, обвиняютъ и клеветуютъ на меня? Гдѣ, ни словомъ, ни перомъ, ни личнымъ присутствіемъ, я не могу разсѣять тумана, омрачающаго ея взоры?

И это не все. Жестокіе результаты такихъ условій способны и должны возрастать. Когда въ сердце челоѣка проникла злоба,

въ немъ таится и живетъ, самолюбіе и привычка, другъ передъ другомъ наперерывъ, спѣшать развить ее, поддержать и усилить.

Стало быть, горе, тяготящее надо мною, не исчерпываетъ всего, что мнѣ грозитъ въ будущемъ. Я обязанъ устранить пока лишь комбинируемыя, вѣроятныя бѣды.

Располагаютъ средствами, очевидно хотятъ (въ доказательство, ссылаюсь на ея исковое прошеніе), толкая мою жену изъ одной ошибки въ другую, поставить ее въ необходимость отбросить прочь ножны меча, къ которымъ ея трепетная рука еще содрогается прикоснуться. Увеличивая сумму ложныхъ идей, намѣрены породить въ ея душѣ дѣйствительное отвращеніе къ тому, кто былъ ей всего дороже. Пробуютъ вселить въ нее страхъ, что человѣческое сердце безсильно прощать обиды извѣстнаго рода; а на такой дорогѣ она можетъ, наконецъ, испугаться незамѣлимыхъ воспоминаній о моемъ прошломъ.....

Предупредите, гг. судьи, подобный заговоръ. Они ничего не достигнутъ, пока не обезумятъ моей жены и не извратятъ моральной ея природы.

Мой духъ парить, я смѣю произнести это, на слишкомъ большой высотѣ сравнительно съ ихъ инстинктомъ.

Но если злословіе, если ихъ змѣиное шипѣніе, въ концѣ концовъ, обовѣетъ мою жену? Если она станетъ бояться и ненавидѣть меня?!...

А, господа, я предчувствую, что никогда не прощу тѣмъ, кто привлекъ бы на меня ея ненависть!

Трудно спорить и едва ли значить обольщать себя несбыточными надеждами, когда я выражаю увѣренность, что голосъ, открывшій мнѣ путь къ ея сердцу, что событія нашей брачной жизни, которыхъ она долго не забудетъ, если не отравятъ ихъ позорнѣйшимъ обманомъ, что встрѣча съ мужемъ, въ былыя времена столь нѣжно-любимымъ, пробудятъ въ ней чувства, никакому сомнѣнію не подлежащія, теперь лишь замершія; такія, возрожденіе которыхъ должно бы радовать всѣхъ честныхъ людей.

Да, госпожа Мирабо любила меня, страстно любила; а первый, предъ кѣмъ затрепетало женское сердце, во всю жизнь, не чужой для него! Такое сильное впечатлѣніе, какъ первая любовь, имѣетъ далекія послѣдствія, и если, въ потокѣ лѣтъ, ея красная нить сквозить не каждый день, то это не мѣшаетъ ей вліять до самой смерти...

Меня любили и любятъ еще, и тысяча мелкихъ подробностей подтверждаетъ мнѣ это.

Доходя ко мнѣ, вопреки всему, ея желанія и усилія, ея моль-

бы встрѣчаютъ глубокое созвучіе въ моей душѣ. Знаю препятствія, настоянія, иногда уважительныя соображенія, которыми ее опутываютъ; грусть и безпокойство, ее пожирающія. Вижу все, но сотни писемъ, подобныхъ адресованнымъ ею со дня моего возврата въ Провансъ, не могли бы разувѣрить меня, ибо они явно подготовлены, если не продиктованы. Она любитъ меня, а между тѣмъ пишетъ жестоко, оскорбительно; требуетъ развода!

Другъ мой Эмилія! Послушай человѣка, который любитъ тебя, въ свою очередь, и чьи интересы одинаковы съ твоими; того, кто одинъ, въ цѣломъ мірѣ, себя отождествляетъ съ тобою!

Разводъ?... А чѣмъ ты его достигнешь? Гнѣвными письмами, которыя получала отъ меня? Но, вѣдь, ты ихъ не покажешь. Да и какой ревнивый мужъ не писалъ чего либо подобнаго!

Жестокое обращеніе?...

Но, сколько бы твои доброжелатели ни подкупали свидѣтелей съ цѣлью изобличить меня, останется безспорнымъ фактъ, что съ 1774 года мы не видались вовсе, что, именно за этотъ періодъ, ты мнѣ писала самыя нѣжныя посланія и что, будучи весьма далека отъ мысли о немъ, боялась развода именно ты. Но, и при отсутствіи факта долгой разлуки, письма стусевали бы все, ибо здѣсь ты сама постановила приговоръ.

Чѣмъ же станешь аргументировать далѣе? Похищеніемъ чужой жены? Нѣтъ, ты не унизишься до обвиненія, которое покинули сами злѣйшіе враги мои. Да это и не годится, какъ оружіе противъ меня!

Слѣдовательно, надежда на разводъ ни съ чѣмъ не сообразна; подобнымъ абсурдомъ только смущаютъ тебя люди, для которыхъ выгодно разсорить насъ. Они этого не добьются никогда! Но вотъ чего они готовы достигнуть, по пути: необузданною защитою они подорвутъ твое честное имя, запятнаютъ мое и нашу совмѣстную жизнь, отнынѣ, сдѣлаютъ невозможною.

О ты, всегда, въ моихъ глазахъ, такая честная, скромная, въ такой мѣрѣ чувствительная ко взглядамъ общества!

Какъ?... Весь этотъ адскій трескъ и его вѣроятные результаты не вызываютъ у тебя нервной лихорадки!

Что? Викторъ, нашъ несчастный Викторъ,—будь онъ живъ, вѣдь, онъ потребовалъ бы у меня отвѣта, гдѣ его мать,—развѣ не кричитъ онъ въ твоей груди: это мой отецъ, зачѣмъ же ты его гонишь!...

Нѣтъ, ты не будешь вести дѣла, или я тебя плохо зналъ.

Г.г. судьи! Я могу заблуждаться, и подобныя ошибки ужасны! Но, я могу быть и правъ.

Вамъ предстоитъ разсудить въ границахъ этой альтернативы и вы, конечно, не предпишете, чтобы всѣ пути обращенія моей супруги къ идеямъ, болѣе мягкимъ, къ ея истиннымъ чувствамъ были мнѣ заказаны; не прикажете, чтобы размолвка, столь печальная, но, быть можетъ, имѣющая лишь характеръ недоразумѣнія, которое не трудно примирить, извратилась въ безпощадную и неумолимую междоусобицу.

Вѣдь, она сдѣлаетъ вѣчными врагами двѣ семьи, которыхъ думали объединить служители алтаря, призывая на насъ и нашихъ благословеніе небесъ и стягивая неразрѣшимыя узы, скрѣплять которыя—первое велѣніе Божіе!...

Но о чемъ я прошу?

Человѣколюбивые и кроткіе, по убѣжденію, судьи непреклонны и суровы по обязанности. Ихъ долгъ, уже самъ по себѣ, черствитъ ихъ сердце. Никогда не объявятъ они войны юридическому порядку подъ своеобразнымъ покровомъ этики.

Религіозные почитатели закона, какъ онъ—глухіе и безучастные, они слушаютъ только его или, когда нѣтъ закона, внимаютъ наукѣ.

Далеки отъ нихъ увлеченія; общія правовыя нормы—вотъ ихъ девизы!

Обѣими руками подписываюсь подъ этими истинами. Къ законамъ и наукѣ взываю и рядомъ съ вами, господа, хочу поискать, запрещаютъ ли они возвратитъ мнѣ жену, пока идетъ судъ, и предписываютъ ли оставить ее въ домѣ родительскомъ?

Здѣсь говорятъ, что нигдѣ приличіе и естественіе не могла бы она избѣгать чуждыхъ вѣяній, чѣмъ у отца, и что сомнѣваться въ этомъ уважаемомъ человѣкѣ значить оскорблять его.

Меня, стало быть, принуждаютъ изслѣдовать, справедливо ли подобное увѣреніе въ корнѣ? Я, по крайней мѣрѣ, ограничусь, протестомъ, что мое личное, мое глубокое уваженіе къ г. маркизу де Мариньяну повелѣваетъ всецѣло отвергнуть подобный вызовъ, ибо рѣчь идетъ о событіяхъ, а не о лицахъ. Господу не угодно, чтобы, отказываясь согласиться на предварительное требованіе моей жены, я имѣлъ въ виду затронуть или обидѣть своего тестя. Небо свидѣтель, что моимъ завѣтнымъ желаніемъ было украсить его жизнь. Не принуждай онъ меня самъ, я бы все принесъ въ жертву цѣли ему нравиться,—говорю все, кромѣ жены....

Но, если, отдавъ мнѣ ее, онъ хочетъ взять обратно, я обязанъ предъ нимъ, ей самой повиненъ отнять ее, даже у него!

Не станемъ же, ни на мгновение, забывать, господа, что я печалюсь именно на постороннія вліянія, что извѣты и наушничество могутъ и должны, еще упорнѣе и хитрѣе, опутывать отца, чѣмъ дочь. Будемъ помнить ясно, что жена, хотя бы во имя системы, ей приписываемой, не меньше меня, заинтересована въ прекращеніи такихъ жалобъ; что ей, какъ и мнѣ, надлежитъ казаться независимой и что, каково бы ни было мѣсто, гдѣ она живетъ, нельзя говорить о свободѣ, пока неотвязчивые сплетники, если они существуютъ, приняты тамъ, куда голосъ мужа не имѣетъ возможности проникнуть.

На ряду съ такими соображеніями, мнѣ уже, конечно, не предстоитъ надобности углубляться въ положительныя узаконенія, во внѣшнія условія соціального порядка или въ науку права.

Первый изо всѣхъ законовъ тотъ, которымъ обезпечивается свобода личности, мною требуемая для жены; форма общежитія, наиболѣе возвышенная,—гдѣ не посягаютъ на званіе человѣка и на установленные законы; для всѣхъ гражданъ, нравственности и для семейнаго мира самая лучшая юриспруденція, непререкаемо, та, въ которой женщинѣ не дають иного выбора, чѣмъ между домомъ ея супруга и пріютомъ, освященнымъ алтарями!“

Здѣсь Мирабо, которому не были чужды какія либо свѣдѣнія, входитъ въ правовыя изысканія, съ цѣлью убѣдить, что полномочія мужа, во всемъ ихъ объемѣ, пребываютъ неизмѣнными во весь періодъ иска о разлученіи, а потому должны быть уважаемы.

Вотъ заключительный отдѣлъ его рѣчи:

„Унижая законъ и общественное мнѣніе, оскорбляя религію и мораль, сдѣлки извѣстнаго рода—нѣчто, плачевное и, во истину, позорное для нашего вѣка и націи, для носителей власти и судей, когда, черезъ нихъ, женщина открываетъ себѣ дорогу къ появленію въ свѣтъ, ничѣмъ не связанная, все преодолевшая, и когда за своего мужа она держится развѣ его именемъ, а еще чаще насмѣшками или стыдомъ, которыми покрываетъ его.

Но горе мужу, если, питая отвращеніе къ этой, столь удобной, но и столь гнусной, а, значить, и столь преступной философіи, изъ нѣжности къ женѣ или во имя неисчерпаемаго разнообразія благородныхъ побужденій, горе ему, если отринетъ онъ такую полюбовную комбинацію!.. Ничто не оградитъ его отъ иска о разлученіи и этотъ искъ,—не будемъ закрывать глазъ, встрѣтитъ сочувствіе....

Увлекательная сама по себѣ, сдѣлавшись еще заманчивѣе отъ призраковъ несчастія, которыми сьумѣютъ осѣнить ее, она цѣлое королевство наполнить своими жалобами. Обольститъ, во первыхъ, ближайшій кружокъ: родные, друзья, знакомые будутъ увлечены и станутъ эхомъ ея воплей; не вникая ни во что и, прежде всего, злорадно розыскивая однихъ виновныхъ, слушая развѣ анекдоты и повторяя только эпитграммы, весь свѣтъ приметъ въ ней участіе и обратитъ ея процессъ въ дѣло партіи..., а наиболѣе мудрые, самые безпристрастные труженники судебные не замедлятъ убѣдиться, что вѣсы Фемиды трепещутъ у нихъ въ рукахъ.

Идея нравственности и здравыхъ социальныхъ понятій; выгода пола, въ такой мѣрѣ обаятельнаго и нами же доведеннаго до такой слабости; его личный интересъ, говорю я, ибо всякое сочетаніе людей нуждается въ руководящемъ элементѣ; почетъ, довлѣющій верховному изъ договоровъ, на обязательности котораго покоится все общество; ужасныя послѣдствія оскверненія этихъ священныхъ узъ; однимъ словомъ, польза государства,—величественный мотивъ, предъ которымъ остальные молчатъ,—все призываетъ къ суровости исходныхъ началъ по дѣламъ о разлученіи мужа съ женою.

И если черезъ чуръ справедливо, какъ подтверждаетъ толпа супруговъ, живущихъ врозь, хотя у насъ нѣтъ развода, что суды, нерѣдко, обнаруживаютъ здѣсь слабость, то я за счастье признаю возможность заявить объ этомъ предъ вами,—безъ неразумія, и тѣмъ самымъ пригласить васъ къ ббльшей строгости.

Великихъ поученій ожидаемъ мы отъ васъ, господа судьи!

Но что же, еще разъ, говорю я?...

Сегодня быть не можетъ вопроса о строгости; рѣчь идетъ только о благодѣяніи.

Госпожа Мирабо, ни на одну минуту, не переставала жить, какъ подруга моего сердца; не было мгновения, когда бы она не желала осуществить этотъ титулъ сама.

И вотъ, дабы вернуть душевный миръ себѣ и мнѣ, ей остается захотѣть.

Еще менѣе,—предупредивъ ваше рѣшеніе или подчинясь ему, пусть она возстановитъ свое лишь сходство съ самою же собою!...“

Являясь повѣреннымъ истицы, Порталисъ не имѣлъ другихъ средствъ борьбы, кромѣ фактовъ, которые могли возникнуть въ самомъ засѣданіи.

Но онъ зналъ кипучій, стремительный, огненный характеръ своего противника и рассчитывалъ, что знаменитый ораторъ будетъ не способенъ удержаться предъ многочисленнымъ судебнаго зала; что масса публики и, такъ сказать, всенародность процесса отымутъ у него послѣднюю дозу самообладанія...

Проводя свою мысль далѣе и стараясь бить на повалъ, онъ атаковалъ его съ непримиримою жесткостью.

Но, въ теченіи его рѣчи, Мирабо сохранялъ нераздѣльное господство надъ собою.

Лишь, когда Портались, голосомъ, исполненнымъ теплоты и обаянія, произнесъ слова, упоминаемая ниже: *„Госпожа Мирабо, какъ основаніе иска, предлагаетъ всю жизнь своего мужа. Онъ былъ дурнымъ сыномъ, плохимъ супругомъ, жалкимъ отцомъ, опаснымъ гражданиномъ!“*.....—Мирабо, сверкая гнѣвомъ, поднялся и, въ стenanіи бѣшенства, крикнулъ ему: *„Презрѣнный торгошъ словами!“*....

Съ этого момента, дѣло отвѣтчика было проиграно. Въ себя отъ ярости и жгучихъ обидъ, Мирабо, возражая, не щадилъ уже ни священныхъ узъ брака, ни естественныхъ связей родства, ни чувствъ отца къ сыну, и хотя, среди предшествовавшихъ данныхъ, трибуналъ, вѣроятно, не нашелъ бы удовлетворительныхъ мотивовъ къ разлученію,—онъ теперь обосновалъ таковыя на дерзости Мирабо, даже предъ его собственными судьями.

Тѣмъ не менѣе, изъ объясненій Порталиса заслуживаютъ вниманія только два слѣдующіе періода:

— „Когда жена Мирабо, унижаемая нестерпимо, оклеветанная въ печатныхъ мемуарахъ и въ письмахъ къ общественнымъ дѣятелямъ, признала себя вынужденною, во всеуслышаніе, пожаловаться на такія обиды, ей, вмѣсто всякаго отвѣта, говорятъ: „Я отрекся отъ мемуаровъ. Что же касается писемъ къ должностнымъ лицамъ, то я никакого въ нихъ отчета давать не обязанъ какъ потому, что пересылаемая корреспонденція находится подъ охраною довѣрія къ государственной почтѣ, такъ и въ силу факта, что жалобы, секретно приносимыя министрамъ короля, не могутъ быть почитаемы клеветою.“

Какъ будто простой отказъ отъ сочиненія,—безъ уголовного преслѣдованія виновныхъ за подложное опубликованіе и распространеніе его не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ,—уже самъ по себѣ, не есть новое оскорбленіе?!

Какъ будто переписка съ государственными людьми, ставшая матерьяломъ для пасквилей, обработанныхъ третьими лицами, можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто конфиденціальное!....

Будто бы эта, столь потаенная и закулисная корреспонденція не достаточно говоритъ объ упорствѣ, лжи и несправедливости взглядовъ мужа и о позорѣ его мнѣній для него самого!?

Какъ будто необходимо еще что нибудь, сверхъ подобныхъ взглядовъ, чтобы честная и впечатлительная женщина имѣла право никогда не возвращаться къ мужу, который пренебрегаетъ знаками ея уваженія, отравляетъ ея судьбу, а въ ея добродѣтель не вѣритъ открыто!!....

Мадамъ Мирабо обращается ко всему обществу. Какой хорошей, искренней человѣкъ осудилъ бы ее, если бы къ сплетнямъ и позору она отнеслась безразлично, если бы позволила глядѣть себѣ въ глаза тому, кто напоилъ ее стыдомъ и очернилъ злословіемъ?!“

Вслѣдъ за этимъ, ораторъ переходитъ къ изученію обстоятельствъ дѣла.

Чтеніе семейной переписки, законныя основы требованія госпожи Мирабо уйти отъ мужа, неоднократныя оскорбленія, имъ нанесенныя,—таковы ингредиенты, о которыхъ онъ распространяется слишкомъ долго.

Быстро минуя эти безплодныя детали, мы прямо обратимся къ той части рѣчи, которая, до такой степени, вывела изъ терпѣнія Мирабо.

— „Но время иллюзій кончилось. Скорбный путь жены извѣстенъ, а его доказательства на лице. Въ основаніе иска, она приводитъ жизнь своего мужа, всю цѣликомъ.

Онъ былъ дурнымъ сыномъ, плохимъ супругомъ, жалкимъ отцомъ, опаснымъ гражданиномъ!...

Негодный сынъ: всѣ видѣли, какъ, черезъ безумное и грязное мотовство, онъ пожиралъ имѣнія отца, скандальными процессами нарушалъ его покой, а зрѣлищемъ своихъ походовъ оскорблялъ и унижалъ его сѣдины; въ гнусныхъ брошюрахъ, посягнувъ даже на его честь.

Дурной мужъ: среди необузданныхъ вспышекъ гнѣва, онъ не щадилъ ни слабости здоровья, ни душевной мягкости жены; не уважалъ самой беременности ея; усвоивъ дикую привычку, какую то варварскую игру, преслѣдовалъ ее тяжкими обидами, подозрѣніями, угрозами и побоями; доходилъ до такихъ крайностей звѣрства и ревности, которыхъ не позволилъ бы себѣ послѣдній мужикъ,—и все это завѣдомо для родныхъ обоихъ супруговъ, не стыдясь никого посторонняго! Подругу жизни, данную Небомъ, онъ угнеталъ всемѣрно, оскорблялъ жестоко, а самую святость брака осквернилъ прелюбодвѣніемъ...

Жалкій отецъ: какую судьбу, что за будущее готовилъ онъ этому невинному созданію, тѣнь котораго смѣетъ нынѣ призывать, какъ бы издѣваясь надъ горемъ матери! Гнусные и возмутительные примѣры, разоренное состояніе, затасканное и ошельмованное имя, глубокое несчастье двухъ семействъ: вотъ благодаренія, которыми онъ хотѣлъ его наградить!

Дрянной и опасный гражданинъ: вся его жизнь не больше, какъ сплетеніе низостей въ договорахъ, забывчивости и пренебреженія ко всякимъ обязательствамъ, сумасшедшихъ выходокъ, насилій и ежедневно нарастающихъ безобразій...

Посягая на чужую собственность, онъ, съ другой стороны, не затруднялся вносить развратъ и отчаяніе въ семью ближняго; клеймилъ и терзалъ мирныхъ людей; подвергался преслѣдованію, въ административномъ и судебномъ порядкахъ; былъ не одинъ разъ обезславливаемъ уголовными приговорами.

Таковъ человѣкъ, съ которымъ госпожа Мирабо намѣрена разойтись; вотъ храбрецъ, который, стремясь принудить жену раздѣлить его позоръ, нагло возводитъ въ принципъ, что честь обоихъ супруговъ солидарна. Вотъ кто, именемъ закона и на глазахъ у правосудія, пришелъ дерзко требовать возврата жены; еще до вашего рѣшенія грозить, что заключить ее въ монастырь, и оглашать то, что, по его мнѣнію, называется правами супруга!

Его права!...

А какія права можетъ имѣть тотъ, кто не вѣдалъ обязанностей, игралъ честью, совѣстью и добродѣтелью; кто, одинаково, презиралъ и договорныя отношенія, и кровныя узы природы; чей столь извѣстный, такъ долго испытуемый характеръ служить неодолимымъ препятствіемъ всякому соглашенію?!

Гдѣ судья, который бы рѣшился играть жизнью злополучной жертвы столь произвольно, чтобы выдать ее головою свирѣпому, для цѣлаго общества вредному человѣку?

Госпожа Мирабо не въ правѣ ли, наоборотъ, съ довѣріемъ, разсчитывать на поддержку закона?

Должна ли она трепетать, что судъ окажетъ покровительство наглости и гнету, злоупотребленіямъ власти, распутству въ дѣлахъ чести, насилию надъ моралью и духовною непорочностью?

Будучи призваны охранять послѣдняго изъ гражданъ, — трибуналы не обязаны развѣ оберечь и ее?

Угрожаютъ намъ, что, впредь до окончанія дѣла, ее принудятъ терпѣть взгляды и присутствіе мужа, который уже пресытилъ ее своими нравственными недочетами и оскорбленіями; больше, —

хотятъ вернуть ее къ нему или похоронить въ такомъ вертепѣ, который былъ бы открытъ только ея гонителю и тирану!

Возможенъ ли для нея страхъ, что подобное рѣшеніе, по существу, состоится прежде изслѣдованія фактовъ, его опредѣляющихъ. Должна ли опасаться жена г. Мирабо, что будетъ приговорена раньше, чѣмъ ее выслушаютъ и оцѣнить ея доводы по закону?!...“ *

5 іюля 1783 года, парламентъ въ Э опредѣляетъ:
Супруговъ Мирабо разлучить отъ стола и ложа.

По жалобѣ мужа, дѣло перешло въ большой совѣтъ, гдѣ Мирабо рѣшилъ доставить себѣ удовольствіе поглумиться надъ министрами и атаковалъ ихъ съ горечью и рѣзкостью.

Коротко говоря, онъ проигралъ свой процессъ окончательно...

Но, какъ бы ни было, онъ велъ его искренно, а въ послѣдствіи,

*) Только что подобранные осколки рѣчи Порталиса даютъ лишь весьма несовершенное понятіе о талантѣ этого оратора.

Между тѣмъ, начавъ свою карьеру въ парламентѣ, въ Э, онъ не замедлил прославиться, даже среди юристовъ-товарищей, блескъ имени и правосудіе которыхъ достигали еще большей яркости путемъ ихъ ораторскихъ заслугъ.

Въ 1770 году,—эпоху, когда знаменитое судебное сословіе Парижа отражало свой свѣтъ на трибуналы другихъ городовъ Франціи,—молодой адвокатъ Прованса рѣшилъ помѣряться съ двумя людьми, хотя разныхъ дарованій, но одинаково сильными въ полемикѣ: одинъ,—Бомаршэ, встрѣтилъ въ Порталисѣ защиту своего противника, Пари Дювернея. Другимъ, нѣсколько лѣтъ спустя, явился Мирабо.

Наиболѣе отличительною чертою его таланта была способность одухотворять все, къ чему онъ ни прикасался, и до послѣднихъ умозаключеній общественного права возвышать темы частнаго интереса, ради изслѣдованія которыхъ его приглашали.

Революція 1789 года принудила его удалиться, сначала, въ деревню, потомъ въ Лионъ; но вскорѣ, избѣгая смерти, онъ долженъ былъ уйти и отсюда, въ Парижъ, гдѣ, въ свою очередь, попалъ въ тюрьму.

Освободившись только гораздо позже 9 термидора, Порталисъ обратилъ на себя вниманіе гражданъ департамента Сены и въ III году, былъ избранъ ихъ представителемъ въ Совѣтъ Старѣйшинъ. Здѣсь и не одинъ разъ, его мнѣніями опредѣлялись важнѣйшія мѣропріятія. Его примиряющій разумъ, мудрость взглядовъ и даръ убѣжденія въ его краснорѣчіи обратили къ нему многихъ, но не помогли объединить враждебныя группы, раздиравшія это собраніе.

Когда, 18 фруктидора, Директорія рѣшила изуродовать національное представительство, онъ попалъ въ списокъ жертвъ; но, будучи предупрежденъ во время, нашель убѣжище въ Германіи и своею неистощимою веселостью утѣшалъ здѣсь товарищей по изгнанію.

часто и глубоко, сожалѣлъ, что, своею ошибкою въ застѣданіи, изорвалъ всѣ связи съ родными, сталъ причиною такого скандала.

Не прекращая издавать мемуары на ту же тему, онъ старался оправдать свое поведеніе, если не въ глазахъ общественнаго мнѣнія, то, по крайней мѣрѣ, предъ судомъ собственной совѣсти.

Въ частности, слѣдующія строки его кассационной жалобы явно разсчитаны на эффектъ:

— „Что противопоставить ужасной картинѣ, намѣченной, по всему пути моей жизни, если не образъ моихъ дѣйствій, отнынѣ безупречный?

Мои враги не устыдились разглашать, что я былъ дряннымъ мужемъ и сквернымъ отцомъ; а я смѣю возразить: если, по волѣ Неба, суждено мнѣ стать отцомъ еще разъ, я буду, чѣмъ былъ, —

Вызванный на родину, послѣ 18 брюмера, онъ былъ назначенъ комиссаромъ правительства при судѣ о морскихъ призахъ и, въ этой должности, заставилъ уважать истинные принципы международного права. Его заключенія, во всей Европѣ, были приняты, какъ доказательство возврата Франціи на путь умѣренности и справедливости, а его честная служба была признана и отечествомъ.

Скоро вступивъ въ государственный совѣтъ, онъ, какъ членъ редакціонной комиссіи по составленію новаго гражданскаго уложенія, толково поддерживалъ идеи римскаго права, принималъ серьезное участіе въ дебатахъ совѣта и, наконецъ, развивалъ мотивы разныхъ статей уложенія предъ законодательнымъ корпусомъ.

Наполеонъ поручилъ ему всѣ дѣла исповѣданій.

Задача не изъ легкихъ! Требовалось, не возбуждая враговъ религіи, тогда столь могущественныхъ, дать покой умамъ, столь глубоко встревоженнымъ; прекратить ересь, жестокими преслѣдованіями, въ такой мѣрѣ, обостренную; возстановить права верховнаго первосвященника, не посягая, однако, на прерогативы государственной власти; устранивъ гнетъ надъ отдѣльными лицами, дать силы церковному авторитету, равнше пренебрегаемому; во имя религіознаго мира, убѣдить враждебныхъ прелатовъ подчиниться правительству, а нѣкоторыхъ, ради общаго блага, даже привести къ отказу отъ своихъ кафедръ; извлечь, однимъ словомъ, галликаанскую церковь изъ пропасти, куда ее повергли событія 1789 года, и склонить вниманіе Наполеона къ тѣмъ духовнымъ чинамъ, кто этого заслуживалъ благочестіемъ, міросозерцаніемъ и ревностью къ вѣрѣ отцевъ.

Меньше, чѣмъ въ годѣ, все было сдѣлано.

Въ награду, Портались былъ утвержденъ министромъ исповѣданій, а, получивъ въ 1804 году министерство внутреннихъ дѣлъ, исполнялъ новыя и многотрудныя обязанности съ отличіемъ.

Императоръ Александръ I, именно около этого времени, возложилъ на него разработку задуманнаго имъ проекта усовершенствованія законовъ своей необъятной имперіи.

Весь отдавъ себя Портались такому сложному и долгому труду. Потерялъ зрѣніе и не перенесъ операціи.

Родившись 1 апрѣля 1746 года въ Боссе, въ Провансѣ, онъ умеръ 25 августа 1807 года.

Примѣчаніе переводчика.

самымъ нѣжнымъ изъ отцовъ и тѣмъ нѣжнѣе, чѣмъ я былъ несчастнѣе.....

Я буду хорошимъ мужемъ потому, что уже былъ имъ, и въ силу того, что, какъ могли думать одно время, будь я инымъ, мнѣ это извинили бы скорѣе, чѣмъ другому. Я долженъ быть нѣжнымъ супругомъ потому, что, издавна обуреваемый штормами судьбы, знаю лучше всякаго, что нѣтъ иного счастья, кромѣ мира семейнаго!... Все прочее — лишь переходное состояніе. Только домашній очагъ есть фундаментъ, непоколебимый. И не въ 44 года, владѣя горькимъ опытомъ и нѣкоторымъ свѣтомъ въ головѣ, человѣкъ приноситъ въ жертву основательное и непреложное временному и случайному.

Я хочу вновь быть добрымъ мужемъ. Да, милостивые государи! Снизойдите и позвольте мнѣ это; откройте мнѣ поприще семейныхъ добродѣтелей. Пусть найду я, въ вашемъ приговорѣ, возрожденіе свое!

Клянусь предъ вами и лицомъ общества, которое моимъ мольбамъ симпатизируетъ,—а оно никогда бы не рѣшилось на это, если бы признавало меня готовымъ обмануть его надежды,—клянусь почитать справедливость, мнѣ вами отдаваемую, какъ благодѣяніе, и, ни при какихъ условіяхъ, не открывать человѣку съ сердцемъ повода оплакивать то, что онъ сдѣлалъ въ качествѣ неумолимаго судьи!...“

Филппъ Дюпенъ.

Д Ъ Л О

ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

ВАЛЬТЕРА ДЕ РИНЬИ.

РЪЧЬ ВЪ ЗАЩИТУ ГЕНЕРАЛА.

*Cum sileant inter arma artes
non minus quam leges, eloquen-
tia nunquam silet, et in medio
armorum strepitu auditur.*

Petrus Francius.

ВОЕННЫЙ СУДЪ ВЪ МАРСЕЛИ.

Засѣданіе 1-го поля 1837 года.

ПРОЦЕССЪ ГЕНЕРАЛА ДЕ РИНЬИ.

При завоеваніи Алжира, французы несли частыя пораженія и загнули много жертвъ.

Въ общемъ, ихъ потери опредѣляются въ 100.000 одними убитыми. Тамъ и теперь, постоянно, раскинута пятидесятитысячная армія; колонистовъ же, природныхъ французовъ, не болѣе 25.000.

Отсюда, кажется справедливымъ замѣчаніе недавняго памфлета, что въ сѣверо-африканской Франціи каждый переселенецъ сидитъ на 4-хъ трупахъ солдатъ соотечественниковъ и охраняется 2-мя живыми часовыми!...

Настоящій процессъ былъ вызванъ страшными неудачами похода въ Константинополь, и неспособностью маршала Клозеля. Желая свалить вину на другаго, Клозель, рядомъ инсинуаций злостнаго характера, оклеветалъ предъ цѣлою странною благороднаго и заслуженнаго, но ему неприятнаго командира бригады, генераль-майора де Риньи.

Переживъ много душевныхъ невзгодъ, генераль, по своему, главнымъ образомъ, желанію, былъ преданъ суду.

Обвиненіе заключалось въ томъ, что, *неоднократно оскорбляетъ начальника, — маршала Клозеля, онъ, де Риньи, передъ фронтами своихъ войскъ и на глазахъ непріятели, порицалъ распоряженія своего главнокомандующаго, съ цѣлью возбудить безпорядокъ и панику во французской арміи.*

Обстоятельства и элементы дѣла изложены защитникомъ генерала такъ подробно, что мы обращаемся къ этому источнику, непосредственно.

Филиппъ Дюпенъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

Милостивые государи!

Если чья либо военная репутація могла померкнуть среди невзгодъ злополучной экспедиціи въ Константиноу, то этого отнюдь нельзя сказать о генералѣ де Риньи. Его прежніе подвиги ярко свидѣтельствовали о его личной храбрости, его карьера уже блистала лучами славы, а имя его, съ уваженіемъ, упоминалось въ военныхъ очеркахъ, написанныхъ однимъ изъ знаменитыхъ нашихъ маршаловъ (Сюше). Онъ не унижилъ своего достоинства и на поляхъ битвъ въ Константиноу,—его шпага тамъ не ржавѣла въ ножнахъ! Всегда находясь въ самомъ опасномъ мѣстѣ, онъ командовалъ авангардомъ при наступленіи; отступая, ему же ввѣряли аррьергардъ. Вы сами слышали, какъ его товарищи по оружію удивлялись военнымъ дарованіямъ, которыя онъ раскрывалъ на ихъ глазахъ. И если, вопреки его усиліямъ и столькихъ храбрыхъ офицеровъ, смерть собирала кругомъ обильную жатву, то онъ самъ испыталъ слишкомъ много, чтобы нести отвѣтственность за это. Если наши горемычные солдаты падали, коченѣя отъ холода, утопая въ ураганахъ дождя и снѣга, если ихъ заживо погребала неприютная земля, затрудняя всякую возможность подать имъ руку помощи, если, при такихъ условіяхъ, самые храбрые теряли мужество,—то ихъ генералъ имѣетъ право сказать, что не онъ забылъ о временахъ года и пренебрегъ осеннимъ ненастьемъ, которое легко было предвидѣть главнокомандующему, тѣмъ не менѣе приказавшему войскамъ идти въ походъ.

Если страданія отъ голода стали усиливать деморализацію войскъ, явившуюся какъ слѣдствіе изнуренія и усталости, то генералъ де Риньи можетъ утверждать, что армія была лишена продовольствія, необходимаго для ея существованія,—отнюдь не въ силу его непредусмотрительности. Вообще говоря, если очевидный недостатокъ перевозочныхъ средствъ значительно увеличилъ наши потери, то, конечно, не генералъ де Риньи распространялъ слухи объ этихъ средствахъ, когда ихъ взять было негдѣ, и не онъ рассчитывалъ на помощь, которой не откуда было придти. Ни одна смерть не можетъ отягощать его воспоминаній или угнетать его душу, ни какъ слѣдствіе небрежности, ни какъ резуль- тать его ошибки. Напротивъ, онъ въ правѣ съ гордостью указать на свидѣтелей, которые здѣсь, предъ вами, удостовѣрили, что генералъ де Риньи спасъ жизнь нѣсколькимъ, раздѣляя лишенія и опасности всѣхъ. И, однако, среди горя и печали объ этой

несчастной экспедиціи, крикъ негодованія, внезапно, подымается противъ него, съ яростью, безпримѣрною. Этотъ злобѣщій крикъ раздался на берегахъ рѣки Сейбузы и отозвался на Сенъ; онъ поддерживался сплетнями и лживыми доносами изъ отдаленной страны и вскорѣ распространился по всей Франціи. Отечество взволновано, народная гордость оскорблена; подымаются взрывы мести и негодованія, наши враги, какъ это съ истинно французскимъ эффектомъ замѣтилъ г. докладчикъ,—торжествуютъ!

Но развѣ генераль не могъ найти защиты въ тѣхъ доблестяхъ, которыя присущи французскому мундиру, развѣ этотъ знаменитый признакъ власти не служитъ достаточнымъ ручательствомъ въ благородствѣ того, кого украшаетъ? Вѣдь, само собою возникло соображеніе о полномъ неправдоподобіи упрека въ слабости и трусости, брошеннаго человѣку, участвовавшему во многихъ сраженіяхъ, носящему почетныя раны, далеко не повичку на полѣ чести. Неужели не было очевиднымъ прямое и ближайшее со моей стороны возраженіе, что слова „французскій генераль“ и „трусость“ зло ворчатъ другъ на друга, когда находятся вмѣстѣ?!...

Увы! Кто не знаетъ грустной способности нашего разсудка легко вѣрить всему дурному?!

Наконецъ, кто могъ бы заподозрить, что маршалъ Франціи въ состояніи заклеить позоромъ одного изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, не узнавъ въ чемъ дѣло и даже не объясняя причинъ?!...

Тѣмъ не менѣе, милостивые государи, именно все это былъ вынужденъ перенести генераль де Риньи.

Я не смѣю пытаться изобразить душевныя муки, которыя выстрадалъ онъ, подавляемый гнусной клеветой,—моихъ силъ не достаточно, мой голосъ слишкомъ слабъ! Въ другомъ направленіи, кто же, лучше васъ самихъ, можетъ понять, какое страшное вліяніе должны были имѣть несчастья подобнаго рода?! Кто изъ французскихъ военныхъ людей могъ бы остаться равнодушнымъ? Человѣкъ съ сердцемъ готовъ ли не оцѣнить ихъ? Развѣ мы сами не были очевидцами благороднаго волненія, которое едва позволило, при началѣ засѣданія, чистымъ и великодушнымъ устамъ предложить вопросы о виновности одному изъ начальниковъ нашей арміи? (*Генераль Кольбергъ, председатель военнаго суда, только съ трудомъ овладѣлъ собою, — что дѣлаетъ честь его характеру и сердцу*).

А вся семья генерала? А этотъ уважаемый старецъ (баронъ Луи), который, всегда и въ самыя трудныя времена, былъ радъ

служить отечеству, который дважды приводилъ въ порядокъ наши разстроенные финансы и, по справедливости, можетъ быть названъ основателемъ французскаго кредита,—не онъ ли былъ обреченъ судьбою пережить неожиданную, раннюю кончину своего племянника, подвигами своими дѣлавшаго честь французскому флоту, а теперь, на склонѣ дней, вновь приговоренъ нести позоръ своего единственнаго утѣшителя? Чего не испытали всѣ они? Чего не выстрадали, въ томъ благородномъ единодушїи, когда рана, нанесенная одному, заливаешь кровью всѣхъ!

Но ни генераль, ни его родные и близкіе не потеряли присутствїя духа. Они сохранили вѣру въ справедливость людей и во всемогущество истины. Его семья всѣми силами души возражала противъ обмана, которому подверглось общественное мнѣніе, а онъ, сильный сознаниемъ своей правоты, просилъ объ одной милости: побольше свѣта на всю его прежнюю жизнь. Онъ самъ предалъ себя неумолимому суду родины.

Тогда было начато слѣдствие, которое обнаружило свѣдѣнія и данныя, всестороннія. Всѣ свидѣтели, названные обвинителями, были выслушаны или вызваны. Маршалъ Клозель прислалъ нѣсколько бумагъ, которыя почти увѣковѣчили настоящія судебныя пренїя. Все было старательно собираемо и изслѣдуемо до мельчайшихъ подробностей.

Не взирая на жажду оправданїя, которая пожирала его, генераль де Риньи вынесъ эти новыя и тягчайшія муки, не жалуясь. Онъ подчинился безконечному ожиданію и не ропталъ, хорошо понимая, что слѣдуетъ дать обвиненію полный просторъ, дабы нанести ему тѣмъ сильнѣйшее пораженіе.

Независимо отъ этого, время, — этотъ великій указатель истинъ, сокрытыхъ, этотъ лучший слѣдственный судья челоуѣческихъ дрязгъ и споровъ, почти всегда умѣющей разставить по своимъ мѣстамъ и людей, и ихъ дѣянїя,—прошло, и я не боюсь сказать, что оно уже слѣдало многое въ защиту генерала де Риньи, ибо рука времени уже достаточно приподняла завѣсу, которая скрывала подробности несчастной экспедиціи въ Константинополь.

Вамъ предстоитъ, лишь въ нѣкоторой степени, дополнить работу времени.

Итакъ, періодъ страданїй и канцелярскихъ проволочекъ завершенъ. Чась правосудїя, чась нравственнаго удовлетворенїя для обвиняемаго настала. Генераль можетъ, наконецъ, явиться передъ соотечественниками,—каковъ онъ былъ всегда и какимъ навсегда останется. Онъ стоитъ предъ своими сослуживцами, уважа-

емыми представителями арміи, судьями, лучше другихъ способными оцѣнить требованія дисциплины и соразмѣрить наиболѣе щекотливыя стороны военнаго міра съ чувствомъ собственнаго достоинства.

Всегда тяжело говорить самому или просить кого-либо говорить о себѣ. Когда ничто не принуждаетъ, то едва-ли согласно съ истинною гордостью указывать на свои заслуги и призывать уваженіе общества къ своему званію, чинамъ или титуламъ.

Но, когда человѣкъ, себя уважающій, преданъ суду и поставленъ въ необходимость защищаться, — онъ, такъ сказать, приговоренъ упомянуть о своихъ достоинствахъ; онъ въ правѣ обратиться къ воспоминаніямъ о своемъ прошломъ, украсить его благородными дѣяніями своими и сказать обвинителямъ и судьямъ:

„Изучите мою жизнь и рѣшите, кто я!“...

Въ силу этого, я долженъ васъ ознакомить вкратцѣ съ военнымъ поприщемъ генерала де Риньи, удостовѣряемымъ его послужнымъ спискомъ; изъ него вы увидите, получалъ ли онъ чины и ордена за салонныя или за боевыя отличія?.....

Во всякомъ случаѣ, господа, прежде, чѣмъ говорить за кліента, я себѣ позволю сказать нѣсколько словъ по поводу моего присутствія въ этомъ залѣ. Защита моя вызвана не сложностью дѣла, потому что, какова бы ни была сущность его, генераль, несомнѣнно, нашелъ бы и здѣсь краснорѣчивыхъ представителей своихъ интересовъ, доказательствомъ чего является почтенный коллега, помогающій мнѣ своимъ присутствіемъ и указаніями.¹⁾ Но генераль выразилъ желаніе, чтобы на судѣ выступилъ другъ его семейства, и мнѣ кажется — предпочтеніе, отданное дружбѣ передъ талантомъ, вполне извинительно.

Цѣль моя заключается только въ разъясненіи образа дѣйствій генерала де Риньи, потому что, собственно говоря, онъ не нуждается въ защитѣ послѣ того, какъ обвиненіе, путемъ судебныхъ преній, приведено къ сознанію своей полной несостоятельности. Я не стану, господа судьи, увлекаться бесплоднымъ великолѣпіемъ словъ: пусть факты говорятъ сами за генерала, и если ихъ краснорѣчіе не первое, по блеску, то оно, ужъ, конечно, не самое слабое...

По желанію родителей и собственному призванію къ военной службѣ, Александръ де Риньи получилъ воспитаніе въ военной школѣ въ Фонтенебло, этомъ разсадникѣ столькихъ заслуженныхъ офицеровъ. 10 января 1807 года, семнадцати лѣтъ, императорскимъ приказомъ, отданнымъ въ лагерьъ подъ Финкенштей-

¹⁾ Г. Клавье, марсельскій адвокатъ.

номъ, онъ произведенъ былъ въ подпоручики. Юный офицеръ, со всѣмъ пыломъ молодости, устремился на открытое предъ нимъ поприще, отправился въ Познань къ великой арміи и занялъ свое мѣсто въ 20 пѣхотномъ полку. Онъ съ успѣхомъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1806, 1807 и 1808 годовъ въ Польшѣ, Австріи и Пруссіи и 10 іюня 1807 г. получилъ первое крещеніе огнемъ въ битвѣ подъ Гейлсбергомъ, когда пуля пронизала ему ногу при атакѣ редута, занятаго русскими гренадерами.

Въ 1809 году, онъ участвуетъ во всѣхъ кровавыхъ дѣлахъ этой войны, а, послѣ ужасной битвы подъ Эберсбергомъ, признаваемой Наполеономъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ этого времени, Александръ де Риньи удостоивается похвальныхъ отзывовъ полковаго своего командира и генерала Леграна. Подъ Эслингомъ, 26 полкъ, находясь въ авангардѣ, въ теченіи двухъ дней (21 и 22 мая), выдерживалъ атаки австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ эрцгерцога Карла. Въ первый изъ этихъ дней, де Риньи получилъ сильную контузію въ бедро, но не пожелалъ оставить поля битвы; а на слѣдующій—рана пулею въ правую руку вывела его, наконецъ, изъ строя. За отличіе въ этихъ дѣлахъ, на девятнадцатомъ году, 13 мая, онъ произведенъ въ поручики. Едва оправившись отъ раны, молодой герой снова занимаетъ въ полку свой постъ, въ битвѣ при Ваграмѣ (6 іюля). Послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, его ротный командиръ падаетъ за смертью и нашъ поручикъ, принявъ командованіе ротой, обнаруживаетъ замѣчательное мужество и хладнокровіе; но пять дней спустя, во время преслѣдованія австрійскаго арріергарда подъ стѣнами Цнайма, въ Моравіи, пуля снова поражаетъ его въ плечо.

Закончивъ такимъ образомъ кампанію, де Риньи проживалъ нѣкоторое время, для излѣченія послѣдней раны, въ Вѣнѣ, откуда былъ вызванъ генераломъ Сюше, который, вступивъ въ командованіе аррагонской арміей, предложилъ ему мѣсто адъютанта, вполнѣ оцѣнивъ достоинства этого офицера еще въ началѣ его боеваго поприща, въ 1807 году. Какая награда могла быть выше назначенія къ подобному начальнику, всегда руководившему строгою оцѣнкой подчиненныхъ, но не унижавшему ихъ достоинства? Отправившись къ новому посту немедленно, де Риньи прибываетъ въ Сарагоссу въ то самое время, когда генералъ Сюше идетъ на встрѣчу генералу Блаку, съ намѣреніемъ опрокинуть испанскую армію. Принявъ, стало быть, неотлагательное участіе въ дѣлахъ, онъ совершаетъ двѣ кампаніи въ одинъ годъ; за отличіе въ битвѣ при Маргалефѣ и при осадѣ Лериды, 20 лѣтъ отъ роду, его производятъ въ капитаны. Вообще, въ Испаніи этотъ достой-

ный офицеръ заявилъ себя при шести замѣчательныхъ осадахъ: Лериды, Мекиненцы, Тортозы, Таррагоны, Сагунта и Валенсіи. Въ періодъ осады Таррагоны, этой кровавой, пятидесяти шести дневной битвы, за которую генераль Сюше, какъ храбрый и ученый полководецъ, а въ то же время искусный и опытный администраторъ, получилъ маршальскій жезлъ, капитанъ де Риньи проявилъ такія военныя доблести, что имя его красовалось не только въ донесеніяхъ ¹⁾, но упоминается даже въ запискахъ маршала, отдающаго заслуженную дань храбрости своего бывшего адъютанта. Такъ, при взятіи нижняго города, мы видимъ его бросающимся, вмѣстѣ съ командиромъ траншеи и горстью храбрецовъ, на непріятеля, съ острвенѣніемъ ударившаго въ штыки ²⁾; далѣе, онъ первымъ устремляется на брешь, увлекая за собою войска на штурмъ верхняго города ³⁾; наконецъ, въ битвѣ при Сеговиі, находясь во главѣ авангарда, храбрый капитанъ однимъ изъ первыхъ настигаетъ непріятеля и тѣмъ подготавливаетъ побѣду ⁴⁾. За всѣ эти отличія, де Риньи назначается командиромъ эскадрона, а позже, въ 1813 году, получаетъ командировку въ Саксонію, къ особѣ императора. Въ эти грозныя времена, какъ и ранѣе, онъ не оставался безъ дѣла и, состоя при штабѣ герцога Невшательскаго, еще разъ получилъ тяжелую рану въ голову, во время отступленія арміи отъ Лейпцига. Ея послѣдствіемъ былъ плѣнъ, продолжавшійся до 1814 года.

По возвращеніи къ арміи, его награждаютъ чиномъ подполковника.

Продолжительный отдыхъ, которымъ наслаждалась, послѣ заключенія мира, страна и наша храбрая армія, прерванъ былъ для г. де Риньи новыми военными операціями; такъ, въ 1823 году, въ бытность въ Испаніи, его необычайное мужество и человѣколюбіе призываютъ на себя общее вниманіе. При блокадѣ Пампелуны, на примѣръ, онъ кидается съ нѣсколькими храбрецами на Тудельскую площадь и, съ опасностью жизни, вырываетъ изъ рукъ фанатической и разъяренной толпы 63 членовъ конституціонной партіи, которымъ угрожала неминуемая смерть.

Въ теченіи 1830 года, наши войска дважды ходили въ предѣлы Бельгіи и оба раза—съ участіемъ г. де Риньи, еще разъ отличившагося при осадѣ Антверпена, подъ начальствомъ уважаемаго гене-

1) Рапортъ маршала отъ 26 іюня 1811 г., отпечатанный въ *Мониторъ* 8-го іюля.

2) Мемуары маршала Сюше, герцога, Альбуфера, томъ XII-й, стр. 286.

3) Тамъ же, томъ XII-й, стр. 98.

4) Тамъ же, стр. 160.

рала, стоявшаго во главѣ экспедиціи ¹⁾. Такимъ путемъ онъ, наконецъ, достигъ чина генераль-маіора, имъ вполне заслуженнаго 25-ю годами службы, 10 кампаніями, 6 осадами, 5 ранами и положеніемъ старшаго полковника въ его родѣ оружія.

Неужели это быстрое повышеніе надо признать игрой счастья, а не достойною наградой за всѣ его труды?

И этого то человѣка маршалъ Клозель, съ вопіющимъ самоуниженіемъ, дерзнулъ оскорбить названіемъ салоннаго генерала! ²⁾

Маршалъ, очевидно, забылъ, что первый долгъ начальника — справедливость и что если оскорбленія вообще неумѣстны на службѣ, то тѣмъ болѣе они должны быть чужды лицу, карающему подчиненнаго. Приличія и высота званія, несомнѣнно, требуютъ извѣстной деликатности въ обращеніи, а, допуская неумѣстные эпитеты, человѣкъ самого унижаетъ себя, когда оскорбляетъ другаго!

Ознакомившись съ прошлымъ генерала, обратимся къ событіямъ въ Африкѣ, давшимъ начало этому злополучному дѣлу.

Обзоръ историческихъ данныхъ требуетъ строгой и безпристрастной оцѣнки. Реставрація благородно отомстила за оскорбленіе, нанесенное одному изъ ея консуловъ. Завоеваніе Алжира, уничтоженіе морскихъ рабовъ и отмѣна позорной дани христіанскими рабами, которую европейскія державы несли варвару — таковы были послѣдствія обиды. Скоро вспыхнула революція 1830 года и новому правительству предстояло рѣшить цѣлый рядъ весьма важныхъ вопросовъ. Что дѣлать съ недавнимъ приобрѣтеніемъ? Стремиться ли къ его расширенію и на чемъ остановиться; колонизировать ли Алжиръ и какимъ способомъ; сдѣлать ли изъ него африканскую провинцію?... Представлялось два выхода. Одни предлагали занятіе небольшого участка съ устройствомъ на ней образцовой колоніи, въ которой туземное населеніе могло бы ознакомиться съ мудростью нашихъ законовъ, справедливостью судей, съ правильной организаціей административныхъ учреждений, мягкостью нравовъ и безкорыстіемъ отношеній; словомъ сказать, со всѣми благами высшей цивилизаціи. Другіе требовали полного господства въ странѣ, завоеванія обширной территоріи, иначе говоря, — созданія на южномъ берегу средиземнаго моря второй Франціи. Необходимо замѣтить, что послѣдній проектъ могъ быть осуществленъ только при страшныхъ усиліяхъ и огромныхъ затратахъ государства.

¹⁾ Генераль Гибурицій Себастиани.

²⁾ „Салонный генераль, подобный вамъ, не можетъ судить о дѣйствіяхъ такого маршала, какъ я!“ Эти слова удостовѣряются показаніями всѣхъ почти свидѣтелей.

Не желая судить о преимуществахъ той или другой системы, я коснусь только фактовъ. Несомнѣнно, что маршалъ Клозель былъ, съ самаго начала, горячимъ сторонникомъ и представителемъ колонизаторскаго и воинственнаго образа дѣйствій. Высокое общественное положеніе, какъ маршала Франціи, блестящая военная репутація, славныя воспоминанія, связанныя съ его именемъ, званіе члена палаты перовъ, все это дѣлало его мнѣніе очень вѣскимъ. Тѣмъ не менѣе, эта система была принята не безъ затрудненій и лишь въ ограниченной степени. Рѣшеніе вопроса, значительно, подвинулось впередъ черезъ потерю Макты, возбудившую національное самолюбіе наше къ полному торжеству идеи маршала; результатомъ явились экспедиціи въ Маскару, Глемпень и Тафну, съ весьма поучительными для насъ указаніями на будущее время. Осенніе дожди, неудовлетворительность средствъ сообщенія и недостатокъ топлива причинили намъ, какъ извѣстно, значительныя потери, особенно среди похода въ Маскару. Вскорѣ, — значить къ тому же, неблагоприятному времени года, — подоспѣла экспедиція въ Константину и, разумѣется, не трудно было предвидѣть ея печальныя послѣдствія. Я знаю, что затянувшаяся переписка, затѣмъ перемѣна министерства, не раздѣлявшаго ни африканскихъ, ни политическихъ симпатій маршала Клозеля, и многія другія обстоятельства замедлили отправленіе войскъ; но почему же было не отложить его до болѣе удобнаго момента?... Впрочемъ, снова повторяю, я излагаю только факты, не касаясь причинъ.

Генералъ де Риньи тогда командовалъ армейскою частью въ сѣверномъ департаментѣ. 7 октября 1836 г., получилъ онъ предписаніе отправиться въ Алжиръ, 10 числа выѣхалъ, а 20-го вступилъ на берегъ Африки. Здѣсь, я вынужденъ упомянуть объ одномъ, повидимому, ничтожномъ обстоятельстве, которое не прошло, однако, безъ вліянія на послѣдующія событія, такъ какъ самыя незначительныя причины, безспорно, играютъ немаловажную роль въ человѣческихъ дѣлахъ, а отношенія между людьми, нерѣдко, зависятъ отъ впечатлѣній первой ихъ встрѣчи.

Назначеніе г. де Риньи состоялось помимо маршала Клозеля, желавшаго имѣть, подъ своимъ начальствомъ, другаго генерала. Конечно, ему это было непріятно; но приличія требовали скрывать неудовольствіе, а, въ интересахъ справедливости, надлежало подавить въ себѣ явное недоброжелательство. О послѣднемъ будетъ рѣчь впереди; что же касается перваго, то маршалъ Клозель, уже принимая генерала, не сумѣлъ скрыть досады и встрѣтилъ его весьма холодно.

Безспорнымъ подтвержденіемъ служить письмо генерала, помѣченное 20 октября, — днемъ его прибытія. „Я былъ очень удивленъ“, писалъ онъ, „узнавъ, что маршалъ Клозель просилъ о назначеніи, для командованія каваллеріею, совѣмъ не меня..., и хотя онъ не выразилъ неудовольствія прямо, но, какъ будто, мало надѣется на мою опытность. Видишь, мой другъ,— я начинаю съ плохаго предзнаменованія; не придавая, впрочемъ, ему особеннаго значенія, возлагаю надежды на будущее.“ Въ этихъ строкахъ, уже проглядываетъ грустное предчувствіе, которое, къ несчастію, не замедлило оправдаться.

Вы знаете старинную пословицу: *Regis ad exemplar totus conponitur orbis*; и, дѣйствительно, генераль, среди своей арміи, ея глава и король,— повелитель, неограниченный; у него, разумѣется, должны быть подражатели и придворные. Нерасположеніе маршала, весьма скоро, отразилось поэтому на его штабѣ и генераль де Риньи встрѣченъ былъ также холодно многими другими офицерами. Его считали похитителемъ чужаго мѣста, потому что онъ принадлежалъ къ числу *избранныхъ, но не званыхъ*.

Тѣмъ не менѣе, ему поручили командовать авангардомъ, съ приказаніемъ отправиться въ Бону, въ которую онъ и прибылъ немедленно, послѣ неблагопріятнаго морскаго переѣзда. Бона предназначалась мѣстомъ сбора и отправленія войскъ въ походъ. Армія и запасы, „противными вѣтрами и бурями, разсѣянные по всѣмъ направленіямъ“, какъ было сказано въ донесеніи маршала, собирались съ большимъ трудомъ. Солдаты, утомленные морскимъ переѣздомъ, размѣщались въ нездоровыхъ и плохо устроенныхъ казармахъ, протекавшихъ подъ проливными дождями; число больныхъ лихорадкою возрастало въ страшной прогрессіи—въ одномъ 17 легкомъ полку, изъ 1600 человекъ, 600 оказались неспособными къ походу. Самъ маршалъ говоритъ, что, при выступленіи, ему пришлось оставить въ госпиталяхъ (госпиталяхъ Боны!), изъ 7000 солдатъ, цѣлыхъ 2000! Общее мнѣніе признавало безразсудствомъ отправленіе экспедиціи, среди такихъ условій и предостереженій самой природы. Отъ главнокомандующаго не требовалось, въ данномъ случаѣ, никакой предусмотрительности; ему достаточно было понимать настоящее, когда оно взывало само за себя.

Для выясненія обстоятельствъ похода, не бесполезно указать на интенданта отряда, генерала Мелькіонъ д'Арка, съ которымъ намъ еще придется встрѣчаться въ этомъ дѣлѣ, представившаго военному министру слѣдующій рапортъ отъ 2 ноября:

„Дождь, какъ изъ ведра, льетъ день и ночь; горы покрыты снѣгомъ, а низ-

менности залиты и сообщенія прерваны; все это сильно препятствуетъ покупкѣ муловъ и доставкѣ припасовъ. Домовъ мало, да и тѣ протекаютъ; даже въ Бонѣ, часть войскъ валяется на соломѣ въ палаткахъ, но и въ нихъ также чувствуется недостатокъ. Нѣсколько дней тому назадъ, стояла невыносимая жара; теперь, отъ внезапной перемѣны погоды, безпрестанныхъ дождей и невылазной грязи, число нашихъ больныхъ страшно увеличилось. Къ несчастью, этотъ мѣсяцъ и часть декабря надо признать сезономъ дождей и болѣзней. Все это слѣдовало предвидѣть..., да и можно ли было ожидать другихъ, благоприятныхъ условий? Каково бы ни было наше дальнѣйшее здѣсь положеніе, я, и въ данный моментъ, нахожу его весьма тяжелымъ, чтобы не сказать болѣе.“

Особеннаго же вниманія заслуживаетъ отзывъ военнаго министра, какъ лица, по своимъ обширнымъ познаніямъ и высокому положенію въ арміи, безусловно авторитетнаго въ подобномъ дѣлѣ. Многимъ, вѣроятно, памятны слова, сказанныя имъ, по этому поводу, съ такою простотою и силою убѣжденія, въ палатѣ депутатовъ: „Если бы, вмѣсто Парижа, я находился въ Бонѣ, то, непременно, сказалъ бы: ради Бога, господинъ маршалъ, не будемъ двигаться впередъ!“

Генераль де Риньи вполне раздѣлялъ общее мнѣніе; совершенно готовый исполнять приказанія начальника и воздерживаясь отъ непосредственной критики его распоряженій, онъ писалъ своимъ друзьямъ: „Выступленіе въ походъ, среди такихъ проливныхъ дождей и по здѣшнимъ невообразимымъ дорогамъ, было бы явнымъ безуміемъ. Нашъ ничтожный отрядъ, въ концѣ концовъ, попадетъ не въ Константиноу, а въ госпиталь.“

Одинъ только маршалъ, безъ всякихъ колебаній или сомнѣній, сохранялъ полную увѣренность въ успѣхѣ предпріятія и, полагая, что будущее въ его рукахъ, писалъ военному министру: „Распространеніе слуховъ о пріостановкѣ экспедиціи побудило нѣкоторыя племена примкнуть къ Ахмету; но я отправлюсь въ Константиноу. Надѣясь на свою счастливую звѣзду, я выступаю и, въ непродолжительномъ времени, надѣюсь быть тамъ.“¹⁾

Въ то же время, онъ заранѣе отправилъ населенію Константины прокламацію отъ 4 ноября, начинавшуюся слѣдующими словами: „Жители Константины! Я иду на вашъ городъ, хочу взять его и водрузить французское знамя на вашихъ стѣнахъ. Такова воля Государя, моего повелителя, и она будетъ исполнена!“

О, еслибы все произошло именно такъ!

Между тѣмъ, погода не улучшалась; сосредоточеніе же войскъ въ городѣ, лишенномъ здоровыхъ и обширныхъ помѣщеній, при развивающейся въ немъ эпидемической лихорадкѣ, увеличивало лишь бѣдствія отряда. Во избѣжаніе скопленія войскъ въ одномъ пунктѣ,

1) Письма отъ 22 и 28 октября. См. отчетъ г. Жанвьє, стр. 88 и 89.

де Риньи было приказано выступить съ авангардомъ въ Гельму и поджидать тамъ прибытія экспедиціоннаго отряда, употребивъ всѣ мѣры къ обезпеченію похода перевозочными средствами, недостатокъ въ которыхъ былъ весьма чувствителенъ ¹⁾.

Въ рапортѣ о своемъ выступленіи, генераль обнаружилъ мудрую прозорливость человѣка, хорошо знакомаго съ условіями войны и вмѣстѣ—рѣшимость храбраго воина. „Признаюсь“, пишетъ онъ, „я очень желалъ бы встрѣтиться съ ордами Ахмета... Интересно поскорѣе выяснитъ методъ дѣйствій, котораго слѣдуетъ держаться съ людьми совершенно чуждыхъ для насъ нравовъ.“

Выступивъ 28 числа, онъ пролагаетъ путь отряду, но встрѣчаетъ единственное препятствіе въ непроходимости дорогъ; при помощи инженеровъ, устраиваетъ спуски для переправы черезъ Сейбузу, разрабатываетъ подъемы для артиллеріи и обоза, и въ три дня достигаетъ Гельмы. Здѣсь, онъ располагается лагеремъ на холмѣ, у развалинъ древняго римскаго города. Позиція, имъ занятая, была прикрыта съ фронта крутымъ оврагомъ, а съ праваго фланга остатками старинной крѣпости и доставляла авангарду полную безопасность отъ попытокъ непріятеля, служа, въ то же время, для склада припасовъ и стоянки отряда такимъ удобнымъ мѣстомъ, которое, какъ увидимъ впоследствии, принесло не малую пользу цѣлой экспедиціи. „Это вполне военная и основательная мѣра,“ писалъ ему, по этому поводу, со словъ маршала, начальникъ штаба. „Вы прекрасно сдѣлали, воспользовавшись частью стѣны древней крѣпостной ограды Гельмы; маршалъ предлагаетъ вамъ продолжать съ тою же энергіей, всѣ начатыя работы; при чемъ, необходимо закончить ихъ въ возможно скоромъ времени.“ ²⁾

Тѣмъ не менѣе, въ своемъ донесеніи военному министру, маршалъ даже не упомянулъ о распорядительности генерала де Риньи,—все имъ сдѣланное, приурочивая къ своей собственной инициативѣ. ³⁾

Не будь положенія, въ которое поставили его нынѣ, генераль де Риньи—не заикнулся бы, конечно, о своихъ заслугахъ въ дан-

¹⁾ Генераль имѣлъ въ своемъ распоряженіи 150 муловъ съ 4-хъ дневнымъ запасомъ провіанта; ихъ слѣдовало, немедленно, возвратитъ въ Бону, гдѣ ихъ, въ свою очередь, не доставало.

²⁾ Предписаніе отъ 11 ноября.

³⁾ „Въ Гельмѣ, уцѣлѣли многочисленныя развалины римскихъ построекъ, изъ которыхъ особенно сохранилась крѣпостная ограда старой цитадели, могущая служить прекрасною охраною нашей военной стоянки отъ нападеній арабовъ. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и т. д.“

номъ случаѣ; но самый фактъ умолчанія о его дѣятельности и, какъ увидимъ далѣе, — не единичный въ своемъ родѣ, приобретаетъ довольно важное значеніе, какъ несомнѣнное указаніе на злую волю маршала. Упомянутое выше письмо начальника штаба обнаруживаетъ, далѣе, очень слабое знакомство маршала Клозеля съ условіями ввѣренной ему экспедиціи. „По мнѣнію маршала (пишетъ онъ), мѣстность за Гельмой представляетъ почти гладкую равнину, а потому вы могли бы съ полною безопасностью дѣлать рекогносцировки на довольно значительныя разстоянія, для достиженія намѣченной цѣли.“ А, между тѣмъ, окружающая Гельму территория оказалась покрытою значительными горами и съ очень крутыми подъемами. На ней то и возвышается гора Аккари съ ущельемъ Рац-эль-Акба („Опасный переваль“), которое, въ донесеніи самого маршала, признается на столько труднымъ для передвиженія войскъ, что именно ему пришлось цѣлыхъ шесть часовъ тамъ пробираться верхомъ.

Генераль исполнялъ приказаніе, сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста, но жизненные припасы въ его авангардѣ начали истощаться и 12 ноября онъ пишетъ слѣдующее: „Солдаты моей бригады получили провіантъ лишь до 12-го, завтра раздавать имъ уже нечего.“ — Затѣмъ, онъ вынужденъ былъ добавить: „Число больныхъ лихорадкой грозно увеличивается, а безпрестанные дожди не уменьшаютъ ихъ количества. Убѣдительно прошу васъ, господинъ маршалъ, сдѣлать соответствующее распоряженіе о доставленіи мнѣ средствъ для перевозки въ Бону всѣхъ слабыхъ и неспособныхъ къ дальнѣйшему походу людей.“

Здѣсь и на каждомъ шагу далѣе, проглядываетъ, со стороны генерала, та самая любовь къ солдату и заботливость о немъ, которая впослѣдствіи, больше всего, скомпроментировали его въ глазахъ начальства.

Къ этому же рапорту приложенъ официальный отчетъ о больныхъ, число коихъ достигало уже 350¹⁾. Надо ли прибавлять, что 200 человекъ туземныхъ войскъ, которые должны были еще, какъ говорилось, получить значительныя подкрѣпленія, дезертировали.

Тогда, маршалъ сдѣлалъ распоряженіе, очевидно несоответствовавшее положенію дѣлъ.

„Что касается больныхъ, писалъ начальникъ штаба — въ отвѣтъ на приведенный рапортъ генерала, то маршалъ предлагаетъ вамъ добыть, какъ можно болѣе, перевозочныхъ средствъ, чтобы забрать ихъ всѣхъ съ собою. До Константины не дальше, чѣмъ до Боны, а потому лучше оставить всѣхъ больныхъ при отрядѣ.“

1) Маршалъ же, въ своемъ донесеніи, считаетъ ихъ всего 200.

Не странно ли, что, какъ всѣ предположенія, свѣдѣнія или донесенія, затрогивавшія злосчастную экспедицію въ Константиноу, оказывались неточными и ошибочными, такъ, и въ этомъ случаѣ, разстояніе отъ Гельмы до Константины далеко превышало разстояніе до Боны? Походное движеніе отряда обнаружило отношеніе перваго ко второму, какъ 5 къ 3.

Наконецъ, представьте себѣ перевозку несчастныхъ больныхъ по пустынь, при самой отвратительной погодѣ, безъ всякой надежды на какое либо убѣжище, съ запасомъ провіанта только на нѣсколько дней и почти безъ всякаго обоза, когда всѣ средства авангарда, безъ сомнѣнія, дѣлаются еще болѣе ничтожными, по мѣрѣ приближенія къ сферѣ дѣйствій и вліянія противника.

Продолжая настаивать на своемъ, генераль все таки добился того, что нашихъ больныхъ оставили въ Гельмѣ съ достаточнымъ санитарнымъ персоналомъ и подъ соотвѣтствующею военною охраной. Въ донесеніи маршала, совершенно основательно выражается удовольствіе по поводу принятой мѣры:

„Я воспользовался этимъ удобнымъ мѣстомъ, чтобы оставить въ немъ, подъ надлежащею охраной, около 200 человекъ, сильно утомленныхъ пройденнымъ нами путемъ, а потому неспособныхъ къ дальнѣйшему походу въ Константиноу.“

Оставимъ пока авангардъ въ Гельмѣ и перейдемъ къ войскамъ, находящимся въ Бонѣ.

Къ 11 ноября, дожди прекратились; — съ первыми лучами солнца, явилась надежда на хорошую погоду, а потому 13-го отрядъ выступилъ. Но иллюзія была непродолжительна и, послѣ небольшого перерыва, „едва отрядъ расположился на первомъ бивуакѣ, у Бу-Афра (гласитъ одно изъ официальныхъ донесеній, служащихъ для меня, при всякомъ удобномъ случаѣ, оправдательными документами), какъ страшный ливень разразился надъ нимъ.“ ¹⁾

1) „Г. Мелькіонъ д'Аркъ, въ донесеніи военному министру, описываетъ эту первую ночь похода въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Страпная гроза съ тропическимъ ливнемъ застигла насъ въ лагерь подъ Дреганомъ; изъ 220 быковъ отряда половина отъ страха разбѣжалась; земля такъ распустилась, что 14-го утромъ не было почти никакой надежды на дальнѣйшее движеніе нашихъ повозокъ и инженернаго обоза. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, я, войдя въ соглашеніе съ инженернымъ полковникомъ и командиромъ 59 полка, охранявшаго нашъ обозъ, послалъ маршалу, отъ общаго имени письмо, въ которомъ, объясняя всю невозможность дальнѣйшаго движенія, просилъ разрѣшенія остаться на мѣстѣ до пополненія нашихъ перевозочныхъ средствъ и улучшенія погоды.

Но спяги, предназначавшіяся для отправки письма, потребовалъ себѣ конвой изъ 10 кавалеристовъ, которыми мы вовсе не располагали; вслѣдствіе этого, опасаясь отвѣтственности за промедленіе, мы рѣшили продолжать путь.“ (См. отчетъ г. Жанвьє, стр. 93).

Не прерывая движенія, весь экспедиціонный корпусъ собрался въ Гельмъ и 16-го двинулся въ походъ. Авангардъ направился по правому берегу Сейбузы, черезъ которую ему понадобилось перейти вторично; а колонна генерала Трецеля держалась лѣваго берега. Къ счастью, войска съумѣли преодолѣть всѣ трудности пути и передовыя части, совершенно заслуженно, могли приписывать себѣ извѣстную долю успѣха.

За переваломъ черезъ Аккари, мѣстность рѣзко измѣняетъ свой характеръ: возвышенности становятся ниже, а ихъ склоны отложе; почва выгладитъ плодороднѣе и годится для обработки. Тѣмъ не менѣе, генераль вынужденъ сознаться, что, на всемъ пути, ему такъ и не удалось замѣтить, ни разу, тѣхъ мирныхъ и дружественныхъ поселянъ, трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и пастуховъ съ ихъ стадами, которыхъ, въ идиллической и трогательной картинѣ, рисовалъ главнокомандующій министру.

„19 числа,“ говоритъ маршалъ, „мы стали лагеремъ у Раць-Уэдъ-Ценати, и съ этого времени пришлось моему отряду пережить самыя тяжелыя испытанія,—жестоко разочароваться.“ Собственно говоря, всѣ ужасы, переносимые войсками, обуславливались исключительно дурною погодой, которая давала себя знать еще до выступленія изъ Боны. „Всю ночь,“ какъ гласитъ рапортъ, „шелъ такой сильный дождь со снѣгомъ и градомъ, что, казалось, наступила идеальная петербургская зима, а размокшая до нельзя земля напоминала старымъ офицерамъ варшавскую грязь.“¹⁾

Наконецъ, 20 ноября, войска достигли возвышенности, съ которой открылся видъ на Константину. Первоначально рассчитывали пройти все разстояніе отъ Гельмы до Константины въ трое сутокъ; между тѣмъ, послѣ пятидневнаго похода оставалось еще около 5 или 6 лье.

Авангардъ устроилъ бивуакъ у подножія *Памятника*²⁾; къ нему вскорѣ присоединился весь отрядъ, за исключеніемъ обоза и аррьергарда. „Наступилъ такой сильный холодъ (говорится въ рапортѣ), что многіе солдаты отморозили себѣ ноги и нѣсколько человѣкъ умерло.“

Тѣмъ не менѣе, маршалъ Клозель отдалъ на этой стоянкѣ дневной приказъ, начинавшійся такъ: „Экспедиціонный корпусъ

¹⁾ Про эту именно почву Саллюстіи говорить: *Planities limosa hiemalibus aquis paludem fecerat....* (Югурта).

²⁾ Мѣстные жители усвоили себѣ привычку называть *памятниками* древнія развалины, происхожденіе и назначеніе которыхъ имъ неизвѣстны. Въроятно, такое неопредѣленное названіе болѣе говорить ихъ воображенію. (См. отчетъ).

вступаетъ сегодня въ Константиноу, которая служитъ цѣлью его похода. Предписываю главнымъ силамъ остановиться въ виду города, а всему авангарду занять его.“

Затѣмъ, послѣдовали распоряженія о раздѣленіи города на 8 округовъ съ особыми для каждаго начальниками, о средствахъ занятія городскихъ воротъ, о полицейскихъ мѣрахъ и т. п.

Теперь и для уразумѣнія послѣдующаго, не лишнее выяснить, что такое Константиноу? „Положеніе Константиноу,“ какъ совершенно вѣрно указываетъ докладъ, „замѣчательно, ибо, кромѣ одного пункта, она со всѣхъ сторонъ превосходно защищена самою природою.“ Дѣйствительно, „съ трехъ ея фасовъ глубочайшей оврагъ шириною въ 60 метровъ, на днѣ котораго протекаетъ рѣка Уэдъ-Руммель, образуетъ естественный ровъ съ зубчатыми и скалистыми эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, неуязвимыми ни для минъ, ни для ядеръ.“ Только южная сторона слабо защищена и атака ея имѣла бы шансы на успѣхъ: ею командуетъ высота Кудіать-Ати, съ которой видна внутренность города, между тѣмъ какъ единственной защитой ея служитъ простая городская стѣна съ воротами Бабъ-эль-Уэдъ. Равнина же Мансуры,—пунктъ направленія атаки нашихъ войскъ, „сообщается съ городомъ посредствомъ очень узкаго моста, упирающагося въ крѣпкія двойныя ворота, хорошо обстрѣливаемые ружейнымъ огнемъ изъ окружающихъ домовъ и садовъ.“

Безъ сомнѣнія, милостивые государи, я не берусь судить о распоряженіяхъ г. маршала Франціи, развивая передъ вами высшія стратегическія соображенія. Роль моя гораздо скромнѣе: я только представитель своего кліента и отголосокъ мнѣній лицъ, извѣстныхъ военною опытностью. Но, если, съ одной стороны, для уразумѣнія иныхъ специальныхъ вопросовъ, требуются особыя свѣдѣнія, то, съ другой, — очевидность нѣкоторыхъ фактовъ дѣлаетъ ихъ совершенно понятными для каждаго, здравомыслящаго челоуѣка. Такъ, всякому, не посвященному въ это дѣло наблюдателю, ясно, какъ Божій день, что атаковать Константиноу, ни подъ какимъ видомъ, не слѣдовало съ того фаса, который прикрытъ широкимъ оврагомъ съ безопасными отъ минъ и ядеръ, скалистыми стѣнами; тамъ,—гдѣ войска принуждены были дефилировать по мосту узкимъ фронтомъ, подвергая свои длинные фланги убійственному ружейному огню изъ близъ лежащихъ домовъ и садовъ; въ томъ мѣстѣ, наконецъ, гдѣ солдаты, избѣжавъ ранѣ опасности быть убитыми на равнинѣ и мосту, находили, въ заключеніе, преграду изъ двойныхъ крѣпкихъ воротъ. Еще очевиднѣе было, что всѣ усилія направить слѣдовало на Кудіать-Ати и самъ мар-

шалъ признаеть это въ своемъ рапортѣ, говоря: „Не трудно было, съ перваго взгляда, убѣдиться въ необходимости атаковать городъ именно въ этомъ направленіи.“

И при всемъ томъ, г. Клозель направилъ штурмъ не на Кудіать-Ати, а на ворота Бабъ-эль-Кантара,—пунктъ, съ которымъ сопряжены были всѣ, перечисленныя выше трудности и опасности.

Правда, свое рѣшеніе онъ мотивируетъ „полнѣйшею невозможностью доставить туда полевую артиллерію, которая даже на равнинѣ Мансуры увязала въ грязи по самыя ступицы.“ А, между тѣмъ, оказывается, что генераль де Риньи счумѣлъ же подвезти состоявшія въ его распоряженіи горныя орудія на равнину Кудіать-Ати, куда 23 числа подоспѣли съ Мансуры и полевые орудія.

Это уже не какое нибудь, голословное опроверженіе, а совершившійся фактъ!

Повидимому, г. маршаль дѣйствовалъ среди вліянія лицъ, вполнѣ увѣренныхъ, что Константина сдастся при одномъ видѣ нашихъ войскъ, а потому и устремился, безъ разбора, противъ любыхъ, ему попавшихся воротъ. Результатомъ, какъ извѣстно, явилось жестокое разочарованіе, такъ какъ, по взятіи первыхъ воротъ, войска, совершенно неожиданно, наткнулись на вторую ограду, о которую и разбились всѣ ихъ усилія.

Въ то же время, маршаль, приближаясь къ городу, приказалъ г. де Риньи двинуться на лѣвый флангъ и занять высоты Кудіать-Ати. Для надлежащей оцѣнки исполненія возложенной на него задачи, всѣхъ, имъ встрѣченныхъ препятствій и достигнутаго успѣха, надо знать, что Бей Ахметъ не заперся въ Константинонѣ со всѣми войсками, а оказался гораздо предусмотрительнѣе и,—предоставивъ оборону города отряду изъ 1500 турокъ съ большимъ количествомъ кабилонъ подъ командою своего намѣстника Бенъ-Гаиса,—самъ, во главѣ каваллеріи, составлявшей его главныя силы, расположился внѣ города и, вполнѣ рассчитывая на атаку со стороны Кудіать-Ати, занялъ сосѣднія высоты съ цѣлью поставить нашу армію между двухъ огней.

Для достиженія мѣста назначенія, авангарду пришлось три раза переправляться черезъ потоки и рѣку Руммэль, которые, вслѣдствіе проливныхъ дождей, сдѣлались на столько бурными и стремительными, что генераль едва не былъ увлеченъ вмѣстѣ со своей лошадыо однимъ изъ нихъ, при рекогносцировкѣ бродовъ. Къ довершенію бѣдствія, на встрѣчу войскамъ, дулъ такой сильный и пронзительный вѣтеръ съ градомъ, что солдатамъ приходилось, отъ времени до времени, останавливаться, чтобы хотя

немного перевести духъ. И вотъ, при такомъ то ужасномъ холодѣ (по выраженію маршала, настоящей „петербургской“ стужѣ), нашимъ бѣднымъ солдатикамъ довелось 4 раза переправляться по поясъ въ водѣ; они это исполнили съ самоотверженіемъ.

Перейдя Руммэль, отрядъ наткнулся на цѣлыя полчища арабовъ, которые, расположившись на холмахъ, командующихъ подступами къ Кудіатъ-Ати, пользовались не только болѣе выгодною, въ тактическомъ отношеніи, позиціею, но вмѣстѣ — и закрытіями для стрѣлковъ, въ видѣ могильныхъ памятниковъ и ограды мусульманскаго кладбища. Необходимость требовала отбросить ихъ, что и было выполнено съ успѣхомъ. Вмѣсто подмоченныхъ зарядовъ, пришлось употребить въ дѣло одни штыки и непріятель былъ вынужденъ отступить, преслѣдуемый, по пятамъ, эскадрономъ африканскихъ егерей, почти до самыхъ городскихъ воротъ.

Самъ маршалъ оцѣнилъ должнымъ образомъ дѣйствія генерала, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Бригада авангарда, перейдя Уэдъ-Руммэль, съ рѣшимостью и отвагой, заняла высоты, находившіяся въ рукахъ значительнаго отряда кабилловъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города, а затѣмъ утвердилась на нихъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятели.“

Любопытно, что мы не находимъ здѣсь ни малѣйшаго намека о самомъ де Риньи или его офицерахъ, отличившихся въ этомъ дѣлѣ; невольно приходится заключить, что нерасположеніе маршала къ генералу отражалось и на его подчиненныхъ! Мало того, далѣе, мы встрѣтимъ случаи, когда ихъ заслуги приписывались другимъ лицамъ, пользовавшимся особыми симпатіями маршала.

Положеніе авангарда на Кудіатъ-Ати было весьма критическое: боевые припасы частью истощились, частью оказались подмоченными; провіанта не хватало, такъ какъ, со дня выступленія изъ Гельмы, запасы его совсѣмъ не пополнялись; наконецъ, солдаты чувствовали страшный упадокъ силъ, вслѣдствіе изнуренія и холода. А, между тѣмъ, непріятель, вполне рассчитывая на атаку съ данной стороны, направилъ противъ нея всѣ свои силы. На самыя настойчивыя требованія генерала о присылкѣ патроновъ, провіанта и подкрѣпленій, не только не послѣдовало никакого отвѣта, но маршалъ, безъ всякаго предупрежденія, отозвалъ изъ его бригады спаговъ и туземныя войска. Такимъ образомъ, вмѣсто подкрѣпленія, силы авангарда были еще болѣе ослаблены!

Непріятель, конечно, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и 22-го, на разсвѣтѣ, турки направились въ обходъ плато Кудіатъ-

Ати, съ цѣлью ударить намъ во флангъ, а кабилы, въ то же время, атаковали фронтъ. Но этотъ маневръ не удался, такъ какъ наши войска дружно встрѣтили его, на всѣхъ пунктахъ. При этой стычкѣ, генераль, находясь во главѣ 3-го батальона африканскихъ египтянъ подвергался такому огню, что лошадь его и всѣ окружавшіе офицеры были ранены; непріятель же оставилъ на полѣ битвы 150 убитыхъ и потерялъ одно знамя, взятое въ видѣ трофея карабинеромъ 9-го легкаго полка.

Вслѣдъ за тѣмъ, на авангардъ двинулся Ахметъ-бей, который, составивъ весь планъ боя, рассчитывалъ, во главѣ 3000 каваллеріи, ударить намъ въ тылъ, одновременно съ атакою кабилами фронта, а турками лѣваго фланга. Благодаря быстротѣ дѣйствій съ нашей стороны, генераль успѣлъ во время повернуться на арабскую каваллерію и опрокинуть ее.

Приведемъ теперь отзывъ маршала объ этомъ сраженіи: „Почти цѣлый день, бригада авангарда вела блестящій бой съ арабами, вышедшими вмѣстѣ съ турецкою пѣхотой изъ тѣхъ воротъ города, которыя не были нами блокированы въ виду наличности всѣхъ нашихъ силъ только въ 3000 человѣкъ.“ Здѣсь, какъ видите, авангарду снова отдается должная справедливость лишь въ общихъ вырженіяхъ и опять нѣтъ малѣйшаго указанія на отличія отдѣльных частей или храбрыхъ офицеровъ въ этомъ дѣлѣ, которое занимаетъ, однако, самое видное мѣсто во всей кампаніи.

Что же въ такомъ замалчиваніи удивительнаго? Развѣ не генераль де Риньи велъ ихъ къ побѣдѣ?!...

Главнымъ силамъ было приказано начать атаку ночью, пользуясь поддержкою авангарда, который долженъ былъ сдѣлать сильную диверсію въ сторону противника. Приказъ остался на бумагѣ и солдаты, изнуренные уже дневными трудами и всевозможными лишениями, только напрасно простояли часть ночи наготовѣ.

Утромъ, 23 числа,—когда Ахметъ повторилъ свой каваллерійскій натискъ, при поддержкѣ стрѣлковъ изъ города,—генераль, оставивъ подполковника Дювивье съ баталіонами легкой африканской пѣхоты для обороны Кудіать-Ати, немедленно, встрѣтилъ Бея съ остальной частью бригады и, послѣ нѣсколькихъ часовъ кровавой битвы, заставилъ его вновь отступить.

Послушаемъ, еще разъ, что говоритъ маршалъ, по этому поводу: „23 числа, когда артиллерія продолжала громить городъ, бригадѣ авангарда пришлось выдержать очень сильную атаку; она опрокинула непріятеля на всѣхъ пунктахъ, а каваллерія изрубилла большую часть турецкой пѣхоты Бея.“ Въ данномъ случаѣ,

маршалъ не только не грѣшить умолчаніемъ о подробностяхъ, а, наоборотъ, впадаетъ въ противоположную крайность, приписывая успѣхъ этого дня офицеру, совсѣмъ не участвовавшему въ дѣлѣ. „Такое блистательное отраженіе атаки,“ — говорится въ докладѣ, „принадлежитъ, всецѣло, командиру эскадрона г. де Торины, который, въ продолженіи всей кампаніи, проявлялъ необычайное мужество и хладнокровіе.“

Г. Торины, безспорно, заслуживаетъ отличія за рѣдкія военныя доблести и генераль можетъ, съ удовольствіемъ, признавать ихъ; но дѣло въ томъ, что названный офицеръ, не принимая участія въ настоящемъ сраженіи, не могъ отразить и атаки 23 числа. Выясняя дѣятельность его, въ теченіи этого дня, изъ отданныхъ приказовъ и объясненій полковника Корреара, не трудно убѣдиться, что г. де Торины имѣлъ стычку съ непріятелемъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. По этому поводу, не безынтересно выслушать подлинныя слова полковника.

На вопросъ: „Дѣйствительно ли г. де Торины, съ успѣхомъ, отбилъ атаку, какъ говорится въ рапортѣ?“—*онъ отвѣчалъ:* „Я желалъ бы воздержаться отъ указаній въ этой сферѣ и не заявлять о фактахъ, касающихся лично меня; но, будучи поставленъ въ необходимость говорить, считаю долгомъ открыть истину. Командиръ эскадрона г. де Торины, этотъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный и заслуженный офицеръ, находился во время атаки 23 числа, со всѣми своими подчиненными, безусловно, *въ другомъ мѣстѣ*. Натискъ отраженъ непосредственно мною, подъ ближайшимъ руководствомъ г. генерала де Риньи, который, также какъ и я, занималъ мѣсто во главѣ вѣренныхъ мнѣ эскадроновъ.“

Фактъ, полагаю, достаточно очевидный, и не требуетъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, а вы, гг. судьи, скоро убѣдитесь, что онъ и не единичный въ своемъ родѣ!

Между тѣмъ, положеніе, въ которомъ мы покинули авангардъ, было ужасно: старые запасы изсякли, о присылкѣ новаго провіанта никто не думалъ. Состояніе главныхъ силъ пребывало въ неизвѣстности. Наконецъ, около шести часовъ вечера, 23 числа, карабинеръ 2-го легкаго полка, не смотря на страшный холодъ, переправился, раздѣтый, черезъ рѣку Руммель, прискакалъ къ генералу и доставилъ ему слѣдующую, написанную карандашомъ записку: „Генераль! Маршалъ отправилъ къ вамъ патроны и гренадерскую роту 17-го легкаго полка. Разсчитывая сегодня вечеромъ штурмовать мостовыя ворота крѣпости, онъ предлагаетъ вамъ привлечь, на это время, вниманіе непріятеля къ авангарду, хотя часть атаки и не назначенъ. За непроходимостью бродовъ, мы переправиться не могли.“

Подписано: Сентъ-Ипполитъ.

Генераль сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія; но у него вовсе не оказывалось ни саперъ, ни осадныхъ матеріаловъ и инструментовъ, ни пороха, безъ которыхъ немислимъ скольконибудь надежный штурмъ крѣпости. Мало того, когда часъ штурма былъ назначенъ, маршалъ послалъ съ г. де Сентъ-Ипполитомъ приказаніе начать его въ 10 часовъ. Благодаря цѣлому ряду препятствій, г. де Сентъ-Ипполитъ доставилъ это приказаніе лишь къ 11 часамъ вечера, о чемъ онъ самъ заявляетъ, въ своемъ письменномъ показаніи. Далѣе, маршалъ, категорически, назначалъ для штурма африканскій батальонъ, между тѣмъ какъ исполненіе той же задачи г. де Риньи возложилъ раньше на второй легкой батальонъ, который, подъ командою храбраго маіора Шангарнье, присоединился къ авангарду въ ночь съ 21-го на 22 число. Хотя выборъ былъ очень удаченъ, но дисциплина требовала точнаго исполненія приказанія, а замѣна одной части другою еще болѣе замедлила дѣло.

Въ довершеніе несчастія, врагъ оказался на сторожѣ и атака полковника Дювивье не имѣла успѣха; главною же причиною неудачи послужилъ явный недостатокъ средствъ, а не ошибки войскъ или ихъ начальниковъ, поведение которыхъ было, какъ и всегда, безупречно. Въ этомъ то именно дѣлѣ, нашли славную смерть маіоръ Ришепансъ и инженеръ-капитанъ Гранъ; кромѣ нихъ, мы потеряли 31 человекъ убитыми и 62 ранеными.

Съ своей стороны, маршалъ потерпѣлъ серьезное пораженіе при штурмѣ воротъ Эль-Кантара.

Генераль де Риньи, немедленно, принялъ необходимыя мѣры для встрѣчи непріятеля, на случай перехода его утромъ въ наступленіе, какъ этого слѣдовало ожидать. Но, въ пять часовъ утра, г. де Рансэ доставилъ ему приказъ сняться съ бивуака и начать движеніе за рѣку Руммель.

Хотя, по отзыву маршала, „это отступленіе было совершенно очень быстро и вполне удачно,“ но не лишнее уяснить его подробности.

Г. де Рансэ, отъ имени маршала, выразилъ желаніе, чтобы переправа черезъ Руммель окончилась до восхода солнца. Задача оказалась невыполнимой, ибо на авангардѣ лежалъ священный долгъ—обезпечить участь своихъ раненныхъ. Генераль предоставилъ, въ распоряженіе хирурга Бонафона, своего старшаго врача, необходимыя для эвакуированія ихъ средства, въ видѣ 50 лошадей 3-го егерскаго батальона и двухсотъ человекъ команды, собранной ото всѣхъ частей корпуса.

Позже, опровергая показанія полковника Дювивье и маршала

Клозеля, я приведу неоспоримыя доказательства принятыхъ мѣръ, теперь—послѣдуемъ далѣе.

Порядокъ отступленія назначался слѣдующій: во главѣ, долженъ былъ двинуться 17-ый легкой батальонъ, подъ командою полковника Корбина, и занять позицію на противоположномъ берегу Руммэля; за нимъ—походный госпиталь; далѣе—африканскій батальонъ, подъ начальствомъ полковника Дювивье; и, наконецъ, 2-ой легкой батальонъ, вѣранный храброму маіору Шангарнье, составлялъ арріергардъ всей колонны. Въ виду опасности нападенія со стороны арабской каваллеріи, занимавшей низменность,—особенно же при переправѣ въ бродъ,—генераль, во главѣ 3-го полка егерей, прикрывалъ правый флангъ отступленія, занимая мѣсто между своими войсками и Ахметомъ, т. е. самый опасный постъ, на виду у непріятели.

Дислокація была нарушена только полковникомъ Дювивье, причина опозданія котораго не замедлитъ открыться.

Между тѣмъ, наступилъ день, и кабилы, сдѣлавъ вылазку изъ крѣпости, пытались атаковать арріегардъ, но достаточно было незначительнаго маневра одного взвода изъ конвоя, находившагося при генералѣ, чтобы заставить ихъ отступить и тѣмъ обезпечить переправу всей бригадѣ. Генераль оставался на берегу Руммэля, пока не перешелъ рѣки послѣдній солдатъ арріегарда, а, слѣдовательно, переѣхалъ самъ на ту сторону, гораздо позже полковника Дювивье и раненныхъ, занимавшихъ центръ колонны. Спустя нѣкоторое время, авангардъ вытянулся на равнину Мансуры, гдѣ и засталъ маршала Клозеля со всѣмъ экспедиционнымъ корпусомъ, еще не начинавшимъ отступленія и даже не вполне собравшимся.

Таково было поведеніе г. де Риньи подъ стѣнами Константины. Простое описаніе лучше всякихъ похвалъ. Къ тому же, вы слышали отзывы сослуживцевъ генерала, отдающихъ справедливую дань уваженія его мужеству и распорядительности. Неужели этого недостаточно? И развѣ тѣхъ же качествъ не призналъ за нимъ самъ маршаль, вѣрняя ему командованіе арріегардомъ при отступленіи? Не служить ли это послѣднее назначеніе прямымъ доказательствомъ уваженія къ его дѣятельности въ авангардѣ?

Не правъ ли онъ былъ, говоря солдатамъ арріегарда, „Теперь, послѣдніе да будутъ первыми!“ Генераль объ одномъ лишь просилъ г. Клозеля, чтобы его не разлучали съ бригадой, которую онъ полюбилъ, искренно, и съ которою былъ связанъ тѣснѣйшими узами военнаго братства. Просьба эта была уважена.

Въ арміи (если такъ можно назвать столь ничтожный отрядъ), насчитывалось не болѣе 4000 человекъ ¹⁾. Она составила растянутое карре, въ срединѣ котораго помѣщались повозки, обозъ и раненные. Во главѣ, двигались спаги; пѣхота, во взводныхъ колоннахъ, занимала длинные фасы, а тылъ замыкалъ арріергардъ изъ пѣхоты и каваллеріи, обращенный своими задними рядами къ непріятелю. Всѣ фасы карре прикрывались цѣпью стрѣлковъ и развѣздовъ съ эскадрономъ африканскихъ егерей въ качествѣ запаса поддержекъ.

Несомнѣнно, войска отступали съ достоинствомъ и полнымъ успѣхомъ, но, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, самая тяжелая роль досталась на долю арріергарда. Понятно, что честь рѣшенія имъ своей задачи принадлежитъ, въ извѣстной мѣрѣ, лицу, управлявшему его дѣйствіями.

Арріергарду пришлось перенести, во истину, не малыя физическія и, особенно, нравственныя муки. Возбужденные постигшею насъ неудачей, обусловленною не превосходствомъ ихъ силъ, а исключительно неблагоприятными климатическими условіями, арабы, подѣ влияніемъ алчности къ деньгамъ, которыя были имъ обѣщаны за каждую французскую голдву, — съ страшнымъ крикомъ, — бросились на отступавшій отрядъ. „Весь гарнизонъ,“ говорится въ рапортѣ, „и громадное количество арабской каваллеріи, съ яростью, атаковали насъ и особенно арріергардъ.“ Въ сущности же, кромѣ стычки, доставившей г. Шангарнье столь высокое уваженіе всей арміи и Франціи, дѣло не доходило до серьезнаго боя и цѣпи, вмѣстѣ съ развѣздами, прикрывавшія колонну съ боковъ, легко удерживали непріятеля на благородной дистанціи. Движеніе главныхъ силъ только затруднялось имъ, но — онѣ находились внѣ опасности. Ужаснѣе всего, что масса нашихъ несчастныхъ солдатъ, больныхъ, съ отмороженными ногами, изнуренныхъ отъ голода и усталости, не въ состояніи была поспѣвать за отрядомъ. Всѣ повозки и мулы пошли подѣ слабыхъ; каваллеристы сажали ихъ на сѣдла или вовсе уступали имъ своихъ коней; генераль отдалъ въ ихъ распоряженіе всѣхъ собственныхъ лошадей, за исключеніемъ одной верховой, безъ которой не могъ бы имѣть возможности управлять арріергардомъ. Кромѣ того, онъ, всѣми силами, старался облегчить участь изнемогавшихъ, собственноручно поддерживая одного, предлагая другому, для сохраненія энергіи, хотя бы на время, ухватиться за хвостъ или гриву

¹⁾ Маршалъ же, какъ упомянуто выше, считалъ, въ своемъ распоряженіи, только 3000 человекъ.

своей лошади; словомъ сказать, съ его стороны, были употребляемы всевозможныя усилія для помощи несчастнымъ. И точно,— всѣ, заслушанныя вами показанія офицеровъ его бригады, единогласно, свидѣтельствуютъ о заботливости и гуманности генерала, по отношенію къ вѣрнымъ ему солдатамъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ его мѣропріятія оказывались, нерѣдко, напрасными. Полнѣйшее истощеніе и упадокъ силъ дѣлали бесполезными всякія увѣщанія и угрозы: бѣдные люди отставали и, почти замертво, падали на землю, гдѣ свирѣпыя арабы, чуть не въ то же мгновеніе, отнимали у нихъ послѣднія искры жизни!

И все это происходило у нашихъ войскъ на глазахъ!....

Я себѣ позволяю спросить у васъ, милостивые государи, что можетъ быть печальнѣе такого, раздирающаго душу зрѣлища? Смерть, настигая своихъ жертвъ въ борьбѣ съ врагомъ и въ самомъ пылу сраженія, носить извѣстный отпечатокъ величія, славы, даже блеска: солдатъ падаетъ, подъ ударами противника, и умираетъ, какъ герой. Но его кончина не остается безъ отмщенія: изнемогая, онъ самъ раздаетъ кровавыя раны, а его товарищи, разгнѣванные картиною пролитой крови своего близкаго, кидають, съ новою силою, въ ряды непріятели, смерть и пораженіе! Мало того, побѣда принесетъ упокоеніе душъ усопшаго, а, можетъ быть, и лавры украсятъ его могилу!

Но видъ подобной смерти, безъ борьбы, безъ малѣйшаго возмездія врагу; смерти холодной, жалкой, скорѣе похожей на гнусное убійство; видъ безпощадной руки варвара, которая сражаетъ обезсиленнаго и беззащитнаго героя...., все это способно привести въ отчаяніе, сокрушить даже черствую душу и заставить дрогнуть самыя мужественныя сердца!

И вотъ, что именно пришлось созерцать генералу де Риньи, въ теченіи первыхъ двухъ дней отступленія! Для полнаго знакомства съ подробностями, я могу сослаться на описанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, особенно же—на г. де Вернона, поручика 3-го эскадрона африканскихъ егерей ¹⁾.

¹⁾ „Мы продолжали путь. По всей дорогѣ отъ „памятника“ Константины, намъ приходилось видѣть передъ собою несчастныхъ солдатъ, едва волочившихъ ноги отъ изнуренія, не смотря на хорошую погоду; сади же, открывалось болѣе страшное зрѣлище: выбившіеся изъ силъ отставали и, падая, находили смерть подъ ударами настигавшихъ арабовъ. Пусть не обвиняють насъ, такъ какъ всѣ участники похода свято исполняли свой долгъ: офицеры и солдаты отдавали своихъ лошадей подъ раненныхъ и больныхъ; вскорѣ кончилось тѣмъ, что цѣлый эскадронъ африканскихъ егерей, обратился въ простую пѣхоту. Часто, для защиты отсталыхъ, которымъ угрожала неминуемая смерть, намъ приходилось открывать огонь по непріятелю. Желая

Эти факты подтверждаются всѣми и потому не подлежат сомнѣнію.

Къ полудню 25 числа, нападенія арабовъ стали повторяться рѣже. Въ 3 часа, огонь ихъ почти совсѣмъ прекратился, но они все таки поджидали себѣ новыхъ жертвъ усталости, болѣзней и голода, держась, однако, въ почтительномъ разстояніи отъ отряда. Тѣмъ не менѣе, наше движеніе продолжалось, безъ отдыха, съ семи часовъ утра, хотя генераль де Риньи, нѣсколько разъ, просилъ маршала дать войскамъ привалъ или, по крайней мѣрѣ, замедлить отступление. Такія просьбы не удостоивались даже отвѣта: повидимому, маршалъ нисколько не смущался положеніемъ несчастныхъ, которыхъ онъ не видѣлъ, и голова колонны должна была идти скорымъ шагомъ, чтобы поспѣвать за невозможнымъ для похода аллюромъ лошади своего полководца ¹⁾.

Ясно, что число отсталыхъ все увеличивалось; съ наступленіемъ же темноты офицеры замѣтили, что услѣдить за всѣми, падавшими на землю солдатами невозможно, и имъ приходилось, опять и еще разъ, всячески, побуждать ихъ къ слѣдованію далѣе. Новая причина бѣдствій и худшихъ потери!....

возбудить мужество и силы въ солдатахъ, отказывавшихся отъ дальнѣйшаго движенія, генераль вынужденъ былъ прибѣгать и къ угрозамъ, и къ мольбамъ, но, большею частью, безуспѣшно. По временамъ, онъ шелъ пѣшкомъ, собственноручно поддерживая изнемогавшихъ и предлагая имъ опираться на свою лошадь, которую онъ не могъ отдать за неизбѣннѣе, въ своемъ распоряженіи, другихъ. Распуценный его врагами слухъ, что будто бы онъ кинулъ своихъ раненныхъ на произволь судьбы—гнуснѣйшая клевета! Подобный поступокъ настолько противенъ духу военачальника вообще, что, во всей французской арміи, не нашлось бы лица, способнаго на него.

Самымъ тяжелымъ днемъ, по физическимъ и нравственнымъ мукамъ, нами перенесеннымъ, было 25 число. При видѣ такого большаго числа отстающихъ, больныхъ и раненныхъ, арабы набрались храбрости и преслѣдовали насъ густыми толпами, а Бей вывелъ изъ Константины даже артиллерію, которая, къ счастью, не нанесла намъ никакихъ потерь. День казался долгимъ и пемыносию тягостнымъ для горемыкъ, умирившихъ отъ крайняго изнеможенія. На привалѣ, солдаты валялись, какъ снопы, подкладывая подъ головы ранцы, растягивались на землѣ,—въ надеждѣ хотя бы кратковременнымъ отдыхомъ заглушить свои страданія и чувство голода; уже задолго до остановки, всѣ спрашивали другъ у друга, скоро ли, наконецъ, дадутъ отдыхъ? Съ наступленіемъ ночи, отрядъ остановился, получивъ приказаніе раздобыть топлива и воды. Громкое названіе топлива давалось колючимъ травамъ, покрывавшимъ окружающую мѣстность, которая въ пучкахъ приносились солдатами на ружейныхъ штыкахъ; ими пользовались для поджариванія хлѣбныхъ зеренъ и согрѣванія коченѣвшихъ отъ ночнаго холода членовъ. Если бы арабы сдѣлали набѣгъ на разбросанный отрядъ, въ подобную минуту,—положеніе наше оказалось бы, въ высшей степени, критическимъ!⁴

¹⁾ По словамъ г. Мортелара, „скорый ходъ лошади маршала заставлялъ голову колонны двигаться быстрѣе обыкновеннаго; вслѣдствіе этого, арріергардъ отставалъ и вся колонна разрывалась на двѣ части.“

Наконецъ, еще одно обстоятельство угрожало осложненіемъ тягостей отряда.

Арабы, не показывавшіеся въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, вдругъ появились, въ стройномъ порядкѣ, со стороны нашего праваго фланга и почти на высотѣ передовыхъ частей.

Весьма естественно было разсчитывать или, по меньшей мѣрѣ, въ силу осторожности, предполагать, что непріятель составилъ планъ нечаяннаго нападенія на правый флангъ, съ цѣлью разъединить наши силы. По словамъ одного опытнаго генерала, „предъ лицомъ противника, искуснаго въ маневрированіи, подобный планъ слѣдовало считать не только вѣроятнымъ, но и не подлежащимъ сомнѣнію.“

Конечно, даже при его осуществленіи, арабы не имѣли бы успѣха. Вездѣ, гдѣ они только ни показывались, генераль де Риньи, предупреждая атаку, всегда разгонялъ ихъ быстро; причемъ, во все время отступленія, простыхъ стрѣлковъ и разъѣздовъ оказывалось вполне достаточно для сдерживанія непріятели.

Однако, новое появленіе арабовъ могло нарушить порядокъ движенія, повлечь за собою еще большее утомленіе солдатъ, а, слѣдовательно, и увеличить число отсталыхъ, неизбѣжно дѣлавшихся жертвою варваровъ,—такъ какъ малѣйшая остановка отряда для боя, затѣмъ, потребовала бы форсированнаго марша для соединенія арріергарда съ главными силами. Очевидно, что, если и безъ того, масса солдатъ едва двигалась отъ совершеннаго утомленія, то, въ послѣднемъ случаѣ, у нихъ не хватило бы силъ и энергіи для ускоренія шага. Таковы были мысли, угнетавшія генерала де Риньи; но онъ заботился не о личной безопасности, не о сохраненіи собственной жизни, которою онъ рисковалъ много разъ, съ такимъ мужествомъ и хладнокровіемъ, въ стычкахъ съ тѣми же арабами; располагая всѣми средствами защиты, не о самомъ себѣ думалъ онъ а, единственно, о своихъ войнахъ и только о нихъ однихъ. За эти чувства ему краснѣть не приходится, и они будутъ достойно оцѣнены военачальниками, признающими священнымъ долгомъ своимъ, неустанно, заботиться о вѣреннхъ имъ войскахъ; всѣми, наконецъ, офицерами, которые, раздѣляя невзгоды солдата, не могутъ не сострадать ему и готовы положить за него душу свою. Горе тому, кто утратилъ способность понимать ихъ!

Подъ влияніемъ такихъ скорбныхъ, проникнутыхъ любовью къ солдату, размышленій, генераль просилъ маршала дать отряду хотя нѣсколько минутъ отдыха или, по крайней мѣрѣ, замедлить движеніе. Весьма естественно, что неполученіе отвѣта сильно огорчило его; что, исключительно подъ влияніемъ тѣхъ же мы-

слей, потерявъ всякую надежду дожидаться офицера, посланнаго къ маршалу и долго не возвращавшагося, онъ рѣшилъ лично отправиться къ своему начальнику для изложенія всѣхъ обстоятельствъ этого страшнаго дня; привлечь его вниманіе къ усугубленію несчастій отряда съ наступленіемъ ночи и убѣдить его, немедленно, расположиться бивуакомъ; ему предстояла, далѣе, горькая участь ознакомить передовыя войска съ тѣми картинами ужаса и печали, которыя переживалъ арріергардъ, подбирая тѣла отсталыхъ. Необходимо замѣтить, что, по его мнѣнію, въ данный моментъ, отрядъ находился въ совершенной безопасности, что непріятель былъ далеко, что, ни въ какомъ случаѣ, нельзя было рассчитывать ни на нечаянное нападеніе, ни даже на малѣйшую помѣху съ его стороны. Прибавимъ, что генераль твердо надѣялся встрѣтить маршала недалеко отъ себя или въ головѣ колонны, но никакъ не на значительномъ разстояніи ото всѣхъ войскъ.

Увы, сейчасъ мы увидимъ, насколько были ошибочны его расчеты!.....

Рѣшивъ оставить на время арріергардъ, генераль передалъ командованіе имъ полковнику Корбину, какъ совершенно надежному человѣку, а самъ отправился впередъ.

На пути, онъ замѣтилъ нѣкоторый безпорядокъ въ частяхъ войскъ, слѣдовавшихъ передъ арріергардомъ, или, по выраженію свидѣтелей происходившаго, какъ бы разстройство и замѣшательство въ рядахъ ¹⁾). Правда, все это можно было считать результатомъ утомленія и сознанія безопасности, но, во всякомъ случаѣ, порядка не было. Поравнявшись съ 59 линейнымъ батальономъ, онъ, невольно, обратилъ вниманіе на солдатъ, рассыпавшихся по равнинѣ, и тотчасъ же указалъ офицерамъ на неудобство подобнаго состоянія отряда, а также на грустныя послѣдствія, которыя повлекло бы за собою нападеніе арабовъ на ихъ батальонъ, занимавшій ближайшую къ непріятелю сторону всего карре. Ему отвѣчали, что солдаты заняты добычею топлива и воды для предстоящаго бивуака; отправившись далѣе и подѣхавъ къ передовой части, генераль обратился къ группѣ офицеровъ съ просьбою сообщить ему о мѣстѣ нахождения маршала; оказалось, что сей послѣдній поскакалъ впередъ, съ цѣлью розыскать становище кочующихъ арабовъ. Такимъ образомъ, всѣ его старанія добиться столь необходимаго для солдатъ отдыха были тщетны!

Тогда, онъ, съ увлеченіемъ глубоко убѣжденнаго человѣка,

¹⁾ Г. г. герцогъ Мортенаръ, Бодъ, Шаслу-Лоба и другіе.

выяснилъ окружающимъ причину своего появленія во главѣ колонны: онъ говорилъ, что авангардъ обремененъ отсталыми и не способными къ дальнѣйшему походу; что вся колонна двигается въ безпорядкѣ, между тѣмъ какъ Ахметъ угрожаетъ ея правому флангу и можетъ атаковать во всякую данную минуту; что если дѣло будетъ идти въ томъ же родѣ, то отрядъ легко можетъ потерять не менѣе двухсотъ человѣкъ!...

Все, имъ сказанное, было абсолютно вѣрно и основательно, но,—благодаря ли быстротѣ его рѣчи, не ясно выраженной или дурно понятой; благодаря ли тому, что слова его, переходя изъ устъ въ уста, потеряли свой истинный смыслъ, или по какой-либо другой, неизвѣстной мнѣ причинѣ,—только, въ результатѣ, всѣ мысли его оказались вполне извращенными. Такъ, напримеръ, когда генераль, намекая на 59 батальонъ, говорилъ о безпорядкахъ въ отрядѣ, одни поняли, что это относится къ аррьергарду, всегда находившемуся въ строгомъ порядкѣ, другіе же вывели заключеніе, что аррьергардъ совершенно разстроены. Если бы послѣднее было вѣрно, то вся рѣчь генерала сводилась бы къ простому и явно бесполезному самообвиненію, походя на бредъ умалишеннаго. Въ равной мѣрѣ, соображеніе генерала о возможности потерять, вслѣдствіе такого продолжительнаго и безпорядочнаго отступленія, до 200 человѣкъ, было принято за дѣйствительность и рассказывали, будто онъ самъ уже потерялъ 200 человѣкъ.

Изъ цѣлаго ряда такихъ недоразумѣній и возникъ настоящій процессъ.

Именно, возлѣ упомянутой группы офицеровъ, генераль встрѣтилъ одного изъ адъютантовъ маршала Клозеля, г. Наполеона Бертрана, и между ними произошелъ разговоръ, о которомъ я буду трактовать впоследствии.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Бертранъ, немедленно, поспѣшилъ къ маршалу, для доклада ему обо всемъ, слышанномъ или извѣстнымъ образомъ понятомъ имъ, изъ разсказа генерала. Съ своей стороны, генераль де Риньи, не желая оставлять аррьергардъ на продолжительное время и отдѣляться отъ всего отряда, повернулъ лошадь и медленнымъ шагомъ возвратился къ своему посту. Въ то же время, маршалъ Клозель, предупрежденный Бертраномъ, поскакалъ къ аррьергарду, въ объѣздъ всей колонны, отдалъ по пути нѣсколько приказаній и скоро встрѣтился съ генераломъ.

Г. де Риньи возобновилъ свои предложенія и замѣчанія съ тѣмъ же одушевленіемъ, нисколько, впрочемъ, не нарушая правилъ подчиненности главному начальнику; несомнѣнно, при другомъ об-

ращеніи генерала, маршалъ остановилъ бы его, заставивъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ личности и положенію командующаго всѣмъ отрядомъ. Таково было не одно право г. маршала, а прямой долгъ его службы и дисциплины! Но, вмѣсто того, де Риньи былъ выслушанъ очень спокойно, а его доводы были найдены вполнѣ основательными, доказательствомъ чему служатъ распоряженія г. Клозеля, относительно мѣръ предосторожности, на случай нападенія непріятели; по поводу же необходимости остановить походъ, онъ ограничился отвѣтомъ: „Да, мы остановимся, только вы, генералъ, конечно, позвольте дойти отряду до найденнаго мною дуара.“ Всѣ эти переговоры заняли не болѣе 20 минутъ времени. Отступление продолжалось по прежнему..., и лишь въ 10 часовъ вечера войскамъ разрѣшено было стать бивуакомъ для отдыха!...

Вотъ чѣмъ, прямо говоря, исчерпывается дѣло, заставившее генерала сѣсть на скамью подсудимыхъ!

Прослѣдимъ же мѣропріятія г. маршала, въ этотъ достопамятный вечеръ 25 ноября, такъ какъ очень важно уяснить подробности того, что онъ долженъ былъ сдѣлать и какъ поступилъ на самомъ дѣлѣ. Инсинуируютъ, во первыхъ, что генералъ покинулъ свой постъ, а, между тѣмъ, маршалъ, при встрѣчѣ съ нимъ, не только не налагаетъ никакого на него взысканія, но даже не дѣлаетъ выговора! Во вторыхъ, г. Наполеонъ Бертранъ передаетъ маршалу объ оскорбленіяхъ, ему будто бы, заочно, нанесенныхъ де Риньи, и, при всемъ томъ, г. Клозель не обнаруживаетъ никакой строгости въ обращеніи къ генералу! Тѣ же мнимыя обиды маршалъ лично выслушиваетъ отъ него и опять не возмущается ими! Наконецъ, говорятъ, г. де Риньи, окончательно, потерялъ голову, обнаружилъ унижительную слабость и трусость, а, тѣмъ не менѣе, шпага этого труса, явно опозорившаго свой мундиръ, осталась неприкосновенною и армія не избавилась, въ тотъ же моментъ, отъ такого малодушнаго и постыднаго начальника!...

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, это невысказано, и никто не повѣритъ этому!

Пусть не говорятъ намъ, что подобное дѣло требовало времени для размышленія. Всякая обида, вообще, чувствуется сильнѣе всего въ моментъ ея нанесенія, а оскорбленіе, въ родѣ упомянутаго мною, само по себѣ, относится къ разряду проступковъ, требующихъ, въ военномъ быту, немедленнаго, строжайшаго и неумолимаго взысканія.

Что же касается храбрости,—этой главнѣйшей добродѣтели солдата,—то, какъ извѣстно, въ арміи существуетъ особенная, инстинктивная и безошибочная оцѣнка ея, съ чѣмъ, я увѣренъ,

согласитесь и вы, милостивые государи, наравнѣ со всѣми, достойными офицерами, присутствующими въ этомъ залѣ. Малѣйшій признакъ малодушія, слабости или даже нерѣшительности живо затрогиваетъ идею чести военныхъ, подмѣчается ими съ такою же ясностью и совершенствомъ, съ какими опытный музыкантъ улавливаетъ всякій фальшивый или неполный звукъ. Уразумѣніе недостатковъ этого рода не требуетъ долгихъ изысканій; замѣтить ихъ, почувствовать, осудить и произнести приговоръ — дѣло одной минуты. Молчаніе начальника, въ подобномъ случаѣ, равносильно оправданію, а мы видимъ, что маршалъ, во весь день 25 числа, не выразилъ никакого порицанія.

Но, какъ бы ни было, а дѣло идетъ о фактахъ, которые возбуждаютъ и затрогиваютъ всѣхъ, о которыхъ говорятъ, признавая ихъ достойными глубокаго сожалѣнія.

Вслушаемъ же отзывъ офицера, состоявшаго, въ качествѣ ординарца, при особѣ г. Клозеля.

„Г. Маршалъ (говорить г. де Дрэ), не сдѣлавъ ни одного замѣчанія, по поводу происшедшаго, сказалъ только: „Пойдемте спать, такъ какъ уже поздно, и постараемся, чтобы впредь наше отступленіе не встрѣчало никакихъ препятствій.“

Другой свидѣтель, человѣкъ серьезный, справедливый и чуждый постороннему влиянію, г. герцогъ де Мортемаръ, сообщаетъ намъ о своемъ разговорѣ съ маршаломъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „г. Клозель рассказывалъ мнѣ обо всѣхъ событіяхъ этого вечера совершенно спокойно, безъ неудовольствія противъ кого-либо и даже не произносилъ имени г. де Риньи.“

А, развѣ, говоря о происшествіяхъ даннаго момента, было возможно обойти молчаніемъ такіе выдающіеся факты, какъ проявленіе со стороны генерала малодушія и неповиновенія, а также самовольное оставленіе имъ своего поста?..

Но, въ дѣлѣ, есть нѣчто, гораздо болѣе важное, — и я не знаю, когда бы мнѣ слѣдовало уже не возвращаться къ нему? Здѣсь, на лице, одинъ изъ тѣхъ многозначительныхъ факторовъ, которые исключаютъ малѣйшее сомнѣніе. Трудно понять, почему маршалъ не наложилъ строгаго взысканія на генерала де Риньи за всѣ, приписываемые ему проступки; но уже совершенно непостижимо, какимъ образомъ, будучи непосредственнымъ ихъ свидѣтелемъ, — если только они дѣйствительно имѣли мѣсто, — главнокомандующій какъ бы одобрилъ ихъ своею властью и доказательствами довѣрія къ обвиняемому. Въ тотъ же самый вечеръ, онъ назначилъ генерала де Риньи начальникомъ лагеря, — вотъ подлинный приказъ, написанный подъ диктовку Клозеля:

„25 ноября 1836 года“.

„Г. Маршалъ приказываетъ всѣмъ частямъ заготовиться провіантомъ, въ количествѣ четырехъ фунтовъ на человѣка. Начальникамъ частей предписывается соблюдать строжайшую бдительность въ виду того, что арабы расположились бивуакомъ не въ далекомъ разстояніи отъ лагеря. Равнымъ образомъ, необходимо, при завтрашнемъ отступленіи, поддерживать наибольшій порядокъ.“

Начальникамъ артиллеріи и инженеровъ, въ теченіи всего похода, принять мѣры къ перевозкѣ, на состоящихъ въ ихъ распоряженіи подводахъ, всѣхъ раненныхъ и больныхъ, которыхъ невозможно будетъ отправить другими средствами; лошади одного эскадрона африканскихъ егерей назначаются для той же цѣли.

Генераль де Риньи опредѣляется начальникомъ лагеря на всѣхъ ночлегахъ отряда; ему же предоставлено право назначенія командировъ фасовъ карре, а также виѣняется въ обязанность наблюденіе за несеніемъ, въ ночное время, сторожевой службы.

Г. Маршалъ замѣтилъ, что, во весь сегодняшній день, велась слишкомъ ученная стрѣльба, а потому считаетъ нужнымъ напомнить начальникамъ отрядовъ о вредѣ столь частаго огня, за собою влекущаго бесполезную трату дорогихъ патроновъ, приучающаго арабовъ къ нашимъ выстрѣламъ и, сверхъ того, замедляющаго движеніе войскъ, при совершенно напрасномъ утомленіи солдатъ.

Утреннюю зорю пробить въ пять часовъ утра, а въ 6¹/₂—выступить въ походъ.

По приказанію маршала, генераль-губернатора,

Подписано: Дюверже.“

Отсюда видимъ, какъ перевозносятся человѣка вечеромъ, а на утро преслѣдуютъ! Сегодня восхваляютъ, завтра хотятъ погубить! Боже мой, какое легкомысліе!!..

И какъ, прочитавъ эти распоряженія, не сокрушаться, при видѣ того непостижимаго дневного приказа, о которомъ я, въ скоромъ времени, буду имѣть честь говорить вамъ!?

На слѣдующій день, 26 числа, отступленіе продолжалось. Генераль ѣхалъ во главѣ своей бригады. Арабы возобновили пальбу, но силы ихъ были значительно слабѣе, а нападенія не такъ упорны; наши потери оказались ничтожными, и въ 4 часа пополудни отрядъ расположился лагеремъ у Зиди-Тамтамъ.

Что же случилось, со вчерашняго дня, и чѣмъ могло быть нарушено спокойствіе духа г. Клозеля? Что могло вооружить его противъ генерала де Риньи, самое имя котораго даже не упоминалось въ разговорахъ маршала о событіяхъ дня, предыдущаго?

Безусловно ничего!

Генераль исполнялъ свои обязанности, въ теченіи 26 ноября, безукоризненно и въ упущеніяхъ его не обвиняетъ никто. Но всѣ, полученные маршаломъ извѣты раздражили его, показались ему щекотливыми, затронувъ одну изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ человѣческаго сердца,—личное самолюбіе!

Ознакомимся, по этому поводу, хотя бы то свидѣтелями обвиненія.

Г. де Дрэ говорить такъ:

„До слѣдующаго дня, о дѣлѣ генерала де Риньи мнѣ приходилось слышать только глухіе отзывы; но, въ этотъ день, я, вмѣстѣ съ товарищами, встрѣтилъ нѣкоторыхъ офицеровъ своего полка, недовольныхъ поведеніемъ генерала; мы бесѣдовали, между прочимъ, съ г. де Рансэ и спрашивали его мнѣнія относительно необходимости сообщить маршалу о ходившихъ въ отрядѣ, прискорбныхъ слухахъ. Г. де Рансэ принялъ эту миссію на себя и не замедлилъ передать главнокомандующему все, что говорилось между нами. Маршалъ не придалъ этому никакого значенія; по поводу же обстоятельство разсказа, касавшихся его личности, отвѣтилъ: „Пусть говорятъ; маршалъ, подобный мнѣ, стоитъ выше такихъ намековъ!“

Г. де Рансэ также описываетъ волненіе среди штабныхъ офицеровъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ продолженіи этого дня, нѣсколько офицеровъ, состоящихъ при особѣ маршала, а именно капитанъ де Дрэ, артиллерій-капитанъ Бэхіесь, кавалерійскій поручикъ Бертранъ, поручикъ Рюбелль, одинъ за другимъ, говорили, что, побывавъ въ арріергардѣ, слышали обращенныя къ нимъ, раздраженныя и до того оскорбительныя рѣчи генерала де Риньи, что слѣдовало бы довести ихъ къ свѣдѣнію маршала. Я долго ихъ отговаривалъ, не желая брать дѣло на себя, но, когда капитанъ де Дрэ, еще два раза, повторилъ мнѣ различныя подробности о рѣзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ, употребленныхъ, по его словамъ, генераломъ де Риньи, и, повидимому, самъ хотѣлъ сообщить обо всемъ главнокомандующему, я, одинъ, подошелъ къ нему и, не упоминая имени генерала де Риньи, сказалъ: „Г. маршалъ! Судя по многимъ указаніямъ, слѣдующимъ мнѣ почти всѣми нашими офицерами, въ арріергардѣ распространены самыя недѣльные и неприличные слухи о васъ; мнѣ кажется, слѣдовало бы на нихъ обратить вниманіе. Не давъ никакого отвѣта, маршалъ повернулъ лошадь и направился къ арріергарду, гдѣ и пробылъ извѣстное время.“

Однако, не эта, а иная, несравненно болѣе внушительная демонстрація произвела потрясающій эффектъ на умъ г. Клозеля.—Слыша разговоры вокругъ себя, но отнюдь не заботясь ихъ провѣрить, человекъ, среди арміи видный,—генераль-интендантъ Мелькіонъ д'Аркъ, придумываетъ собрать подчиненныхъ и, въ нѣкотораго рода процессіи, съ очевиднымъ намѣреніемъ отгнать ее, идетъ къ маршалу, скорбитъ о происшедшемъ, а кстати повергаетъ къ его ногамъ и свою личную преданность.

Но пусть разсказываетъ самъ авторъ событія:

„Не имѣя возможности поговорить съ маршаломъ частнымъ образомъ, я, на слѣдующее утро, отправился въ его палатку для выраженія ему соболѣзнованія по поводу случившагося, а также съ цѣлью заявить, отъ имени всѣхъ моихъ подчиненныхъ, о глубокомъ довѣрїи нашемъ къ его способностямъ и распорядительности, благодаря которымъ отрядъ, разумѣется, благополучно достигнетъ Боны; я увѣрилъ его, что, съ этой цѣлью, мы, въ случаѣ необходимости, готовы сами стать въ ряды, наравнѣ съ простыми солдатами, и всѣми мѣрами способствовать его предначертаніямъ.“

Какъ далеко этотъ слогъ отъ выраженной его же письма изъ Боны!?...

Во всякомъ случаѣ, если вѣрить свидѣтельству г. де Рансэ, г. интендантъ, подъ вліяніемъ печальныхъ результатовъ, къ которымъ привела его манифестація, очевидно, старается теперь ослабить впечатлѣніе ея общей картины. И дѣйствительно, г. де Рансэ излагаетъ данный эпизодъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Г. Мелькіонъ д'Аркъ, во главѣ группы подчиненныхъ ему интендантскихъ, а равно инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, подошелъ къ г. Клозело и, съ чувствомъ, ему сказала такую рѣчь:—„Г. маршалъ! Позвольте вамъ засвидѣтельствовать о негодованіи, которое возбуждаетъ въ насъ образъ дѣйствій генерала де Риньи.“—Продолжая говорить много, въ томъ же родѣ, г. Мелькіонъ д'Аркъ указалъ, дагѣ, на таланты и хладнокровіе маршала, благодаря которымъ нашъ отрядъ выходилъ, въ данную минуту, изъ всѣхъ затрудненій. Обращеніе свое онъ закончилъ патетически: „Я не нахожу словъ, г. маршалъ, для выраженія всей силы моего гнѣва.“

Я прошу васъ, господа, обратить вниманіе на обстоятельство, что, считая нужнымъ заявить маршалу о своемъ негодованіи, г. Мелькіонъ д'Аркъ, лично, не слышалъ по дѣлу ничего,—какъ это выяснилось на его допросѣ ¹⁾. А, между тѣмъ, онъ самъ по себѣ относился къ генералу съ большимъ уваженіемъ, что ясно видно изъ слѣдующаго показанія его на судѣ, которое я считаю должномъ привести вамъ дословно:

„Я полагалъ, что слѣланная генераломъ и для него имѣвшая столь роковой исходъ оплошность была результатомъ чрезмѣрнаго развитія воображенія,—съ одной стороны, отъ незнакомства съ военными обычаями арабовъ и постоянного созерцанія самыхъ ужасныхъ сценъ, а съ другой,—отъ преувеличенія опасности, въ виду нѣкоторыхъ передвиженій непріятели и при сознаніи тяжелой обязанности защиты принца и всего отряда, лежавшей на аррьергардѣ. Помимо этого, въ теченіи всей кампаніи, не приходилось мнѣ слышать отзывовъ, которые не воздавали бы должной справедливости личной храбрости генерала и тѣмъ благороднымъ намѣреніямъ, которыя, неизмѣнно, воодушевляли его.“

Если судить по этому, то г. Мелькіонъ д'Аркъ, принося торжественныя сожалѣнія маршалу, по всей вѣроятности, не думалъ о ихъ послѣдствіяхъ для генерала де Риньи, и, стало быть, этотъ официальный доносъ не заключалъ въ себѣ никакого злого умысла. Онъ слышалъ кое-что, повѣрилъ всему и нашелъ полезнымъ обратиться къ главнокомандующему съ выраженіемъ преданности и соболѣзнованія. Но, какъ бы ни были благородны его намѣренія, результатъ ихъ оказался не менѣе ужасенъ, и г. Бэхіесъ, одинъ изъ адъютантовъ маршала, свидѣтельствуешь

¹⁾ „Съ самаго отъѣзда генерала де Риньи изъ Боны 6 ноября, я не встрѣчался съ нимъ, впредь до возвращенія его въ Алжиръ, въ половинѣ декабря.“—Надо думать, что и сынъ г. Мелькіонъ д'Арка, состоявшій въ одномъ изъ полковъ экспедиціоннаго отряда, также ничего не слышалъ лично, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы привлеченъ къ дѣлу, въ качествѣ свидѣтеля. Такимъ образомъ, выходитъ, что г. Мелькіонъ д'Аркъ основывался, исключительно, на слухахъ.

объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Только около 4 часовъ вечера, вслѣдъ за посѣщеніемъ г. интенданта, выражавшаго свой гнѣвъ по поводу генерала де Риньи, маршалъ рѣшилъ, наконецъ, принять мѣры. Этотъ послѣдній фактъ мнѣ подтверждали многіе свидѣтели.“

Кому, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно, что удары, наносимые оскорбленному самолюбію, наиболѣе чувствительны и вызываютъ самые сильные, неожиданные порывы. Особенно же нестерпимы они для лицъ, которыя, по своему исключительному положенію, привыкли къ непрестанному уваженію и субординаціи окружающихъ. Безъ сомнѣнія, для главы арміи, было бы гораздо лучше и благороднѣе заглушать въ себѣ личныя чувства, не поддаваясь ихъ вліянію. Сципіонъ обнаруживалъ величіе души именно въ тѣ времена, когда ему приходилось угнетать собственныя страсти. Но Сципіоны вообще рѣдки, даже въ Африкѣ, а страсти равно проскользаютъ подъ мундиръ воина, какъ и подъ фракъ гражданина.

Отсюда я хорошо понимаю раздраженіе маршала, которому представили столь мрачную картину дѣятельности одного изъ его подчиненныхъ. Повѣривъ справедливости фактовъ, онъ не усомнился и въ негодованіи интенданта, а за нимъ всего отряда; слыша подобныя вызовы, онъ легко перешелъ къ заключенію и о томъ, что надо быть суровымъ.

Да послужить ему это въ оправданіе,—я самъ того хочу, ибо никакого дурного чувства не питаю къ нему.

Но что бы ни говорили и чего бы ни дѣлали, изъ элементовъ процесса нельзя выкинуть ни молчанія г. Клозеля наканунѣ, ни довѣрія, имъ засвидѣтельствованнаго генералу, по совершеніи инкриминируемыхъ событій. Его гнѣвъ возникъ заднимъ числомъ, если мнѣ будетъ позволено такъ выразиться, а его беспощадная месть коренится только въ идеѣ личнаго ему оскорбленія.

Пригласивъ въ свою палатку командировъ отдѣльныхъ частей, маршалъ имъ излагаетъ проектъ приказа, направленнаго на де Риньи. Это событіе произвело на всѣхъ такое удручающее впечатлѣніе, что многіе охотно вступились бы за генерала, если бы хватило у нихъ смѣлости возражать начальнику ¹⁾. Будучи совершенно незнакомы съ дѣйствительностью, они, молча, согласились съ рѣшеніемъ власти, хотя, въ глубинѣ души, понимали, что она вышла изъ границъ справедливости и разсудительности. Генераль де Риньи, одновременно съ полковникомъ Корреаромъ, получилъ приказъ явиться на это собра-

¹⁾ Показанія полковниковъ Левека, Корбина и Пти д'Отерива.

ніе командировъ, но, вслѣдствіе удаленности арріергарда отъ ставки маршала и темноты ночи, они успѣли на мѣсто уже въ то время, когда всѣ расходились.

Маршалъ, тотчасъ же, обратился къ генералу съ слѣдующими словами, произнесенными съ извѣстною долей высококомѣрія и надменности: „До моего свѣдѣнія дошли распространяемые нами обо мнѣ слухи, а лукавство поведенія вашего теперь совершенно разъяснилось; но мое положеніе слишкомъ высоко, и не вамъ, мелкотѣ, судить о дѣйствіяхъ такого маршала, какъ я. Вы ничто иное, какъ *сапожный* генераль, и я долженъ показать на васъ примѣръ. Ступайте къ начальнику штаба и прочитайте приказъ, заготовленный на сегодняшній день. Онъ жестокъ, но я не могу ограничиться иными мѣрами.“

Представьте себѣ, господа, изумленіе генерала де Риньи!... Онъ протестуетъ противъ взводимыхъ на него обвиненій, настоятельно требуетъ очной ставки съ клеветниками. Этого же ярко требовали не только справедливость, но, по моему мнѣнію, и благоразуміе; ибо, разъ генераль оказался бы, лицомъ къ лицу, съ г. Мелькіономъ д'Аркомъ, послѣдній, волей-неволей, былъ бы вынужденъ признать, что его „негодование“ основывалось, исключительно, на слухахъ, источникъ которыхъ не заслуживалъ, безусловно, никакого довѣрія, а, въ результатъ, маршалъ избавился бы отъ нелѣпаго заблужденія. Не смотря, однако, ни на что, просьба генерала о допросѣ свидѣтелей не была удовлетворена.

Генераль успѣшилъ къ начальнику штаба и узналъ отъ него содержаніе приказа.

Это распоряженіе не имѣетъ ничего общаго съ другимъ приказомъ маршала, на которомъ зиждется настоящий процессъ. Но мы имѣемъ съ него точную копию, такъ какъ маршалъ опубликовалъ его въ своей брошюрѣ, уже во время хода слѣдствія, очевидно, не принявъ во вниманіе, что къ человѣку, имъ столь тяжко обвиняемому, необходимо относиться съ уваженіемъ, даже и во время нахождения его подъ судомъ ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, мы приносимъ искреннюю благодарность маршалу Клозелю, если не за его намѣренія, то, по крайней мѣрѣ, за самое опубликованіе приказа, имѣющаго, въ дѣйствительности, очень важное значеніе, съ чѣмъ вы сами, я думаю, не замедлите согласиться.

Безспорно, — если бы генераль де Риньи обнаружилъ недостатокъ мужества и рѣшительности, это, съ военной точки зрѣ-

¹⁾ V. Страница 89 *Объясненій* маршала.

ня, было бы непростительнымъ и настолько серьезнымъ дѣяніемъ, что значеніе всѣхъ остальныхъ исчезало бы само собою. Минута гнѣва и увлеченія извиняется, неудовольствія сглаживаются, ропотъ можетъ быть преданъ забвенію, ибо нѣтъ здѣсь ничего, что вредило бы чести или оскверняло виновнаго. Но трусость—позоръ; это—клеймо проклятія, раскаленнымъ желѣзомъ оттиснутое на лбу. И тотъ главнокомандующій,—который, имѣя подобный упрекъ въ отношеніи своего генерала, началъ бы вести съ нимъ только личные счеты, рискнулъ бы мстить лишь за себя самого, а не за пятно мундиру, — оказался бы, разумѣется, внѣ всякаго понятія о доблести воина! Маршалъ Клозель на это не былъ способенъ. Найдя онъ труса, — низость покаралъ бы онъ прежде всего. Въ его глазахъ, таковъ былъ бы фактъ, повелѣвающій всѣми другими.

Между тѣмъ, мы видимъ, что первый, отданный г. Клозелемъ приказъ не заключаетъ даже намека о чемъ либо подобномъ; откуда необходимо заключить, что все, послѣдующее, есть результатъ позднѣйшихъ размышленій, которыя разыгрались въ воображеніи маршала, уже послѣ выхода приказа. Сверхъ того, онъ, ни разу, не намекнулъ на оставленіе генераломъ своего поста; г. де Риньи обвинялся, единственно, въ распространеніи ложныхъ слуховъ и преступныхъ совѣтовъ, съ цѣлью получить, вмѣсто своего начальника, командованіе отрядомъ.

Послѣднее, отражая высшее проявленіе энергіи, совершенно противорѣчитъ понятію о малодушіи, ибо никогда не было видано, чтобы тотъ, кто боится на войнѣ, сталъ бы искать новыхъ опасностей и затрудненій главнаго командованія.

Въ силу показанныхъ мотивовъ, этотъ драгоценный документъ служить наилучшимъ опроверженіемъ второго приказа, явившагося позднѣе, а потому я считаю обязанностью привести его цѣликомъ:

ДНЕВНОЙ ПРИКАЗЪ.

Бивуакъ у Марабу Зиди-Тамтама.

26 ноября 1836 года.

„Солдаты! Я съ удовольствіемъ спѣшу выразить благодарность за мужество, терпѣніе и самоотверженіе, вами обнаруженныя въ теченіи послѣднихъ дней, когда вы переносили всѣ опасности и самыя тяжелыя испытанія военнаго времени.“

„Особенно же благодарю васъ за то, что не вняли вы коварнымъ и лживымъ слухамъ, а также преступнымъ совѣтамъ одного изъ вашихъ начальниковъ,

недостойнаго командовать вами, въ виду явной неспособности его терпѣть лишения, наравнѣ съ вами и со мною.“¹⁾

„Нѣкогда, солдаты, побѣдосный народъ вель другую войну въ провинціи Константиинѣ и, среди всякихъ превратностей, одинъ изъ второстепенныхъ начальниковъ пытался возмутить армію противъ ея полководца. Каковъ же былъ результатъ? Солдаты! Армія сдалась на капитуляцію; она была посрамлена! То же самое подготавливалось и вамъ, на завтрашній день. Но я вполне увѣренъ, что вы съ честью вышли бы изъ всякой опасности и любого затруднительнаго положенія²⁾).

„Увѣренный въ томъ, я предаю означеннаго командира на усмотрѣніе военнаго министра, а, на его мѣсто, опредѣляю другаго, вполне опытнаго и достойнаго вами командовать“.

„Солдаты! Не забывайте: въ вашихъ рукахъ честь родины, завоеванная вами слава и безопасность одного изъ дѣтей Франціи.“

„Мнѣ очень тяжело! Примѣняя такую строгость я самъ глубоко опечаленъ. Но суровый долгъ службы этого требуетъ неумолимо!“

„Настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротцахъ и эскадронахъ завтра, предъ выступленіемъ въ походъ.“

При чтеніи такого страннаго и ѣдкаго произведенія, носившаго громкое названіе дневнаго приказа, генераль не могъ удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ негодованія и изумленія: „*Это ужасно!*“ Онъ, немедленно, возвратился къ маршалу, требуя созванія военнаго совѣта или даже смерти себѣ, предпочитая ее незаслуженному и жестокому позору, который ложился на него предъ лицомъ всего отряда, благодаря такой мѣрѣ³⁾. Всѣ, присутствовавшіе при этой сценѣ, единогласно, показали, что генераль, самымъ энергическимъ образомъ, отстаивалъ свою, затронутую честь. Но къ нимъ присоединились нѣкоторые другіе свидѣтели, противъ которыхъ генераль возмущается всѣми силами своей души. Одни приписываютъ ему какія то мольбы, ими будто бы слышанныя черезъ стѣны палатки маршала; господинъ

1) Скорѣе можно признать, что, именно, генераль де Риньи переносилъ все, наравнѣ съ простыми солдатами, такъ какъ у него не было даже палатки, а, вѣдь, онъ, молча, испытывалъ всѣ лишенія отряда.

2) Повидимому, маршалъ читалъ своего Саллюстія; но, къ несчастью, его описаніе дѣйствій римской арміи страдаетъ такими же недостатками, какъ и отчеты, касающіеся французскихъ войскъ. Тотъ самый Авль, на котораго намекаетъ маршалъ, отнюдь не имѣлъ намѣренія возмущать солдатъ противъ ихъ полководца—своего роднаго брата; онъ хотѣлъ только, въ отсутствіи начальника, поручившаго ему, на время, командованіе, попытать счастья въ дѣлѣ съ Югуртой, рассчитывая, такимъ путемъ, стяжать себѣ славу. Авль былъ разбитъ и армія попала въ плѣнъ къ непріятелю. Таковъ дѣйствительный фактъ; столь странно искажаемый въ ссылкѣ маршала на Саллюстія, которую онъ счелъ умѣстнымъ привести, говоря предъ войсками, осаждавшими Константину. Да, и по ея буквальному тексту, ссылка на Саллюстія, какъ это очевидно, совсѣмъ не годится г. Кловелю.

3) Маршалъ, самолично, засвидѣтельствовалъ о слѣдующихъ словахъ генерала: „Лучше разстрѣляйте меня; для этого, вѣдь, нужно только 4 пули.“

же Наполеонъ Бертранъ увлекся даже болѣе, увѣряя, что онъ самъ будто видѣлъ,—сквозь полотно палатки,—генерала на колѣняхъ предъ главнокомандующимъ....

*Дрожжа отъ гнѣва, генералъ встаетъ и громовымъ голосомъ восклицаетъ: Это ложь! Клянусь честью, это ложь!...*⁶

(Глубокое волненіе во всей аудиторіи).

Вываю къ милосердію по поводу перерыва! Это крикъ истерзанной совѣсти; онъ могущественнѣе моихъ словъ..., и онъ прямо пойдетъ къ вашему сердцу!....

Но я не могу обойти вопроса объ извѣстныхъ, sui generis обычаяхъ, который, вы, милостивые государи, разрѣшите лучше, нежели кто либо другой.

Быть можетъ, по своему невѣдѣнію, я нѣсколько преувеличилъ понятіе о деликатности отношеній въ военной средѣ и о строгости военнаго положенія; но я думаю, что палатка главнокомандующаго, какъ бы святая святыхъ для всѣхъ окружающихъ; что если тайны ея ограждались только полотномъ, вмѣсто каменныхъ стѣнъ и запертыхъ дверей, то чувство скромности постороннихъ вполне гарантировало ея непроницаемость; что ушамъ не слѣдовало слышать къ нимъ доходившіе звуки, а уста должны были воздержаться отъ повторенія невольно долетавшихъ рѣчей. Такой взглядъ подтверждается словами одного изъ состоявшихъ при особѣ маршала офицеровъ, г. капитана Молльера! „Слышали вы,“ спросили его на допросѣ, „разговоръ, имѣвшій мѣсто 26 ноября, въ палаткѣ г. Клозеля, между нимъ и господиномъ де Риньи?“

— „Нѣтъ,“—отвѣчалъ онъ, „я не долженъ былъ слушать того, что происходитъ въ палаткѣ г. маршала, а потому старался держаться на извѣстномъ отдаленіи отъ нея!“

Я спрашиваю васъ, милостивые государи, неужели мы оба заблуждаемся, въ данномъ случаѣ? Представляю вамъ самимъ рѣшить и оцѣнить нравственныя основы изучаемыхъ нынѣ заявленій.

Во всякомъ случаѣ, господа судьи,—требованія очной ставки съ обвинителями, военнаго совѣта и даже смерти, подтверждаемые показаніями столькихъ свидѣтелей, служатъ достаточнымъ ручательствомъ, что, въ словахъ генерала, не было малѣйшаго отбѣнка слабости или криводушія; что его воззванія были голосомъ невиннаго, что онъ хотѣлъ уничтожить клевету, а не преклониться предъ нею, и что, наконецъ, онъ жаждалъ не помянованія, а справедливости.

Какъ бы ни было, маршалъ потребовалъ свой приказъ обратно, сказавъ, что онъ не будетъ объявленъ войскамъ. „Но“, при-

бавилъ онъ, „я лишаю васъ командованія частью и вы подвергнетесь строгому аресту.“ Согласно съ военными правилами, генералъ снялъ шпагу свою для передачи маршалу, ¹⁾ который, однако, не взявъ ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что это пустая формальность.

Слѣдовательно, онъ не признавалъ г. де Риньи недостойнымъ носить оружіе.

Теперь, милостивые государи, переходя къ внутреннему анализу обвиненій маршала Клозеля, я вынужденъ указать на непостоянство его взглядовъ и на ненадежность воспоминаній его.

Онъ взялъ обратно свой приказъ, — но въ силу какихъ соображеній?

Прислушаемся къ его начальнику штаба, г. полковнику Дюверже.

„Генералъ де Риньи имѣлъ съ маршаломъ разговоръ, вслѣдствіе котораго маршалъ, потребовавъ меня къ себѣ, сказалъ, что генералъ де Риньи подлежитъ строгому аресту, а дневной приказъ, его касавшійся, отмѣняется, въ виду требованія съ его стороны формальнаго слѣдствія.“

Спрашивается, почему же, вмѣсто произвольнаго осужденія путемъ такого оскорбительнаго приказа, то же изслѣдованіе не было назначено ранѣе?

Намъ сейчасъ понятны слова г. Клозеля, сказанныя начальнику штаба; теперь, припомнимъ объясненія, имъ данныя военному министру, въ одномъ изъ рапортовъ, гдѣ, чуть ли не на каждой строкѣ, приходится встрѣчаться съ туманными инсинуаціями и намѣреннымъ умолчаніемъ, т. е. съ такими риторическими приѣмами, которые, какъ мнѣ кажется, военной рѣчи несвойственны. Вслѣдъ за приведеніемъ словъ, сказанныхъ генералу — „Но, дайте мнѣ время!“, онъ добавляетъ: „Я обѣщаль, что приготовленный, на завтрашній день, приказъ будетъ отмѣненъ. Такимъ образомъ, думалось, я понялъ его и хотѣлъ дать ему время на размышленіе....“

Недоконченная фраза и это многоточіе скрываютъ мысль, которую, повидимому, не трудно угадать: Я, дескать, надѣялся, что онъ какимъ-нибудь славнымъ подвигомъ или возстановитъ свою честь, или же самъ принесетъ себя въ жертву. Однако, въ сознаніи маршала, не было даже намека и на такое, довольно странное великодушіе, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ далъ бы генералу де Риньи средства добиться честнаго имени вновь; а между тѣмъ, какъ мы видѣли, маршалъ отнялъ у него командованіе частью и наложилъ строгій арестъ, лишая его, стало-быть, всякой свободы дѣйствій. Г. Клозель, очевидно, не могъ самому себѣ выработать яснаго

¹⁾ Послѣдствіе строгаго ареста.

представленія о томъ, чего хотѣлъ; память коварно измѣняла ему. Истина заключается въ показаніи Дюверже: „Маршалъ остановился на мысли о назначеніи слѣдствія по этому дѣлу.“ Но, вскорѣ затѣмъ, намѣренія его опять измѣнились.

Въ самомъ непродолжительномъ времени, намъ придется встрѣтиться еще съ однимъ, играющимъ важную роль заблужденіемъ, которое находится въ непосредственной связи съ предыдущимъ.

Командованіе арріергардомъ, вмѣсто генерала де Риньи, было ввѣрено полковнику Дюверже. Но, на слѣдующій же день, 27 числа, онъ совершаетъ поступокъ, дѣлающій честь его нравственной личности, прося у маршала позволенія свою власть передать въ руки г. де Риньи. Получивъ разрѣшеніе, онъ спѣшитъ къ генералу, чтобы сообщить ему о происшедшемъ и о снятіи ареста. Дѣйствительно, генераль де Риньи командовалъ затѣмъ бригадой до конца похода, т. е. до возвращенія войскъ въ Бону.

Утромъ того же 27 числа, случился фактъ, подвергшійся такому искаженію, что я хотѣлъ бы воздержаться отъ его квалификации; пусть онъ самъ говорить за себя.

Послѣ означенныхъ уже, въ рапортѣ, словъ маршала: „Я, казалось, понялъ его и хотѣлъ дать ему время для размышленій...“, говорится далѣе: „Однако, на другой день, наши эскадроны принимали участіе въ блестящемъ дѣлѣ, и лишь немногіе офицеры егерскаго полка нашли возможнымъ доказать свою храбрость.“ Здѣсь, уже нѣтъ двусмысленности и если маршалъ не заявляетъ открыто, что у генерала де Риньи не хватило мужества принять участіе въ этой стычкѣ, то, очевидно, до нельзя, что онъ такъ желаетъ сказать, даетъ яркое объ этомъ понятіе. Ни для кого изъ присутствующихъ не можетъ быть въ томъ ни загадки, ни сомнѣнія.

А вотъ вамъ сущность факта, вотъ и доказательства:

Замѣтивъ приближеніе арабовъ, имѣвшихъ намѣреніе помѣшать свободному переходу арміи черезъ ручей, маршалъ, немедленно, послалъ г. де Дрэ къ двумъ эскадронамъ африканскихъ егерей съ приказаніемъ, тотчасъ же, произвести атаку. Эскадроны понеслись съ быстротою молніи, подъ начальствомъ храбраго капитана Морриса, который не замедлилъ лично сломать клинокъ своей шпаги въ груди одного араба. Въ это время, командиръ егерскаго полка Корреаръ и генераль де Риньи занимали, съ остальными эскадронами, позицію, прикрытую небольшимъ возвышеніемъ, которое не позволяло имъ видѣть всего, происходившаго; сверхъ того, они были отдѣлены отъ своей

каваллеріи 63-мъ линейнымъ полкомъ. Слухи объ атакѣ дошли къ нимъ только по ея окончаніи; генераль началъ было выражать неудовольствіе по поводу того, что ее повели безъ его приказанія, но ему заявили объ исполненіи, въ данномъ случаѣ, непосредственнаго распоряженія маршала.

Разсмотримъ показанія свидѣтелей и прежде всѣхъ—г. де Дрэ:

„Имѣя въ виду значеніе быстрого каваллерійскаго натиска, г. маршалъ отправилъ меня къ двумъ эскадронамъ африканскихъ егерей, расположенныхъ прямо предъ непріателемъ, въ боевомъ порядкѣ, съ приказаніемъ, тотчасъ же, атаковать арабовъ. Я поскакалъ галопомъ и первую моей мыслью было предупредить генерала де Риньи, командовавшаго арріергардомъ и полковника Корреара. Но, не найдя ихъ обоихъ и имѣя приказаніе о безотлагательной мѣрѣ, я передалъ его командиру двухъ эскадроновъ (послѣдніе находились въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго). Атака была произведена безъ замедленія, а, на обратномъ пути, я встрѣтилъ генерала де Риньи, которому и объяснилъ причину не доставленія ему приказа маршала, ранѣе другихъ.“

Полковникъ Корреаръ подтверждаетъ это показаніе:

„Генераль де Риньи, вмѣстѣ со мною, узналъ о происшедшей атакѣ лишь по ея окончаніи, когда непріатель былъ уже отброшенъ; двигаясь позади 63 пѣхотнаго,—мы оба съ четырьмя эскадронами моего полка оставались на значительномъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія.“

Перейдемъ, къ свидѣтельству подполковника той же части г. Кёнига:

„Третій и четвертый эскадроны шли отдѣльно отъ своего полка для прикрытія стрѣлковъ (ими командовали г.г. де Ружмонъ и Моррисъ). Эти-то два эскадрона и участвовали въ атакѣ, имѣвшей мѣсто 27 ноября, между 8 и 9 часами утра, согласно приказанію маршала, доставленному однимъ изъ офицеровъ, состоявшихъ при главной квартирѣ. Ни генераль де Риньи, ни полковникъ Корреаръ, не были увѣдомлены. Узнавъ, наконецъ, о дѣлѣ, генераль поспѣшилъ къ эскадронамъ, въ объѣздъ полка; но эта блестящая атака окончилась такъ скоро, что другіе эскадроны не успѣли принять въ ней участіе.“

Въ заключеніе, обратимся къ показанію ротмистра Морриса, изложенному слѣдующимъ образомъ:

„Я велъ свой эскадронъ, на урочищѣ Зиди-Тамтамъ, въ атаку, руководствуясь поддержкой 3-го эскадрона, подъ начальствомъ г. де Ружмона, который вмѣстѣ со мной занималъ самую крайнюю позицію арріергарда. Распоряженіе мы получили черезъ состоявшаго при маршалѣ г. де Дрэ. Я замѣтилъ, что, во избѣжаніе потери удобнаго момента, приказъ не могъ достигнуть генерала де Риньи; однако, я долженъ сказать, что генераль, вмѣстѣ съ прочими эскадронами, поспѣшилъ, немедленно, къ намъ на помощь. Атака была непродолжительна, но послѣдствія ея были весьма важны, такъ какъ она способствовала удаленію отъ середины колонны арабовъ, которые могли бы затруднить движеніе.“

Послѣ всего этого,—къ какому надлежитъ придти выводу о неблагоприятныхъ намекахъ въ рапортѣ маршала? Г. Клозель безсиленъ оправдываться невѣдніемъ событій, ибо г. де Дрэ, подробно, изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла. Какое же значеніе могутъ имѣть его послѣдующія нареканія?

Остальная часть дня прошла спокойно и отрядъ расположился лагеремъ, на берегу рѣки Сейбузы.

Являясь къ своему начальнику, по случаю снятія съ него ареста, генераль хотѣлъ представить нѣкоторыя объясненія, но получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Все кончено; я нуждаюсь въ покоѣ; не будемъ говорить объ этомъ.“

28 числа не случилось ничего, выдающагося; генераль оставался на своемъ посту, а маршаль на своемъ, и не было никакихъ предвѣстниковъ грозы, случившейся 29 числа.

Тѣмъ не менѣе, въ этотъ злополучный день, совершенно неожиданно, всѣ, какъ громомъ, поражены были появленіемъ ужаснаго приказа, результатомъ котораго и служить настоящее за сѣданіе.

Вотъ подлинный его текстъ:

Лагерь на Сейбузѣ, 29 ноября 1836 года.

„Маршаль, генераль-губернаторъ, съ удовольствіемъ и глубокою признательностью, благодаритъ командуемыхъ имъ войска за мужество и самоотверженіе, обнаруженныя, во время похода въ Константиу, когда армія, съ необычайною твердостью, претерпѣла самыя ужасныя испытанія военнаго времени. Честь и слава ея военнымъ доблестямъ!!!“

„Только одинъ изъ участниковъ похода обнаружилъ недостатокъ твердости и малодушіе! Но, благодаря разумно принятымъ мѣрамъ, онъ получилъ должное воздаяніе за неосторожныя и преступныя намеки, высказывать которые не имѣлъ права.“

„Солдаты! Въ какое бы положеніе мы не были поставлены,—я всегда съумѣю вывести васъ, изъ всякаго затрудненія, съ честью. Положитесь въ этомъ на своего главнокомандующаго.“

„Не забывайте, что, на вашей обязанности, лежитъ охрана славы предковъ, вашего добраго имени, а также защита одного изъ сыновъ Франціи. Этотъ высокій долгъ, благородно, исполненъ вами.“

„Безпримѣрнымъ поведеніемъ, во все время этой достопамятной экспедиціи, вы заслужили благодарность отечества, признательность короля и удивленіе дѣлаго міра!“

Въ этомъ приказѣ, мы не находимъ, однако, упрековъ въ коварныхъ инсинуаціяхъ и возмутительныхъ совѣтахъ; не видимъ обвиненія въ подстрекательствѣ противъ власти; въ немъ говорится лишь о неосторожныхъ и преступныхъ намекахъ....

За то, на первомъ планѣ и рѣзче всего, бросается въ глаза,—надо всѣмъ господствуетъ обвиненіе въ недостаткѣ твердости и въ малодушіи! Какъ жестоко разсчитаны слова!... Какая почва для комментаріевъ!?

И почему нѣтъ объ этомъ рѣчи въ начальномъ приказѣ, среди первой вспышки гнѣва г. Клозеля? И зачѣмъ оставили командованіе трусу? А, сохранивъ за нимъ власть, къ чему годится этотъ зрывъ четыре дня спустя?...

Наконецъ, въ чемъ же заключается истинное содержаніе этого оригинальнаго обвиненія? Гдѣ мотивъ, чтобы, въ такой короткій промежутокъ, оно могло испытать столько превращеній,—сегодня, называясь бунтомъ, а завтра,—малодушіемъ?

Все это, рѣшительно, непонятно!...

Не случилось ли еще чего нибудь, опять задѣвшаго самолюбіе главнокомандующаго?

Вы помните, конечно, что первый приказъ маршала былъ вызванъ неумѣстною выходкой г. Мелькіонъ д'Арка; второму—предшествовалъ совершенно аналогичный фактъ и, помимо воли его автора, могъ снова возбудить неудовольствіе г. Клозеля. По этому вопросу, въ показаніяхъ капитана Сентъ - Ипполита, мы находимъ:

Вопросъ.—„Не дѣлали ли вы, въ концѣ отступленія, числа 28 или 29 ноября, попытки склонить маршала къ отданію приказа противъ генерала де Риньи?“

Отвѣтъ.—„На категорически поставленный вопросъ, я отвѣчаю столь же прямо и отрицательно. Но приведу событіе, послужившее ему причиною. 28 ноября, послѣ полудня, маршалъ, во время похода, подошвалъ меня къ себѣ; мы ѣхали верхомъ и, съ глазу на глазъ, имѣли разговоръ, въ которомъ я высказалъ, что, при данныхъ условіяхъ, наше положеніе было бы несравненно лучше, если бы, съ самаго начала кампаніи, онъ употреблялъ болѣе строгія мѣры. (Дѣло касалось 5 или 6 лицъ). Маршалъ отвѣчалъ: „Ничто не потеряно и на все будетъ свое время.“

Кто сталъ бы утверждать, что именно этотъ разговоръ побудилъ г. Клозеля принять извѣстное рѣшеніе? Нѣтъ, мнѣ легче видѣть мотивъ послѣдняго, исключительно, въ чувствѣ злобы и, быть можетъ, въ призракахъ оскорбленнаго самолюбія, чѣмъ въ предположеніи гнуснаго разчета со стороны маршала отклонить, посредствомъ такого важнаго мѣропріятія, вниманіе общества отъ ошибокъ и потерь на пути злосчастной экспедиціи въ Константинополь, и такимъ пріемомъ все неудовольствіе и проклятія обратить на генерала де Риньи.

Во всякомъ случаѣ, маршалъ отлично понималъ, что этотъ запоздалый громъ и, если можно такъ выразиться, шумное возобновленіе непріятельскихъ дѣйствій требовали оправданія или, по крайней мѣрѣ, объясненія. И вотъ чѣмъ мотивируетъ онъ свое рѣшеніе самъ: „Я долженъ сказать, что генераль де Риньи, вмѣсто признательности за все, мною сдѣланное ему лично, дядѣ его, памяти его брата-министра, распространялъ всевозможные намеки и слухи, способные деморализировать менѣе храбрую и не столь проникнутую чувствомъ долга армію. Приказъ мой отданъ 29 числа.“ (Рапортъ военному министру).

Таковы условія изданія второго приказа! Стало быть, гене-

раль вышелъ изъ повинoveniя?!... Маршалу Клозелю, удивительно, не везетъ въ мотивахъ. Ни одно изъ письменныхъ или устныхъ свидѣтельскихъ показанiй не удостовѣряетъ существованiя какихъ либо преступныхъ, неосторожныхъ или же легкомысленныхъ рѣчей со стороны генерала, послѣ событiй 26 числа. Такимъ образомъ, въ цѣлой армiи, не нашлось ни одного голоса, который подтвердилъ бы это новое обвиненiе маршала; и вотъ, на основанiи, по самому существу своему, невѣрнаго факта, безъ всякихъ объясненiй со стороны обвиняемаго, на глазахъ цѣлой Европы, позорится доброе имя заслуженнаго человѣка, доблестнаго, покрытаго ранами генерала!

Появленiе этого приказа возбудило въ африканскихъ войскахъ общее изумленiе. ¹⁾ Ротмистръ Лебурва даже говорить, по этому поводу, коротко и ясно: „По моему мнѣнiю, а также по убѣжденiю многихъ товарищей моихъ, изданiе приказа, объявлявшаго всему отряду о нарушенiи командиромъ егерской бригады своихъ обязанностей, было вызвано желанiемъ главнокомандующаго свалить на генерала, а также на несчастный 62 полкъ часть нашихъ испытанiй въ эти роковые дни.“ Онъ прибавляетъ далѣе, что генераль руководилъ операцiями съ должнымъ мужествомъ и хладнокровiемъ.

По возвращенiи къ мѣсту отправленiя, армiя разбилась на части. Но, въ Бонѣ, первою заботой генерала де Риньи было требованiе правосудiя и онъ тотчасъ же написалъ военному министру слѣдующее письмо:

„Бона, 1-го декабря 1836 года.

„Господинъ Министръ!

„Имѣю честь представить вамъ копию приказа маршала Клозеля, отданнаго при возвращенiи нашемъ изъ Константины.

„Слова о недостаткѣ твердости и малодушiи *одного* прямо относятся ко мнѣ; признавая его клеветой, я отвергаю обвиненiе.

„Но это не все: г. маршаль, съ такою же несправедливостью, отнесся ко мнѣ и въ другомъ приказѣ, который остался неизданнымъ только послѣ прочтенiя его всѣми командирами частей отряда. Если этотъ приказъ сдѣлался достоянiемъ многихъ, то онъ не составляетъ тайны г. маршала, а потому я прошу распоряженiя вашего превосходительства о воспроизведенiи его.“

„Всякiй генераль можетъ быть отданъ подъ судъ, но никто не въ правѣ позорить его имени. Я, самымъ настойчивымъ образомъ, прошу, чтобы все повѣденiе мое, за время экспедицiи въ Константину, было разобрано слѣдственной комиссiей, по назначенiю вашего превосходительства. Въ случаѣ признанiя ея факта, что экспедицiя имѣла столь печальные результаты по винѣ генерала,

¹⁾ Показанiя: маіоровъ Пессона и де Кастеллана, командира эскадрона Перренъ-Солье, капитана Лафонъ-Виллье и, особенно, офицеровъ, служившихъ въ бригадѣ генерала.

непрерывно командовавшаго при наступленіи къ Константиноу и подъ стѣнами этого города авангардомъ, а при отступленіи арріергардомъ, я сочту себя недостойнымъ служить своему государю.“

Какъ ни грустно, а необходимо прибавить, что эта просьба не дошла до министра и что, нѣсколько позже, ее пришлось возобновить.

Между тѣмъ, генераль де Риньи получилъ приказаніе отправиться въ Алжиръ, куда онъ могъ прибыть на кораблѣ *Монтебелло* только 14 декабря. Здѣсь, онъ вскорѣ узналъ, что, совершенно позабывъ о своемъ же предписаніи, маршалъ началъ высказывать неудовольствіе по поводу его присутствія въ Алжирѣ, утверждая, будто генераль заслуживаетъ преданія военному суду за самовольную отлучку изъ Боны. Де Риньи, конечно, поспѣшилъ оправдаться фактомъ не только разрѣшенія, а даже приказанія самого маршала; не отрицая своей ошибки, послѣдній ограничился выраженіемъ удивленія по поводу смысла, даннаго его словамъ. Мало того, — онъ пригласилъ генерала къ себѣ на обѣдъ, вмѣстѣ съ г. де Ла Сюссъ, командиромъ *Монтебелло*. Стало быть, маршалъ Клозель приглашаетъ за свой столъ именно того генерала, который недавно оскорбилъ его, пытался возмутить цѣлый отрядъ и осквернилъ себя малодушіемъ!...

Кто изъ васъ, милостивые государи, повѣрилъ бы такому, неожиданному факту? Не служитъ ли это приглашеніе блистательнымъ доказательствомъ, что маршалъ не питалъ къ г. де Риньи ни презрѣнія, вызываемаго трусостью, ни гнѣва, возбуждаемаго подчиненнымъ, который, чуть не вчера, обнаружилъ явное неповиновеніе и коварство въ отношеніи къ своему начальнику? Не здѣсь ли лучшее опроверженіе обоихъ приказовъ?

И генераль понялъ это приглашеніе именно въ этомъ смыслѣ. Конечно, руководствуясь, исключительно, голосомъ личнаго самолюбія и чувствомъ справедливаго негодованія, онъ отвѣтилъ бы на него сухимъ и категорическимъ отказомъ; но идея чести должна была уступить нищетѣ требованій этикета; генераль принялъ вызовъ, дабы показать, что осужденіе не коснулось его и что онъ имѣетъ право занимать мѣсто рядомъ съ товарищами по оружію, глядѣть маршалу прямо въ глаза, съ твердымъ сердцемъ и высоко держа голову.

Черезъ два дня (17-го числа), онъ получаетъ приказъ объ окончаніи командировки и о немедленномъ возвратѣ къ своему посту.

Между тѣмъ, неблагоприятные слухи объ экспедиціи въ Константиноу, постепенно, проникали во Францію, расплываясь все болѣе и болѣе. Памятенъ всякому долгой кошмаръ отчета, къ

намъ доходившаго развѣ лоскутками, и мрачныхъ телеграфическихъ, безжалостно извращаемыхъ тьмою невѣдѣнія депешъ, которыя приносили намъ, капля по каплѣ, всѣ горести этого печальнаго предпріятія.

Замѣчательная вещь! Въ очень длинномъ рапортѣ, ни единымъ словомъ, не намекается о поведеніи генерала де Риньи въ теченіи 25 числа. Разсказъ о событіяхъ названнаго дня ограниченъ нѣсколькими словами: „25-го мы стояли лагеремъ у Уэдь-Талага, съ успѣхомъ отражая постоянно возобновлявшіяся нападенія арабовъ.“ Очевидно,—всѣ прочія событія были настолько незначительны, что не заслуживали упоминанія или же изгладились изъ памяти великаго автора!

Съ другой стороны, знаменитый дневной приказъ еще не достигалъ Франціи, такъ какъ не былъ отправленъ вмѣстѣ съ рапортомъ.

Но враги не дремали! Письма, источникъ которыхъ мнѣ неизвѣстенъ (хотя, по нѣкоторымъ фразамъ, воспроизводящимъ разговоръ въ палаткѣ маршала, ихъ надо приписать лицамъ изъ его свиты), способствовали распространенію въ публикѣ обвиненій противъ генерала де Риньи; говорили: онъ принялъ кусты колючихъ травъ за скопища арабовъ, самъ кинулся бѣжать и кричалъ солдатамъ: спасайся, кто можетъ; произвелъ беспорядокъ въ войскахъ.... Словомъ, чего ни говорили?... Подобныя извѣстія доставлялись въ редакціи нѣсколькихъ газетъ, а эти, въ свою очередь, не думая провѣрять фактовъ, торопились предать ихъ гласности. Дабы получить надлежащее представленіе, на что способна слѣпая ненависть, не мѣшаетъ перечитать нѣкоторыя сообщенія. Въ газетѣ Messenger, напримѣръ, отъ 16 декабря видимъ слѣдующее:

„Первые два дня нашего отступленія представляли сплошной рядъ стычекъ съ неприятелемъ. Сколько храбрости, энергіи и рѣшительности должны были проявить наши солдаты, на которыхъ лежала задача охраны послѣднихъ остатковъ арміи, чтобы, послѣ всѣхъ лишений и при столь тяжелыхъ условіяхъ, выдержать такія настойчивыя и непрерывныя атаки арабовъ! Наши войска, тѣмъ не менѣе, стяжали себѣ славу, при всѣхъ неудачахъ похода; но, въ доставленныхъ намъ, подробныхъ описаніяхъ, мы съ горечью встрѣтили имя одного генерала, который, какъ говорятъ, измѣнилъ своему долгу, покинувъ занимаемый имъ постъ и постыдно спасаясь бѣгствомъ, въ повозкѣ. Не беремъ на себя печальнаго долга первыми огласить это, навсегда ошельмованное имя.“

„Увѣряютъ, что 47 линейный полкъ услышалъ отъ этого генерала роковой крикъ: спасайся, кто можетъ! и позорно бѣжалъ вслѣдъ за нимъ. Очень вѣроятно, что было бы потеряно все, если бы не благородное поведеніе 2-го легкаго полка, который, построивъ батальонныя карре, помѣшалъ остальной части отряда по-

слѣдовать за 47 полкомъ и, въ то же время, блистательно выдержалъ натискъ непріятеля.“

„Г. маршалъ, публично и прямо въ лицо, выразилъ упомянутому генералу весь свой гнѣвъ. „Генераль“, сказалъ онъ (мы заимствуемъ выдержку изъ одного письма, излагающаго обстоятельство дѣла настолько подробно, что ихъ достовѣрность не подлежитъ сомнѣнію), — „вамъ не слѣдовало являться на поле битвы въ эполетахъ, полученныхъ за услуги въ парижскихъ салонахъ. Вамъ, по моему, остается два исхода: стать въ первые ряды солдатъ и найти смерть отъ руки врага или же самому пустить себѣ пулю въ лобъ.“

„Генераль прибѣгнувъ къ заступничеству герцога Немурскаго, но и онъ отвергъ его, съ тѣмъ же негодованіемъ.“

„Говорятъ, маршалъ не пожелалъ осквернять своего приказа по отряду именемъ этого труса. Онъ былъ радъ и тому, что, въ столь ужасающемъ безобразіи, обезчестилъ себя только одинъ человекъ. Но развѣ этого мало? И мыслимо ли было ожидать, чтобы хотя одинъ французскій офицеръ навлекъ на себя такой позоръ?“

Повторяя эти „достоверныя“ свѣдѣнія, National изложилъ ихъ въ слѣдующей формѣ:

„22-го числа, отрядъ вступилъ въ дефиле; дальше не было никакой дороги; но за то стояла такая невообразимая грязь, что повозки вязли чуть не на каждомъ шагу; страшная пересѣченность мѣстности не позволяла видѣть что либо ближе ю шаговъ. На этомъ то именно мѣстѣ, показалась толпа изъ 400 арабовъ и открыла огонь по нашей дѣпи, на смерть поражая всѣхъ отсталыхъ. Чрезмѣрная растянутость нашего отряда, вязкость все болѣе распускавшагося грунта, а также трусость одного генерала были главными причинами значительной потери съ нашей стороны.“ „Видя подобную рѣзню этотъ не боевой, но свѣтскій генераль, потерялъ голову; не устоявъ, бросилъ свою бригаду и помчался къ лазарету съ криками, что весь отрядъ перебитъ, что Ахметъ явился со всѣми войсками, что слѣдовало повернуть назадъ, а затѣмъ началъ увѣрять встрѣчнаго и поперечнаго въ неспособности маршала къ командованію войсками.“

„Въ одно мгновеніе, беспорядокъ овладѣлъ цѣлою бригадой, задача которой заключалась въ прикрытіи обоза, состоявшаго изъ 50 повозокъ съ извѣстнымъ количествомъ муловъ и лошадей, нагруженныхъ въ общемъ 70,000 раціоновъ, и походнаго лазарета съ огромнымъ количествомъ больныхъ и раненныхъ. Арабы стремительно бросились на обозъ, открывъ новую, ужаснѣйшую рѣзню; разграбили повозки и такимъ образомъ лишили войска ихъ послѣднихъ запасовъ.“

„Все происходило 22 числа, въ 4 часа пополудни; положеніе отряда слѣдалось критическимъ, ибо возвращеніе назадъ стало невозможнымъ: отъ занятой нами позиціи было 35 лье до Боны и только пять до Константины, гдѣ, по словамъ Юсуфа, насъ ожидали съ нетерпѣніемъ для врученія ключей города. Наступленіе продолжалось, не смотря на то, что солдаты имѣли провіантъ только на себѣ, т. е., на четыре дня.“

„Прервемъ, на минуту, наше скорбное повѣствованіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о бѣжавшемъ съ поля битвы генералѣ. Будучи потребованъ маршаломъ, онъ бросился къ его ногамъ, умоляя не говорить о немъ въ приказѣ и дать ему возможность найти смерть отъ руки непріятеля“. „Генераль!“, сказалъ ему маршалъ,—„Вы получили эполеты за подвиги въ салонахъ и ваше настоящее мѣсто тамъ, а не на полѣ битвы. Завтра, я прославу васъ предъ всею арміею. Можете удалиться!“ Полковникъ Буайе заявилъ ему, въ свою очередь: „Постарайтесь быть убитымъ или попробуйте раскроить себѣ черепъ сами!“ Но этотъ жалкій,

на какое либо мужество неспособный человекъ отправился къ г. Мелькіонъ д'Арку съ униженною мольбою о заступничествѣ предъ маршаломъ.“

„Только по вашей просьбѣ, отвѣчалъ д'Арку г. Клозель, фамилія негодяя прописана цѣликомъ въ приказѣ не будетъ.“

„Мы читали приказъ; тамъ сказано, между прочимъ, лишь: „Я съ удовольствіемъ утверждаю, что, за все время экспедиціи, только одинъ человекъ обнаружилъ малодушіе и трусость.“

Наконецъ, подобно многимъ другимъ газетамъ, Courcier также воспроизвелъ описаніе Messenger'a, и вездѣ мы находимъ пресловутую кличку „салоннаго генерала,“ хотя она была употреблена маршаломъ въ своей палаткѣ, при разговорѣ наединѣ, а въ виду заслугъ генерала, не могла, безъ сомнѣнія, прийти въ голову никому другому.

Такимъ образомъ, сплетни этого рода стали предметомъ всяческихъ пересудовъ цѣлой страны, источникомъ поруганья имени де Риньи тѣми, кто понятія не имѣлъ о его прошломъ.

Вотъ какъ, въ дѣйствительности, пишутъ исторію!...

Да! Надо сознаться, пресса, нерѣдко, бываетъ слишкомъ жестока, черезъ чуръ легкомысленна!

Но, великій Боже, развѣ имена людей и горе ихъ семействъ такъ ужъ ничтожны, чтобы ими слѣдовало играть столь беззастѣнчиво? Развѣ чувство національной гордости не должно было, само по себѣ, лечь препятствіемъ къ опубликованію такихъ бредней? Что же самъ маршалъ, приказъ и бесѣда котораго породили столько яда и злословія?!... Какъ,—не обнаружилъ онъ чувства раскаянія или сожалѣнія? У него въ головѣ не мелькнула мысль о справедливости?... Признавая даже, что гипотезы самого приказа были вѣрны, мы не въ силахъ уразумѣть, почему ни г. Клозель и никто изъ его приближенныхъ не нашель нужнымъ опровергнуть эти преувеличенія и нелѣпости, когда, для успокоенія общества, имъ было достаточно сказать: „Все это неправда; на дѣлѣ не было ни бѣгства, ни пораженія; ни криковъ „спасайся, кто можеть!“, словомъ, — ничего, что разглашается печатью, въ такомъ ужасномъ видѣ!?!“ А, вѣдь, могли повѣрить сплетнямъ многіе; не вполнѣ ли справедливо указывали другіе, что де Риньи гораздо несчастнѣе всѣхъ раненыхъ и даже убитыхъ въ этой злополучной кампаніи!... Полный текстъ приказа нашель, стало быть, уже готовую почву; да и въ парижскихъ газетахъ онъ явился не изъ первыхъ рукъ; онъ перепечатали его изъ *Éclairteur de la Méditerranée* ¹⁾, гдѣ онъ показался всего ранѣе.

1) Газета, издаваемая въ Тулонѣ.

Разсудите же, какое впечатлѣніе онъ произвелъ in extenso, вслѣдъ за такимъ предисловіемъ!

Между тѣмъ, г. маршалъ держалъ себя въ Алжирѣ, почти, какъ побѣдитель. Результаты похода онъ формулировалъ такъ: „Это не завоеваніе, а очень сильная рекогносцировка;“ въ потерѣ же Константины утѣшался приобрѣтеніемъ Гельмы, которую считалъ достаточною наградою за всѣ труды, говоря въ одномъ изъ рапортовъ: „Я оставилъ значительный гарнизонъ, преимущественно изъ туземцевъ, въ Гельмѣ, далеко превосходящей Константину своимъ положеніемъ.“ А *Moniteur algérien* не только повторялъ это странное заключеніе, но и преувеличилъ его! Какъ видно, *Moniteur*’ы повсюду одинаковы....

Тѣмъ не менѣе, абсолютное молчаніе г. Клозеля о такомъ важномъ событіи, во всѣхъ его донесеніяхъ военному министру,—наконецъ, было замѣчено. *National*, впрочемъ, не хотѣлъ признавать факта и даже настаивалъ, что рапорты маршала извращались въ самомъ министерствѣ.... Теперь, однако, извѣстно какою слѣпотю отличалось подобное ухищреніе. Посему мнѣ остается обратить лишь вниманіе на это молчаніе и на выводы, которые отсюда, неизбѣжно, вытекаютъ....

Первое слово сомнѣнія и нелицепріятія раздалось въ этихъ стѣнахъ. Оно было начертано въ *Garde National* ¹⁾. Честь ей и слава! Въ свой чередъ и противъ столькихъ лживыхъ обвиненій, семья де Риньи зывала лишь къ справедливости общества. Одинъ изъ его братьевъ помѣстилъ въ газетахъ слѣдующее письмо: „Генералъ подалъ военному министру просьбу о назначеніи всенароднаго слѣдствія о его поведеніи за время похода. Единственнымъ отвѣтомъ на гнусную клевету, жертвой которой онъ сдѣлался, его родные могутъ, пока, назвать только эту просьбу. Е. де Риньи“.

Генералъ, наконецъ, самъ пріѣхалъ въ Парижъ, и здѣсь только узналъ, что его рапортъ изъ Боны не дошелъ до военного министра. Онъ немедленно возобновилъ свою просьбу; но, раньше чѣмъ разрѣшить ее, министръ счелъ необходимымъ имѣть подробное донесеніе отъ маршала Клозеля.

Помѣченное 2 января 1837 г., оно было опубликовано самимъ маршаломъ уже послѣ начала текущаго дѣла. Такое распоряженіе было бы мнѣ утѣшительнѣе мотивировать забвеніемъ приличій, предписываемыхъ обвинителю въ отношеніи къ обвиняемому, чѣмъ признаніемъ умысла начальника склонить вѣсы правосудія

¹⁾ Марсельской газетѣ.

на свою сторону и, одновременно, поддержать смуту въ обществѣ.

Все искусство данного рапорта, ошибки котораго мнѣ приходилось указывать не одинъ разъ, направлено къ тому, чтобы произвести наиболѣе неблагоприятный для генерала эффектъ. Въ немъ, самыя похвалы, укрывая за собою инсинуаціи, рассчитанныя на обвиненіе, являются оружіемъ противъ подсудимаго. Ограничусь единственнымъ примѣромъ. Въ доказательство своего прямотушія, г. Клозель говоритъ: „Я не имѣю причины жаловаться на поведеніе означеннаго генерала; а извѣстная доля моихъ похвальныхъ отзыовъ о войскахъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ, относится и къ нему, такъ какъ эти похвалы предполагаютъ, что войска дѣйствовали по его указаніямъ.“ Какъ видите, маршалъ не можетъ рѣшиться отдать генералу де Риньи полную справедливость; у него не хватаетъ духа сказать откровенно, что войска оперировали по его командѣ и что не одинъ разъ онъ, именно, самъ водилъ ихъ въ атаку.... Маршалъ находитъ возможнымъ ограничиться двусмысленной фразой: „предполагалось, что войска дѣйствовали по его указаніямъ.“ Иными словами, на волю каждаго оставляется думать, что предполагаемаго, въ дѣйствительности, не было! И это называется рапортомъ, т. е. актомъ доброй совѣсти и безпристрастія!...

Получивъ такое донесеніе, г. военный министръ предписываетъ произвести слѣдствіе и передаетъ генерала военному суду 8-го округа, ближайшаго къ мѣсту изучаемыхъ событій. Генералъ не печаловался на требованіе отправиться въ другой конецъ Франціи, на удаленіе его изъ мѣста, гдѣ его защита стала бы достояніемъ общества скорѣе; на высылку въ такой городъ, который можно было считать особенно благоприятнымъ его противнику, а также и его широкой системѣ колонизаціи путемъ ссылки на поселеніе, но гдѣ, преклонившись необходимости, онъ встрѣтилъ однако, столь поразительный разумъ судебный! Онъ подчинился; слѣдствіе было ведено очень заботливо и всесторонне... И вотъ мы передъ вами, господа!

Теперь, милостивые государи, вы знаете обстоятельства дѣла. Иначе говоря, — вамъ извѣстны всѣ элементы защиты, и я, безъ страха, могъ бы остановиться здѣсь...

Но я призванъ, хотя бы вкратцѣ, изслѣдовать самыя формулы обвиненія, генералу предъявленнаго. А вы, гг. судьи, мнѣ разрѣшите, конечно, не ограничиваться узкою сферою обвинительнаго акта.

Необходимо дать отвѣтъ на все, что было сказано и припе-

чатано... Надлежитъ, чтобы, и по закону, и съ точки зрѣнія нравственности, ничего не осталось изъ этого чудовищнаго процесса!...

ПЕРВЫЙ ПУНКТЬ ОБВИНЕНІЯ.

„Обнаружилъ малодушіе только одинъ!...“

Обвиненіе, скрывающееся за означенными, съ такимъ изысканнымъ жестокосердіемъ подобранными словами, занимаетъ первое мѣсто въ ряду упрековъ; затрогивая самыя чувствительныя струны его сердца, оно и для генерала служить первымъ по очереди и наиболѣе тяжкимъ. Съ него же обязанъ начать и я свои нетрудныя опроверженія.

Прежде всего,—прошлое генерала не говоритъ ли въ его защиту, безъ сравненія,—громче, нежели могъ бы это сдѣлать я? Какъ! Тотъ, у кого не дрогнуло сердце въ ужасныхъ битвахъ подъ Эсслингомъ и Ваграмомъ, кто, безъ страха, шелъ на приступъ окровавленныхъ стѣнъ Таррагоны,—могъ ли онъ испытать духовный трепетъ предъ нѣсколькими скопищами арабской кавалеріи?

Когда, среди боеваго опыта и привычки презирать и побѣждать опасности, въ немъ созрѣло мужество, а, стало быть, и хладнокровіе,—ему ли приходилось бояться сильнѣе, чѣмъ во дни перваго крещенія огнемъ? Получивъ высокое и почетное командованіе, призываемый къ суровымъ обязанностямъ и примѣрной неустрашимости, онъ ли позабылъ бы свой долгъ передъ самимъ собою, предъ цѣлою арміей и храбрецами, которые не спускали съ него глазъ?...

Нѣтъ, никто не повѣритъ этому!

Разсмотримъ, однако.

При какихъ обстоятельствахъ де Риньи обнаружилъ недостатокъ твердости? Когда именно? Гдѣ?

Обвинители,—говорите!

Не подъ стѣнами ли Константины, когда, съ одной стороны, направлень былъ на него огонь изъ крѣпости, а съ другой,—наступала кавалерія Ахмета? Не на высотахъ ли Кудіать-Ати, гдѣ происходило самое серьезное дѣло кампаніи?—Конечно, нѣтъ; потому, что, если пригласите одного изъ наиболѣе компетентныхъ въ темѣ о храбрости судей, г. Шангарнье, вы услышите отвѣтъ: „Мнѣ не приходилось видѣть ничего, что не дѣлало бы чести генералу!“ Призывая во свидѣтели полковника Корреара, узнаете, что „де Риньи, неизмѣнно, оставался во главѣ своей

бригады, раздѣляя съ нею всякую опасность и храбро принимая участіе во всѣхъ ея дѣлахъ; въ минуту же атаки эскадроновъ,— онъ занималъ мѣсто впереди всѣхъ.“ Далѣе, гг. офицеры, состоявшіе подъ начальствомъ генерала, а именно подполковникъ Кёнигъ, маіоръ де Каstellанъ, бригадный хирургъ Бонафонъ, капитаны Вернонь, Лафонъ-Виллье, Гударъ, Ружемонъ, Руо и многіе другіе, фамили которыхъ не упомяну, единогласно, свидѣтельствуя о доблести и хладнокровіи своего камандира, глубоко возмущаясь безчестнымъ обвиненіемъ, имѣвшимъ цѣлью опозорить его свѣтлое имя. Наконецъ, лица, совершенно безпристрастныя и не принадлежащія къ арміи, отзываются о г. де Риньи съ тою же справедливою: „По моему мнѣнію,“ говоритъ герцогъ де Мортемаръ, „генераль, въ теченіи всей кампаніи, исполнялъ свои обязанности съ достоинствомъ, причемъ всѣ, ему даваемыя, порученія завершались большимъ успѣхомъ.“ Г. де Караманъ прибавляетъ: „Благодаря моему исключительному положенію, я часто видѣлся и встрѣчался съ генераломъ де Риньи, какъ въ авангардѣ, такъ и въ арріергардѣ; я всегда находилъ его тамъ, гдѣ было его присутствіе необходимо, и мнѣ казалось, что лишь генераль, вполнѣ проникнутый чувствомъ долга, могъ такъ свято исполнять свои обязанности!“ Таковъ же отзывъ и г. Бода, а г. Мелькіонъ д'Аркъ, какъ мы уже видѣли, въ свою очередь, не отказываетъ генералу въ тѣхъ же достоинствахъ.

Итакъ, всѣ показанія сводятся къ признанію мужества генерала, а вы, господа, обвиняете его въ недостаткѣ твердости и въ малодушіи!...

Не скажутъ ли, что его низость душевная раскрылась только при отступленіи?—Но развѣ можно забыть о роли арріергарда въ данномъ случаѣ, а между тѣмъ имъ, вѣдь, командовалъ генераль де Риньи!! Надо помнить, что онъ, безпрестанно, сдерживалъ арабовъ, отражая ихъ нападенія съ успѣхомъ и, почти исключительно, — огнемъ своихъ стрѣлковъ. Въ чемъ же могла бы заключаться причина колебаній и трусости, какъ бы она ни была ничтожна?

Наконецъ, признавая стойкость его предъ непріателемъ, вообще, не сочтутъ ли временемъ проявленія трусости или, употребляя оффиціальное выраженіе, недостатка твердости—вечеръ 25 числа?

Такая оскорбительная гипотеза, въ глазахъ любого безпристрастнаго человѣка, опровергается слѣдующимъ простымъ соображеніемъ. Можно допустить еще, хотя мнѣ это кажется мало вѣроятнымъ, что и у храбраго воина бываютъ моменты упадка духа, подобно тому, какъ иногда засыпаетъ геній у ве-

ликихъ людей; но, для подобнаго переворота, требуется, по меньшей мѣрѣ, необычайно грозная опасность, готовая смутить и поколебать даже самую сильную натуру; нуженъ видъ такой, на примѣръ, рѣзни, при которой смерть пожинаетъ свои жертвы безъ разбора, по всѣмъ направлѣнямъ, гдѣ земля сплошь покрывается трупами... Но, когда опасность ничтожна или же совершенно исчезла, — отсутствіе храбрости у военнаго представляется явленіемъ, рѣшительно непонятнымъ и постыднымъ даже для человѣка, себя не посвятившаго военной службѣ!

Разсмотримъ, что именно пришлось бы допустить для признанія справедливымъ обвиненія, изложеннаго въ приказѣ.

Пока непріятель находился передъ генераломъ, на Кудіать-Ати, близъ Константины, и въ первые дни отступленія, де Риньи занималъ мѣсто во главѣ своей бригады; съ мужествомъ, принималъ онъ участіе въ дѣлахъ и проявилъ совершенное хладнокровіе; вдругъ за тѣмъ, 25-го вечеромъ, — когда, по общему отзыву участниковъ похода, непріятель прекратилъ огонь, уже съ 3 часовъ дня не только не дѣлая болѣе нападеній на арріергардъ, но даже находясь отъ него на такомъ разстояніи, что его трудно было замѣтить на окружающихъ высотахъ, — этимъ начальникомъ, до того глядѣвшимъ опасности прямо въ лице, овладѣваетъ необъяснимая паника!? Какъ хотите, господа, но я позволю себѣ назвать это дикою нелѣпостью и, по моему, подобныя обвиненія ниспроверяютъ сами себя!!!

Одна только мысль беспокоила и озабочивала генерала. Ему нечего было думать о себѣ, а цѣлость отряда была совершенно обезпечена; но когда арабы, двигаясь параллельно правому флангу и находясь почти на высотѣ авангарда, могли воспользоваться невниманіемъ и безпорядкомъ нашихъ войскъ и броситься на нихъ, тогда отряду, особенно съ наступленіемъ ночи, грозила опасность потерять большое количество убитыхъ, раненныхъ и отсталыхъ. Вотъ обстоятельства, о предупрежденіи которыхъ заботился де Риньи; такова причина, его побудившая отправить къ маршалу офицера съ просьбою объ остановкѣ или, по крайней мѣрѣ, о замедленіи черезъ чуръ быстрого движенія передовыхъ частей. Именно это было выражено имъ не словами: „Мы погибли!“, а фразою: „При такой быстротѣ отступленія, мы, напрасно, можемъ потерять до 200 человѣкъ убитыми.“

Предположеніе имѣло основаніе. Но, допуская даже, что оно было преувеличено, мы увидимъ исключительный случай, когда начальника части упрекаютъ въ арміи за избытокъ предусмотритель-

тельности и осторожности. Насколько извѣстно, до настоящаго времени, эти качества считались признакомъ военной мудрости...

Пусть, если хотятъ, согласятся съ мнѣніемъ герцога де Мортемара, что генераль „развивалъ слишкомъ много заботливости о центрѣ колонны.“

Такой лестный отзывъ можно принять за истину потому, что, дѣйствительно, онъ принималъ слишкомъ близко къ сердцу участь своихъ солдатъ. Да, онъ, искренно, желалъ избавить ихъ отъ ужаса быть покинутыми на произволь судьбы и связанной съ этимъ мучительной смерти; въ немъ не было того холоднаго безсердечія, какимъ обладалъ г. маршалъ, когда заявилъ полковнику Корбину: „Подумаемъ лучше о здоровыхъ и способныхъ къ походу и не станемъ хлопотать объ остальныхъ.“ Генераль хотѣлъ, чтобы заботы распространялись на всѣхъ, безъ исключенія; ради всѣхъ и особенно слабыхъ и несчастныхъ, онъ лично отправился къ маршалу съ цѣлью возбудить въ немъ состраданіе, ибо раньше всѣ его представленія не удостоивались отвѣта.

Если, наконецъ, его слова были дурно поняты, а впоследствии искажены, если ему приписывали, какъ мы сейчасъ узнаемъ, самыя безумныя рѣчи, то это не его вина, и не ему терпѣть за нее отвѣтственность.

Сказаннаго достаточно для опроверженія упрека въ недостаткѣ твердости.

Что же выйдетъ изъ него если припомнимъ, что: а) вечеромъ того же 25 числа, маршалъ, обсуждая съ г. де Мортемаромъ событія дня, не только не упомянулъ о малодушіи генерала и о его мнимыхъ преступленіяхъ, но даже не произнесъ его имени; б) вслѣдъ затѣмъ и въ тотъ же вечеръ, г. Клозель поручаетъ де Риньи главную команду надъ лагеремъ — и что, въ особенности, важно — опредѣленіе начальниковъ всѣхъ фасовъ карре; в) въ первомъ приказѣ, не упоминалось вовсе объ этомъ пресловутомъ недостаткѣ мужества, хотя таковое слѣдовало, разумѣется, считать наиболѣе тяжкимъ преступленіемъ генерала; г) о немъ подумали только четыре дня спустя, т. е. 29 числа, и, единственно, — въ силу личныхъ побужденій; д) въ рапортѣ маршала военному министру, еще разъ, не говорится объ этомъ обстоятельстве, ни слова и е) наконецъ, даже въ официально затребованныхъ по дѣлу объясненіяхъ, у г. Клозеля не хватило смѣлости высказаться о немъ иначе, какъ въ видѣ мутной инсинуаціи!...

Такимъ образомъ, отъ недостойнаго и позорнаго обвиненія не остается никакого слѣда и можно развѣ лишь содрогаться при мысли, что оно явилось на свѣтъ!....

Однако, вокругъ этого пункта, группируется нѣсколько другихъ сплетенъ, не формулированныхъ, правда, ни въ приказѣ, ни въ рапортѣ, но сдѣлавшихся общимъ достояніемъ, а потому я вижу себя обязаннымъ дать отвѣтъ и на нихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ сполна опровергнуты на судебномъ слѣдствіи.

Такъ, генерала упрекають въ самовольномъ оставленіи поста въ арріергардѣ, для переговоровъ съ маршаломъ.

Размышляя спокойно, намъ нельзя увлекаться словами *авангардъ* и *арріергардъ*, которыми обозначаются двѣ части отряда, раздѣленные между собою главными силами, двигающимися въ нѣкоторомъ разстояніи отъ каждой изъ нихъ. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что генераль, переѣзжающій отъ арріергарда къ авангарду, покидаетъ свой постъ; но, во первыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе необходимость, среди извѣстныхъ обстоятельствъ, подобнаго переѣзда для согласованія своего движенія съ другими частями или же для переговоровъ съ начальникомъ всего отряда. Во вторыхъ, за генераломъ надо признать бѣольшую свободу дѣйствій, сравнительно съ простыми субалтернъ-офицерами. За тѣмъ, при отступленіи изъ Константины, не было, собственно говоря, ни авангарда и арріергарда, ни главныхъ силъ; такое подраздѣленіе существовало лишь по обычаю и служило, исключительно, для обозначенія частей войскъ, двигавшихся въ головѣ, хвостѣ и на флангахъ очень маленькой коллонны. Въ сущности, отступалъ весьма незначительный отрядъ, составлявшій одно цѣлое, но части котораго сами называли себя этими звонкими военными терминами.

Въ общемъ, части экспедиціонной коллонны походили скорѣе на раздѣленные между собою батальоны одного полка, чѣмъ на цѣлыя отряды арміи.

Теперь, я спрошу, — кому придетъ въ голову обвиненіе командира послѣдняго батальона въ оставленіи своего поста, если, на походѣ, онъ отправится къ батальону головному за приказаніями командира полка?

Независимо отъ сего и дабы получить ясное представленіе по вопросу, надлежитъ знать пространство, которое занималъ весь отрядъ, а также количество времени, употребленное генераломъ на его экскурсію.

Что касается перваго, то, при опредѣленіи на глазомѣръ, разница въ показаніяхъ неизбѣжна. — Г. де Шаслу-Лоба говоритъ, что разстояніе было невелико и что лишь склонъ небольшого холма отдѣлялъ авангардъ отъ лощины, гдѣ былъ расположенъ арріергардъ; — г. генераль Буайе также находитъ разстояніе чрез-

вычайно незначительнымъ;—г. Бодъ опредѣляетъ его въ 200 или 300 метровъ;—г. Перренъ-Соллье насчитываетъ около тысячи метровъ;—г. де Рансе думаетъ, что все пространство составляло менѣе половины лье. Принявъ, если угодно, это послѣднее мнѣніе видимъ, что протяженіе отряда не достигало и половины лье.

Между тѣмъ, какъ бы въ силу неумолимой, роковой случайности, породившей массу недоразумѣній въ этомъ процессѣ, г. маршалъ Клозель приложилъ къ своему обвинительному на имя военнаго министра рапорту планъ, находящійся въ числѣ другихъ документовъ, которые вы, господа судьи, имѣете возможность рассмотретьъ подробно. На немъ, при помощи циркуля, вы убѣдитесь, что авторъ плана опредѣляетъ *каждый интервалъ* между сосѣдними частями отряда болѣе, чѣмъ въ полъ лье, вслѣдствіи чего весь отрядъ оказывается чрезмѣрно растянутымъ.

Подобное извращеніе факта мнѣ было бы пріятно считать отнюдь не преднамѣреннымъ; но, все таки, нельзя не сознаться и здѣсь, какъ я уже говорилъ выше, въ печальной ошибкѣ; и если это, на самомъ дѣлѣ, только она, если намъ некого упомянуть другого, то, и тогда, необходимо заключить, что судьба черезъ чуръ была сурова къ генералу де Риньи...

Вотъ все, что можно сказать по вопросу о разстояніи. А вотъ,— что касается времени.

На сколько продолжительно было отсутствіе генерала? По опредѣленію г. Бода, отъ 15 до 20 минутъ; по словамъ же полковника Корбина, командовавшаго отрядомъ въ отсутствіе г. де Риньи, всего 20 минутъ. Свидѣтели, какъ видите, сходятся на этой почвѣ и ничто не противорѣчитъ имъ.

Значитъ, генералу достаточно было 20 минутъ времени для поѣздки къ головѣ колонны, разговоровъ съ нѣсколькими офицерами; для того, чтобы побесѣдовать съ г. Бертраномъ, объясниться съ г. маршаломъ и вернуться къ арріергарду. И это называютъ оставленіемъ поста! Выходитъ, что генераль, съ цѣлью изслѣдовать мѣстность или ради требованій службы, не имѣетъ права удалиться всего на четверть лье отъ своей части, даже при условіи, что непріятеля, по близости, нѣтъ.

О, нищета обвиненія! Если повиненъ генераль въ оставленіи поста, то въ томъ же самомъ окажется виновнымъ и г. маршалъ, ибо, во время поѣздки на полъ лье впередъ для отысканія дуара, онъ, вѣдь, покидалъ цѣлую армію! На вопросъ объ основательности подобнаго упрека, всѣ, спрошенные мною военные только пожимали плечами; иного отвѣта онъ и не заслуживаетъ!....

Инсинуировали также, будто генераль предлагаль бросить на дорогъ весь обозъ. Въ дѣйствительности же, дѣло было такъ.

Повозки инженернаго обоза не могли похвастать хорошою запряжкой вообще; лошади выбились изъ силъ отъ переутомленія, были явно изнурены недостаткомъ фуража. Г. Клозель, думаю, не станетъ отрицать этого факта, занимающаго чуть ли не первое мѣсто во всѣхъ его жалобахъ. Весьма естественно, что многія повозки двигались съ большимъ трудомъ. Въ день 25 числа, между 3 и 4 часами вечера, одна изъ повозокъ съ инженернымъ имуществомъ настолько завязла въ грязи, что ѣздовые, потерявъ всякую надежду освободить ее, стали уже распрягать лошадей, съ цѣлью бросить ее на дорогъ, когда къ этому мѣсту подѣхаль генераль де Риньи. Но, вмѣсто одобренія такого образа дѣйствій, онъ, немедленно, послалъ взять лошадей отъ одной изъ переднихъ повозокъ и, когда ихъ припрягли, повозка была вытащена на лучшей путь. Въ продолженіи этого времени, голова и центръ колонны продолжали двигаться впередъ; только одинъ арріергардъ отсталъ и ему стоило не малаго труда догнать ушедшій отрядъ. Фактъ подтверждается свидѣтелями-очевидцами: подполковникомъ Кюнигомъ, капитанами Вернономъ и Пуллемъ.

Предвидя близкое повтореніе столь неприятныхъ случайностей, генераль, передъ выступленіемъ на слѣдующій день, просилъ у маршала распоряженій на случай подобныхъ задержекъ. Г. Клозель отвѣтилъ, чтобы о нихъ сообщали ему для временной при-остановки отряда, такъ какъ онъ не желаетъ бросать, на произволъ судьбы, ни одной изъ повозокъ обоза.

И что же? Кто дастъ вѣру происшедшему затѣмъ? Бесѣдуя въ своей палаткѣ, маршалъ сталъ выражать неудовольствіе на генерала де Риньи, говоря, будто сей послѣдній, чрезъ своего адъютанта, предлагаль ему бросить весь обозъ на дорогъ! Предоставляю отвѣтить на подобный упрекъ храброму и достойному офицеру, слова котораго служатъ полною гарантіей истины и, какъ я увѣренъ, не оставятъ никакихъ сомнѣній у лицъ, его знающихъ.

(Выраженіе симпатія большинства присутствующихъ офицеровъ).

„Генераль,—передаетъ онъ,—сообщилъ мнѣ, что маршалъ спрашиваль его, питаеть ли онъ ко мнѣ довѣріе, указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на яко бы сдѣланное мною отъ лица генерала предложеніе бросить цѣлый обозъ. Я тотчасъ же просилъ своего командира отправиться со мною къ маршалу; не получивъ, однако, возможности видѣть его, мы были вынуждены обратиться къ его начальнику штаба, которому я выразилъ негодованіе по поводу лживости такого слуха и прибавилъ, что, каково бы ни было положеніе лица, распускающаго таковыя, я готовъ пожертвовать, въ крайности, службою, дабы сказать, кому слѣдуетъ, въ лице, что онъ солгалъ.“

Столь благородная преданность честнаго человѣка боевому товарищу и строгой правдѣ удостовѣрена предъ вами г. начальникомъ штаба лично. Не надо мнѣ другого отвѣта. Замѣчу развѣ, что все поведеніе генерала, рѣшительно, противорѣчитъ изложенной, оскорбительной гипотезѣ.

Тѣмъ не менѣе, во всемъ этомъ обширномъ производствѣ, нашелся единичный свидѣтель,—маіоръ Бланшаръ, который заявилъ, что, во время продолжительной поѣздки генерала, 25 числа, онъ слышалъ будто бы возгласъ послѣдняго: „Нельзя отступать такъ. Всѣ повозки надо поломать и сжечь; это безобразіе!“

Что можетъ быть невѣроятнѣе столь откровеннаго предложенія? Невольно является вопросъ, какимъ образомъ подобныя нелѣпости слышалъ одинъ только г. Бланшаръ? Вы, разумѣется, помните, какъ полковникъ де Турнеминъ и другіе офицеры, находившіеся подлѣ г. Бланшара, категорически заявили, что не знаютъ ничего, похожега. Въ данномъ случаѣ, замѣчательнѣе всего, что г. Бланшаръ, въ письменномъ показаніи, послѣ вышеприведенныхъ словъ, добавилъ: „полковникъ Турнеминъ вмѣстѣ со мною былъ сильно пораженъ этими словами генерала.“ Оказывается, что г. де Турнеминъ не слышалъ ихъ, а, значить, и не могъ быть ими пораженъ...

Память, очевидно, измѣняетъ г. маіору Бланшару. Говорю — ошибка памяти, ибо, въ устахъ французскаго офицера, мнѣ было бы тяжело допустить нѣчто иное. Но, замѣтивъ, во время допроса, щекотливость г. Бланшара, я прошу у него разрѣшенія напомнить, что ошибаться свойственно человѣку, и если, въ его природѣ, существуетъ что либо готовое къ погрѣшностямъ,—наименѣе достовѣрное, это, конечно, воспоминаніе обо всемъ, скоро преходящемъ, бѣгломъ и мимолетномъ, каковы, на примѣръ, слова, вскользь брошенныя кавалеристомъ, проносающимся въ галопъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нельзя предположить, что, среди тысячи и одной басенъ, распространяемыхъ въ арміи пресмыкающимися недоброжелателями де Риньи, маіоръ Бланшаръ приписалъ ему слова, которыя, мелькомъ, услышалъ отъ совершенно постороннихъ лицъ? Безъ такого предположенія, чѣмъ объяснить, что приводимая имъ фраза поразила только его одного? Почему офицеры, находившіеся здѣсь же, о ней не вѣдаютъ? Какимъ образомъ лица, къ которымъ, непосредственно, обращался генераль передаютъ смыслъ разговора иначе?...

Итакъ, это, единственное въ своемъ родѣ, показаніе не имѣетъ значенія и стусевывается предъ остальными.

Какъ ни грустно, но я не могу оставить перваго, инкриминирующаго тезиса, не опровергнувъ добавочнаго, такъ сказать, обвинительнаго акта, который возникъ уже на пути слѣдствія и съ которымъ воевать для меня унижительно, хотя и располагаю я бѣльшими данными, чѣмъ требуется, дабы вырвать его съ корнемъ.

Не разъ, приходилось мнѣ упоминать о странномъ приѣмѣ маршала Клозеля, когда, забывая должное въ отношеніяхъ къ обвиняемому, онъ старался, въ ущербъ генералу де Риньи, усиливать предубѣжденіе, вмѣсто того, чтобы, съ достоинствомъ, ожидать приговора военнаго суда. Съ этою цѣлью, въ числѣ оправдательныхъ документовъ, приложенныхъ къ его „объясненіямъ,“ напечаталъ онъ въ газетахъ, никому ранѣе неизвѣстный, рапортъ, заготовленный для него полковникомъ Дювивье, командиромъ 1-го и 2-го африканскихъ батальоновъ въ бригадѣ де Риньи, гдѣ на генералѣ сосредоточено не мало серьезныхъ укоровъ. Я не боюсь сказать, что это самое вопіющее нарушеніе дисциплины и, можетъ быть, наиболѣе вредный примѣръ, созданный африканскою арміей.

Дѣйствительно, милостивые государи, какъ смотрѣтъ на офицера, подающаго рапортъ не своему прямому начальнику, — законному посреднику во всѣхъ сношеніяхъ его подчиненныхъ, — а, непосредственно, главнокомандующему? Мыслимъ ли для васъ рапортъ, направленный, исключительно и мы увидимъ сейчасъ какъ именно, къ осужденію дѣйствій начальника, къ доносу на него высшей власти и къ возвеличенію такимъ образомъ, на чужой счетъ, собственныхъ добродѣтелей? Но, если это пззволительно, если полковникъ имѣетъ право порицать своего генерала въ секретномъ рапортѣ, послѣднему неизвѣстномъ и, стало быть, остающемся безъ возраженій; если онъ можетъ обвинять своего командира въ неспособности и въ болѣе или менѣе серьезныхъ промахахъ, то и генералъ, очевидно, могъ бы сдѣлать то же самое относительно главнокомандующаго, адресуясь прямо къ военному министру; эскадронный командиръ имѣлъ бы право написать о своемъ начальникѣ полка, а субалтернъ-офицеръ объ эскадронномъ? Каждый могъ бы сказать: мой командиръ не понимаетъ ничего! Я все знаю лучше его. Какъ же, гг. судьи, назвать подобныя отношенія? Развѣ такіе доносы не создали бы цѣлаго ряда ужасныхъ, ясно нетерпимыхъ интригъ и клеузъ? Ихъ результатомъ не явилась ли бы полная деморализація арміи?!

Однако, именно подобный рапортъ г. Клозель опубликовалъ еще и въ своей брошюрѣ и кинулъ на улицу, съ ядовитою цѣлью погубить генерала де Риньи!

Вотъ что я обязанъ былъ сказать о нравственной сторонѣ документа. Разсмотримъ, далѣе, излагаемые тамъ факты.

Три обвиненія констатируются въ немъ; а, ради привлеченія наибольшаго вниманія, два изъ нихъ, — по указанію г. маршала, старательно, — напечатаны курсивомъ. Нѣсколько словъ о каждомъ, порознь.

Первое. Описывая атаку на урочищѣ Кудіать-Ати (которое онъ называетъ Кодитати), 22-го ноября, г. Дювивье выражается такъ:

„При видѣ огромнаго количества населенія, выбѣжавшаго изъ Константины, слѣдовало разсчитывать, что, если бы, въ этотъ день, весь авангардъ, предшествуемый нѣсколькими разъѣздами, дружно атаковалъ высоту Кодитати, — намъ удалось бы проникнуть въ городъ вмѣстѣ съ его жителями или, по меньшей мѣрѣ, еслибъ ворота оказались запертыми, то произошла бы ужасная рѣзня, отраженіемъ которой могла быть немедленная сдача города.“

Такимъ образомъ, генераль де Риньи, по догадкамъ только, обвиняется офицеромъ своей бригады въ неумѣннн взять Константины или принудить ее къ сдачѣ!

Не мнѣ, господа судьи, дѣлать стратегическую оцѣнку новаго способа захвата городовъ посредствомъ вторженія атакующихъ войскъ въ общей свалкѣ съ осажденными; предоставляю это вамъ, — лицамъ компетентнымъ. Хочу развѣ отвѣтить на вопросъ и для того воспользуюсь показаніемъ г. маіора Пессона, командовавшаго однимъ изъ батальоновъ подъ начальствомъ полковника Дювивье. По его словамъ и какъ вамъ уже извѣстно, порохъ былъ подмоченъ, а потому наши войска ударили въ штыки и позиція была взята, въ одно мгновеніе ока. Самъ г. Дювивье говоритъ, что, послѣ этого натиска, — „всѣ, вышедшія изъ Константины войска поспѣшно обратились въ бѣгство, устремляясь въ городъ въ крайнемъ безпорядкѣ.“ На дѣлѣ, все, по его собственному выраженію, произошло такъ скоро, что на полѣ битвы осталось только шесть убитыхъ и пять раненныхъ. Что же именно хочеть объяснить г. Дювивье, утверждая, будто атака высотъ *Кодитати* велась недостаточно быстро и энергично?

Тѣмъ не менѣе, говоритъ онъ, весь авангардъ долженъ былъ принять участіе въ атакѣ. Допустимъ. Что же дальше? По заявленію маіора Пессона и капитана Пулля, оказывается, что весь авангардъ, въ сущности, и поддерживалъ атаку, но, для обращенія непріятели въ бѣгство, вполне достаточно было приблизить однѣ первыя роты стрѣлковъ. Чего же еще не доставало?

Второе. По поводу приступа, имѣвшаго мѣсто въ ночь съ 23 на 24 число, г. Дювивье разсуждетъ вновь:

„Данной атакѣ, на всеѣ ея теченіи, никакой не было оказано поддержки съ высотъ Кодитати, ни ружейнымъ, ни артиллерійскимъ огнемъ; обстоятельство—весьма неблагоприятное, ибо нѣкоторая диверсія противъ огня непріятельскихъ батарей и крѣпостныхъ орудій значительно сократила бы наши потери.“

Какъ же смотрѣть на подобное обвиненіе, если такое несчастное стеченіе обстоятельствъ было дѣломъ рукъ самого полковника Дювивье?

Обратимся, въ этомъ случаѣ, къ свидѣтельству капитана Пулля.

„Передъ отъѣздомъ (говорить онъ, въ своемъ письменномъ показаніи, прочтенномъ во время засѣданія), полковникъ Дювивье поручилъ мнѣ, настоятельно, просить генерала де Риньи не стрѣлять по направленію къ городу во время атаки, изъ опасенія, чтобы гранаты горныхъ гаубицъ, при большихъ отклоненіяхъ, особенно во время ночной стрѣльбы, пролетая надъ головами его войскъ, не попадали въ средину колонны и не увеличивали такимъ путемъ смятенія и безпорядка, неизбѣжныхъ при столь опасномъ ночномъ предпріятіи. Эта просьба нисколько не удивила меня, потому что маіоръ Шангарнье, которому атака была поручаема ранѣе, давалъ мнѣ тожественное порученіе.“

Вы помните, конечно, что это заявленіе удостовѣряется и маіоромъ Пессономъ.

Долженъ ли я, послѣ этого, излагать печальныя соображенія, всякому понятныя!?

Наконецъ, кто повѣритъ, что, въ числѣ причинъ неудачи атаки, полковникъ Дювивье указываетъ, что, вмѣсто надлежащей поддержки ея, опредѣлявшейся самою ея идеею, генералъ „далъ приказъ 2-му легкому батальону (подъ начальствомъ г. Шангарнье) быть на готовѣ, для веденія ея непосредственно и самостоятельно.“ „Не получи онъ“, продолжаетъ Дювивье, „такого приказа, онъ весь день 23 числа посвятилъ бы на рекогносцировку лѣвыхъ воротъ крѣпости, о существованіи которыхъ ему было извѣстно, по различнымъ свѣдѣніямъ. Занятый совершенно другимъ, онъ болѣе не думалъ о средствахъ къ успѣху почетной атаки, участія въ которой лишенъ былъ его батальонъ.“

Развѣ не проглядываетъ, во всеѣ этомъ, извѣстнаго рода злопамятство въ отношеніи генерала?

Третье. Начало отступленія полковникъ Дювивье описываетъ такъ:

„Солнце уже взошло и въ походномъ лазаретѣ продолжалось снаряженіе раненныхъ, когда въ лагерь явился офицеръ 2-го легкаго батальона, присланный маіоромъ Шангарнье къ полковнику съ вопросомъ о причинѣ медленности наступленія; онъ сообщилъ, что, уже нѣсколько времени тому назадъ, 17 легкой полкъ, вмѣстѣ съ каваллеріей и генераломъ, двинулись въ путь, — обстоятельство, до того, совершенно неизвѣстное полковнику Дювивье. Тотчасъ же, понявъ онъ опасность своего положенія, такъ какъ всѣ, вышедшія изъ Константины войска могли оказаться у него въ тылу. Онъ уже замѣтилъ, впереди себя,

очень внушительно скопление кавалеріи, близъ сліянія двухъ рѣкъ; предстояла задача или переходить обѣ рѣки, или же переправляться ниже ихъ сліянія, по весьма вязкой почвѣ и въ виду значительныхъ непріятельскихъ силъ. Приказавъ захватить остальныхъ раненныхъ, всего 7 или 8 человекъ, онъ съ батальономъ, сильно утомленнымъ недавними потерями и громаднымъ числомъ изувѣченныхъ, которыхъ люди принуждены были нести на себѣ, послѣ безсонной ночи, выступилъ немедленно въ походъ, въ сопровожденіи части горной артиллеріи, еще болѣе увеличивавшей на немъ лежавшую отвѣтственность, и 200 человекъ 2-го легкаго полка.“ Далѣе, онъ прибавляетъ: „Повидимому, только этимъ людямъ, послѣ огромныхъ потерь предъ городскими воротами и совершенно безсонной ночи, суждено было не обнаружить никакого колебанія, ни малѣйшей боязни во время отступленія съ плато Кодитати, въ виду войскъ Константины, съ одной стороны, и многочисленной кавалеріи Ахметъ-бея, — съ другой, наконецъ, при условіи, что они чувствовали себя предоставленными на произволъ судьбы остальной частью бригады!“

Г. маршалъ Клозель, съ особеннымъ усердіемъ, напечаталъ эти отрывки курсивомъ.

Наконецъ, въ своемъ письменномъ показаніи, г. Дювивье имѣлъ смѣлость выразиться еще опредѣленнѣе: „Я не могу забыть, что утромъ 24-го, при оставленіи позиціи Кодитати, я, вмѣстѣ съ ранеными, былъ совершенно покинутъ генераломъ де Риньи.“

Обвиненіе слишкомъ серьезное!... И я глубоко сожалею, что г. Дювивье не присутствовалъ на судебномъ слѣдствіи, дабы уразумѣть, насколько заблуждался онъ, или съ цѣлью подчиниться выслушаннымъ здѣсь показаніямъ, если онъ дѣйствовалъ сознательно.

Прежде всего, замѣтимъ, основываясь на всѣхъ прочихъ свидѣтеляхъ, что для двухъ батальоновъ, находившихся подъ командою г. Дювивье, не было отдѣльной походной больницы; цѣлая бригада располагала только однимъ лазаретомъ, — вслѣдствіе чего заботы, исключительно, о раненныхъ г. Дювивье послужили бы въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Почему же никто изъ командировъ и офицеровъ не жалуется на это мнимое покинутіе раненныхъ на произволъ судьбы? Напротивъ, всѣ отдають такую полную справедливость заботамъ генерала о перевозкѣ раненныхъ, что, въ данномъ случаѣ, меня затрудняетъ лишь выборъ лестныхъ о немъ отзывовъ.

Выслушаемъ, сначала, показаніе лица, близко стоявшаго къ дѣлу и специально заинтересованнаго въ немъ, а именно старшаго бригаднаго хирурга г. Бонафона.

„.....Завѣдывая, во время похода въ Константину, походнымъ лазаретомъ всего авангарда, я не могъ не обратить вниманія на тѣ заботливость и участіе, съ которыми генераль де Риньи относился къ больнымъ и раненымъ..... Всѣ раненные отъ различныхъ частей войскъ, помѣщенные въ лазаретъ, за время нашего пребыванія на плато Кудіать-Ати, были своевременно эвакуированы, за исклю-

ченіемъ 3 или 4 человекъ, перевозка которыхъ, по причинѣ весьма тяжкихъ ранъ, оказалась невозможною. Такъ какъ общее ихъ количество было весьма значительно, а между тѣмъ, мнѣ доставили только 4 корзины съ подушками для лошаковъ и двое носилокъ, то я долженъ былъ посоветоваться съ генераломъ де Риньи на счетъ увеличения столь ничтожныхъ средствъ для переноски слабыхъ и больныхъ. Генераль, немедленно, предоставилъ въ мое распоряженіе значительное количество егерей 3-го африканскаго полка, а затѣмъ приказалъ своему адъютанту, капитану Пуллю, потребовать отъ командировъ частей, входившихъ въ составъ его бригады, необходимое количество солдатъ для переноски остальныхъ раненныхъ на одѣлахъ. Благодаря всѣмъ этимъ средствамъ, походный лагерь, безъ задержки, немедленно, двинулся въ путь.“

То же самое говоритъ полковникъ Корреаръ:

„Дѣйствительно, еще до оставленія нами позиціи на высотахъ Кулиать-Ати, я получилъ отъ генерала де Риньи предписаніе выслать немедленно, въ распоряженіе старшаго врача бригады, людей и лошадей для перевозки раненныхъ. Съ этой цѣлью, я отправилъ 20 человекъ съ ихъ лошадьми.“

Полковникъ Корбинъ даетъ, въ свою очередь, аналогичное показаніе:

„Въ пять часовъ утра, г. генераль де Риньи потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Г. маршалъ, по случаю неудачи штурма города, предписалъ начать отступление и вашъ полкъ долженъ немедленно очистить занимаемую имъ позицію; сейчасъ же, распорядитесь снятіемъ постовъ, имѣя въ виду, что всѣ подготовительныя работы требуютъ соблюденія возможной тишины; отправьте 50 человекъ, подъ командой офицера, въ распоряженіе старшаго врача для переноски раненныхъ; по переходѣ черезъ Руммэль, прикажите оставить на томъ берегу одинъ батальонъ для прикрытія эвакуаціи этихъ несчастныхъ. „Исполнивъ, въ точности, приказанія генерала, я вмѣстѣ съ полкомъ двинулся въ походъ; г. де Рансе, адъютантъ г. маршала, находился, при началѣ отступления, близъ меня.“

Не обходитъ молчаніемъ факта и г. Шангарнье:

„Спусти, приблизительно, часа два послѣ неудачи обѣихъ направленныхъ, одновременно, на городъ атакъ, адъютантъ генерала де Риньи передалъ приказаніе моимъ батальонамъ прикрыть отступление первой бригады, которая должна была перейти Руммэль для соединенія съ другими войсками, послѣ чего начнется общее отступление. Слѣлавъ необходимыя распоряженія, я отправился къ генералу, который, въ присутствіи полковниковъ Корреара и Корбина и маіора де Рансе, собирался тоже садиться на лошадь. На вопросъ, не будетъ ли другихъ, болѣе подробныхъ инструкцій, командиръ бригады далъ отрицательный отвѣтъ; а когда я продолжалъ настаивать, желая узнать, какая именно часть пойдетъ, непосредственно, впереди моего батальона, и тѣмъ опредѣлить время выступления въ походъ, генераль отвѣтилъ, что, передо мной, долженъ выступить батальонъ африканскихъ стрѣлковъ, подъ начальствомъ Дювивье. По возвращеніи къ своей части, я увидѣлъ, какъ, въ сумеркахъ, слѣва отъ меня, продефилировалъ 17 легкой полкъ съ каваллеріей. Между тѣмъ, время шло, а африканскій батальонъ и не думалъ начинать движенія; тогда я послалъ поручика де Ла Шаррьера, исполнявшаго должность полковаго адъютанта, замѣтить подполковнику Дювивье, что, благодаря ему, стрѣлковая бригада рискуетъ раздѣлиться на двѣ части; что, наконецъ, имѣя назначеніе прикрывать отступление, я не тронусь съ мѣста, пока онъ не двинется въ путь. Черезъ 15 или 20 минутъ, адъ-

ютантъ вернулся съ извѣстіемъ, что г. Дювивье занялъ сборомъ своего батальона, поручилъ ему благодарить меня и сообщить о его выступленіи. Дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, африканскій батальонъ прошелъ мимо насъ; выждавъ, пока онъ удалился отъ моего батальона на извѣстное разстояніе, я началъ движеніе со всѣми, соответствующими дѣлу военными предосторожностями.“

Какимъ же образомъ г. полковникъ Дювивье рискуетъ утверждать, что о немъ забыли въ приказаніяхъ, отданныхъ командамъ разныхъ и, кстати замѣтить, вовсе немногочисленныхъ частей бригады?...

Не лишнее будетъ напомнить еще одно обстоятельство, категорически опровергающее жалобы г. Дювивье: капитанъ Пуллъ, адъютантъ генерала, объяснилъ вамъ, что приказъ о выступленіи онъ лично передалъ Дювивье, одновременно со всѣми другими командирами частей. Мало того, свидѣтелемъ передачи былъ г. Пессонъ, который, въ письменномъ показаніи, заявляетъ:

„Приблизительно чрезъ полчаса послѣ ночнаго штурма, когда я возился съ перевязкой моей лѣвой ноги, имѣвшей довольно сильную контузію, г. полковникъ Дювивье, занятый тѣмъ же дѣломъ, получилъ чрезъ офицера штаба генерала де Риньи (фамилія его мнѣ неизвѣстна) приказаніе готовиться къ соединенію съ маршаломъ; тотчасъ сѣвъ на лошадь, я, по его порученію, началъ собирать батальонъ; потребовалось не мало времени, тѣмъ болѣе, что у меня ежеминутно отзывали людей для переноски раненныхъ. Я отчетливо видѣлъ прошедшій въ сторонѣ 17 легкой полкъ. Наконецъ, въ половинѣ пятого или около пяти часовъ утра, мы тронулись въ путь и дошли до береговъ Руммеля, въ сопровожденіи 2-го легкаго батальона, подъ командою г. Шангарнье. Полковникъ Дювивье приказалъ ротѣ Гувіана перейти рѣку первой и расположиться на противоположномъ берегу; за нею совершилъ переправу весь батальонъ. Мнѣ извѣстно, что изъ раненныхъ оставленъ былъ только одинъ сержантъ, молодой Байлонъ, который, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ, во избѣжаніе безполезныхъ мученій, самъ просилъ носильщиковъ оставить его, на произволь судьбу!“

Впрочемъ, факты гораздо краснорѣчивѣе и положительнѣе всякихъ словъ. Такъ,—г. Дювивье утверждаетъ, что приказъ объ отступленіи онъ получилъ только чрезъ офицера, посланнаго маіоромъ Шангарнье; а изъ показанія самого г. Шангарнье мы узнаемъ, что его адъютантъ „засталъ полковника Дювивье занятымъ сборомъ своего батальона.“ Ясно, что онъ былъ предупрежденъ ранѣе.

То же обстоятельство удостовѣрено еще и г. Марешалемъ, командиромъ батальона въ 17 легкомъ полку.

„Около пяти часовъ утра, говоритъ онъ, 24 ноября, я получилъ отъ своего полковаго командира свѣдѣнія о предстоящемъ отступленіи и приказъ двинуться въ походъ съ первымъ, мнѣ ввѣреннымъ батальономъ. Отдавая распоряженія, въ свою очередь, для исполненія приказа, я, вмѣстѣ со своими офицерами, проходилъ мимо африканскаго батальона, находившагося подъ командою Пессона, и

прекрасно видѣлъ, какъ онъ готовился выступить, ибо, подобно остальнымъ командирамъ частей бригады, во время, получилъ свѣдѣніе о предстоящемъ передвиженіи. Въ распоряженіе походнаго лазарета, мною отправленъ былъ поручикъ Тробати съ 50 рядовыми.*

Поручикъ эскадрона африканскихъ егерей г. Вернонъ, еще разъ, свидѣтельствуеть о томъ же самомъ. Дювивье лично подтверждаетъ эти показанія, говоря объ ослабленіи своего батальона частью предшествовавшими потерями, частью назначеніемъ большаго числа людей для переноски раненныхъ.

Выходитъ, что раненные отнюдь не были брошены!

Наконецъ, г. Шангарнье произнесъ передъ вами слова, которыя, совершенно резюмируя положеніе, имѣють высшую цѣну, чѣмъ любая моя диссертация. На вопросъ, извѣстно ли ему, чтобы кто нибудь жаловался, будто его покинули на Кудіать-Ати, послѣдовалъ отвѣтъ: „Командуя тыловыми частями арріергарда, я выступилъ послѣ всѣхъ и никогда не считалъ себя покинутымъ.“ На какомъ же основаніи могъ бы на это жаловаться г. Дювивье, отрядъ котораго ушелъ гораздо раньше батальона г. Шангарнье?

По поводу же словъ „каваллерія и генераль ушли впередъ“, нельзя не вспомнить, что де Риньи, какъ разъ наоборотъ, оставался на правомъ берегу, т. е. въ сторонѣ непріятельской каваллеріи, занимавшей прилежащую мѣстность;—на самомъ опасномъ, по общему отзыву, пунктѣ, гдѣ даже прикрытіе его подвергалось не малой опасности.

Вамъ извѣстно, въ заключеніе, что генераль оставилъ берега Румэля только послѣ переправы черезъ него послѣдняго солдата.

Что сказалъ бы теперь г. полковникъ Дювивье?!

Я считаю излишнимъ, милостивые государи, спрашивать о вашемъ мнѣніи по этому вопросу, такъ какъ, не говоря уже, что, выслушанные нами, храбрые и достойные офицеры не могутъ быть всѣ клятвopеступниками,—самые факты, до очевидности, убѣждаютъ, насколько рапортъ г. Дювивье переполненъ во всемъ, что касается генерала, явными несообразностями и ошибками...

Отнынѣ установлено развѣ, что полковникъ Дювивье значительно опоздалъ исполнить данный ему приказъ. Гдѣ же причина? Неужели, дѣйствительно, какъ выразился капитанъ Пулль, —въ тѣхъ „затрудненіяхъ, съ которыми, обыкновенно, полковникъ Дювивье собиралъ свой батальонъ?“ Не результатъ ли это иныхъ препятствій?... Я не умѣю отвѣтить на подобную тему. Во всякомъ случаѣ, знаю, что вину такого запозданія не слѣдовало обращать на генерала де Риньи!

Мнѣ остается лишь отмѣтить черту, въ силу которой доносъ полковника Дювивье становится еще прискорбнѣе. Какъ извѣстно, онъ написанъ въ Бонѣ 2 декабря,—въ то время, когда генераль де Риньи официально пораженъ былъ приказомъ отъ 29 ноября! Развѣ одно это обстоятельство не требовало у воинскаго долга, если не совершеннаго воздержанія порицателей, то, по крайней мѣрѣ, строжайшей добросовѣстности въ изложеніи фактовъ?

Генераль, вы понимаете, имѣлъ на сердцѣ, чтобы нынѣшнее опроверженіе было всестороннимъ, и я думаю, что ему здѣсь нечего желать болѣе...

ВТОРОЙ ПУНКТЬ.

„Коварныя инсинуаціи и преступныя совѣты!“

Таковъ единственный упрекъ, направленный въ исходномъ приказѣ маршала, — въ первомъ, такъ сказать, изданіи его мыслей, предъ лицомъ самыхъ событій.

И что же! Здѣсь,—кто повѣрять?.... Обвинители не могли создать ни одного свидѣтеля! И это не по небрежности, а потому что нѣтъ его!... Въ сообщеніяхъ, преемственно излагаемыхъ маршаломъ, вы не найдете имени, ни одной ссылки на лице, которое могло бы заявить, будто кто-нибудь слышалъ изъ устъ генерала зловную инсинуацію, позорный совѣтъ или хотя бы нѣчто, похожее. Однако,—если бы, среди перваго движенія гнѣва, у де Риньи, не вырвалось энергическаго восклицанія челоуѣка, преслѣдуемаго невинно; если бы не потребовалъ онъ и не достигъ отмѣны этого распоряженія,—Франція, и Европа увидѣли бы странное и тяжелое зрѣлище, гдѣ, по произволу, клеймятъ, въ приказѣ, высшаго офицера, исключительно, ради воображаемаго явленія,—такого, въ удостовѣреніе котораго обвинитель не нашель, въ цѣлой арміи, ни единого свидѣтеля! Гдѣ возможность достаточно изумляться предъ такимъ фактомъ?

Но есть кое что, побольше! Мы располагаемъ данными, прямо обратными!....

Маршаль Клозель былъ, въ самомъ дѣлѣ и очень странно, эксплуатируемъ своими приближенными, если вѣрнѣе, что весь лагерь оглашается похвалами его мудрости, обнаруженной за время экспедиціи въ Константину, и что диффирамбы, ему официально расточаемые г. Мелькіономъ д'Аркомъ, находили широкій отголосокъ подъ палатками. Каждый несъ обязанности мужественно и беззавѣтно, но это не мѣшало инымъ дѣлать кое какія замѣчанія, съ большею или меньшею ловкостью и свободой. Тѣмъ не менѣе,

генераль, въ своемъ присутствіи, никогда не допускалъ подобной критики;—тому свидѣтель г. Дашерь, командиръ эскадрона въ 3-мъ полку африканскихъ егерей:

„Отъ генерала де Риньи не только не приходилось мнѣ слышать какія либо оскорбительныя для г. Клозеля слова,“—удостоверяетъ онъ,—„но я, напротивъ, хорошо помню, какъ однажды, во время движенія экспедиціоннаго отряда на Константину, одинъ изъ офицеровъ, въ присутствіи многихъ другихъ, сталъ порицать военныя распоряженія г. маршала и какъ генераль, здѣсь, случайно, находившійся, остановилъ говорившаго немедленно, замѣтивъ, что дѣйствій главнокомандующаго не въ правѣ обсуждать никто, и тѣмъ прекратилъ всякій дальнѣйшій разговоръ на означенную тему. Что же касается выражений самого генерала, которыя могли бы имѣть вредное вліяніе на духъ солдатъ, то ничего подобнаго я не слышалъ никогда.“

Изложенное показаніе, вы знаете, подтверждается всѣми офицерами бригады генерала, съ которыми онъ жилъ въ одной палаткѣ и раздѣлялъ тягости похода.

Одинъ только полковникъ Дювивье, авторъ рапорта отъ 2 декабря, приписываетъ де Риньи слова, которыя можно было бы приурочить къ опровергаемому мною тезису обвиненія.

Въ первый же день, когда начали отступать, генераль высказался будто бы такъ:

„Этому долженъ быть конецъ; дѣла идутъ черезъ чуръ скверно, и не Клозелю намъ выпутать изъ бѣды. Завтра, я приму общее командованіе; намъ необходимо отступать большимъ карре.“—Я промолчалъ, хотя и не мало удивился сужденію г. де Риньи, такъ какъ отрядъ двигался въ полномъ порядкѣ, непріятель былъ удерживаемъ на почтительномъ разстояніи, а къ г. маршалу всѣ питали довѣріе.“

Генераль утверждаетъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ; а, судя по тому, какъ выяснился, на судѣ, вопросъ объ оставленіи, въ то же утро, раненныхъ на произволь судьбы, едва ли можно отнестись съ почетомъ и къ этому заявленію г. Дювивье. Прибавлю,—какъ ни мало достойны вѣроятія фразы, приписываемыя де Риньи,—ихъ нельзя допустить уже потому, что между полковникомъ и генераломъ отнюдь не усматривалось такой близости отношеній, которая не исключала бы полной откровенности, и что ей не было мѣста, особенно, послѣ извѣстнаго вамъ ночнаго штурма, предназначеннаго генераломъ къ исполненію г. Шангарнье, а порученнаго Дювивье маршаломъ....

Одно лишь можно допустить, что, будучи назначенъ командовать арріергардомъ и рассказывая о войскахъ, которыя входили въ его составъ, генераль могъ выразиться: „Я приму начальство надъ этими войсками.“ Но, если даже это было сказано, нельзя не сознаться, что оно было весьма оригинально понято и слишкомъ не точно передано господиномъ Дювивье.

Слѣдовательно, мы въ правѣ отмѣтить, что, на этомъ пунктѣ, обвиненіе грустно пребываетъ въ крайней и безысходной нуждѣ въ доказательствахъ.

ТРЕТІЙ ПУНКТЬ.

Онъ себѣ нашелъ мѣсто въ обвинительномъ актѣ и формулированъ такъ: „*Оскорбленіе начальника злословіемъ.*“

Я полагаю, милостивые государи, что, если бы даже генераль и позволилъ себѣ нѣсколько свободныхъ словъ, какую нибудь рѣзкость въ оцѣнкѣ дѣйствій командира отряда (чего, конечно, я не утверждаю положительно), то оправданіемъ могли бы послужить благородныя чувства, его одушевлявшія. Вамъ памятно, какихъ несчастій онъ былъ очевидцемъ, и понятно, какіе ужасы ему хотѣлось предотвратить или, по меньшей мѣрѣ, ослабить. Не за себя, а во имя солдатъ ратовалъ онъ, когда, съ жаромъ, настаивалъ, требуя остановки или замедленія похода, которыя дали бы возможность не разбрасывать преданныя французскому знамени жертвы, по дорогѣ, на растерзаніе арабскому палашу!...

И пусть не преувеличиваютъ понятія о строгости военной дисциплины: дѣйствительно, приказанію начальника довлѣетъ совершенное, пассивное и безотвѣтное повиновеніе; но развѣ это лишаетъ подчиненнаго возможности имѣть свои мнѣнія о томъ или иномъ движеніи, мѣропріятіи или маневрѣ начальника и высказывать ихъ съ нѣкоторою откровенностью? Мнѣ трудно этому повѣрить.

Была нѣкогда фаланга, наивыше превознесенная среди всѣхъ, когда либо знаменовавшихъ удивительными подвигами стезю оружія; корпусъ,—одно появленіе котораго на полѣ брани вело, казалось, къ побѣдѣ; умѣлъ онъ умирать, но не умѣлъ сдаваться!... Каждому понятно, что я говорю объ императорской гвардіи,—долгое время страшилищѣ цѣлой Европы, и о несравненной гордости Франціи! Никогда и ни одинъ народъ не располагалъ болѣе геройскими войсками, нигдѣ не поражали они такими дѣяніями; и, тѣмъ не менѣе, сколько разъ поднимался въ ихъ средѣ громкій ропотъ на лишенія и усталость, которыми обременялъ своихъ ветерановъ геніальный человекъ, ихъ призывая къ битвамъ!... Недовольные получили особую кличку, тривиальность которой имъ не помѣшала облагородить ее: прозвали ихъ *ворчунами гвардіи!* Да; они ворчали; но лишь только слова героя электризировали ихъ благородныя сердца, а присутствіе непріятели возбуж-

дало любовь къ славѣ; едва орель, распустивъ крылья, увлекалъ ихъ на врага, какъ всякій ропотъ смолкалъ, неудовольствіе утихло, — все, что выстрадано, забывалось... Самые недовольные оказывались первыми храбрецами, и никому даже въ голову не приходило обвинять этихъ самоотверженныхъ ворчуновъ въ виновеніи или обидѣ!...

Наконецъ, считать преступленіемъ всякій домашній разговоръ, лагерные толки и откровенныя бесѣды товарищей, не значитъ ли пропагандировать въ арміи систему доносовъ? Развѣ не правъ былъ самъ представитель обвинительной власти, когда онъ такъ прекрасно объяснялъ намъ, что, — какъ нарушение дисциплины, — законъ караетъ только *личное* оскорбленіе начальника? Я, впрочемъ, лишь намѣчаю эти общіе вопросы. Вамъ предстоитъ рѣшить.

Но, каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, на моей обязанности лежитъ анализъ фактовъ.

И такъ, — оскорблялъ ли генералъ своего начальника какими либо непочтительными рѣчами? Я принимаю вопросъ, не мудрствуя лукаво, и въ подлинныхъ выраженіяхъ обвинительнаго акта.

На эту грозную тему, давали показанія всѣ свидѣтели; при чемъ многіе заявили о доходившихъ къ нимъ слухахъ по поводу оскорбительныхъ для маршала словъ генерала; но, когда судъ пожелалъ добратся до источника этихъ „говорятъ,“ не нашлось ни единого офицера, который бы что нибудь слышалъ отъ самого генерала.

Только одинъ свидѣтель далъ указаніе, противоположное, — это г. Наполеонъ Бертранъ. Только онъ привелъ слова, которыя, если были произнесены, — нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не признать оскорбительными и дерзкими.

Я говорю: только онъ, — потому что никто, вѣроятно, не сочтетъ оскорбленіемъ, по адресу маршала, замѣчаніе, сдѣланное генераломъ полку, солдаты котораго разсыпались въ окрестностяхъ для сбора бурьяна, производя тѣмъ явную неурядицу: „У Ахмета больше порядка, чѣмъ у насъ!“ Нѣкоторые поняли такое замѣчаніе надлежащимъ образомъ; другіе не уловили его смысла и ошибочно приписали генералу слова: „Ахметъ дѣйствуетъ лучше насъ!“, а третьи впали еще въ большее преувеличеніе, утверждая, что онъ крикнулъ: „Только одинъ Ахметъ и ведетъ настоящую войну!“ — фраза, совсѣмъ не лестная для самого генерала...

Разнообразіе показаній, по поводу этихъ словъ, уже само по себѣ, не внушаетъ довѣрія, — во всякомъ случаѣ, здѣсь ничего нѣтъ обиднаго для г. Клозеля лично!

Слѣдовательно, по изучаемому пункту обвиненія, задача сводится къ двумъ элементамъ:

- а) столкновению и разговору съ г. Наполеономъ Бертраномъ и
 б) встрѣчѣ и бесѣдѣ съ г. маршаломъ.

Встрѣча и разговоръ съ г. Бертраномъ.

Я не хочу распространяться объ отношеніяхъ г. Бертрана къ маршалу Клозелю, потому что мнѣ было бы крайне тяжело допустить у офицера французской арміи возможность измѣны совѣсти, въ угоду начальству. Но близость г. Наполеона Бертрана могла способствовать возбужденію въ немъ особой подозрительности ко всему, что касалось особы маршала; онъ, скорѣе всякаго другаго, могъ ошибочно понять слышанное и возмутиться имъ; наконецъ, обладая, пожалуй, болѣе яркимъ воображеніемъ и недостаточно твердою памятью, онъ могъ исказить слова генерала, совершенно невольно. Въ чемъ бы, однако, ни таилась настоящая причина, онъ, очевидно, извратилъ событіе.

Надѣюсь, — мнѣ позволять доказать это самымъ непререкаемымъ образомъ.

Но дадимъ слово ему, а затѣмъ уже перейдемъ къ опроверженію.

На допросѣ, онъ изложилъ обстоятельства дѣла такъ:

„25 ноября, полковникъ Буайе поручилъ мнѣ доложить г. маршалу, что всѣ мѣры, относительно расположенія бивуакомъ авангарда, уже приняты. Доведя фактъ до свѣдѣнія маршала, я былъ обязанъ предупредить генерала де Риньи о сборѣ всей его бригады и объ отправленіи его самого съ двумя эскадронами для рекогносцировки мѣста предстоящаго бивуака. Отдавая мнѣ это приказаніе, г. Клозель находился на линіи обоза. Немедленно, отправившись къ бригадѣ генерала, которая двигалась въ арріергардѣ, я, послѣдовательно, переѣзжалъ отъ центра къ правому и лѣвому флангамъ, розыскивая генерала, но безуспѣшно.“

„Обѣзжая вновь, съ тою же цѣлью, правый флангъ колонны, я увидѣлъ скачущаго кавалериста, отъ котораго рассчитывалъ узнать о мѣстѣ пребыванія г. де Риньи; это оказался онъ самъ. „Генераль! Я имѣю передать вамъ приказъ г. маршала“, началъ было я, но г. де Риньи перебилъ меня, приказавъ молчать и заявивъ, что ему некогда слушать мои приказанія. Я повторилъ свои слова, но не имѣлъ никакой возможности заставить генерала де Риньи выслушать меня, такъ какъ онъ громко кричалъ, что мы погибли, что арріергардъ опрокінуть, а у него не осталось ни пѣхоты, ни кавалеріи, ни артиллеріи, и что ему придется потерять теперь, по меньшей мѣрѣ, 200 человекъ.“

„Маршалъ“, прибавилъ г. де Риньи, „ведетъ себя постыдно и безчестно! Ему наплевать на арріергардъ, лишь бы спасти передовыя колонны; на меня, съ праваго фланга, насаждаетъ огромное скопище арабовъ, поджидая лишь удобной минуты, чтобы вовсе отрѣзать насъ. Непріятель, сударь, такъ близко, что я прекрасно слышу музыку Бея!“

Въ своей брошюрѣ и въ рапортѣ военному министру, маршалъ Клозель даетъ отчетъ объ этомъ разговорѣ, говоря, что онъ записанъ буквально, подѣ диктовку г. Бертрана. Однако, произве-

деня маршала не сходятся въ контекстѣ съ приложеннымъ къ дѣлу письменнымъ объясненіемъ его адъютанта. Такъ, въ нихъ не оказывается весьма страннаго, но достойнаго быть упомянутымъ, выраженія генерала, что „у него не осталось ни пѣхоты, ни каваллеріи, ни артиллеріи“.

Въ замѣнъ того, у маршала встрѣчается фраза, которой нѣтъ въ письменномъ показаніи, хотя, сама по себѣ, она имѣетъ столь важное значеніе, что ее никакъ нельзя было пропустить: „Намъ остается одинъ исходъ: бросить весь обозъ и отступить, какъ можно скорѣе; моя каваллерія въ совершенномъ безпорядкѣ, и я, положительно, не могу собрать ее.“ Какъ же повѣрить всѣмъ этимъ повѣствованіямъ, если они расходятся въ такихъ серьезныхъ вопросахъ?

Но, больше всего, ниспровергается показаніе г. Бертрана своимъ внутреннимъ неправдоподобіемъ полнѣйшею невозможностью своею.

Какъ?! Генераль сказалъ, что его арріергардъ опрокинутъ; что онъ можетъ потерять до 200 человекъ убитыми; что каваллерія разсѣялась и онъ не знаетъ, какъ собрать ее; что у него нѣтъ, наконецъ, — ни пѣхоты, ни каваллеріи, ни артиллеріи!!!... Да гдѣ-же тутъ здравый смыслъ, господа?! Что-же, въ такомъ случаѣ, оставалось у него? Все это абсолютно невѣрно и немыслимо!

Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ, арріергардъ двигался въ строгомъ порядкѣ! Онъ даже не подвергался нападеніямъ непріятеля!...

Возможно ли, чтобы генераль, безъ всякой необходимости, началъ обвинять себя самого, навязывая своей бригадѣ поражение, котораго не было, да и не предвидѣлось? Допустивъ справедливость выражений, приводимыхъ г. Бертраномъ, надо признать ихъ автора, очевидно, сьумасшедшимъ. А, при такихъ условіяхъ, де Риньи подлежалъ немедленному отрѣшенію отъ должности, но никакъ ужъ не преданію военному суду! Эти слова не могли имѣть мѣста, и,—я утверждаю, никогда не произносились!

Г. Бертранъ. (*прерывая*). Однако,—это вѣрно!

Г. Докладчикъ: ¹⁾ Поступаясь личными своими правами, я еще могъ позволить прерывать свою рѣчь; но права защиты священны. Прошу судъ призвать г. Бертрана къ порядку.

Предсѣдатель предлагаетъ г. Бертрану молчать, и г. Дюпень говорить далѣе.

Благоволите замѣтить и слѣдующее: если бы генераль оказался въ ненормальномъ состояніи, то, разумѣется, это замѣтили

¹⁾ Генераль, специально командированный поддерживать обвиненіе.

бы и другіе, кромѣ г. Бертрана. Къ кому бы ни обратился онъ тогда, всѣмъ пришлось бы выслушать тѣ же галлюцинаціи больного. Однако, ничего подобнаго не усматривается. Такъ, оставляя свою бригаду, генераль хладнокровно изложилъ полковнику Корбину причины, которыя побудили его отправиться на пѣски маршала, не отвѣчающаго на посылаемые чрезъ офицеровъ запросы. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ, совершенно спокойно, разговаривалъ съ полковникомъ Пти д'Отеривомъ, проѣзжая мимо его полка. Г. Вернонь слышалъ этотъ разговоръ, цѣликомъ, и не замѣтилъ у де Риньи никакого волненія. Г. де Кастелланъ упоминаетъ объ участіи генерала къ отсталымъ арріергарда; онъ не забылъ, правда, выраженія опасеній, что, въ случаѣ внезапной атаки Ахмета, мы могли бы потерять отъ 200 до 300 убитыми, но прибавляетъ далѣе: „кромѣ этихъ словъ, все, приписываемое генералу, — чистѣйшая выдумка.“ Полковникъ Дюверже разговаривалъ съ генераломъ, почти передъ его встрѣчей съ г. Бертраномъ, и не слышалъ отъ него никакой безсмыслицы. То же было и съ другими офицерами, которые имѣли съ нимъ дѣло, во время его двадцатиминутной поѣздки. Наконецъ, онъ бесѣдовалъ съ самимъ маршаломъ и послѣдному, отнюдь, не довелось выслушивать нелѣпостей, навязываемыхъ де Риньи г. Бертраномъ.

Теперь, пусть названный свидѣтель самъ опровергнетъ свое показаніе:

Вы знаете, что, до встрѣчи съ генераломъ, „онъ направился къ его бригадѣ, составлявшей арріергардъ, и, послѣдовательно, переѣзжалъ отъ центра къ правому и лѣвому флангамъ“, — иначе говоря, объѣхалъ весь отрядъ. На обратномъ пути, минутъ черезъ пять, встрѣтивъ генерала и услышавъ: „Мой арріергардъ опрокинутъ; у меня не осталось ни пѣхоты, ни каваллеріи, ни артиллеріи“, — онъ не счелъ нужнымъ замѣтить ему: „Успокойтесь, генераль! Я всѣхъ видѣлъ на своихъ мѣстахъ, въ полномъ порядкѣ и въ совершенной безопасности!“ Наоборотъ, г. Бертранъ доноситъ маршалу объ опасеніяхъ, въ неосновательности которыхъ онъ убѣдился собственными глазами, и передаетъ слова, которыхъ безсмысленность для него столь очевидна!

Этого допустить невозможно, — обыденному здравому разумѣнію претить оно!...

Но, не здѣсь только горе показаніямъ Бертрана. Во время судебного слѣдствія, онъ заявилъ вамъ, гг. судьи, что будто бы полковникъ Дюверже, начальникъ штаба отряда, сказалъ, между прочимъ: „Г. де Риньи обезчестилъ себя, онъ свой мундиръ опозорилъ!...“ — выраженія, настолько серьезныя, что ихъ не бро-

саютъ на вѣтеръ. И что же? Полковникъ Дюверже, по долгу совѣсти и чести, подъ присягою, удостовѣрилъ, что эти слова никогда имъ не были произносимы!

Г. Бертранъ (*быстро*). Я опровергъ уже показаніе г. Дюверже.

Предсѣдатель: Приглашаю васъ умолкнуть и не перебивать!

Надѣюсь, г. Бертранъ позволить не согласиться съ его репликою свидѣтелю Дюверже, а равно указать мои основанія съ безпристрастіемъ, которое довлѣетъ священнымъ правамъ защиты.

Имѣя на лице только два противоположныхъ заявленія, я счелъ бы долгомъ отмѣтить: вашей мудрости, господа, принадлежитъ рѣшеніе вопроса, — кого изъ свидѣтелей предпочесть, смотря по тому, на чьей сторонѣ оказывается перевѣсъ въ твердости характера, зрѣлости лѣтъ, служебномъ положеніи, словомъ, по всѣмъ даннымъ, опредѣляющимъ степень довѣрія къ человѣку. Но г. Дюверже имѣетъ за собою то громадное преимущество, что его показанія опираются на непреложные факты. Такъ, безспорно, что утромъ 26 ноября, — онъ именно убѣдилъ маршала предоставить генералу де Риньи право командованія бригадою, только что отнятое. Могъ ли Дюверже просить объ этомъ для лица, опозорившаго, по его же мнѣнію, свой мундиръ и запятнавшаго воинскую честь?!...

Что же? Никто не возражаетъ, теперя?!...

Далѣе, чѣмъ объяснить, что г. Бертранъ вспомнилъ объ этомъ фактѣ только на судѣ, а въ письменномъ показаніи, на предварительномъ слѣдствіи, не упоминалъ? Правда, онъ, самоувѣренно, заявилъ, въ этихъ самыхъ стѣнахъ, что, по всей вѣроятности, протоколъ его допроса искаженъ; справка съ подлинникомъ, за собственноручною его подписью, немедленно, разрѣшила загадку и по этому новому съ его стороны обвиненію, которое не хочу я называть по имени.

Покончимъ же на этомъ съ показаніемъ г. Наполеона Бертрана!...

Встрѣча и бесѣда съ г. маршаломъ.

Нѣтъ ни одного, посторонняго лица, которое слышало бы цѣликомъ весь разговоръ; первымъ и единственнымъ свидѣтелемъ оказывается самъ г. маршалъ Клозель. Обратимся къ нему.

Въ донесеніи военному министру, онъ не высказалъ, по этому поводу, лично отъ себя, ничего, опредѣленнаго; изложивъ, почти дословно, рапортъ г. Бертрана, онъ, по какому то странному упущенію, ограничился замѣчаніемъ: „Генераль де Риньи повторилъ мнѣ самому часть изо всего, нынѣ доводимаго къ вашему свѣдѣнію.“

Но что же именно? Преступныя или совершенно невинныя рѣчи; оскорбительныя или безразличныя выраженія? 'Объ этомъ стоило поговорить.... И я отказываюсь уразумѣть обвиненіе, которое, взамѣнъ прямаго исчисленія фактовъ, скрывается въ туманѣ общихъ мѣствъ, не уясняя ровно ничего и ускользая отъ всякой провѣрки.

Показаніями свидѣтелей, слышавшихъ отдѣльныя части разговора, не установлено никакихъ признаковъ обиды маршалу; вотъ почему я ограничусь результатами допроса г. Шасслу-Лоба, какъ человѣка находившагося въ положеніи, наиболѣе независимомъ отъ обѣихъ, заинтересованныхъ сторонъ:

„Если только память не измѣняетъ мнѣ,“ свидѣтельствуешь онъ, „генераль де Риньи сказалъ слѣдующее: „Убѣдительно прошу васъ, г. маршалъ, приостановить колонну; она двигается въ совершенномъ безпорядкѣ! Ахметъ, на правомъ нашемъ флангѣ, идетъ сомкнутымъ строемъ и грозитъ атаковать насъ.“ Я не утверждаю, что было именно произнесено: „грозитъ,“ и не стану отрицать, что генераль употребилъ слово „можетъ....“ Не буду также настаивать, что генераль не прибавилъ ничего болѣе; но мнѣ удалось слышать только вышеприведенныя слова, и это вполнѣ понятно, такъ какъ, за топотомъ нашихъ лошадей, трудно было разобрать остальное.“

Иное доказательство. Допустимъ, что генераль де Риньи обладалъ горячимъ характеромъ и, получивъ недостаточно заботливое воспитаніе, могъ себѣ позволить рѣзкое обращеніе къ начальнику; — но развѣ, подлѣ маршала, не было такого высокаго лица, одно присутствіе котораго напоминало бы о чувствѣ долга и приличія?

Наконецъ, любое сомнѣніе исчезаетъ, когда вникнемъ въ обзоръ дѣйствій маршала. Для насъ, это лучшая улика защиты. Очевидно, что, если бы кто нибудь изъ подчиненныхъ себѣ позволилъ неприличную выходку, маршалъ, немедленно, привелъ бы его къ порядку; если не во имя себя лично, то ради положенія, которое занималъ, это было его правомъ и вмѣствъ обязанностью. На дѣлѣ же оказывается, что онъ не только не прибѣгнулъ къ дисциплинарному взысканію, но даже не сдѣлалъ говорившему замѣчанія. Вечеромъ того же дня, бесѣдуя съ герцогомъ де Мортемаромъ объ истекшихъ событіяхъ, онъ вовсе не упоминаетъ о г. де Риньи. Мало того, — поручаетъ генералу начальство надъ лагеремъ, въ теченіи ночи. Затѣмъ, въ двухъ приказахъ, трактуешь о преступныхъ совѣтахъ и коварныхъ инсинуаціяхъ, не говоря объ оскорбленіяхъ ни слова. Значитъ, вотъ еще схема, изобрѣтенная вновь и гораздо позже.

Не ясно ли, что, по этому направленію, генерала упрекнуть было не въ чемъ?!..

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТЬ.

„Ропоть, въ виду непріятели, съ цѣлью произвести панику и безпорядокъ въ войскахъ.“

Кто его слышалъ, этотъ ропоть?—Никто. Гдѣ онъ произвелъ панику и безпорядокъ?—Нигдѣ!

За все время, обвиняемый сказалъ офицерамъ лишь нѣсколько словъ, характеръ и смыслъ которыхъ уже достаточно выясненъ.

Немногіе только свидѣтели заявляютъ, что инныя фразы могли быть услышаны войсками и ранеными;—прочіе настаиваютъ на невозможности факта, за дальностью разстоянія.

Кому вѣрить?

Лучшимъ способомъ раскрытія истины было бы привлечь къ слѣдствію хотя нѣсколько солдатъ, до которыхъ будто бы донесли слова генерала. Но ни маршалъ, ни его сторонники не могли назвать никого. Стало быть, по указанному обвиненію, не нашлось ни единого свидѣтеля, въ цѣлой арміи!

Какъ бы, однако, ни было, я предполагаю, что рядовые слышали говорившееся: „Мы отступаемъ безпорядочно; Ахметъ ведетъ свои войска гораздо лучше; онъ можетъ напасть въ любой моментъ и у насъ быстро окажется недочетъ штукъ въ 200 отрѣзанныхъ головъ!....“ Что? Подобныя рѣчи могли бросить панику и безпорядокъ въ наши войска?! Сказать французскому солдату: „Непріятель близко и можетъ напасть на насъ“—значитъ перепугать его!? Мнѣ ли оспаривать и это передъ вами, господа? Такія рѣчи могутъ имѣть только одинъ исходъ: „По мѣстамъ! Сомкнись!“ Кто придаетъ имъ другой смыслъ,—не понимаетъ француз!....

ПЯТЫЙ ПУНКТЬ.

Говорилось ли что либо противъ маршала, послѣ 26 ноября?

Такого отдѣла нѣтъ въ обвинительномъ актѣ; онъ былъ формулируемъ только г. Клозелемъ. Но, въ процессѣ, онъ имѣетъ громадное нравственное значеніе. И дѣйствительно, разъ г. маршалъ соизволилъ отмѣнить свой первый приказъ, появленіе второго могло быть оправдано лишь по мѣрѣ возникновенія новыхъ упрековъ. Г. Клозель такъ хорошо понималъ это, что, въ рапортѣ военному министру, выразился слѣдующимъ образомъ:

„Вслѣдъ за тѣмъ, генераль де Риньи, будучи далекъ отъ сознанія всего,

что я сдѣлалъ для него лично, во имя его дяди и ради памяти его брата, министра,—я вынужденъ это сказать,—продолжалъ сплетни, готовя деморализировать цѣлую армію, понизить мужество и самоотверженіе въ ея рядахъ; тогда явился мой приказъ отъ 29 числа.“

Такъ вотъ мотивъ появленія этого ужаснаго приказа!

И, тѣмъ не менѣе, г. маршалъ не могъ выставить ни одного свидѣтеля, который бы слышалъ, я не говорю уже,—преступныя рѣчи, нѣтъ,—хотя бы одно нескромное слово, послѣ 26 ноября! А, между тѣмъ, соотвѣтственный вопросъ задавался 92 свидѣтелямъ!!...

Правда, г. Бертранъ, категорически, заявилъ о дошедшихъ къ нему слухахъ относительно разговоровъ позже 26 числа, ссылаясь, въ данномъ случаѣ, на г. Мелькіонъ д'Арка, маіора Перренъ-Соллье и полковника Дюверже.—Но, г. Мелькіонъ д'Аркъ разъяснилъ неправильность такой ссылки, удостовѣривъ, что ему не приходилось видѣться съ генераломъ со времени его отъѣзда изъ Алжира вплоть до возвращенія въ Бону, т. е. въ теченіи всей кампаніи; а гг. Перренъ-Соллье и Дюверже засвидѣтельствовали, что они ровно ничего не слышали отъ генерала; слѣдовательно, и передавать г. Бертрану имъ было нечего.

Подобнымъ же образомъ, гг. Бэхіесъ и де Дре сослались, было, на г. де Рансе, будто бы рассказывавшаго имъ о рѣчахъ генерала послѣ 26 ноября; но г. де Рансе самолично показалъ на судѣ, что къ нему доходили только слухи.

И вотъ на такой-то шаткой, болотистой почвѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ, ни одного признака достовѣрности, дмя храбраго офицера предано было ненависти и презрѣнію Франціи и Европы! Все низводится къ сплетнямъ, къ пресловутому *говорятъ*, иначе,—къ такимъ ничтожнымъ поводамъ, на которыхъ не рѣшились бы основать мало-мальски серьезной мѣры даже въ частномъ быту!

Такимъ образомъ, въ силу роковой и безпримѣрной случайности, рапорты и описанія г. маршала Клозеля переполнены ошибками въ похвалахъ не менѣе, чѣмъ въ порицаніяхъ; въ обозначеніи мѣстъ, какъ время и событій; среди ближайшихъ фактовъ, равно какъ въ цифрахъ и расчетахъ...

Приведу лишь нѣсколько примѣровъ:

Генерала де Риньи, во первыхъ,—самый тяжкій и плачевный!...

Но, рядомъ съ нимъ, не видали мы развѣ, какъ храбрый 62 полкъ нагло старались извратить въ толпу мародеровъ? А развѣ г. Бодъ, на свой пай, не обвинялся въ недостаткѣ мужества и въ пред-

ложеніи бросить обозъ? Его ли не вынудили прибѣгнуть къ опроверженію такого упрека словами самого же обвинителя, а именно воспроизведеніемъ письма къ военному министру, въ которомъ главнокомандующій африканскихъ войскъ, собственноручно, восхвалялъ г. Бода среди не военныхъ лицъ, отличившихся, въ теченіи кампаніи, мужествомъ и твердостью? Припомнимъ далѣе, что господинъ Ториньи выставялся руководителемъ атаки, которая, на самомъ дѣлѣ, была ведена полковникомъ Коррээромъ и лично генераломъ де Риньи; то же великодушіе, въ ущербъ старшимъ офицерамъ полка африканскихъ егерей, проявилось и въ пользу совершенно посторонняго офицера, состоявшаго для порученій при герцогѣ Немурскомъ, г. Шабанна, который, для будущей карьеры, имѣетъ за собою пока лишь извѣстную военную фамилію и всѣ условія, чтобы поддержать ея блескъ; но этотъ офицеръ, со скромностью и прямою, дѣлающими честь его характеру, самъ отвергъ, на допросѣ, такія, ему навязанныя официальнымъ рапортомъ заслуги. Атакъ, приписываемая г-ну Ториньи, происходила 22 числа, но г. маршалъ почему-то считаетъ ее 23 числа. Всѣ штурмы Константины съ высотъ Кудіать-Ати направлялись противъ воротъ Бабъ-эль-Уэдъ, маршалъ же относитъ ихъ къ воротамъ Бабъ-эль-Рахбагъ! На планѣ отступленія 25-го числа, составленномъ по приказанію г. маршала и приложенномъ къ его рапорту на имя военного министра, а равно и къ слѣдственному дѣлу, каждый интервалъ между сосѣдними частями войскъ показанъ гораздо больше всего дѣйствительнаго протяженія цѣлаго корпуса. Въ заключеніе, еще одинъ фактъ; его не трудно провѣрить на мѣстѣ: прославляя благодѣянія африканской колонизаціи и тѣ, которыми чревата его система, г. Клозель,—въ подтвержденіе своихъ аргументовъ,—говоритъ что, за послѣдніе три года, населеніе Марсели почти удвоилось.

Вотъ, для сравненія, официальныя цифры: въ 1830 году 145.000 душъ, въ 1836 году—149.000.—Разница, 4.000, и не за 3, а за 6 лѣтъ! Да и при чемъ тутъ Алжиръ?

Судите, господа, по этимъ образцамъ!

Тѣмъ не менѣе, я далекъ отъ мысли пользоваться удобнымъ случаемъ для непріязненнаго или несправедливаго отношенія къ г. маршалу Клозелю! Пусть скажутъ, что не было у него намѣренія исказить факты, что не задавался онъ цѣлью радѣть излишне объ однихъ и унижать другихъ; пусть объясняютъ все недостаткомъ проникательности, бѣглостью анализа, ущербомъ памяти; пусть обратятъ вниманіе на фактъ, что, среди лагернаго шума, иногда трудно знать точную истину, что, наконецъ, самъ

маршалъ былъ вводимъ въ заблужденіе невѣрными докладами,— я это признаю охотно. Вѣрьте, отнюдь, не принадлежу я къ тѣмъ, кто находитъ печальное и завистливое удовольствіе, разглядывая, какъ великое имя склоняется, подъ игомъ стыда!

Я готовъ принять все, что извиняетъ....

Но вотъ чего я не перестану утверждать всѣми силами моей души: заблужденіе и ошибка рѣютъ, въ сущности, надъ всѣмъ, что касается похода въ Константиноу, но истязуемою жертвою такого умопомраченія и неправды служить одинъ генераль де Риньи!....

Надо ли удивляться приемамъ, черезъ которые данное обвиненіе возникло? Молчанію г. Клозеля, въ теченіи всего 25 числа; его запоздалому гнѣву, который, овладѣвъ имъ лишь на другой день, стихъ немедленно и ожилъ только четыре дня спустя? Всѣмъ его приказамъ, то уничтожаемымъ, то воспроизводимымъ; этому, колеблющемуся, чуть не ежедневно измѣняемому преслѣдованію, центръ тяжести коего переносится отъ бунта къ трусости, изъ одной крайности въ другую? Наконецъ,—страннымъ и противорѣчивымъ реляціямъ, достоинство которыхъ съ трудомъ поддается оцѣнкѣ?...

Все это основано на зыбкомъ, летучемъ пескѣ лагерныхъ кляузъ и пересудовъ. Фактъ былъ понятъ неясно, сообщенъ неправильно; переходя изъ устъ въ уста, онъ подвергался новымъ искаженіямъ: одинъ добавлялъ слово, другой—измѣнялъ частность, и вотъ, разрастаясь на пути, незначительное событіе дѣлалось чѣмъ то, безпримѣрно чудовищнымъ.

Не для нашего ли, какъ будто, процесса создано знаменитое опредѣленіе: „Въ началѣ, это легкій шумъ, припадающій къ землѣ, какъ ласточка передъ грозой; но вотъ, чьи-то уста собрали его, вотъ онъ проскользнулъ уже къ вамъ.... Зло содѣяно; оно еще таится, ползаетъ, бродитъ ощупью..... Вдругъ, неожиданно и внезапно, клевета подымается, шипитъ, зрѣетъ и растетъ, на вашихъ глазахъ.... Вотъ она бросилась, распустила крылья; мутить, охватываетъ, терзаетъ; влечетъ, сверкаетъ и гремитъ?...”

Этою дорогою подкралась она и къ генералу и, какъ громомъ, поразила его!

Однако, разсудительные и здравомыслящіе люди всегда гнушались подобными сплетнями. Будучи спрошенъ о нихъ, г. де Шабаннь отвѣчалъ: „Что касается толковъ и всего, что говорятъ, то мнѣ приходилось слышать такія нелѣпости, которыхъ я не могу и не хочу служить отголоскомъ.“ Г. Вернонь заявилъ,— „ему приходилось слышать такія сплетни, что ихъ воспроизведеніе онъ своею обязанностью не считаетъ,“ а маіоръ де

Кастелланъ прибавилъ: „Слухи были такъ разнорѣчивы, что я себѣ не могъ составить, никакой опредѣленной идеи.“

Дѣйствительно, всякій разъ, когда захотите подняться къ источнику, вы тамъ найдете развѣ стремнину грязныхъ кляузъ, мутный потокъ рикошетомъ отраженныхъ, невѣдомо чьихъ словъ....

А между тѣмъ, они легли въ основаніи непостижимой мѣры, — всенароднаго позора, которымъ заклеили генерала французской арміи!

Гдѣ же написано это, во зло обращаемое г. Клозелемъ право безконтрольно распоряжаться честью своихъ подчиненныхъ?

Такова ли цѣль приказовъ по арміи? Профессія, въ которой идея чести, скорѣе нежели гдѣ либо, — самое драгоцѣнное благо и двигатель, наиболѣе могучій, должна ли стать омутомъ, гдѣ человѣческое достоинство обезпечено наименѣе? Да и что говорить! Чинъ и социальное положеніе офицера покровительствуются закономъ, а самое имя воина необходимо лишить всякой защиты?! Въ другихъ классахъ общества, признаніе ничтожной вины, малѣйшая отвѣтственность обусловлены заботливыми формальностями, предварительнымъ изслѣдованіемъ, рѣшеніемъ суда; а любой военный имѣлъ бы надъ своею головою, какъ абсолютнаго и всемогущаго судью, первый капризъ начальника!? Непріязнь, предубѣжденіе, ошибка, затронутое самолюбіе, желаніе опрокинуть свою вину на другого, располагали бы, по его усмотрѣнію, тѣмъ прагматическимъ наслѣдіемъ чести, которому солдатъ приносить въ жертву и покой, и самую жизнь свою?!...

Нѣтъ и еще разъ нѣтъ! Такого распорядка не существуетъ нигдѣ, а у цивилизованнаго народа подобнаго законодательства быть не можетъ. Скромный гражданинъ, во имя нашей арміи, дерзаю протестовать я противъ этого страшнаго и безграничнаго деспотизма дневныхъ приказовъ!.....

Но, здѣсь, я не могу остановиться.

Если бы право было, въ дѣйствительности, таково, а дѣянія, генералу вмѣняемая, не противорѣчили бы истинѣ ни въ чемъ, — и тогда употребленіе, сдѣланное маршаломъ изъ его прерогативъ, все таки, насъ призывало бы къ осужденію его. Будь они даже позволены, мѣропріятія этого рода должны храниться въ резервѣ для преступленій чудовищныхъ, вопіющихъ; на случай особой, изъ ряда вонъ несообразной, самой неотложной крайности. Да и то не худо примѣнять ихъ осмотрительнѣе; ибо пятнаютъ они мундиръ, — кровью заливаютъ національную гордость; колеблютъ уваженіе къ власти, горе и стыдъ посѣваютъ въ арміи; ея печаль раз-

носить по цѣлой странѣ, унижаютъ ее, въ глазахъ другихъ народовъ!..

Ничто, вѣдь, не гнететъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ. Отымите командованіе, разъ того польза службы требуетъ, но не старайтесь опозорить. Въ самомъ дѣлѣ, — какъ энергически замѣтилъ уже де Риньи, — генерала предають суду, повелѣвають разстрѣлять его, но никто не въ правѣ отымать у него честь.

Вы же, напротивъ, имѣя въ рукахъ законное оружіе чиновничанія, хватаетесь за кинжалъ диффамачи!

А! На апогеѣ всемогущества и въ опьяненіи неограниченною властью, Наполеонъ ничего не дѣлалъ подобнаго. Въ моментъ, когда на поляхъ Байлена, одинъ изъ его генераловъ подписалъ унизительную капитуляцію, онъ все таки почтилъ старинныя его заслуги, храбрость, обнаруженную въ другихъ битвахъ, наконецъ, — достоинство мундира. Генерала Дюпона приговорили, но не ранѣе, чѣмъ выслушали; онъ не былъ унижаемъ при условіи и только потому, что его лишили средствъ къ оправданію.

Дабы оцѣнить его образъ дѣйствій былъ созданъ верховный совѣтъ императора; такова справедливость; вотъ, гдѣ истинное величіе. Вотъ, какъ понимаютъ воинскую честь!...

И пусть не говорятъ вамъ о непререкаемыхъ условіяхъ дисциплины: она требуетъ, чтобы приказъ, каковъ бы онъ ни былъ, встрѣчалъ быстрое и строгое повиновеніе; ей присуще, чтобы офицеръ, безъ колебаній, шелъ на смерть, когда ему велятъ; но этимъ она и ограничивается. Возьмите жизнь, — честнаго имени не троньте!

Поэтому, когда генераль де Риньи просилъ дать ему очную ставку съ обвинителями, нельзя было не удовлетворить его. Надлежало затѣмъ предать его суду, когда онъ самъ этого требовалъ...

Но дневной приказъ, которымъ онъ былъ пораженъ въ сердце, отъ имени безпредѣльной и произвольной власти, — кровная ему обида, а будущему нашей арміи опасная угроза.

Въ особенности, — зачѣмъ понадобилось маршалу такъ упорно настаивать на своихъ обвиненіяхъ?

Первая вспышка извинительна... Но, когда, блистая и сверкая, истина пробилась на свѣтъ Божій, — открылся, въ этомъ дѣлѣ, только одинъ путь: благородный, правомѣрный, достойный высокаго званія маршала Франціи. Признать свою ошибку, стереть пятно, необдуманно имъ отгиснутое на репутаціи храбраго воина, низвергнуть съ него отвѣтственность на тѣхъ, кто затмилъ распоряженія главнокомандующаго, — вотъ гдѣ была яркая для него

задача! Отмѣтить свой собственный промахъ, это, вѣдь,—почти уничтожить его результаты...

Съ другой стороны, г. Клозель, въ своемъ прошломъ, могъ бы отыскать не мало знаменитыхъ дѣяній, чтобы не содрогаться, признавая экспедицію въ Константину—скорбною главою, а приказъ отъ 29 ноября его печальною страницю...

Да успокоится же маршалъ въ завоеванной славѣ своей; да почерпнетъ онъ въ ней могучія и великія утѣшенія... И да устанетъ онъ поддерживать обвиненіе, очевидно, лишенное, я не говорю—только реальныхъ мотивовъ, но и какого либо вѣроятія...

Во всякомъ случаѣ, господа, вашему гордому чувству независимости и безпристрастію вашему довлѣетъ провозгласить именно ту правду, завидную инициативу торжества которой г. Клозель не счумѣлъ взять на себя.

И пусть не увѣряютъ насъ, что генераль-маіоръ не можетъ быть правъ, въ ущербъ маршалу, что вы этимъ будто подорвали бы начала воинской іерархіи. Тамъ нѣтъ власти, которая не имѣла бы границъ, нѣтъ и положенія, совсѣмъ безправнаго. Самъ военный законъ предусматриваетъ и караетъ насилія командировъ въ отношеніи подчиненныхъ; ограждая авторитетъ однихъ, онъ, въ то же время, исключаетъ угнетеніе ими другихъ, и такимъ образомъ миритъ требованія дисциплины съ достоинствомъ челоуѣка.

Милостивые государи! Если существуетъ родъ оружія, гдѣ строгая субординація неизбѣжна, то это, разумѣется—флотъ; а если мы знаемъ страну, гдѣ она поддерживается неумолимо, то это, конечно, Англія. Такъ вотъ, послушайте, что случилось, при условіяхъ, почти тождественныхъ тѣмъ, которыя нынѣ обсуждаете вы:

Разбитый нашимъ адмираломъ, англійскій главнокомандующій Матьюсъ сталъ обвинять своего контръ-адмирала Лестока въ *maloduisii* (терминъ, достойный вниманія), а свое пораженіе хотѣлъ приписать ему (г. маршалъ Клозель не рискнулъ заходить такъ далеко, въ отношеніи генерала де Риньи). Вернувшись на родину, Лестокъ требуетъ суда; объясняетъ, доказываетъ,—и его оправдываютъ, безусловно. Но это былъ Англичанинъ и онъ сдѣлалъ большее: онъ запятналъ своего обвинителя, онъ погубилъ его... Изнемогая въ этой борьбѣ, адмиралъ Матьюсъ былъ самъ признанъ недостойнымъ служить во флотѣ Великобританіи...

Суровое и полезное нравоученіе!... Оно показываетъ, что власть не должна оставаться тамъ, гдѣ исчезаетъ справедливость.

Мы, конечно, не домогаемся предать маршала Клозеля уголовному суду; формально, онъ внѣ преній; затронута развѣ его нравственная личность. Но, и изъ такого сочетанія, для вашего ра-

зума не можетъ возникнуть большой заботы. Маршальскій жезль остается неприкосновеннымъ,—онъ чуждъ вопросу. А это главное. Будьте же милосердны: подумайте и объ эполетахъ генерала,—не потерпите стыда и для нихъ...

Достигнувъ этой точки зрѣнія, я не боюсь сказать, что настоящій процессъ—дѣло цѣлой арміи нашей.

Да поймутъ отнынѣ ясно, что, если во всемъ, касающемся службы, нисшій обязанъ безпрекословнымъ повиновеніемъ высшему, то и начальникъ не долженъ, по усмотрѣнію, клеймить подчиненнаго; что и честь слабѣйшаго не предана на произволь, хотя бы самага сильнаго; что безнаказанно играть чужою репутаціею никому не придется и, наконецъ, что, противъ гнета и неправды, есть вѣрное убѣжище!

Тогда армія сбережетъ свое достоинство, ничего не теряя въ дисциплинѣ; тогда приказы нашихъ командировъ удержатъ характеръ, имъ дѣйствительно приличный...

Въ счастливые дни побѣды, они будутъ вѣстниками нашей славы; въ минуты горя,—если намъ суждено еще переживать ихъ, здѣсь отразится эхо скорби народной! Но, въ грядущемъ, какъ и во времена былыя, никогда не послужатъ они средствомъ личной мести или орудіемъ посрамленія ближняго!...

Послѣ рѣчи Дюпена, генераль-докладчикъ, поднявшись, изложилъ свои соображенія такъ:

„Я слушалъ защитника съ тѣмъ напряженнымъ вниманіемъ, которое вызывается, съ одной стороны, чарами превосходнаго таланта, одухотворяемаго свѣтлыми идеалами, а съ другой, боязнью, чтобы такое предубѣжденіе не отразилось въ небрежномъ исполненіи обязанностей прокурорскаго надзора мною самимъ.

Но, я обязанъ заявить, что не вижу ничего, достойнаго порицанія въ рѣчи, гдѣ равно сіяютъ энергія и чувство мѣры. Скажу болѣе: мы, нерѣдко, встрѣчались на одинаковой почвѣ,—фактъ, свидѣтельствующій, что два разсудительныхъ и добросовѣстныхъ человѣка, работая надъ тѣмъ же вопросомъ, могутъ придти къ тождественному результату.

Здѣсь, новая гарантія мнѣнія, которое я сегодня пріобрѣлъ; а потому я, во второй разъ, объявляю суду, что признаю себя, окончательно, убѣжденнымъ.“

Когда предсѣдатель суда предложилъ обычный вопросъ: „Не желаете ли что нибудь добавить, въ свою защиту?“ — генераль де Риньи произнесъ нѣсколько слѣдующихъ словъ:

„Я ничего болѣе не имѣю сказать, въ свое оправданіе; я былъ обязанъ предоставить: разъясненіе своего прошлаго даннымъ о моей служебной дѣятельности, вообще; моимъ товарищамъ по оружію—заботу возстановить мое недавнее поведеніе; краснорѣчивому защитнику моему—задачу собрать доказательства моей невиновности; вамъ—миссію все оцѣнить....

Наиболѣе тяжкое изъ всѣхъ, какія могутъ постигнуть офицера,—обвиненіе самое суровое было направлено противъ меня. Честью увѣряю, что это гнусная клевета! Мнѣ разбила сердце; но, именно въ негодованіи своемъ, я почерпнулъ силы остаться въ живыхъ; кромѣ того, я никогда не отчаявался въ правосудіи моихъ равныхъ и нашей великой страны....

Я требовалъ судей и мнѣ ихъ дали; я получилъ ихъ такими, какихъ самъ только могъ у Неба просить: уважаемыхъ, неліцепріятныхъ, чуждыхъ послабленіямъ, но и всякой страсти. Обвиняемый, въ свою очередь, явился передъ вами съ открытымъ челомъ, твердымъ духомъ и покойною совѣстью.

Теперь, господа, вы должны знать меня, и я смѣю выразить, что рассчитываю на приговоръ съ чувствомъ, болѣе утѣшительнымъ, чѣмъ надежда,—я, съ увѣренностью, ожидаю его. Въ вашихъ рукахъ, больше, чѣмъ жизнь,—у васъ моя честь. Приказъ отъ 29 ноября 1836 года запятналъ мою шпагу, и я былъ вынужденъ представить ее вамъ, дабы, здѣсь, съ нея смыли всю грязь; давно и прочно уразумѣлъ я, что лишь торжественное рѣшеніе суда можетъ ее возвратити мнѣ чистою и безъ пятенъ; такую, какъ я носилъ ее всегда, въ продолженіи тридцати лѣтъ.....

Господа! Я буду счастливъ и гордъ, получивъ ее отъ васъ; и не придется вамъ жалѣть, что вы мнѣ возвратили ее. Какъ моя кровь, какъ цѣлая жизнь моя,—она будетъ, всегда, къ услугамъ Франціи!“

Приговоръ.

Второй Военно Полевой Судъ 8-й дивизіи,—созванный въ Марсели для разсмотрѣнія дѣла генераль-маіора Вальтера де Риньи, выслушавъ г. докладчика и его заключеніе и принявъ во вниманіе доводы самого подсудимаго, равно какъ и защитника, ему назначеннаго судомъ,—удалился въ совѣщательную комнату и здѣсь, при закрытыхъ дверяхъ, обратился къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: Александръ, Вальтеръ, виконтъ де Риньи, генераль-маіоръ, виновенъ ли: 1) въ оскорбленіяхъ словами начальника и 2) въ томъ, что, въ присутствіи не-

пріятеля, ропталъ на своего главнокомандующаго, съ цѣлью возбудить безпорядокъ и панику въ войскахъ?

По отобраніи голосовъ, начиная съ младшаго, и при условіи, что представитель заявилъ свое мнѣніе позже всѣхъ,

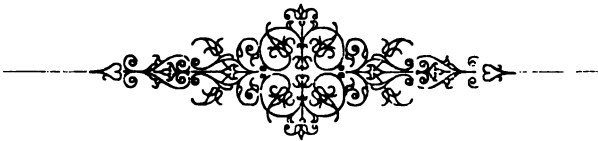
Судъ, единогласно, опредѣляетъ:

а) генераль-маіора, виконта Вальтера де Риньи признать невиновнымъ въ дѣяніяхъ, ему приписываемыхъ, и

б) на основаніи ст. ст. 31 и 32 закона 14-го брюмера V года, считать его оправданнымъ по суду.

А посему Военный Судъ повелѣваетъ:

Генерала де Риньи освободить изъ подъ стражи, немедленно.

Л А Ш О.

ДѢЛО

МАРИИ БЪЕРЪ.

ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО.

РѢЧЬ

ВЪ ЗАЩИТУ ПОДСУДИМОЙ.

*Incredibile est furens quod femina
possit!*

СЕНСКИЙ ОКРУЖНЫЙ СУДЪ, СЪ УЧАСТИЕМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

Засѣданія 5 и 6 апрѣля 1880 года.

ДѢЛО МАРИИ БЬЕРЪ.

Предсѣдательствовала Членъ Суда — Башелье.
Обвинялъ Прокуроръ — Лефевръ де Виефвиль.
Защиталъ — Лашо.

Пистолетный выстрѣлъ, раздавшійся въ улицѣ Оберъ и направленный рукою Маріи Бьеръ въ г. Жантьена, надѣлалъ много шуму не только во Франціи, но и за границей.

Извѣстная подъ псевдонимомъ де Беральди, чрезвычайно талантливая лирическая артистка, г-жа Бьеръ принадлежала къ весьма почтенному семейству. Ей было около тридцати лѣтъ, когда, одинъ за другимъ три раза, она выстрѣлила въ своего любовника Жантьена, празднаго и очень богатаго молодого чело-вѣка, съ цѣлью убить его и отомстить за то, что, сдѣлавъ матерью, онъ ее бросилъ.

Жантьенъ былъ раненъ двумя пулями: одна попала ему въ руку, другая въ ногу.

Успѣхъ, которымъ пользовалась Бьеръ на сценѣ, съ одной стороны, репутація изящнаго и свѣтскаго молодого чело-вѣка, утвердившаяся за Жантьеномъ въ парижскихъ салонахъ, съ дру-гой, — все придавало еще больше кроваваго блеска этому замѣча-тельному дѣлу.

Сталъ на очередь вопросъ, — не былъ ли законъ, воспрещаю-щій отыскивать отца незаконнаго ребенка, первымъ мотивомъ преступленія? Подхваченная прессою идея создала поводъ къ горячей журнальной полемикѣ о необходимости реформы законо-дательства.

Въ обвинительномъ актѣ и защитительной рѣчи, подробно

изложена фактическая подкладка, интересомъ превосходящая любой романъ, благодаря тому, что ея содержаніе взято, прямо, изъ дѣйствительной жизни.

Свою защиту Марія Бьеръ довѣрила Лашо, а онъ провелъ ее со всею теплотою сердца, съ яркимъ огнемъ своей благородной души и былъ награжденъ однимъ изъ величайшихъ ораторскихъ триумфовъ, когда либо выпадавшихъ на его долю.

По объявленіи оправдательнаго приговора, въ залѣ суда, раздались громкія, продолжительныя рукоплесканія, поднялся неописанный шумъ. Въ газетныхъ отчетахъ о процессѣ, констатировано, что Лашо, при его выходѣ изъ трибунала, была сдѣлана торжественная овація. Увы! Это была одна изъ послѣднихъ его побѣдъ. Два года спустя, смерть похитила его изъ среды друзей и почитателей.

Въ день разбирательства, зала суда была переполнена публикой, какъ это всегда бываетъ, если въ событіи главную роль играютъ вопросы чувства. Позади предсѣдательскаго кресла, можно было видѣть почти всѣхъ литературныхъ знаменитостей Парижа, которые задались цѣлью анализировать человѣческую душу, а читателямъ, жаждущимъ идеала, раскрыть сокровѣннѣйшія ея движенія. Здѣсь, были извѣстнѣйшіе философы и романисты: Александръ Дюма — сынъ, Бело, Людовикъ Галеви...

Вслѣдъ за прочтеніемъ обвинительнаго акта, предсѣдатель приступилъ къ допросу Маріи Бьеръ; во все время этого продолжительнаго испытанія, подсудимая держала себя такъ просто, искренно и вмѣстѣ энергично, что сразу завоевала общія симпатіи.

По окончаніи судебного слѣдствія и обвинительной рѣчи, слово было предоставлено г. Лашо.

Но, прежде изложенія его защитительной рѣчи, необходимо ознакомиться съ содержаніемъ обвинительнаго акта.

Вотъ оно:

„Марія Бьеръ, извѣстная въ артистическомъ мірѣ подъ именемъ Маріи Беральди, родилась въ Бордо, въ декабрѣ 1848 года, отъ уважаемыхъ, но небогатыхъ родителей. Рано проявились у нея музыкальныя способности, и ее начали готовить къ артистической каррьерѣ, съ дѣтства. Въ 1867 году, она пріѣхала въ Парижъ и, черезъ годъ, поступила въ консерваторію, откуда вышла въ концѣ 1873 года; послѣ этого, она пѣла въ провинціальныхъ концертахъ, въ лирическомъ театрѣ и въ итальянской оперѣ.

Честолюбивая и гордая, экзальтированная и романическая, она,

если вѣрить даннымъ слѣдствію предварительнаго, сьумѣла, въ этотъ періодъ жизни, устоять предъ разнообразнѣйшими искушеніями, которымъ подвергало ее положеніе артистки.

Въ сентябрѣ 1877 года, Марія Бьеръ, въ сопровожденіи матери, за нею слѣдовавшей повсюду, отправилась, не надолго, въ Біаррицъ. Здѣсь, она встрѣтила Роберта Жантьена, богатаго землевладѣльца изъ Борелэ, жившаго постоянно въ Парижѣ, гдѣ онъ усвоилъ себѣ легкомысленный и праздный образъ жизни. Въ то время, ему было лѣтъ 30; онъ, тотчасъ же, началъ преслѣдовать дѣвушку, и ихъ отношенія, вскорѣ, приняли характеръ такой близости, что мать обвиняемой сочла нужнымъ указать ей на опасныя стороны этой фамиллярности.

Марія Бьеръ не послушалась матери, а, по возвращеніи въ Парижъ, нисколько не стѣсняясь, даже рискнула на свиданіе, условленное заранѣе, и стала любовницей Роберта Жантьена.

Согласно личному признанію обвиняемой, ея паденіе не было вызвано коварнымъ обѣщаніемъ жениться; она говоритъ сама, что уступила влеченію неотразимой страсти.

Связь, начавшаяся въ октябрѣ, сперва держалась втайнѣ; когда же Марія Бьеръ призналась въ ней своимъ роднымъ, то была вынуждена поселиться отдѣльно отъ семьи; это обстоятельство вызвало неудовольствіе Жантьена. Уже тяготясь любовью, по его мнѣнію, мимолетною, онъ искалъ случая, если не совсѣмъ порвать съ Маріей, то, по крайней мѣрѣ, значительно, ослабить узы, ихъ соединявшія.

Съ этою цѣлью, онъ предпринялъ, въ январѣ 1878 года, продолжительное путешествіе, а свою возлюбленную уговорилъ отправиться въ Брюссель, гдѣ театральнымъ агентомъ ей былъ предложенъ ангажементъ. Едва прибывъ сюда, Бьеръ убѣдилась въ томъ, чего, раздѣляя свои опасенія съ любовникомъ, боялась и прежде,—она была беременна.

Ближайшимъ результатомъ явилась потеря голоса; пришлось отказаться отъ назначенной ей роли и, проживъ съ подругою, въ Брюсселѣ, всего нѣсколько дней,—вернуться въ Парижъ, куда, въ маѣ мѣсяцѣ, прибылъ и Робертъ Жантьень.

Извѣстіе о беременности любовницы онъ принялъ съ яростью и не только отказался дать свою фамилію ребенку, но, заранѣе, высказывалъ отвращеніе къ нему, не ослабѣвшее и послѣ его рожденія на свѣтъ. Подсудимая утверждаетъ, кромѣ того, что Жантьень совѣтывалъ ей прибѣгнуть къ вытравленію плода и указалъ доктора, который могъ бы содѣйствовать въ исполненіи этого преступнаго замысла.

Какъ бы ни было, Марія Бьеръ 4 октября разрѣшилась отъ бремени дочерью и отдала ее на воспитаніе въ С.-Дени.

Жантьень возобновилъ, однако, связь съ подсудимой; но его посѣщенія становились всѣ рѣже и рѣже; онъ часто бывалъ въ отлучкахъ и его холодность, не разъ, служила причиною взаимныхъ размолвокъ.

Въ апрѣлѣ 1879 года, ребенокъ умеръ, неожиданно. Всегда питая едва ли не чрезмѣрную къ нему любовь, Марія Бьеръ, подъ вліяніемъ испытанныхъ уже страданій, дошла до крайняго нервного раздраженія. Вообразивъ, что ребенокъ остался бы въ живыхъ, если бы она не удалила его отъ себя, согласно требованію Жантьена, она осыпала его жесточайшими укоризнами. Одновременно съ этимъ, Жантьень уменьшилъ, съ 500 франковъ на 300, сумму, которую, ежемѣсячно, уплачивалъ ей. Такой поступокъ, вновь, оскорбилъ Марію; все болѣе и болѣе убѣждаясь въ охлажденіи своего возлюбленнаго, она заставляла его выслушивать горькія жалобы.

Ссоры становились все чаще и чаще, принимая тяжелый характеръ. Въ концѣ іюня, разыгралась, наконецъ, послѣдняя сцена: Бьеръ хотѣла застрѣлиться у ногъ Жантьена и ему стоило большаго труда отнять револьверъ и унести его съ собою. Съ этого времени, наступилъ полный разрывъ, и вскорѣ обвиняемая узнала, что ее замѣнила другая.

Раздраженная, какъ любовница, огорченная, какъ мать, обманутая, быть можетъ, въ своихъ лучшихъ надеждахъ, она задумываетъ отомстить за себя,—убить своего соблазителя. При обыскѣ, въ ея квартирѣ, найдена записная книжка, куда она вносила свои впечатлѣнія; здѣсь, можно видѣть, какъ, съ каждымъ днемъ, укрѣплялась въ ней преслѣдовавшая ее мысль объ убійствѣ.

Въ октябрѣ, она пишетъ Жантьену, прося у него сверхъ 300 франковъ, выплачиваемыхъ ежемѣсячно, еще 3000 франковъ; по ея словамъ, эта сумма была ей необходима для обстановки, такъ какъ она собиралась устроиться въ качествѣ учительницы музыки; въ случаѣ отказа, она грозила открыть поведеніе Жантьена его роднымъ. Огвѣтъ получился высокомѣрный и презрительный; онъ удвоилъ гнѣвъ подсудимой и ея рѣшеніе стало безповоротнымъ.

Дабы осуществить его, она, въ ноябрѣ, покупаетъ револьверъ съ патронами и начинаетъ, въ своей квартирѣ, упражняться въ стрѣльбѣ.

Затѣмъ, покончивъ съ приготовленіями, отправляется на

праздникъ, устроенный въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ Мурсіи, — увѣренная, что встрѣтитъ тамъ своего обольстителя; однако, тогда помѣшала ей подойти къ нему и она была вынуждена отложить исполненіе преступнаго намѣренія своего.

1-го января 1880 года, на оборотѣ карточки Жантьена, впоследствии захваченной при обыскѣ, она пишетъ слѣдующія, знаменательныя слова: *„Робертъ Жантьенъ, осужденный мною на смерть. Марія.“* Еще раньше, на собственномъ портретѣ, который держала въ шкапулкѣ, рядомъ съ фотографіею дочери, было написано ею. *„Отдаю моей умершей дочери свою жизнь и жизнь ея отца. Марія Бьеръ.“*

5-го и 6-го января, въ 5 часовъ вечера, Бьеръ подъѣзжаетъ къ квартирѣ своего любовника, въ улицѣ Оберъ, и, забывшись въ уголѣ кареты, тщетно, ожидаетъ его, по нѣскольکو часовъ. 7-го, вечеромъ, опять возвращается она къ этому мѣсту. Въ половинѣ девятаго, выходитъ Жантьенъ, въ сопровожденіи женщины; они, вскорѣ, расстаются. Тогда, подсудимая бросается впередъ и, почти въ упоръ, дѣлаетъ три выстрѣла; одинъ попадаетъ ему въ спину, другой, въ правую ногу; третій далъ промахъ. Схваченная и обезоруженная прохожими, она сознается въ преступленіи, но не обнаруживаетъ ни малѣйшаго раскаянія; напротивъ, сожалѣетъ о неудачѣ и объявляетъ, что возобновитъ покушеніе, какъ только представится возможность. Однако, съ теченіемъ времени, ея экзальтація улеглась...

На предварительномъ слѣдствіи, во время допроса, она покинула замыселъ о дальнѣйшемъ мщеніи. Раны, полученныя Жантьеномъ, оказались серьезными; самая жизнь его находилась въ опасности. И въ настоящее время, когда онъ оправился, — его здоровье, все таки, требуетъ усиленной заботливости.

Состояніе умственныхъ способностей подсудимой было подвергнуто медицинскому изслѣдованію.

Эксперты заявили, что, не смотря на сильное возбужденіе, — въ моментъ совершенія преступленія, Марія Бьеръ дѣйствовала сознательно и потому не можетъ быть признана невмѣняемою.“

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ ЛАШО.

Милостивые Государи!

Никогда я не встрѣчалъ женщины, болѣе несчастной и больше достойной сожалѣнія, чѣмъ моя клиентка! Прямая въ идеалахъ своихъ, благородная въ страстяхъ, она любила добро. И вотъ

она здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, неутѣшная, падшая, ни на что не имѣющая надежды въ этомъ мѣрѣ!...

Какимъ же образомъ могъ столь рѣзко измѣниться человекъ, по природѣ, искренній, кроткій, богато одаренный! Хотѣла ли она согрѣшить, во имя злого умысла, или же уступила роковому влеченію, изнемогая подъ бременемъ отчаянія и безысходнаго горя?

Вотъ задача, достойная васъ, господа присяжные!

Я укажу, откуда пришло несчастье, кто причинилъ его,—и надѣюсь, что, выслушавъ меня, протянете вы руку помощи этому юному созданію и дадите ему силы подняться.

Займемся же этимъ вопросомъ, — могу васъ увѣрить, — онъ не мало поучителенъ...

Марія Бьеръ,—дочь почтенныхъ родителей; отецъ ея, уже двадцать семь лѣтъ, служитъ на одной изъ южныхъ желѣзныхъ дорогъ и пользуется величайшимъ уваженіемъ. Васъ увѣрили, что, въ семьѣ, онъ не имѣетъ никакого значенія. Я видѣлъ его только въ слезахъ и не берусь судить объ его умѣ, но за то поручусь, что у него чистая душа и доброе сердце.

Мать!... Относительно нея вы были жестоки, г. прокуроръ! Развѣ женщина, столь суровая въ дѣлахъ чести, не заслуживаетъ состраданія? Говорятъ, что она сходила съ ума;—вѣрно. Но я обращаюсь къ вашему сердцу: стоитъ ли упоминать о подозрѣніи, которое, одну минуту, тяготѣло надъ нею?

Вотъ что случилось, нѣкогда: заходитъ она въ магазинъ, покупаетъ пару перчатокъ и, думая, что расплатилась, уѣзжаетъ. Подвергнувъ ее изслѣдованію, психиатры убѣдились, что она дѣйствовала безсознательно, и тѣмъ все кончилось...

Марія Бьеръ, долгіе годы, отличалась поведеніемъ, безупречнымъ; тридцать шесть свидѣтелей, допрошенныхъ по требованію обвинителя (за что я ему очень благодаренъ),—оставляютъ ли малѣйшее сомнѣніе? Всѣ, единогласно и наилучшимъ образомъ, говорятъ о подсудимой. Да, она вела жизнь артистки, вращалась въ такой средѣ, гдѣ почти невозможно избѣгнуть безчисленныхъ опасностей. Тѣмъ больше ей славы: она прошла мимо порока, не замѣтила его и осталась невредимой.

Есть въ дѣлѣ показаніе г-жи Бернарди, вызванной изъ Ліона; съ точки зрѣнія морали, она ни въ чемъ не могла обвинить мою клиентку и упрекнула только за гордость. Услышавъ здѣсь протоколъ своего допроса на предварительномъ слѣдствіи, она, повидимому, удивилась. Композиторъ Самуиль Давидъ объяснилъ намъ все,

замѣтивъ, что „манеры г-жи Бернарди не могли нравиться госпожѣ Бьерь.“

Была также допрошена старушка Рипальмонди изъ Бордо, больная и полупомѣшанная... Ея рассказы свѣдятся къ жалкой болтовнѣ кумушекъ въ городскомъ захолустьи. Даже сама г-жа Рипальмонди закончила свою рѣчь словами: „я всегда смотрѣла на эти слухи, какъ на сплетни.“ Значить, не стоитъ и говорить о нихъ.

Таково прошлое Маріи Бьерь, и мнѣ никогда еще не доводилось защищать человѣка съ подобною репутациею...

Въ Парижѣ, она поступила въ консерваторію; у нея есть, или, лучше сказать,—былъ талантъ. Какъ мать, она лишилась дочери, какъ артистка, потеряла голосъ!

Нѣтъ цѣли устанавливать точную степень ея дарованія, но самый фактъ безспоренъ. Всѣ, ее знавшіе съ этой стороны, согласны, что она понимала музыку и не боялась труда. Артистка надѣялась на полученіе первой награды; ей присудили вторую, и она рѣшилась уйти.

Давала, затѣмъ, нѣсколько концертовъ въ провинціи, а въ Бордо имѣла громаднѣйшій успѣхъ. Амбруазъ Тома снабдилъ ее рекомендательнымъ письмомъ къ Бордосскому мэру Брошону, усердному любителю музыки. Вотъ отвѣтъ, гдѣ Брошонъ передаетъ свои впечатлѣнія:

„Бордо, 19 января 1873“.

„Дорогой и знаменитый другъ!“

„Спѣшу, вновь, извѣстить васъ, я говорю — вновь, потому, что вы уже, вѣроятно, получили мою телеграмму,—ваша интелесная протеза имѣла огромный успѣхъ. У г-жи Бьерь было много шансовъ на неудачу; могли вредить: ея молодость, красота, наконецъ, то обстоятельство, что она уроженка города Бордо. Здѣшняя публика,—а ея стеченіе было громадно (переполненная зала вмѣщала до 1800 человѣкъ; изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 1200 дамъ),—крайне осторожна, весьма недовѣрчива ко всему, что, внѣ истиннаго призванія, можетъ увлечь и произвести впечатлѣніе. Мадемуазель Бьерь побѣдила всѣ трудности, преодолѣла всѣ препятствія; самые ледники растаяли передъ ней!“

„Сначала, ея грація и простота, природная увлекательность и милая улыбка хорошенькаго ротика, а затѣмъ очаровательная гибкость и вѣрность ея красиваго голоса, удивительная чистота произношенія, словомъ, богатые дары природы, благодаря вниманію артистки и отличной школѣ, хорошо направленные,—

„все это овладѣло нашею требовательною публикою, чрезъ посредство ея ушей и глазъ. Вызовы были такъ многочисленны, „аплодисменты такъ дружны и громки, что я не ошибусь, если „назову ихъ настоящей оваціей въ честь молодой художницы.“

Вотъ еще отзывъ г. Дарнея: „Г-жа Бьеръ“,—писалъ онъ Амбразу Тома,—„совершенно оправдала вашу рекомендацію. Она „искусная пѣвица и съ музыкальною душою; соединеніе этихъ „двухъ качествъ не замедлитъ привести ее на вершину артистической карьеры.“

Стало быть, красота, привлекательность, талантъ, добродѣтель,—вотъ чѣмъ природа одарила Марію Бьеръ.

Незадолго до поѣздки въ Біаррицъ, она, по отзыву Самуила Давида, была приглашена Гумбертомъ съ жалованьемъ 1000 франковъ въ мѣсяцъ. Прокуроръ говорилъ о цыфрахъ,—вотъ онъ.

Съ такими то надеждами г-жа Бьеръ отправилась въ Біаррицъ. Г. Жантьенъ упрекаетъ ее въ кокетствѣ; но, на этомъ пунктѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, онъ защищается плохо. Г. Окуанъ, адвокатъ, старинный и безукоризненный другъ семьи Бьеръ, замѣтивъ ухаживанія Жантьена, съ которымъ тоже былъ знакомъ, сдѣлалъ, по этому поводу, какъ честный человѣкъ, слѣдующее замѣчаніе,—прошу его запомнить: „Напрасно вы трудитесь, мой милый; всѣ ваши усилія пропадутъ даромъ.“

И, тѣмъ не менѣе, Донъ-Жуанъ достигъ своей цѣли. Какими средствами? Вы не хотѣли ознакомиться, г. обвинитель, съ исторіею возникновенія этой связи,—пробѣлъ, который мы, сейчасъ, восполнимъ.

Было бы не великодушно, съ моей стороны, клеймить Жантьена черезъ чуръ строго; однако, я долженъ обрисовать его, хотя бы въ нѣсколькихъ, краткихъ чертахъ.

Легкомысленный эгоистъ, Робертъ Жантьенъ смотрѣлъ на жизнь съ точки зрѣнія удовольствія и ненавидѣлъ все, что налагаетъ обязанность или говорить о долгѣ; словомъ, принадлежалъ къ тому классу людей, которые признаютъ однѣ лишь мимолетныя связи; для него и ему подобныхъ, любовь есть матеріальное обладаніе. Такова привязанность, на которую способны эти господа. И если несчастный случай натолкнетъ ихъ не на продажное существо, а на женщину съ сердцемъ, связь съ нею не вызоветъ въ нихъ ничего, кромѣ раздраженія и скуки; привязаться къ такой женщинѣ, хотя бы слегка, это значитъ, какъ они говорятъ, „попасться въ просакъ“,—выраженіе, употребленное имъ даже здѣсь, среди суровой обстановки суда.

И такъ, сойдясь съ обвиняемою, г. Жантьенъ попался въ про-

какъ! Марія Бьеръ была порядочная дѣвушка; она боролась прежде, чѣмъ отдаться, а если отдалась, то—въ надеждѣ, что ее ожидаетъ серьезная; искренняя любовь, достойная порядочнаго человѣка!

Мой противникъ упоминалъ о честолюбивыхъ замыслахъ; онъ не допускаетъ, чтобы молодая особа изъ хорошей семьи, даровитая артистка съ блестящимъ будущимъ, могла надѣяться стать со временемъ г-жею Жантьенъ. По его мнѣнію, общественныя условія и различіе въ матеріальномъ положеніи являлись для этого брака неодолимыми препятствіями.

Мнѣ жаль прокурора, когда онъ не въ состояніи понять, что молодой человѣкъ, поставленный независимо и владѣлецъ 80,000 франковъ годоваго дохода, имѣетъ полное право предложить свое имя честной и любимой женщинѣ,—матери его ребенка.

Г. Жантьенъ, въ самомъ дѣлѣ, не таковъ. Въ качествѣ красиваго и элегантнаго человѣка, онъ пользуется своимъ досугомъ, исключительно, для того, чтобы завлекать и обманывать женщинъ. На его дорогѣ, попалась несчастная дѣвушка, и онъ воспользовался ея минутною слабостью...

А! Пусть другіе преслѣдуютъ ее, клеймятъ и позорятъ; мнѣ она не внушаетъ ничего, кромѣ жалости...

Она сама, лучше меня, расскажетъ объ этомъ обстоятельствѣ: „Молодость моя прошла. Я жила въ Біаррицѣ, среди великолѣпной природы; чары любви опьянили меня.... Всѣ увлекались вокругъ,.... уступила и я,.... и перестала быть честной дѣвушкой!....“

Побѣды, въ которыхъ Марія Бьеръ не имѣла недостатка,—до встрѣчи съ Жантьеномъ,—ее не удовлетворяли и вызывали одну развѣ скуку. Она мечтала о привязанности глубокой, серьезной, благородной. На горе, себѣ, она повѣрила. Что же дѣлать!...

Какъ и слѣдовало ожидать, эта связь не имѣла для нея характера приключенія, въ которомъ не сознаются; у меня въ рукахъ письма, и ихъ не мѣшаетъ почитать. Въ первый разъ въ жизни, г. Жантьенъ ухаживалъ систематически. Прослушавъ эту переписку, вы убѣдитесь, что Марія Бьеръ имѣла право надѣяться. Вотъ первое письмо, ей адресованное.

„Октябрь 1877. Замокъ Тюсталь.“

„Моя дорогая малиновка!“

„Я не хотѣлъ писать вамъ до возвращенія въ прекрасный Тюсталь, гдѣ я провелъ дѣтство и гдѣ начались мои радости и „заботы. Чудная мѣстность располагаетъ къ мечтательности;

„грудь жадно вдыхаетъ деревенскій воздухъ; сердце переполняется довольствомъ и счастьемъ; здѣсь, невольно, чувствуешь себя хозяиномъ людей и земли, тебя окружающихъ....“

„Чѣмъ больше думаю о незабвенныхъ дняхъ, проведенныхъ съ вами, мой дорогой другъ, тѣмъ сильнѣе проникаюсь чувствомъ признательности за ваше прелестное отношеніе ко мнѣ. Я былъ такъ одинокъ, когда познакомился съ вами; а теперь, сколько волшебныхъ грезъ, сколько завѣтныхъ упований!“

„Скажу безъ всякой лести, вы—самая очаровательная женщина, которую я когда либо встрѣчалъ. Вы, сама *честность*, *симпатія*, *благородство*. Я зналъ много свѣтскихъ дѣвушекъ, но ни одна изъ нихъ не была такъ богато одарена, какъ вы; клянусь вы—маленькій феноменъ!“

„Какой восторгъ свиданія ждетъ насъ 16-го. Когда я съ вами, я чувствую, что *становлюсь лучше, поднимаюсь въ своихъ собственныхъ глазахъ*.“

„Отъ послѣдняго дня, пережитаго вмѣстѣ, у меня осталось чудное воспоминаніе, что то въ родѣ опьяняющаго аромата, который навѣваетъ на меня упоительныя мечты!!!“ и т. д. и т. д.

„Вспоминаете ли иногда о вечерѣ въ Санъ-Себастьянѣ?... О первомъ поцѣлуѣ послѣ столькихъ просьбъ и отказовъ?“

„Смѣлѣй, моя нѣжная малиновка, побольше довѣрія ко мнѣ, и будущее наше!“

„Никогда, вы не встрѣтите друга, болѣе искренняго, болѣе надежнаго, и если въ моей власти дать вамъ хотя немного счастья, я буду къ этому стремиться всею душою.“

„До свиданья, мой дорогой другъ! Напомните обо мнѣ вашей сестрѣ, которая, надѣюсь, скоро станетъ нашимъ общимъ другомъ, и примите тысячу жгучихъ поцѣлуевъ отъ преданнаго вамъ

Жантьена.“

Напоминаетъ ли, въ свою очередь, это письмо вамъ нравы полусвѣта, гдѣ г. Жантьень, по его собственному, не разъ повторяемому признанію, пользуется репутацией „любезнаго“ человѣка? Нѣтъ, подобнымъ языкомъ говорятъ о любви только съ честной дѣвушкой; Жантьень любитъ ее за нравственную чистоту и величіе души. Онъ сталъ лучше съ момента, когда встрѣтилъ ее, — возвысился предъ самимъ собою!

Но это письмо не единственное. Полюбивъ впервые, Марія Бьеръ трепетала за свое счастье Нѣтъ, въ ея сердцѣ, и радость, и ядъ смѣняли другъ друга....

Послушаемъ далѣе.

„7 октября 1877.“

„Милая пташка!“

„Отправивъ письмо, я очень боялся, какъ бы вы не нашли „его черезъ чуръ серьезнымъ; а между тѣмъ, я не могъ говорить съ вами иначе.“

„Этотую идеей увлекся я тѣмъ легче, что вы достаточно узнали „меня, дабы усвоить за мною право говорить серьезно и разрѣшить мнѣ указаніе, что путь, которымъ я съ вами иду, требуетъ „подобнаго разъясненія. У меня слишкомъ мягкое сердце, чтобы „не уразумѣть, до какой степени громадна жертва, которую вы „готовы принести мнѣ, и если я, все таки, принимаю ее, то „лишь съ твердымъ намѣреніемъ убѣдить, что предъ вами не „черствый эгоистъ. Съ нетерпѣніемъ, ожидаю отвѣта, хотя и „предчувствую его содержаніе.“

„Значить, — до скорой встрѣчи, моя голубка; какъ мнѣ хочется „васъ видѣть! Заранѣе наслаждаюсь нашимъ свиданіемъ, — съ глазу „на глазъ; мы его заслужили долгою сдержанностью, къ кото- „рой насъ обязывало постоянное присутствіе вашей матушки. „У меня столько новостей передать вамъ!“

„Весь искренно вашъ Робертъ.“

Не правда ли, дѣло совершенно ясно?... Я могъ бы умножить цитаты, если угодно.

Стало быть, они любятъ другъ друга любовью, открытою и серьезною; правда, о бракѣ еще нѣтъ рѣчи. Подсудимая признаетъ это. Но и она еще вдали отъ милаго возлюбленнаго, который, пока, владѣетъ лишь ея сердцемъ. Романъ только начинается. Свиданіе назначено въ Парижѣ на 16 октября. Марія Бьеръ идетъ на него, съ довѣріемъ. „16-го, во что бы то ни стало!“ — пишетъ ей г. Жантьенъ. „Всю отвѣтственность принимаю на себя; даю вамъ слово благороднаго чловѣка.“

Она идетъ, обманувъ мать; г. Жантьенъ беретъ ее, приводитъ къ себѣ въ домъ,... и она ему отдается.... Конечно, здѣсь нѣтъ насилія. Дѣвушку обольстили, — вотъ и все! Она пожертвовала собою, — все отдала: сердце, пылъ молодости, весь огонь жизни!

Могла ли думать она, — я васъ спрашиваю, — что къ ней отнесутся, какъ къ тѣмъ сквернымъ женщинамъ, которыхъ приглашаютъ на одну ночь?... Я помню ваши слова, г. прокуроръ: „Она не была наивной дѣвочкой,“ — сказали вы, — „уже десять лѣтъ, прожила она въ театральномъ мірѣ и хорошо разумѣла, чего ждетъ отъ нея г. Жантьенъ.“ Увѣрены ли въ этомъ вы, господа? 28 лѣтъ? Тогда ей было ровно столько. А когда дѣвушка трепе-

щеть сдержанною страстью,—это возрастъ, наиболѣе благопріятный для вѣчной любви!

Марія Бьеръ любитъ безумно, хотя и сознаетъ, что должна работать, и намѣрена ѣхать въ Брюссель, коль скоро ея возлюбленный отправится въ Алжиръ. Она гордится перспективою труда и счастлива, что живетъ радостною жизнью сердца. Но, съ г. Жантьена довольно. Онъ уже пресытился вполнѣ.

17 января 1878 года, онъ пишетъ ей изъ Флоренціи письмо, тонъ котораго заставляетъ предполагать, что онъ имѣетъ въ виду уличную самку. Это первое предостереженіе несчастной дѣвушкѣ.

„Флоренція, 17 января 1878 года.“

„Моя милая Миньона! Какъ вы поживаете? Довольны ли своею новою обстановкою? Какъ идутъ репетиціи?“

„Мнѣ было очень жаль, что наша тяжелая разлука вызвала въ васъ такое отчаяніе. Я, напротивъ, вамъ буду вѣчно благодаренъ за то, что *имѣлъ возможность внушить вамъ такое сильное чувство.*“

„Теперь, вы опять на холостомъ положеніи; свободны, какъ воздухъ; полная хозяйка своихъ дѣйствій и, въ недалекомъ будущемъ, повелительница восторженной и боготворящей васъ публики! Здѣсь именно, великолѣпныя стороны вашей трудной карьеры. Тернистую часть ея, вы уже перенесли, съ достоинствомъ. Скоро, скоро начнутъ вамъ сплетать лавры, которыхъ и желаю отъ всего сердца.“

„Что касается меня, то наше путешествіе очаровательно. Выѣхавъ изъ Парижа 14-го вечеромъ, въ sleeping-car'ѣ, мы провели ночь изрядно; затѣмъ, сытно позавтракали въ Марсели и въ 6 часовъ пріѣхали въ Монте-Карло, нашъ первый этапъ.“

„Послѣ обѣда, отправились въ игорный залъ, гдѣ я поставилъ луидоръ на № 32—цифру моего возраста и, къ удивленію товарищей, выигралъ. Мнѣ заплатили ставку 35 разъ. Думаю, вы и оттуда слышите ихъ восклицанія,—„Какъ ему везетъ!“ и т. д. Шлю вамъ тысячу поцѣлуевъ...“

„Робертъ.“

По его мнѣнію, сказаннаго было достаточно; а она,—она не поняла рѣшительно ничего изъ тайнаго смысла этихъ фразъ! Занялась репетиціями и, безусловно, каждый день писала Жантьену; онъ сохранилъ только два или три письма, гдѣ рѣчь шла о деньгахъ. Посланія любви или тѣ, гдѣ говорилось о вытравленіи плода, онъ предпочелъ сжечь....

Марія Бьеръ, значить, въ Брюсселѣ и, къ своему ужасу, видитъ, что беременна..... Вдругъ,—теряетъ голосъ. Испуганный директоръ, г. Гумбертъ, сообщаетъ новость композитору, а этотъ не даетъ ей покою, допрашивая:—„Что съ вами?“ Она сама не понимаетъ; путемъ не человѣческихъ усилій, борется съ ежедневно упадающими звуками горькой пѣсни своей, подозрѣваетъ роковую тайну и, наконецъ, рѣшается промолвить: „Можетъ быть, я беременна?“

Ангажементъ потерянь. Между тѣмъ, Жантъень совсѣмъ не хочетъ имѣть ребенка. Помилуйте,—это поставить его въ глупое положеніе среди товарищей; его поднимутъ на смѣхъ. И вотъ онъ объявляетъ, что ихъ любовь можетъ продолжаться только подъ однимъ условіемъ: *дѣтей быть не должно!*

Какъ жаль, что г. Жантъень не сберегъ писемъ, относящихся къ этому періоду!... Чтобы не раздражать его, она прибѣгаетъ къ уловкамъ, достойнымъ порицанія, но не преступнымъ. Въ ней борются два чувства: привязанность къ близкому человѣку и материнская любовь...

Начинается комедія въ перепискѣ, гдѣ Марія говоритъ, что, съ цѣлью произвести выкидышъ, обращалась къ акушеркѣ.... Г. Жантъень, очевидно, поощряетъ эти мѣры. Строгое осужденіе вызываютъ онѣ, съ его стороны, только, когда *не удалась*. Не годуетъ на поступокъ своей любовницы, а благодаритъ онъ ее.

Вотъ письмо изъ Неаполя:

„Неаполь, 30 января 1878.“

„Ваше письмо застало меня здѣсь; мы уѣхали изъ Рима два дня тому назадъ и это объясняетъ, почему запоздалъ мой отвѣтъ. Я недоволенъ: у васъ, слишкомъ, мало энергіи. Но, оставимъ проповѣди.“

„Надѣюсь, что всѣ тревоги ваши теперь разсѣялись и что „глубокое замѣшательство обуславливалось только сильными впечатлѣніями, вами испытанными, въ теченіи этого мѣсяца. Если же ошибаюсь я,—мужайтесь, мой бѣдный другъ! Помните, что, гдѣ бы ни былъ, я откликнусь на вашъ призывъ.“

„Главное,—спокойствіе! Отдайте себя, всецѣло, искусству и не смущайтесь ничѣмъ.“

„Цѣлую васъ крѣпко. Робертъ.“

Еще письмо, отъ 20 февраля; Жантъень думаетъ, что все кончено. Мы скоро за нимъ послѣдуемъ въ Парижъ, гдѣ недостатка въ указаніяхъ, вполне очевидныхъ, не будетъ но, и теперь, на ходъ событій уже брошенъ свѣтъ.....

„Бона, 20 февраля 1878.“

„Милая Миньона! Письмо ваше, котораго я ожидалъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, наконецъ, прибыло въ Тунисъ, къ счастью, еще до нашего приѣзда. Увы, нѣжный другъ, сердце мое рвется на части при мысли, что я виновникъ столькожъ печалей. Какъ вы должны меня проклинать! А, между тѣмъ, развѣ я не озабоченъ вашею будущностью и дебютомъ, отъ котораго она всецѣло зависить. Не мнѣ высказываться по поводу рѣшительнаго шага, вами предпринятаго. Быть можетъ, великодушіе увлекло васъ нѣсколько далеко. Но мое письмо дойдетъ слишкомъ поздно, чтобы воспрепятствовать, чему бы то ни было.... Что сдѣлано, то сдѣлано! Главное, хороните концы,—это въ личномъ вашемъ интересѣ; зачѣмъ себя компроментировать, напрасно?“

„Прощайте, дорогой другъ. Тысячу добрыхъ воспоминаній. Страстно желаю, чтобы слѣдующее письмо принесло извѣстіе о прекращеніи всѣхъ вашихъ скорбей и безпокойства.“

„Робертъ.“

Исторія разгорается. Къ чему направлены мои доказательства? Къ тому, что въ Брюсселѣ г-жа Бьеръ истязала себя, повинуюсь этому человѣку.

Вотъ еще письмо, отъ 12 марта 1878 года.

„Несчастный другъ мой! Я не предполагалъ всѣхъ этихъ осложнений! Какъ я сочувствую всему вашему горю! Ваше письмо навело меня на горькія размышленія, и я пришелъ къ сознанию своей вины. Зачѣмъ было нарушать вашъ сладкій покой, когда, въ данную минуту, я безсиленъ вознаградить васъ, какъ вы того заслуживаете? Быть можетъ, ваша матушка была права: дѣйствительно,—я злой геній вашъ. Такъ сильно желая облегчить вамъ сценической успѣхъ, именно я остановилъ васъ, на первой его ступени. Не понимаю, изъ за чего могли васъ такъ мучить и не придти къ ожидаемому результату. Подобный промыселъ заслуживаетъ строгой кары.“

„Робертъ.“

„Непремѣнно, сожгите всю эту переписку; вы еще не знаете, какихъ она можетъ намъ стоить хлопотъ!“

Слѣдовательно, онъ не порицаетъ своей любовницы за то, что она пыталась сдѣлать выкидышъ; напротивъ, говоритъ о ея великодушій. Разсчитываетъ, что все кончено. А когда дѣло не выгорѣло, то, по его мнѣнію, выходитъ скверно, что полиція терпитъ такую неискусную специальность. Затѣмъ, съ его точки зрѣ-

нія, вдругъ оказывается, что неудача въ Брюсселѣ обусловливалась нежеланіемъ самой Бьеръ.....

Вернувшись въ Парижъ, г. Жантьенъ посылаетъ дѣвушку къ доктору; требуетъ, приказываетъ....

Вотъ какъ, на предварительномъ слѣдствіи, говорить объ этомъ подсудимая.

„Наступилъ пятый мѣсяцъ моей беременности. Вы не можете „оставаться въ этомъ положеніи, говоритъ онъ, —вашъ ребенокъ „никогда ничѣмъ для меня не будетъ. Отъ него надо отдѣлаться. „У такого-то аптекаря вы получите адресъ такого-то доктора. „Ступайте къ нему, скажите, что вы артистка и что рожденіе ребенка разобьетъ вашу карьеру. Онъ пропишетъ лѣкарство, которыми вы избавитесь отъ беременности. Я испыталъ это, на „одной изъ моихъ прежнихъ любовницъ, раньше. Не называя меня, „прибавьте, что онъ уже оказалъ мнѣ услугу.“

„Въ то время, какъ онъ училъ меня, бѣдную, встрепенулся „во мнѣ ребенокъ. Робертъ! воскликнула я. Это Богъ меня „достерегаетъ; нѣтъ, я не убью своего дитяти!“

„Въ такомъ случаѣ, я порву съ вами; если вы любите меня, — „докажите!“

Уступая насилію, несчастная женщина идетъ къ врачу, не съ цѣлью выкинуть, а чтобы не перечить любимому человѣку.

Такъ именно формулируетъ она свое противъ него обвиненіе и, въ доказательство, приводитъ сцену у медика, а равно свои признанія нѣсколькимъ свидѣтелямъ.

Правда ли, что Жантьенъ указалъ доктора? *Этого онъ самъ не отрицаетъ.* Съ какою цѣлью? „Я не могъ направить ее ни къ ея, ни къ моему врачу“, — заявляетъ онъ. Но почему же остановились вы на врачѣ *известной* специальности?

У васъ тяжелая рука, г. Жантьенъ!....

Только съ дурнымъ намѣреніемъ, могли вы послать ее къ доктору. Будучи лишь на пятомъ мѣсяцѣ беременности и чувствуя себя вполне здоровой, она, совсѣмъ, не нуждалась въ медицинской помощи. Значитъ, вы домогались вытравленія плода, — выборъ специалиста не допускаетъ въ томъ никакого сомнѣнія.

По свѣдѣніямъ полиціи, этотъ докторъ — прусскій выходецъ, купившій себѣ дипломъ за границей.

Вотъ, къ какой личности направилъ свою возлюбленную г. Жантьенъ. Намѣреніе очевидно. Что же случилось у г. Рауха?

Онъ нашель, что ея предложеніе совершенно просто и естественно. Сначала, говоритъ Марія Бьеръ, онъ потребовалъ отъ 1800 до 2000 франковъ; потомъ, узнавъ, что она артистка, при-

гласилъ ее състь за фортепiano и проакомпанировать ему арію изъ „Вильгельма Телля;“ а, послѣ пѣнія, объявилъ, что сдѣлаетъ операцію даромъ.

Докторъ Раухъ не отвергаетъ бесѣды но, въ свое оправданіе, не прочь увѣрить, что имѣлъ въ виду лишь выиграть время и, напугавъ г-жу Бьеръ, помѣщать ей обратиться къ другому лицу. Какъ бы ни было, преступленіе, къ счастью, не совершилось. Но, допустите ли вы, что все, изложенное, произошло безъ участія г. Жантьена?

Чтобы принудить его отступить отъ своихъ требованій,— Бьеръ сказала, что операція будетъ стоить 3000 франковъ,—выдумка, очень удачная, ибо, по собраннымъ свѣдѣніямъ, г. Жантьень пользуется, въ свѣтскихъ кружкахъ, реноме субъекта, весьма корыстолюбиваго. Единогласный отзывъ, что онъ узкій эгоистъ.

Его главная забота направлена къ тому, чтобы избѣжать малѣйшаго колебанія своихъ привычекъ, всего, что могло бы причинить ему какое либо волненіе.

Вотъ каковъ этотъ человѣкъ!

Но, что намъ за дѣло до указанной, невинной хитрости, до злополучныхъ 3000 франковъ? Важно знать, посылалъ ли Жантьень Марию Бьеръ къ доктору, а этотъ послѣдній требовалъ ли извѣстной суммы за операцію вытравленія плода?

Жантьенъ и д-ръ Раухъ признаютъ и то, и другое.

Наконецъ, есть третьи лица, пользовавшіяся довѣріемъ обвиняемой; это Обри и его жена, привратники дома, гдѣ она проживала. „Онъ ужасенъ, омерзительнъ!“ — вотъ какъ отзывалась она о Жантьенѣ, въ ихъ присутствіи. Бѣдная женщина! Она искала состраданія и не нашла его нигдѣ, за исключеніемъ конуры дворника! „Онъ хочетъ, чтобы я сдѣлала выкидышъ“, со слезами, повторяла она г-жѣ Обри.

Зачѣмъ она это говорила? Она, обожавшая Жантьена?

Испуганная привратница сообщила обо всемъ мужу, который началъ спрашивать подсудимую; „Да, это правда,“ — отвѣчала она, — „но только я не хочу.“

Буквально, то же удостовѣряетъ подруга Маріи, почтенная г-жа Делормъ; она отказалась принять участіе въ романѣ г. Жантьена и служить ему посредницей. Мыслимоли не вѣрить ей?

Остается еще г. Одинэ, бывший опекунъ Жантьена. Ему не худо пожалѣть о себѣ и о той печальной роли, которую сыгралъ онъ здѣсь, предъ вами.

Онъ взялся быть довѣреннымъ тайнъ и утѣшителемъ этой горемычной дѣвушки, когда она ему открыла свое намѣреніе про-

извести выкидышъ. Разумѣется, не забыли вы повѣствованія г. Одинэ, даннаго на очной ставкѣ съ подсудимою.

Изъ протокола явствуетъ, что г. Одинэ показалъ ложно.

Понимая, что его искренность и откровенность поведутъ за собою моральную смерть Жантьена, онъ совсѣмъ растерялся. „Говорите, говорите правду!“— настаивала Бьерь. Въ глубокомъ смущеніи, онъ не находилъ другаго отвѣта, какъ: „Я не помню ничего.“

Онъ не помнитъ о намѣреніи вытравить плодъ!....

Во все время очной ставки,—удостоверяетъ слѣдователь,— Одинэ обнаруживалъ величайшее замѣшательство; ему, очевидно, не хватало голоса. По нѣсколько разъ, приходилось Маріи Бьерь повторять свой вопросъ; но, даже тогда, онъ отвѣчалъ, путаясь и съ крайними затрудненіями. Подписать протоколъ отказался. На другой день, его смятеніе возобновилось. Настигнутый замѣчаніемъ обвиняемой: „Вы говорили о легкомысленныхъ словахъ, сказанныхъ г. Жантьеномъ; въ чемъ они заключались?“—г. Одинэ опускаетъ голову и молчитъ.... Наконецъ, какъ бы уступая насилію, соглашается подписать свое показаніе.

Прибавимъ, что онъ нарушилъ свое честное слово.

Въ интересахъ предстоящаго допроса и дабы обезпечить правдивость объясненій Жантьена, г. Одинэ обѣщалъ не предупредить послѣдняго о тяготящемъ на немъ обвиненіи въ вытравленіи плода. *Свидѣтель обязался честью и ей измѣнилъ.*

Узнавъ отъ него, заранѣе, объ этомъ обвиненіи, г. Жантьень сталъ его упорно отрицать,—онъ былъ подготовленъ.

Въ свою очередь, Марія Бьерь изнемогала подъ двойнымъ гнетомъ болѣзни и отчаянія. Условія борьбы оказывались не равными!...

Въ продолженіи всей очной ставки, замѣчаетъ слѣдователь, Жантьень себя держалъ съ полнымъ спокойствіемъ. Его голосъ не дрогнулъ, ни разу:

Что же это такое? Когда, въ квартирѣ слѣдователя, этотъ человѣкъ очутился лицомъ къ лицу съ женщиною, которая, еще такъ недавно, любила его съ безграничною нѣжностью, онъ остался холоденъ и толковалъ, какъ будто видитъ ее въ первый разъ! Не его становилось дѣломъ, что эта женщина выглядитъ умирающею, — ибо, если мать лишилась дочери, то принесла въ жертву и свое здоровье, и никогда ей не поправитъ его.

О, презрѣнный негодяй! Его сердце сохраняло покой, а глаза не увлажнились слезами! Такъ пусть же, идетъ онъ въ компанію собутельниковъ и тамъ, на свободѣ, хохочетъ надо всѣмъ этимъ,

для него вздорнымъ приключеніемъ! Я увѣренъ, что честные люди уже произнесли надъ нимъ свой приговоръ!...

До сихъ поръ, я зналъ его мало и рассчитывалъ, что, за недостаткомъ сердца, у него есть, по крайней мѣрѣ, тактъ; ожидалъ, что, видя Марію, онъ будетъ тронутъ, станетъ раскаиваться и молить объ ея оправданіи... Рѣшительно, ничего!

Да, если такова вся нынѣшняя молодежь,—это великое несчастье. Когда въ государствѣ измелъчали души гражданъ, цѣнность всего прочаго ничтожна!

Взываю ко всѣмъ вамъ, господа! Вы знаете Марію Бьеръ; вы видѣли ея любовника; симпатіи,—говорю это во всеуслышаніе, не на его сторонѣ!

Во всемъ, что относится къ изгнанію плода, для меня нѣтъ сомнѣній. Выкидышь имѣли въ виду, Марію старались принудить, и этого хотѣлъ Жантьенъ.

Но, вопреки его усиліямъ, дитя, все таки, родилось! Чтобы составить себѣ понятіе объ образѣ дѣйствій любовниковъ, въ наше время, не мѣшаетъ посовѣтоваться съ записною книжкою обвиняемой, и сердце женщины раскроется предъ нами, во очію.

„Воскресенье, 14 іюля 1878.“

„Ты ушелъ, мой милый, а черезъ четверть часа я уже послѣдовала за тобою; я чувствовала потребность увидѣть тебя снова, вонзить кинжалъ въ свое сердце, поглубже; остановилась въ скверѣ, откуда могла бы лучше слѣдить за тобой...“

„Ты скоро съѣлъ въ карету и проѣхалъ мимо, не подозрѣвая, что тебя провожаютъ нескромные взоры и благословляютъ по слѣднимъ прости!“

„Затѣмъ, я встала и пошла; шла безъ конца, борясь, изо всѣхъ силъ, съ желаніемъ встрѣтить тебя еще разъ, на вокзалѣ. Если бы я могла полюбоваться тобой, оставаясь незамѣченною, не было бы такой силы, которая удержала бы меня...“

„Въ девять часовъ, я вернулась домой, измученная, разбитая душою и тѣломъ; моя комната мнѣ кажется могилою, куда меня зароютъ живою.“

„Она еще хранитъ аромать твоего присутствія, производящій на меня впечатлѣніе медленнаго, но вѣрнаго яда...“

„Зачѣмъ онъ щадитъ прекратить мои страданія, въ одинъ приемъ?!.....“

„Попробую искать во снѣ успокоенія, которое мнѣ такъ необходимо; но найду ли?...“

„Нѣтъ, увы, я слишкомъ полна тобою, мой обожаемый Ро-

„бертъ!... Я такъ люблю тебя..., а ты такъ меня мучаешь...
„Прощай! До завтра! Покойной ночи, мой другъ!“

„Марія.“

„Понедѣльникъ, 15-го.“

„О, мой возлюбленный! Какую ночь я провела; предъ нею
„ничто всѣ муки ада!“

„Нынче, я спокойнѣе; я такъ много плакала, такъ молилась,
„что Богъ сжалился надо мною.“

„Онъ дастъ мнѣ мужества жить не для себя, а ради него,—
„этого нѣжнаго ангела, который призванъ быть моимъ утѣшені-
„емъ, но и моею вѣчною пыткой.“

„Развѣ не чудовищно дать жизнь презираемому существу, от-
„броску общества! И развѣ не лучше бы ему было не увидеть
„свѣта Божьяго никогда?“

„Но, да будетъ воля Господня! Я уповаю на Него...“

„Прощай, Робертъ! Люблю тебя...“

„Марія.“

Она, очевидно, употребляетъ величайшія усилія, чтобы не
пасть духомъ, окончательно.

„Вторникъ, 16-го.“

„Мнѣ грустно, но я спокойна; я вѣрю въ тебя, мой милый,
„и ожидаю лучшихъ дней.“

„Мнѣ кажется, ты полюбишь, хотя немного, мать своего ре-
„бенка; вѣдь, онъ долженъ быть очарователемъ, если будетъ по-
„хожъ на тебя...“

„Въ эту минуту, ты думаешь обо мнѣ, не правда ли? И мнѣ
„почему то кажется, что ты долженъ писать мнѣ сегодня, если
„не хочешь беспокоить меня слишкомъ долгимъ ожиданіемъ до-
„рогой отъ тебя вѣсточки.“

„Люблю тебя, мой обожаемый Робертъ.“

„Марія.“

Не долго цвѣли эти надежды.

Г. Жантъень дѣлается неумолимъ, а страданія Маріи Бьеръ
становятся ужасными...

„Сегодня, уже недѣля“, пишетъ она, „какъ я не имѣю отъ тебя
„извѣстій, Робертъ. Ты очень виноватъ предо мной; не хорошо
„заставлять меня такъ мучиться.“

Онъ былъ на охотѣ, въ то время, какъ эта несчастная терза-
лась и морально, и физически!...

Вотъ еще выдержка.

„Воскресенье, 28-го.“

„Робертъ! Ты недостойно поступаешь со мной.“

„Ты меня убьешь, навѣрное; впрочемъ, къ этому ты, вѣроятно, и стремишься; я для тебя обуза, бремя; больше того;—упрекъ „совѣсти.““

„Но, не думай отдѣлаться путемъ моей смерти; именно тогда, „начнется для тебя настоящая казнь. Преступленіе не можетъ „остаться безнаказаннымъ, и если тебя не коснется людской „приговоръ, то постигнетъ справедливая кара Божья!“

„Наслаждайся же всѣмъ, что даетъ богатство, а бѣдная дѣ- „вушка, потерявшая черезъ тебя родныхъ, друзей, положеніе, „честь, пусть гаснетъ въ тюрьмѣ, куда ты ее закопалъ!“

„Марія.“

Да, тяжела вина человѣка, который не ищетъ, кромѣ наслажденій, ничего, а горемычныхъ, обездоленныхъ и опозоренныхъ имъ покидаетъ на жертву отчаянію!...

„Сегодня, 25 сентября.“

„Я нахожу, что мнѣ слѣдуетъ немного подумать о будущемъ; „я могу умереть, а такъ какъ видѣться съ нимъ мнѣ больше не „придется, то я должна оставить ему нѣсколько прощальныхъ „словъ и поговорить о нашемъ ребенкѣ, если Богъ допустить, „чтобы я произвела его на свѣтъ и тотчасъ же бросила.“

„Если, мой дорогой Робертъ, я покину эту юдоль плача, не „повидавшись съ тобою, не повторивъ еще разъ, что я люблю „тебя и буду любить, пока бьется мое сердце, — прочти эти „строки и убѣдись, что, и умирая, я не проклинала тебя. Ты „далъ мнѣ нѣсколько дней счастья,—развѣ это блаженное воспо- „минаніе не стоитъ моей жизни?...“

„Я жила только годъ; нѣтъ радостныхъ или мучительныхъ „впечатлѣній, которыхъ бы я не испытала за это время, но я „благословляю ихъ всѣ, безъ различія, потому, что ихъ винов- „никомъ былъ ты одинъ...“

„Прощай, милый; *я люблю тебя слишкомъ сильно*; за это Богъ „меня и наказываетъ, разлучая навѣки; но я надѣюсь оставить „тебѣ залогъ моей любви.“

„Позаботься о его счастьѣ и ты *вполнѣ расплатишься со мною*. „Я не стану учить тебя обязанностямъ..., какъ очень честный „человѣкъ, ты ихъ знаешь самъ и исполнишь до мелочей“.

„Прощай! Будь счастливъ и вспомни когда нибудь о твоей
Маріи.“

„Слушай, Робертъ! Я молю Бога, чтобы онъ взялъ къ себѣ обоихъ,— меня и ребенка; тогда ты вспоминалъ бы обо мнѣ, безъ ненависти.“

„Безъ ненависти!“ Когда человѣкъ заслужилъ, чтобы ему писали подобныя вещи, онъ уже выслушалъ свой приговоръ...

Марія Бьеръ разрѣшается отъ бремени 4 октября 1878 года; послѣ всевозможныхъ мученій, испытанныхъ ею въ періодъ беременности, родить одна, отказавшись пойти къ незнакомой акушеркѣ, куда ее посылали. Роды были тяжелые, — тридцать пять дней опасались за ея жизнь.

Отцу сказали, что Марія разрѣшилась отъ бремени въ помѣщеніи акушерки;—онъ не захотѣлъ видѣть ребенка! Тщетны были всѣ усилія заставить его взглянуть на дочь; когда къ нему явилась кормилица, онъ отвернулся...

Въ записной книжкѣ подсудимой, читаемъ слѣдующія строки, помѣченныя 9 ноября 1878 г.

„Я жива; у меня прелестная дѣвочка,—портретъ отца.“

„Дай только Богъ, чтобы у нея было по больше сердца и чтобы нѣжностью своею она заставила меня позабыть горе моего существованія...“

„Робертъ меня ненавидитъ и даже не беретъ на себя труда скрывать это; онъ смѣетъ говорить о разрывѣ и,—рука моя почти отказывается писать эти ужасныя строки,—

„Онъ думаетъ жениться...“

„Я христіанка, я нужна своему ребенку. Не будь этого, я бы тебя убила, Робертъ!“

Въ этихъ строкахъ,—начало безнадежности, помѣшательства, безумія...

Угнетаемая страданіями, какъ мать, эта женщина уже не принадлежитъ себѣ. Господа! Я не сомнѣваюсь, что вы отличные судьи; но если бы, на вашихъ мѣстахъ, сидѣли женщины, если бы имъ сказали: „вотъ человѣкъ, который отказался видѣть свое дитя,“ — не нашлось бы ни одной, которая не воскликнула бы: „Это человѣкъ, ненавистный; своимъ эгоизмомъ и скотскою грубостью, онъ самъ поставилъ себя внѣ закона!“

5 декабря 1878. Ребенку три мѣсяца и отецъ, уже не разъ, успѣлъ проявить къ нему свое отвращеніе, когда она пишетъ:

„Робертъ! Если бы зналъ ты, какія переживаю я муки, когда не приходишь ко мнѣ по два дня, ты заплакалъ бы отъ стыда и отчаянія, потому что ты не такъ золъ, какъ хочешь казаться...“

„Терзанія ада ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя я выношу; должно быть я очень сильна, коли все еще существую.“

„Вотъ ужъ пять часовъ, а тебя нѣтъ; значить, мы не увидимся „сегодня. Чѣмъ ты такъ занятъ?...“

„Робертъ! Не переполняй моей горькой чаши; я, вѣдь, могу „рѣшиться на все, даже на самоубійство, чтобы замучить тебя „угрызениями совѣсти, омрачить твою развеселую жизнь.“

„Но, скажи ради Бога, изъ какого гранита высѣчено твое „сердце?“

„Мнѣ стыдно при мысли, что я имѣю ребенка отъ тебя; у него „не будетъ ни одного чистаго движенія души и онъ станетъ про- „клинать свою мать!...“

„Слушай,—объяви прямо, что ты не намѣренъ измѣниться, и „я разомъ уволю тебя отъ насъ обѣихъ; лучше все покончить, „сейчасъ же; было бы недостойною трусостью измывать себя „тою жизнью, какую создалъ мнѣ ты.“

„Сжался, Робертъ! Помилосердствуй, открой мнѣ возмож- „ность не искать смерти; клянусь,—я чувствую, что умираю! У „твоихъ ногъ, плачу, изнываю, молю... Вернись ко мнѣ!“

„Я люблю тебя до опасности потерять разсудокъ или жизнь.“

„Марія.“

Такова женщина! Письма, вдохновляемая то гнѣвомъ, то лю- бовью,—въ нихъ она вся! Такъ, между бурнымъ негодованіемъ и кроткимъ утѣшеніемъ надежды, трепещетъ женское сердце!

Пусть равнодушный сдѣлаетъ одинъ шагъ; стоитъ невѣрному придти туда, гдѣ его любятъ, гдѣ спитъ его новорожденное дитя, и онъ быстро, вновь станетъ обожаемымъ Робертомъ!

Но г. Жантъену не угодно смягчить горечь жребія Маріи Бьеръ.

Рѣшительно сбитый съ толку слѣдователь, наконецъ, спра- шиваетъ его,—ужъ не сомнѣвается ли онъ въ своихъ отеческихъ правахъ? Тогда, этотъ человекъ, съ отвратительною, двусмыслен- ною ужимкою, говоритъ: „Право, я не знаю.“

Не трудно представить себѣ степень негодованія, омерзения и безумія, до которыхъ доходитъ несчастная женщина, слыша по- добный вызовъ. Прибавьте еще слѣдующую низость, произнесен- ную имъ на судъ: „Я узналъ о ней ужасныя вещи,—меня позна- комили съ одной журнальной статьей.“ Онъ прекрасно знаетъ, что, за этой статьей, послѣдовало опроверженіе и что ея авторъ взялъ свои слова назадъ; я уже не говорю, что въ день, когда подсудимая ему, впервые, отдалась, онъ имѣлъ доказательства ея цѣломудрія.

Наступилъ апрѣль 1879,—ребенокъ умираетъ; по показанію кормилицы, мать обезумѣла отъ горя, а когда увѣдомили о смерти

дочери Жантьена, онъ не двинулся съ мѣста; даже не пришелъ на похороны. Всѣ хлопоты легли на мать, она же распорядилась снять съ мертваго ребенка фотографію.

Лишь черезъ нѣсколько времени, послѣ этихъ грустныхъ событій, Жантьень рѣшился навѣстить ее. По словамъ Маріи Бьеръ, онъ былъ въ восторгѣ, что отдѣлался отъ маленькаго существа, ему внушавшаго только отвращеніе. „Это ужасно,“—плачется бѣдная Марія женѣ консьержа, — „онъ смотрѣлъ такимъ довольнымъ!“

Казалось, все кончено и, однако, не совсѣмъ.

Обвиняемую упрекали въ томъ, что она уступила новымъ желаніямъ г. Жантьена. Но, вѣдь, она была матерью и къ тому же любила этого человѣка. Любовь не подчиняется регламентации; это безуміе сердца, а она любила безразсудно, пылала неутолимымъ огнемъ... Скоро, впрочемъ, цинизмъ и грубость Жантьена не замедлили оттолкнуть ее.

Послушаемъ ея собственныя слова; она надѣялась имѣть втораго ребенка. Въ ея записной книжкѣ, мы читаемъ: „Май,... июнь,... онъ опять бываетъ,... пользуется мною; я его убью!“

Далѣе, идетъ сцена 30 іюня. Она хочетъ покончить съ собою; нѣтъ силъ терпѣть, нѣтъ мужества бороться. Является Жантьень; она проситъ у него хотя бы крохъ любви, но онъ не понимаетъ, что надо имѣть жалость даже къ той женщинѣ, которую больше не любятъ.... Никакого утѣшенія!

Бьеръ хватаетъ револьверъ и пробуетъ застрѣлиться. Онъ? Что дѣлаетъ онъ? Покидаетъ ее, въ безсознательномъ состояніи, на полу и уходитъ.

Никакихъ выводовъ не ищу.... Не постигаю.... Это выше моихъ силъ! Оцѣните поступокъ сами....

Вечеромъ, Марія Бьеръ получаетъ письмо такого содержанія:

„30 іюня 1879.“

„Мужайтесь, мой бѣдный другъ, а, главное, не съумасбродствуйте!“

„Я счастливъ, что, находясь близъ васъ, помѣшалъ утратить разсудокъ и сдѣлать *скандалъ*. Мужайтесь! Вотъ чего я не перестану повторять. Подумайте о своемъ здоровьѣ,—оно для меня всего дороже. Разрывъ, какъ онъ ни тяжелъ въ данную минуту, возвратитъ спокойствіе духа, въ которомъ вы такъ нуждаетесь. Я ушелъ, не желая видѣть вашихъ страданій, и, за отсутствіемъ горничной, послалъ къ вамъ жену дворника.“

„Итакъ, примиритесь со своимъ новымъ положеніемъ. Чѣмъ

„Я былъ для васъ, съ нѣкоторыхъ поръ? Вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Такимъ я и останусь, если вы мнѣ будете помогать нести, безъ всякихъ потрясеній, мои обязанности друга и мнѣ дадите возможность себя вести, какъ прилично благовопитанному человѣку. Вѣрьте, что я сохраняю о васъ самое пріятное воспоминаніе. До скорого свиданія.“

„Жантъень.“

Второе письмо, помѣченное 9 іюля, заключаетъ въ себѣ формальный разрывъ:

„Значить, я буду съ вами обращаться, какъ съ больною, и не приду до тѣхъ поръ, пока вы не успокоетесь совершенно и не сознаете твердо, что между нами *все кончено* и что во мнѣ вы имѣете только преданнаго друга.“

Марія Бьеръ доходитъ, между тѣмъ, до грознаго пароксизма отчаянія, когда, въ іюль, заноситъ въ записную книжку слѣдующія слова:

„Я могла его убить и не убила; стало быть, я все еще надѣюсь, вопреки собственной волѣ.“

Вотъ каковы душевныя тревоги несчастной? Она борется съ ними, настойчиво; принимаетъ самыя рѣшительныя мѣры, дабы успокоить себя и открыть средства загладить его вину. Въ сентябрѣ 1879 года, она пишетъ ему изъ Руана, „Невозможно, чтобы вы меня оставили совсѣмъ безъ вѣстей о себѣ.“

Жантъень не отвѣчаетъ; онъ хочетъ, безусловно, отрѣшиться отъ воспоминаній объ этой связи. Подавленная горемъ, Бьеръ достигаетъ, мало по малу, убѣжденія, что въ смерти ея дочери виновенъ Жантъень, — ребенокъ умеръ потому, что она его отдала въ чужія руки. Постепенно, она доходитъ до горячечнаго бреда и, наконецъ, пишетъ, на фотографіи своего любовника: „*Отдаю умершей дочери свою жизнь и жизнь ея отца.*“

Безумная мысль, согласенъ; но ее не трудно мотивировать одиночествомъ и беспомощностью страдальцы....

Затѣмъ, идетъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ въ книжечкѣ, начиная съ ноября по 6 января.

„9 ноября, 3 часа.“

„Я чувствую, что схожу съ ума.“

„Лучше сто разъ умереть, чѣмъ такъ жить; но, прежде, надо отомстить за насъ.“

„Онъ убилъ дочь и два года терзаетъ меня.“

„Помоги мнѣ, Боже! Сегодня, онъ умретъ.“

„6 часовъ.“

„Онъ еще живъ,—силы мнѣ измѣнили: я два раза взводила ку-рокъ, но безъ результата.“

„Вся кровь застыла въ моихъ жилахъ, и, противъ воли, меня охватилъ ужасъ....“

„Я все еще люблю его,—о позоръ!“

„Но я поклялась, что онъ погибнетъ, и онъ умереть за тебя, мое *обожжаемое дитя!*“

„13 декабря.“

„Я ему писала; онъ имѣлъ дерзость не отвѣтить. Онъ забылъ меня и смѣетъ этимъ хвастаться. Онъ даетъ мнѣ кусокъ хлѣба и думаетъ, что расквитался со мною!“

„Мнѣ не надо твоихъ денегъ, Робертъ,—нужна твоя жизнь.“

„Я не хочу жить ни милостыней, ни развратомъ!“

„Работать я также не могу, во первыхъ, потому, что мое здоровье разрушено, во вторыхъ, у меня не достаетъ смѣлости.“

„Я глубоко страдаю и жажду смерти, но пусть онъ умереть раньше меня.“

„P. S. Въ четвергъ, пойду на праздникъ.“

„Пятница, 19 декабря.“

„Я его видѣла, но не могла къ нему пробраться; толпа послужила ему щитомъ, и я вернулась домой, полумертвая отъ холода и бѣшенства. Но ты не уйдешь отъ меня, Робертъ, и своею жизнью уплатишь за всѣ мои страданія!“

„Рождество.“

„Мой ангелочекъ лежитъ въ землѣ, а я, его мать, еще въ живыхъ....“

„Мать! Сколько сладости въ этомъ имени и какъ грустно, что я уже не ношу его....“

„Но я скоро приду къ тебѣ, мое ненаглядное дитя, и мы больше не разстанемся.“

„4 часа.“

„Сегодня, 3 января, я попытаюсь его убить; мы оба умремъ и желаніе мое будетъ исполнено....“

„Прощай, матушка! Прости меня!“

„Ты вѣдаешь силу материнской любви и, значить, поймешь, что я хочу соединиться съ моею дѣвочкою!“

„Марія Бьеръ.“

—

„8 часовъ.“

„Онъ еще живъ! До завтра!“

—

„4 января.“

„Сегодня, оказалось невозможнымъ его увидеть.“

—

„5 января.“

„Цѣлый день, мною проведенный въ каретѣ, у его подъѣзда, не привелъ ни къ чему; я видѣла только, что высокая, худощавая женщина, закутанная въ мѣховое пальто, вошла къ нему въ 5 часовъ и уѣхала въ 9.“

„Вѣроятно, она живетъ въ Европейскомъ кварталѣ, такъ какъ сюда направился экипажъ....“

„Вотъ еще жена другаго, которую онъ себѣ принесъ въ жертву.... Сердце мое осталось покойнымъ. Я не ревнива (не изъ-за чего), потому что уже не люблю его. И если мнѣ нужна его жизнь, то лишь для того, чтобы отомстить за дочь....“

„До завтра! Надѣюсь и клянусь тебѣ, очаровательный ангель, что моя рука не дрогнетъ.“

„Марія Бьеръ.“

—

„Не удалось!....“

„(Семь часовъ въ холодной каретѣ!....)“

„Господинъ, который, на моихъ глазахъ, вчера вечеромъ, возвратился домой, въ 6 часовъ, — отправился на охоту, немедленно; въ его квартирѣ, осталась г-жа С. (артистка изъ Палероля).“

„Сегодня, г. Жантьенъ возвратился въ половинѣ седьмаго и обѣдалъ вдвоемъ съ мадемуазель С.“

„А! А! А!...“

„Въ половинѣ девятаго, она уѣхала въ театръ и по дорогѣ, благодаря неловкости кучера, вываливалась изъ экипажа.“

„Къ Роберту я стала вполнѣ равнодушна. Если бы не долгъ „мести за мою дорогую дѣвочку, я бы оставила его въ покоѣ. „Пусть себѣ возится со своими попрыгуньями, къ которымъ самъ „же чувствуетъ величайшее презрѣніе.“

Состояніе духа, въ которомъ находилась несчастная женщина, въ означенные дни, совершенно установлено: это бредъ.

Вотъ, наконецъ, 7 января.

Ею овладѣваетъ рѣшимость; не разумная свобода самоопредѣленія, нѣтъ; — упрямство, наблюдаемое у помѣшанныхъ. Отнынѣ, Марія уже раба страсти и отдана ей на произволь, — своей повѣлительницѣ.... Въ твердомъ намѣреніи умереть вмѣстѣ съ Жантьеномъ, она сводитъ счеты и платитъ всѣмъ, кому должна.

Вотъ г. Жантьень выходитъ изъ дому; она слѣдуетъ за нимъ, и стрѣляетъ.... Она покойна! Это гробовая тишина отчаянія. Ее арестуютъ.

„За что хотѣли вы убить этого человѣка?“

„Онъ негодяй!“ отвѣчала она..... „Онъ убилъ мою дочь.“

Дѣйствительно, этотъ человѣкъ не зналъ ни милосердія, ни чело-вѣколюбія. Онъ не хотѣлъ видѣть своего дитяти, ни разу, сколько ни умоляла его несчастная, предъ вами защищаемая мною; та, у которой материнская любовь дошла, вопреки всему, до границъ безумія.

Богъ спасъ жизнь Жантьену, но приговорилъ его къ страшному наказанію, — ко всенародному изслѣдованію настоящаго дѣла.

Марія Бьеръ жива, въ свою очередь, и, по словамъ обвинителя, цѣлью жизни ея будетъ дальнѣйшая месть. Если это правда, я предпочелъ бы ее видѣть мертвою. Не надо намъ вашего снисхожденія. Изъ нея хотятъ сдѣлать каторжницу на галерахъ, а я прошу ей эшафота. Если опасенія прокурора справедливы, осудите ее на смерть, такъ какъ изъ тюрьмы она выйдетъ же, когда нибудь.

Но я обязанъ напомнить, ея именемъ, то, что она сказала здѣсь, раньше меня. Разумѣя, какъ недостойнъ былъ ея гнѣвъ, она дала слово не прикасаться болѣе къ тому, кѣмъ пренебрегаеть. Повѣрьте ей, она, вѣдь, никогда не лгала!

Въ ея сердцѣ, нѣтъ любви, и г. Жантьену бояться нечего.....

Поставьте себѣ, гг. присяжные, другой вопросъ:

Нѣтъ ли границы всему, сущему? Можемъ ли мы преодолѣть всякое искушеніе? Спросите себя самихъ, — увѣрены ли вы, что будете въ силахъ противостоятъ любому сочетанію обстоятельствъ и, что, въ извѣстный моментъ, самообладаніе не покинетъ васъ?

И вы отвѣтите, что силы человѣка имѣютъ предѣлы; какъ представители закона,—скажете, что надъ человѣческой жизнью есть нѣчто, еще болѣе достойное уваженія,—наша честь!

Когда виднѣются причины, объясняющія дѣяніе, судъ присяжныхъ становится милосерднымъ. Если мужъ обманутый женою, сведетъ кровавые счеты съ обольстителемъ—родные послѣдняго, съ гнѣвомъ, потребуютъ наказанія. Но я спрашиваю,—скоро ли найдутъ они себѣ благопріятныхъ присяжныхъ?

Въ этомъ самомъ залѣ, я вижу филозофа, ¹⁾ который для женщины, нарушившей супружескую вѣрность, проситъ смертной казни... ²⁾ И, по моему, онъ правъ. Жизнь человѣка слѣдуетъ уважать, но еще къ большому почтенію взываетъ человѣческое достоинство.

Да вѣдомо будетъ всякому, кто ведетъ образъ жизни г. Жантьена, что, за свое безчестіе и гибель, женщина караетъ сурово, безъ страха взирая на своихъ будущихъ судей, а на мотивы ихъ приговора—съ уваженіемъ и довѣріемъ.

О! Какое грустное было бы зрѣлище, если бы эту горемычную, столько испытывавшую дѣвушку сослали на каторгу, а Жантьень принялся бы, вновь, за свои похождения свѣтскаго человѣка!

Не теряйтесь дитя мое! Жизнь, во истину, безпощадна, когда подобный человѣкъ можетъ отнять у васъ все: честь, будущность, душевный покой. Вамъ предстоитъ не мало страданій и свобода не возвратитъ вамъ счастья. Оправдательный приговоръ, который мы не замедлимъ услышать, конечно, не утѣшитъ васъ,—это невысказано,—но пусть онъ, по крайней мѣрѣ, принесетъ вамъ духовныя силы...

Трудъ, спокойная и правильная жизнь, незамѣтно, помогутъ вамъ подняться и востановятъ васъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ,—къ чему вы, съ такимъ замираніемъ сердца, стремитесь....

Господа присяжные! Отдаю эту несчастную въ ваши руки и ожидаю вердикта съ полнымъ довѣріемъ.

Послѣ этой краснорѣчивой рѣчи, глубоко растрогавшей судей и публику, предсѣдатель сказалъ установленное закономъ

¹⁾ Александръ Дюма—сынъ.

²⁾ Здѣсь, Лашо говоритъ о брошюрѣ Дюма „Человѣкъ-женщина“, въ свое время, надѣлавшей много шуму.

резюме, и присяжные удалились въ совѣщательную комнату.

Черезъ четверть часа, они вынесли *оправдательный* приговоръ по *всѣмъ* вопросамъ.

Предсѣдатель объявилъ Маріи Бьеръ, что она свободна.

Въ своемъ резюме, предсѣдатель, между прочимъ, сказалъ: „Гг. присяжные, не пугайтесь наказанія, — выборъ его зависитъ отъ васъ.“

Тогда, Лашо, энергически, потребовалъ возобновленія преній, такъ какъ предсѣдатель говоритъ о наказаніи, на что не имѣетъ права.

Раскрылись оживленныя пререканія между президентомъ и защитникомъ.

Присутствовавшая въ засѣданіи публика заявила горячій протестъ, по поводу резюме.

Энергія Лашо и усилія прессы, которая, въ виду такихъ злоупотребленій, взяла данную тему подъ свою защиту, скоро, по окончаніи этого процесса, выразились въ совершенной отмѣнѣ, во Франціи, заключительной рѣчи предсѣдателя.

